

Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых

Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых

Антология классической
малайской прозы

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Перевод с малайского,
составление и предисловие

В. И. БРАГИНСКОГО

Ответственный редактор

Д. В. ДЕОПИК

- С 42 Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых.
Антология классической малайской прозы. Пер. с
малайск., составл. и предисл. В. И. Брагинского.
Худ. В. В. Локшин. М., Главная редакция восточной
литературы изд-ва «Наука», 1982.

391 с.

Книга включает завершенные фрагменты из 24 важнейших произведений малайской классической прозы, представляющих все ее основные жанры: малайские переработки индийских «Махабхараты» и «Рамаяны», любовно-авантюрные и волшебные повести, а также исторические, дидактические, житийные и религиозно-философские сочинения. Большинство представленных в антологии произведений переведено на русский язык впервые.

С 70304-025
015(02)-82 195-81. 4703000000

8И(Мал)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тростниковое перо — славнейшее из творений Всевышнего, ибо лишь благодаря ему обретается полнота знаний... Все, что вершится в мире, покоится на двух основаниях, из коих первое — меч, а второе — перо. Но в трудах правления заслуги пера выше заслуг меча, ибо все дела меча под силу перу, но мечу дела пера не под силу.

«Корона царей»

Письмо, письменность, литература — «дела тростникового пера» составляли, как и у других народов мусульманского мира, самую сердцевину культуры малайцев, населявших Малаккский полуостров, Суматру, некоторые районы Калимантана и других островов Малайского архипелага. В отличие от своих соседей яванцев, которые, восприняв индуизм и буддизм, создали замечательные памятники архитектуры, скульптуры, рельефа, малайцы, также приобщившиеся в свое время к великим вероучениям Индии, могли похвастать лишь весьма скромными достижениями в области ваяния и зодчества. Ценнейшую часть их наследия составляла литература, созданная после принятия ислама. Если в яванской культуре, достигшей зенита славы, все мироздание и даже словесность изображались как прекрасный храм, то в культуре малайской в период ее высшего расцвета вселенная понималась как книга, литературное произведение. Творец, создавая мир, писал его Вышним Пером на Хранимой Скрижали. Изначальные идеи всего сущего, скрытые в божественном знании, символизировались буквами, и малайские авторы любили цитировать стихи великого арабского мыслителя и поэта Ибн аль-Араби:

Мы были неподвижными Возвышенными Буквами,
Пребывавшими в своей обители на Высочайших Вершинах.

Как своего рода книга понимался и человек, на теле и в душе которого таинственными знаками была записана вся премудрость мироздания. Литература также выступала не только делом рук писца, но и своего рода писцом, запечатлевавшим слова на «листе» памяти и формировавшим тем самым человеческую личность.

Значение средневековой малайской литературы не ограничивалось тем, что она составляла основу малайской культуры. Подобно малайскому языку, издревле служившему не только языком определенного этноса, но и средством торгового, культурного и религиозного общения пестрого в лингвистическом отношении населения архипелага, создаваемая на этом языке словесность играла роль еще и литературы-посредницы, благодаря которой могли «общаться» между собой различные литературы островного мира. Знакомя их со своим и освоенным чужеземным опытом (индийским, арабо-персидским), малайская словесность связывала эти литературы с литературными общностями внешнего мира.

Возникновению малайской мусульманской литературы, с которой читатель познакомится в этой книге, предшествовала длительная культурная эволюция. В первые века нашей эры малайцы, восприняв влияние индийской традиции, создали первые государства, познакомились с индуизмом и буддизмом, выработали систему письма, восходящую к южноиндийской графике.

В VII в. крупнейшим государством архинелага становится империя Шривиджая, столица которой располагалась на юге Суматры близ современного Палембанга. Шривиджая являлась важным центром буддийской культуры и учености. Памятники шривиджайской (древнемалайской) литературы не сохранились, однако, судя по данным эпиграфики и сообщениям китайских, арабских, цейлонских авторов, она включала значительное число сочинений на санскрите — тексты буддийского канона, буддийские трактаты и литературные памятники (знаменитая поэма о жизни Будды — «Будхачарита», уточненное собрание джатак «Джатакамала» и др.), гимны богам и панегирики обожествленным правителям, созданные местными авторами, а также, возможно, хроники и юридические сочинения на древнемалайском языке. К концу древнемалайского периода, в XIII—XIV вв., также на местном языке, по-видимому, появились первые героико-эпические и волшебнo-авантюрные произведения. К концу индуистско-буддийского периода в результате взаимодействия этих двух сфер древнемалайской традиции сложилась «сниженная» и смешанная культура, ориентированная на малайский язык, которая и послужила основой для возникновения позднейшей малайской литературы, когда ислам, пришедший из Индии и стран Ближнего Востока, в XIII—XVI вв. утвердился в малайском мире.

Предельно обобщая, можно выделить два этапа в освоении малайцами новой религии. Первый — время довольно поверхностного восприятия основ ислама (Корапа, хадисов — изречений пророка Мухаммада и прецедентов из его жизни) и главным образом установленный мусульманского закона — шариата. Ему соответствовал раннемусульманский период в истории малайской литературы (XIV — начало XVI в.), развивавшейся в султанате Пасей на Суматре и в султанате Малакка. В это время малайская литература включила в свой состав ряд переводов (обычно с персидского языка) мусульманских сочинений, способствовавших успеху общедоступной проповеди. Тогда же в ней появились жанры повести (*хикаят*) и исторической хроники (*седжарах*).

На втором этапе проповедническая деятельность продолжалась, но на передний план выдвинулись задачи «обращения не тела, но духа» — постижения тонкостей исламской теологии и философско-мистического учения суфизма. Этому этапу соответствовал период малайской классической литературы (вторая половина XVI — начало XIX в.), процветавшей в султанатах Аче на Северной Суматре, Джохор на Малаккском полуострове, близлежащих островах и восточном побережье Суматры, а также во многих других культурных центрах малайского мира. Классический период отличался тем, что в это время в малайской словесности к прежним жанрам прибавились новые, более близкие традиционным мусульманским: поэма (*таур*), ученый трактат (*килаб*), царское зеркало, и — что, пожалуй, еще важнее —

под воздействием мусульманских представлений о творческом процессе и задачах литературы у малайцев выработалось литературное самосознание.

Малайская литература существовала и развивалась в прибрежных городах, довольно плавным переходом связанных с сельской округой — областью преимущественного бытования фольклора, и это, естественно, накладывало на нее свой отпечаток. В то же время малайский город при всех его особенностях по типу был весьма близок к идеальной модели мусульманского города, ближневосточного или индийского, — с резиденцией правителя, к которой примыкали административные учреждения и казармы личных войск государя; центральным комплексом, включавшим мечети, религиозные школы и базары, и отдельными кварталами, населенными торговцами и ремесленниками — представителями различных этнических групп.

В соответствии с потребностями, вкусами и культурной ориентацией обитателей трех «кругов» города и возникали сильно различающиеся по характеру произведения, составившие в совокупности малайскую литературу. При дворе в первую очередь создавались хроники, а также героико-эпические и волшебнo-авантюрные произведения, призванные воспитывать у молодых аристократов мужество и «куртуазность» поведения. В среде религиозных наставников — улемов, местных и приезжих, писались житийные сочинения и трактаты по всем отраслям мусульманского знания. Вместе с тем нередко улемы были авторами сочинений в «аристократических жанрах» — романтическом и историческом.

Меньше всего известно о литературе «третьего сословия» многонациональных малайских городов. Однако при всей неясности того, какие письменные произведения им создавались (и создавались ли?), вполне очевидно, что литература наряду с фольклором (распространенном в средневековые очень широко, в частности, при дворе) «жила» и в торгово-ремесленных кварталах.

Малайские сочинения повествуют не только о царевичах и царевнах, читающих повести в одиночестве или в окружении придворных, но и о маджлисах — своего рода литературных собраниях горожан, где книга переходила от одного исполнителя к другому, или о профессиональных чтецах, находивших приверженцев своего искусства на базарах и частенько приглашавшихся в частные дома. О том, в сколь непринужденной обстановке проходило чтение, свидетельствуют приписки в конце книг с просьбой не жевать во время исполнения бетель, чтобы не запачкать редкую рукопись. Вместе с тем декламация как в малайских, так и в арабских, индийских, яванских кварталах своих фольклорных произведений и постановка театральных пьес обогащали малайскую литературу новыми сюжетами и мотивами. При достаточно высокой социальной мобильности, господствовавшей в малайских городах, и важной посреднической роли, которую играли в социальном общении религиозные наставники, эти сюжеты и мотивы достигали «письменных центров» — дворца, школы и там записывались, обрабатывались, шлифовались.

Независимо от среды, к которой обращалась малайская литература, ее основная задача была учительной. Мир представлялся человеку средневековья — и средневековый малаец не составлял в этом исключения — огром-

ной школой. Вся окружающая реальность была полна знамений, постижение которых направляло поведение человека и формировало его. «Вторая реальность», словесная, тем более была средством такого формирования. Ключ к пониманию этой «второй реальности» и ее воздействия на личность дает изучение взгляда малайцев на свою литературу — самосознания малайской классической литературы.

Хотя среди памятников малайской письменности не найти специальных текстов, посвященных теоретико-литературным вопросам, многочисленные высказывания, встречающиеся в богословских, дидактических и беллетристических сочинениях и особенно в предисловиях к ним, позволяют представить себе это малайское литературное самосознание.

Согласно восприятию малайцами мусульманскому учению, мироздание представляло собой непрерывно воспроизводимую творческой энергией (милостью) Аллаха стройную и целостную иерархическую систему ступеней бытия: сначала высших — духовных, а затем низших — телесных. Человек считался точной уменьшенной копией космоса — микрокосмом, содержащим всю полную ступень бытия, и тем самым процессы, протекавшие в космосе и психологии, оказывались, по существу, тождественными. Подобно мирозданию, человек рассматривался как иерархически упорядоченное единство, в котором низшие уровни управляются и воспитываются высшими: душа (точнее, животная душа или душа жизни), ведающая чувственным восприятием, воображением и движением, — управляется разумом (практическим разумом); разум, «движущий тело к целенаправленным человеческим искусствам», — управляется «духовным сердцем», органом, способным созерцать горний мир. Эти представления о космосе и человеке лежат в основе малайского литературного самосознания.

Малайская, как и вообще мусульманская средневековая, культура не знала отдельной теории литературного творчества. Она выступала лишь как одна из сторон единого учения о творении, охватывающего все виды деятельности. Согласно этому учению, подлинная способность творить присуща лишь Аллаху, чье всеобъемлющее знание содержит идеи всех вещей и чья творческая энергия материализует их в доступном чувствам «мире свидетельства». Человек в той или иной степени наделен пророческим даром и способен «духовным сердцем» воспринимать подобный свету поток идей, исходящих из духовного мира, претворять его в душе в череду доступных внутреннему зрению образов и, правильно запечатлевая эти образы в материале, создавать вещь, в частности литературное произведение.

Посредником в творческом акте, связующим непостижимого Творца и человека, выступал пророк Мухаммад в своей ипостаси предвечного Логоса (Сущности или Пророческого Света Мухаммада), в котором впервые была явлена вовне вся полнота божественного знания и который, подобно стволу, несущему на себе ветви, служил опорой для всего, что было сотворено затем.

Описания творческого акта встречаются не только в предисловиях к различным сочинениям, но даже в волшебнo-авантюрных повестях, например в «Повести об Индрапутре», где рассказывается о том, как царица Татела Маду Ратпа влюбилась в Индрапутру, красоту которого описал ей золотой павлин, пригласила художника и попросила его нарисовать

портрет возлюбленного. «Почтительно склонившись, отвечал мастер: „О госпожа, как же я нарисую Индрапутру, если ни разу в жизни его не видел?“ Тогда к художнику приблизился золотой павлин и коснулся крылом его груди, так что подобно молнии в ней вспыхнул образ Индрапутры. И художник сумел разглядеть его и запечатлеть, ничего не упустив». Итак, на душу (грудь здесь синоним души) художника, никогда не видевшего Индрапутру, было оказано некое таинственное воздействие, благодаря которому он внутренним взором увидел отчетливый образ и, будучи искусным мастером, сумел воплотить его в материале. Природа этого воздействия объясняется не столько сказочными мотивами, сколько тем, что в суфийской традиции павлин символизировал Божественный Дух, а касание или осеменение крылом — передачу откровения. Итак, перед нами вновь описанный выше процесс: восприятие вдохновения — трансформация его в образ — фиксация образа в материале.

Если в процессе восприятия вдохновения литератору отводилась относительно пассивная роль, то при воплощении образа в слове он выступал как творец, решавший двуединую задачу. Во-первых, не дать потоку прекрасных, мерцающих образов захлестнуть душу, удержать в берегах их упорядоченное течение, правильно, т. е. в соответствии с литературными канонами, увиденное внутренним зрением. Во-вторых, столь же канонически правильно выразить или, как говорили сами малайские литераторы, «согласовать» систему идеальных образов и систему воплощающих их слов. Решить эту задачу позволяли «просветленное состояние» души и неустанный контроль за творческим процессом совершенного практического разума, присущего «знающим и вежественным». Лишь при такого рода двойной правильности божественное вдохновение могло, как бы «пролившись» сквозь творца, воплотиться в произведении, достичь читателя и, если он также принадлежал к числу «знающих и вежественных», т. е. умел правильно воспринимать, оказать действительное влияние на его душу, разум или «духовное сердце».

Словесное запечатление образа могло быть прямым или косвенным, фигуральным. Косвенное выражение, не просто восхищавшее душу, но требовавшее для восприятия определенной интеллектуальной активности, рассматривалось как наиболее совершенное.

Одним из важнейших достоинств литературного сочинения считалась его красота, проявлявшаяся как в образной и словесной системах по отдельности, так и в их согласованном единстве. Источником прекрасного в литературе малайцев, как и всех других народов мусульманского мира, называли творческую потенцию Аллаха, благодаря которой Его Абсолютная Красота воплощалась в красоте вещей, в частности литературных произведений. Ясно выражена эта концепция в одной из суфийских поэм:

Слава Аллаха поражает Его рабов,
В каждое мгновение Он творит,
В каждой форме Его красота,
В каждом звуке Его голос.

Само по себе прекрасное рассматривалось прежде всего как нечто необычное, выступающее во всей полноте многообразных проявлений и при этом должным образом упорядоченное и гармонизированное. Будучи чем-то

исобычным, прекрасное приковывало к себе внимание и вызывало в душе воспринимающего интенсивное влечение, некий род любви, предпосылкой которой — по закону воздействия подобного на подобное — являлось его гармоническое соответствие природе души. Считалось, что особенно чутко душа отзывается на упорядоченные звуки музыки или человеческой речи. Это объясняет многое в сказовой манере малайских повестей, расчлененных на более или менее равномерные ритмические отрезки, отчасти напоминающие стихи.

Любовь к прекрасному вызывала в душе чувство изумления, которое при большой интенсивности, полном поглощении души проявлениями прекрасного и слабом контроле над ней разума нарушало правильную «структуру» психики, вело к шоковому состоянию — беспамятству, забытью. Воспринимающий как бы растворялся в прекрасном, утрачивая свою личность. Это свойство прекрасного делало его крайне опасным. В то же время считалось, что разумно созданное, разумно дозированное и разумно воспринятое прекрасное способно стать «утешителем души», стремящейся к нему, рассеять ее подавленность, смятение чувств и аналогичные состояния психики (традиция рассматривала их как «болезни души»). Учение о психотерапевтическом воздействии прекрасного литературного произведения основывалось на представлении о том, что оно способно вызывать в душе аффект, противоположный тому, что причиняют страдания, и так восстанавливать нарушенное равновесие души. Если же душу угнетала перазделенная любовь, то чтение прекрасного произведения могло ее сублимировать, вызвать к себе более сильную страсть.

Еще более важным, чем красота, достоинством «правильного» литературного произведения считалась присущая ему «польза», а точнее, ряд «польз». Так, автор «Повести о Шахе Мардане» предупреждал читателей, что те, кто станут ее слушать или читать, «получат пользу и обретут наставления, почерпнутые из хадисов и Корана, ибо в ней сокрыты четыре достоинства. Если обратиться к ней на пути веры, то она наделит достоинством, имя которому „духовное совершенство“; если к ней прибегнут для постижения обычаев государей, то она наделит достоинством, имя которому „совершенство правления“; если ее прочтут, чтобы постичь закон главы нашего пророка Мухаммада, то она дарует достоинство, имя которому „знание шариа“; если же — чтобы изведать утех, коим предаются молодые, то — достоинство, имя которому „совершенство мужей“».

Под пользой в малайской традиции понимался учительный смысл произведений, светский или религиозный, скрытый в их глубинной структуре и потому в отличие от красоты постигаемый не чувствами, а разумом, способным пролиять в «мир невидимого».

Таковы были средневековые малайские представления о литературе, делавшие ее единой, целостной и иерархически упорядоченной системой. Единство системы зиждилось на том, что при всей разнородности впитанных ею элементов (архаических исконно малайских, индуистско-буддийских, исламских), при всей непохожести литературной практики на арабскую или персидскую самосознание малайской словесности в классический период было мусульманским. Это цементировало ее и заставляло литераторов переосмысливать старые произведения и создавать новые в духе мусуль-

манской культуры или по крайней мере не противореча этому духу. И не столь уж существенно, вело ли такое переосмысление старого произведения к его более или менее радикальной перестройке или всего лишь к добавлению «мусульманизирующего» предисловия. Важнее, что благодаря такому предисловию оно могло вписаться в «картину мира» мусульманской культуры и обрести в ней свое место и предназначение.

Присущая культуре ислама концепция Мухаммада-Логоса — конечного источника и «опоры» любой из сотворенных вещей (из их числа отнюдь не исключались литературные произведения), придающего стройность и осмысленную целостность мирозданию, естественно, обуславливала и целостность литературной системы. Упорядоченность же ее основывалась на том, что каждая группа произведений соотносилась со строго определенной ступенью в иерархии мироздания, «истекающего» из этого источника. Обращаясь к Аллаху, раскрывавшему себя в Мухаммаде-Логосе, творцы малайской литературы достигали той или иной ступени духовного мира, и благодаря этому, как считалось, их произведения могли воздействовать на соответствующий этой ступени уровень человеческой духовности.

Самое «низкое» восхождение вело к созданию произведения, наделенного красотой и потому способного гармонизировать душу. Более «высокое» — порождало тексты, которые «ползлами» укрепляли разум. Наконец предельно возвышенное выливалось в сочинения, которые делали богопознание человека совершенным и подготавливали к озарению «духовное сердце».

В соответствии с психологическим уровнем, на который была призвана воздействовать та или иная группа произведений, выстраивалась и система ценностей малайской литературы: совершенство уравновешенной души — совершенство отточенного разума — совершенство просветленного «духовного сердца». С восхождением на более высокий уровень ценности предыдущего, как правило, отрицались — литература увлекала читателей вперед и, точно ангел Лоту и его жене, не позволяла им оглядываться. Прекрасный мир волшебных-авантюрных повестей, хотя и сулил утешение душе, рассматривался как бесполезный, если не вредный, для «обладателей разума», который и без того «если ты болен — излечит тебя, если упал — поднимет, если в ничтожество впал — возвеличит, если достоинства лишился — обогатит» («Корона царей»). Для тех же, кто отвергал мирские блага, доставляемые разумом, и стремился божественной любовью очистить «духовное сердце», разум становился враждебным началом, ибо «разум стремится к стяжанию богатств, любовь — к расточению их... разум стремится к сану владыки и везира, любовь — к уделу нищего, разум стремится к телесной крепости, любовь — к немощи, разум стремится к славе, любовь — к унижению» (Хамза Фансури, «Напшток влюбленных»).

Итак, объединяя все уровни психологии человека, система малайской литературы сама оказывалась «человекоподобной». Более всего она напоминала своего рода форму, в которой человек отливался как духовное существо, но не заданное раз и навсегда, а находящееся в неустанном движении, непрерывно совершенствующееся, разумеется, в средневековом смысле этого слова. Выделение же трех групп сочинений, соответствующих трем психологическим уровням, позволяет ориентироваться в массе обычно аноним-

ных и недатированных произведений малайской литературы и при этом не слишком отклоняться от взгляда на нее ее творцов и читателей.

Гармонизировать душу человека и тем самым создавать условия для воспитания у него куртуазных манер был призван широкий круг произведений беллетристического характера, отчасти заимствованных, отчасти в большей или меньшей степени оригинальных, представивший читателю как некий письменно-устно (при исполнении чтецом) — театральный континуум. Вполне понятно, что именно к этому кругу — периферии исламизированной культуры малайцев — было отнесено наследие домусульманских времен: гипотетические памятники своего индуистско-буддийского прошлого (типа «Повести о Маракарме» или «Повести о Лаптанге Буаце»), сочинения, восходящие к санскритскому эпосу и пуранам, пропущенные в малайскую литературу через яванские, обычно театральные, переработки («Повесть о Сери Раме», «Повесть о победоносных Пандавах», «Повесть о Санг Боме»); многочисленные собственно яванские — по происхождению повести о покорителе женских сердец и неустранимом воителе Панджи; произведения, несущие отпечаток южноиндийского, главным образом тамильского, влияния.

Следующим существенным компонентом малайской беллетристики были мусульманские (чаще всего персидские и индо-персидские) сочинения. Одни из них — подобно «Повести об Искандаре Двурогом» или «Повести об Амуре Хамзе» — преподносили неопитам истины повой веры в столь увлекательной форме, что содержали не меньше «прекрасных» фантастических мотивов, чем повести, призванные «утешать печали». Другие знакомили их опять-таки с южноиндийской традицией, но уже мусульманской, восходящей к деккапским романическим дастанам.

Накопед, по-видимому, в XVI—XVII вв. в малайской беллетристике окончательно сформировалась достаточно самобытная разновидность классических волшебнo-авантюрных повестей, образцы которой, многим обязанные индийской, яванской и ближневосточной повествовательным традициям, никоим образом не сводились к какой-либо одной из них и отличались синтетическим характером. Своими корнями повести этого рода уходили в местный фольклор, где и сложился их «прообраз», послуживший основой для восприятия внешних влияний.

Несмотря на необычайное богатство и разнообразие волшебных мотивов в таких повестях, часто приближающихся к своеобразным сказочным энциклопедиям, композиционный строй их довольно прост и, что еще важнее, устойчив, единообразен. Из повести в повесть повторяется рассказ о могущественной и процветающей стране, в которой рождается царственный герой повествования, о какой-либо беде, заставляющей юного царевича покинуть родные края, о его долгих странствиях «по градам и весям», о битвах с чудовищами и соперниками, о добывании волшебных талисманов, о жемчужинах и в конце концов о возвращении героя в свою страну — как бы возвращении его к начальной точке, но уже в более высоком качестве.

За завесой этой причудливой и, казалось бы, чисто беллетристической схемы можно различить, однако, очертания многозначного древнего мифа, герой и героиня которого, пройдя испытания инициационного характера, в конце концов соединялись. В космическом плане этот миф некогда пред-

ставлял собой повествование о рождающем единстве и упорядоченности вселенной браке мужского и женского начал, которые ассоциировались с солнцем и водой. В социальном аспекте он выступил как священный рассказ о первой человеческой паре, воссоединение которой приводило к основанию первого поселения. В аспекте же «природном» этот миф истолковывался как история вечного круговорота умираний и возрождений растительности, смены сухого и дождливого сезонов. После приобщения малайцев к индуизму и буддизму под влиянием присущего этим религиям учения о непрерывной цепи рождений местная мифологическая схема была переосмыслена в рассказ о происхождении в мир божественного или полубожественного героя, его воплощении в этом мире, жизни и подвигах в нем.

На Яве исходный миф породил повести о Панджи, в малайском мире — древнейшие сказания, наследниками которых являются устные волшебнo-авантюрные *черита* деревенских рапсодов с их ведущей «семейно-брачной» темой, героем, от рождения наделенным магической силой, арханческим образом старухи Непек Кебаян — посредницы между земным и небесным царствами, не менее старым мотивом постройки волшебного корабля и плаванья на нем, географической и этнографической конкретикой.

Возможно, еще в домусульманский период в малайских государствах существовал институт придворных сказителей — собратьев деревенских рассказчиков, со слов которых начали записываться или в духе которых создаваться первые, уже не фольклорные, но литературные образцы волшебнo-авантюрных повестей. В мусульманское время важную роль в их композиции играли принципы симметрии и числового символизма. Варьирование и включение в повести новых заимствованных мотивов наряду с их перестановками, контаминациями и повторениями обуславливали безграничные возможности развития малайской беллетристики.

При всей открытости синтетических волшебнo-авантюрных повестей для внешних влияний они сохраняли многие чисто малайские черты. Важнейшей особенностью повестей был их «наивный реализм». Малайские литераторы подробно описывали характерные жесты героев, повадки животных, каждое движение сражающихся между собой противников, переливы лунного луча на гранях драгоценного камня. Столь пристальное внимание к незначительным на первый взгляд деталям являлось наследием устных народных сказаний, где эта особенность была выражена еще отчетливей. Не только развивая сюжет, но и следя «боковым зрением» за мелочами жизни, авторы повестей как бы стремились показать действительность во всей ее полноте и многокрасочности, пробудить у читателя и слушателя «вкус к жизни». Другим проявлением исконно малайской фольклорной стихии в повестях было включение в них импровизированных четверостиший — *пантунов*, в обмен которыми обычно выливалась беседа влюбленных.

Наконец — и это также весьма характерно — в поле зрения литераторов постоянно находился малайский прибрежный город. Город этот, обнесенный стенами с башнями, неизменно стоял в устье реки при ее впадении в море, приветствуя вернувшегося царевича пальбой из пушек и высылая навстречу его кораблю, входящему в устье, лодку — именно так, как это описывалось в хрониках и происходило в действительности. Авторы повестей самым ходом рассказа давали увидеть запруженные толпой базары, широкие ули-

цы, ведущие к площади перед дворцом, разбросанные тут и там отдельные кварталы — кампунги, живущие достаточно уединенной жизнью, чтобы Индрапутра, например, мог незамеченным построить на реке подле одного из них свой волшебный корабль, и достаточно удаленные от центра города, чтобы царевна, находящаяся во дворце, не могла понять, откуда доносятся звуки оркестра Индрапутры.

Печать подлинного знания малайской жизни лежала и на описаниях многочисленных церемоний, занимающих значительное место в повестях. Это и изображение сватовства, когда герой, подобно современному малайскому крестьянину, посылал невесте кольцо и в знак согласия получал от нее сосуд с листьями бетеля, и рассказы о торжественных свадебных шествиях и обрядах, связанных с рождением царевича, его коронацией и т. д. Любопытно, что многие детали повествования, кажущиеся чисто фантастическими, также оказываются порой вполне достоверными. Так, например, чудесный свадебный паланкин Индрапутры, изготовленный «наподобие дикого зверя», находит себе явную аналогию в огромных, украшенных позолотой, резьбой и самоцветами носилках, изображавших мифическую птицу Гаруду, которые еще в 30-е годы нынешнего столетия можно было увидеть в султанате Келаптан, а сад, до мелочей напоминающий те, что описаны во многих повестях, реально существовал в XVII в. в султанате Аче.

Будучи ориентированы прежде всего на красоту слова и образ «куртуазного» героя, волшебство-авантюрные повести вместе с тем с поразительной легкостью вбирали всевозможный дидактический материал. Не исключено также, что некоторые из них являлись суфийскими аллегориями или содержали элементы таких аллегорий. Таким образом, они могли воздействовать на разум, а порой и на «духовное сердце». Однако специально на уровень разума были рассчитаны литература зеркал и исторические хроники.

В мусульманской традиции считалось, что человек наделен разумом от рождения, однако первоначально разум подобен бесформенной массе воска. Знание, оставляющее на «воске» свой отпечаток, может «лепить» человека как обладающее утонченной культурой чувств, мыслей и поведения (адаб) общественное существо или как личность, устремленную к систематическому научному постижению ('илм) различных сторон мироздания, и в первую очередь изучению богословских дисциплин. Первую из этих задач и решала дидактическая литература зеркал.

В малайской, как и вообще в мусульманской традиции, она включала собственно зеркала — своеобразные «учебники» этики, житейской и государственной мудрости («Корона царей», «Сад царей», краткие наставления для государей), назидательные обрамленные повести («Калила и Димна», «Повесть о Бахтиаре», «Повесть о мудром попугае»), а также большие и малые антологии учительного содержания («Повесть из разнообразных цветов», «Врата разума для вельмож» и т. п.). Признанная правильно ориентировать поведение малайца-мусульманина, эта литература и восходила по преимуществу к арабским, персидским и индо-персидским источникам, выступавшим, однако, не столько как образцы национально-своеобразных литератур, сколько как общий фонд мусульманской мудрости.

Уже в волшебство-авантюрных повестях отдельные эпизоды жизненных страданий героя тяготели к отдельным замкнутым рассказам. В литерату-

те зеркал' сравнительно краткие самодовлеющие рассказы представляли собой некую основную единицу, по предназначенную не для того, чтобы изобразить очередное захватывающее приключение героя, а чтобы, «разыграв в лицах» или воплотив в пластических образах определенную идею, «лепнуть» с ее помощью разум. При этом, если красота в волшеббно-авантюрных повестях благодаря «косвенному выражению» могла воздействовать на душу через разум, то в литературе зеркал она превращала идею не только в «полезную для разума», но и в приятную для души и помогла пронизать ею все существо человека.

Мусульманская дидактика не явилась для малайской словесности чем-то совершенно новым. Подобно тому как восприятие ею индо-яванской и мусульманской эпики было в значительной мере обусловлено «встречным течением» — местными романическими сказаниями, почву для усвоения учительных исламских сочинений подготовили фольклорные сказки о хитроумном карликовом оленке-капчиле (малайск. пеландук) и о различного рода глупцах и умниках, наподобие Папаша Стручка, Папаша Остолопа или Папаша Кузнечика. Порой прямо, порой «от противоположного», с помощью смехового «выворачивания» принятых норм поведения, эти сказки утверждали высокое достоинство разума, преодолевающего любые преграды, и неизменную правильность якобы отвергаемых норм. Не случайно поэтому сказки о капчиле наряду с историями из «Повести о мудром попугае» вошли, например, во «Врата разума для вельмож».

Характерно также, что значительную часть литературы зеркал составляли мусульманские произведения, восходящие к индийским источникам («Повесть о мудром попугае» — переработка санскритской «Шукасаптари», «Калила и Димна» — «Панчатантры»), которые, судя по некоторым следам в малайской литературе и фольклоре, могли быть хотя бы частично известны малайцам еще в индуистско-буддийский период их истории.

В отличие от литературы зеркал историческая проза была едва ли не самой оригинальной частью малайской словесности. Малайские исторические сочинения, которые лишь с надлежащими оговорками можно назвать хрониками (они, например, почти никогда не содержат дат), выполняли двойственную функцию. Во-первых, они удостоверяли высокое происхождение и законность той или иной малайской династии. Во-вторых, повествование о судьбах правящего дома и страны велось в них так, чтобы вскрыть тайный смысл и природу незримых сил, действующих под видимой поверхностью явлений, и тем самым обрело дидактическую направленность, на примерах или, точнее, уроках истории воспитывая государей и их подданных. Такое предназначение хроник придавало им не только и не столько историографический, сколько историософский характер.

Обычно композиция хроник была двучастной. В первой части так или иначе излагался миф о сверхъестественном происхождении династии, который в своей наиболее архаичной форме, запечатленной в «Кутейских родословиях», соответствовал тому мифу, что послужил прообразом волшебно-авантюрных повестей. Со временем на этот миф наслаивались сюжеты, восходящие к индийской и яванской эпике, мусульманским легендам. Однако, поскольку хронист воспринимал их как тождественные «мифу о происхождении» по смыслу и структуре, они, как правило, накладывались на него

не беспорядочно, но как бы повторяя его контур. Независимо от того, вел ли царский род начало от брака «солнечного» царевича и «пennпорожденной» царицы, бога Вишну или Искандара Двурогого (Александра Македонского), считавшегося провозвестником ислама, необычное происхождение позволяло наделить его членов беспредельным магическим могуществом. Оно было необходимо правителю, чтобы исполнять ту роль средоточия и хранителя космического и социального порядка, которую приписывала ему малайская традиция и которая при всех модификациях идеи власти, вызванных сменами религий, оставалась ее неизменным стержнем. Вторая часть хроник повествовала уже не о мифических, а об исторических временах. Она складывалась из генеалогических элементов — восходящего к «мифу о происхождении» перечня правителей, — которые организовывали текст в единый, сквозной рассказ, и элементов повествовательных — сообщений о наиболее важных событиях, в которых воплотились судьбы государства.

Такого рода композиция исторических сочинений была, несомненно, местным явлением. Ее прообразы нетрудно обнаружить в фольклоре родственных малайцам народов Индонезии, не испытывавших индийского и мусульманского влияний: мифах, исторических легендах, генеалогических преданиях. Возникшие на той же основе яванские исторические сочинения индуистско-буддийского периода, например «Книга царей» («Параратон»), близкая по типу малайским классическим хроникам, позволяют предполагать, что и их древнемалайские предшественники — «анналы Шривиджайи», «Суварнапураваиса» — обладали сходной композицией.

Приняв ислам, малайцы, хотя и познакомились с образцами мусульманской историографии, не восприняли типичной для них аналитической формы, но сохранили свою традицию, обработав в духе древнего и уже успевшего стать в странах ислама несколько провинциальным жанра родословий. Основу его здесь, как и в малайском мире, составляло сочетание генеалогических элементов и слабо связанных друг с другом логически рассказов об отдельных событиях (*хабаров*), в которых живость и красочность повествования преобладали над фактологической точностью.

Для того чтобы придать своим хроникам черты сходства с мусульманскими родословиями, малайские авторы с помощью легенды об Искандаре несколько изменили «миф о происхождении», ввели в начало рассказа о том или ином правлении характеристику моральных качеств государя, а в конец — его предсмертные наставления наследнику о бренности земного величия и, наконец, чуть изменили старые этико-государственные концепции, связав их с установлениями шариата и обосновав изречениями Пророка. В итоге малайские хроники могли быть включены в систему мусульманской литературы, ибо обладали всеми необходимыми для нее «пользами»: демонстрировали переменчивость судеб и божественную предопределенность событий, пагубность тираннии и благотворность справедливости, наставляли в политической мудрости и древних обычаях, а сверх того, позволяли образованному человеку блеснуть в разговоре знанием исторических прецедентов и поучительных рассказов из жизни царей и иных выдающихся личностей, поэтому исторические сочинения и составляли неотъемлемую часть адаба.

Эти свойства характерны уже для самой ранней хроники — «Повесть о радках Пасея», но особенно ярко они проявились в образцовом историческом сочинении «Малайские родословия», включающем «новеллы», которые, как и рассказы «Повести о Патани», обладают чертами структурного сходства с хабарами и в особенности их литературно-художественными достоинствами и завершенностью. Именно в этих рассказах, в которых в отличие от литературы зеркал наставником выступает сама малайская история, особенно заметна никогда не упоминаемая в предисловиях к хроникам, но столь часто присущая им красота, превращающая малайскую историческую литературу в собственно литературу, при этом литературу, настолько проникнутую национальным духом, что, не зная особенностей малайской психологии, взгляда на мир и человеческие взаимоотношения, символики — словом, всего комплекса малайской культуры, адекватно понять их почти невозможно.

Не менее важным фактором, обусловившим «литературность» хроники, является пронизывающая их историософская концепция. Если двучастная композиция придает историческим сочинениям внешнюю форму, то эта концепция определяет внутреннее единство эстетически значимых рассказов, из которых они слагаются, и, несмотря на принципиальную незавершенность генеалогической конструкции, превращает их в целостные произведения.

Третья группа литературных сочинений, включающая совокупность религиозно-мистических текстов, была направлена на воспитание «духовного сердца», однако в отличие от двух предыдущих групп выполняла свою задачу не прямо, а косвенно. Отверзнуть «духовное сердце» могла лишь божественная милость, даруемая Аллахом «тем, кому Он пожелает» не за заслуги, а по любви. В то же время «духовное сердце» должно было пребывать в постоянной готовности воспринять этот дар, и религиозно-мистическая литература, укрепляя «путника» в вере, описывая этапы самопознания, предупреждая о подстерегающих опасностях, давая примеры их преодоления, помогала подготовить «духовное сердце» к озарению и в этом смысле воздействовала на него.

Рассматривая эту область словесности предельно обобщенно, можно выделить в ней два типа сочинений: первый — житийные повести (агиографии), второй — так называемая литература kitabов, ученые трактаты по теологии, мусульманскому праву и суфизму. Среди сочинений обоих типов встречаются как созданные малайскими авторами, так и переведенные с арабского и персидского языков, часто со значительными изменениями и переработкой. В литературном отношении наиболее интересны житийные повести, во многом близкие к волшебпо-авантурным произведениям и литературе зеркал, но выдвигающие в качестве образцового героя не «куртуаазную» личность, добивающуюся всевозможных успехов в мирской жизни, но человека прежде всего праведного и самоотреченного, исполненного глубокой веры, наделенного религиозным знанием или взыскующим его. При этом, кем бы ни был этот герой — пророком, подвижником или «воином ислама», — особенно подчеркивалось его сверхъестественное могущество в полном соответствии с духом малайской (и не только малайской) традиции, что и позволяло насытить повесть фантастическими и приключенческими

мотивами и преподнести читателю истины мусульманского вероучения в увлекательной форме.

В малайской агиографии выделяется несколько, условно говоря, «циклов». Первый из них включает повести, посвященные пророкам и различным персонажам Корана. Такова, например, популярнейшая «Повесть о царь-черепахе», в которой пророк Иса — Иисус — оживляет череп несправедливого владыки и тот повествует ему о мучениях грешников в аду. К сочинениям о домусульманских пророках примыкают и повести о героях «ислама до ислама» — носителях первоначального монотеизма, «веры Ибрахима», Искандаре Двурогом, Ампре Хамзе и полубогатырском южноаравийском правителе Сайфе зу Йазане.

Второй «цикл» образуют повести о различных этапах жизни и чудесах «печати и венца» пророчества — пророка Мухаммада. Наконец, третий «цикл» состоит из произведений о современниках Мухаммада, его сподвижниках и противниках. К их числу относятся «Повесть о Семауне», «Повесть о радже Хандаке» и «Повесть о радже Хайбаре», посвященные войнам раннего ислама. Все три эти героико-фантастические повести, почти не имеющие точек соприкосновения с арабской исторической традицией, являются местными малайскими сочинениями. Из переводных произведений этого «цикла» особой популярностью пользовались «Повесть о Мухаммаде Хафани» и «Повесть о Тамиме ад-Дари» — принявшем ислам христианине, который пожелал искупаться в заповедном источнике, был похищен джином, а затем, совершенствуясь в мусульманской мудрости, побывав в пещере пророка Сулеймана, на острове женщин-людоедов, достиг райского сада и сумел повидать самого сатану — одноглазого Иблиса с хоботом на месте рта.

Литература китабов — область высоко специальная — была, естественно, весьма далека от художественных задач. Она интересна тем, что именно в ее недрах в малайской словесности зародилось понятие авторства и сложилась своеобразная форма языка, испытавшего сильнейшее влияние арабской лексики и синтаксиса, которая, в свою очередь, оказала воздействие на все области малайской литературы, включая беллетристику.

Если такие отрасли знания, как право и теология, нередко рассматривались как «тело» мусульманской традиции, то суфизм называли душой, дарующей этому «телу» жизнь. Именно благодаря суфизму ислам был глубоко воспринят в малайском мире, а суфийская литература сыграла важную роль в формировании малайской словесности и ее самосознания. Прежде всего литература суфизма как из-за характера излагаемого учения, так и из-за своего проповеднического пафоса охотно прибегала к образно-символическому способу выражения, часто уходящему корнями в толщу местной культуры, и потому многие ее образцы, в частности трактаты Хамзы Фансури, обладали не только идейной, но и эстетической ценностью. Кроме того, ей были присущи специфические жанры, интересные в литературном отношении: суфийская агиография («Повесть о султане Ибрахиме ибн Адхаме», «Повесть о шейхе Абд аль-Кадире Джилани» и др.), аллегорические поэмы и, возможно, повести, использующие романтические мотивы для описания пути самопознания, и, наконец, сочинения отчасти агиографического, отчасти волшебного-авантюрного типа, где в уста героев вла-

349345

гались рассуждения о суфийском учении («Повесть о Шахе Мардане»). Эти жанры нередко черпали материал из беллетристики и сами оказывали на нее определенное влияние. Не случайно поэтому, что многие названия ручьев, лужаек и архитектурного декора в саду султана Аче вызывают ассоциации как с суфийскими, так и с волшебско-авантюжными произведениями.

Так же как произведения, рассчитанные на уровни души и разума, литература «духовного сердца» имела прототипы в предшествующей традиции, облегчившие малайцам восприятие ислама. В местном фольклоре такими прототипами выступали некоторые мифы, в первую очередь посвященные сотворению вселенной и человека, а также древние шаманистские представления. Еще более важную роль в подготовке к восприятию ислама сыграл предшествовавший ему буддизм, о знакомстве с богословскими и агиографическими сочинениями которого свидетельствуют многочисленные данные.

Таким образом, все три сферы малайской словесности оказываются весьма разнородными как по происхождению, так и по составу в классический период. В каждой прослеживаются три фазы эволюции: архаическая исконно малайская, индуистско-буддийская и мусульманская; каждая состоит из произведений, созданных местными авторами либо восходящих к чужеземным традициям. Это, однако, не превращало и не превращает малайскую литературу в литературу «переделок и переводов» ни в понимании ее читателей, ни в современной оценке. С одной стороны, входя в различные литературные сообщества, она могла, по средневековым понятиям, претендовать на все внутри этих сообществ созданное. К тому же средневековый малайский читатель, глубоко чуждый современному сравнительно-историческому методу исследования, четкому разграничению оригинальных и переводных произведений, понятию индивидуального авторства, считал свою разнородную литературу органическим единством, унаследованным от предков. С другой стороны, — и это, пожалуй, самое важное — в процессе усвоения влияния определяющая роль неизменно принадлежит воспринимавшей стороне, по своим законам отбирающей и организующей то, что «предлагает» ей иноязычная традиция. Если взглянуть на малайскую литературу под таким углом зрения, она предстанет перед нами не как случайный конгломерат разнородных по происхождению произведений, но как плод упорядоченного литературного синтеза.

Подготовил малайскую литературу к созданию этого синтеза осуществленный ею в раннемусульманский период отбор необходимых и наиболее соответствующих предшествующей традиции произведений. Прошедшие «фильтр» малайской культуры и порой несколько видоизмененные ею сочинения, относящиеся к индийской и мусульманской литературным общностям, впервые соприкоснулись в рамках малайской словесности как некоего единства. Этот период, условно говоря, «протосинтеза» увенчался созданием исторических хроник («Повесть о раджах Пасея», «Малайские родословия»), в которых местные индо-яванские и мусульманские элементы соединились уже не в пределах литературы как целого, а в границах нового единства — произведения.

В классический период, по мере того как в малайском мире все глубже усваивался ислам и складывалось мусульманское литературное самосозна-

тие, процессе синтеза этих элементов обретал все более ясные очертания. Во-первых, индийские, яванские и арабо-персидские сочинения были окончательно интегрированы в систему малайской литературы и заняли место на различных уровнях ее иерархии. Во-вторых, к хроникам, которые, как известно, привели разнородные элементы в единство взаимно отождествив их по структуре и смыслу, добавился ряд жанров и отдельных произведений также синтетического характера. В первую очередь к ним принадлежала определенная разновидность волшебнo-авантюрных повестей, в которых на основе композиции древнейшего мифа сплавились воедино индо-яванские и мусульманские мотивы.

Лучшие эпизоды таких повестей, сохранившие некоторое равновесие обоих элементов, освещены как бы двумя пучками света. Смешиваясь в разных пропорциях, они постоянно меняют «окраску» рассказа, подобно тому как изменялся цвет одеяний царевны из «Повести об Индрапутре», когда она поворачивалась то к одной, то к другой стороне восьмиугольного ограждения трона, сделанного из цветного стекла. При этом характерный оттенок каждому из «цветов» синтеза придают исконно малайские черты повествования. Подобное же «смешение цветов» наблюдается в построении сюжета повестей и даже в именах их героев.

Другим примером литературного синтеза может служить само малайское литературное самосознание, которое в ряде аспектов определяется, с одной стороны, санскритской (в древнеяванском варианте), а с другой — мусульманской эстетикой и также представляет собой их сплав.

Важную роль в сохранении синтетического характера малайской литературы на протяжении классического периода играли ее связи с литературой яванской, которая после принятия ислама полнее сохранила достояние индуистско-буддийского времени. Поддержание же относительного равновесия в синтезе осуществлялось благодаря своеобразной ориентации малайских литературных школ. Один из них, как, например, школа, сложившаяся в Аче в конце XVI—XVII в., были проводниками мусульманских идей и образов, другие — школы Банджермасина, Палембанга — хранителями индо-яванских сюжетов и мотивов.

Формы синтеза в малайской литературе были весьма разнообразными. Высшую из них, придававшую гармоническое единство «меняющему цвет» произведению, породило «типологическое чутье» малайской литературы — умение не просто соединить (хотя нередко бывало и так), но установить внутреннее соответствие фрагментов различных традиций и благодаря этому отождествить их. Именно такое отождествление наблюдается в исторической литературе, части беллетристики, литературной теории. Не следует, однако, думать, что дело ограничивалось лишь отождествлением старого и нового. Если исходным пунктом синтеза послужили собственные основания малайской словесности, отраженные в фольклоре, то его завершением стали мусульманская концепция литературы и литературная практика, существенно изменившие прежнюю словесность.

Так, выработав свое самосознание и осуществив синтез, малайская литература в классический период сложилась в стройную систему — одну из литературных систем мусульманского мира, с одной стороны, и Юго-Восточной Азии — с другой.

Эта антология вводит читателя в систему средневековой малайской словесности, наиболее важную часть которой в отличие от многих других литератур Востока составляла проза. В антологии представлены законченные фрагменты произведений, относящихся ко всем трем уровням описанной нами иерархической системы и ко всем прозаическим жанрам. В основу композиции книги положены два принципа: хронологический и системный. Первая ее часть включает фрагменты раннемусульманских малайских памятников словесности или таких текстов более позднего времени, подобные которым существовали уже в раннемусульманский период (повести о Панджи). Открывают антологию образцы индо-яванского наследия, затем следуют арабо-персидские переводные повести и, наконец, местные хроники. Вторая часть, начинающаяся с «Повести об Индрапутре», содержит отрывки из произведений классического периода, расположенных по порядку уровней литературной системы: «сфера души» (до «Повести об Исме Ятме»), «сфера разума» («Повесть о мудром попугае» — «Сад царей»), «сфера „духовного сердца“» («Повесть о расколовшейся луне» — «Тайны постигших»). Поскольку составитель стремился представить читателю «круг чтения» средневековых малайцев, в антологию вошли фрагменты не только произведений оригинальных, но и переработок и переводов наиболее популярных заимствованных сочинений. Краткие предисловия к каждому из фрагментов помогут читателю составить о них более целостное представление.

В. И. Брагинский

СТАРИННОЕ МАЛАЙСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ ПОВЕСТЕЙ¹

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного.

Это повествование составлено из отрывков, заимствованных отовсюду, дабы преумножить добродетели разумных и пороки глупцов. Ибо наделенный разумом раб Божий, внимающий историям, повестям либо же назиданиям и запечатлевающий их в своей душе, подобен человеку, который вступает в сад, полный всяческих плодов и всевозможных цветов многоразличной окраски, а затем избирает для себя иные из них. И те плоды, что хороши на вкус, он срывает и ест, те же, что одурманивают и ввергают в беспамяństwo, отбрасывает прочь, опасаясь, как бы они не причинили вреда его душе; после же собирает цветы, чей аромат благоуханен и стоек, и таким образом вкушает от всего наилучшего в том саду.

Пороки же в душе глупца преумножатся от того, что он, войдя в сад и увидав те дивные плоды и цветы, преисполняющие его сердце небывалым изумлением, возликует и примется хохотать и скакать от радости, словно ненасытный обжора, и озираясь по сторонам, точно обезьяна на верхушке дерева. Мнящий одного лишь себя знатоком, он пренебрежет тем, что не всякий плод едят и не всяким цветком украшаются, что не следует тешиться ими, не разобравшись прежде, который из плодов хорош, а который плох, который кисел, который сладок, а который горек и может лишь одурманить, который цветок порадует своим благоуханием, а который лишь вызовет головокружение и насморк. От незнания этого и неразборчивости произтечет вред для глупца.

Точно так же обстоит дело и с тем, кто читает повесть. Ибо разумный с разбором взирает на речения, составляющие ее, и,

¹ Перевод по источнику [6].

ежели хорош их смысл, подобающих выражения, изящны назидания, он запечатлевает их в своей душе и сберегает в ней, словно бесценное сокровище, которое из опасения, как бы не пожалеть потом, хранит под замком, дабы не расточилось до скончания дней. Если же те речения таковы, что могут повредить его вере либо душе либо противоречат разуму и не имеют соответствующего «звучания», он их отвергает, исторгает из души и не сохраняет в памяти. И если смысл какого-либо речения, содержащегося в повести, трудно уразуметь, он опускает его и не понуждает душу к его уразумению в отличие от того, как поступает неразумный глупец. Ведь если кто-нибудь в собрании читающих повесть осведомится о значении этого слова, глупец, мнящий себя наилучшим знатоком, спешит ему ответить, однако его ответ — словно корабль без руля и без ветрил.

Почему же обладатели разума, читая повесть, принимают одно и отвергают другое? Причина здесь в том, ответствен автор этих строк, что, как говорят они, слово «повесть» — «хикаят» происходит от слова «волшебство» — «хикамат»; то есть если в слове «хикамат» заменить букву «мим» на букву «йа», «мат» будет звучать как «ят».

И души мужчин и женщин, внимающих повести, превосходной по содержанию, преисполняются влечением и любовью к ней. Иные испытывают влечение к чтецу, особенно ежели хорош его голос и распев, и оттого любовь, зародившаяся в их душах, преумножается. Не только душами женщин овладевает тогда беспокойство, сердца большинства мужчин, слушающих повесть, также начинают биться в лад с голосом чтеца. Иные же — те, кто сами читают, — слышат свой голос и, вникая в содержание повести, составленной с несказанной красотой, порой также испытывают и душе страсть, влечение и любовь благодаря звукам своего голоса. И все те люди словно бы становятся одержимыми.

Потому-то и говорят, что слово «повесть» происходит от слова «волшебство»; и разумные избирают лишь доброе в речениях, из коих повести составлены, ибо большинство историй, содержащихся в них, лживо и неистинно, противоречит разуму и опасно для глупцов. Ибо, говорят обладатели разума, ежели в повести обретаются лживые речения, то в первую очередь мы — чтецы, произносящие их в собрании пред людьми, не можем не ввести слушателей в грех и не согрешить сами. Что же до глупца, то он не сознает этого греха.

А посему, говорит автор этих строк, я уповаю на то, что каждый из вас, читающих мою повесть и мое произведение и всевозможные отрывки, отовсюду заимствованные мной, завершив их чтение либо толкование и уступив место чтеца одному из друзей и братьев в литературном собрании или ином месте, не мешкая возгласит исповедание веры: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Его» — и, каясь, вознесет множество молитв о прощении, после же воскликнет: «Да благословит

Аллах господина, возлюбленного и заступника нашего Посланника Мухаммада и да приветствует и будет доволен нашими господами — сподвижниками Посланника Божия!» Таков мой наказ, и пусть отпустит Аллах грех ваш ради благодати заступничества, дарованной пророку Мухаммаду — да пребудут с ним благословение Господа и мир! И еще наказываю я моим братьям, читающим, сменяя один другого, быть осторожными и осмотрительными с той минуты, как наступит их черед и до самого конца, дабы не ввести в соблазн свою душу, не погрешить против веры и не принять за истинные лживые слова. Подобно им, и я, автор этих строк, хоть и не ведаю еще, чему надлежит случиться, неизменно молю о прощении и милости Аллаха и Посланника Его, а также тех, кто станет читать мою повесть либо ее слушать.

Что же до глупца, то он, читая повесть, заботится прежде всего о распеве и, исполняя ее, помышляет в своей душе о том, чтобы услышали его превосходный голос, втайне надеясь, что, ежели услышат его женщины и мужчины, они удостоят чтеца похвал, кои, по сути, тщетны и бесполезны в этом и том мирах. К тому же слыша во время чтения говор и шорохи, доносящиеся из-за перегородки внутренней части дома, в который его пригласили, глупец думает про себя: «Верно, это женщины, очарованные моим голосом, следят за мной из-за перегородки и столь восхищены им, что оставили все свои дела — не варят кофе и не поджаривают бананы и сладкий картофель».

Так думает про себя глупец, забывший стыд, в то время как на самом деле за перегородкой расположились трое мужчин — слуги хозяина дома, к которым после долгой разлуки приехал брат из горной глуши. Остановившись на ночлег у братьев и слыша, что у горожан что-то происходит, он с изумлением спросил у слуг домохозяина, пригласившего чтеца: «О братья мои, что делает этот человек? С самого рождения мне не доводилось побывать в городе, и сейчас я впервые в жизни приехал к вам сюда и впервые слышу подобный голос. Что это за дело, весьма диковинное? Мне хотелось бы взглянуть». Ответствовали братья: «Хорошо, давай поглядим из-за перегородки, ибо мы с тобой — деревенские жители, да к тому же — слуги, так что не подобает нам сидеть с хозяевами». И сказав так, они подвели брата к перегородке, дабы он мог взглянуть на чтеца, а глупый и нечестивый чтец возмнил, будто им любуются женщины.

Те же из глупцов, которым не подошел еще черед читать, в душе мечтают поскорее взять повесть из рук своего товарища, исполняющего ее, и страсть к чтению обуревают их, ибо они желают похвастать своим голосом и распевом перед теми, кто подглядывает из-за перегородки — ведь всякий из них надеется, что это женщины следят за ним. И иные, долго дожидаясь своей очереди, приходят в раздражение, иные же втайне сердятся, ибо боятся, как бы женщины не пропустили их чтения повести. Вот каковы пороки глупцов!

Находятся среди них и такие, что читают донельзя громко, дабы слышали их люди, живущие через четыре или пять домов от того места, где они исполняют повесть. И оттого что души их заняты лишь подобными заботами, они не могут вникать в смысл рассказаний и наизиданий, собранных в повести, а лишь озираются по сторонам, исполненные легкомыслия.

И неведомо глупцу, что на взгляд тех, кто наделен разумом, он ведет себя словно обезьяна, живущая на вершине дерева, ланы коей покрыты мозолями, ибо она непрестанно хватается за одни ветви и выпускает другие. У глупца же мозолистые руки оттого, что он переписывает Коран и ученые книги, а после выпускает из рук тростниковый калам, хватается за перо и начинает переписывать то малайские, то голландские сочинения. У обезьяны намозолен зад оттого, что она весь день напролет сидит на твердом суку, у него же оттого, что весь день он сидит на стуле, занимаясь такой перепиской. Таковы-то пороки глупцов!

Что же до обладающего разумом, то он, читая повесть, страшится, как бы не исполнилась гордыни и лицемерия либо же тщеславия его душа, ибо весьма тяжки эти грехи пред лицом Всевышнего, а потому осторожно и осмотрительно вершит всякое дело, дабы не уподобиться тому глупцу. А Аллах знает лучше!

ПОВЕСТЬ О СЕРИ РАМЕ

Оказавшая огромное влияние едва ли не на все области литературы малайцев малайская «Рамаяна» — «Повесть о Сери Раме» является, по-видимому, древнейшим из дошедших до нас памятников малайской словесности. Изучение различных списков повести показывает, что ее «праверсия», связанная не столько с классической санскритской «Рамаяной» Вальмики, сколько с более поздними популярными версиями этого произведения, бытовавшими в Восточной, Западной и Юго-Западной Индии, возникла не ранее XII и не позднее XV в. Последняя дата подтверждается популярностью героев повести в Малаккском султанате (XV — начало XVI в.). В хронике «Малайские родословия», например, рассказывается, что знаменитый флотоводец Ханг Туах (см. с. 238 и сл.) в юности, мерясь силами со сверстниками, закатывал, бывало, рукава и презрительно восклицал: «Ну, Лаксамана (брат Рамы. — В. Б.) держись!» — за что и был прозван Лаксаманой (впоследствии это прозвище стало официальным званием малайских адмиралов). Судя по той же хронике, смотритель слонов малаккского султана посыл титул Сери Рама.

«Праверсия» повести первоначально сложилась в устной традиции и, вероятно, многим обязана бытованию в кукольно-теневом театре *вайяг*. В некоторых списках автором ее назван кукловод (*даланг*), кроме того, до нас дошли ее устный, исполнявшийся «утешителями печали» (малайскими сказителями), и театральный изводы. Как и многие произведения, сохранившие память об индуистско-буддийском периоде малайской культуры с характерной для нее кармической концепцией цепи рождений человека, определяемых его деяниями, «Повесть о Сери Раме» состоит из двух частей. В первой части дается рассказ о жизни героев в рождении, предшествующем тому, повествование о котором составляет основное содержание произведения.

Чудовищный великан (*раксаса*) *Сиранчак* (искаженное санскритское *Хираньякашипу*, или *Хираньяка*; в древнеиндийских текстах *Хираньяка* — один из привратников *Вишну*, которого проклятье обрекло трижды родиться демоном) встречает юную красавицу, преисполняется к ней страстью, но едва лишь хочет обнять, как девушка скрывается. *Сиранчак* догадывается, что в образе девушки воплотился *Махабисну* (*Вишну*), клянется ему отомстить и предается подвижничеству, чтобы вымолить у Преславного и Великого Бога сокровенную силу, необходимую для войны с *Махабисну*. Удалившись в лес, *Сиранчак* соблазняет семерых спрятанных в дуплах деревьев жеп отшельника *Бегавана Биспарупана*, за что *Махабисну* пизвергает демона в недра земли ниже седьмой земной сферы. Возвратившись на небеса, *Махабисну* объявляет, что через 12 лет подвижничества *Сиранчак*

вновь возвратится на землю и вступит с ним в бой. Поэтому Махабисну верхом на Золотой Паве, которая в следующем рождении станет его женой Ситой Девы, сопровождаемый небожителями (будущими военачальниками) и драконом Нагой Пуспой Перталой Сегандой Дэва (которому суждено прерваться в волшебную стрелу), нисходит на землю и также собирается посвятить себя аскетическим подвигам. Однако прежде Преславный и Великий Бог превращает по его просьбе цветок чемпики в брата и сподвижника Махабисну — Кисну Дэву (будущего Лаксаману), которому также суждено воплотиться в семье могущественного государя Дасараты Махараджи.

Меж тем Сиранчак под землей горько сетует и помышляет лишь о мести. Он отрезает одну из своих голов, делает из нее, пальцев и руки скрипку и играет на ней 12 лет. Очарованный прекрасной игрой, Преславный и Великий Бог возвращает его на землю. Сиранчак отправляется на поиски своих братьев, сестры и вместе с ними собирается воплотиться в семье государя Бермараджи. У государя Бермараджи, правителя Индрапуры, 7 сыновей, один из которых, Читрабаха, — великий воин. Государь посылает его на бой с раксасой Дати Куачей, он побеждает раксасу, женится на его дочери, и та рождает сына, которого вынашивала сто лет, — демона Равану. За жестокий нрав Бермараджа изгоняет Равану из своей страны и отправляет на гору Серендиб (т. е. на Цейлон). Равана посылает родителям три цветка лотоса, они съедают их — и жена Читрабахи рождает братьев Раваны, Кумбакарну и Бибисанама, и сестру Сура Пандаки.

На горе Серендиб Равана вновь предается строгому подвижничеству. Через 12 лет, сжалившись над ним, Аллах посылает к Раване пророка Адама, и Равана просит даровать ему власть над четырьмя мирами: градом небожителей, морем, подземным царством и сушей — и получает эту власть при условии, что будет повелевать справедливо. У царевен трех миров родится от него сыновья: Индра Джата, Патала Махарапи и Ганга Маха Сура. Сам же Равана основывает на земле (на острове Цейлон) город Ланг-капури, воцаряется в нем, и все земные страны признают его власть. Лишь Индрапура, Вирухаса, Лагур Катагини — столица обезьяньего царства, и Иснаха Бога, где властвует Дасарата Махараджа, ему не подчиняются.

Далее следует рассказ о рождении Рамы — воплощении Махабисну. С этого места повесть в значительной степени повторяет сюжет «Рамаяны».

Рождение Сери Рамы

Дасарата Махараджа был наделен великой сокровенной силой, прекрасен лицом, могуч и отважен, и никто в те времена не мог с ним сравниться. Как-то раз захотелось государю отыскать в лесах такое место, где он мог бы основать город, который оставил бы в наследство внукам и правнукам. Тогда государь повелел главному везиру Пуспе Джайе Краме отправиться на поиски этого места, дабы возвести город, о котором мечтал, и Пуспа Джайя Крама, припав к стопам владыки, поспешил в путь, взяв с собой множество младших везиров, военачальников и государевых подданных разного звания числом до сорока тысяч. По прошествии недолгого времени они отыскили место, кое могло прийтись Дасарате Махарадже по душе, и Пуспа Джайя Крама приказал своим людям его расчистить — выкорчевать высокие деревья и убрать огромные валуны. После же послал одного из везиров довести обо всем государю.

Прибыв к его величеству, везир вошел в зал для приемов, почтительно поклонился и молвил: «Мой царственный господин послал нас на розыски, и с его благословения нам посчастливилось

пайти подходящее для основания города место — плоскую равнину, посреди которой высится гора несказанной красоты, пригодная, чтобы возвести вашему величеству дворец».

Услыхав те слова, государь в душе возликовал и повелел подвластным раджам, везирам, военачальникам, евнухам, вестникам и всем знатым мужам города Испаха Бога идти в джунгли корчевать лес. Подданные государя отправились в джунгли, дабы присоединиться к Пуспе Джайе Краме и его людям, а придя туда, занялись каждый своим делом, так что в два или же в три дня расчищенная от леса равнина озарилась лучами солнца.

На вершине холма, что высился посреди равнины, рос одинокий бамбук, ствол коего сверкал, точно золото высшей пробы, а листья казались отчеканенными из серебра. Деревья, обступавшие тот бамбук, склонялись к нему и, словно под зонтом, укрывали в своей тени. Военачальники государя поднялись на гору, дабы его свалить. Но как только срубали бамбук ударом с правой стороны, он вновь вырастал чуть левее, а когда срубали, ударив слева, вырастал правее, и это повторялось раз от разу. Подвластные раджи, везиры и военачальники с изумлением взирали на это диво, а Пуспа Джайя Крама не мешкая возвратился к Дасарате Махарадже и с почтительным поклоном поведал ему о чудесах, творившихся с бамбуком. Выслушав главного везира, государь пришел в великое удивление и молвил: «Раз так, я сам завтра же приду взглянуть, как вы рубите бамбук».

На следующий день государь воссел на слона и, сопровождаемый подвластными раджами, везирами, военачальниками, евнухами, вестниками и неисчислимым войском, отправился к той горе. Когда же достиг ее, спросил: «Где сей гигантский бамбук?» С почтительным поклоном отвечивал Пуспа Джайя Крама: «Вот он, о государь, его скрывают своей тенью деревья». Присмотревшись, государь увидел перед собой огромный ствол бамбука дивной красоты, источавший благоухание, подобное аромату нарда и мускуса, и молвил: «О Пуспа Джайя Крама, принимайся рубить сей бамбук, я желаю на это взглянуть». Пуспа Джайя Крама не мешкая выхватил из ножен огромный, точно кокосовая пальма, меч, ударил им по стволу бамбука и с первого же удара перерубил ствол, но бамбук тотчас вырос немного левее. А когда он перерубил ствол ударом с левой стороны, бамбук вновь вырос правее. При виде такого дива государь страшно разгневался, слез со слона и, обнажив меч, ударил по гигантскому стволу с такой силой, что одним ударом расколол его до земли.

По воле Великого и Преславного Бога внутри ствола бамбука он нашел девушку в драгоценных уборах, восседавшую на ложе. Лицо ее светилось, точно полная луна в четырнадцатую ночь, а тело сияло, будто золото высшей пробы. Не мешкая размотал Дасарата Махараджа свой поясной платок, укутал им царевну и с нею на бедре поспешил к своему слову и усадил на него

пенушку. После же вернулся во дворец, снял царевну со спины слона и внес в свои покои. В великой радости Дасарата Махараджа повелел Пуспе Джайе Краме построить семнадцатиярусные носилки, а сверх того, сорок носилок меньших, кои должны были их сопровождать, и все подвластные раджи тотчас принялись за работу, с усердием исполняя кто что умел.

В тот же день государь начал торжества предсвадебного бодрствования и сорок дней и ночей пировал под звуки оркестра, приказав заколоть сотни буйволов, быков, овец, коз, кур, уток и гусей. Оглушительно гремели гонги, барабаны и деревянные трубы, а раджи меж тем сооружали свадебные носилки. Когда же на сороковой день торжеств те носилки дивной красоты были готовы, государь и государыня, нареченная Манду Дари, в благоприятный час облачились в превосходнейшие одеяния. После же государь взял невесту за руку, подвел к семнадцатиярусным носилкам, сработанным с великим искусством, и вместе с нею в них воссел. Жены подвластных раджей и везиров, украсившись драгоценными уборами, уселись напротив государя и государыни, а все царедворцы, военачальники, супруги знатных вельмож и высокородные прислужницы царевны разместились в меньших носилках, дабы сопровождать повелителя, коего под звуки оркестра надлежало семь раз обнести вокруг стен города Испаха Бога.

Едва лишь процессия шесть раз обошла вокруг города, свадебные носилки сломались, и, как ни усердствовали раджи и военачальники, стараясь их починить, поделаться ничего не смогли. А у государя была наложница по имени Балия Дари, которая, едва лишь увидела, что носилки его величества разваливаются, выскочила из своих и поддержала государеву рукой, но сломала при этом руку.

Государь тотчас воротился во дворец и, воссев перед лицом везиров, военачальников, евнухов, гонцов, вестников, посыльных и люда разного звания, молвил: «Я чуть было не осрамился перед государыней, оттого что наши носилки сломались. Хорошо еще, что Балия Дари не замешкалась и поддержала их, сломав при этом руку. Воистину, велика ее преданность мне, и посему, если у меня от нее родится ребенок, все равно сын ли, дочь, я сделаю его властителем этого города». С почтительным поклоном отвечивали раджи, везиры, военачальники и подданные государя: «Мы исполним всякое повеление нашего преславного господина». Затем государь отослал раджей, везиров и военачальников возводить город, а когда он был построен, назвал тот город Мандура Пура Негара и со всеми раджами, везирами, военачальниками и подданными переселился в него.

Несколько лет прожил государь в Мандуре Пуре, но так и не породил наследника. Тогда он отправился к одному из великих отшельников, и, когда к нему явился, тот спросил: «О сын мой, что привело тебя ко мне?» Ответствовал Дасарата

Махараджа: «О мой отец, твой раб прибыл к тебе, дабы испросить какое-либо снадобье, ибо более всего на свете жаждет наследника, но пока его не обрел». Отшельник улыбнулся и, заглянув в книгу гадания по звездам, отвечал: «О сын мой, через три дня мы совершим жертвоприношение на этой равнине, так что прикажи радхам и везирам приготовить для него подобающее место».

Дасарата Махараджа испросил у отшельника соизволения возвратиться во дворец и послал Пуспу Джайю Краму, везиров и военачальников готовить площадку для жертвоприношения. Когда же все было готово, вместе с государыней Манду Дари и Балней Дари воссел на белого слона и под громкие звуки оркестра направился к той площадке, сопровождаемый везирами и военачальниками в драгоценных уборах. Прибыв на место жертвоприношения, государь повелел Пуспе Джайе Краме пойти за отшельником, и Пуспа Джайя Крама, явившись к нему, с почтительным поклоном молвил: «О мой господин, ваш царственный сын просит вас пожаловать на место жертвоприношения».

Отшельник Пуроста Махареси взял с собой все необходимое для принесения жертвы, сопровождаемый тысячью учеников, взшел на свою колесницу, наделенную великой сокровенной силой, и та колесница сама полетела к Дасарате Махарадже в Мандуру Пуру Негару. Пуспа Джайя Крама же и тысяча отшельников-учеников направились туда по земле. Вскоре Пуроста прибыл в Мандуру Пуру Негару и сошел с колесницы. Дасарата Махараджа вышел ему навстречу, взял за руку и, подведя к золотому трону, усыпанному жемчугом и многоразличными самоцветами, усадил подле себя. Меж тем к государю явились Пуспа Джайя Крама и тысяча отшельников. Пуроста воссел на позлащенное седалище, дабы принести жертву зерном и рисом, а отшельники встали перед ним. Громко зазвучали ребабы, цитры, лютни, бамбуковые свирели и флейты, тарелки, раковины, рога, гентери, литавры, деревянные трубы, большие и малые гонги и барабаны, и под звуки тех инструментов Пуроста с тысячью отшельников начал жертвоприношение.

А в ту пору бабка Махараджи Раваны — Гагак Сура тешилась, летая по поднебесью, и, глянув вниз, заметила огромную толпу людей, собравшихся на лугу в Мандуре Пуру Негаре. При виде отшельников, совершавших жертвоприношение, дабы вымолить у Преславного и Великого Бога наследника для Дасараты Махараджи, подумала Гагак Сура: «Ежели Преславный и Великий Бог дарует Дасарате Махарадже сына прекрасного лицом, могучего, смелого, превосходящего всех сокровенной силой, тот мальчик станет повелителем мира и всего подлунного царства, и все государи покорятся ему и станут исполнять любое его повеление». Подумав так, Гагак Сура повисла в воздухе над лугом и стала следить за всем, что делали и совершали Дасарата

Махараджа и Пуроста, приносившие жертву. Через два часа, когда рис и пшеница сварились, Пуроста, сотворив молитву, слепил из них шесть комков и три подал государыне Манду Дари, а другие три — Балии Дари. Государыня съела два рисовых катышка, и, покуда держала в руке третий, Гагак Сура ринулась вниз, выхватила его у Манду Дари и вновь взяла в поднебесье.

Когда Пуроста Махареси, Дасарата Махараджа и во множестве собравшиеся отшельники увидели это, Пуроста страшно разгневался на Гагак Суру и проклял ее, воскликнув: «О Гагак, за то, что ты похитила у моей дочери, государыни Манду Дари, рис, ты погибнешь от руки сына Дасараты Махараджи, а у того, кто съест этот рисовый катышек, да родится дочь, коя станет сыну Дасараты Махараджи супругой!»

Меж тем Гагак Сура полетела в город Лангка Пури, предстала перед Махараджей Раваной и с почтительным поклоном поднесла ему катышек риса. Спросил Махараджа Равана: «О Гагак Сура, каково предназначение этого риса?» Ответствовала Гагак Сура: «О мой господин, повелитель мира, случилось так, что я, твоя раба, летая по поднебесью, достигла города Дасараты Махараджи и увидела в том городе, посреди луга, великое множество отшельников и брахманов, совершавших жертвоприношение и моливших Преславного и Великого Бога даровать Дасарате Махарадже наследника. Подумала я: „Если у Дасараты Махараджи родится сын, не будет ему равного по могуществу, смелости и сокровенной силе, станет он величайшим из земных владык, и все иные государи ему покорятся“. А подумав так, я, твоя раба, похитила катышек риса, над которым молились отшельники и брахманы. О мой господин, не мешкая съешь этот рис, дабы и тебе обрести в дар от Преславного и Великого Бога счастливого сына». Услыхав те слова, Махараджа Равана тотчас съел рисовый катышек, Гагак Сура же возвратилась домой.

Когда жертвоприношение закончилось, Дасарата Махараджа одарил Пуросту золотом, серебром и множеством подносов, наполненных самоцветами, а тысяче брахманов пожаловал многообразные подношения. После же все они испросили у государя соизволения удалиться и отправились в свою обитель. А Дасарата Махараджа с женами возвратился во дворец и, не скупясь, роздал серебряные монеты беднякам и нищим, подвластных государей же, везиров, военачальников, знатных воинов, кшатриев, внухов, вестников и подданных разного звания награждал почетными одеждами, дав каждому, что подобало по его достоинству.

Одарив же всех, стал что ни день тешиться охотой с везирами, военачальниками и подданными. Как-то раз, охотясь в чаще джунглей, он заприметил лань и пустил в нее стрелу. Раненая лань пала наземь и воскликнула: «О Дасарата Махараджа, не губи тварей, живущих в этом лесу, ибо от них суждено кормиться

тоноше, который станет охотиться на здешних обитателей!» Произнеся те слова, лань неожиданно исчезла из виду, а государь прервал охоту и поворотил домой.

Проехав полпути, он увидел отшельника, предававшегося подвижничеству под деревом белого нагасари, без промедления сошел со слона и, приблизясь к мудрецу, спросил: «О отшельник, как твое имя и давно ли ты предаешься подвижничеству?» Услыхав его голос, отшельник открыл глаза, увидел Дасарату Махараджу и отвечивал: «О Дасарата Махараджа, я совершаю сей подвиг уже пятьсот лет, зовут меня Махареси Берма Дева, а отца моего — Махареси Берма Дасарата Чакравати». Молвил тогда Дасарата Махараджа: «О отец мой, ежели будет на то твоя милость, загляни в книгу гадания по звездам и скажи, дарует ли Преславный и Великий Бог мне, твоему рабу, сына либо же дочь или нет?» Махареси Берма Дева улыбнулся и отвечивал: «О дитя мое, Дасарата Махараджа, если желаешь обрести наследника, кони был бы тебе по сердцу, ступай в джунгли и убей тысячу слонов. Когда же добудешь их ровно тысячу, Преславный и Великий Бог дарует тебе четырех сыновей и дочь».

Выслушав отшельника, государь испросил у него соизволения удалиться, вернулся во дворец и с той поры каждый день неизменно отправлялся в джунгли на поиски слонов. Наконец ему удалось добыть их без единого тысячу, но более ни одного не встретилось, и государь, проведя в джунглях несколько дней, ни с чем отправился в обратный путь.

Теперь расскажем о слепом на оба глаза отшельнике по имени Бегаван Бикрама Дева. У того отшельника был сын, который о нем заботился и добывал ему пропитание. Как-то раз в безлунную ночь сын отшельника свалился в пересохший пруд и принялся звать на помощь, а Дасарате Махарадже, услышавшему его крик, почудилось, будто до него донесся рев слона. Государь поспешил к пруду и, поняв, что слоновий рев слышится из него, метнул дротик и насмерть поразил сына отшельника. После же воскликнул: «О везиры, наконец-то я убил ровно тысячу слонов!». Сказав же так, в великой радости возвратился во дворец.

Бегаван Бикрама Дева долго ждал сына, но того все не было. Тогда отшельник отправился его искать и, добравшись до пруда, нашел мальчика на дне его мертвым. Проливая слезы, воскликнул Бегаван Бикрама Дева: «Не иначе как Дасарата Махараджа убил моего сына, ибо он неизменно тешился в этом лесу охотой. Пусть же, обретя в будущем наследника, он не узрит его благих деяний и умрет так же, как мой мальчик!». С теми словами отшельник вернулся в свою обитель и предавался подвижничеству еще три тысячи лет.

По прошествии недолгого времени государыня, супруга Дасараты Махараджи, понесла и, когда исполнился срок, в благо-

приятный час разрешилась от бремени мальчиком несравненной красоты, тело коего отливало изумрудной зеленью, а лицо сияло, точно полная луна в четырнадцатую ночь. Когда Дасарата Махараджа увидел сына, душа его преисполнилась ликования. Он нарек царевича Сери Рамой и стал растить его, как подобает по обычаям величайших государей.

Рождение Ситы Деви

Могущественный повелитель города Лангка Пури, царь раксасов Махараджа Равапа просит у Дасараты Махараджи его жену. Манду Дари превращает комочек грязи со своего тела в прекрасную женщину, во всем схожую с ней, по имени Манду Даки. Махараджа Равапа увозит Манду Даки в свое царство.

Теперь расскажем о Дасарате Махарадже. Побеседовав с государыней Манду Дари, он повелел некоей старухе, жившей при дворе, отправиться в сад за цветами. Когда она нарвала цветов, государь приказал Манду Дари сплести из них полную корзину гирлянд. После же молвил, обратясь к старухе: «Снеси эти цветы во дворец Махараджи Раваны, прикинься цветочницей и, когда супруга Раваны их купит и пожелает заплатить, не бери денег, по скажи: „Я живу далеко и хотела бы здесь заночевать. Завтра, когда соберусь домой, ты, о государыня, мне заплатишь“». Сказав так, государь по воздуху перенес старуху с корзиной в Лангка Пури, а потом обернулся младенцем, только что научившимся сидеть, и взобрался к ней на бедро.

С корзиной цветов под мышкой старуха вошла за ограду дворца Махараджи Раваны и принялась во весь голос расхваливать свой товар. Услыхав ее крики, служанки и наложницы Махараджи Раваны приказали позвать старуху и стали ее расспрашивать: «Скажи-ка нам, о цветочница, кем доводится тебе этот младенец?» Ответствовала старуха: «Это мой внук, его матушка осталась приглядеть за домом». Воскликнули служанки: «О бабушка, до чего же он мил!»

Звуки их голосов донеслись до слуха царевны Манду Даки, и она повелела пригласить старуху к себе. Та с цветами и младенцем поспешила к ней, и едва лишь царевна увидела мальчика, она воскликнула: «О бабушка, позволь мне взять твоего внука на руки: он так прелестен и хорош собой!». Старуха не мешкая подала ей младенца, царевна же взяла его из ее рук и усадила к себе на колени. Тогда шепнул ей младенец: «О царевна, я — Дасарата Махараджа и прибыл сюда, дабы встретиться с тобой». Услыхав те слова, Манду Даки более не отпускала младенца от себя, а служанки и наложницы Махараджи Раваны меж тем, весело смеясь, разобрали все цветы, хотели было заплатить старухе, но та их остановила, сказав: «Вы рассчитаетесь со мной завтра, теперь уже поздно, дом мой далеко, и я хотела бы здесь заночевать».

Царевна унесла младенца в свои покои, и, когда удалилась, во дворец к ней прибыл Махараджа Равана. Приказав созвать подвластных раджей, везиров, военачальников, евнухов и вестников, он повелел им украсить улицы, по которым пройдет свадебное шествие Манду Даки, а с наступлением темноты возвратился во дворец старшей супруги, государыни Секанды Майи.

Едва лишь Махараджа Равана ушел, Манду Даки перенесла младенца к себе на ложе, скрытое за расшитыми золотом завесами, и, после того как служанки крепко заснули, Дасарата Махараджа принял свой прежний облик и возлег с Манду Даки. Насладившись с царевной любовными ласками за семислойным пологом, он ею овладел и лишил ее девственности.

На рассвете старуха явилась за своим внуком. Дасарата Махараджа вновь обернулся младенцем, и Манду Даки возвратила его старухе. Сказали тогда цветочнице служанки царевны: «О бабушка, непременно приходи завтра, приноси еще цветов и возьми с собой внука». Ответствовала старуха: «Ладно, завтра я опять приду». С теми словами она посадила младенца на бедро, испросила у царевны соизволения удалиться и покинула город.

А Дасарата Махараджа поднял старуху с ее корзиной в поднебесье и устремился в обратный путь. В мгновение ока государь перенесся в свой город, вошел во дворец и, в великой радости приблизясь к супруге, молвил: «О государыня, знай, что, если у Махараджи Раваны родится от новой жены сын или дочь, это будет мой ребенок. Непременно возлюблю его в душе, но никому не открывай тайны, о коей я тебе поведал».

Меж тем Махараджа Равана повелел соорудить свадебные посылки и, когда они были готовы и украшены, приказал трем вестникам позвать троих его сыновей, а после того, как те явились, молвил: «О мои братья и сыновья, принесите музыкальные инструменты, ибо завтра я начинаю предсвадебное бодрствование, кое продолжится сорок дней и ночей». Когда царевичи услышали тот приказ Махараджи Раваны, Индра Джата послал двух вестников в царство небожителей за небесным оркестром, Патада Махирани отправил двух вестников в недра земли за оркестром подземного мира, а Ганга Маха Сура послал двух вестников в морскую пучину, дабы доставили оркестр подводного царства.

Едва лишь вестники принесли музыкальные инструменты трех миров в город Лангка Пури, государи всей вселенной с детьми и женами предстали перед Махараджей Раваной и поднесли ему богатые дары. После же Махараджа Равана начал предсвадебное бодрствование и сорок дней и ночей пировал под оглушительные звуки музыки. Для того шира закололи тысячи буйволов и быков, коз и баранов, зарезали сотни тысяч кур, уток и гусей, настреляли десятки лесных тварей: оленей, ланей, пятнистых оленей и мышиных оленьков — и запасли тысячи кувшинов всевозможных напитков различного вида и вкуса.

По прошествии сорока дней и ночей бодрствования и веселья Махараджа Равана облачился в парадные одеяния, равных которым никто еще не надевал и не видывал: на десять голов он возложил десять корон и десять венцов, изукрашенных переливающимися самоцветами, сиявшими, как солнце и месяц, двадцать рук украсил двадцатью драгоценными браслетами, а пальцы унизал перстнями, мерцавшими точно звезды в небесах, в мочки двадцати ушей вдел алмазные серьги, спускавшиеся до плеч, а в волосы воткнул усыпанные жемчугом булавки, подобные цветам.

Вслед за тем государыня Секанда Майя нарядила царевну Манду Даки в одежды дивной красоты, и тогда Махараджа Равана и его невеста, сопровождаемые царевичами раксасов, расселись в сорока больших носилках, а в тысяче малых паланкинов, что должны были за ними следовать, разместились младшие дети раджей и сыновья везиров. Зонтоносцы раскрыли изукрашенные самоцветами драгоценные зонты, семьсот по правую и семьсот по левую руку от процессии, слуги подняли знаки государева величия, с высоких древков коих ниспадали султаны, усыпанные алмазами и драгоценными камнями, — четыреста справа и четыреста слева от процессии. Грянули гонги и барабаны, запели флейты и различные музыкальные инструменты, и громко заиграла музыка в знак того, что свадебное шествие Махараджи Раваны и царевны Манду Даки выступает в путь.

Семь раз обнесли Махараджу Равану и царевну Манду Даки вокруг города Лангка Пури, и за то время государь разбросал сотни тысяч золотых и серебряных монет и десятки гантангов самоцветов, жемчуга, драгоценных камней, разноцветного мрамора, алмазов и бриллиантов и без остатка роздал ткани из сотни хранилищ. Бедняки и нищие получили столько золота и серебра, что в одночасье разбогатели. Когда же процессия Махараджи Раваны семь раз обошла вокруг города, молодые вновь возвратились во дворец.

Махараджа Равана был безмерно счастлив, что обрел жену, о которой мечтал. Вскоре государыня Манду Даки понесла и, когда исполнился срок, родила девочку дивной красоты, тело которой сияло, точно чистое золото, так что всякий, кто ее видел, приходил в великое изумление.

Едва лишь государыня разрешилась от бремени, Махараджа Равана призвал к себе брата — Махараджу Бибисанам и повелел кликнуть звездочетов, искушенных в предсказании по звездам. Когда Махараджа Бибисанам с учениками предстал перед Махараджей Раваной, тот молвил, обратясь к ним: «О мой брат и вы, звездочеты, загляните в свои вещие книги и скажите, какие радости и невзгоды ожидают мое дитя. Отвечайте правдиво и ничего не скрывайте».

Услышав те слова, Махараджа Бибисанам и его ученики

углубились в книги гадания по звездам, дабы узнать будущее царевны, а когда постигли тайны ее судьбы, сокрушенно закачали головами. Спросил Махараджа Равана: «О звездочеты, отчего вы качаете головами?» С почтительным поклоном ответствовали Махараджа Бибисанам и его ученики: «О наш господин, повелитель мира, бесчисленное множество раз мы молим о прощении, ибо из страха прогневить тебя, о блистательный махараджа, не решаемся поведать тебе о том, что узнали». Выслушав ответ Махараджи Бибисанама и его учеников, Махараджа Равана спросил: «Отчего вы страшитесь ответить? Ведь не от себя станете говорить, но согласно науке о звездах и прорицании. Не мешкайте же и покажите все без утайки».

С почтительным поклоном ответствовали Махараджа Бибисанам и его люди: «О наш господин, блистательный махараджа, мы молим о прощении и милосердии и склоняем главы к твоим стопам. Что до ее высочества царевны, то Преславный и Великий Бог даровал ей счастье, славу, величие и могущество, однако же ее супруг лишит тебя, о наш господин, жизни, обретет твое царство и заставит все четыре страны света повиноваться его слову и исполнять его волю».

Услыхав те слова, Махараджа Равана пришел в страшный гнев и уподобился змее, свернувшейся для броска. Воскликнул государь: «Коли так, что пользы в этом младенце, сулящем одни лишь беды. Не лучше ли хватить его о камень и умертвить!» Когда государыня Манду Даки услышала, какие речи ведет Махараджа Равана, она почтительно приблизилась к нему и молвила: «О мой господин, повелитель мира, ужели ты можешь без содрогания увидеть, как мозг этого младенца брызнет на камень? Если моей дочери суждено умереть, нам следует решить, каким способом убить ее». Спросил Махараджа Равана: «О Манду Даки, что же ты нам посоветуешь?» Ответствовала Манду Даки: «О мой господин, прикажи выковать железный ларец, мы положим в него новорожденную и бросим в море». Молвил Махараджа Равана: «Хорошо, пусть так и будет!»

Тотчас Махараджа Равана повелел Махарадже Бибисанаму изготовить железный ларец, и, как только ларец был выкован, его отослали государю. Манду Даки приказала изнутри выстелить ларец тонкой тканью, расшитой золотыми цветами, взяла девочку на руки, обливаясь слезами, накормила ее грудью, а когда поворожденная насытилась, отнесла ее к кормилице. Кормилица приняла младенца из рук матери, положила в железный ларец и отдала его Махарадже Раване, а тот передал ларец с младенцем Махарадже Бибисанаму. После же ларец отнесли на побережье и бросили в море, где волны и течения подхватили его и повлекли прочь от Лангка Пури.

По воле Преславного и Великого Бога волны унесли железный ларец в море, омывавшее берега страны Даравати Пурва, где в то время царствовал государь по имени Махареси Кали. Тот

Махареси Кали неизменно предавался подвижничеству: рано утром он входил в море, погружался по пояс в воду и, совершив обряд поклонения солнцу, возвращался домой. Долго подвижничал так Махареси Кали, и вот однажды, когда он по своему обыкновению вошел в море и начал творить молитву, к его ногам прибило железный ларец. Государь еще не окончил славословия и потому придавил покуда ларец большим пальцем ноги. А закончив молитву, сказал: «Эй слуги, поспешите ко мне и взгляните, что это принесли волны к моим ногам?» Слуги не мешкая приблизились к Махареси Кали, а он, увидев железный ларец, повелел отнести его к себе.

Вернувшись в свои покои, государь крикнул жене: «О государыня Манурам Деви, пойдй взгляни, я нашел железный ларец! Интересно, что в нем такое?» Государыня немедленно подняла крышку ларца, и, едва лишь открыла его, весь дворец озарился светом. В ларце Махареси Кали увидел девочку дивной красоты. Все тельце ее сияло, точно чистое золото, и никто в те времена не мог сравниться с ней прелестью. В тот же миг из груди государыни Манурам Деви брызнуло молоко, и тогда Махареси Кали вышел из покоев, захватив с собой сорок саженцев веерной пальмы, посадил их в ряд и молвил: «Тому, кто сможет пронзить все сорок пальм одной стрелой, я отдам в жены мою дочь».

Посадив же пальмы, возвратился во дворец, нарек младенца Ситой Деви и стал заботливо ее растить и лелеять.

Похищение Ситы Деви

Весть о красоте Ситы Деви облетает весь мир. Множество царевичей сплетается к ней. Махареси Кали объявляет, что отдаст девушку лишь тому, кто натянет его лук и пронзит одной стрелой сорок веерных пальм. Это удастся лишь Сери Раме, и он женится на Сите Деви.

Брат Сери Рамы — Лаксамапа наносит увечья сестре Равааны Суре Пандаки. В отместку Равана хочет похитить Ситу Деви.

Махараджа Равана кликнул двух сыновей Гагака Насира*, первый из коих носил имя Махалока, а второй — Перджангги Сура и кои обличьем были подобны псам, и, когда они перед ним предстали, молвил: «Я желаю отправить вас в обитель Сери Рамы. Превратитесь в ланей: один — в золотую, другой — в серебряную и ступайте к Сери Раме, а явившись к нему, скажите и пляшите перед его лицом». С почтительным поклоном ответствовали Махалока и Перджангги Сура: «О наш господин, ежели будет на то твоя воля, мы не посмеем ослушаться и отправимся в путь, однако едва ли возвратимся живыми, ведь безмерна сокровенная сила Сери Рамы. Если он пошлет в нас свои стрелы, нам не избежать смерти. Но если ты нас посылаешь, мы, моля о пощаде и милости, поспешим в обитель, хоть и думаем, что тебе, о блистательный махараджа, следовало бы самому повидать Сери Раму и Лаксаману, ибо нам доводилось слышать, что как раз сейчас они приносят жертву, испрашивая у Преславного и

Великого Бога преумножения сокровенной силы. Хорошо бы также нашему господину отправить в обитель Сери Рамы ла-зутчика»

Выслушав ответ Махалоки и Перджангги Суры, спросил Махараджа Равана: «О Махалока и Перджангги Сура, кого падлежит мне послать в обитель Сери Рамы?» С почтительным поклоном ответствовали Махалока и Перджангги Сура: «О наш господин, блистательный махараджа, лучше всего отправить туда нашего отца. Быть может, он во время жертвоприношения сумеет проникнуть в обитель Сери Рамы и подбросить кусок говяжьего мяса*». Молвил Махараджа Равана: «Да будет так, я pošлю вперед вашего отца».

Не мешкая Махараджа Равана приказал позвать к себе Гагака Наспра и, когда тот перед ним предстал, молвил: «Я повелел тебя позвать, ибо ты — великий вонтель и, надеюсь, сумеешь одолеть всех моих врагов». С почтительным поклоном отвечал Гагак Насир: «О господин, я исполню всякое твое повеление и, хоть знаю, что мне не суждено возвратиться, без колебаний отправлюсь в путь, лишь только ты прикажешь». С теми словами Гагак Насир простерся ниц у ног Махараджи Раваны, государь же дал ему знак отличия, дабы все раксасы признавали его сан, и вручил кусок говяжьего мяса.

Гагак Насир тотчас взлетел к небесам и в мгновение ока достиг обители Сери Рамы, который совершал жертвоприношение и читал мантры, моля Преславного и Великого Бога преумножить его сокровенную силу. С куском говяжьего мяса в руках раксаса царил над головой Сери Рамы, но тот в молитвенном самозабвении его не замечал. Лаксамана же, прислуживавший брату, обратил взор к небесам и, поспешно приблизившись к Сери Раме, молвил: «О мой господин, взгляни на Гагака Насира, он готовится сбросить кусок говяжьего мяса в жертвенный огонь». Сери Раманемедля выхватил из костра пылающую головню и швырнул в Гагака Наспра. Тот при виде головни обратился в бегство и нырнул в морскую пучину, головня же погрузилась в море вслед за ним. Тогда Гагак Насир попытался укрыться от нее в пещере, но и это не помогло. В ужасе раксаса закричал что есть мочи, надорвал живот и остался лежать в пещере бездыханным.

Махараджа Равана долго дожидался возвращения Гагака Насира и наконец понял, что тот погиб. Едва же успел так подумать, как перед ним предстал Пераста Суда, сын Даркалаха Сины*, и когда Махараджа Равана узнал, что Махараджа Даркалах Сина пал от руки Лаксаманы и увидел Перасту Суду со всей семьей, гнев его преумножился и он воскликнул: «О дитя мое, Пераста Суда, дай срок, я отомщу за смерть твоего отца!»

С теми словами Махараджа Равана приказал подать колесницу, вместе с Махалокой и Перджангги Сурой взмошел на нее и, взмыв в поднебесье, покинул пределы Лангка Пури. По про-

шествии недолгого времени колесница Махараджи Раваны опустилась на землю, и он повелел: «О Махалока и Перджапгги Сура, отправляйтесь в обитель Сери Рамы и пусть один из вас обернется золотой ланью, а другой — серебряной. Когда же обернетесь ланями, подойдите к дому и начинайте плясать и скакать перед Сери Рамой». Махалока и Перджапгги Сура припали к стопам Махараджи Раваны и отправились в путь. Когда дорога привела их к дому Сери Рамы, они обернулись золотой и серебряной ланями и принялись скакать и плясать перед царевичем.

Приметив двух ланей, что изящно плясали и скакали, жена Сери Рамы Сита Девии попросила: «О мой господин, поймай этих ланей, чтобы я с ними позабавилась». Ответствовал Сери Рама: «Живьем их не поймать, погоди — я сразу обеих стрелой». Молвила Сита Девии: «На что они мне мертвые, излови их живыми». Сери Рама поспешно взял лук, вышел из дому и, подзывая Лаксаману, сказал: «О Лаксамана, оставайся охранять твою старшую сестру Ситу Девии, я же отправляюсь охотиться на ланей». С теми словами государь направился к лесу и устремился за ланями, а те, заметив его, бросились в чащу. Когда же Сери Рама далеко отошел от дома, Махараджа Равана, скрывавшийся в лесу, принялся его голосом громко звать на помощь.

Услыхав те крики, Сита Девии молвила, обратясь к Лаксамане: «О братец Лаксамана, ужели ты не слышишь голоса твоего брата, взывающего о помощи?» Ответствовал Лаксамана: «О госпожа, что за нужда тебе слушать, как кто-то кричит в лесу». В тот же миг до их слуха вновь донесся голос Сери Рамы, молящего о помощи, и Сита Девии сказала: «О братец, прислушайся — это мой супруг зовет нас». Ответствовал Лаксамана: «О госпожа, не обращай внимания на эти крики, ибо по воле Преславного и Великого Бога с твоим супругом ничего дурного не случится. Разве он просил помочь, когда лишил жизни Гагака Насира?». Молвила Сита Девии: «О Лаксамана, ты должен поспешить к старшему брату на подмогу. Как знать, не попал ли он в беду?» Ответствовал Лаксамана: «О госпожа, Сери Рама оставил меня здесь, чтобы охранять тебя. Если я отлучусь, а с тобой в это время случится недоброе, мне не искупить своей вины перед ним!»

Покуда они так разговаривали, из лесу опять послышался призыв на помощь. Воскликнула тогда Сита Девии: «О братец Лаксамана, неужто ты желаешь смерти своему старшему брату. Непременно разыщи его, ибо он, верно, в беде, раз взывает о помощи!» Ответствовал Лаксамана: «Твоему царственному супругу не могут причинить вреда ни люди, ни дикие твари, что обитают в этом лесу. Я же, если тебя покину, буду потом раскаиваться». Молвила Сита Девии: «Что ж, теперь я поняла, сколь ты коварен, братец Лаксамана. Ведь если Сери Рама погибнет, я, конечно же, достанусь в жены тебе». Услыхав те

слова, Лаксамана горько заплакал и промолвил: «Как ты можешь так говорить!». От стыда он не мог более ничего сказать и лишь проливал слезы. После же воскликнул: «Я оплакиваю веру в меня старшего брата, который оставил тебя под моей защитой, но, должно быть, так уж судил Преславный и Великий Бог!».

С теми словами Лаксамана вышел из дома, обошел жилище Ситы Деви, начертил указательным пальцем круг на земле*, и молвил: «О земля, я препоручаю Ситу Деви тебе. Если кто-либо попытается проникнуть в этот круг, схвати его за ноги». Отдав земле тот наказ, Лаксамана, сопровождаемый четырьмя брахманами, отправился в лес и всю дорогу лил слезы, ибо из головы у него не шло повеление старшего брата.

Когда Лаксамана отошел уже так далеко, что скрылся из глаз, Махараджа Равана, переодевшись брахманом, приблизился к дому Ситы Деви, остановился перед ним и сказал: «О невестка Дасараты Махараджи, подай мне что-нибудь, ради моей нищеты». Ответствовала Сита Деви: «О брахман, у меня ничего нет — только этот вот цветок в руке». Молвил Махараджа Равана: «О невестка Дасараты Махараджи, одари меня чем пожелаешь».

Сита Деви протянула ему было цветок, но Махараджа Равана сказал: «Я всего лишь брахман, живущий подаянием, и не могу подойти, ибо Лаксамана провел вокруг дома черту. Если хочешь явить мне милость, сама протяни за нее руку». Сита Деви опустила на землю и подала брахману цветок, брахман же молвил: «О царевна, мне не под силу пересечь черту Лаксаманы. Если ты так добра, молю — протяни руку чуть дальше, и обрешь великий плод милосердия».

Стоя внутри начертанного Лаксаманой круга, Сита Деви протянула руку брахману, а тот, ухватив ее за руку, вытащил за черту и взмыл в поднебесье. В тот день на плечи Ситы была брошена ткань золотистого цвета. Сита Деви завернулась в нее, будто в шаль, и по дороге отрывала от той ткани ленточки шириной в два пальца и бросала вниз, надеясь, что Сери Рама сумеет ее отыскать по этому следу.

Хануман в Лангка Пури

Узнав о похищении Ситы Деви, Рама начинает войну против Махараджи Раваны. Он заключает союз с царем обезьян Сугривой и посылает военачальника обезьян Ханумана в Лангка Пури проведать Ситу.

Закончив трапезу, Сери Рама снял с пальца кольцо, подал Хануману и молвил: «Если Сита Деви тебе не поверит, покажи ей это кольцо в знак того, что послан мною». Хануман взял кольцо и спрятал за щеку. После же припал к стопам Сери Рамы и вышел из серебряного балаея. Он хотел было сделать большой прыжок, но, едва лишь оттолкнулся от земли, земля не выдержала и просела. Тогда Хануман взобрался на высокое дерево и попытался прыгнуть, оттолкнувшись от него, но дерево рухнуло. Хануман влез на огромную скалу, но, как только от нее оттолк-

нулся, скала раскололась. Не зная, как поступить, Хануман предстал перед государем и обо всем ему поведал, Молвил Сери Рама: «О Хануман, оттолкнись от моей ладони и прыгай!» Хануман задергался всем телом и так сжался, что стал ростом не более пяди. Почтительно поклонившись Сери Раме, он обратился лицом к Лангка Пури и, оттолкнувшись от ладони Сери Рамы, прыгнул. Покуда же летел, уронил свое семя в море, и повелительница рыб его проглотила.

Одним прыжком Хануман достиг обители Махареси Кангниарана, и тот угостил его рисом, сваренным в крохотном горшочке. Подумал тогда Хануман: «Чтобы утолить голод, мне нужно двести или же триста таких горшочков». А Махареси меж тем молвил: «О сын мой, отведай моего нищенского риса, ибо великую приязнь питаю я к тебе». Хануман принялся за угощение, но, как ни старался, риса в горшочке не убывало. Подивившись великой сокровенной силе подвижника, Хануман попросил: «Дай мне проводника, который мог бы указать дорогу в город». С теми словами он испросил соизволения удалиться и, сопровождаемый слугой Махареси Кангниарана, зашагал в сторону Лангка Пури.

Когда они достигли города, слуга поворотил назад, а Хануман переоделся брахманом и отправился во дворец Махараджи Раваны. По пути он приметил колодец, уселся подле него в тени дерева маджа и вскоре увидел, что к колодцу пришли за водой сорок дворцовых девушек с золотыми ведерными кувшинами. Спросил Хануман: «О девушки, для кого вы носите отсюда воду?» Ответствовали девушки: «В нашем городе живет царевна по имени Сита Деви, жена Сери Рамы, которую похитил Махараджа Равана. Мы пришли за водой для ее купания».

Услыхав те слова, Хануман прошептал заклинание над одним из кувшинов, и, когда девушки отправились в обратный путь, одна из них, хозяйка того кувшина, не смогла его поднять. Девушка пришла в великое изумление, ибо что ни день ходила за водой и всегда его поднимала, на этот же раз — не могла. Молвил Хануман: «О девушка, не желаешь ли, чтобы я помог тебе поднять кувшин?» Ответствовала девушка: «О брахман, скорее помоги мне, иначе я опоздаю, и царевна разгневется на меня за долгую отлучку». Брахман тотчас поднял кувшин и отдал девушке, прежде бросив в него кольцо Сери Рамы, которое держал за щекой. Девушка же взяла свой кувшин и удалилась.

Придя к Сите Деви, она облила ее водой, и царевне на колени упало кольцо. При виде кольца Сери Рамы спросила Сита Деви: «Девушки, кого вы встретили у колодца?» Ответствовали девушки: «О госпожа, когда мы набирали в кувшин воду, около колодца в тени дерева маджа сидел какой-то отшельник». Повелела Сита Деви: «Сходите за этим брахманом и приведите сюда». Девушки возвратились к колодцу, позвали брахмана, и он без промедления предстал перед Ситой Деви.

Царевна усадила брахмана и спросила: «О брахман, кто ты и откуда явился?» Ответствовал брахман: «По повелению твоего царственного супруга Сери Рамы я прибыл сюда из города Лагур Катагина, дабы встретиться с тобой». Спросила Сита Дев: «Что ты мне расскажешь о Сери Рама?» Ответствовал брахман: «Твой царственный супруг неизменно пребывает в печали и думает об одной лишь тебе, о царевна. День за днем он тебя ждет и ни о чем, кроме вестей от тебя, не желает говорить. Потому-то он и повелел мне выспросить все о твоей жизни». Воскликнула Сита Дев: «О брахман, как твое имя, неужто и вправду тебя прислал Сери Рама?!» Ответствовал брахман: «Меня зовут Хануман, я — племянник Махараджи Балии, повелителя обезьян, макак и лемуров. Сери Рама признал меня своим сыном, а тебя назвал моей матерью, сказав: «Сита Дев — твоя мать, так же как и та женщина, что тебя родила». Воскликнула Сита Дев: «Как жаль, что я поклялась, что ни один мужчина, кроме Сери Рамы, меня не коснется, иначе, о сын мой Хануман, я непременно дала бы тебе молока из моей груди, ибо ты принес мне весть о супруге!»

Как только Сита Дев произнесла те слова, из ее груди брызнуло молоко. Она не мешкая собрала его в банановый лист и в великом изумлении молвила: «О Хануман, воистину ты мой сын, рожденный от Сери Рамы» — и с теми словами подала Хануману молоко в банановом листе.

Хануман принял лист из ее рук, выпил молоко и в великой радости пал ниц к ногам Ситы Дев. Сита Дев взяла два плода манго, приготовленные для ее трапезы, и протянула Хануману. Съев плоды, спросил Хануман, обратясь к Сите Дев: «О госпожа, где растет манговое дерево, с которого сорваны эти плоды?» Ответствовала Сита Дев: «Оно растет в саду Махараджи Раваны за железной оградой, а сверху оно затянато медной сеткой, дабы ни одна лесная тварь не могла полакомиться его плодами. Охраняет же тот сад сотня раксам, которые ни днем, ни ночью его не оставляют». Молвил Хануман: «Покажи мне это дерево. Я проникну за ограду и нарву плодов». Сказала Сита Дев: «Взгляни, вон оно растет посреди пруда с золотыми берегами».

Хануман отправился к манговому дереву, обернулся крохотной обезьянкой, ростом в локоть, и залез под него. Землю под деревом устилали опавшие листья и сломанные ветки, которые он принялся выметать. Когда раксамы, охранявшие манговое дерево, это увидели, они сказали: «О маленькая обезьянка, откуда ты тут взялась и как пришло тебе на ум заняться столь полезным делом?» Ответствовал Хануман: «Я с самого рождения живу в этом городе. Неужто вы никогда прежде меня не видели и теперь не узнаете?» Сказали раксамы: «Хорошенько выметай опавшие листья и обломившиеся веточки, а мы станем тебя кормить объедками плодов с этого дерева». С тех пор Хануман, что ни день, подметал сад, и раксамы очень веселились, видя его усердие.

Как-то раз Махараджа Равана пожаловал раксасам крепкого зелья. Они выпили его и, захмелев, повалились наземь да так и уснули под манговым деревом — кто где. Когда Хануман заметил, что раксасы, опьянев до беспомощности, затихли, он взобрался на дерево и съел все плоды. Покончив с плодами, принялся за молодые побеги и цветы, а напоследок сожрал все листья и выворотил дерево из земли.

От шума падающего дерева раксасы ни свет ни заря повскакали на ноги и, видя, что произошло, стали один другого спрашивать: «Кто это наделал таких бед?» Тотчас кликнули они маленькую обезьянку и, когда Хануман к ним спустился, спросили: «О маленькая обезьянка, не видала ли ты, кто погубил манговое дерево?» Хануман ничего не ответил, и тогда раксасы связали его, приволокли к Махарадже Раване и с почтительным поклоном сказали: «О наш господин, эта обезьянка умудрилась вырвать с корнем манговое дерево, плоды с которого идут на твой стол, и теперь оно повержено наземь вниз вершиной и вверх корнями».

Махараджа Равана подивился, как у такой крохотной обезьянки хватило сил повалить огромное дерево, и спросил: «О обезьянка, неужто это и вправду ты погубила манговое дерево?» Хануман молчал, и тогда Махараджа Равана повелел: «Убейте эту обезьянку!» Тотчас толпой сбегались раксасы, и иные из них принялись колоть Ханумана копьями, иные — дротиками, иные — крисами, те старались поразить его мечами, эти — топорами или же палицами, но не только убить не смогли — ни один волосок с его головы не упал. А в то время, как они пытались умертвить Ханумана, его хвост все вытягивался и, сворачиваясь кольцами, поднимался ввысь, покуда не вознес Ханумана выше престола Махараджи Раваны.

Тогда брат Махараджи Раваны — Бибисанам поднялся со своего места и, приблизившись к государю с почтительным поклоном, молвил: «О мой господин, повелитель мира, тебе не следует с легким сердцем глядеть на то, что вытворяет эта обезьяна. Ведь из древних писаний и гадательных книг известно, что когда-нибудь именно обезьяны разрушат Ланγκα Пури». Спросил Махараджа Равана: «Но как же нам убить эту обезьяну, если никакое оружие ее не берет?» Ответствовал Хануман: «О Махараджа Равана, если ты хочешь лишить меня жизни, возьми кусок ткани, заверни меня в него и, облив маслом, подожги. От боли я начну метаться и прыгать, а потом испущу дух».

Услышав те слова, Махараджа Равана повелел обмотать Ханумана сотнями кусков ткани и облить маслом. Раксасы принялись заворачивать обезьяну в ткани и пропитывать их маслом, но даже сотен кусков оказалось мало. Тогда казначей отомкнул множество складов, где хранились ткани, и, только полностью их опустошив, удалось наконец обмотать Ханумана с ног до головы.

Когда все было готово, Махараджа Равана приказал: «Поджигайте обезьяну!» Слуги подожгли ткани. Ярko вспыхнув, они

сгорели дотла, но на теле Ханумана ни один волосок даже не начал тлеть. С пылающим лоскутом на кончике хвоста Хануман принялся скакать по стропилам дворцовых покоев. Потом выбрался из дворца и, перепрыгивая с кровли на кровлю, спалил все жилища обитателей Лангка Пури, пощадив лишь дом Ситы Девы. Когда весь город был охвачен пожаром, Хануман поспешил к Кульзумскому морю*, бросился в воду и погасил пламя на хвосте.

А тем временем жители Лангка Пури в ужасе метались по городу. В огне погибли их жилища, на месте домов остались лишь груды пепла. В глубоком горе оттого, что Хануман сжег его дворец и город, Махараджа Равана отправил вестника в царство небожителей за Махареси Калой Индрой, и тот без промедления предстал перед государем. Оказав Махареси подобающие почести, Махараджа Равана подвел его к трону, усадил подле себя и молвил: «О мой господин, если ты вправду исполнен ко мне приязни, молю — восстанови мой город, истребленный пожаром». Ответствовал Махареси: «Да будет так!» — и с теми словами вознес молитву Преславному и Великому богу, а когда закончил, дворец государя, дома его подданных и весь город с укреплениями, воротами на четыре стороны света и рвом в одну ночь воздвиглись сами собой. Столь велика была сокровенная сила Махареси Калы Индры! Укрепления состояли из семи рядов стен превосходной кладки в сорок саженей высотой и семь толщиной. Махараджа Равана щедро одарил Махареси, и тот, испросив соизволения удалиться, возвратился на небеса.

Расскажем теперь о Ханумане. Искушавшись в Кульзумском море, он вернулся к Сите Девы и сказал: «О матушка, если хочешь, я перенесу тебя к Сери Раме». Ответствовала Сита Девы: «О дитя мое Хануман, я поклялась, что никто, кроме супруга, не коснется моего тела, Сери Рама — могучий воитель, противостоят ему невозможно, слава его разнеслась по всему свету. Разве подобает кому-либо иному освобождать его жену, похищенную недругом? Имя его станут бесчестить, а я этого не желаю, и посему пусть он сразит Равану, силой отвоюет меня и, свершив сие деяние, прославится превыше всех доблестных мужей. Вот чего жаждет мое сердце, о дитя мое. Передай же Сери Раме мои слова!»

Выслушав наказ Ситы Девы, Хануман испросил у нее соизволения удалиться и молвил: «О моя госпожа, для того чтобы достичь Лангка Пури, я оттолкнулся от ладони Сери Рамы и только тогда сумел допрыгнуть». Молвила Сита Девы: «О сын мой Хануман, взойди на гору Кетагаран, на вершине ее лежит черный камень, хранящий следы стоп пророка Адама. От него и оттолкнись, ведь когда пророк Адам нисходил с небес, он спустился именно на него». Сказав так, Сита Девы обняла Ханумана, поцеловала и вручила ему шкатулку для Сери Рамы. Хануман отправился на гору Кетагаран, отыскал камень, храня-

щий следы стоп пророка Адама, нисходившего на землю, и, простершись ниц, припал к тому камню и облобызал его. Потом задергался всем телом, обернулся обезьянкой ростом в локоть и, вскарабкавшись на камень, оттолкнулся от него с такой силой, что все окрест сотряс раскат грома. А оттолкнувшись, одним прыжком перенесся в город Лагур Катагина и опустился перед Сери Рамой.

Гибель Раваны

Война продолжается. В битвах с Сери Рамой и его воинами гибнут все сыновья, братья и военачальники Раваны.

Теперь расскажем о Махарадже Раване, державшем военный совет. Приблизился к нему везир Джама Ментри и с почтительным поклоном молвил: «О мой господин, повелитель мира, ужели ты забыл о своем сыне Муле Патани, обитающем в недрах земных, кой сумеет одолеть Сери Раму и истребить его войско». Махараджа Равана вспомнил о Муле Патани и отправился в подземное царство, ибо тот обитал ниже седьмой земной сферы. Был же тот Мула Патани столь могуч, что, пожелай он напиться из моря — море бы высохло, а обрушь свою длань на гору — гора бы обратилась во прах. Спустившись под землю, Махараджа Равана явился к Муле Патани, обнял его, поцеловал и доставил из подземного царства к себе во дворец. Там он угостил его всевозможными яствами и одарил пятьюстами коронами и тысячей браслетов, подобных свернувшимся драконам.

Мула Патани облачился в стальные доспехи, на пятьсот голов возложил по короне, на тысячу рук надел по браслету и в каждую взял оружие иного рода. Когда же он облачился и вооружился, Махараджа Равана приказал подать ему огромную колесницу, запряженную десятью тысячами слонов, и Мула Патани под звуки оркестров взошел на нее и выехал на поле битвы.

Оба воинства с великим ожесточением и яростью вступили в бой и сражались, покуда неисчислимое множество бойцов не пало бездыханными. Едва лишь Мула Патани и Сери Рама заприметили друг друга, Мула Патани метнул в противника все свои стрелы и дротики, Сери Рама отразил их, пустил в Мулу Патани стрелу, которая срезала ему сотню голов, и те покатались по земле. Вслед за тем прицелился ему в плечи и срезал стрелой две сотни рук, а затем не мешкая направил стрелу ему в бедра и срезал две сотни ног. В тот же миг Сери Рама услышал голос с небес: «О Сери Рама, срази Мулу Патани одной-единственной стрелой, ибо ему уготована смерть от твоей руки, но смотри, не стреляй в него дважды*!»

Меж тем мимо Сери Рамы просвистела стрела, пущенная Мулой Патани, и тогда Сери Рама, бросившись к воинам, что

окружали вражеского предводителя, направил стрелу ему в шею и снес остальные головы. Молвил Мула Патани: «О Сери Рама, выстрели в меня еще раз, чтобы я поскорее умер». С улыбкой ответил Сери Рама: «Именно для этого я и пустил в тебя лишь одну стрелу и не стану разить дважды». Услышав те слова, Мула Патани рухнул наземь, и от его падения земля заходила ходуном. Хануман тотчас обрушил удар на колесницу Мулы Патани, сразив десять тысяч запряженных в нее слонов, а саму колесницу разнес в щепы.

Тогда ракасы поспешили к Махарадже Раване и с почтительным поклоном сказали ему: «О наш господин, повелитель мира, множество воинов владыки подземного царства перебито, а сам Мула Патани пал от руки Сери Рамы. Погибло также немало твоих военачальников, о государь, а окрест на сотни йоджан разлилось море крови, волны коего прибывают к стенам Лагга Пури трупы сраженных ракас, слонов и коней».

Выслушав их донесение, Махараджа Равана страшно разгневался. Не мешкая вышел он из дворца, поднялся на колесницу, запряженную тысячей коней и тысячей летучих львов и украшенную сотнями раскрытых зонтов и стягов, и под звуки оркестра выехал на поле боя. Лаксамана, увидев, что Махараджу Равану заслоняет множество воинов, пробился сквозь их ряды и выступил вперед. Но в тот же миг стрела Махараджи Раваны вонзилась ему в самое сердце, и Лаксамана рухнул на руки Хануману.

Как только Сери Рама увидел, что Лаксамана ранен, он тотчас вернулся, подхватил брата и в глубоком горе обнял его. И молвил тогда Махараджа Бибисанам: «Если Лаксаману немедля не исцелить, стрела начнет расти, пустит корни, раскинет ветви и зазеленеет листвою. Если же попытаться ее выдернуть, вместе с ней можно вырвать сердце твоего царственного брата, ибо стрела засела в нем глубоко».

Хануман поспешил на гору Анджани за целебным корнем для Лаксаманы, но уже стемнело, луна скрылась, и он не сумел его отыскать. Тогда он выворотил из земли гору и, подумав: «Только бы мне не опоздать!» — во всю прыть пустился назад. А в ту пору Сери Рама жестоко скорбел, ибо Хануман все не возвращался. Когда же он явился, неся на плечах гору, государь обрадовался и молвил: «О дитя мое Хануман, ступай и принеси камень, на котором мы истолчем целебный корень. Он хранится в опочивальне Махараджи Раваны и Манду Даки, под их ложем».

Сказав так, Сери Рама отыскал на горе корень, которым можно было исцелить рану Лаксаманы, а гору Хануман зашвырнул в море. Потом одним прыжком перенесся во дворец Махараджи Раваны и, приметив, что двери на запоре, обернулся зеленой мухой, забрался в замочную скважину и отпер замок. Дверь отворилась, и Хануман, войдя во дворец, связал Махараджу

Равану и государыню Манду Даки друг с другом волосами, взял камень, на котором толкут снадобья, и отнес Сери Раме. Махараджа Бибисапам истолок корень, приложил к ране Лаксаманы, и стрела тотчас исторглась из его сердца. Лаксамана ожил, и Сери Рама, видя, что его брат исцелен, преполнился великой радости.

Меж тем Махараджа Равапа пробудился ото сна, понял, что связан волосами с государыней Манду Даки, и, как ни старался, не мог их развязать. Хануман же воскликнул: «О Махараджа Равапа, ты похвалялся мужеством, отвагой и великой сокровенной силой, но вот нынче ночью я побывал в твоём дворце, похитил камень, на котором истолкли снадобье для Лаксаманы, и связал тебя с женой волосами, а ты даже не проснулся. Если бы я не страшился господина моего Сери Рамы, то убил бы тебя, но он мне этого не позволил. Что же до Лаксаманы, то он уже здоров и невредим».

Услыхав те слова, Махараджа Равапа пришел в великую ярость и воскликнул: «О государыня, ударь меня по голове!» Манду Даки так и сделала, и связанные узлом волосы развязались, но теперь Сери Рама мог сразить Махараджу Равану, ибо его ударила по голове женщина.

Искупавшись в воде, смешанной с лимонным соком, Махараджа Равапа облачился в обычные одеяния, вооружился для битвы и под звуки оркестров явился на поле боя, сопровождаемый военачальниками и войском, шествовавшими с оглушительным шумом. Еще не успев встретиться с Сери Рамой лицом к лицу, Махараджа Равапа перебил множество его воинов. Тогда военачальники Сери Рамы в амоке устремились на войско Махараджи Раваны, и с обеих сторон poleglo столько воителей, что и не счесть.

На исходе дня войско Сери Рамы, торжествуя победу, возвратилось в свой стан, а когда вновь рассвело, Махараджа Равапа вместе со всеми биксу и брахманами отправился помолиться и совершить жертвоприношение, дабы от дыма жертвенного костра Сери Рама обессилел. Хануман, желая этому помешать, стал швырять в Махараджу Равану холмы и горы, но не смог нарушить его сосредоточения. И сказал тогда один из везиров Махараджи Раваны по имени Махадева Ментри: «Эй Хануман, похити жену Махараджи Раваны Манду Даки и покажись ему с нею, дабы он прервал молитву». Хануман одним прыжком перенесся во дворец Махараджи Раваны, отыскал государыню Манду Даки и, посадив к себе на бедро, привязал сложенным всемеро платком. Потом предстал перед Махараджей Раваной и молвил: «О Махараджа Равапа, ты, верно, забыл всякий стыд. Может ли могущественный государь хранить молчание, когда его жену похитили. Если ты вправду мужчина, давай сразимся».

Услыхав голос Ханумана, Махараджа Равапа открыл глаза и увидел, что его жена спит у обезьяны на бедре. С ярост-

ным криком он вскочил и выхватил из пояса крис, а Хануман тем временем прыгнул в жертвенный костер и раскидал его ногами. Погасив же костер, пустился наутек, словно бы играя с Махараджей Раваной и унося государыню Манду Даки. Махараджа Равана чуть не задохнулся от гнева, а Хануман развязал платок, опустил государыню на землю и возвратился к Сери Рама. Что же до Махараджи Раваны, то он, раздосадованный неудачным жертвоприношением, вместе с Манду Даки возвратился во дворец.

Когда рассвело, Махараджа Равана вышел на поле битвы и стал напротив Сери Рама, который воскликнул: «О Махараджа Равана, не пойму, на что тебе оружие. Приблизься, и хотя ты вооружен, уж я попотчую тебя отменными яствами и напитками!» Ответствовал Махараджа Равана: «О Сери Рама, наберись терпения — со мною тебе не обойтись, как с прежними противниками!»

Бросив друг другу вызов, они вступили в бой, и Махараджа Равана метнул в Сери Раму дротик и пустил стрелу. Сери Рама их отразил, а вслед за тем сам направил в Махараджу Равану стрелу, именовавшуюся Гандевати. Стрела снесла повелителю ракас восемь голов, но все восемь тотчас выросли снова — столь велика была сокровенная сила Махараджи Раваны! Наконец они прервали сражение и возвратились в свои станы.

На следующее утро Махараджа Равана вновь выехал на колеснице на поле боя. В сотнях рук он сжимал стрелы и дротики и все их метнул в Сери Раму, однако не причинил ему никакого вреда. Сери Рама же пустил стрелу и снес Махарадже Раване девять голов. Хануман тотчас их подхватил и отнес государыне Манду Даки, которая, узнав те головы, взяла кусок ткани и с плачем завернула их в него. Хануман же похитил волшебный меч Махараджи Раваны, который тот вымолил у богов, принес его Сери Рама, и Махараджа Равана лишился своей сокровенной силы.

Сери Рама пустил стрелу в маленькую головку Раваны, сокрытую пониже его правого уха, срезал ее, и Махараджа Равана, не в силах более держаться на ногах, рухнул наземь. Сери Рама взял из рук Ханумана меч, приставил к груди Махараджи Раваны и молвил: «О Махараджа Равана, если бы ты сразу возвратил мне жену, я непременно стал бы твоим военачальником, и тогда величие и слава, кои даровал тебе Преславный и Великий Бог, преумножились бы стократ. Ныне же ты изведal силу моей руки». Ответствовал Махараджа Равана: «О Сери Рама, к чему пустые слова, ведь таков уж обычай доблестных мужей! Будь у меня еще силы, ты не посмел бы так со мною разговаривать, до что бы там ни было желание мое исполнилось и я получил все, что хотел*. А теперь убирайся, не то ты вновь попытаешься меня убить».

Услыхав те слова, Сери Рама ударил Махараджу Равану мечом и разрубил надвое, но жизнь так и не покинула повелителя раксас. Со всеми военачальниками и войском Сери Рама вступил в Лапгка Пури, и сопровождали его Лаксамана, Махараджа Бибисанам, Махараджа Сугрива, Хануман, Нила Бута, Анггада Нила, Хануман Туганггах, Анггада Маха Биру, Нула и Каранг Туял *, от чьих громовых кликов содрогнулся весь город.

Когда государь вошел во дворец Ситы Девы, та, едва лишь его увидела, спустилась из своих покоев и бросилась к Сери Раме, дабы припасть к его стопам. Молвил тогда Сери Рама: «О царевна, не притрагивайся ко мне, ибо я страшусь, что Махараджа Равана тобой овладел». С почтительным поклоном ответствовала Сита Девы: «О мой господин, Махараджа Равана ни разу меня не коснулся, и я не приближалась к нему более чем на десять саженей. Я поклялась, что ни один мужчина не притронется ко мне. Лишь тебе, о господин, принадлежит мое тело. Если же ты мне не веришь, скажи, какую клятву мне принести в доказательство своей верности тебе?» Ответствовал Сери Рама: «О Сита Девы, войди в пылающий костер, и я тебе поверю».

Сказав так, Сери Рама пошел с Хануманом в сад и приказал принести туда келембака, алоэ и сандалового дерева, сложить из них костер перед покоями Ситы Девы, высыпать в костер по нескольку гантангов мускуса, амбры и шафрана, а дрова облить маслом. Царевну Ситу Девы усадили на золотой трон и воздвигли тот трон на костер. Сери Рама воссел на другой трон и повелел поджечь дрова с четырех сторон. Когда костер ярко запылал, Сита Девы приподнялась на троне, обратила взор на Сери Раму и почтительно поклонилась ему из огненного круга.

Через некоторое время костер потух. Пламя не поглотило Ситу Девы и даже не раскалило ее трон. Увидев, что Сита Девы не сгорела, Сери Рама кинулся к ней, обнял и поцеловал. Потом отнес ее в золотой дом, приказал служанкам подать розовой воды, шафрана и нарда и искупать царевну. Свершив омовение, Сита Девы вместе с Сери Рамой воссела на трон, усыпанный драгоценными камнями, жемчугом и самоцветами.

ПОВЕСТЬ О ПОБЕДОНОСНЫХ ПАНДАВАХ

В 860 г. правитель древнемалайского государства Шривиджая построил в Наланде — блестящем центре буддийской учености Индии — монастырь, которому государь из бенгальской династии Пала даровал «на прокормление» множество деревьев, о чем извещал в стихотворной надписи на медной табличке. Среди стихов, в которых восхвалялся шривиджайский правитель, были, в частности, такие: «Он — величайший из воителей на поле брани, сравнившийся славой с Юдхиштхирой, Парашарой, Бхимасеной и Арджуной». Доблестные витязи, с которыми панегирист сравнил государя, не кто иные, как герои великого санскритского эпоса «Махабхараты», а поскольку содержание надписи должно было быть понятным хотя бы самому восхваляемому и его приближенным, можно предположить, что уже в середине IX в. малайцы были знакомы с этим произведением. Однако привело ли это знакомство к созданию древнемалайских вариаций на сюжет «Махабхараты», как это случилось несколько позднее на Яве, сказать невозможно. Дошедшие до нас списки малайских версий эпосов написаны арабским шрифтом, а потому не могли появиться ранее конца XIV—XV в., содержание же их указывает на то, что к санскритскому источнику они, несомненно, восходят через яванское посредство.

Наиболее полной малайской версией «Махабхараты» является «Повесть о пяти Пандавах», сюжет которой, если опустить многочисленные боковые линии, таков. Коровы при попустительстве своего отца — Дестараты стремятся лишиться власти над Астинапурой (Городом Слонов) ее законных наследников Пандавов (Дармавангсу, Биму, Арджуну, Сакулу и Садеву), приходящихся им двоюродными братьями. Глава Коровов — Дурьюдана с помощью хитрости выигрывает Астинапuru в кости у старшего из Пандавов — Дармавангсы, подвергает Пандавов всевозможным надругательствам, заставляет выполнять трудные задачи и, наконец, обещает возвратить им половину царства, если они, никем не узнанные, проведут в изгнании двенадцать лет. По прошествии этого срока Пандавы требуют, чтобы Дурьюдана исполнил обещание, но он отказывается, и тогда начинается война, не знающая себе равной, в которой один за другим гибнут все Коровы и множество родственников и союзников Пандавов — в их числе могучие богатыри, сыновья Бимы и Арджуны — Гатоткача и Абиманью. В конце концов Пандавы одерживают победу и возводят Дармавангсу на престол Астинапуры. Не менее известная «Повесть о победоносных Пандавах» начинается с требования пяти братьев возвратить им половину царства и описывает лишь события самой войны.

Первоначально предполагалось, что малайские повести о героях «Махабхараты» представляют собой переводы и переработки утонченных древ-

появанских поэм — *какавинов*, язык которых — *кави*, как считали, был непонятен уже в XV в. Со временем, однако, выяснилось, что знание кави сохранялось значительно дольше, возможно, вплоть до XVIII в., и что еще важнее. малайские версии обнаруживают заметное сходство с песнями яванского кукольно-теневого театра *ваянг пурва*, существующего и поныне, основу репертуара которого составляют яванские переработки «Махабхараты». Все же рация датировка по крайней мере части этих версий (XV — начало XVI в.), по-видимому, справедлива. Сейчас очевидно, что песни ваинга претерпели длительную эволюцию и первоначально были гораздо ближе по содержанию к поэмам-какавинам. Далаинги во время представления строго следовали их сюжетам, рецитировали большие фрагменты поэм, которые переводились на современный язык. Поэтому не столь уж существенно, восходят ранние малайские версии «Махабхараты» непосредственно к какавинам или к подобным пьесам «старинного стиля».

Имеются свидетельства популярности пьес ваинга, в частности пьес о героях «Махабхараты», в малайских султанатах не позднее первой половины XVI в. Так, вскоре после взятия Малакки португальцами Томе Пиреш писал, что ее жители увлекаются «представлениями на яванский манер», а один из персонажей «Малайских родословий» носит имя Раджуна Таца, т. е. Арджуна-отшельник, вызывающее ассоциации с какавином «Арджуна-навиваха» («Свадьба Арджуны»), мотивы которого встречаются в малайской «Повести о пяти Пандавах». В относящихся к середине XVI в. частях другого исторического сочинения, «Повести о Банджаре», упоминается о ваинге, и в частности о правителе Сакар Сунгсанге, убитом во время показа пьесы о Победоносной войне, т. е. о тех самых событиях, которые излагаются в «Повести о победоносных Пандавах». Сам характер этой повести, точно соответствующей какавину «Бхаратаюддха» («Война Бхаратов») и сохраняющей все наиболее выразительные в художественном отношении сцены из него, также свидетельствует о ее древности и связи если не с самим этим какавином, то с близкими к нему архаичными пьесами ваинга.

Чем же были привлекательны повести о героях «Махабхараты» для малайских читателей-мусульман? Судя по содержанию повестей, отнюдь не теми философскими идеями, что пронизывали санскритский эпос. «Божественная Песнь» (Бхагавадгита), игравшая в «Махабхарате» роль смыслового центра, уже в древнеяванской «Бхаратаюддхе» была заменена всего лишь двумя стихами, в которых Арджуна выражал свое смятение перед битвой с родичами и наставниками, а Кришна призывал его следовать кшатрийскому долгу. То же самое, естественно, наблюдается и в «Повести о победоносных Пандавах». Другой древнеяванский какавин, «Дэва Ручи», рассказывающий о мистическом самопознании Бимы, превратился в малайской переработке в повесть о вероломстве и отмщении за него. В произведениях на сюжеты «Махабхараты» малайцы видели прежде всего увлекательные повествования о героях, являвших собой эталон воинской доблести и куртуазного поведения. Не случайно в «Повести о макассарской войне» (1670) макассарские воины, сражавшиеся с голландцами, сравниваются с Арджуной, Бимой и Гатоткачей, а в народной поэзии Арджуна выступает излюбленным персонажем любовных пантунов и приворотных заклинаний.

Вторым достоинством повестей, не менее важным в глазах малайских ценителей, была их красота, истинными знатоками которой, по свидетельству «Повести о раджах Пасея» (см. с. 138), издревле считались яванцы и которая, как было принято думать, оказывала уравновешивающее и очищающее воздействие на душу читателя. В «Повести о победоносных Пандавах» перед нами проходит вереница изысканных описаний, оставшихся, пожалуй, непревзойденными в малайской классической литературе. Наиболее выразительны сцена гибели Абиманью (кровь, сочащаяся из ран, как бы рисует на его теле свадебные узоры жениха, вступающего в брак со смертью) или противопоставление медового моря любви кровавому морю битвы в повествовании о Махарадже Салье. Впоследствии, заметно упрощенные и поблекшие, некоторые из этих описаний станут общими местами и войдут во многие произведения, в частности в повести о Панджи.

Посольство Бетары Кришны и начало Великой войны

Теперь расскажем о пятерых Пандавах, пребывавших в стране Индрапаста *. Как-то раз Махараджа Дармавангса восседал на престоле, а Бетара Кришна, Махараджа Мангсалати, раджи, верные Пандавам, и их везиры и военачальники предстояли перед ним. Так же и Санг Бима, Санг Арджуна, Сакула, Садева, Санг Сета, Санг Утара, Санг Дастаджаман, Санг Сетьяки, Махараджа Гатоткача, Санг Абиманью и Ираван * со своими везирами восседали пред лицом его величества, ибо он повелел им всем собраться в алмазном балее, украшенном бахромой из нитей жемчуга.

И молвил Махараджа Дармавангса, обратясь к Бетаре Кришне: «О старший брат, если можешь, отправляйся к Махарадже Дурьюдане и попроси его исполнить обещание, данное мне. Коль скоро он возвратит нам половину царства, то сие воистину станет знаком нашей братской приязни». Ответствовал Бетара Кришна: «Да будет так, ибо дело моего младшего брата — мое дело».

Сказав так, Бетара Кришна простился с Махараджей Дармавангсой и спустился с балея, а Махараджа Дармавангса повелел Санг Сетьяки последовать за ним. И Санг Сетьяки взошел на колесницу Бетары Кришны, дабы лететь вместе с ним в Астинапуру, колесница же устремила в поднебесье и, сокрывшись в облаках, едва угадывалась за их пеленой, словно выглядывающая из-за дверной завесы красавица.

По прошествии недолгого времени вдали появился украшенный самоцветом шпиль дворца Махараджи Дурьюданы, сияющий подобно солнцу, колесница понеслась быстрее, внизу же показались купы деревьев, произраставших в Астинапуре. И те деревья качали на ветру ветвями, словно люди, приветственно машущие Бетаре Кришне; лесные твари гомонили, словно бы радуясь его приходу; соловьи щебетали, будто спрашивали об Арджуне, а рыбы в пруду Махараджи Дурьюданы всплывали на поверхность, точно хотели с почетом встретить гостя. Когда же колесница пролетела мимо, они принялись резвиться меж водяных лилий либо спрятались под цветами лотосов, словно под украшенными бахромой зонтиками.

Вскоре Бетара Кришна увидел сад Махараджи Дурьюданы, чьи лужайки, заросшие цветами, казались с высоты многоцветными циновками, а каменные глыбы на лужайках — разбросанными на тех циновках подушками. Столь прекрасен был его сад! И все деревья и цветы, произраставшие в нем, томилась страстным желанием увидеть Санг Арджуну. Мы не станем более продолжать рассказ о саде Махараджи Дурьюданы.

Меж тем Бетара Кришна опустился на землю у стен Астинапуры и встретился там с четырьмя отшельниками. Первого из них звали Бегаван Гуру, второго — Бегаван Гупта, третьего —

Бегаван Брусар, четвертого — Бегаван Берма. И Бетара Кришна пригласил их в свою колесницу и стал беседовать с ними, они же спросили, обратясь к нему: «По какому делу прибыл ты, о господин?» Ответствовал Бетара Кришна: «Я прибыл сюда по повелению Махараджи Дармавангсы и Пандавов, дабы просить Махараджу Дурьюдану исполнить данное им обещание». Молвили отшельники: «Мы последуем за тобой, ибо были свидетелями, когда он давал то обещание». И еще сказали: «Когда станешь говорить с Махараджей Дурьюданой, вежди учтивые речи. Как знать, быть может, он и последует им». Ответствовал Бетара Кришна: «Да будет так!»

И Бетара Кришна достиг ворот Астинапуры и въехал в них, слуги же донесли Махарадже Дурьюдане, что по повелению Пандавов к нему прибыл Бетара Кришна. Услыхав их донесение, Махараджа Дурьюдана приказал Патиху Сангкуни* созвать Коровов и сообщить их царевичам и воинам, что им надлежит собраться во дворце.

Первыми явились на зов Арья Дедари, Санг Санджайя, Бегаван Бисма, Дангянг Дрона, Махараджа Салья, Махараджа Джайядрата, Махараджа Бхагадата и Махараджа Ракама*. Следом же за ними во дворце собрались и все сто семь царевичей — Коровов со своими везирами и военачальниками. Тогда Арья Дастарата* приказал царевичам Коровов оказать Бетаре Кришне подобающие ему почести и принять его как гостя. Еще же повелел торжественно встретить его с оркестром.

Когда Бетара Кришна услышал звуки оркестра, торжественно его приветствовавшего, он замедлил бег своей колесницы. А женщины Астинапуры, стали меж тем отовсюду сбегаться на улицу, по которой он ехал, дабы взглянуть на него, и иные из них прибежали с распущенными волосами, не успев уложить их в пучок; иные — в распахивавшихся кайнах, кое-как обернутых вокруг бедер; иные — набелив лишь половину лица; иные — второпях не окончив прически; иные — подведя лишь один глаз. Торговки бросали свои товары, и лавочницы покидали лавки, восклицая: «Пусть воры расхилят наше достояние — зато мы увидим Бетару Кришну!» Иные спешили к нему, успев лишь до половины умастить голову, иные же — лишь до половины припудрив тело. Те, что нянчили детей, оставляли их, мечтая лишь о том, как бы увидеть Бетару Кришну. Те, что предавались ласкам с мужьями, покидали мужей и, поддерживая руками груди, кричали: «Перси свои мы приносим в дар Бетаре Кришне!» Многие несли на руках кукол из слоновой кости и, указывая на Бетару Кришну, шептали им: «Взгляните, вот ваш отец — Бетара Кришна». Иные же взбирались на помосты и, когда помосты рушились под их тяжестью, ломали руки и ноги либо ушибались и получали растяжения.

Въехав в город, Бетара Кришна пренебрег дворцом Махараджи Дурьюданы и отправился во дворец Арьи Дастараты,

копй тотчас же вышел к нему, усадил и восславил подобающим образом. Следом за ним все раджи Коравов оказали почёсти Бетаре Кришне, Арья Дестарата же одарил его почетными одеждами и уборами, усыпанными самоцветами. Бетара Кришна переменил одежду, и едва лишь он облачился, Арья Дестарата принялся угощать его многообразными лакомствами, приготовленными поварами Астинапуры. И Бетара Кришна весьма радовался, глядя, как все раджи превозносят его.

Тем временем Махараджа Дурьюдана с братьями вошел во дворец, неся угощения, дабы попотчевать ими Бетару Кришну. Тот же не пожелал притронуться к тем угощениям. И молвил Махараджа Дурьюдана, обратясь к Бетаре Кришне: «Окажи милость, о господин, что бы ни было у тебя на сердце, отведай моих угощений». Ответствовал Бетара Кришна: «Не подобает мне вкушать их, ибо обычай гонцов не позволяет есть и пить с теми, к кому они посланы, покуда не разрешено порученное им дело». Сказав же так, испросил у Арьи Дестараты соизволения удалиться и хотел было отправиться в дом Арьи Видуры, однако Бетари Кунти повелела в ту пору призвать его к себе.

И Бетара Кришна припал к стопам Бетари Кунти, она же обняла его и поцеловала в великой радости, ибо надеялась, что вместе с Бетарой Кришной в Астинапуру прибыли Пандавы. Спросила Бетари Кунти: «Не прибыли ли с тобой Пандавы?» С почтительным поклоном ответил Бетара Кришна: «Нет, о госпожа, Пандавы остались в своей стране». И Бетари Кунти заплакала и молвила, обвив руками шею Бетары Кришны: «Встреча с тобой для меня все равно что встреча с Пандавами. Знай об этом». И голос ее пресекся от рыданий. Ответствовал Бетара Кришна: «Если ты, матушка, хочешь повидаться с сыновьями, я возьму тебя с собой. Тяжко мне видеть твою горе». И Бетари Кунти угостила Бетару Кришну, он же, отведав ее яств и напитков, простился и отправился в дом Арьи Видуры.

После того как Бетара Кришна покинул дворец, Махараджа Дурьюдана повелел призвать к себе Махараджу Карну, Санг Дурсану* и Патиха Сангкуни, ибо никогда не пренебрегал их советами. Лишь только эти трое мужей явились во дворец, государь стал держать с ними совет и решил последовать таким речам Махараджи Карны, кои тот поверг к его стопам: «О господин, если вы отдадите Пандавам половину царства, они сочтут вас виновным во всем. Разве не для того вы пестовали своих многочисленных братьев и оказывали милости нам, чтобы мы защищали вас от недругов и врагов? Что же до Бетары Кришны, то он по дочери свойственник Пандавам — потому, когда вы предложили ему угощения, он не пожелал даже притронуться к ним. Я сам выйду на бой с Арджуной, и либо он одолеет меня, либо сам падет от моей руки». С почтительным поклоном молвил Патих Сангкуни и Санг Дурсана, согласные с Махараджей Карной: «Мы сразимся с Санг Бимой и либо

одолеет его, либо падет от его руки». Посовещавшись с приближенными, Махараджа Дурьюдана удалился во внутренние покои дворца, а Махараджа Карна, Санг Дурсана и Патих Сангкуни отправились домой.

Теперь расскажем о жене Махараджи Дурьюданы — Девы Банувати, с коей не могла сравниться красотой ни одна дочь человеческая и ни одна небожительница. Была она прелестительна, словно медовый океан, лицо же ее блистало и распространяло окрест сияние, словно полная луна в четырнадцатую ночь.

Преисполненный великой любви и жалости к жене и видя ее волнение, Махараджа Дурьюдана не стал ей ни о чем говорить, потому что сам не на шутку тревожился, раздумывая о предстоящей войне. Не желая отдать половину царства, он мог павлечь на свою страну гибель, а отдавать его не желал, ибо уже пообещал сражаться с Арджуной и Пандавами.

Меж тем занялась вечерняя заря, по небу поплыли облака многообразных очертаний, и края их заалели, словно кровь, окаймившая белую ткань. Потом стемнело, и когда из-за облаков выплыла ясная луна, Дева Банувати со служанками вышла полюбоваться на нее в сад, именуемый Умеряющий Печали.

Придя в сад, служанки предались всевозможным забавам, всякая на свой лад. Одна мурлыкала песенки, другая читала параспев поэму, третья — танцевала. Иные же тяжело вздыхали, либо искали забвения в игре на цитре, либо нашептывали слова любви, ибо весть о том, что Арджуна не пришел в Астинапуру, разбила их сердца, словно стекло о камень. Тогда Дева Банувати заиграла на деревянном ксилофоне и стала танцевать с медлительным изяществом, взволнованная звуками музыки, томительными и нежными, как голос девушки, приведенной в восторг ласками юного любовника. Поняв, что на сердце у их госпожи, принялись танцевать и служанки, чьи лица были так прелестны, что казались нарисованными на картине, а движения, пленительные и сладостные, как плоды мангустана с медом, очаровывали всех, кто ими любовался. После же, отмеряя время, во дворце дважды ударили в барабан, и Дева Банувати удалилась в опочивальню.

Рассказывают, что столь великолепен был сад Махараджи Дурьюданы, что даже ясная луна дивилась, взирая на него. Все в нем было из золота и серебра, садовая ограда, унизанная самоцветами, — из драгоценного сплава, украшали же ее золотые изображения, запечатлевшие пьесу о Раме от начала и до конца. Вокруг дворца в прекрасных вазах росли всевозможные цветы, и, когда ветерок овеивал покои Махараджи Дурьюданы, он приносил во дворец благоухание их лепестков. Посреди четырехугольника дворцовых построек вздымался храм небывалой высоты, зеркальный шпиль которого венчал огромный рубин. Несказанно прекрасные отражения теремов в кровле храма тешили взор,

а его соседство преумножало их прелесть. По правую и левую руку от храма высились два балей из резной слоновой кости, покоившиеся на золотых основаниях, усыпанных драгоценными камнями, а подле них — третий балей из полированного черного дерева, изукрашенного золотом и осыпью самоцветов пяти родов.

И хотя все на небесах создано руками божественных зодчих, а не сынов человеческих, дворец Махараджи Дурьюданы великолением превосходил их творения, и всякий, кто любовался им, уподоблялся юноше, взирающему на красавицу в драгоценных уборах.

Меж тем, едва лишь время подошло к полуночи, все звуки внезапно смолкли, и наступила глубокая тишина — знамение близкой гибели города. Взошедшая луна скрылась за тучей и время от времени появлялась из-за нее, словно прелестный лик девушки, выглядывающей из-за дверной завесы. Начал накрапывать дождь, прошелестел легкий ветерок, и облака в небесах обрели многообразные очертания. Птицы в тревоге заматались из стороны в сторону, не находя себе места, словно те мужья, что взяли себе двух жен. Зазвучали голоса козодоев, чьи томительные крики разнеслись окрест, будто звон запястий на руках девушки, плачущей и причитающей при виде приближающегося к ней мужчины. Пчелы жужжали в своих дуплах, и их гудение было подобно нежному шепоту мужа, ласкающего жену за завесой. Когда же занялась утренняя заря, повсюду запели петухи, брахманы зазвонили в колокольчики и начали жертвоприношение, воскуря благовония пред статуями богов и осыпая их цветами.

Наутро Махараджа Карна, Санг Дурсана и Патих Сангкун вместе со всеми Коравами явились во дворец, дабы предстать пред Махараджей Дурьюданой. Тогда государь и Арья Дестарата вышли в зал для приемов, сжимая в руках оружие, и Махараджа Дурьюдана воссел на престол, а вровень с ним воссели Бегаван Бисма и Дангянг Дрона. Все же царевичи Коровов, а также десятки тысяч сановных раджей и десятки тысяч царевичей, не возведенных в сан владык, предстали пред государем. И Махараджа Дурьюдана повелел одному из советников призвать Бетару Кришну во дворец Арьи Дестараты, и Бетара Кришна явился на его зов, сопровождаемый Арьей Аруреной и Санг Сетьяки.

Когда царевичи Коровы увидали, что Бетара Кришна вошел в зал для приемов, они оказали ему подобающие почести. Затем Махараджа Дурьюдана повелел ему садиться, и Бетара Кришна воссел на трон, поставленный выше, чем троны бесчисленных царевичей — Коровов, а обитатели горных высот — индры возгласили с небес, что Бетара Кришна — отпрыск их корня. Услыхав их голоса, Коровы и Махараджа Дурьюдана обратили взоры к небесам, Бегаван Бисма же и Дангянг Дрона указали им обитель индров.

И Махараджа Дурьюдана приветствовал индров почтительным поклоном, после же скрестил руки на груди и стал слушать. Бетару Кришну, коий пред лицом неисчислимых владык передал ему слова Махараджи Дармавангсы, сказав: «Махараджа Дармавангса просит тебя, господин, исполнить свое обещание и отдать ему половину царства. Ежели ты, господин, сделаешь это, то воистину вы станете братьями».

Молвил тогда Арья Дестарата, обратясь к Махарадже Дурьюдане: «Надлежит тебе последовать словам Бетары Кришны, ибо они, сказанные во благо, положат конец распри и принесут процветание и мир твоим подданным». Услыхав те слова, Махараджа Дурьюдана бросил взгляд на Махараджу Карну, Патиха Сангкуни и Санг Дурсану. Санг Дурсана же воскликнул: «Все это — лишь пустые речи!» Однако Бегаван Бисма, Дангянг Дрона и четверо отшельников, повстречавшихся с Бетарой Кришной у ворот города, согласились с Арьей Дестаратой. Выслушав их, Махараджа Дурьюдана поглядел на Махараджу Карну, поднявшись с места, подал ему знак и громко сказал: «Я не отдам Пандавам половины царства. Пусть Махараджа Дармавангса поступает как хочет, я ему препятствовать не стану». С почтительным поклоном молвил Махараджа Карна, обратясь к Махарадже Дурьюдане: «О господин, вам лучше удалиться во внутренние покои. Нет нужды так долго находиться на людях».

И Махараджа Дурьюдана, пылая гневом, вошел во дворец и повелел пригласить к себе отца и призвать Махараджу Карну, Санг Дурсану и Патиха Сангкуни. И когда они предстали пред Махараджей Дурьюданой, молвил он, обратясь к отцу: «О господин мой, не долгие речи, я буду говорить». После же взглянул на Махараджу Карну и сказал: «Подстроим западню Бетаре Кришне». И его величество приказал собрать раджей и царевичей с их боевыми слонами и конями и окружить покои дворца, в коих пребывал Бетара Кришна, не ведавший о сговоре Коровов. Однако Санг Сетьяки, слышавший речи Махараджи Дурьюданы, предостерег Бетару Кришну: «О господин, будьте начеку, ибо Махараджа Дурьюдана замыслил напасть на вас».

Услыхав слова Санг Сетьяки, Бетара Кришна улыбнулся, поднялся на балей и предстал пред царевичами — Коравами. В тот же миг балей Махараджи Дурьюданы, покоившийся на тысяче двухстах высоких столбах, заходил ходуном, и все слуги государя попадали наземь, ломая руки и ноги. Бетара Кришна же явил свою сокровенную силу, и у него тотчас же выросли тысяча голов, две тысячи рук и две тысячи ног. Он стал несказанно огромен и так высок, что его головы касались небесной обители индров. На каждой из тысячи голов блистала корона, в каждой из тысячи рук сверкало оружие. Глаза его горели красным огнем, словно солнце на восходе. Отверстая пасть зияла, словно пещера. Длинные волосы, покрывавшие тело, достигали земли, и с каждого волоска свешивался чудовищный людоед-

раксаса, с вытаращенными глазами и ощеренными острыми клыками. С громовым ревом Бетара Кришна спустился с балей, и от того рева зашатались горы, задрожала земля, словно бы трус всколыхнул ее, и вздыбились волны на море. Все звери разбежались кто куда, а морские твари всплыли на поверхность.

И Махараджа Дурьюдана с Коравами ужаснулись при виде Бетары Кришны, объятого гневом, и обратились в бегство. А Бегаван Бисма, Дангянг Дрона и четверо отшельников принялись умолять Бетару Кришну смирить ярость и осыпали его лепестками цветов, падавшими, словно частый дождь. И так сказали отшельники, обратясь к Бетаре Кришне: «О Бетара Кришна, умерь свой гнев, ибо иначе вселенной, которую мы храним, грозит гибель. Если ты хочешь лишить жизни Махараджу Дурьюдану, мы не мешкая исполним твою волю. Однако тщетным будет тогда обет Санг Бимы, поклявшегося сокрушить палицей бедра Махараджи Дурьюданы, и обет Девы Драупади, давшей слово омыть волосы в крови Санг Дурсаны».

Услыхав мольбы отшельников, Бетара Кришна привял свой прежний вид и отправился в обратный путь. Придя же к Махарадже Дармавангсе, передал Пандавам почетные одежды и пересказал Махарадже Дармавангсе все, что говорили Махараджа Дурьюдана и отшельники. И Махараджа Дармавангса улыбнулся, выслушав рассказ Бетары Кришны.

Покуда они говорили, наступил вечер, и Махараджа Дармавангса с Бетарой Кришной, Пандавами и их военачальниками и воинами сели за пир и предались веселью. Наутро же Пандавы в полном боевом облачении взошли на колесницы и выступили в поход. А Патих Удара остался охранять страну.

И облачение отправившихся в путь воинов сияло, словно солнце, встающее из-за гор. Возглавлял их шествие Санг Бима, чью колесницу из дамасской стали влекли две сотни слонов. Его стяг из черного бархата был огромен, как раскидистый варингин, а зонт поражал всякого небывалой величиной. В пути Санг Бима восславил богов, прося у них благоприятного ветра, и тотчас же из его тела вырвался стремительный вихрь. В руках Санг Бима сжимал палицу, именуемую Лубвадана и славящуюся своей сокровенной силой. Ежели он обрушивал удар той палицы на море — море высыхало, если обрушивал удар на гору — гора раскалывалась, а если вращал ею над головой — на землю нисходила тьма, и Санг Бима сражался во тьме, словно одинокий слон, что, опьяненный дурманом, не обращает внимания на полчища врагов. Вдоль всей дороги гремел его воинственный клич. Когда на его пути попадались ущелья либо горные потоки, он одним прыжком одолевал их, когда же встречались слоны и львы, тигры и медведи — одним ударом их убивал. Вместе с Санг Бимой шла тысяча его военачальников, из которых каждый был могучим и неустрашимым воином, неуязвимым для оружия врагов.

Следом за Санг Бимой ехал Санг Арджуна, его золотая колесница, изукрашенная драгоценными камнями, была запряжена семеркой быстрых, как ветер, коней. Правил же его колесницей возникший по имени Манубава. Белый стяг царевича, разрисованный белой краской, именовался Капиавар. Арджуна был облачен в царские одеяния, усыпанные сверкающими самоцветами, и видом своим напоминал огнедышащую гору, готовую испепелить мир. В руках он сжимал оружие, наделенное великой сокроенной силой и полыхавшее пламенем. Вместе с ним выступало три тысячи лучших военачальников, могучих и мужественных, привыкших к превратностям войны. И те три тысячи богатырей были преданы друг другу, словно трое братьев.

Следом за Арджуной на колесницах, расписанных золотом, ехали Сакула и Садева, сжимавшие в руках щиты. Их стяги из ворсистой ткани, расшитые по кромке узорами, переливались на ветру. Сами же царевичи были подобны близнецам-индрам. За ними шествовало две тысячи военачальников.

За Сакулой и Садевой на колесницах ехали Санг Дастанджаман, Санг Утара и Вирасанка в полном боевом облачении. Их стяги были из алой парчи, украшенной золотым рисунком, а рядом с ними выступало множество военачальников. Позади них под оранжево-белым стягом ехал Санг Сета с оружием в руках, а подле него везир и тысяча военачальников. За ним — Деви Сериканди * в полном вооружении, а за ней — Махараджа Гатоткача. Серебряную колесницу его украшала золотая инкрустация, а красный зонт — позолота. Махараджа Гатоткача был облачен в царские одеяния и видом своим напоминал свирепого раксасу. В руках он держал боевую палицу, именуемую Санг Бена, колесницей его правили два военачальника — Санг Дэва и Чиладара; подле колесницы шествовало тридцать советников государя, войско же его состояло из неисчислимых полчищ раксас.

Следом за Махараджей Гатоткачей ехала Деви Драупади *. Ее колесница из резной слоновой кости покоилась на золотом основании, усыпанном самоцветами, и была затенена балдахином из драгоценного сплава и золота. Зонт Деви Драупади был из павлиньих перьев, а ручка его — из золота, изукрашенного рубинами. Облаченная в царские одеяния, она превосходила красотой куклу из слоновой кости. Распущенные волосы царницы казались тучей, пронизанной струями дождя. А не уложила она волосы в пучок в знак того, что омоет их в крови Санг Дурсаны. Позади же колесницы Деви Драупади выступали сотни ее дворцовых девушек в несказанно прекрасных одеждах.

Следом за Деви Драупади на белом слоне ехал Махараджа Дармавангса. Его зонт царственного желтого цвета именовался Пустака Калимасада *. Когда Махараджа Дармавангса открывал его, Пустака Калимасада превращался в оружие Темара, сверкавшее словно молния. Им-то и сразил государь Махараджу Салью на поле брани.

За Махараджей Дармавангсой в золотой летающей колеснице под белым зонтом ехал Бетара Кришна. Был он воплощением Бетары Вишну*, и потому его тело отливалось зеленью, словно изумруд. В руках он сжимал метательный диск, именуемый Дракса, и в целом свете не нашлось бы государя, равного ему сокровенной силой <...>

Рев боевых слонов, ржание коней и несказанно громкие звуки оркестра возносились к небесам. Содрогалась земля, и возвышенности превращались в равнины под тяжкой поступью бесчисленных воинов, двигавшихся вперед, словно тесный косяк рыбы в проточной воде. И те воины переговаривались и перекликались, объятые желанием поскорее сразиться с врагом. Что же до Бетары Кришны, то он следовал за войском по воздуху, окруженный небожителями — индрами и дэвами, молившимися о победе Пандавов и осыпавшими их сверху золотыми цветами.

Вскоре глухо загремел гром, начал накрапывать дождь, и чуть заметно сверкнула молния. После же через небо протянулись закатные лучи, переливавшиеся всеми цветами радуги, и занялась вечерняя заря. То были знамения победы Пандавов, взывавшие к ним. Когда же те знамения исчезли, армия Пандавов завершила свой переход, достигнув поля Курукшетрамандала, что простиралось неподалеку от стен Астинапуры.

Гибель Абиманью

<...> И Дангянг Дрона построил войско Коровов в боевой порядок, именуемый Вихревой диск. Среди несметного множества раджей, образовавших его, величайшей сокровенной силой были наделены Дангянг Дрона и Бегаван Карепа*, ставшие «спицами» того диска, Махараджа Салья и Махараджа Карна, ставшие его «ободом», и Махараджа Джайядрата, ставший его «осью». Построив войска, молвил Дангянг Дрона: «Это — совершеннейший боевой порядок, и никому из смертных, кроме Арджуны, не дано сокрушить его».

Когда Махараджа Дармавангса увидел тот строй Коровов, он весьма подивился и спросил Сакулу, Садеву, Санг Дастанджамана, Санг Сетьяки и Махараджу Гатоткачу: «Кто из вас, о господа, может повести войско против боевого порядка Дангянг Дроны?» Однако же никто из них ему не ответил. Один лишь Санг Абиманью молвил с почтительным поклоном, обратясь к Махарадже Дармавангсе: «О господин мой, я смогу рассеять боевой порядок Дангянг Дроны, именуемый Вихревой диск, однако я знаю только, как вторгнуться в его ряды, путь же к отступлению мне неведом». Услыхав слова Санг Абиманью, Махараджа Дармавангса весьма возрадовался и одарил его почетными одедами, изукрашенными золотом и драгоценными камнями.

Между тем Санг Абиманью построил свои войска в боевой порядок, именуемый Разящая Гаруда. Махараджа Гатоткача и Санг Дастанджаман стали крыльями исполинской «птицы», Сакула и Садева — ее «глазами», Махараджа Дармавангса — «головой», Санг Сетьяки — «хвостом», а все прочие раджи, верные Пандавам, — «телом». Построив воинов, Санг Абиманью уподобился тигру, приготовившемуся к прыжку, и поспешил на поле брани, дабы рассеять боевой порядок Дангянг Дроны.

И воинство Пандавов в амоке бросилось на прорыв того боевого порядка, именуемого Вихревой диск, и Санг Абиманью вместе со своим наставником Сумитрой разил врагов стрелами и сокрушал их ряды, сплоченные Дангянг Дроной. Не выдержав натиска Санг Абиманью, мчавшегося во главе раджей и царевичей Пандавов, армия Коравов дрогнула, и множество их воинов пало в битве, боевых слонов же и коней, сраженных в амоке Санг Абиманью, никто бы не мог счесть. И Пандавы приблизились к тому месту, где пребывал Махараджа Дурьюдана, и он вместе с другими Коравами обратился в бегство, а Пандавы стали преследовать его и Дангянг Дрону. И один лишь Махараджа Карна продолжал еще сдерживать натиск наступавших и старался остановить бегущих с поля брани раджей Коравов.

Молвил тогда Дангянг Дрона, обратиться к Махарадже Джайядрате: «Санг Абиманью, ввапший в амок, в своем безрассудстве проник слишком далеко в ряды армии Коравов. Останови же ее бегство». И еще сказал: «Пусть сомкнутся за его спиной те воины, что образуют „врата“, в кои он ворвался». Услыхав те слова, Махараджа Джайядрата тотчас же сомкнул строй воинов, словно бы затворив ворота, и Санг Абиманью с Сумитрой оказались в западне. Однако же Санг Абиманью не утратился и продолжал метать во врагов стрелы, сразив ими трех владык, верных Коравам, — Махараджу Сатисари, Махараджу Тандупати и Махараджу Сурагиту.

Видя, что пало множество воинов, сражавшихся на стороне Коравов, Лаксамана Кумара, сын Махараджи Дурьюданы, выступил вперед и пустил в Санг Абиманью стрелу. Санг Абиманью же ответил на его стрелу своей, и она пронзила грудь Лаксаманы Кумары, лишив его жизни. Когда Махараджа Дурьюдана увидал, что сын его погиб, он разгневался на Махараджу Джайядрату и воскликнул: «О Махараджа Джайядрата, чего еще ждут раджи Коравов, ведь трое из них уже пали, сражен и мой сын!» Услыхав слова Махараджи Дурьюданы, Махараджа Джайядрата собрал свое неисчислимое войско, и все Коравы принялись осыпать Санг Абиманью стрелами.

В то время Сумитра приблизился к Санг Абиманью, и царевич спросил, обратиться к нему: «О Сумитра, любишь ли ты меня?» Ответствовал Сумитра: «Воистину люблю, о господин». Вновь спросил Санг Абиманью: «А кого ты любишь больше — моего отца или меня?» Ответствовал Сумитра: «Моя любовь к твоему

отцу подобна огромной горе, а любовь к тебе — ногтю». И Санг Абиманью разгневался на Сумитру и молвил: «Если ты так любишь отца, ступай к нему, тебе незачем здесь оставаться!» Сумитра же, смеясь, отвечивал: «Ежели рухнет гора, то будь это даже Махамеру, вновь она не воздвигнется; ноготь же, отрезанный вечером, к утру отрастает вновь». И Санг Абиманью весьма возрадовался в душе тем словам наставника.

Покуда они говорили, стрела пронзила грудь Сумитры, и он скончался, а Санг Абиманью, видя, что Сумитра мертв, впал в еще большее неистовство, и множество воинов из армии Коровов пало от его руки.

Меж тем Махараджа Карна приметил, что Санг Абиманью, разящий в амоке врагов, остался один, и сердце его преисполнилось состраданием к царевичу. Молвил Махараджа Карна, обратясь к Санг Абиманью: «О дитя мое Абиманью, на что уповаешь ты, сражаясь в одиночку? Спасай свою жизнь, и ежели не можешь пробиться сквозь другие отряды, прорывайся сквозь мой». Отвечивал Санг Абиманью: «Не подобает мужчине отступать при виде недругов. Лучше пасть в бою, стяжав славу доблестного мужа, чем спастись, покрыв имя позором».

Услышав те слова Санг Абиманью, так помыслил Махараджа Карна в сердце своем: «Покуда в руках у Санг Абиманью его лук, он не пожелает отступить с поля боя. Ежели так, я расщеплю его лук своей стрелой». И Махараджа Карна пустил стрелу в лук Санг Абиманью. Увидев это, молвил Санг Абиманью: «О господин мой, зачем ты направил стрелу в мой лук. Если ты, дядюшка, хочешь метать стрелы, целясь в меня». Отвечивал Махараджа Карна: «О дитя мое Санг Абиманью, оттого выбил я лук из рук твоих, что хочу, дабы ты покинул поле брани».

Тогда Санг Абиманью разгневался и, сжав губы, воскликнул: «Пусть я погибну в бою, но Махараджа Дурьюдана изведает мощь моей палицы». И Санг Абиманью, сжимая в руках метательный диск, направил колесницу туда, где пребывал Махараджа Дурьюдана. Коровы же стреляли в него из луков, держась за шишки на лбах слонов, а их возницы посылали в Санг Абиманью стрелы с колесниц.

Те стрелы вонзались в голову Санг Абиманью, в его грудь и живот, в лицо и в ноги, однако же он, казалось, просто тешится какой-то забавой, не замечая их, и оборачивается то в одну, то в другую сторону, словно юноша, высматривающий красавицу.

Следы стрел, изранивших его с головы до ног, были словно притирания на теле женщины, искупавшейся в воде, смешанной с красным соком бетеля. Раны на его шее алели, точно два ряда бус, раны на теле — словно наплечные украшения, ожерелье и шарф, кровь же, струившаяся по груди, источала аромат цветочных благоуханий. Казалось, будто раны на кистях его рук подобны запястьям, усыпанным переливающимися самоцветами, а раны на руках — свадебным браслетам. И все восхваляли

мужество Санг Абиманью в битве, он же был прекрасен, как изображение на картине, и в своих кровавых уборах являл сходство с Бетарой Мерпатой, вступающим в брак с Деви Рати*. В реве слонов и ржанье коней Санг Абиманью чудился шепот юноши, склоняющего к любви юную девственницу, оробевшую при его приближении, и тело царевича, пронзенное стрелами, было словно ее уложенные в пучок волосы, украшенные драгоценными булавками.

И воскликнул Санг Абиманью: «Я — словно заповедный балей из слоновой кости. Покуда не отлучится его владыка, наложивший запрет, никто не осмеливается воссесть на том балее. Когда же нет владыки — всякий может на нем восседать». Говоря так, он казался нераскрывшимся бутон, сорванным, дабы украсить ожерелье; обогранный кровью, он был словно рисовая паста, смешанная с медом. Стрелы разили царевича с близкого расстояния, но из-за обильно струящейся крови он не чувствовал их. Когда же одна из стрел вонзилась ему в язык, он испытал нестерпимую боль, не мог уже говорить и уподобился увядшему цветку подсолнуха, брошенному на золотой поднос. Так, стяжав славу доблестного мужа, павшего на поле брани, Санг Абиманью покинул этот мир, словно мотылек, что невзначай залетел в золотой сосуд. Кровь Санг Абиманью источала аромат нарда, и пчелы слетались на ее благоухание, словно плакальщицы, пришедшие проводить царевича в последний путь.

Когда Санг Абиманью скончался, Махараджа Дурьюдана приблизился к телу царевича, дабы победно попать его ногой. Однако же Махараджа Карна удержал его и молвил: «Тот, кто поставит ногу на главу Санг Абиманью, будет сражаться со мной!» И Махараджа Дурьюдана не посмел надругаться над трупом. Махараджа Карна же подошел к нему, заплакал, обнял и, поцеловав Санг Абиманью, молвил: «О дитя мое, знай я, что ты не отступишь, не стал бы пускать стрелу в твой лук».

Гибель Махараджи Салы

Теперь расскажем о Папдавах. Услыхав, что Махараджа Салья стал предводителем войска Коравов, сказали они: «Как нам поступить? Прежде мы сразили учителя, ныне же предстоит биться со старшим из дядьев». Молвил тогда Махараджа Кресна, обратясь к Махарадже Дармавангсе: «Пусть господин мой pošлет Санг Сакулу к Махарадже Салье». И Махараджа Дармавангса повелел Санг Сакуле идти к тому. Санг Сакула отправился в путь и, достигнув дворца Махараджи Сальи, вошел во внутренние покои. Там он нашел Махараджу Салью, восседавшего вместе с женой в окружении паложниц и служанок. И Санг Сакула, плача, склонился к стопам Махараджи Сальи. Тот же весьма изумился, увидев Сакулу, припавшего к его стопам. Молвил Санг Сакула с почтительным поклоном: «О господин

мой молю тебя о милости — выслушай меня! В глубокой печали пребывают Пандавы, оттого что господин стал предводителем войска Коравов. Говорят они: „Поражение ожидает нас, ибо ныне ни один из Пандавов не осмелится противостоять господину на поле брани. Прежде мы сразили учителя, ныне же предстоит биться с отцом”. Вот почему Пандавы послали меня, дабы я предстал пред тобой».

Когда Махараджа Салья увидел, как изменился в лице Санг Сакула, говоривший те слова, душа его преисполнилась великим состраданием к племяннику. Он обнял Санг Сакулу и молвил: «О дитя мое, отчего ты так говоришь? Ужели я не буду к тебе милосерд? Ведь мне легче умереть, нежели погубить вас. Разве не я подал знак Бетаре Кресне, когда Арджуна сражался с Карной? Но на этот раз у меня нет выхода, ибо великую милость явил Махараджа Дурьодана, вознеся меня, и лишь ценою жизни смогу я оплатить сей долг. Но ты не печалься — я не желаю гибели Пандавам и поведаю тебе, в чем моя сокровенная сила. Когда я стану сражаться чудесным оружием Чандрабирава*, пусть выйдет против меня Махараджа Дармавангса, вооруженный своей Пустакой Калимасада. Эта Пустака превратится тогда в оружие, именуемое Темара, которое и уведет меня в небесную обитель, ибо в нем пребывает волшебное могущество Бетары Лудры*; Махараджу Дармавангсу же, владеющего им, не одолеть ни людям, ни небожителям».

Выслушав те слова, Санг Сакула испросил соизволения возвратиться к Пандавам и плакал всю обратную дорогу. Придя же, передал Бетаре Кресне все, что сказал Махараджа Салья. Выслушав его рассказ, весьма обрадовались Бетара Кресна с Санг Арджуной, и Санг Арджуна молвил: «Не страшны мне Коравы, чуть что показывающие спину, все они в моих руках, недаром я всегда не ставил их ни во что!» И когда сказал так Арджуна пред лицом раджей, верных Пандавам, они ужаснулись его словам.

Теперь расскажем о жене Махараджи Сальи, что была несказанно прекрасна лицом, необычайно хороша собой и во всем достойна своего мужа. Ее звали Деви Сетиавати, и прелестью она превосходила полную луну в четырнадцатый день. Дождь не решался пролиться на землю, когда Деви Сетиавати выпускала волосы. Олень замирал на краю леса, завидев, как Деви Сетпавати поводит глазами. Побегу ангсоки пристыженно склонялись, взирая на стройный стан Деви Сетиавати, когда ее кайн приспускался. Цветы же пандана в смущении осыпались, приметив красоту икр Деви Сетиавати, когда она подтягивала кайн.

Что до супруги Махараджи Сальи, то она весьма печалилась, глядя, как Махараджа Салья беседует с Санг Сакулой. Махараджа Салья же, видя свою жену в печали, также немало огорчился и пришел в смятение. И так подумали наложницы и служанки Махараджи Сальи: «Не страшит государя смерть,

ему жаль только, что огорчена его жена». Тогда Махараджа Салья приблизился к Девии Сетиавати, дабы утешить ее, и молвил, улыбаясь: «Отчего ты плачешь, о госпожа? Как тебя развеселить? Поговори со мной, обрати ко мне пленительный взгляд». Девии Сетиавати же, плача, пошла из покоев. И сказал Махараджа Салья: «Видно, ты меня разлюбила. Тогда я хочу умереть. Ведь если ты больше меня не любишь и молчишь при виде меня, мне, одинокому, лучше уйти из жизни. Об одном лишь прошу: когда я вступлю в небесную обитель, одари меня цветами, выпавшими из твоих волос, и прикажи осыпать ими мое тело, после же вверь его волнам медового океана, дабы слетевшиеся шмели оплакали меня, тебе немилую». Услышав слова Махараджи Сальи, ответствовала Девии Сетиавати: «О старший брат, я не боюсь смерти и лишь мечтаю умереть прежде тебя и не видеть, как с тобой случится беда. Раньше, когда тебе доводилось отправляться на войну, я всегда устраивала жертвоприношения богам и небожителям и молилась им, желая тебе победы на поле брани. После того же, как сюда приходил Санг Сакула, я пребываю в смятении, ибо моя душа еще не насытилась служением тебе. Одного я хочу — умереть хоть на миг раньше тебя!» Сказав так, Девии Сетиавати обнажила крис, намереваясь лишить себя жизни, однако Махараджа Салья поспешно удержал ее руку, воскликнув: «Остановись, госпожа, помедли, ибо незначущие слова сказал я Санг Сакуле. Он пришел ко мне, и я лишь явил ему милость, подобающую гостю. Не только Пандавы, но даже сами боги, небожители, и великаны, наделенные сокровенной силой, не могут меня одолеть, и ты еще услышишь о гибели всех наших врагов на поле брани, так же как сейчас слышишь мои слова — не печалься, госпожа!»

И, сказав так, Махараджа Салья распустил волосы Девии Сетиавати, она же заметила, что из волос выпали все цветы, украшавшие ее прическу. Она обратила пленительный взгляд на Махараджу Салью, и он, улыбувшись, молвил: «Даже небесные нимфы не сравнятся с тобой, госпожа. Если мне суждено семь раз умереть и возродиться, то и тогда я не расстанусь с тобой, и если ты обернешься цветком, я стану шмелем, что прилетит к тому цветку, дабы обрести тебя. Ты — душа, а я — тело. Неотделима ты от плоти и бытия моего, как и меня ни на миг не отторгнуть от тебя. Если я умру, ужели ты не последуешь за мной, и сколь бы велико ни было наше блаженство на земле, во сто крат большее ожидает нас на небесах».

Тогда Махараджа Салья весьма возжелал возвратиться вместе с женой в небесную обитель и, думая об этом, взял ее за руку и увлек в опочивальню. Там он стал напевать кидунги, успокаивая жену, и голос его, сладостный, как медовый океан, вскоре затих, словно бы натолкнувшись на мель. Девии Сетиавати же приснилось, будто она с мужем купается в море.

Когда рассвело, Махараджа Салья пробудился ото сна. Потихоньку высвободил он руку из-под головы Девы Сетиавати, и взамен положил ей под голову подушку. Дева Сетиавати придала край его кайна, и Махараджа Салья, боясь разбудить жену, обнажил крис и отсек его. После же отправился на поле брани, однако прежде достал бетель из своего сосуда, отведал его и положил початый бетель в сосуд жены. Еще же взял ее куклу из слоновой кости, начертал на ней строки из кидунгов и кекавинов и иные нежные слова и положил подле Девы Сетиавати, сказав кукле: «Если мать спросит, ответь — отец ушел на войну». Затем Махараджа Салья вышел из внутренних покоев дворца, и имя Девы Сетиавати не сходило с его уст.

И встретил Махараджа Салья множество воинов, ожидавших его, из коих каждый был вооружен своим оружием и восседал на колеснице. Те из Коровов, что прежде пали духом, вновь преисполнились мужества, ибо Махараджа Салья стал во главе их, и говорили: «На сей раз мы отомстим и перебьем всех Пандавов». И весьма возрадовался Махараджа Салья, увидав ярость тех воинов; йоги же и брахманы Коровов приблизились к нему и вознесли молитвы, дабы победоносен был Махараджа Салья. Тогда Махараджа Салья облачился в боевые одеяния, возложил на голову корону, изукрашенную самоцветами, и, распалив душу воинским гневом, взшел на колесницу, усыпанную драгоценными камнями.

Между тем Махараджа Дурьюдана, раджи, верные Коравам, и все их несметное воинство покинули свой стан и вместе с Махараджей Сальей и его раджами устремились на поле брани, призывая друг друга к битве, ибо им не терпелось встретиться с врагом. Махараджа Салья мчался впереди на колеснице, подобный потоку, низвергающемуся с горы. Когда они достигли поля брани, Махараджа Салья построил свое войско в боевой порядок, именуемый Деварага, и Махараджа Дурьюдана занял место в центре, окруженный военачальниками и несметным воинством, так что непоколебимым стал тот строй. После же встретились два войска, вступили в сражение, и зазвучали неисчислимые боевые раковины.

Иные из воинов бились в лесу, иные — на побережье, и битва с обеих сторон была несказанно яростной и неистовой. Раджи Коровов сошли с колесниц и сражались пешими, затем они и все их воинство устремились в наступление, и, оттого что те раджи впали в амок, дрогнули и смешались ряды Пандавов. Когда Санг Бима и Санг Арджуна увидели, что их воины отходят, они в амоке бросились вперед. Санг Бима принялся пронзать врагов своим когтем, именуемым Панчанак, и там, где он прошел, громоздились горы поверженных тел. Санг Арджуна же выпустил стрелу Семпата, которая превратилась в тысячи сверкающих гор, сразивших несметное множество врагов. В беспорядке Коровы бросились врассыпную и бежали, не оглядываясь, ибо помнили о том,

как погиб Махараджа Карна. И так говорили те воины: «Даже беглецов настигает смерть от стрел Санг Арджуны!»

Махараджа Салья весьма подивился, увидав, что воины Коровов бегут без оглядки. Никто из раджей, верных им, более не сражался, один лишь он, подобный дереву, глубоко пустившему корни, стоял на своей колеснице, бестрепетно ожидая нападения Санг Арджуны и Санг Бимы. Всех воинов, приблизившихся к нему, сразил Махараджа Салья. Потом он направил колесницу навстречу Санг Арджуне, впавшему в амок, и, когда Махараджа Салья и Санг Арджуна сошлись, они осыпали друг друга стрелами, и Санг Арджуна ранил Махараджу Салью, отчего тот пришел в неистовство. Взяв свое оружие, именуемое Чандрабироврава, он произнес заклинание, и сокровенная сила*, таившаяся в том оружии, изошла из него, подобно проливному дождю. Многообразные облики обрела она, воплотившись в ночных призраках, демонов и великанов-людоедов, что переламинают шеи врагам, сворачивают им головы, пьют их кровь и высасывают мозг. И войско Пандавов вступило в бой с призраками, демонами и великанами, которыми наполнило поле брани оружие Махараджи Сальи. Они же пожирали трупы воинов, ловили беглецов и убивали их.

Увидав, что войско Пандавов сокрушено и что многие из него пали, Бетара Кресна скрестил руки на груди, желая явить сокровенную силу и помериться ею с волшебным могуществом Махараджи Сальи, однако же так помыслил в сердце своем: «Не пересилить мне сокровенного могущества Махараджи Сальи, ибо ему не суждена смерть от моей руки. По моему разумению, лишь Махараджа Дармавангса сможет превзойти его в волшебной силе». Так подумав, Бетара Кресна проник в тайные помыслы Махараджи Сальи и, явившись к Махарадже Дармавангсе, сказал: «О господин мой, безмерно великая сокровенная сила Махараджи Сальи сокрушила войско Пандавов. Ужели не говорил тебе Санг Сакула, как надлежит поступить? Последуй же, господин, его совету, ибо никому из раджей Пандавов не превзойти Махараджу Салью в могуществе. Если же ты не захочешь сразиться с ним, я удалюсь в горы, не в силах видеть сие поражение». Ответствовал Махараджа Дармавангса: «Всегда, о господин мой, следовал я твоим советам, добрым и недобрым, ныне же лишь одно меня страшит, удерживая от псединка, ведь Махараджа Салья мой названный отец».

Сказав так, Махараджа Дармавангса облачился в боевые одеяния и, исполненный решимости, взошел на свою сверкающую колесницу, именуемую Канакамайя. Возницей его был Санг Матали, Санг Бима же с Санг Арджуной, Сакулой, Садевой, Санг Дастаджаманом и Санг Сетьяки шествовали перед лицом Махараджи Дармавангсы. Все раджи, верные Пандавам, последовали за ним, и предводители их воинства — патиш Джайярата, деманг Самилар Багида и Андакен Ганга — выступали впереди. И поле

брани заполнилось штандартами, стягами и зонтами тех раджей, скрывшими его от глаз.

Тогда встретилось войско Пандавов с войском Коравов, завязалось сражение, и вновь зазвучали неисчислимы боевые раковины. Столь яростно наступали Пандавы, что дрогнули и смешались ряды Коравов, и их воины обратились в беспорядочное бегство. Лишь Махараджа Салья остался на поле брани со своими демонами, привидениями и великанами. Те в амоке бросились на Пандавов и многих сразили, так что горы трупов возвышались на поле брани и морем разлилась кровь. Так вновь сокрушено было войско Пандавов сокроенной силой Махараджи Салы.

Увидав поражение своего войска, Махараджа Дармавангса разгневался, и его Пустака Калимадаса обратилась в оружие, именуемое Темара. Он взял то оружие в руки, и из его острия изшел сполох пламени величиной с гору, рассеявший воинство призраков, демонов и великанов и сжегший их дотла. И тот сполох преследовал беглецов, искавших спасение в воздухе либо же в земных недрах, покуда не испепелил всех. После же он возвратился к Махарадже Дармавангсе.

Когда Махараджа Салья увидел, что не осталось более в живых ни призраков, ни великанов, ни демонов, он понял, что наступает смертный час, и истощил в бою все свое оружие, извергавшее на Пандавов скалы и змей. А Раджи Пандавов меж тем осыпали его частым дождем стрел, но не могли те стрелы скрыть Махараджу Салью, который за стрелами окруживших его Пандавов был подобен полуденному солнцу, сияющему сквозь пелену туч. И всякий, кто приближался к Махарадже Салье, словно бы бросался в огонь, ибо он убивал всех воинов, устремлявшихся к нему.

Увидев, что многие Пандавы пали от руки Махараджи Салы, молвил Батара Кресиа, обратясь к Махарадже Дармавангсе: «Когда же ты, господин, выпустишь Темару?» И Махараджа Дармавангса, опамятавшись, направил колесницу к Махарадже Салье. Санг Бима же, Санг Арджуна, Сакула, Садева и Санг Сетиаки поспешали впереди нее. Тогда Махараджа Дармавангса выпустил стрелу, именуемую Темара, которая, пронзив грудь Махараджи Салы, вышла у него из спины. Казалось, что та стрела, подобно радуге, пьющей воду из реки, пьет кровь, хлывшую из раны. И Махараджа Салья испустил дух и рухнул в свою колесницу, изукрашенную самоцветами. Санг Бима же, Санг Арджуна, Сакула, Садева, Санг Сетиаки и Санг Дастанджаман впали в амок, и Санг Арджуна стал поражать Коравов стрелами, так что те обратились в бегство. И иные из них искали спасения в горах, иные — в лесах, иные — в чужих странах. Многие из Коравов попрыгали в воду, более же всего было тех, что склонялись перед победителями, моля сохранить им жизнь.

В то время Санг Бима едва не настиг Махараджу Дурьюдану, однако же предводитель Коравов при виде врага поспешно

бросился в воду. Тогда Санг Бима устремился за патихом Сангкуни, крича: «Эй, Сангкуни, куда бы ты ни бежал, твоя жизнь в моих руках!» Увидав, что Санг Бима уже близко, патих Сангкуни обратил к нему лицо, склонился, моля о пощаде, и, плача, просил сохранить ему жизнь. Молвил Санг Бима: «Что за речи? Не ты ли жаждал со мной сразиться, отчего же ныне скулишь, как голодный пес? Не ты ли унижал Пандавов, словно рабов, что убирают навоз и кормят свиней, а ведь к тебе они приходили с просьбами чаще, чем к другим». И сказав так, Санг Бима швырнул патиха Сангкуни наземь вниз лицом и, растерзав его труп на четыре части, разбросал их на четыре стороны света.

Меж тем Махараджа Дармавангса повелел искать Махараджу Дурьюдану, однако его не нашли, и тогда сказал Бетара Кресна: «Оставьте, никуда не скрыться ему, мы везде его настигнем». Затем Пандавы возвратились в свой лагерь и принялись пировать и веселиться.

Теперь расскажем о возникшем Махараджи Сальи по имени Тобата. После гибели Махараджи Сальи он укрылся среди поверженных тел, когда же закончилась битва, поднялся на ноги и прибежал во дворец Махараджи Сальи. Там он нашел Деву Сетиавати, восседавшую в окружении служанок, и сказал ей с почтительным поклоном: «О госпожа, твой старший брат пал, сражаясь с Махараджей Дармавангсой». Услыхав, что Махараджа Салья погиб, Дева Сетиавати лишилась чувств. Когда же служанки привели ее в себя, она опаматовалась, уложила в пучок волосы, поправила кайн и молвила: «Не отличить мою жизнь от смерти». Еще же сказала: «Мы поклялись с Махараджей Сальей: если он умрет утром, я умру вечером. Теперь же одно меня тревожит — ежели задержусь, не смогу с ним встретиться на небесах». И Дева Сетиавати поспешила, дабы в смерти последовать за мужем, и взошла на колесницу, взяв своим возничим Тобату. Служанок же оставила во дворце, хоть те и желали ее сопровождать.

Одна из служанок государыни, звавшаяся Суганда, все же не захотела остаться. Ее-то Дева Сетиавати и взяла с собой в колесницу, отправившись на поле брани. По дороге колесница сломалась, наткнувшись на труп слона. Тогда Дева Сетиавати отослала Тобату, сама же вместе с Сугандой пошла искать останки Махараджи Сальи и брела, опираясь на обломок копья, по морю крови меж громаздящихся горами тел, покуда не остановилась подле поверженных слонов и коней. Почувствовав усталость, она опустилась на труп одного из тех слонов и сидела так, свесив ноги, и кровь омывала их. Кончики же ее пальцев были прекрасны, словно у невесты, окрасившей ногти на ногах хной.

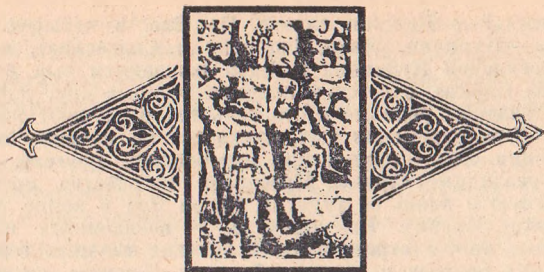
И увидала Дева Сетиавати, что поле битвы подобно морю крови и груды человеческих тел высились в нем подобно островам, трупы слонов, коней и обломки колесниц громадились там

и тут, словно рифы, отрубленные головы перекатывались, точно подводные камни, бунчуки же на копьях были подобны кораллам. Стрелы плавали в крови, либо же торчали из нее, как морские ежи, стяги вздымались, словно затопленные деревья, и вороны сидели на их древках. Всевозможные щиты из меди, кожи и ротанга, круглые и продолговатые, плавали подобно челнокам. Когда же поднялся ветер, всколыхнулось море, и от мертвых тел поднялся запах тления. Но Девы Сетиавати почудилось, будто она вдыхает благоухание парда. Подгоняемые ветром, стремительно заскользили перед ней по волнам щиты и начали тонуть, натываясь на трупы слонов. И радовалась Дева Сетиавати тому зрелищу, ибо мнилось ей, что на людное гулянье взял ее Махараджа Салья — ведь множество мертвых раджей, сияющих в своих драгоценных одеяниях, повидала она.

Наконец набрела Дева Сетиавати на павшего воина и почудилось ей, будто это — Махараджа Салья. Вглядевшись же, поняла, что это не он, ибо Махараджа Салья был прекрасен лицом. Тогда, не в силах более длить поиски, Дева Сетиавати пожелала лишиться себя жизни, но небожители, взывавшие к ней, ее пожалели и молвили: «Вот Махараджа Салья». В небесах явилась неполная радуга, засверкали, скрещаясь, молнии, и Дева Сетиавати узрела останки мужа. При виде Махараджи Сальи, распростертого в колеснице, она пала наземь, подползла к нему и, обвив его руками, лишилась чувств. Когда же опамтовалась, почудилось ей, будто Махараджа Салья спит, и она стала гладить пальцами его веки, говоря: «Отчего ты не встречаешь меня, отчего не приветствуешь? Это ли обещал, уходя на поле брани?» И, пожевав бетель, Дева Сетиавати принялась врачевать его соком рану Махараджи Сальи, и делала многое иное. После же обнажила крис, вопила его себе в грудь и так сказала, обратясь к Суганде: «Ступай домой и скажи служанкам, что я умерла». Почтительно склонившись, ответствовала Суганда: «Позволь мне остаться, госпожа. Я желаю умереть вместе с тобой и служить тебе на небесах».

Когда Дева Сетиавати скончалась, Суганда взяла из ее рук крис и закололась. Умирая же, покатилась по земле и пала на бездыханное тело госпожи, корчась в судорогах.

Рассказывают, что Батара Гуру* повелел Бегавану Нараде вознести Махараджу Салью на небеса и дожидаться с ним его жены. Встретившись с Девой Сетиавати, Махараджа Салья вступил вместе с ней и Сугандой в небесную обитель, и там они испытывали во сто крат большее блаженство, нежели в земной жизни.

ПОВЕСТЬ ОБ АСМАРЕ ПАТИ

«Каменные книги», храмовые рельефы древней Явы, сохраняли для нас два любопытных изображения. На первом посреди затерянной в лесу деревушки мы видим еще не запряженную карету, а на ступеньке кареты молодого царевича в окружении четырех спутников. Двое из них — знатные юноши царского рода (это заметно по особой манере носить саронг). Двое других — слуги, судя по лицам и позам, жестоко страдающие от холода, а поскольку на Яве холодно бывает лишь в ночные часы, сцена происходит несомненно ночью. Другой рельеф изображает того же царевича в сопровождении слуг. Высеченная дата соответствует 1413 г. Особенности облика царевича и характерные детали первого рельефа позволили установить, что на нем изображен Радеп Панджи — идеальный любовник и неустрашимый воин, герой яванских поэм, пьес ваянга и театра масок (топенг) — в тот момент, когда он держит совет с братьями и слугами, собираясь под покровом ночи увезти в город свою первую возлюбленную, дочь сельского старосты, Марталангу. Дата на втором рельефе — свидетельство популярности произведений о Панджи (к числу которых относится и «Повесть об Асмаре Пати») не позднее начала XV в.

Сказания о Панджи (Ину Кертапати) и его возлюбленной, возникшие на основе древнего космогонического мифа о браке стихий (солнца, воды, земли) и его социальной проекции — мифе о браке предков яванцев и основании ими первого поселения — быть может, уже в золотой век древнеяванской литературы (XI—XIII вв.), получили широкую известность в эпоху могущественной яванской империи Маджапахит (XIII—XV вв.). Именно тогда с ними познакомились, по-видимому, в малайских государствах, ставших вассалами Маджапахита. Первоначально одним из средств распространения сказаний были, видимо, династические браки между яванскими и малайскими правителями. В свиту отправлявшихся за море яванских царевен обычно входила театральная труппа. На свадебных торжествах насценировался миф о браке предков (в виде пьес о Панджи) с намеками на происходящее в данной ситуации. Чтобы быть понятным аудитории, пьесы перелагались на малайский язык. Так создавалась основа для восприятия сказаний о Панджи малайской литературой. Со временем их, видимо, стали создавать сами малайские даланги и литераторы (упоминания в повестях о переводе с яванского нередко представляют собой лишь дань канонам жапра). Судя по «Малайским родословиям» или «Повести о Банджаре», малайцы были прекрасно знакомы со сказаниями о Панджи в начале XVI в. Среди позднейших малайских рукописей насчитываются десятки произведений о нем, влияние которых ощутимо в малайской беллетристике, историографии и даже суфийской поэзии.

Ядро повестей о Панджи таково. На Яве, в четырех царствах (чаще всего это — Курипан, Даха, Гелеланг и Сингасари), правят четверо братьев. У государей Курипана и Дахи рождаются сын и дочь — Раден Ину и Чандра Кирана, с детства предназначенные друг для друга. Однако накануне свадьбы роковые обстоятельства разлучают жениха и невесту, и Раден Ину, переименив имя, пускается на поиски Чандры Кираны в сопровождении слуг — комических персонажей повести. По пути он завоевывает различные страны. Преодолев множество преград, не раз отыскав суженую и вновь ее утратив, Раден Ину в конце концов все же обретает Чандру Кирану. Как правило, у влюбленных есть братья и сестры, которые также странствуют в поисках главных героев. Рассказы о приключениях братьев и сестер образуют боковые сюжетные линии.

В зависимости от характера начальной части можно выделить два основных типа повестей о Панджи. В одних Раден Ину после постигшей его беды предстает «низким» персонажем, поступает неузнанным на службу при дворе своего дяди и куртуазностью и мужеством завоевывает любовь его дочери (обычно она оказывается Чандрой Кираной). Повести второго типа начинаются с рассказа о первой возлюбленной Радена Ину, «низкой» по происхождению или положению, впоследствии тайно убитой по воле отца или матери царевича. Узнав о смерти возлюбленной, Панджи приходит в отчаяние и отправляется странствовать, свершая рыцарские подвиги, и в результате обретает Чандру Кирану. В этих повестях он сразу же выступает как «высокий» герой, добывающий жеп силой оружия. Существуют промежуточные или смешанные варианты.

Многие повести о Панджи предваряются своеобразным «прологом на небесах» — повествованием о событиях, предшествующих земному рождению Радена Ину, потомка небожителей. Образец такого пролога содержит «Повесть об Асмаре Пати», где Панджи изображается как наследник Пандавов в мире, обезлюдевшем после Великой войны (в его образе предстает воплотиться небожителю Батаре Найе Кесуме). «Серьезность» мифа вытесняется атмосферой литературно-театральной условности: герои, словно актеры при распределении ролей, переживают бурные страсти, интригуют друг против друга.

Пролог на небесах

Теперь расскажем о Батаре Найе Кесуме, который как-то раз спустился с небес на гору Алу-алу*, дабы там поразвлечься. Окинув взором подлунный мир, государь увидел, что после возвращения Пандавов в горнюю обитель земля обезлюдела, погрузилась в тишину и уже не такова, как прежде. И так помыслил Батара Найя Кесума в сердце своем: «Испрошу-ка я у Батары Гуру соизволения снизойти в дольний мир и возродить в нем жизнь. Пусть он позволит мне разыграть на земле пьесу, в которой станут действовать мои потомки».

Подумав так, государь возвратился в свою небесную обитель, и на следующий день отправился к Батаре Гуру. Придя же, нашел его восседавшим на троне в окружении Батары Бисну, Батары Брахмы, Батары Санг Хьянг Тунгала, Батары Байю, Батары Индры, Брахмы Сакти* и множества иных небожителей, которые, заполнив весь зал для приемов, предавались беседе о том, что Батара Найя Кесума пожелал спуститься в мир и возродить в нем жизнь. Батара Гуру и все небожители, прослышавшие об этом, весьма интересовались, и Батара Бисну с Санг Хьянг Тунгалом в ту пору говорили так: «Воистину Батара Найя Кесума достоин снизойти

в дольний мир и со своими потомками разыграть пьесу нашего повелителя. Никто, кроме него, почитаемого всеми богами, не сможет этого сделать». Услыхав те слова, Батара Гуру, знавший, что таково старинное желание обоих небожителей, улыбнулся. Брахма Сакти же от огорчения понурил голову, ибо сам желал сыграть на Яве ту пьесу, раздав роли потомкам Брахмы Нусы*. Уже давно он просил разрешения у Батары Гуру, но Батара Бисну и Санг Хьянг Тунгал воспротивились, и пьеса на свет так и не явилась.

В то время как небожители беседовали меж собой, Батара Найя Кесума приблизился к залу для приемов, поднялся по ступеням и остановился, скрестив руки на груди. Батара Гуру, боги и небожители тотчас поднялись со своих мест, оказали ему подобающие почести и воскликнули: «Входи, о господин!» Батара Найя Кесума воссел вместе с ними, почтительно поклонился и пожал небожителям руки. Батара Гуру же с улыбкой его приветствовал и спросил: «Откуда явился ты, о господин? Что нового в подлунном мире, все ли там, как было во времена Пандавов?» С почтительным поклонным ответствовал Батара Найя Кесума: «О мой божественный владыка, с тех пор как Пандавы возвратились на небеса, подлунный мир обзлюдел и уже не таков, как прежде. Потому-то я и предстал пред тобой, что хочу испросить соизволения спуститься на землю и возродить на ней жизнь, дабы не прервалась пьеса нашего повелителя».

Услыхав почтительные слова Батары Найя Кесумы, Батара Гуру в душе возликовал и промолвил: «Воистину твои слова справедливы! В прежние времена Махараджа Дармавангса был у небожителей в великом почете. Ныне же ты безмерным благородством, великодушьем и мудрой сдержанностью снискал уважение обитателей горных высот, джиннов, пери, духов и ракасасов, прославился во всех четырех концах света и посему достоин снизойти в мир и разыграть со своими потомками пьесу твоего повелителя».

Этим и многими иными хвалами Батара Гуру восславил Батара Найю Кесуму, а все небожители, их слышавшие, несказанно обрадовались, что именно ему суждено снизойти в дольний мир. Небесные же нимфы распустили волосы и принялись осыпать Батара Найю Кесуму лепестками цветов, золотых и серебряных, клянясь, что будут молиться о его благоденствии и процветании его потомков. Один лишь Брахма Сакти не пророчил ни слова, только понурил голову и глубоко задумался. Он хотел было возронтать, но пред лицом Батары Бисну и Санг Хьянг Тунгала не осмелился, почтительно поклонился Батаре Гуру и, испросив соизволения, удалился в свою небесную обитель, опечаленный тем, что его желание не исполнилось.

Видя, в каком смятении Брахма Сакти покинул зал для приемов, Батара Гуру улыбнулся и спросил, обратясь к Батаре Найе Кесуме: «Когда ты, о господин, намерен спуститься в мир?» Ответствовал Батара Найя Кесума: «Через семь дней, о мой повелитель, я туда отправлюсь». Молвил Батара Гуру: «Счастливого пути,

о господин! Зная, сколь ты мудр, я повелеваю тебе ни в чем не отступать от древних обычаев, дабы преумножилась твоя слава в дольном мире и достигла небес». С почтительным поклоном отвечивал Батара Найя Кесума: «Да будет так, о мой повелитель, я исполню всякий приказ моего царственного владыки и никогда не осмелюсь нарушить волю государя».

С теми словами Батара Найя Кесума простился с Батарой Гуру, пожал руки обитателям горних высот и возвратился в свою небесную обитель. Когда же достиг ее, призвал к себе пятерых небожителей: Санг Суру, Санг Дарму, Санг Пурбу, Санг Сяна и Санг Калу — и, после того как все пятеро прибыли, почтительно поклонились государю и воссели перед ним, молвил: «О мои братья, вы отправитесь со мной в подлунный мир, ибо Батара Гуру повелел возродить его к жизни». Ответствовали пятеро небожителей: «Да будет так, о наш повелитель, рабы царственного владыки всякий его приказ возложат на свои главы. Будь это даже не повеление Батары Гуру, а твоя воля, о наш господин, мы и тогда пожелаем бы остаться во прахе у твоих ног, верша ее» <...>

Через семь дней Батара Найя Кесума вместе с пятью небожителями собрался покинуть горнии высоты и из сада Банджараи Сари спуститься в мир. В ту пору взошла полная луна, озарив все деревья в саду. Цветы принялись ровнять на землю дождь лепестков, деревья печально склонили ветви, и оттого казалось, что они, точно люди, хотят последовать за Батарой Найей Кесумой. Когда же луна скрылась за облаком, в траву покатались редкие капли росы, словно слезы тех, кто горевал о его уходе. На вершинах ангсан запели иволги, им ответили павлины, дремавшие в ветвях кемунинга, и крики тех птиц зазвучали, точно голоса людей, расспрашивающих — что же случилось? Появлял легкий ветерок, наполнив весь сад благоуханием, и разнес его окрест, преумножив печаль в душе Батары Найи Кесумы.

Незадолго перед восходом Батара Найя Кесума достиг горы Алу-алу. Меж тем начало светать, повсюду, словно приветствуя государя, запели дикие петухи, когда же стало совсем светло, из-за края неба выглянуло солнце и озарило каждый камешек на склоне. Батара Найя Кесума опустил на белый камень, что лежал под деревом нагасари, и прислонился спиной к его стволу. Над распустившимися цветами, усыпавшими дерево, во множестве вились пчелы, собиравшие нектар, и их громкое гудение казалось государю голосами людей, ликующих при виде его в окружении пяти небожителей.

Молвил тогда Батара Найя Кесума: «О мои братья, наступило утро, нам пора спускаться с горы». С почтительным поклоном отвечивали пятеро небожителей: «Иди первым, о господин, мы последуем за тобой». С теми словами они покинули гору Алу-алу, направились в Курипан* и вскоре достигли его границы. Там, на берегу реки Тукам*, государь и пятеро небожителей остановились отдохнуть и принялись меж собой беседовать.

ПОВЕСТЬ О ЧЕКЕЛЕ ВАНЕНГ ПАТИ

Одно из наиболее популярных в малайской литературе произведений — «Повесть о Чекеле Ваненг Пати» — принадлежит к первому типу повестей о Панджи (Раден Ину добывается любви Чандры Кираны в обличье «низкого» персонажа). Судя по влиянию на «Малайские родословия», это произведение или его близкий аналог существовали уже в начале XVI в.

Как и предыдущее повествование о Панджи, «Повесть о Чекеле Ваненг Пати» начинается с пролога на небесах. У небожителя Батары Найи Кесумы рождаются сын — Дэва Индра Камаджайя и дочь — Деви Нила Кеичана. Брат и сестра влюбляются друг в друга и дают клятву в вечной верности. Отец изгоняет их из небесной обители и превращает в голубой и белый лотосы, которые по обету даруются государям Курипана и Дахи. В результате у правителя Курипана рождается сын — Раден Ину Кертапати, а у правителя Дахи — дочь Чандра Кирана, в образе которых воплощаются изгнанные небожители. Вместе с господами воплощаются на земле и их слуги, рождающиеся в семьях знатных царедворцев обеих стран. Достигнув брачного возраста, Раден Ину сватается к Чандре Киране. Начинается подготовка к свадьбе, в суете которой родители жениха и невесты забывают о данных богам обетах. В гневе божество Батара Кала, выступающее в повестях о Панджи вершителем судеб героев, клянется «превратить радость влюбленных в горе», и по его наущению правитель страны Соча Винду похищает царевича, а чудовищный великан — царевну. Так начинаются главные события повести, протагонистами которых выступают уже сами влюбленные. До своего окончательного воссоединения им предстоит преодолеть еще множество препятствий, и еще не раз в тот миг, когда, казалось бы, трудности уже позади, все достигнутое вновь будет утрачено, и в повести вновь зазвучит «тема пути» — пути странствий, разлук и поисков.

Огромный объем повести, хитросплетения сюжетных линий, бесчисленные приключения героев, непрестанно меняющих имена, — все это делает ее в глазах европейских исследователей чем-то до крайности путанным и хаотичным. Однако «калейдоскопичность» повести скорее кажущаяся. Постоянное вмешательство в ход событий Батары Калы организует любовные перипетии героев, их поединки, битвы, волшебные превращения в достаточно строгое композиционное целое — своего рода четырехактную драму. На первый взгляд действия божества мотивированы часто литературными причинами — заботой о том, «чтобы продлилась пьеса», однако их подлинный смысл значительно глубже и отражает представления творцов повести об устойчивости мироздания и вместе с тем о конфликте,

которым эта устойчивость чревата, о предопределении и человеческой активности. Триады, когда ничто уже не мешает соединению влюбленных, внешние силы — судьба, воплощенная в Батаре Кале, — вновь их разлучают, и триады силы внутренние — движимые любовью герои повести — сызнова принимаются за восстановление нарушенной гармонии. При этом увековечить достигнутую гармонию может лишь правильное согласование обеих сил, символизированное в венчающем повесть исполнении обета.

Философский аспект повести определяет и ее не менее важный аспект — дидактический. «Повесть о Чекеле Вапешг Пати» является подлинным учебником правильного и уравновешенного, т. е., в понимании ее творцов, куртуазного поведения, существующую сторону которого составляет искусство наслаждаться прекрасным в трех его проявлениях: красота природы, возлюбленной и слова, в особенности слова инсказательного. В бесчисленных эпизодах повести перебраны все возможные ситуации, в которых может оказаться молодой аристократ, и показано, как он должен в каждом случае поступить. Идея правильности поведения героев высокого происхождения подчеркнута «неправильными» комическими выходками слуг, весьма напоминающими «лацци» комедия дель арте и пародирующими все важнейшие этикетные стереотипы: галантное ухаживание, сватовство, изысканное приветствие, турнир, пир, воинский подвиг и т. д.

Похищение Ину Кертапати

А теперь расскажем о Батаре Кале, который в ту пору обходил дозором подлунный мир. Увидел он, что в Дахе и Курипане царит шумное ликование и нет такого сада или квартала, где бы люди не развлекались и не веселились под звуки оркестров вместе с везирами и вельможами. Молвил тогда Батара Кала: «Сколь вероломны государи Курипана и Дахи*! Они и думать забыли о своих обетах Сангхьянгу Сукме, тешатся и веселятся все дни напролет и не спешат возблагодарить верховного бога. Раз так, я сочиню для них новую пьесу и прикажу радже Соча Винду ввергнуть их в пучину бедствий, дабы представление продолжилось».

Рассказывают, что в восточных землях правил государь по имени раджа Соча Винду. Весьма обширно было его царство, подчинившее себе немало иных стран. Радже Соча Винду повиновались государи Нусантары, Манданды и Тумасика, а сверх того раджа Самарана и адипати Баламбангана, Блитара и Путранегары*. И было у раджи Соча Винду множество могущественных везиров, храбрых адипати и мужественных воинов.

Однажды ночью раджа Соча Винду опочил чутким сном и то ли во сне, то ли наяву услышал голос, восклицавший: «О раджа Соча Винду, не наслаждаться тебе питьем и яствами, не вкушать безмятежного сна, будешь ты рабом на чужбине. Ибо знай, что Ину Кертапати из Курипана суждено стать великим властителем восточных земель, обойти всю Яву и покорить все страны ее. Решай, как надлежит поступить, не мешкая, покуда он еще мал!»

Услыхав тот небывало грозный голос, раджа Соча Винду пришел в изумление и всю ночь не мог сомкнуть глаз. Когда наступило утро, он поднялся с ложа, умылся и вышел в зал для приемов, где перед ним предстали везиры и вельможи. И первым из тех вельмож, прославленных силой, бесстрашием и неуязвимостью,

был патих Джасанта, вторым — туменгунг Мачан Негара, третьим же — деманг Гана Пура. Сверх того, как подобает по обычаям государей, пред лицо раджи Соча Винду явились странствующие воптели Панах Секар, Тун Лемпит Генди и Паюнг Бавак, знаки величия конх высились, точно сухие ветви.

Раджа Соча Винду воссел в зале для приемов и молвил, обращаясь к патиху Джасанте, туменгунгу Мачан Негаре и демангу Гана Пура: «О патих, деманг и туменгунг, нынешней ночью я слышал небывало грозный голос». И государь пересказал им все, что ему довелось услышать. При тех его словах патих Джасанта, туменгунг Мачан Негара, деманг Гана Пура и все везиры и вельможи весьма изумились и понурили головы. После же с почтительным поклоном молвил туменгунг Мачан Негара: «Что решить нам и как поступить с тем, о ком поведал ныне его величество? Он — словно огонь: покуда мал — легко погасить, когда же вырастет — ни за что не потушишь. Итак, какой совет мы дадим государю?» И еще сказал: «О владыка, что бы ты ни повелел, мы исполним всякий твой приказ».

Молвил государь: «По моему разумению, надлежит пленить и похитить этого Ину из Курипана. Ответствуйте, о мои могучие везиры, кому из вас по силам это дело, кто сможет выкрасть царевича. Тому, кто его похитит, я пожалую город». С почтительным поклоном ответствовали Зеленый Ранга Лаве и Ранга Лаве Белый: «Государь, мы пленим Ину из Курипана, а если прикажешь, то и сам Курипан покорим». Молвил государь: «Да будет так. Ты, Ранга Лаве Зеленый, возьми с собой Си Панамбанга Ватанга Путинга и исполни, что обещал». Услыхав те слова, Ранга Лаве Зеленый и Си Панамбанг Ватанг Путинг почтительно поклонились повелителю и покинули город.

Ранга Лаве пошел было вперед, но вскоре остановился. Спросил Си Панамбанг Ватанг Путинг: «О Ранга Лаве Зеленый, только что ты мчался, как ветер, а теперь вдруг остановился. Что бы это значило? Уж не забыл ли ты дома какого талисмана? Если так, я вернусь и его захвачу». В ответ Ранга Лаве Зеленый рассмеялся и сказал: «О Си Панамбанг Ватанг Путинг, знаешь ли ты, что идти нам еще три месяца. Твоим шагом до Курипана не скоро доберешься, а я хочу побыстрее туда попасть, к тому же и пропитания нам в пути не добыть. Вот почему я остановился здесь, дабы, прибегнув к волшебству, мигом перенестись в Курипан». Сказал Си Панамбанг Ватанг Путинг: «Братец, а что же будет со мной, ведь я не искушен в волшебстве?» Стоя на одной ноге, отвечивал Ранга Лаве Зеленый: «О Панамбанг Ватанг Путинг, крепче обхвати мою спину». Си Панамбанг Ватанг Путинг обхватил руками Рангу Лаве Зеленого, а тот закрыл девять отверстий тела, скрестил руки на груди, задержал дыхание и сосредоточился на мысли о Курипане*. Когда же открыл глаза, увидел перед собой его стены.

В ту пору начало темнеть. Ранга Лаве Зеленый и Си Панамбанг Ватанг Путинг укрылись в лесу и, остановившись передохнуть,

услыхали, что из города доносится невообразимый шум и оглушительный бой барабанов. Си Панамбанг Ватанг Путинг до смерти перепугался и хотел было кинуться наутек, но Ранга Лаве Зеленый его удержал и молвил: «Уж не лишился ли ты рассудка, что собрался бежать?» Ответствовал Си Панамбанг Ватанг Путинг: «Сдается мне, что сейчас сюда придут люди и схватят нас». Молвил Ранга Лаве Зеленый: «Давай отправимся в Курипан и выдадим себя за мелочных торговцев». Так решив, Ранга Лаве Зеленый и Си Панамбанг Ватанг Путинг отправились в Курипан. Придя же в квартал Каранг Панар Пекан, они затаились в укромном месте и стали ждать, покуда все стихнет и горожане улягутся спать.

А теперь расскажем о царевиче Ину Керталапи, который, натешившись со своими слугами, удалился в опочивальню. В ту пору Джеруде, Пунта и Кертала*, охранявшие царевича, принялись меж собой беседовать, и Пунта сказал: «Не будем этой ночью спать, ибо на душе у меня беспокойно. Я слышал крики совы, а это — верный знак, что неподалеку скрывается вор. Никогда прежде не кричали здесь совы». Услыхав те слова Кертала, Джеруде, Персанта, Джеруде-старший и Пунта впятером встали у дворца на стражу и принялись поочередно обходить его дозором. А Ранга Лаве Зеленый и Си Панамбанг Ватанг Путинг влезли на стену и, покуда крались по ней, Ранга Лаве заметил множество стражников, пятеро из которых выделялись силой. Сказал тогда Ранга Лаве Зеленый: «Эй, Панамбанг Ватанг Путинг, будь поосторожней с пятью стражами, несущими в свой черед стражу во дворце. Еще детьми они так сильны, когда же вырастут, никому их не одолеть».

Сказав так, Ранга Лаве Зеленый произнес заклинание, именовавшееся «Багинда пулангси», однако ни один из слуг царевича не уснул. Тогда Ранга Лаве произнес второе заклинание, именовавшееся «Аджи Багинда», и Персанту начало клонить в сон. Сказал Пунта: «Эй, толстопузый, не вздумай клевать носом, если уснешь — убью! Хорошенько охраняй господина, я же буду караулить у дворца». И трое слуг стали на стражу у дворца, Персанта же и Джеруде-старший охраняли спящего царевича в опочивальне.

Меж тем, убедившись, что ворота на запоре, Пунта поднял ком земли, понюхал его и сказал Кертале и Джеруде-младшему: «Вор уже проник за ограду, будьте начеку, не спите». Услыхав те слова, Ранга Лаве Зеленый произнес третье заклинание, именовавшееся «Аджи Сирап Багинда». И от того заклинания у Пунты, Кертала и Джеруде-младшего стали слипаться глаза, а Джеруде-старший и Персанта, не в силах одолеть дрему, уснули под ложем царевича. Те же трое слуг, что несли стражу перед дворцом, хоть и жестоко зевали, крепились и не поддавались сну. Вскоре, однако, дрема их тоже одолела. Они впали в забытие, да так и уснули — кто где стоял: Кертала — прислонясь к стволу тамаринда, Пунта — к стволу мимозы, Джеруде — к стволу чемпаки.

Заметив, что стражи спят, молвил Ранга Лаве Зеленый: «Эти

трое совсем еще дети, а уже как сильны! Никто, кроме меня, не похитил бы у них царевича». С теми словами он вошел в опочивальню Радена Ину и увидел, что под его ложем, запрокинув головы, уснули двое слуг. После же приподнял полог и в сиянии светильников, озарявших крепко спящего царевича, ясно увидел его. И Ранга Лаве Зеленый снял шелковый пояс, связал им Радена Ину и понес из опочивальни. А Си Панамбанг Ватанг Путинг, натерпевшийся страху, опрометью бросился вслед за ним и впопыхах наступил на ногу Персанта. Персанта и Джеруде-старший проснулись и с криками: «Воры! Воры!» — бросились их ловить и тузить в темноте друг друга.

Ранга Лаве Зеленый и Си Панамбанг Ватанг Путинг поспешно вынесли Радена Ину из дворца, а в ту пору проснулись Джеруде-младший, Пунта и Кертала. Опамитовавшись, они кинулись в опочивальню и застали там Джеруде-старшего; тот, словно обезумев, боролся с Персантой, которого принял за вора. Воскликнул Джеруде-младший: «Эй, пузатый, не лишился ли ты рассудка!» — и, приподняв полог, скрывавший ложе Радена Ину, увидел, что царевича за пологом нет. От испуга сердца Джеруде-младшего, Пунты и Керталы бешено заколотились, и с криком: «О царевич, воры тебя похитили!» — они обнажили крисы, выбежали во двор и, вновь убедившись, что дворцовых ворот никто не открывал, погнались за похитителями, которые не могли еще уйти далеко. Персанта же тотчас заметил, что крис царевича — Си Каламисани* лежит на его ложе, схватил тот крис и следом за остальными слугами пустился в погоню.

Меж тем Джеруде, Пунта и Кертала почти настигли похитителей и принялись кричать: «Эй, воры, если вы вправду мужчины и могучие воины, остановитесь и подождите нас!» Видя, что погоня уже близко, молвил Ранга Лаве Зеленый: «Ну-ка Панамбанг Ватанг Путинг, обхвати-ка меня покрепче. Если мы не прибегнем к колдовству, слуги царевича непременно нас схватят». Ответствовал Си Панамбанг Ватанг Путинг: «Ты воистину прав, если в юные годы они таковы, сколь же станут они сильнее, когда подрастут». И Ранга Лаве Зеленый поджал одну ногу, закрыл девять отверстий тела и вместе с Си Панамбангом Ватангом Путингом скрылся из глаз и исчез в поднебесье.

Подбежав к тому месту, где стоял Ранга Лаве Зеленый, молвили Джеруде, Пунта и Кертала: «Увы, царевич, воры похитили тебя, и нам неизвестно, куда перенесли силой своего колдовства». После же Пунта и Кертала, кусая губы, принялись причитать: «О наш царственный господин, как мы сможем тебе помочь, когда воры волшебством увлекли тебя в поднебесье. Если бы бежали они по земле, нигде не спаслись бы от нашей руки». Так все трое рыдали и катились по земле, на разные лады сетуя: «О царевич, о наш господин, мы мечтали лишь о том, чтобы всегда следовать за тобой — душой нашей. Как же могло случиться, что воры тебя похитили? О господин, на кого ты нас покинул?»

Проведя три дня и три ночи на том месте, где скрылись воры, похитившие Радена Ину, слуги царевича стали меж собой совещаться, и сказали Кертала и Джеруде: «Давайте займемся разбоем, будем грабить людей, что проходят по этой дороге, убивать их, захватывать имущество и так добывать себе пропитание». Пунта же принялся с ними спорить и сказал: «Нет, лучше нам возвратиться в Курипан и донести государю, что воры, наведя на нас колдовские чары, похитили царевича, что мы пустились за ними в погоню, но они скрылись, став невидимыми». Ответствовал ему Джеруде: «Не дело говоришь ты, Пунта, нам не следует возвращаться в Курипан, ибо я весьма страшусь, что государь предаст нас смерти, как бы мы ни оправдывались. Давайте отправимся к святым отшельникам и разузнаем у них, куда похитители унесли Радена Ину, после же последуем за ним в те края». Молвили Пунта и Кертала: «Справедливы твои слова, и мы были бы согласны им следовать, но в душе у нас кипит такая ярость, что мы готовы в амоке броситься на первого, кто сюда забредет, и распороть ему брюхо, чтобы на сердце у нас стало полегче». Ответствовал Джеруде: «Тогда давайте удалимся в горы и предадимся отшельничеству».

Решив так, трое слуг отправились на гору Села Манглинг, и, когда приблизились к ее подножию, молвил Джеруде: «Останемся отшельничать здесь в зарослях аланг-аланга». Ответствовали Пунта и Кертала: «Мы предадимся подвижничеству на берегу ручья, что сбегает с горы». Сказал Джеруде: «Раз мы стали отшельниками, нам нужно изменить имена. Отныне я буду зваться Си Батал, ты, Пунта, возьмешь имя Беси Джайя, а ты, Кертала, станешь Тукак Васи». Услышав те слова, слуги царевича взяли себе новые имена и предалися умерщвлению плоти: Джеруде подвижничал на равнине, стоя на кончиках стеблей аланг-аланга, Пунта — на берегу ручья, а Кертала — в расселине скалы.

А теперь расскажем о Ранга Лаве Зеленом и Си Панамбанге Ватанге Путинге, которые силою колдовских чар перенеслись в страну Соча Винду. В то время раджа Соча Винду как раз восседал в зале для приемов в окружении везиров и вельмож, кои все без изъятия предстояли перед ним. Спросил государь: «О патих Джасанта, отчего еще не вернулся Ранга Лаве Зеленый?» С почтительным поклоном отвечивал Джасанта: «О повелитель, с той поры как он отправился в путь, минуло слишком недолгое время». Едва только патих произнес те слова, в зал для приемов вошли Ранга Лаве Зеленый с Раденом Ину на спине и Си Панамбанг Ватанг Путинг. Молвил государь: «О Ранга Лаве Зеленый, я вижу, ты уже возвратился. Не ждал я тебя так скоро, ибо твое дело было не из легких». Ранга Лаве Зеленый снял перевязь, на которой нес царевича, опустил его на землю и почтительно склонился перед государем.

Повелел раджа Соча Винду: «Эй, Ранга Лаве, разбуди его!» Ранга Лаве Зеленый принялся поглаживать ступни царевича, тот проснулся и увидел, что лежит посреди зала для приемов. В вели-

ком изумлений Раден Ину Кертанати огляделся по сторонам, из глаз его покатались слезы, и он так помыслил в сердце своем: «Что за раджа восседает передо мной, в какой я стране и кто меня сюда перенес? О возлюбленный мой батюшка-государь и ты, государыня-матушка, что со мною случилось?» После же овладел собой и сдержал слезы.

Меж тем раджа Соча Винду молвил, обратясь к царевичу: «О Раден Ину из Курипана, не желаешь ли ты стать моим зятем и воцариться в стране Соча Винду?» Ответствовал Раден Ину: «О раджа Соча Винду, сначала ты приказал меня похитить, а теперь хочешь еще женить на своей дочери. Да кто же согласится стать зятем такого урода, да к тому же и вора?» С теми словами царевич бросился на раджу Соча Винду и хотел было пнуть его ногой, но деманг Гана Нура и туменгунг Мачан Негара тотчас же его схватили, а покуда царевич вырывался, да помощь подоспел патиш Джасанта, и втроем они сумели его удержать. Раден Ину сопротивлялся столь яростно, что тронный зал государя обрушился, но трое вельмож все же его связали, ибо царевич был еще слишком молод. Государь же весьма подивился мужеству Радена Ину, видя, что его никак не одолеть богатырям, которые почитались сильнейшими в восточных землях и голыми руками ловили диких быков и свирепых тигров.

Связав царевича, с почтительным поклоном молвили деманг Гана Нура и туменгунг Мачан Негара: «О государь, взгляни, сколь могуч этот юноша. А то ли еще будет, когда он станет постарше». Ответствовал раджа Соча Винду: «Воистину справедливы ваши слова». После же молвил, обратясь к царевичу: «Ну что, Ину из Курипана, согласен ли ты теперь исполнить мою волю?» Ответствовал Раден Ину: «Эй ты, ворюга, не трать лишних слов. Разве таковы сыновья могущественных государей, что жаждут жизни, когда их свяжут*? Только такие уроды, как ты, предпочитают позор смерти».

Услышав те слова, раджа Соча Винду пришел в ярость, его лицо побагровело, точно алый цветок хибискуса, и он повелел: «Туменгунг Мачан Негара, привяжи этого Ину из Курипана к столбу посреди дворцовой площади, ибо он безмерно подл и упрям». Туменгунг Мачан Негара привязал царевича к столбу посреди площади, а раджа явился туда с трезубцем в руках и ткнул тем трезубцем царевича, однако же не смог причинить ему никакого вреда. Молвил тогда Раден Ину: «Ты, раджа, не только вор, но еще и трус. Думаешь, нанес удар, а меня словно бы красotka уципнула». От тех слов государь разгневался еще сильнее и выхватил из ножен крис. А его адипати и вельможи, исполненные великого сострадания к царевичу, смахнули слезу и так сказали про себя: «О как горевали бы отец и мать, видя его. Мы — люди чужие, и то не можем смотреть без жалости». И все, кто видел, что происходит на площади, не могли сдержать слез, однако же поспешно их утирали, боясь государева гнева.

Меж тем спросил государь: «Эй ты, Ину из Курипана, что это у меня в руке?» Ответствовал Раден Ину: «Сдается мне, это — крис». Вновь спросил государь: «Скажи, а куда он вонзится?» Ответствовал Раден Ину: «Не иначе, как в мою грудь». И, слыша те слова, все обитатели Соча Винду, собравшиеся поглядеть на царевича, воскликнули: «Ну и смел же Раден Ину. Как смотрит на крис горящими глазами, даже не моргнет».

Трижды государь Соча Винду пытался пронзить Радена Ину крисом, но тот стоял невредимый и при каждом ударе плевал радже в лицо, так что в конце концов всего его замарал слюной. Не выдержав такого посрамления, государь отступился и повелел: «Эй, адипати подвластных земель, вельможи и все мои подданные, разите этого выродка стрелами, палите в него из ружей, пронзайте его копьями. Он осквернил мое лицо своими плевыми». Тотчас вельможи и воины стали стрелять в Радена Ину из луков и ружей, и словно бы частый дождь древесных щепок пролился на царевича. Иные из тех пуль и стрел попадали в цель, иные же пролетали мимо, ибо от великой жалости слезы застилали глаза стрелкам, которые и рады были бы не исполнить приказ, да слишком страшились государева гнева. Однако даже те пули и стрелы, что попадали, не оставляли на теле царевича ни царапины.

Видя, что так Радена Ину смерти не предать, приказал раджа Соча Винду: «Эй, деманг Гана Пура и туменгунг Мачан Негара, отведите Ину из Курипана на базарную площадь, привяжите там к столбу и велите всем моим подданным подлого звания побить царевича камнями. После же пусть его бросят под ноги слонам и коням и проедутся повозками и колесницами».

Услыхав повеление государя, деманг Гана Пура и туменгунг Мачан Негара почтительно поклонились и повели Радена Ину на базарную площадь. Там они привязали царевича к столбу и приказали горожанам побить его камнями. И горожане, что принялись кидать в Радена Ину камни, горестно запричитали: «Увы, наш господин, зачем не исполнил ты волю государя? Если бы последовал ты его словам, не случилось бы такой беды. С нас же какой спрос, мы люди подневольные». Сердца всех, кто исполнял приказ деманга и туменгунга, разрывались от жалости, словно их резали бамбуковым ножом, из глаз же струились слезы.

Вслед за тем деманг и туменгунг выпустили слонов и коней, дабы они затоптали царевича, но слоны тотчас взбесились и не стали его топтать, а кони яростно набросились на людей и принялись их рвать зубами. Тогда оба вельможи приказали задавить Радена Ину повозками, но упряжные буйволы и быки уперлись, не потащили повозок, а многие из них разнесли в щепы.

Вот что было с Раденом Ину! Так много стрел и камней обрушилось на него, столь измучили царевича голод и жажда, что, казалось, жизнь в нем теплится не ярче дотлевающего огонька. Он более не помнил себя, упал без чувств, и деманг с туменгунгом, видя это, воскликнули: «Должно быть, мальчишка испустил дух!»

Через двадцать дней и двадцать ночей, уверившись, что Раден Ину мертв, деманг и туменгунг предстали перед государем, и тот спросил их: «Ну как, этот жалкий выродок умер?» С почтительным поклоном ответствовали они: «Да, о повелитель». Тогда раджа Соча Винду приказал: «Бросьте его труп в реку на съедение крокодилам». Вельможи почтительно поклонились, вышли из зала и бросили Радена Ину в реку.

Тело Радена Ину источало столь дивный аромат, что пчелы во множестве слетались к царевичу, приняв тот аромат за благоухание цветов. Подобно людям, оплакивающим царевича, они с гудением вились над ним, а с берега им вторили козодои, чьи крики разносились окрест, словно вопли плакальщиц, стенающих над Раденом Ину.

Река увлекла тело царевича в море, а морские волны прибили к берегу и вынесли на песок. Там оно и осталось лежать, застряв меж бревен, выброшенных на сушу. За одно из них зацепились шальвары царевича, другое же придавило его сверху.

А теперь расскажем о Джеруде и Персанте, которые, пустившись в погоню за похитителями, заблудились в лесу и сбились с пути. Наутро хотели они было возвратиться в Курипан, да не смогли отыскать дороги назад. Сильно проголодавшись, Джеруде и Персанта накопили кореньев, нарвали древесных плодов и утолили ими голод. Когда же стемнело, забрались ночевать в душло, ибо сильно страшились тигров и сов-сипух.

Так проплутали они в лесу несколько дней, не встретив никакого жилья и наконец вышли к берегу моря. Идя вдоль воды, Джеруде и Персанта еще издали заметили огромный рой пчел, что над чем-то вились, а когда приблизились, увидели зацепившиеся за бревно шальвары Радена Ину. Тотчас их узнав, слуги бросились к берегу, и Персанта на бегу восклицал: «О наш царевич!» Джеруде же вторил ему, крича: «Не иначе, как это шальвары нашего господина висят там на бревне! Где же ты, о царевич, мой повелитель, душа моя, мой царственный господин? Неужто только шальвары от тебя и остались?» Проливая слезы, Персанта отцепил шальвары царевича, заглянул за бревно и увидел распростертое на земле тело Радена Ину. Не мешкая подняли они с Джеруде царевича, перенесли подальше от берега и опустили на белый плоский, точно циновка, камень в тени раскидистой ангсаны. Листва дерева, подобно зонту, укрывала от солнечных лучей, а распутившиеся во множестве цветы привлекали рой пчел, слетавшихся пить нектар, и их громкое жужжание было подобно стенаниям людей, оплакивающих Радена Ину.

Персанта и Джеруде принялись рыдать над царевичем так горько, что, казалось, звуки бамбуковых трещоток разнеслись по лесу. После же Джеруде распустил поясной платок Радена Ину и укутал им его. От этого царевич очнулся и приоткрыл глаза, но не смог вымолвить ни слова. Зажмурясь было от солнца, он вновь поднял веки, чуть слышно что-то прошептал и сделал слабое дви-

женне, указывая на рот и прося воды. Заметив это, Персанта и Джеруде воскликнули: «Гляди, Раден Ину открывает глаза и что-то шепчет! О царевич, о душа наша, мы так рады, что ты жив, будто нашли алмазную гору!»

Молвил тогда Джеруде-старший: «Ну-ка, Персанта, поскорей принеси воды для нашего господина, а я покуда его покараулю». Персанта поспешил за водой и, отыскав на диво прозрачный источник, струпившийся из расселины в скале, сорвал пальмовый лист, свернул его наподобие ковшика и, зачерпнув воды, принес Радену Ину. Джеруде взял тот ковшик у него из рук и влил в рот царевичу несколько капель воды. Персанта же рассердился и крикнул: «Эй, Джеруде, как ты смеешь так обходиться с нашим царственным господином! Он истомился от жажды, а ты не даешь ему пить вволю. Разве это ты принес воду, что теперь жалеешь ее для царевича?! Видно, ты ему не предан». Ответствовал Джеруде: «Уж не лишился ли ты, Персанта, рассудка, что такое городишь? Я боюсь, как бы наш царственный господин не занемог, если дать ему вволю напиться, ведь сколько дней он не ел. Где ты тогда раздобудешь для него лекарство?» Услыхав те слова, Персанта не нашелся, что ответить, и промолчал.

Меж тем Радену Ину немного полегчало, и Джеруде дал ему еще несколько капель воды. Царевич обрел дар речи и тихим голосом спросил: «Братец Джеруде, где это я?» Ответствовал Джеруде: «О господин, когда воры тебя похитили, мы с Персантой пустились на розыски и заблудились в лесу. Не встретив по пути никакого жилья, мы забрели в эти края и нашли тебя в воде у берега. Мы вытащили тебя из воды и перенесли на камень, где ты теперь и лежишь». Услыхав те слова, Раден Ину понял, что попал в лес, а Персанта спросил его: «О наш господин, не желаешь ли подкрепиться кореньями?» При тех словах царевич попытался было подняться на ноги, но Джеруде тотчас его приподнял и усадил под ангсаной, прислонив спиной к стволу. Потом он отправился искать коренья, а Персанта остался охранять царевича и разводить огонь. Вскоре Джеруде возвратился и принес кореньев. Персанта изжарил их на огне, и, когда все было готово, Раден Ину немного поел и снова выпил воды. Окончив же трапезу, почувствовал, что силы понемногу к нему возвращаются.

Царевич решает отправиться в Даху к отцу своей нареченной. Он принимает имя Чекед Ваненг Пати, а слуги — имена Астра Джива и Си Бутатил.

Спасение Чандры Кираны

Теперь расскажем о Чекеде Ваненг Пати, который пустился в путь вместе с Астра Дживой и Си Бутатилом. Чекед Ваненг Пати настолько окреп, что мог уже понемногу ходить, однако по-прежнему был очень худ и так оброс волосами, что они ниспадали ему до середины спины. Проведя в дороге несколько дней, путники

достигли границ Дахи там, где она прилегала к морю, пришли в одну из деревень и остановились отдохнуть на базарной площади под варингнином. Что же до обитателей той деревни, то они во множестве сбежались поглядеть на Чекела Ваненг Пати и спросили его: «О прекрасный юноша, откуда ты к нам явился?» Ответствовал Чекел Ваненг Пати: «Я заплутал в лесу, сбился с дороги и вот — забрел в ваши края». Услыхав те слова, поселяне не мешкая принесли Чекелу Ваненг Пати бетель, бананы и иные плоды, он же спросил: «О дядюшки, в какой я стране?» Ответствовали они: «Ты в Дахе». Вновь спросил Чекел: «А что в Дахе нового?» В ответ поселяне поведали ему о том, как великан Вила Самба похитил царевну Раден Галух Чандру Кирану, как государь Дахи ходил на того великана войной, но не сумел отбить дочь и посему приказал искать смельчака, который убьет Вилу Самбу и в награду за это получит в жены царевну. Обо всем от начала и до конца рассказали они Чекелу Ваненг Пати.

Когда Чекел Ваненг Пати узнал, что великан похитил Раден Галух, на глазах у него выступили слезы, однако же царевич их скрыл, притворившись, будто жует бетель, и спросил: «Сколько отсюда пути до Дахи?» Ответствовали поселяне: «Два дня, о наш господин». Побеседовав с ними еще немного, Чекел Ваненг Пати стал прощаться и сказал: «Счастливо вам оставаться, о дядюшки, мне пора в путь». Они же принялись его удерживать, говоря: «О господин, останься с нами еще на денек-другой». Ответствовал Чекел: «Спасибо вам за все, о дядюшки, но остаться я не могу, ибо спешу поскорей возвратиться в родные края». С теми словами царевич покинул деревню, а Астра Джива и Си Бутатил последовали за ним, сгибаясь под тяжестью сахарного тростника, бананов, сладкого картофеля и келад, которые поселяне дали им в дорогу.

Через несколько дней они достигли столицы Дахи, а в тот утренний час ее патих вместе с Си Тогогом* как раз направлялся за город. Повстречав его у ворот, Чекел Ваненг Пати спросил у Астры Дживы: «Скажи-ка, Астра Джива, не один ли из вельмож Дахи идет нам навстречу? Ответствовал Астра Джива: «Должно быть, это — сам патих». Услыхав те слова, царевич поспешно свернул направо. Патих же успел заметить, что Чекел Ваненг Пати, хоть и худощав, но не безмерно и зарос волосами до самой спины, все же несказанно хорош собой и исполнен изящества. Свернув вслед за ним направо, молвил патих, обратясь к Тогогу: «Эй, Тогог, взгляни, сколь прекрасна поступь этого юноши, хоть он и худ, точно скелет, высохший на солнце. Верно, он не из обитателей Дахи». Ответствовал Тогог: «Воистину справедливы слова господина».

Видя, что патих следует за ним по пятам, Чекел Ваненг Пати свернул налево. Тотчас свернул налево и патих. Чекел вновь повернул направо, но патих не отставал. Тогда Чекел Ваненг Пати остановился, а патих, подходя к нему, так помыслил в сердце своем: «О сколь прекрасен этот юноша!» После же молвил, обратясь к Чекелу: «О юноша, откуда ты родом?» Ответствовал Чекел Ва-

ненг Пати: «Приветствую тебя, о дядюшка, прости, если не как должно к тебе обращаюсь. Я сбился с пути и теперь не знаю, в какую страну забрел». Спросил патих: «А как твое имя?» Ответствовал Чекек: «Меня зовут Чекек Ваненг Пати, а тех, что стоят позади,— Астра Джива и Си Бутатил».

Сказал тогда Си Тогог: «Вот последнему-то имячко как раз впору — на голове три волосинки дыбом, нос колуном, брюхо навывате, а статью — ну чисто буйвол! Да и другой хоть куда хорош — носище огромный, руки будто крючья и вся волосня в кудряшках». Услыхав те слова, Си Бутатил воскликнул: «Дедуса-то наш экий насмешник! Вот бы ему на себя полюбоваться». После же подошел поближе и спросил: «Слушай, не ты ли, случаем, сажал сахарный тростник, да вырастил горький выюнок*?» Си Тогог понял, куда клонит Бутатил, и от стыда прикусил язык. А Си Бутатил продолжал: «Да, при твоей красоте как над людьми не посмеяться — волосы в завитках, плешь в лишаях, лицом бел, точно в золе валялся, а ноги раздуло — не обхватить». Тогог не нашелся, что ответить, и промолчал.

Меж тем Чекек Ваненг Пати молвил, обратясь к патиху: «Прими мои приветствия, о дядюшка, и прости, что так тебя величаю — ведь ни звание твое, ни сам мне не ведомы». Ответствовал патих: «Я — патих, управляющий Дахой. Государь послал меня отыскать и привести человека, который мог бы сразить великана Вилу Самбу и освободить Раден Галух. Будь тот человек хоть последним бедняком, государь отдаст ему в жены царевну и сделает правителем Дахи». Спросил Чекек Ваненг Пати: «Неужто в Дахе не нашлось храбреца, что убил бы великана и вызволил царевну?» Ответствовал патих: «Ни один из наших подданных не только не смог того сделать, но даже не посмел откликнуться на зов. Не возьмешься ли ты, о сын мой, одолеть Вилу Самбу? Если возьмешься, я отведу тебя во дворец». Ответствовал Чекек: «Не знаю, под силу ли мне его одолеть, но, если государь пошлет меня против Вилы Самбы, я не отступлю. Если сделаю хоть шаг назад — колите меня в спину копьями». Услыхав те слова Чекека Ваненг Пати, патих преисполнился к нему сострадания и промолвил: «О дитя мое, ты один готов мне помочь, так будь моим названным сыном. А теперь отправимся к государю».

Патих с Чекеком Ваненг Пати вошли в город и поспешили в зал для приемов. Когда же предстали перед государем, патих почтительно поклонился, а повелитель Дахи спросил: «Ну как, патих, нашел ли ты того, кто сможет нам помочь?» С почтительным поклоном отвечал патих: «О владыка, как знать, быть может, нашел, а быть может — нет». Спросил государь: «Что означают твои слова?» Ответствовал патих: «Найти-то я нашел, да того ли? Великана берется убить этот юноша». Услыхав те слова, его величество спросил: «А откуда он родом и как его имя?» Ответствовал патих: «Откуда он родом мне неизвестно, зовут же его Чекек Ваненг Пати». Государь окинул Чекека пристальным взглядом

и спросил: «Ответь-ка, Чекек Ваненг Пати, из каких ты краев и в какой стране родился?» С почтительным поклоном Чекек Ваненг Пати отвечал: «О повелитель, не помню я страны, в которой родился. Я сбился с пути и теперь скитаюсь по свету».

Видя, сколь Чекек Ваненг Пати изящен и учтив в обхождении, помыслил государь Дахи в сердце своем: «Должно быть, этот юноша сын раджи или знатного вельможи — в обхождении его не заметишь изъяна. Хотя он исхудал и иссох, но несказанно хорош лицом, да к тому же умеет держаться в собрании везиров и сановников». Подумав же так, спросил: «Чекек Ваненг Пати, сумеешь ли ты освободить царевну и убить Вилу Самбу? Если сразишь великана и вернешь мне дочь — в награду получишь ее в жены и станешь правителем Дахи». При тех словах из глаз государя потекли слезы. Чекек же, видя, сколь он опечален, молвил с почтительным поклоном: «О государь, мой божественный владыка, я не смею обещать, что одолею Вилу Самбу, однако, если повелитель пошлет меня на бой — не отступлю ни на шаг; если же дрогну, пусть мой царственный властелин повелит колоть меня копьями в спину».

Услышав те слова, так помыслил государь в сердце своем: «Воистину этот юноша хорошо сказал! Жаль, что он совсем еще мальчик и так худ, а будь постарше и покрепче телом, не найти ему равного изяществом и прелестью». А Чекек Ваненг Пати меж тем неспросил у государя соизволения удалиться, покинул зал для приемов и, выйдя за городские ворота, направился к горе Села Манглинг.

Когда он вместе со слугами достиг того места, где владыка Дахи сражался с великаном, Астра Джива и Си Бутатил заметили груды истлевших тел и разбросанных тут и там костей и, затрясшись от ужаса, точно в лихорадке, воскликнули: «Увы, господин наш, не миновать тебе гибели, ибо мы видим несметное множество трупов, что остались после битвы его величества с Вилой Самбой!» Ответствовал Чекек Ваненг Пати: «Не тратьте лишних слов! Жизнь мне более не мила, и я охотнее встречу смерть, чем останусь жить в непрестанной скорби. Если страшитесь, возвращайтесь в Курипан и передайте батюшке-государю и матушке-государыне, что великан Вила Самба пожрал их сына». От тех речей царевича сердце Астры Дживы преисполнилось великой жалости, что словно бамбуковый нож рассекала его на части. И молвил он, обратясь к Чекеку: «О господин, что проку в моей жизни. Уж лучше мне умереть, сражаясь вместе с тобой. Не одолеем Вилу Самбу — пусть он и меня пожрет».

Побеседовав так, они продолжили путь, и, когда подошли ко входу в пещеру, молвил Чекек Ваненг Пати: «Ну-ка, Астра Джива, вызови великана на бой». Ответствовал Астра Джива: «Что за нужда его вызывать, будет верней, если ты сам войдешь в пещеру, ибо днем Вила Самба спит». Сказал Чекек Ваненг Пати: «Подумай. Астра Джива, какая пойдет обо мне молва, если убью великана во

спо. Нет, будь он хоть с гору Махамеру, я сражусь с ним открыто. Иначе не избежать пересудов. Не велико геройство убить спящего — вот что станут обо мне говорить».

Услыхав те слова, Астра Джива закричал что есть мочи: «Эй, Вила Самба, выходи, полакомься человечинкой! Можешь выбрать себе любого! хочешь — пожирней, хочешь — попустней. Ну же, не мешкай!» Великан вышел из пещеры и, завидев подле нее троих людей, издал оглушительный рык, подобный раскату грома. До смерти напуганные тем рыком, слуги царевича пустились было наутек, но Астра Джива подумал про себя: «Ежели сбегу, не станут люди мне доверять. Кто захочет взять меня в услужение, когда прослышу рабом, предавшим своего господина?» Так подумав, он важмурлся и скрестил на груди руки. А Си Бутатил не смог с собою совладать, со всех ног кинулся к расселине в скале и хотел уже в ней укрыться, да расселина оказалась узка, Си Бутатил в ней застрял, и его живот защемило камнями. От страха у него сделалось недержание, и он перемазал весь кайн в нечистотах, но был так напуган, что даже не заметил этого.

Что же до Чекела Ваненг Пати, то, увидев перед собой Вилу Самбу, огромного и грозного, будто вулкан, изрыгающий пламя, он подоткнул полы кайна, затянул потуже пояс и, выхватив из ножен свой крис Калампсани, бросился на чудовище. Вила Самба же, следивший за каждым движением царевича, подумал: «Этот юноша воистину смел! Сотни тысяч воинов цепенели от ужаса при моем появлении и бросались врассыпную, едва заслышав мой рык, а он, хоть и совсем еще мальчик, держится так, точно не замечает, сколь я огромен».

Так помыслив, великан устремился к Чекелу, на бегу швыряя в него древесные стволы и камни величиной с буйволиную тушу. Чекел Ваненг Пати же отпрыгнул вправо, потом влево, будто мотылек, порхающий над землей, и так ловко уклонился от тех камней, что ни один его даже не задел. Подбежав к царевичу, Вила Самба стиснул пальцами его стан, поднял в воздух и воскликнул: «Готовься к смерти, сейчас я тебя проглочу, даже криса не оставлю!» Когда же поднес ко рту, чтобы сожрать, Чекел Ваненг Пати ударил его крисом и пронзил великану горло. Вила Самба почувствовал, что слабеет от яда, которым был отравлен крис, выпустил Чекела Ваненг Пати и с грохотом, подобным горному обвалу, рухнул наземь. После же взревел так, точно гром разорвал небо. Кровь, словно струя из водомета, хлынула из его горла, и чудовище испустило дух. Едва лишь великан умер, с небес начал накрапывать мелкий дождь, чуть слышно прошелестел ветерок, и Вила Самба, освободившись от тяготившего над ним проклятия, вновь обрел облик Батары Шивы.

Сразив великана, Чекел Ваненг Пати оглянулся и увидел, что у него за спиной прячется бледный от страха Астра Джива. Спросил Чекел: «Отвечай-ка, Астра Джива, куда девался Си Бутатил?» Ответствовал Астра Джива: «Он вон туда побежал, о господин».

Чекел Ваненг Пати и Астра Джива отправились на поиски и вскоре заметили Си Бутатила, застрявшего в расщелине скалы, торчали только ноги. Чекел Ваненг Пати окликнул его: «Эй, Си Бутатил, ну-ка вылезай!» Ответствовал Си Бутатил: «Ох, господин мой, не выбраться мне отсюда». Молвил Чекел, обратясь к Астре Дживе: «Астра Джива, вытащи его». Астра Джива ухватил Си Бутатила за ноги, принялся тянуть и в конце концов вытащил ободранного и что есть мочи вопящего от боли. Покуда же тянул, выпачкался в нечистотах и в сердцах воскликнул: «Ну, Си Бутатил, убить тебя, негодяя, мало. Погляди, чем мне все руки перемазал!» С теми словами он поплевал на руки и обтер их, а Чекел Ваненг Пати улыбулся, видя, до чего Вила Самба напугал Си Бутатила, и сказал: «Пойдемте-ка оба в пещеру Села Манглинг». Ответствовали слуги: «О господин, будь поосторожней. Что, если у этого Вилы Самбы остались жена или дети?» Чекел Ваненг Пати вновь улыбулся и молвил: «Чего вы бонтесь? Будь их там хоть десяток, я всех одолею».

Едва царевич пропзнес те слова, как услышал голос, доносившийся неведомо откуда: «О Ину из Курипана, раз ты так смел, еще более великие подвиги ждут тебя в будущем. Ты вызволил меня из жестокой беды, и, только став твоим рабом, я смогу достойно тебе воздать». Услыхав, что один из небожителей обращается к нему, спросил Чекел Ваненг Пати: «Кто ты, о мой повелитель, что говоришь со мной, но для меня невидим?» Ответствовал Батара Шива: «Я — бог Шива, некогда превращенный в великана Вилу Самбу. Ты спас меня, проклятого Батарой Гуру и обретшего облик сего чудовища». Попросил тогда Чекел Ваненг Пати: «О мой повелитель, если я любезен твоему сердцу, помоги мне, ибо я жажду отомстить радже Соца Винду». Молвил Батара Шива: «Открой рот». Чекел Ваненг Пати открыл рот, Батара Шива плюнул в него и сказал: «О Ину, ты станешь владыкой всех яванских земель и обретешь столь великую сокровенную силу, что всякое твое желание, словно желание божества, станет исполняться. Ибо тебе суждено сыграть в достославной пьесе, которая всему наперекор придет однажды к счастливому концу». И еще сказал Батара Шива: «О Ину, если будет у тебя какая нужда, сосредоточься на мысли обо мне, и я явлюсь».

Услыхав те слова, воскликнул Си Бутатил: «О господин, надели и меня сокровенной силой». Батара Шива плюнул ему в рот и промолвил: «Да будет так, о Си Бутатил. Если ты чего пожелаешь, укажи на ту вещь пальцем, и твое желание тотчас исполнится. А теперь прощайте, мне пора возвращаться в небесную обитель». Батара Шива собрался улететь, а Си Бутатил меж тем так помыслил в сердце своем: «Испытаю-ка я дар Батары Шивы, укажу на него пальцем и посмотрю, сможет ли он подняться в поднебесье». Си Бутатил неприметно направил на небожителя палец, и Батара Шива, как ни старался, не смог взлететь. Несколько раз порывался он взмыть к небесам, но так и не сумел и в великом

изумлении подумал про себя: «Уж не проделки ли это Си Бутати-ла?» Разгневавшись, Батара Шива отнял у него сокровенную силу, которую прежде даровал, и улетел. А Си Бутатил, видя, что Батара Шива вот-вот скроется из глаз, вновь направил на него палец, после же принялся указывать обеими руками, но и это не помогло. С досады Си Бутатил набросился на Астра Дживу, и они покатились по земле. Чекел Ваненг Пати же улыбнулся, глядя, как его слуги тузят друг друга, и сказал: «Пойдемте в пещеру».

Чекел Ваненг Пати, Астра Джива и Си Бутатил направились к пещере и, войдя в нее, увидели царевну, что почивала, закутавшись с головой в кайн, проливая во сне слезы и дрожащим голосом причитая: «О батюшка-государь и ты, матушка-государыня, заберите отсюда Чандру Кирану, иначе съест ее ужасный великан». От тех стенаний сердце Чекела Ваненг Пати преисполнилось великой жалости к Раден Галух и разбилось в осколки, точно стекло, упавшее на камень. Молвил он: «О царевна, о благородная моя госпожа, не плачь, я отведу тебя в Даху к твоим царственным родителям».

Услышав человеческий голос, царевна отбросила с лица край кайна, увидела перед собой Чекела Ваненг Пати и спросила: «Кто ты, о юноша, что осмелился сюда явиться? Ежели вернется сейчас Вила Самба, он тебя непременно съест». Ответствовал Чекел Ваненг Пати: «Не беда, коль великан меня растерзает, только бы ты осталась жива». От тех слов Раден Галух пришла в смущение, подняла на юношу глаза и, заметив, что он молод и хорош собой, потупилась. После же молвила: «Скажи мне, кто ты? Неужто тебе надоела жизнь, что ты пришел сюда?» С улыбкой ответствовал Чекел Ваненг Пати: «Да, я ищу смерти, оттого и явился в эту пещеру, дабы отыскать тебя, о алмаз чистой воды, о моя прекрасная повелительница. Зовут же твоего раба Чекел Ваненг Пати». Воскликнула Раден Галух: «Не трать лишних слов, я боюсь, как бы не вернулся великан. Не мешкай, уходи, пока его нет!» Сказав так, она снова заплакала. Чекел же молвил: «О царевна, госпожа моя, не плачь, когда Вила Самба вернется, я с ним сражусь». Царевна все лила слезы, и тогда сказал Чекел Ваненг Пати: «О госпожа, утешься, не надо плакать, я провожу тебя к родителям в Даху, ибо великан Вила Самба мертв. Его сразили Астра Джива и Си Бутатил».

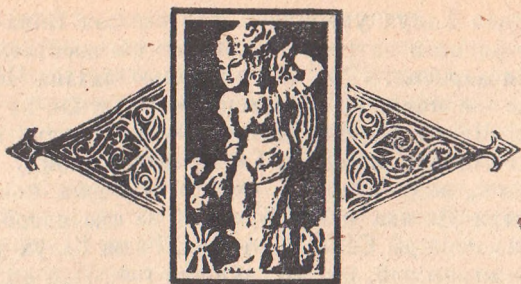
Спросила Раден Галух: «Это правда?» Ответствовал Чекел: «Разве иначе я смог бы сюда прийти и встретиться с моей прекрасной владычицей». Сказал тогда Си Бутатил: «Ну и любит же Чекел над нами насмехаться! Я от страха пустился наутек, забился в расселину, застрял да к тому же в штаны наложил, а он — мол, это Си Бутатил прикончил Вилу Самбу». Услыхав те слова, Раден Галух улыбнулась, а Чекел Ваненг Пати промолвил, обратясь к ней: «Пойдем, о моя прекрасная повелительница, возвратимся в Даху к отцу и матери, ибо они безмерно истосковались в разлуке, потому и послали меня за тобой».

Когда Раден Галух уверилась, что великан Вила Самба убит, сердце ее от радости затрепетало, точно она воскресла. И помыслила про себя царевна: «Раз так, я жизнью обязана Чекелу Ваненг Пати». После же молвила: «Братец Чекел, ступай-ка первым ты». Ответствовал Чекел Ваненг Пати: «Лучше уж ты, царевна, иди первой, а я с Астра Дживой и Си Бутатилом пойду позади. Тебе некого бояться, ведь великан мертв». Царевна пошла впереди, а Чекел, Астра Джива и Си Бутатил за нею следом. Когда же вышли они из пещеры Села Манглинг, Раден Галух увидала труп Вилы Самбы, огромный, как рухнувшая гора. При виде того трупа царевна в испуге задрожала, побледнела и поспешно отошла подалее.

Вчетвером они направились в Даху, и, куда шли, Чекел Ваненг Пати не сводил глаз с Раден Галух, чей стройный стан покачивался при каждом шаге, точно ветка ангоки на ветру. Столь изящна была поступь царевны, утомленной дорогой, что сердце Чекела Ваненг Пати преисполнилось к ней великой жалости, и он о том лишь мечтал, чтобы понести ее на руках. Когда стало смеркаться, Раден Галух и Чекел остановились под чемпакой, вокруг ствола которой обвился побег ангоки, а распутившиеся цветы дивно благоухали. Птицы с криками порхали с ветки на ветку, будто приветствуя Раден Галух. Пчелы пили нектар из цветов, негромко жужжа, точно сочувствуя влюбленным. Сердце Раден Галух защемило от волнения, а Чекел Ваненг Пати, томившийся от любви все сильнее, словно бы опьянел и готов был уже обнять царевну, но сдержал чувства и молвил, обратясь к Астра Дживе и Си Бутатилу: «Наломайте веток и устройте ложе для Раден Галух, не подобает ей почивать на земле».

Астра Джива и Си Бутатил наломали веток, собрали листьев и приготовили для царевны ложе. Глубокой ночью она наконец уснула, а к Чекелу Ваненг Пати сон все не шел. Он то вспоминал родителей, то думал про себя: «Вот Раден Галух и выросла и стала невестой. Будь я сейчас в Курипане, не откладывал бы нашей свадьбы». Целую ночь он проворочался с боку на бок, не в силах уснуть и все поглядывая на спящую царевну. Под утро же по лесу разнеслось пение диких петухов, что принялись меж собой перекликаться, громко затараторили сороки, и оттого тоска и смятение в душе царевича преумножились. Он ненадолго задремал, а едва рассвело, услышал голос Раден Галух: «Братец Чекел, проснись, уже солнце встало».

Когда Чекел Ваненг Пати поднялся с земли, молвила Раден Галух: «О братец Чекел, я перед тобой в великом долгу, ибо ты спас мне жизнь. Возвратясь в Даху, я тебя щедро награжу». Ответствовал Чекел Ваненг Пати: «Не говори так, о госпожа, ибо я навеки твой раб. Никому иному я не стану служить. И хоть ты еще не одарила меня своей привязанностью, мнится мне, будто я ее уже снискал, и теперь день и ночь стану платить тебе тем же». И Чекел Ваненг Пати с Раден Галух отправились в путь. <...>

ПОВЕСТЬ ОБ АНДАКЕНЕ ПЕНУРАТЕ

Наиболее полной, развернутой и художественно совершенной повестью, где Раден Ину сразу выступает «высоким» героем, является «Повесть о Панджи Куде Семираште», сценка из которой, по-видимому, изображена на одном из яванских храмовых рельефов. Однако еще большей популярностью в малайской литературе пользовалась близкая к печальной части этой повести история о страсти царевича, в одних версиях именуемого, как обычно, Раденом Ину, в других — Раденом Менгри или Андакеном Пенуратом, к его первой, «низкой» возлюбленной Кен Тамбухан. Выделившаяся в самостоятельное произведение, эта история сохранилась в нескольких стихотворных, театральных и прозаических версиях. Сюжет ее сложился либо на Южной Суматре, в Палембанге, во второй половине XVII—XVIII в., либо на Южном Калимантане, в Банджаре, в первой половине XVI в. — в традиционных районах яванско-малайских литературных контактов. Прозаическая же версия, предлагаемая вниманию читателя, как можно полагать, была создана в конце XVIII — начале XIX в. палембангцем Ахмедом или Абдуллахом.

Если «Повесть о Чекеле Вапенг Пати» обладает сложным сюжетом и представляет собой последовательность сцен, данных, как правило, дальним и средним планами, то «Повесть об Андакене Пенурате» райна как бы одного ее эпизода, зато показанному крупным планом. Это особенно заметно на примере раскрытия в повести «темы пути». Непременно представленные в любой повести скитания героя заменены в ней, пожалуй, несколько назойливыми «проходами» его из сада во дворец отца и обратно.

Укрупнение «плана» сразу же сосредоточивает наше внимание на психологизме повести. Связь строгую этикетность поведения героев, традиционно внешнее изображение их эмоций начинают проглядывать характеры живых людей. Это и снисходительный к причудам любимого сына раджа Пуры Негары, и мстительная, изысканная с язвительными недомолвками государыня, и сам беззаботный поначалу царевич Андакен Пенурат, предпочитающий забавы с друзьями аудиенциям у отца и всякий раз отговаривающийся «нестерпимой» головной болью, и, наконец, пленная царевна, прислужница государыни, — Кен Тамбухан — наиболее живой и переменивый образ повести. То мы видим ее до смерти напуганной грозящей немилостью повелителя Пуры Негары, а то, как бы вспомнив о благородной крови, струящейся в ее жилах, она произносит гневную речь об унижении в чужом дворце или, своеобразно прищелкнув языком, отворачивается и «замыкает уста». С Кен Тамбухан связаны наиболее тонкие по рисунку сцены повести. Мы находим ее в залитом лун-

лым светом саду, всматривающейся в скольжение легких облаков и в череду их встреч и разлук угадывающей свою горькую судьбу, или застает за игрой на гондере, чьи «дрожащие, прерывистые и готовые вот-вот умолкнуть» звуки так точно передают состояние ее души.

Психологизм повести сам собой обращает ее к образам природы — неисчерпаемого источника параллелей для выражения человеческих настроений. «Природный аккомпанемент» слышен на всем протяжении рассказа. Он сопровождает и рождение царевича, и раздумья Кен Тамбухан в саду, и ее уход на смерть. Итак, если в «Повести о Чекеде Ванепг Пати» перед нами ярко раскрываются философский и учительный аспекты повестей о Панджи, то «Повесть об Андакене Пенурате» помогает лучше понять другую, порой несколько затемненную сложностью сюжетных перипетий их сторону — эстетизированное воспроизведение мира человеческих чувств.

* Судьба Кен Тамбухан

Эту повесть, кою рассказывают яванцы, с небывалым искусством переложил в малайские речения мудрый и искушенный даланг, стяжавший великую славу в яванских землях. И всякий, кто станет читать либо же слушать ее, умерит печаль свою и смятение души, внимая сей повести, объемлющей все, что касается до страстей и томлений; особливая же польза будет тому, кто жаждет соединиться с возлюбленной. Ибо я поведаю читающим повесть сию либо склоняющим свой слух к ее словам о том, как утолить страсть и утишить томление, так что обретут они великое познание в делах, волнующих юные сердца, я же весьма сведущ в делах тех.

У государя страны Пура Негара рождается сын — царевич Андакен Пенурат. Когда царевич достигает брачного возраста, государыня сватает за него царевну Банджар Кулона и приказывает дворцовым девушкам, прекраснейшая из которых пленная царевна Венгера — Кен Тамбухан, сожечь драгоценный покров — свадебный дар невесте царевича. Между тем Андакен Пенурат видит вещий сон, предрекающий ему скорую встречу с суженой и горестную судьбу их любви. Наутро царевич собирается на охоту.

Когда наступило утро, царевич пробудился, умыл лицо и, пожевав бетель, собрался в дорогу. Сказал тогда Пунта Вираджайя: «Не худо бы господину поесть хоть немного, прежде чем отправляться в путь. Ведь если господин заболит, плохо придется его рабу». Андакен Пенурат отведал два либо же три кусочка из угощений, поставленных перед ним, и более не притронулся к еде, лишь пожевав немного бетеля, ибо сердце царевича уже устремилось к всевозможным забавам.

Сопровождаемый друзьями и родичами, Андакен Пенурат поспешил к саду, что назывался Умеряющий Печали, и, приблизившись к нему, принялся стрелять птиц. Подстрелив их великое множество, молвил царевич, обратясь к одному из друзей по имени Джаран Ангсока: «О старший брат мой, сделай мне клетку для птиц, ибо я желаю принести их в дар государю и государыне». И Джаран Ангсока смастерил клетку для птиц.

После Андакен Пенурат заметил попугая, блиставшего дивной раскраской своего оперения, который сидел на варингине, и выстрелил в него из стрелометной трубки. Раненный в грудь попугай полетел в сад, и случилось так, что он упал прямо на покров, который ткала Кен Тамбухан. Увидев птицу, девушка пожалела поймать ее и, пораженная красотой попугая, молвила: «О, как жаль мне птицу сию, столь прекрасную в своем многоцветном оперении».

Меж тем Андакен Пенурат заметил, что попугай упал в сад Умеряющий Печали, и захотел войти в тот сад. Тогда, почтительно склонившись, молвил Пунта Вираджайя: «О господин мой, не входи, ибо это — заповедный сад твоего царственного отца». Услышав слова Пунты Вираджайи, Андакен Пенурат улыбнулся и молвил, обратясь к нему: «Не беда, о мой старший брат, если меня предадут смерти государь и государыня». Сказав же так, он вошел в сад и один направился к балею, именуемому Балеи Страстоцвета. А спутники его остались за воротами сада.

Когда царевич подошел к балею, царевны, пребывавшие в нем, разбежались, лишь Кен Тамбухан не двинулась с места, завороженная красотой попугая. Андакен Пенурат не спеша приблизился к ней и так помыслил в сердце своем: «Кто из владык отец этой девушки? Она так прекрасна лицом, так изящна в каждом движении, что зачарует всякого, обратившего на нее свой взор». И сказал себе царевич: «Не может сравниться с ней даже дочь повелителя Банджар Кулона». После он подошел еще ближе и улыбнулся, восхищенный прелестью Кен Тамбухан. Она же, неожиданно увидев перед собою юношу, приметного величавой осанкой и превосходным обхождением, подумала про себя: «О царственном происхождении свидетельствует облик сего юноши».

Объятая страхом, Кен Тамбухан хотела бежать, однако же не успела, ибо Андакен Пенурат взял ее за руку и молвил: «О сестрица, о хрустальная владычица моя, о божество, подобное цветку, о дыхание жизни моей, ты попалась мне в руки, куда же хочешь бежать? Не могу я отпустить тебя, золотая, ибо в одной лишь тебе исцеление моего любовного недуга». Ответствовала Кен Тамбухан, утирая слезы: «О господин, отпусти мою руку. Государыня наказала мне не мешкая соткать покров, ибо хочет она поскорее отплатить свадебный дар в Банджар Кулон». Спросил, улыбаясь, царевич: «О госпожа, о душа моя, скажи, как именуется этот покров?» Кен Тамбухан же понурила голову и, смахнув слезы, подумала о том, что всякий муж государева рода может обходиться с ней, пленницей, будто с наложницей своей.

Меж тем царевич вновь обратился к ней и сказал: «О госпожа, о сестрица, о дыхание жизни моей, о подобная отражению небесной нимфы Сакурбы*, ответствуй твоему старшему брату». И, проливая слезы, ответствовала Кен Тамбухан: «Сей покров именуется герингсинг ваянг, изображение, вытканное на нем, я взяла, о господин, из пьесы об отшельничестве Арджуны*. Предназначается

же он в дар прекрасной царевне Банджар Кулона». Улыбнувшись, молвил царевич: «Не желаю я ныне отправляться в Банджар Кулон, к тебе лишь одной, о госпожа, устремляется сердце мое, и если суждено мне семь раз умереть и возродиться*, то и тогда я не возьму себе иной жены. И ежели разгневаются на тебя государь и государыня, пусть на мою голову падет их гнев». Плача ответствовала Кен Тамбухан: «О господин мой, тебе не причинят вреда государь и государыня, меня же, ничтожную пленницу неведомого рода, постигнет их немилость». Молвил Андакен Пенурат: «Этого не может случиться, о госпожа, о сестрица, о дыхание жизни моей, о подобная богине Дармадеви*, спустившейся с небес. Пусть на меня обрушатся проклятья государя и государыни». Молвила Кен Тамбухан: «О господин, отпусти мою руку, подобное обхождение недостойно господина». Ответствовал Андакен Пенурат: «Не отпускаю я тебя в отместку за то, что ты хотела поймать моего попугая». Молвила Кен Тамбухан: «Не ловила я попугая, о господин. Он сидит на гранатовом дереве».

Царевны в ту пору следили за каждым движением Андакена Пенурата, и молвила одна из них, дочь повелителя Ласема*: «Ни в чем не повинна Кен Тамбухан, один лишь царевич виновен в том, что произошло».

Тогда царевич взял Кен Тамбухан на руки, внес ее в дом и, войдя в опочивальню, усадил на колени и стал нежными словами склонять к ласкам. Кен Тамбухан же, плача, вырвалась из его объятий и побежала в сад. Догнав царевну, Андакен Пенурат вновь внес ее в опочивальню, усадил на колени и принялся успокаивать ласковыми словами, говоря: «Утешься, о госпожа, утешься, о сестрица, о хрустальная владычица моя, о повелительница моего сердца, о бесценный алмаз, о божество, подобное цветку. Не плачь, о госпожа, послушай, что я тебе скажу. Не плачь, не печалься, даже обыскав всю страну, тебя не смогут найти, о алмаз мой. О золотая моя, о счастье мое, утешься, не надо плакать. Разве не жаль тебе своих прекрасных глаз, что опухнут от слез, или сладостного голоса, что станет хриплым от рыданий, или нежного лица, что омрачится от печали? Не плачь же, не грусти, что проку в слезах? Взгляни, на дворе уже поздняя ночь, давай же возляжем на ложе. Послушайся своего старшего брата».

Сказав так, Андакен Пенурат пожевал бетель, из уст в уста дал его Кен Тамбухан, и уста их нашли друг друга. Мы же не станем более рассказывать о влюбленных, сомкнувших объятия на страстном ложе, ибо все вы, о господа, изведавшие любовь, знаете, что она подобна наряду в драгоценной шкатулке, и, если открыть ту шкатулку, что станется с благовониями, хранящимися в ней?

Узнав от слуг Андакена Пенурата о происшедшем и боясь, что любовь царевича к Кен Тамбухан помешает женить его на царевне Банджар Кулона, государыня приходит в ярость и решает убить Кен Тамбухан.

На следующее утро государыня отправилась в сад, сопровождаемая многочисленными служанками, и вошла в него через боко-

вые ворота; придя же туда, воссела в балее. Когда царевны увидели свою повелительницу, они поспешили навстречу государыне и почтительно склонились перед ней. Молвила государыня: «О девушки, готов ли покров, который я велела вам соткать, где царевна Венгера и соткала ли она свой покров? Воистину она заслуживает смерти, ибо хочет погубить моего сына, оттого и не является к государю и со мной не желает говорить». Сказав так, государыня возвратилась во дворец, обнятая великой тревогой за сына, ибо запало ей в душу, что Кен Тамбухан помышляет известить царевича. А Кен Тамбухан, услышав речи государыни, заплакала, вспоминая своих родителей.

Молвил тогда Андакен Пенурат, обратясь к ней: «О любимая, не принимай близко к сердцу слова моей матери, не может того быть, чтобы она всерьез гневалась на тебя». Ответствовала Кен Тамбухан: «Не причиняют тебе ни боли, ни страдания речи сии, ибо это я, безродная сирота, оставшаяся без отца и матери, пленница и невольница, томящаяся в чужом дворце, должна сносить всякие оскорбления. Разве могла я поступить иначе, если выпала мне такая судьба? И хоть нет на мне никакой вины, впредь меня ожидают одни унижения, ибо я — твоя раба». Услышав те слова, Андакен Пенурат улыбнулся, обнял царевну и поцеловал ее в щеку, она же оттолкнула его руку.

После, искоса взглянув на Андакена Пенурата, молвила Кен Тамбухан: «О возлюбленный, о золотой мой, о дыхание жизни моей, — нет тебе равного». И еще сказала: «Ты, словно дитя, не ведающее забот. Ведь это из-за тебя я попала в беду и наслушалась обидных слов». Услышав нежные упреки Кен Тамбухан, Андакен Пенурат засмеялся от счастья, взял на руки свою жену, отнес в опочивальню и стал утешать ласковыми словами: «О возлюбленная, о чеканное золото мое, о сестрица, о хрустальная владычица, о повелительница моего сердца, о милая моя, подобная божеству цветов в небесном саду Банджаран Сари*, доверься душой твоему старшему брату!» Мало-помалу сон смежил веки Кен Тамбухан, убаюканной словами царевича, и она проснулась лишь в предвечернюю пору, когда солнце уже клонилось к закату.

Меж тем государыня возвратилась во дворец и воссела подле своего супруга, он приветствовал ее и спросил, улыбаясь: «О возлюбленная моя, где ты была нынешним утром?» Ответствовала государыня: «Я ходила в сад Умеряющий Печали». Услышав слова жены, государь улыбнулся, ибо уразумел их тайный смысл. Проведя недолгое время с раджей, молвила государыня, обратясь к служанкам: «О девушки, ступайте и позовите ко мне царевича». Служанки отправились к дому Кен Тамбухан и, приблизясь к нему, увидели царевича, который уже поднялся с ложа и восседал с Кен Тамбухан перед дверями открытой беседки.

Служанки весьма подивились, узрев лик Кен Тамбухан, и замерли завороченные, не в силах вымолвить ни слова, ибо мнилось им, будто сама нимфа Сакурба спустилась с небес на землю — так

прекрасна была царица после ночи, проведенной в объятиях царевича. Красота ее преумножилась, а вокруг лица распространилось ослепительное сияние, нестерпимое для глаз. Зубы царицы были черны, словно надкрылья жука*, губы — ярко-алы, тонкий стан ее напоминал сухую ветвь, волосы — раскрывшиеся соцветья пальмы, талия — побег ангоки, груди — голубиные яйца, глаза — утреннюю звезду, икры — удлиненные рисинки, живот — изгиб морской волны, лицо — только что написанную картину, нос — очиненный калам, щеки — половинки золотистого манго, подбородок — пчелиный рой, свисающий с ветки, брови — цветок турп; волосы на ее висках были по-особому подстрижены и отливали изумрудным блеском. Все эти приметы несравненной красоты преумножали прелесть царицы, и ничего удивительного не было в том, что царевич обеспамятел от любви к ней, ибо если женщины лишались рассудка, взглянув на царевну, то что говорить о мужчинах.

Увидев служанок государыни, царевич приветствовал их и молвил: «О девушки, куда вы направляетесь?» Ответствовали служанки с почтительным поклоном: «О господин наш, тебя призывает твоя царственная матушка». Сказал царевич: «Ступайте вперед, я вскоре предстану пред государыней». Почтительно поклонившись, служанки отправились в обратный путь, и, когда пришли к государыне, она приветствовала их и спросила: «О девушки, где же ваш господин?» Объятые страхом, служанки почтительно склонились пред госпожой и передали ей слова Андакена Пенурата. Услыхав, что сын сейчас предстанет перед ней, государыня возрадовалась и решила притвориться, будто душа ее исполнена великой приязни к Кен Тамбухан, а про себя подумала: «Не обрету я покоя, пока не лишу жизни Кен Тамбухан, а сына заставлю взять в жены царевну Банджар Кулона».

В ту пору как раз взошла луна, лунный свет заиграл на гранях драгоценного камня в кольце Кен Тамбухан, и царица стала еще прекрасней. Царевич обнял ее, поцеловал и молвил: «О возлюбленная, я должен проститься с тобой и предстать пред родителями». Кен Тамбухан же ничего на это не сказала, лишь своенравно прищелкнула языком и отвернулась от царевича <...>

Теперь расскажем об Андакене Пенурате, отправившемся во дворец. Войдя во внутренние покои, он застал там государя и государыню, восседавших в окружении младших жен и наложниц раджи. Они приветствовали царевича и молвили: «О сын наш, войди и сядь подле отца». Но царевич не двинулся с места, лишь почтительно склонился перед родителями. Сказал тогда раджа: «О сын мой, воссядь рядом со мной». Ответствовал царевич: «Да будет так!» — и, снова почтительно поклонившись, сел неподалеку от государя.

Раджа подал царевичу свой сосуд для бетеля, тот принял его с почтительным поклоном и, отведав бетеля, возвратил сосуд отцу. Спросил государь, обратясь к царевичу: «Отчего ты так долго не

являлся?» Ответствовал царевич: «Нездоровилось мне, нестерпимо болела голова». Молвил государь: «Поистине справедливы твои слова, о сын мой, ибо вижу я, что лицо твое бледно». Сказала государыня: «Может ли не быть бледным лицо новобрачного?» Услыхав те слова матери, царевич понурил голову, помрачнел и не вымолвил в ответ ни единого слова, но угрюмость царевича лишь преумножила его красоту (<...>)

Проведя недолгое время с родителями, Андакен Пенурат исполнил соизволения удалиться и отправился в обратный путь, сопровождаемый друзьями и родичами. Придя в сад Умеряющий Печали, он вошел в свой дом и спросил, обратясь к нянюшкам: «О нянюшки, где моя Кен Тамбухан?» Почтительно склонившись перед царевичем, ответствовали те: «О господин наш, царевна прилегла в балее Страстоцвета, ибо нравится ей любоваться ясной луной».

Царевич улыбнулся и отправился к Кен Тамбухан, придя же в балей, обвил руками ее шею и спросил: «О любимая, сидишь ли ты за трапезу?» Ответствовала Кен Тамбухан: «Нет, не сидишь, о господин мой. Я любовалась полной луной и облаками, проплывавшими в небесах, — они то встречались, то расставались, то скрывали лунный диск, будто супруги, которые то разлучаются, то вновь предаются ласкам, однако же тщетны надежды той жены». Услыхав речи царевны, Андакен Пенурат понял их сокровенный смысл и молвил: «О сестрица, о дыхание жизни моей, о хрустальная моя владычица, я понял значение твоих слов, только не надо так говорить». А сверх того добавил: «О сестрица, о душа моя, разве не говорил я тебе, что, если ты голодна, ешь, не дожидаясь старшего брата. Мне же, когда я покинул тебя, показалось будто ноги мои разучились ходить». Сказав так, царевич обнял и поцеловал жену.

Государыня вновь зовет Андакена Пенурата к себе и, желая разлучить его с Кен Тамбухан, просит царевича отправиться на охоту и добыть для нее мясо дикого быка. Царевич соглашается и идет проститься с отцом.

Пробыв недолгое время с отцом, царевич почтительно склонился перед ним и отправился в обратный путь. Государь же долго смотрел ему вслед, любуясь неверной поступью сына и изяществом его движений, подобных дрожанию молодых древесных побегов и трепету нежных ветвей ансоки на ветру. А сердца всех везиров и вельмож государя преисполнились печали при виде удаляющегося царевича, ибо мнилось им, что никогда более он не вернется.

Достигнув сада Умеряющего Печали, царевич узрел Кен Тамбухан, искавшую забвения в игре на гendere. Вспоминая о своей горькой судьбе, так непохожей на судьбы иных людей, царевна роняла слезы и грустила, но это лишь преумножало ее прелесть. Едва слышно звучал гeндeр, слезы, стекая по щекам, капали на грудь царевны, но она не замечала их и была так бледна, что, казалось, сейчас лишится чувств. И вместе с царевной плакали все, кто внимал тихим звукам гeндeра, дрожащим, прерывистым и готовым вот-вот совсем умолкнуть.

Тихонько приблизившись к Кен Тамбухан, царевич остановился позади нее и стал следить за бегом молоточков в руках жены. Видя, как печалится царевна, и слыша тихие трепещущие звуки ее гандера, царевич затосковал сильнее прежнего, и сердце его преисполнилось великой жалости к любимой. Царевич сел подле жены и молвил: «Ты весьма искусна в игре на гандере, научи же и меня играть».

Когда Кен Тамбухан заметила, что царевич явился в сад, она перестала играть, искоса на него посмотрела и прищелкнула языком. После же отвела глаза, опухшие от слез, и отвернулась, не проронив ни слова. Видя, что Кен Тамбухан плачет и готова упасть без памяти, царевич опечалился, отнес жену в опочивальню и из уст в уста дал ей бетеля, обнял и поцеловал, говоря: «О дыхание жизни моей, о богиня цветов, о плод моей души, о повелительница, подобная небесной нимфе, отчего ты печалишь меня? О госпожа, о сестрица, о хрустальная владычица моя, о государыня моей души, отчего ты плачешь, отчего так переменялась ко мне? Скажи, чего ты желаешь, дабы я мог исполнить твою волю. Быть может, не любезна твоему сердцу сия страна? Скажи, которая тебе мила, и я завоюю ту страну. О повелительница моя, плод моей души, не печалься ни о чем, доверься мне. О госпожа, о алмаз чистой воды, о чеканное золото, внемли моим словам, ибо ни одна женщина в мире мне не нужна — одна ты. Я дам тебе наказ, и ты должна его выполнить: если суждено мне умереть, я буду ждать тебя у врат небесных». Так говорил царевич, и слезы катились по его щекам. Слушая его речи, Кен Тамбухан вновь заплакала, но, как и прежде, не проронила ни слова.

Царевич обнял жену, поцеловал и стал нежно утешать ее; она же, слыша, что муж словно бы навсегда прощается с ней, опечалилась сильнее прежнего, стала плакать горше и уже не чувствовала своих слез. Видя это, сказал царевич: «Утешься, о госпожа, не плачь! Позволь мне ненадолго отлучиться и, если страшат тебя речи государыни, подожди день либо два, покуда я вернусь с охоты, тогда мы с тобой поселимся в любой стране, которую ты выберешь». Услыхав те слова, царевна успокоилась, и на душе у нее стало чуть полегче.

На следующее утро царевич, простившись с Кен Тамбухан, отправляется в путь. Дурные предзнаменования не изменяют его решения.

Теперь расскажем о жене раджи Пуры Негары. Она призвала к себе палача, и тот не мешкая явился, объятый великим трепетом, и почтительно склонился перед повелительницей. Молвила государыня: «О палач, ступай и убей ничтожную Кен Тамбухан. Обмани ее, скажи, что ее призывает к себе царевич Андакен Пенурат». Почтительно поклонившись, отвечивал палач: «О госпожа, проклятие падет на мою голову, если я совершу подобное злодеяние, ибо Кен Тамбухан — дочь могущественного раджи, а теперь еще стала женой царевича. Проклянет меня и Андакен

Пенурат». Услыхав слова палача, государыня в гневе воскликнула: «Напрасно ты превозносишь эту презренную Кен Тамбухан, за свои дела она заслуживает казни и убийства. Так что не мешкай, палач, не перечь мне и без промедления убей Кен Тамбухан, иначе я прикажу отрубить тебе голову». Услыхав слова повелительницы, палач устремился и, почтительно склонившись перед ней, ответил: «О госпожа моя, я, не прекословя, исполню всякое твое повеление». Возрадовавшись, молвила государыня: «О палач, ступай и сверши мою волю». И палач, почтительно поклонившись, отправился к дому Кен Тамбухан.

Когда же он пришел туда и увидел царевну, душа его затрепетала от страха, а сердце часто забилося, ибо почудилось палачу, будто сама нимфа Сакурба спустилась с небес и стоит перед ним. Приветствуя палача, Кен Тамбухан спросила: «О палач, что привело тебя сюда?» В испуге склонившись пред царевной, ответил палач: «О госпожа, меня послал за тобой царевич Андакен Пенурат. Он изловил множество дичи и приглашает тебя потешиться с ним в лесах и поглядеть на его добычу. Царевич хочет показать госпоже златорогую лань и дикого быка с серебряными рогами». Кен Тамбухан улыбнулась и молвила: «Подожди меня, о дядюшка, я прощусь с моей старшей сестрой Антаресми» <...>

Когда сестры вдосталь наплакались, Кен Тамбухан отправилась в путь, сопровождаемая палачом и своей служанкой по имени Кен Баян. Молвил палач: «Поспеши, о госпожа, ибо солнце уже близко к зениту». Кен Тамбухан и служанка ускорили шаги, палач шел следом, и направились они к лесу Паджанган *. При виде царевны раскрылись цветы в лесах, источая дивные ароматы, сладостно загудели шмели, во множестве вившиеся над цветами анисоки, и жужжание их было подобно голосам людей, оплакивавших Кен Тамбухан. Она же шла легко и изящно, подобная увядшей ветви, и очаровывала сердца всех, кто ею любовался.

Печаль отлетела от чела Кен Тамбухан, и от этого она стала еще прелестней, и вместе с людьми, глядя на царевну, горевали птицы и шмели, собиравшие нектар на цветах. Достигнув дуга неподалеку от леса Паджанган, Кен Тамбухан спросила, обратясь к палачу: «О дядюшка, где же охотится мой супруг?» Почтительно склонившись, ответил палач: «Место это далеко отсюда». И Кен Тамбухан отправилась дальше, сопровождаемая палачом и Кен Баян. Непривычная к дальним дорогам, царевна то и дело спотыкалась и останавливалась, спрашивая палача, с жалостью взиравшего на нее: «О дядюшка, где же царевич?» Ответствовал палач: «Теперь уже недалеко, о госпожа». Кен Тамбухан шла, покачиваясь, словно ветвь, колеблемая ветром. Казалось, силы оставляют царевну и она вот-вот лишится чувств. Вдоль дороги благоухали цветы, и чудилось, будто не цветы то, а люди, дарящие царевне благовония. И молвила Кен Тамбухан, обратясь к палачу: «Скажи правду, о дядюшка, не приказала ли государыня убить меня, и если такова ее воля, убей меня поскорее. Тело мое ослабло,

ноги устали, и я не могу дальше идти». Почтительно склонившись, отвечал палач: «О госпожа, если я не приведу тебя, твой царственный брат разгневется. Пойдем же, лес Паджанган, где охотится царевич, теперь уже близко».

С трудом передвигая ноги, Кен Тамбухан пошла дальше и вскоре достигла обширного леса. Все твари, обитавшие там, подняли небывалый шум при ее появлении и стали перекликаться, словно люди, пришедшие проститься с царевной, обреченной на смерть. Громко затрубили олени, чьи голоса были подобны стенаниям людей, оплакивавших царевну, и сердца всех обитателей леса преисполнились к ней великой жалости.

Молвил палач, обращаясь к Кен Тамбухан: «О госпожа, не лучше ли нам покуда отдохнуть здесь, ежели так велика твоя усталость». Ответствовала Кен Тамбухан: «О дядюшка, убей меня скорее, я не могу больше идти». По прошествии недолгого времени палач снова молвил: «О госпожа, пойдем потихоньку дальше, ибо уже виднеется вдаль то место, где охотится твой старший брат». Они продолжили свой путь, и, когда достигли леса Паджанган, молвила царевна: «О дядюшка, что это за лес?» Ответствовал палач: «О госпожа, лес этот называется Паджанган». Спросила Кен Тамбухан: «Где же охотится царевич?» Ответствовал палач: «Уже недалеко, давай же поспешим».

Вскоре они приблизились к дереву кемунинг, обвитому лианой душистого пандана. Усыпанное белыми цветами, дерево источало дивный аромат, и казалось, будто цветы кемунинга подобны людям, дарящим благовония Кен Тамбухан, в чашечках же цветов гудели шмели. Остановившись под тем деревом, молвила Кен Тамбухан: «О дядюшка, я не в силах идти дальше, открой правду — не повелела ли тебе государыня казнить меня, и если такова ее воля, убей меня, не мешкай. Свет мне не мил, я хочу покинуть его и удалиться на небеса». При этих словах Кен Тамбухан палач заплакал, преисполненный жалости к царевне, и сказал: «О госпожа, таков удел раба, чье тело и душу держит в руке своей государыни, что должен он исполнять всякое ее повеление, владычица же приказала мне казнить тебя». Услышав слова палача, Кен Тамбухан улыбнулась и молвила: «О палач, возьми мое кольцо, пусть оно будет вознаграждением за то, что ты не мешкая убьешь меня. После же возвращайся к государыне и сокройся от царевича, ибо нет сомнения в том, что он станет искать тебя, дабы лишить жизни. Ныне же, о дядюшка, дай мне недолгое время, и я напишу царевичу письмо».

Кен Тамбухан подошла к душистому пандану и, сорвав с него лист, золотым наноготником начертала на том листе: «О царевич, что случилось с клятвами, кои ты мне давал, и как случилось, что по твоей воле я попала в руки палача? Видно, иссякла любовь господина к его рабе, ничтожной, злосчастной и не ведающей рода, детенышу лани и униженной пленнице. Прощай же, пусть будет долгой твоя жизнь, крепким — здоровье и благословенным — прав-

ление, и пусть по достоинству своему господин возьмет в жены ровню — дочь могущественного государя, благородную по крови, рожденную от семени богов; я же приму смерть в ничтожестве и безвестности. Когда же господин мой женится, пусть возвратится он в Пуру Негару и пребывает там с нянюшками и служанками царевны Банджар Кулона, которая станет присматривать за домом господина и его залом для приемов. После кончины же да взойдет господин на небеса и сделает меня своей служанкой. Я стану рабой у ног господина и его супруги, ибо только ему желаю служить. И если даже суждено мне пережить семь рождений, то и тогда я останусь его невольницей.

Еще об одном молю я господина: возвратившись домой, пусть он позаботится о моей сестре Антаресми, если до той поры государыня ее не казнит. Пусть Антаресми пребывает во прахе у ног господина, равная другим его служанкам. И если совершит она оплошность, либо же провинится, либо недосмотрит за чем-нибудь, да не примет господин этого близко к сердцу, ибо он один может ее простить. Пусть убережет он Антаресми от гнева царевны Банджар Кулона, ибо ныне остается она в ничтожестве и злосчастии и нет у нее ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры.

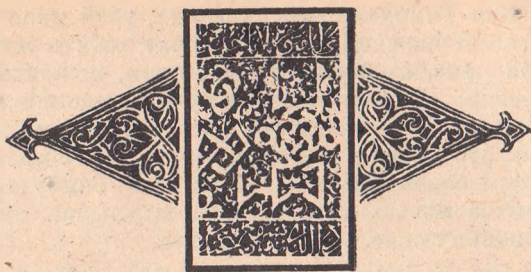
Что же до рабы господина, то, видно, суждено ей найти смерть в лесу Паджанган и стать добычей диких зверей. Прощай же, о господин мой, пусть будет долгой твоя жизнь, крепким — здоровье и благословенным — правление. Сими словами я заключаю мое письмо. Я уповала на господина, думала, он станет опорой и прибежищем для его рабы, одинокой, ничтожной и обделенной красотой; но оскудела его любовь, так что лучше мне, покинутой, остаться в лесу, дабы мое тело растерзали тигры и кабаны. Прощай же, о господин, я ухожу».

Закончив письмо, молвила Кен Тамбухан, обратясь к палачу: «О дядюшка, возьми мои серьги, пусть и они будут тебе наградой за мою скорую смерть. Зачем мне жизнь, если она не дарит мне ничего, кроме унижений». Палач почтительно склонился перед Кен Тамбухан и, проливая слезы, принял ее серьги. Царевна же прислонилась к стволу кемунинга, закуталась в шарф и так стояла, подобная Индре, восходящему на небеса.

Над головой Кен Тамбухан дивно благоухали цветы кемунинга, и чудилось, будто не цветы источают аромат, а люди принесли благовония, дабы осыпать ими останки царевны; великое множество шмелей перелетало с цветка на цветок, озабоченно гудя, и их жужжание было подобно голосам людей, пришедших, дабы украсить мертвое тело Кен Тамбухан. В небесах заалела заря, появилась радуга, и они вместе словно бы горевали о царевне. После же у подножия гор пророкотал гром, повеял легкий ветерок, и казалось, будто и гром и ветерок грустят о Кен Тамбухан, обреченной на смерть; начал накрапывать дождь, и капли его тихо падали на землю, словно слезы из глаз плакальщиц, рыдающих над телом царевны.

Молвила Кен Тамбухан: «О дядюшка, убей меня скорее, ведь, если явится сюда царевич, он не оставит тебя в живых». Палач обнажил свой крис, именуемый Калаганти, и, почтительно склонившись, молвил: «О госпожа, мольбу о прощении повергаю я к твоим стопам». С этими словами он ударил царевну крисом пониже ключицы, так что кровь потоком хлынула на ее одежды, обагрив их, будто алым соком кесумбы. Лицо Кен Тамбухан пожелтело, словно покрытое мазью, уста застыли в улыбке, зубы же были подобны черненому сплаву меди и золота.

Узнав о гибели Кен Тамбухан, Андакен Пенурат в горе кончает с собой. Однако к радости государя и раскаявшейся государыни Батара Кала воскрешает влюбленных, и они соединяются.

ПОВЕСТЬ ОБ ИСКАНДАРЕ ДВУРОГОМ

В духовную атмосферу, резко отличную от той, что царит в повестях, вдохновленных яванскими поэмами и пьесами, погружаемся мы, обращаясь к одному из древнейших мусульманских произведений малайской литературы — «Повести об Искандаре Двурогом» (Александр Македонском). Восходящая в итоге к прославленной «Александрии» псевдо-Каллисфена, а более непосредственно к одной из арабских или, скорее, арабо-персидских ее обработок, впитавших элементы «Шах-наме» Фирдоуси, коранических легенд, хадисов и различных мусульманских преданий, эта повесть была переведена, как можно полагать, в XIV в. в суматранском княжестве Пасей. Здесь, в первом центре ислама на Малайском архипелаге, прославленном своей богословской школой и сыгравшем важную роль в распространении новой религии среди малайцев, сложился архетип повести, давший начало двум дошедшим до нас ее изводам — более пространному полуостровному и более краткому суматранскому.

Искандару даровано завоевать весь мир, искоренить идолопоклонство и распространить веру Ибрахима (библейского Авраама), понимаемую как древнейший монотеизм, своего рода «ислам до ислама» (а точнее, до пророческой миссии Мухаммада). Сопутствуемый греческими мудрецами и пророком Хидиром (арабск. Хизр) — вторым героем повести, под стопой которого бесплодная земля покрывается растительностью, Искандар совершает походы на запад и восток, покоряет Иран и Египет, Андалусию и Эфиопию, Сирию и Индию и, наконец, достигает пределов земли, окруженной горами Каф и «океаном объемлющим». Удивительной широты панорама раскрывается перед взором завоевателя и малайских читателей, приобщавшихся благодаря повести к полубогатырским всемирным космограммам мусульманского средневековья и узнававших о реальных странах, раскинувшихся на лице земли, а еще более о всевозможных чудесах, ее наполняющих.

Ислам, принесший в малайский мир «Повесть об Искандаре Двурогом» и пропагандируемый повестью, раздвинул для малайцев границы ойкумены, указал им на единство человеческого рода и их собственное место в этом единстве. Не случайно, ссылаясь на морскую переправу в Андалус — Андалусию (Анделас — древнее название Суматры) и особенно на брак Искандара с индийской царевной, малайские государи возводили к македонцу свои родословные древа. В этом, разумеется, сказывалось честолюбие нефитов, стремящихся обеспечить себе достойного предка — предтечу ислама, но вместе с тем через Искандара малайские правители, а стало быть, и олицетворяемые ими, по средневековым понятиям, малайцы в прямом смысле слова оказывались в родстве с народами Ирана, Рума *, Индии и т. д.

И все же главный пафос повести — не в описании триумфа победоносного полководца и проповедника. Покорен и обращен в истинную веру мир «от востока до запада», постигнуты величие Творца, незримая механика мироздания и тайны будущего «сынов человеческих» (эти мотивы занимают очень важное место в предназначенной для неофитов повести), но по мере свершения Искандаром своего предназначения в повести все отчетливей слышится пессимистическая тема тщеты земного бытия и неотвратимости смерти. Своего рода эпиграфом к ней могли бы послужить слова эпитафии одного из султанов того самого Пасея, где повесть была переведена. В ней земная юдоль уподоблена паутинке, сотканной пауком, и именно такой паутинкой — радужной и эфемерной — оказывается распростертый у ног Искандара мир со всеми его чудесами и собственная слава величайшего из земных владык. Об этом царю напоминают пагубе индийские «гимнософисты», не понимающие, зачем Искандар стремится обладать чем-то столь непрочным. С особой силой эта же тема развита в заключительном, по существу, эпизоде поисков источника бессмертия.

Все в том же стремлении увековечить свою суетную славу Искандар вступает в страну мрака. Ослепленный эгоизмом, он прилагает все усилия, чтобы отыскать источник для одного лишь себя, и не находит его, тогда как пророк Хидир, посвятивший жизнь самоотреченному служению Аллаху и бескорыстному водительству людей на пути этого служения, безо всяких поисков обретает воду бессмертия. Более того, покорность страстям заставляет Искандара повторить в стране мрака извечную трагедию грехопадения Адама, искушенного Иблисом. Подобно праотцу человечества, прельщенный красотой яблока — символа земных благ, он лишается ветки изюма — «пищи вечной», дарованной ему Аллахом, и низвергается в бездну отчаяния. Так на примере величайшего из «мужей своего времени» перед новообращенными читателями-малайцами наглядно раскрывались основы мусульманского вероучения, и в частности мусульманской антропологии — представление о неисчерпаемых возможностях человека и вместе с тем о его ограниченности, преодолеваемой лишь через победу над страстями, духовное совершенствование.

Путешествие к Великому водовороту

И отправился Искандар со своим войском в поход, желая достичь стран Синд и Хинд, и через несколько дней дорога привела его к берегу моря. Он вступил в земли безлюдные, и тогда молвил пророк Хидир, обратясь к Искандару: «Да будет ведомо государю, повелителю мира, что нет более впереди обитаемых стран — лишь земли, изобилующие реками и омываемые черным океаном, который объемлет весь мир». Услыхав те слова Хидира, Искандар приказал разбить неподалеку от берега лагерь, и войско остановилось там на один день.

На следующее утро Искандар с пророком Хидиром сели на коней, спустились на берег моря и увидели на берегу неведомого юношу. Искандар, остановив коня, приветствовал его и, когда юноша ответил на его приветствие, спросил: «Кто ты?» Молвил юноша: «Ужели ты меня не узнаешь?» Ответствовал Искандар: «Нет, я не знаю тебя». Молвил юноша: «Я — один из ангелов, а имя мое Михаил. Я отмеряю мерою дождь, струящийся с небес на землю, и низвожу его по воле Аллаха — преславен Он и возвышен!»

Вновь спросил Искандар: «А кто тот муж, что стоит подле тебя?» Ответствовал Микаил: «Это — ангел, коему Всевышний повелел денно и попно надзирать за молнией, и громом, и грозовыми раскатами, и они низвергаются на землю лишь по повелению сего ангела». И в третий раз спросил Искандар: «А кто тот муж, что стоит в отдалении и видом схож со старцем, перепоясанным чресла и сжимающим в руке посох?» Ответствовал Микаил: «Это — ангел, коему Всевышний вверил ветер и бурю, повелевающий ветрами четырех стран света по слову Аллаха — преславен Он и возвышен!» При тех словах Искандар вознес благодарственную молитву к престолу Господа, Владыки миров, и лицо его просветлело.

Затем Искандар с пророком Хидиром возвратились почевать в лагерь, а наутро, как обычно, выступили с войском в путь и шли по берегу океана, омывающего мир, три дня и три ночи. И не встретилось им на пути ни человека, ни птицы, ни дерева. Так, желая увидеть, где кончается океан объемлющий, двигался Искандар с войском по его берегу два месяца. По прошествии же двух месяцев войско достигло некоего места, и вдруг, когда все воины уже крепко спали, до них донесся необычайно громкий рев. Искандар тотчас пробудился и спросил, обратясь к Хидиру: «Что это, о пророк Аллаха?» Ответствовал Хидир: «Да будет ведомо повелителю мира, что это ревет Великий Водоворот — Дурдур. В нем сливаются воды всех морей, и рек, и источников, сколько ни есть их на лице земли». Когда Искандар услышал те слова Хидира, молвил он, обратясь к пророку: «Не расскажешь ли ты мне, каков собою сей Великий Водоворот?» Ответствовал пророк Хидир: «О повелитель мира, нет слов, чтобы описать Дурдур. Ежели будет угодно Всевышнему и ежели мы будем живы, на завтра дойдем до водоворота». Услышав те слова, Искандар замолчал.

На следующее утро Искандар двинулся с войском дальше, но на этот раз он собрал всех ученых, мудрецов и государей и взял их с собой, дабы те сопровождали его и пророка Хидира. К вечеру они достигли края Дурдура, и Искандар со спутниками увидели, что воды всех морей, рек и источников, сколько ни есть их на свете, сливаются в Великом Водовороте. При виде того дивного зрелища Искандар вознес благодарственную молитву Аллаху, Владыке миров, и молвил, обратясь к пророку Хидиру: «О пророк Аллаха, мне очень хочется взглянуть на сей Великий Водоворот, дабы, если Аллах сохранит мне жизнь, рассказать о нем всем вам и учителю моему, мудрецу Аристаталису». Спросил пророк Хидир: «Как же сможешь ты, о государь, увидеть те воды низвергающиеся?» Ответствовал Искандар: «Мне неведомо, как их увидеть, не прибегнув к твоей проницательности, о отец Аббаса. Посему я уповаю на волю Всевышнего».

Тогда Хидир повелел ученым, мудрецам и мастерам изготовить для Искандара сундук чудесной работы, сидя в котором он мог бы видеть все окрест. Услыхав то повеление, они изготовили государю сундук из горного хрусталя, и, когда закончили, молвил

Искандар: «Этого-то я и желал, и исполнил Всевышний желание мое». После же спросил калам, чернила и лист золотой бумаги и начертал на ней заветание Хидиру, государям, ученым и мудрецам, кое гласило:

«Я отправляюсь взглянуть на Великий Водоворот Дурдур и, кодь скоро останусь жив, непременно возвращусь к вам и буду вами править. Если же погибну, наказываю вам сделать государем вашим пророка Хидира, исполнять всякое его слово, как мое, и не преступать его повелений. Ежели не станете его слушать, не избегнете гибели, а ежели будете повиноваться, благополучно возвратитесь домой. И еще, ему не подчинитесь, воистину пойдут в войске раздоры, ибо ни один из вас не превосходит его разумом и мудростью. Такой оставляю вам наказ, и его справедливость ясна всякому, ибо нет среди вас человека, стоящего ближе к Аллаху, нежели пророк Хидир — мир ему!» Потом Искандар достал печать царства, оттиснул ее в верхнем углу письма и подал то письмо Хидиру. Пророк Хидир же молвил, обратясь к государю: «Не позволю я повелителю мира покинуть место сие, покуда не узнаю воли Всевышнего». Ответствовал Искандар: «Говори же, о пророк Аллаха, какова Его воля».

Меж тем по милости Аллаха пророку Хидиру явился ангел, что всегда нисходил к нему от престола Всевышнего, и молвил: «Аллах — преславен Он и возвышен! — шлет тебе привет и слово свое совершенное: „Не препятствуй желанию Искандара взглянуть на Дурдур, ибо целым и невредимым возвратится он“». Сказав так, ангел вернулся в горний мир, Хидир же передал его слова Искандару и сказал: «Ныне, ежели таково твое желание, о повелитель мира, отправляйся в путь. Укрепи свое сердце и не забывай во всяком месте возносить благодарственные молитвы».

Выслушав те слова пророка Хидира, государь вошел в сундук и затворил дверцу, а мудрецы привязали к сундуку чудесный канат и стали спускать его в океан. Когда сундук погрузился в волны океана, Искандар подал рукою знак, крикнул громким голосом: «Прощайте, о люди!» — и приветствовал их. Мудрецы же отвечали: «Предаем повелителя мира на волю Господа Всевышнего, чье могущество совершенно, вверяем его Аллаху — наилучшему защитнику рабов своих». Покуда они так говорили, волны подхватили сундук, а течения и ветры повлекли его в океан.

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что, когда сундук с Искандаром, скользя по волнам, скрылся из глаз, к нему по всемогуществу Аллаха подплыла огромная рыба и проглотила его. Воскликнул тогда Искандар: «Нет бога, кроме Аллаха, Единого, не имеющего сотоварища!» И рыба, услышав его слова, повторила их. А Всевышний сотворил чешую той рыбы прозрачной, словно хрусталь, так что Искандар мог лицезреть сквозь нее все диковины океана.

Вскоре та рыба спустилась с Искандаром ниже семи земных сфер к рыбе по имени Нуи*, несущей на спине весь дольний мир.

И узрел Искандар, что голова рыбы Нун покоилась на востоке, а хвост — на западе, и, весьма подивившись, возгласил: «Нет бога, кроме Аллаха!» Еще же увидел он быка, поддерживавшего землю, а на носу быка — пиявку. Иблис — да будет он проклят! — стоял перед тем быком, повелевая ему сбросить землю со спины и говоря: «Так избавишься ты от тяжести непомерной». Но когда бык уже готов был последовать словам Иблиса, пиявка говорила ему: «Не смей повиноваться проклятому, иначе Всевышний подвергнет тебя мукам».

И еще увидел Искандар камень небывало огромный, упавший с небес, с коего низвергались все текучие воды. В тот миг по воле Всевышнего рыба извергла сундук с Искандаром из своего чрева, и Искандар, выйдя из сундука, узрел все воды мира, устремлявшиеся в реки и моря, и все источники вод, бравшие начало с того камня и неприметно разливавшиеся по земле. После же взору государя предстали семь земных сфер, висящие одна над другой, так же как небеса над твердью. При виде их Искандар в изумлении произнес исповедание веры и стал прохаживаться взад и вперед, оглядываясь окрест, покуда не увидел в отдалении некоего мужа.

И спросил тот муж, обратясь к нему: «Кто ты? С тех пор как Всевышний сотворил меня, вот уже тысячу лет пребываю я здесь, однако досель не видел ни одного существа человеческого, достигшего сих мест». Ответствовал Искандар: «Мое имя — Искандар, я сын царя Дараба, родом румиец, прозванный Двурогим, страна же моя именуется Македонией. Аллах даровал мне власть над всеми царствами, что раскинулись на лице земли от востока до запада и от севера до юга». Молвил тот муж: «Тогда, верно, это ты — друг раба Божия, подвижника, что носит имя Хидир отец Аббаса». Ответствовал Искандар: «Воистину это я». Спросил муж: «А что привело тебя сюда?» Ответствовал Искандар: «Аллах — преславен Он и возвышен! — повелел мне обойти землю от востока и до запада, я повидал всех государей, властвующих на земле, и все их страны уплатили мне дань. Довелось мне также лицезреть горы, что окружают обитаемый мир и моря его, а сверх того Аллах — преславен Он и возвышен! — показал мне Великий Водоворот Дурдур, все воды, берущие из него начало, семь земных сфер и океан с его обитателями. Ныне же пути мои привели меня к тебе. Но кто ты, о господин?»

Ответствовал тот муж: «Я — ангел, наделяющий водами все моря земные. Воды, что наполняют моря, и озера, и реки, — в деснице моей, и я отмеряю их». Молвил Искандар: «Хотел бы я увидеть воды, восходящие ввысь, подобно тому, как видел низвергающиеся». Ответствовал ангел: «По воле Аллаха Пречистого исполнится твое желание, но теперь возвращайся откуда пришел, ибо здесь нет того, что ты ищешь».

Едва лишь ангел воспротивился воле Искандара, он услышал голос с небес, исходящий от существа невидимого, который возвестил: «О ангел, не заграждай путей Искандару, пусть идет, куда

пожелает». Услышав тот голос, Искандар поднял голову к небесам, дабы взглянуть, кто с ним говорит, но никого не увидел. От ужаса у государя дыбом встали волосы, ибо понял он, что не человеку принадлежал голос, но Тому, у кого не было начала и не будет конца. Не мешкая Искандар воротился к ангелу, отмерявшему воды, и, найдя его на прежнем месте, приветствовал. После же отправился туда, где оставил сундук, вошел в него, затворил дверцу и воскликнул: «Молю Тебя, Господи, по всемогуществу Твоему возврати меня к моему другу, пророку Хидиру, и всему воинству. О Господь мой, Господь единый!»

Как только Искандар произнес те слова, по всемогуществу Аллаха, Творца вселенной, к нему вновь приплыла рыба, некогда проглотившая сундук с государем; как и в первый раз, проглотила сундук и пустилась в обратный путь. Искандар же, пребывая во чреве ее, созерцал дорогой дивные творения Всевышнего — много-различных тварей морских и всевозможных обитателей океана, плескавшихся в водах, приветствуя его.

Меж тем рыба доставила Искандара туда, где некогда проглотила сундук, и, исполняя повеление Аллаха, извергла его из чрева. Когда же Искандар освободился из чрева рыбы, его сундук поплыл по волнам, воины заприметили его с суши и вознесли тысячи благодарственных молитв Всевышнему.

Видя, что все подвластные государи, мудрецы и воины верхом на конях выстроились на побережье и поджидают его, Искандар удивился и молвил в сердце своем: «Кто же известил войско о моем прибытии, так что оно ожидает меня на берегу?» А Сури * сообщает, что известил об этом воинов пророк Хидир — миру! — сказавший: «От захода солнца и до полудня следующего дня ждите на берегу Искандара».

После того как рыба извергла из чрева сундук с Искандаром, Всевышний повелел ветру дуть с моря и влечь тот сундук к берегу, течению же — вынести его на сушу. Вскоре по всемогуществу Аллаха воины государя ясно увидели с берега сундук, и едва он причалил, пророк Хидир и мудрец Балминас * первыми вытащили его на землю. Тогда Искандар отворил дверцу, поднялся во весь рост и, выйдя из сундука, обнялся с Хидиром и Балминасом. Все мудрецы же, государи, вельможи, везиры, евнухи, глашатаи и военачальники почтительно склонились пред повелителем. И преисполнила та встреча сердца государей, и Искандара, и воинов его, знатных и простолюдинов, великой радости.

Затем Искандар вскочил на коня и поскакал к своему шатру. Там же воссел на трон царства, приближенные его расселись на седалищах золотых и серебряных и седалищах из драгоценного сплава и из сплава пяти металлов, а мудрецы, государи, везиры, евнухи, глашатаи и военачальники предстали перед повелителем и заняли места всякий по своему сану. Воссев на трон, Искандар поведал им обо всем, что ему довелось повидать, ничего не утаив, и те, кто слушал, весьма подивились тому рассказу. И сказали

они с почтительным поклоном: «О повелитель мира, ты повидал то, чего никто, кроме пророков Аллаха и святых Его, не видел».

Меж тем стемнело, и Искандар удалился в шатер, все же остальные разошлись по своим палаткам.

Путешествие в страну мрака за живой водой

И молвил Искандар, обратясь к государям, а также ко всем ученым и мудрецам: «Знайте же, о господа, что я желаю проникнуть за завесу мрака, дабы отыскать источник живой воды и узнать, не дарует ли ее мне Всевышний. Что же скажете вы на это?» С почтительным поклоном ответствовали ученые и мудрецы: «Разве неведомо повелителю мира, что среди людей, сотворенных Всевышним, были такие, что превосходили его славой?» Ответствовал Искандар: «Да, я знаю, что таких было немало, и среди них — пророки Аллаха Адам и Шис, Идрис и Нух, Худ, Салех, Ибрахим * и иные, числом в несколько сотен, а равно и пророк Хидир, что стоит ныне здесь с нами. Меж тем все они не избегли смерти». Спросили ученые и мудрецы: «А доводилось ли повелителю мира слышать, чтобы хоть одного из них Всевышний сподобил лицезреть источник бессмертия и завесу мрака?» Ответствовал Искандар: «Нет, я не слыхал ни о чем подобном, однако — только Аллах всеведущ!» Сказали ученые и мудрецы: «Да убережет Всевышний повелителя мира от того странствия по стезям, на кои не ступала нога человеческая». Услыхав их речи, молвил Искандар: «Хоть вы и пытаетесь устрашать меня, удерживая от похода за завесу мрака, но я предамся воле Аллаха — преславен Он и возвышен! — ибо Аллах хранит рабов своих. Ежели будет угодно Всевышнему, я непременно обрету то, к чему стремлюсь, не своей силой, но мощью Аллаха — Владыки миров, Господа, даровавшего мне победы над всеми врагами. Ни одного из вас не неволю я следовать моим путем, но лишь тех зову, кто сам с радостью душевной пожелает на него ступить. Все же прочие пусть остаются. Я отправляюсь с истинной верой во Всевышнего и надеждой на помощь и защиту, которые Он дарует своим немощным рабам».

Когда государи, ученые и мудрецы услыхали те слова Искандара, сказали они с почтительным поклоном: «Да будет ведомо повелителю мира, что, ежели он вправду желает вступить за завесу мрака, мы все последуем за ним. Не по злобе и не из страха перед повелителем мира говорили мы, но от великой к нему любви и приязни, ибо повелитель мира — образец для каждого из нас и надежда своего неисчислимого воинства, на стезю же, которую он избрал, никогда еще не ступал ни один человек. Но что такое наши жизни в сравнении с его, будь их у нас тысяча тысяч и погуби мы их все — не велика беда, только бы он здравствовал. Итак, коль скоро повелитель мира всерьез желает отпра-

виться за завесу мрака, пусть выберет отменных верховых лошадей для наших воинов; всего же лучше, если возьмет кобылиц, а не жеребцов*».

Когда Искандар выслушал те почтительные речи мудрецов, он повелел согнать табун из шестисот тысяч молодых кобылиц и отобрать для похода наилучших воинов. После того же, как их отобрал, молвил, обратясь к Хидиру: «О пророк Аллаха, возьми с собой сто тысяч воинов из числа этих шестисот тысяч и выступи с ними прежде остальных в авангарде армии». Пророк Хидир избрал себе сто тысяч воинов, а остальные, снедаемые жестокой печалью, предстали перед Искандаром. Он же назначил опытного из них предводителем того несметного воинства и сказал: «Да не ослушаетесь вы предводителя вашего!» И дал ему во удостоверение власти грамоту, дабы воины, не колеблясь, исполняли его приказы.

Вслед за тем молвил Хидир, обратясь к Искандару: «Как известно, повелитель мира выслал меня впереди войска, однако же велика для нас опасность сбиться с пути. Дабы избежать ее, дай мне драгоценный камень, сияющий, словно солнце, и пусть войско идет на его свет». При тех его словах Искандар достал огромный самоцвет, сиявший, словно солнце на восходе, и молвил, обратясь к Хидиру: «Да поможет нам Аллах не сбиться с пути». После же дал ему тот самоцвет. Тогда воины, отправлявшиеся в путь, передали свои заветания тем, что оставались, остававшиеся принялись наставлять уходящих, и все они, плача, говорили: «Кто знает, дарует ли нам Всевышний новую встречу».

На следующее утро Искандар с войском выступил в поход. Ни один из государей, сопровождавших повелителя мира, не пожелал его покинуть — все они с везирами, военачальниками, учеными и мудрецами последовали за ним. Молвил тогда Искандар, обратясь к войску: «Если суждена мне смерть в походе, пусть меня заменит мой брат Хидир. Вы же беспрекословно исполняйте его приказы, ибо ослушание приведет к неминуемой гибели». Сказав так, Искандар вместе с Хидиром отправился в путь впереди войска.

Вскоре они вступили во мрак, непроглядный, словно темнейшая из ночей, однако воины видели, как спереди сияет самоцвет в руке Хидира, и шли на свет. Так они скакали сквозь мрак пять дней и пять ночей, а на шестой день услышали, что под копытами лошадей что-то позвякивает. Спросили воины у Хидира: «О пророк Аллаха, что это звякает у лошадей под копытами?» Ответствовал Хидир: «Это — невиданные дикивины. Тот, кто соберет их во множестве, пожалеет об этом, и тот, кто возьмет мало, также испытает огорчение». Тогда иные из воинов спешили и набрали множество тех дикивин, большинство же не пожелало их брать. Потом они поскакали сквозь мрак дальше, и мгла окрест была столь непроницаема, что люди не узнавали друг друга. Через девять дней и девять ночей войско вступило в густой низкорослый лес и,

одолев гряду невысоких холмов, на десятый день заметило впереди бледное зарево, подобное свечению звездного неба.

На следующий день то зарево, разгораясь все ярче, засияло словно полная луна; пророк Хидир повелел воинам спешиться, и они увидели перед собой дом из червонного золота, изукрашенный самоцветами, блеск коего и озарял все вокруг. Спешившись, воины достали из карманов диковины, подобранные по дороге, и те диковины оказались сверкающими драгоценными камнями, подобных которым не сыскать в целом свете. Те, кто взяли мало камней, пожалели о том, ибо государи их и предводители забрали самоцветы себе, и те, кто собрали во множестве, испытали огорчение по той же причине.

Меж тем Искандар остановился подле золотого дома и молвил, обратясь к Хидиру: «Вот что пришло мне на ум, о пророк Аллаха: ежели мы отыщем источник живой воды, не только я, но и все мои воины напьются из него и в нем искупаются. В чем же будет тогда мое превосходство над ними? Посему я желаю, чтобы ты остался с войском, а я же один отправился на поиски живой воды. Когда отыщу источник — вернусь и укажу тебе дорогу к нему, если же увижу у источника что-либо диковинное, поведаю о том всем». Ответствовал пророк Хидир: «Желание повелителя мира для меня превыше всего!» Тогда молвил Искандар, обратясь к государям, везирам и военачальникам: «О братья мои, побудьте здесь и сделайте остановку в золотом доме, ибо подле него так светло, что я смогу вас отыскать». С теми словами Искандар один отправился на поиски живой воды, когда же он ушел, все воины возвратились на свои места и пребывали в золотом доме, не ведая, день на дворе или ночь, догадываясь об этом лишь по тому, спят ли у них глаза...

Воины, обеспокоенные долгим отсутствием Искандара, просят Хидира отправиться его разыскивать. В пути Хидир преодолевает искушения Иблиса, находит источник живой воды и, обрета бессмертие, возвращается к войску вместе с пророком Ильясом и сирийцем Арамом, потомком Ноя, которых встретил у источника.

Покинув свое войско, Искандар весь день напролет скакал сквозь мрак, на второй же день Всевышний даровал ему узреть дворец столь высокий, что казалось, он достигает небес. Государ приблизился к тому дворцу и увидел, что он возведен из ярких красных рубинов, сверх же того слышал как из дворца доносится голос: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Его!» Оглядевшись по сторонам, Искандар никого не приметил. Меж тем из дворца откуда-то сверху вновь донесся тот же голос: «О Искандар, подними голову, дабы узреть величие Аллаха — преславлен Он и позышен!» Искандар поднял голову, взглянул наверх и увидел малую птаху, сидевшую на верхней кромке дворцового окна. Спросил Искандар: «О птаха, не ты ли говорила со мной?» Она же ответствовала: «Я». Молвил Искандар: «О птаха, давно ли ты здесь обитаешь?» Ответствовала птаха: «Едва лишь

Всевышний меня создал, Он предначертал мне жить здесь, в стране тысячи городов. В каждом из этих городов стояла тысяча домов, наполненных горчичными зернами, что были назначены мне в пропитание. Каждый день я склевывала по одному горчичному зернышку и питалась ими, покауда все не кончилось. Тогда Всевышний создал пророка Адама — мир ему! — а сотворив, повелел мне жить в этом дворце и, дабы не испытывать голода, возглашать: „Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Его“. Пока произношу я сии слова, мне неведомы голод и жажда. А теперь ответствуй, кто ты и как сумел сюда добраться? С того дня, как Аллах меня сотворил, мне не доводилось видеть, чтобы сюда проник хоть один из сынов Адама».

Ответствовал Искандар: «О птаха, я — царь Искандар, сын царя Дараба, род свой веду от румийцев, а царство мое именуется Македонией. Всевышний даровал мне власть над всеми странами на лице земли, ныне же я проник за завесу мрака, дабы найти источник живой воды, однако доселе не сумел его отыскать. О птаха, знаком ли тебе Мухаммад, посланник Аллаха, не араб ли он родом и явился ли уже на земле? Отчего ты призываешь его?» Ответствовала птаха: «Всевышний повелел мне возглашать его преславное имя, это для меня как утоление голода и жажды на вечные времена. Имя то начертано на всех вратах небес и рая». Сказав так, птаха вновь спросила Искандара: «О царь Искандар, свидетельствуют ли ныне сыны Адама единство Всевышнего?» Ответствовал Искандар: «Воистину в нынешний век везде, куда бы я ни ступал, всякая тварь исповедует единство Аллаха Всевышнего». Тогда сказала птаха: «Великое в том для них благо; о Искандар, войди же в сей дворец, дабы узреть в нем несказанно прекрасные диковины, коих не видал ни один из сынов человеческих».

Искандар спешил, привязал свою кобылицу к дверной петле и, войдя во дворец, увидел, что двери его выкованы из золота и изукрашены рубинами, стены сложены из многообразных самоцветов, сияющих, как солнце, однако не обжигающих, подобно ему, полы же устланы покрывами из расшитой золотом парчи и переливчатых шелков зеленого, красного и желтого цвета. Искандар пошел дальше и увидел посреди зала юношу небывалой красоты, тело которого дивно благоухало. Юноша выставил вперед правую ногу, отставил назад левую и вперил немигающий взор в небеса. Подойдя ближе, Искандар приметил, что голова того юноши возвышалась над седьмой небесной сферой, ноги же проникали все семь сфер земных.

От ужаса волосы на голове Искандара встали дыбом, сердце бешено заколотилось, однако он, набравшись мужества, приблизился к юноше и приветствовал его. Тот же ответил на приветствие и молвил: «О Искандар, ты ободряешься величием брэнного мира. Даже если бы Аллах судил тебе прожить десять тысяч лет, ты и тогда бы не избег смерти, ибо изрек Всевышний: „Все

живое вкусит смерть"¹. Это неотвратно, и будь хоть один человек неподвластен смерти, Аллах — преславлен Он и возвышен! — непременно избавил бы от нее Пророка несотворенного, чей удел стать венцом пророков и возлюбленным Господа, Владыки миров. Однако же и ему суждено испытать муки и смерть. О царь Искандар, сторонись мирского зла и готовь припасы в последний путь, ибо ты смертен. Близится Судный день, и тебе ведомо, что он — воздаяние всякому по делам его».

Сказал Искандар: «О раб божий, сколь прекрасны твои слова, не наставивши ли ты меня истинным наставлением, дабы привести в сознание?» Молвил ангел: «О царь Искандар, почитай Господа, как почитаешь самого себя, обретай те познания, кои помогут тебе войти в рай, и беги от тех, кои по сути — лишь пагубные заблуждения. О царь Искандар, недалеко уже время, когда явится народ, возлюбленный Всевышним». Спросил Искандар: «О юноша, что это за народ?» Ответствовал ангел: «Это — народ Мухаммада, Посланника Божия — да благословит его Аллах и да приветствует! — кой при скончании веков превзойдет славой народы всех иных пророков и станет свидетельствовать о них, бывших прежде. О царь Искандар, в день Страшного суда всякая тварь будет искать защиты под стягом Мухаммада, именуемым Лива аль-Мухаммад*.

О царь Искандар, не гляди на грехи других людей, обрати взор на свои. Не простирай руку за тем, что Всевышний тебе не судил. Ни человек, ни джинн не войдут в рай, ежели не страшатся Аллаха и поцустительствуют своим грехам. Помни же об адских муках, ибо в рай войдут лишь богобоязненные, а пристанище тех, кто не страшится Всевышнего и забывает о грядущем воздаянии, — геенна-огненная.

О царь Искандар, всякую тварь живую превосходят богобоязненностью грядущий пророк Мухаммад — да благословит его Аллах и да приветствует! — и пророки, бывшие прежде, кои в воздаяние за нее обрели райское блаженство. И если взвесить богобоязненность Мухаммада, посланника Божия, и прежних пророков, то его богобоязненность тяжела, словно золото высшей пробы, а их, словно *... Если же сравнить по весу богобоязненность одного из прежних пророков и всех величайших праведников, то они будут словно бронза и камень, словно золото и ничтожная горстка праха.

Итак, о царь Искандар, страшись Всевышнего, твори благое пред лицом Аллаха и всей твари и тогда воздастся тебе совершенным воздаянием. Неустанно призывай имя Господа твоего, ибо Он — Господь безмерно к тебе близкий. Адское же пламя сотворено Аллахом для тех, кто Его не страшится».

¹ Здесь и далее все цитаты из Корана даются в переводе И. Ю. Крачковского, иногда с незначительными стилистическими изменениями.

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что, услышав слова ангела, Искандар заплакал великим плачем и спросил: «О юноша, кто ты?» Ответствовал ангел: «О царь Искандар, я — тот, кого называют доверенным рабом Божиим, ангелом Асрафилом. Аллах — преславен Он и возвышен! — вверил мне трубу Судного дня, кою ты видишь в деснице моей. В день Страшного суда я вострублю в нее, и тогда испустит дух всякая тварь, наполняющая семь небесных сфер и семь сфер земных, и лишь восьмеро останутся в живых — я, Джабраил, Микаил, Азраил* и четверо ангелов, несущих на раменах Престол Господен. После же умрем и мы, и погибнет весь мир по слову Божию, начертанному на Скрижали Хранимой: „Всякий, кто на ней, исчезнет, и останется лик твоего Господа со славой и достоинством“. Что означает: „Все живое — бренное, бренное же — прейдет и возвратится к истоку своему, чуждым тому, чем было прежде. Непреходящ лишь Аллах — владыка величия и славы“.

Когда и мы умрем, все на сорок лет погрузится в небытие, и тогда исполнится слово Божие: „Где властитель? В день Господа единого, всепобеждающего“. Что означает: „Кому достанутся царства в тот день? Аллаху — Господу, гневающемуся на своих неверных рабов“. Через сорок лет Всевышний воскресит рабов своих и повелит мне во второй раз протрубить в трубу Судного дня. И восстанет вся тварь Божия ко всему лику земли, что будет не выше и не ниже той, которую ты видишь ныне, и свершится великое дело!»

Сказав так, Асрафил возрыдал, а Искандар, увидев, что из глаз ангела струятся слезы, готовые, казалось, затопить весь мир, также заплакал и молвил: «О ангел, коего приблизил к себе Господь, когда наступит день Страшного суда?» Ответствовал Асрафил: «О царь Искандар, кто может знать, когда он придет? Мне не доводилось читать сего на Хранимой Скрижали, ибо я знаю лишь о том, что начертано у ее основания, о том же, что запечатлено у вершины, не ведает никто, кроме Всевышнего. Однако же на ней начертано, что Судным днем будет пятница, а часом — полдень. Еще известно мне, о царь Искандар, что запечатлено на Хранимой Скрижали, будто ты станешь властителем всей земли, покоришь всех государей мира, коих встретишь на пути своем, узришь поразительнейшие из чудес, являющих могущество Аллаха — преславен Он и возвышен! — и достигнешь сих пределов. Ни до тебя, ни после никому не судил Всевышний вступить за завесу мрака — лишь тебе даровал эту милость. Итак, благодари господа за его милосердие и веселись сердцем, ибо Всевышний воистину возлюбил тебя и возвысил над иными благочестивыми государями до самого Судного дня. Вы оба — ты и твой друг Хидир — войдете в благословенный райский сад, и все благочестивые владыки склонятся к подножию твоего престола. Однако же Всевышний вверил мне некий дар, который повелел тебе передать». Спросил Искандар: «Что же Он тебе вверил?» При тех словах Искандара Асра-

фил подал ему завернутый в два покрова камень величиной с куриное яйцо и молвил: «Вот дар, который он повелел тебе вручить, изрекши: „Возвращайся к своему войску, довольствуйся тем, что обрел по милости Аллаха — Господа твоего, и дарует Он тебе богатство, кое не расточится веки“».

Молвил Искандар: «О Асрафил, с той поры как я покинул войско, меня мучит голод. Уже четыре дня я не вкушал пищи, которая укрепила бы мои члены». Ответствовал Асрафил: «Подожди, я повергну твою просьбу к стопам Всевышнего». Едва лишь Асрафил произнес те слова, как услышал голос: «Дай ему ветку изюма, что выращена для него в райском саду». Асрафил сорвал ветку изюма и подал ее Искандару, сказав: «Эту ветку дарует тебе Всевышний. Ешь плоды ее всю жизнь, и ты никогда не испытаешь голода и жажды. Я сорвал ее в том уголке райского сада, что предназначен тебе в удел. Предпочитай это яство всем яствам земным, ибо тому, кто его вкушает, неведомы недуги». С теми словами он подал ветку Искандару, который принял ее, съел две изюминки и пошел из дворца.

Двадцать шесть дней шел Искандар по дворцу, и был он столь огромен, что государю мнилось, будто от одной колонны до другой пролегает дневной переход. Наконец Искандар достиг врат того дворца; выйдя из него, сел на кобылицу и поскакал к своему войску по той же дороге, по которой приехал.

И увидел Искандар старца. Тот шел прямо на него, словно бы не замечая государя. При виде старца он подвиглся в душе, старец же, заприметив Искандара, приветствовал его. Искандар ответил на приветствие и спросил: «Откуда идешь ты, о старец?» Ответствовал тот: «Неведомо мне значение твоих слов, лишь Господу моему доступен их смысл. Скажи, кто ты? Никогда прежде не встречал я здесь людей». Молвил Искандар: «Зовут меня Искандаром, я — сын царя Дараба, родом — румиец». Вновь спросил старец: «А откуда ты идешь?» Ответствовал Искандар: «Из дворца, что виднеется вон там, в отдалении. Я вошел в него, но не встретил там никого, кроме ангела, носящего имя Асрафил, который вступил со мной в беседу, дал ветку изюма и камень и повелел возвращаться к войску».

Молвил старец: «О царь Искандар, не исполнилось твое желание испить живой воды, хоть источник ее и был близок, ибо ты из числа тех, от кого сокрыл его Аллах. О царь Искандар, дай мне взглянуть на тот изюм, что даровал тебе Асрафил». Услышав слова старца, словно бы прочитавшего его тайные мысли, Искандар весьма изумился и молвил: «Вот изюм, который дал мне Асрафил, отведай его». Ответствовал старец: «Не могу я его отведать, ибо держу пост». С теми словами он достал яблоко, чья краснота дивно сочеталась с желтизной, а аромат напоминал благоухание алоэ, и едва лишь Искандар увидел тот плод, он всей душой его возжелал и не мог отвести от него глаз. И попросил он у старца яблоко, когда же тот подал его государю, взял в руки, вдохнул

его аромат и спросил: «Если позволишь, я вкушу от сего плода». Ответствовал старец: «Я нарочно хранил это яблоко, чтобы им разговеться, однако, если твое желание столь велико, — съешь его».

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что, услышав слова старца, Искандар съел яблоко и тотчас же почувствовал неодолимый голод; поискав же в кувшине для дорожных припасов изюм, не нашел его. И подивился Искандар, печаль его преумножилась, и он воскликнул: «Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха!» Поняв же, что перед ним Иблис — да будет он проклят! — спросил: «О враг Божий, отчего столь мерзок твой нрав? Кто ты?» Ответствовал Иблис: «Неужто ты меня не знаешь?» Молвил Искандар: «Нет, не знаю. Кто ты?» Ответствовал Иблис: «Я тот, кто извел из рая Адама — прародителя твоего». Услышав те слова, спросил Искандар: «О проклятый Аллахом, какое зло причинил я тебе, что ты меня обманул и похитил ветку изюма из кувшина, в котором я ее хранил? Никто, кроме тебя, не мог ее взять». Ответствовал Иблис: «А какое зло причинил мне твой прародитель? Лишь из зависти я заставил его испить чашу земных страданий, низверг с высот в место низменное, и радость обратил в печаль. То же случилось и с тобой, ибо услышав, что Всевышний даровал тебе ветку изюма, я преисполнился к тебе зависти и, если бы не сумел обмануть, пребывал бы в сокрушении сердечном до самого Судного дня». Тогда Искандар проклял Иблиса и воскликнул: «Да обрушится мощь Господа, Владыки миров, на главу твою! О Иблис, где изюм, который ты похитил?» Ответствовал Иблис: «Оттого что ты отведал яблока, он вернулся на свою лозу, произрастающую в райском саду». И возрыдал тогда Искандар, объятый скорбью, и пожалел, что не взял с собой пророка Хидира — мир ему!

После же, покинув Иблиса, Искандар отправился разыскивать свое войско. Снедаемый печалью, томимый голодом и жаждой, ехал он, горюя, что не сумел отыскать источник живой воды, еще же сильнее — что из его сосуда с дорожными припасами пропала ветка изюма. Проведя в пути некоторое время, Искандар повстречал некоего подвижника с маленькой черной отметиной на лбу — словно бы шрамом от бесчисленных поклонов, которые он клал Всевышнему. Спросил Искандар: «Кто ты, о подвижник?» Ответствовал подвижник: «А кто ты? Мне не доводилось встречать здесь людей». Молвил Искандар: «Сколь поразительно, что ты отвечаешь на мой вопрос вопросом. Разве тебе не ведомо, что я царь Искандар, сын царя Дараба, родом — румиец». Ответствовал подвижник: «Я знаю, что ты — царь Искандар, однако же не достигший исполнения своего желания. Ныне ты в печали возвращаешься к войску, обманутый по пути Иблисом и лишившийся ветки изюма, которую тебе дал Асрафил. Тебя мучат голод и скорбь. Возьми же сей хлебец, дабы ты мог продолжать путь».

Услышав слова подвижника, так помыслил Искандар в сердце своем: «Это — не кто иной, как Иблис, который снова старается

меня обмануть». Подумав так, он молвил: «Не ты ли это, о отец Самраха?» Ответствовал Иблис: «О царь Искандар, разве ты меня знаешь?» Молвил Искандар: «Как мне тебя не знать, однажды ты сумел меня обмануть, а ныне стараешься искусить хлебом, что держишь в руке. Однако если бы я нуждался в пище, Всевышний непременно дал бы мне ее, и пожелай я даже, чтобы гора, которую ты видишь, стала золотой, Он бы даровал мне золотую гору». Спросил Иблис — да будет он проклят: «Если истинны твои слова, отчего же ты томишься голодом?» Ответствовал Искандар: «Воистину всякому живущему в земной юдоли суждено испытать голод и скорбь. Твоя неукротимая зависть, а сверх того невозможность лишить тебя жизни повергли меня в печаль». Спросил Иблис: «О царь Искандар, не мнишь ли тебе, что ты равнодушен к должному миру и взыскуешь лишь мира горнего?» Ответствовал Искандар: «О враг Божий, воистину должный мир пройдет, вечно лишь блаженство горнего мира». Молвил Иблис: «Ежели искренни твои слова, то зачем ты бросил в кромешном мраке свое войско, обезумевшее от горя, и в одиночку отыскиваешь источник живой воды в лесах земли сей, не для того ли, чтобы обрести бессмертие? А ведь тебе известно, что это — дело тщетное, и земное бытие сынов человеческих не вечно, ибо смерть — удел всякого из них. Отчего же ты, подобно своим товарищам, следуешь голосу страстей? Знай же, о царь Искандар, что Всевышний даровал тебе и потомкам твоим весь должный мир и уготовил для тебя место в мире горнем». Ответствовал Искандар: «Воистину для меня — пределы рая, для тебя же — геенна огненная, где пребудешь ты с потомками вовеки!»

Так Иблису, искавшему, как обольстить во мраке Искандара, дабы он сбился с пути и не сумел отыскать свое войско, не удалось во второй раз его обмануть. Молвил тогда Иблис: «О царь Искандар, возгласи: „Нет бога, кроме Аллаха!“» Едва же Искандар произнес исповедание веры, Иблис исчез, а государь продолжил путь, пребывая в печали и сердечном сокрушении, ибо лишился ветки изюма.

Вскоре Искандар увидел перед собой старуху с четками в руках и изумился в душе. Старуха же спросила: «Кто это? Никогда прежде не доводилось мне встречать здесь людей». Спросил Искандар: «А кто ты и почему заступила мне дорогу?» Ответствовала старуха: «Я происхожу из племени пророка Исраила и уже долгие годы живу в этих краях, однако доселе не встречала окрест ни души. Ответствуй, раб Божий, куда ты держишь путь? Здесь нет дороги, она пролегает левее».

Молвил Искандар: «О Иблис, неужто ты еще надеешься меня провести. Какое бы обличье ты ни принял, я всегда тебя узнаю». И сказал Иблис, принявший облик старухи: «Клянусь Аллахом, я не Иблис. Пред тобой — благочестивая женщина, которой Всевышний повелел обитать в сей земле и которая здесь состарилась и прожила уже пятьсот лет. Когда ты входил во дворец, я незамет-

но следила за тобой». Ответствовал Искандар: «Ты лжешь, сойди с моего пути и дай проехать!» Сказала старуха: «Сверни налево». Услыхав те слова, Искандар замахнулся на старуху плеткой, она же отпрыгнула в сторону и бросилась бежать, крикнув: «О Искандар, возгласи: „Нет бога, кроме Аллаха“». И едва лишь Искандар произнес исповедание веры, старуха исчезла.

Проведя в пути несколько дней, Искандар достиг того места, где оставил войско, и весьма подивился, видя, что воины его пребывают в отчаянии, словно мореплаватели, тонущие в океане. Государь неспешно направился к ним, а меж тем пророк Хидир, пророк Ильяс и Арам издалека заметили его, и тогда молвил Арам-сириец, первым увидевший Искандара: «Взгляните, вот возвращается наш друг, царь Искандар!» Услыхав те слова, все воины повскакали на ноги, стали вглядываться во тьму и, когда увиделись воочию, что Искандар к ним возвратился, возрадовались великой радостью, словно умершие, к которым вернулась жизнь. Пророк Хидир, Ильяс и Арам с почестями встретили государя, все же властители, везиры и военачальники простого и знатного звания устремились к нему.

Искандар обнял Хидира и привлек его к себе, Хидир же молвил: «О повелитель мира, взгляни — пред тобой пророк Ильяс и Арам-сириец». Искандар пожал обоим руки, и Ильяс сказал: «О государь, к Престолу Всевышнего возносим мы благодарственные молитвы, ибо ты благополучно возвратился к своему войску. Ныне поведай нам, какие диковины довелось тебе повидать во время странствий. Тогда Искандар рассказал им обо всем, что видел и о чем мы уже повествовали, и Хидир, Ильяс и Арам-сириец весьма опечалились, услышав, что Иблису удалось обольстить государя и похитить ветку изюма, дарованную Асрафилом.

Потом Искандар достал камень, который дал ему Асрафил, и пророк Хидир увидел перед собой красный рубин, сиявший, словно солнце, так что не было сил на него глядеть. При виде того драгоценного камня все ученые, мудрецы и властители весьма подивились, Искандар же спросил: «О пророк Аллаха, каково предназначение сего самоцвета и зачем Асрафил дал мне его?» Услыхав слова Искандара, властители и везиры в недоумении переглянулись, не понимая их смысла, и тогда молвил Хидир: «Не только я, но и эти вот господа не понимают, что хотел сказать Асрафил, дав тебе камень». При тех его словах пророк Ильяс улыбнулся и молвил: «Воистину справедливы твои слова, давайте прикажем взвесить камень, положив его на одну чашу весов, другую же наполняя золотом и серебром». Сказал Хидир: «По моему разумению, именно так и надлежит поступить» — и повелел принести большие весы.

Стали взвешивать драгоценный камень, щедро подкладывая на противоположную чашу золото и серебро, так что вскоре их груды в сто раз превосходила его величиной, однако же камень все еще перетягивал. И Искандар со всеми государями, учеными

и мудрецами весьма тому дивился. После же Хидир выбросил из чаши золото и серебро и положил в нее горстку праха. И по воле Всевышнего, Господа всемогущего, та малая горстка перевесила драгоценный рубин.

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что Искандар изумился в душе такому чуду и молвил, обратясь к Хидиру: «О пророк Аллаха, как сие могло случиться?» Ответствовал Хидир: «О государь, которого Всевышний возвеличил в обоих мирах, с тайным умыслом дал тебе Асрафил этот камень. Вот что означает его иносказание: Аллах — преславен Он и возвышен! — даровал повелителю мира царство, раскинувшееся на лице земли от ее восточного края до западного, от северного края до южного, однако же повелитель мира тем не удовольствовался. Потому и дан ему рубин, значение коего таково: „Всякий видел, что камень сей, хоть и не больше куриного яйца, тяжелее десятков кати золота и, хоть тяжелее того золота, легче единственной горстки праха. Воистину таковы и люди — не довольствуются они тысячами бахар золота и серебра и не могут насытиться их лицезрением, меж тем как единственная горстка могильного праха насыщает их взоры“». Спросил Искандар: «Правда ли, что это хотел он сказать? Раз так, я исполню все, что судил мне Всевышний!»

И с той поры, как Искандар услышал сии слова Хидира, печаль не оставляла его душу.

ПОВЕСТЬ ОБ АМИРЕ ХАМЗЕ

В «Малайских родословиях» рассказывается, что в трагическую для малайского мира ночь на 10 августа 1511 г. военачальники и знатные юноши, песние караул во дворце накануне решающей и — увы! — проигранной битвы с португальцами, попросили последнего султана Малакки, Ахмада, дать им для укрепления боевого духа «Повесть о Мухаммаде Хапафии» — непобедимом мусульманском воителе. Султан же вместо нее подал их посланцу «Повесть об Амуре Хамзе» и сказал: «Дал бы я „Повесть о Мухаммаде Хапафии“, да боюсь, неостанет им мужества сравниться с ним. Довольно будет, если не уступят в храбрости Хамзе — потому и даю повесть о нем».

Амир Хамза — реальная личность времен зарождения ислама, принадлежал к обитавшему в Мекке племени курейш и приходился дядей пророку Мухаммаду. Как и многие курейшиты, он на первых порах не принял учения племянника, но через несколько лет признал его пророческую миссию, последовал за ним в Медину, где настолько прославился воинскими талантами, что после битвы при Бадре заслужил титул «льва Аллаха и Пророка». Погиб Амир Хамза в возрасте 60 лет в сражении у горы Ухуд. По преданию, сразивший его копьем негр Вахши вырвал из груди павшего сердце и бросил матери первого халифа из рода Омейядов — Муавии, которая в ярости вонзила в него зубы.

Однако не об этих достаточно скудных и не столь уж значительных фактах предстояло прочесть защитникам Малакки. Их воображение должен был потрясти тот подлинно героический образ арабского богатыря, что сложился первоначально в персидском «романе» «Кисса-е Эмир Хамза», через Северную Индию проник в малайские султанаты и был здесь со значительными добавлениями переложен на малайский язык не позднее XV в. Выдающая персидское происхождение не только самим содержанием, но и предисловием, частично написанным по-персидски, множествам персидских стихов и делением на главы, соответствующие рубрики персидского прототипа, эта повесть в две тысячи страниц уже в глазах автора «Малайских родословий» была синонимом грандиознейшего литературного произведения.

Герой повести, которому великий звездочет и везир персидского царя Кобада Шахрияра — Бузурджмихр предсказывает славу величайшего из богатырей своего времени, весьма бурно провел детские и юношеские годы и добыв лук и коня пророка Исхака, кольчугу пророка Исмаила и шлем пророка Худа, поступает на службу к сыну Кобада — Нуширвану. Добываясь руки дочери государя — царевны Михрнигар, на которой впоследствии и женится, и разрушая козни завистливых придворных богаты-

рей и коварного везира Бехтека, Амир Хамза совершает множество подвигов. Он отправляется на остров Серендиб (Цейлон), в семнадцатидневном поединке одолевает исполина Лендехура и возвращает царство законному владельцу. Странствуя по отдаленным островам, Амир Хамза без устали собирает всевозможные диковины, некогда принадлежавшие пророкам Адаму, Ибрахиму, Исмаилу и Сулейману, и, подобно Синдбаду-мореходу, становится жертвой старика, взбирающегося ему на плечи, от которого как и герой «Тысячи и одной ночи», избавляется, опоив его вином. Отправленный Нуширваном собрать дань с государей Греции, Рума и Египта, Амир Хамза приводит их в повиновение и, наконец, после очередного вероломства завистников выступает против самого Нуширвана, убивает своего заклятого врага — богатыря Густехема и посрамляет Бехтека.

В странствиях Амир Хамза достигает горы Каф и попадает в волшебную страну. Он помогает правверным пери в их вековой борьбе с неверными дивами, едва не гибнет, обольщенный коварной пери, освобождает некоего джиппа от заклятия Сулеймана и совершает множество иных деяний. Значительная часть их (убийство белого и морского дивов, дракона, злого колдуна, спасение с помощью птицы Симург) повторяет подвиги Рустама — героя эпосов Фирдоуси, «Шах-наме», оказавшей сильное влияние на сказание об Амуре Хамзе. В заключительной части повести Амир Хамза вместе с племянником — пророком Мухаммадом и его сподвижником и зятем Али выступает защитником Мекки от накатывающихся на нее волн за волной полчищ «неверных». Он отражает нападение царя Пура Хинди и его матери, приведшей войска румийцев, сирийцев, эфиопов и занзибарцев, и гибнет в битве с царем Лахадом (так было переосмыслено малайцами название горы Ухуд). Победители вырывают сердце Амира Хамзы и, желая сравниться с героем в мужестве, съедают его.

Во всех подвигах Амира Хамзу сопровождает его слуга и паперник Умар Умайя (Амр ибн Умайя аль-Дамри), весьма склонный к шутовству и жестоким проделкам, вороватый, но в то же время искушенный в чародействе и беспредельно мужественный. Он не раз выручает Амра Хамзу из затруднительных ситуаций и за свои заслуги получает от пророка Мухаммада разрешение умереть, когда сам того пожелает. Этот эпизод, как и бой с царем Лахадом являются малайскими добавлениями к персидскому прототипу.

Несмотря на свою фантастичность, а скорее, именно благодаря ей, «Повесть об Амуре Хамзе», подобно «Повести об Искандаре Двурогом», сыграла важную роль в проповеди ислама среди малайцев, выступая в качестве противовеса сухим трактатам по мусульманскому праву, интенсивно изучавшимся на начальном этапе распространения новой религии. Мусульманский «рыцарь», ни в чем не уступающий Арджуна или Радену Ину, благосклонно воспринимался новообращенными читателями, в его подвигах перед ними раскрывался увлекательный мир популярной мусульманской мифологии, и, что еще важнее, повесть помогала им гармонично разрешить вопрос о соотношении домусульманской и мусульманской традиций. Для этой цели герой типа Амра Хамзы — верного вассала и зятя царя-язычника и в то же время военачальника пророка Мухаммада, обращавшего поверженных и пощаженных врагов в «истинную веру», — был весьма подходящей фигурой.

**Сказание пятое,
в коем повествуется о том времени,
когда повелителю правоверных
Амиру Хамзе и Умару Умайе
исполнилось по семь лет**

Через несколько дней Умар Умайя вновь стал звать Амира Хамзу поразвлечься и сказал: «О богатырь, пойдем прогуляемся, может, нам и подвернется что-нибудь интересное». Сговорившись, Хамза и Умар Умайя вышли прогуляться, добрались до идольской кумирни, и тогда Умар Умайя сказал: «О Амир, знаешь ли ты, что это за дом?» Ответствовал Хамза: «Нет, мне это неизвестно». Молвил Умар Умайя: «Перед тобой кумирня идолов, которая так именуется, ибо в ней хранятся золотые идола числом восемьдесят». Хамза отправился взглянуть на тех идолов, и, когда приблизился к дверям кумирни, все жрецы, им служившие, не на шутку испугались и еще издали принялись до земли кланяться Амиру Хамзе.

Спросил Хамза: «О Умар Умайя, как думаешь, не сгодятся ли нам на что эти идола?» Ответствовал Умар Умайя: «О мой господин, хватай их жрецов за ноги да швырай оземь». Услыхав те слова, Хамза ухватил одного из служителей кумирни за голень, поверг на землю, переломал ему все кости, и тот более не поднялся. Точно так же Хамза расправился со всеми семьюдесятью жрецами, а вслед за тем Умар Умайя вбежал в кумирню, забрал золотых идолов, положил в суму и вместе с Хамзой вышел вон из святилища. После же они принесли огня, подожгли кумирню и, став недалеко, принялись любоваться пожаром, в котором она гибла.

Увидев, что кумирня идолов объята пламенем, жители Мекки в смятении стали отовсюду сбегаться на пожар. А ходже Абд аль-Муталибу тем временем донесли, что его сын Хамза спалил кумирню, и он, о том прослышав, отправился искать Хамзу и Умара Умайю и нашел их неподалеку от святилища. Шепнул тогда ходжа Абд аль-Муталиб Хамзе: «О дитя мое Хамза, как мог ты так поступить?» Ответствовал Хамза: «Это он меня надуумил». Взглянув на Умара Умайю, воскликнул Абд аль-Муталиб: «О подлый ворюга, сколько раз я запрещал тебе сбивать с пути моего сына, но ты не хотел меня слушать и вот теперь подучил его устроить этот пожар». Ответствовал Умар Умайя: «О ходжа, ты делаешь дело, недостойное истинно верующего, и следуешь ложным путем, когда приказываешь поклоняться тому, что поклонения недостойно. Потому-то мы и сожгли кумирню идолов». Услыхав те слова, ходжа Абд аль-Муталиб в изумлении замолчал, и, покинув кумирню, возвратился к себе, а Хамза и Умар Умайя отправились по домам.

Через несколько дней Умар Умайя и Хамза, как обычно, вышли поразвлечься и увидели, что на одной из площадей города во

множестве толпится народ. Спросил Умар Умайя у одного из тех людей: «Эй, горожанин, отчего здесь собралась такая толпа?» Ответствовал горожанин: «Каждый понедельник сюда сходятся борцы со всего города, дабы вступить меж собою в схватку». Вновь спросил Умар Умайя: «А кто же из них сильнейший?» Ответствовал горожанин: «Есть тут один борец по имени Тахир, он сильнее всех прочих».

Тогда повелитель правоверных Хамза и Умар Умайя смешались с толпой и молча стали смотреть на состязание борцов. А Тахир как раз боролся в ту пору со многими богатырями, и всякий, кого он повергал наземь, лишался последних сил и признавал себя побежденным. Ни один из бесчисленных противников Тахира не мог ему противостоять, всех он валил на землю и одолевал, так что вскоре уже никто не решался против него выйти. Видя это, воскликнул Тахир: «Куда сгинули Рустам и придворные богатыри? Где ныне Сам, сын Наримана, Кавус и Бижан *? Взгляните, не я ли теперь сильнейший на этом ристалище?»

Услышав те слова Тахира, повелитель правоверных Хамза спросил у Умара Умайи: «О чем болтает этот борец, оставшийся один на ристалище?» Ответствовал Умар Умайя: «О Хамза, он говорит, что второго такого не сыскать в целом свете». При тех словах Умара Умайи Амир Хамза выступил вперед и, встав напротив борца Тахира, выставил вперед ногу и сказал: «О богатырь, если ты вправду мужчина, оторви от земли мою ногу». Молвил Тахир: «Эй, малец, к чему эти пустые слова? Есть у меня камень, что будет тебя поболее, с которым я выделяваю всякие штуки. Так вот, прежде чем бороться со мной, попробуй поднять его, а не хочешь — подними сперва хоть мою ногу». Ответствовал Хамза: «Эй, глупец, я не желаю наперед показывать свою силу. Прежде тебе надлежит явить свою, ведь это ты врал тут что-то, похваляясь перед народом. Если ты в самом деле мужчина и силач, оторви мою ногу от земли».

Услышав те слова, Тахир пришел в ярость, кинулся к Амиру Хамзе и, ухватив его за ногу, принялся ее поднимать. Но хоть от натуги у него из-под ногтей потекла кровь, оторвать ногу от земли он так и не смог и, выбившись из сил, отпустил ее. А Амир Хамза, когда пришел его черед, протянул руку, схватил Тахира за щиколотку и, подняв в воздух, принялся вертеть над головой. После же швырнул оземь с такой силой, что переломал все кости и вышиб из черепа мозг. Тахир тотчас испустил дух, а из груди всех, кто взирал на их схватку, исторгся оглушительный рев, раскатившийся над Меккой, точно гром в небесах, и толпа возопила: «На сей раз за Хамзой нет никакой вины, Тахира сгубила его же заносчивость!»

Тогда все сородичи покойного приступили к ходже Абд аль-Муталибу с жалобой. Он же, возместив цену крови и смягчив их сердца, увел Хамзу домой, ибо в тот день сам был на площади и наблюдал за схваткой. С того дня многие мекканцы возненави-

дели Амира Хамзу и Умара Умайю за сожжение кумирни и убийство сородича. Они же неизменно вершили дела, подобные тем. А Аллах знает лучше!

**Сказание шестое,
в коем повествуется о том,
как мекканцы дивились силе Хамзы,
и само преисполняющее изумлением
все страны арабов и неарабов**

Как уже рассказывалось в повести, ходжа Абд аль-Муталиб отвел Амира Хамзу домой и вслед за тем стал его наставлять достойными речами, говоря: «О сын мой, тебе не следует более тешиться подобными забавами в городе. Если хочешь, ступай развлекаться за его пределы в загородные сады». Повелитель правоверных послушался отца, на следующий день вместе с Умаром Умайей отправился за город и набрел на финиковую пальму, усыпанную спелыми плодами. Умар Умайя несколько раз подпрыгнул, нарвал полную заплечную сумку фиников и уселся на обочине дороги их отведавать. Хамза же, подойдя к другу, увидел, что тот лакомится финиками, и спросил: «О Умар Умайя, чем ты тут закусываешь? Дай и мне хоть немного». Ответствовал Умар Умайя: «С чего это ты выпрашиваешь у меня финики. Если голоден, полезай на дерево и ешь, сколько душе угодно».

Молвил Хамза: «О мой брат, я не умею лазить по деревьям». Ответствовал Умар Умайя: «Не можешь взобраться на пальму, так тряхни ее». Услыхав те слова, Амир Хамза приблизился к тридцатилетней пальме и, ухватившись за ствол левой рукой, выдернул ее из земли. После же вместе с Умаром Умайей уселся на поваленное дерево и принялся за финики.

Меж тем явился хозяин пальмы, увидел, что она вырвана с корнем, и со всех ног бросился к ходже Абд аль-Муталибу. Когда же к нему прибежал, стал бить себя по голове и кричать: «О господин мой ходжа, Хамза, твой сын, вместе с Умарой Умайей выдернули из земли мою единственную пальму и съели все финики до последнего. Кто теперь возместит мне убытки?» Услыхав те слова, ходжа Абд аль-Муталиб тотчас уплатил хозяину пальмы ее цену, утешил его наилучшим образом и отпустил восвояси, а Хамза и Умар Умайя тем временем вернулись домой.

Тогда ходжа Абд аль-Муталиб созвал сыновей — Аббаса, Абу Талиба и иных — и стал с ними советоваться, говоря: «Хамза и Умар Умайя — сущие разбойники. Скажите, как нам с ними поступить?» Ответствовал Аббас: «По моему разумению, обоих мальцов надлежит отдать в учебу к наставнику, дабы научились от него порядку и обрели познания в науках. Если же вновь станут озорничать, наставник сумеет их хорошенько выдрать». Молвил ходжа Абд аль-Муталиб: «Воистину справедливы твои слова, о сын мой».

Сказав так, ходжа Абд аль-Муталиб сговорился с наставником Суфьяном, и тот взял табличку, написал на ней урок для Амира Хамзы, подал ему и, усадив с табличкой на коленях, принялся учить чтению. Когда же растолковал все по первому разу, приказал читать, и Хамза тотчас без единой ошибки прочел табличку. Вслед за тем Суфьян написал урок для Умара Умайи, протянул ему табличку, наставил в чтении и, единожды дав объяснения, приказал прочитать самому. Но Умар Умайя молвил: «О наш господин, если бы ты даже десятикратно объяснил все, я и тогда не сумел бы прочесть урок».

Поняв, что Умар Умайя большой плут, наставник схватил рогатковую палку и жестоко его избил. Умар Умайя же, покуда его наказывали, про себя думал: «Должно быть, еще большие беды сулит это учение!» — и, не желая показывать слезы, молча переносил боль. Глядя на Умара Умайю, Хамза потихоньку над ним посмеивался, а Умар Умайя только о том и помышлял, как бы подшутить над учителем.

Как-то раз, приметив, что ни учитель, ни его ученики за ним не следят, Умар Умайя прокрался туда, где учитель оставлял свои туфли, отыскал их и сунул себе в рукав. После же незаметно выскользнул из дома, снес туфли в лавку торговца халвой и сказал: «О торговец, дай мне халвы, а я оставлю в заклад эти туфли». Спросил торговец: «А чьи они?» Ответствовал Умар Умайя: «Это — туфли моего отца». Торговец не заподозрил обмана и дал Умару Умайе пять кусков халвы. А тот завернул халву в платок, вернулся в школу и, усевшись на свое место, принялся за еду, кусочек же подал Хамзе. Спросил Хамза: «Эй, Умар Умайя, где это ты раздобыл халву?» Ответствовал Умар Умайя: «Принес из дому». Хамза ему поверил и съел дареную халву.

Вскоре учитель собрался домой, хватился туфель, по нигде не мог их отыскать. Умар Умайя же, видя, что он у всех о них расспрашивает, потихоньку выбрался из школы и пустился наутек. Хамза тотчас догадался, что это он украл туфли, продал в лавке, а взамен накупил халвы, и послал слугу искать их у торговца халвой. Слуга высмотрел те туфли в лавке, и, когда рассказал об этом господину, Хамза поспешил к торговцу, выкупил их и возвратил учителю. После же рассказал ходже Абд аль-Муталибу, как Умар Умайя исхитрился украсть у учителя туфли, и все, кто слышал рассказ о его проделке, пришли в изумление и принялись громко смеяться. Пообедав дома, Хамза взял с собой Умара Умайю и вновь вернулся в школу.

Через несколько дней, когда наставник Суфьян в полдень ушел, а его многочисленные ученики занялись письмом, Умар Умайя ушел на пруд, выкопанный неподалеку от школы, на берегу коего росла одинокая ююба. Неслышно, точно вор, прокравшись к ней и приметив, что плоды на дереве созрели, Умар Умайя позвал Хамзу: «Эй, богатырь, пойдика сюда! Наклони ююбу, дабы я мог на нее взобраться и нарвать плодов».

Услыхав те слова, Хамза тотчас подошел, ухватился за ствол ююбы и нагнул дерево, а Умар Умайя вспрыгнул на ветку и парвал полную заплечную сумку спелых плодов. Когда другие ученики увидели пригнутую к земле ююбу, они все как один полезли на нее за плодами. А Умар Умайя, приметив, что с одного бока дерево уже обобрано дочиста, поспешно с него спустился и закричал: «Эй, Хамза, поскорее отпусти ююбу: с одного бока на ней уже вовсе нет плодов. Если это увидит ее хозяин, он непременно на нас разгневается!»

Хамза не мешкая отпустил ююбу, и дети, что взобрались на дерево, точно горох посыпались с него. При этом одни из них свалились в пруд, другие попадали наземь и расшиблись насмерть, сломав позвоночник или размозжив голову. Видя, как обернулось дело, Умар Умайя опрометью кинулся домой. А родители тех учеников, едва лишь прослышали о случившемся, с плачем явились к ходже Абд аль-Муталибу, бия себя кулаками в голову и крича, что его сын Хамза лишил жизни их детей и внуков. Ходжа Абд аль-Муталиб ничего не мог с ними поделать, уплатил цену крови, одарил родителей погибших и испросил у них прощения.

После этого случая Амир Хамза еще некоторое время постигал науки и сильно в них преуспел. И вот однажды спросил его Умар Умайя: «Не доводилось ли тебе слышать, что некогда ходжа Бузурджмихр Хаким вел речи весьма диковинные, говоря, будто ты станешь величайшим в мире воителем и приведешь к покорности всех богатырей, из коих ни у одного не останется силы тебе противостоять. Покуда же на свете еще есть богатыри, что могут с тобой сразиться, тебе, по моему разумению, не пристала беспечность, ибо ты еще не искушен во владении оружием и не постиг множества уловок доблестных мужей».

Спросил Хамза: «О Умар Умайя, скажи, что я должен делать?» Ответствовал Умар Умайя: «О Амир, теперь же я отведу тебя к лучных дел мастеру, дабы ты постиг искусство стрельбы из лука. Когда же ему обучишься, займешься метанием дротика». Спросил Хамза: «О Умар Умайя, а где живет этот мастер?» Ответствовал Умар Умайя: «О Хамза, пойдем, я отведу тебя за город, ибо его лавка там».

Поговорив так меж собой, Хамза и Умар Умайя отправились в лавку лучных дел мастера, который, завидя вошедших, почтительно их встретил, усадил и, принеся лук, подал его Амиру Хамзе. Однако же в его руках тот лук показался не толще дужки для трепания хлопка. Молвил тогда Хамза: «О торговец луками, нет ли у тебя другого, покрепче?» Мастер сходил в кладовую, принес все свои луки и разложил перед Хамзой, но тому не приглянулся ни один. Лучных дел мастер смекнул, что во всем свете не сыскать воителя, равного Хамзе силой, и сказал: «О Амир, ты воистину могучий богатырь. Знай же, что в моем доме хранится лук, доставшийся мне от предков, а до того принадлежавший пророку Исаху — мир ему! — который, верно, тебе подойдет».

Услыхав те слова, Хамза возрадовался великой радостью и воскликнул: «Если можешь, принеси свой лук поскорей!» Лучных дел мастер не мешкая принес его и подал Амиру Хамзе, а Умар Умайя, увидя тот лук в руках у Амира Хамзы, сбегал за шестом и воткнул как щепу в землю. Тогда Амир Хамза наложил на тетиву стрелу в одиннадцать сажень длиной и в одиннадцать манов весом, прицелился в шест, и та стрела по воле Всевышнего расщепила его, после же пронзила каменную ограду, улетела в поле и вонзилась в землю по самое оперение.

В ту пору весть об Амире Хамзе разнеслась по всему свету, и иные из тех, кто видел полет стрелы, понурились, иные же покачали головами, и никто не мог скрыть изумления, ибо узрели перед собой повелителя мужей обоих миров.

Рассказывают, что через несколько дней после того, как Амир Хамза выстрелил из лука, его наставник — лучных дел мастер — немощный и вскоре по воле Всевышнего скончался. Амир Хамза, проливая горькие слезы, скорбел об учителе и как-то раз на рассвете отправился на гору Бугис. Когда же на нее взобрался, встретил некоего старца. Спросил Хамза: «Скажи, кто ты?» Ответствовал старец: «Я твой наставник». И старец принялся обучать Амира Хамзу всевозможным воинским искусствам, которыми владеют богатыри — мужчины и женщины. А закончив давать наставления, нежданно скрылся из виду. Одно достославное сказание гласит, что тем наставником, обучавшим Хамзу и Али пбн Аби Талиба, был сам архангел Джабраил — мир ему!

ПОВЕСТЬ О МУХАММАДЕ ХАНАФИИ

История из «Малайских родословий» не оканчивается посылкой караульным «Повести об Амуре Хамзе». Малайские воины не пожелали ею удовлетвориться, и один из них так ответил посланцу: «Передайте его величеству, что он неправ. Это ему подобает сравниться с Мухаммадом Ханафией, нам же — с военачальниками из Буниары. Если он будет храбр, как Мухаммад Ханафия, мы не уступим им в мужестве». Султан Ахмад улыбнулся находчивому ответу и послал воинам «Повесть о Мухаммаде Ханафии».

Итак, хроника не только указывает на популярность «Повести о Мухаммаде Ханафии» в Малакке в начале XVI в., но и свидетельствует о том, что ей отдавалось предпочтение перед грандиозной эпопеей об Амуре Хамзе. Объясняется это, по-видимому, обычной для малайцев оценкой достоинств произведения в прямой зависимости от достоинств его героя. Амир Хамза, несмотря на приверженность «вере Ибрахима», был все же деятелем переходного периода, служившим государю-огнепоклоннику и совершившим множество подвигов любовного или волшебного-авантюрного характера, не имевших отношения к исламу. Мухаммад Ханафия же в глазах его первых малайских почитателей, испытывавших влияние шиизма, являлся подлинным мусульманским героем и святым, всецело посвятившим себя борьбе с «неверными» и защите рода Али — единственного, с точки зрения шиитов, законного претендента на власть в халифате. При этом вряд ли малайцы отдавали себе отчет, что, подобно Амуре Хамзе, Мухаммад Ханафия в повести имеет мало общего с Мухаммадом Ханафией историческим — сыном халифа Али от рабыни, жившим в смутную пору борьбы сторонников его отца с Омейядами за халифский престол и проявившим в этой борьбе полную пассивность.

Начало героизации Мухаммада Ханафии, связанной с попыткой провозгласить его после смерти сводных братьев — Хасана и Хусейна — «праведным вождем» (махди), положили некоторые шиитские секты, которые утверждали, что он не умер, но лишь скрылся в горах, и ожидали его скорого «второго пришествия». Важную роль в создании «мифа Мухаммада Ханафии» сыграл «роман» средневекового арабского писателя Абу Мухнафа, послуживший моделью для персидской повести, сложившейся в XIV в. и, возможно, в том же столетии переведенной на малайский язык, причем скорее всего в Пасее, где почти тогда же была переведена и «Повесть об Искандаре Двурогом». Таким образом, она также относится к популярной миссионерской литературе.

Персидский прототип повести состоял из двух частей, различных по жанру, но образующих логически единое целое. Первая из них, создан-

ная в жанре макталя, посвященном мученической гибели шиитских святых, сыновей Али — Хасана и Хусейна, предназначалась для драматизированной декламации во время ежегодных торжеств в их честь. Во второй части, написанной в жанре повести (хикаят), трагическая тема разreshалась в рассказе о мести Мухаммада Ханафии Язиду — убийце сына-вещи Али.

Та же структура своего рода диалогии сохраняется и в малайской «Повести о Мухаммаде Ханафии», которая первоначально, по-видимому, строго следовала персидской. Со временем, однако, по мере усиления в малайской культуре антишиитских тенденций первая часть ее утратила прежнюю стройность и гармоничность и превратилась в аморфный конгломерат рассказов — нечто вроде краткого курса истории раннего ислама. Эта часть повести включала повествование о пророческом свете Мухаммада, биографии Пророка и праведных халифов и лишь на их фоне — сказание о мученичестве Хасана и Хусейна, завершающееся осуждением тех, кто пожелал бы считать Язида «неверным».

Вторая же часть повести сохранилась почти без изменений. В ней рассказывается о тридцатилетней войне Мухаммада Ханафии и его побратимов против возглавляемых Язидом и его злокозненным везиром Марваном полчищ франков, китайцев, эфиопов и запябарцев, о победе героев, о сожжении Язида в вырытом им колоде, о возведении на престол сына Хусейна — Зайн аль-Абидина и, наконец, об исчезновении Мухаммада Ханафии, избивающего врагов, в таинственной пещере, ворота которой закрываются за его спиной.

В отличие от аморфной первой части повести ее вторая часть, несмотря на, казалось бы, неупорядоченное описание бесчисленных поединков, обладает строгой архитектурой. В основе ее лежит правильный ритм взаимодействия главного героя и его побратимов (разлука — встреча — разлука — встреча), образующий как бы два полных цикла. В каждом из них герои в определенной последовательности воссоединяются с Мухаммадом Ханафией перед лицом некой угрозы, одерживают победу, вновь разлучаются и, едва лишь успев осознать, что трудности позади, тотчас узнают о новой опасности. Эта циклическая структура с ее резкими сменами радости горем сильно напоминает композиционные принципы «Повести о Чекеле Ваненг Пати».

Характерный малайско-яванский облик придает повести присутствие в ней комических персонажей, которые, подобно слугам (панакаванам) из повестей о Пайджи или Умару Умайе из «Повести об Ампре Хамзе», совершают эксцентричные поступки, обладают странной внешностью, но при этом наделены великим могуществом и не раз спасают героев из беды. Другой особенностью произведения является четкое разделение персонажей на два лагеря, оказывающееся во многом малайской инновацией. Первый из них, возглавляемый Мухаммадом Ханафией, связан с высшим, божественным миром; второй, предводительствуемый Язидом, связан с миром демоническим, о чем свидетельствует, например, рождение Язида от отравленного ядом скorpionа Муавии и безобразной старухи-эфиопки. Такое разделение характерно для пьес ваияга и ваияговых повестей. Эти черты повести объясняют механизм ее восприятия малайцами и ее стойкую популярность.

О том, как Мухаммад Ханафия был пленен и в сражении лишился руки

Когда Язид увидел, что множество его военачальников погибло и пало в бою, он стал держать совет со своим везиром Марваном и молвил: «О мой везир, я приказываю тебе продолжать сражение, скажи, как нам надлежит его вести?» Ответ-

ствовал Марван Хаким: «О государь мой Язид, мы прикажем заковать в стальные доспехи пятнадцать лакс крылатых коней, двинем на врага восемьдесят лакс пеших лучников, искушенных в метании аркана, облачим в броню из дамасской стали сто тысяч слонов, которые понесут на спинах еще сорок тысяч арканщиков, и под водительством могучих военачальников пошлем их на битву».

Едва лишь все воинство собралось, молвил Язид: «О Марван, ты выступишь с пятнадцатью лаксами крылатых коней и восемьюдесятью тысячами пеших воинов, а за мною последуют лучники, слоны и могучие воители. Не мешкая отправляйся на поле битвы и завяжи бой с Мухаммадом Ханафией, дабы я со ста тысячами слонов, сорока тысячами арканщиков и восемьюдесятью лаксами лучников мог в это время напасть на него с тыла. Так, окружив Мухаммада Ханафию, мы сумеем его пленить!»

Когда миновала ночь и наступило утро, воины рядами выстроились на поле битвы, с обеих сторон оглушительно загрели барабаны, и армия Язида и Марвана, выступив из Дамаска, отряд за отрядом устремилась в бой. Услышав грозный гул Язидова воинства, подобный раскатам грома в небесах, Мухаммад Ханафия и его братья Умар Али, Талиб Али, Акил Али, Масиб Кака с сыном Кака Масибом, Ибрахим Астар с сыном Харисом, Туган Турк, Муган Турк и Али Акбар также явились на поле и начали сражение. Тотчас все окрест огласилось громкими кликами военачальников, и разгорелась битва столь яростная, что пыль, летевшая из-под ног слонов, коней и людей, непроглядной завесой сокрыла ясный день, бойцы во мраке не отличали своих от чужих, и строй воителей смешался. Видя, что его братья бьются с вражескими воинами, Мухаммад Ханафия врубился в ряды неисчислимой армии проклятого Язида и, разя мечом направо и налево, стал прокладывать себе путь вперед.

Дважды или трижды устремлялся он на врага, а меж тем Язид, явившийся на поле боя со ста тысячами арканщиков и десятию лаксами лучников, повелел им напасть на Мухаммада Ханафию. Когда же подступили к нему, Мухаммад Ханафия бросился на боевых слонов, и всякий, кому он наносил удар, падал замертво. Если обрушивал меч на шею слону, перерубал ему шею, и голова катилась наземь; если разил в шишку на лбу, сносил полголовы вместе с бивнями; если же ударял мечом по ногам, разом перерубал все четыре. Так бился Мухаммад Ханафия!

Наконец от усталости в глазах у него потемнело, и тогда проклятый Язид повелел окружить Мухаммада Ханафию. Воины принялись громкими криками подбадривать слонов, Язид приказал приниматься за дело арканщикам, и тотчас семьсот арканов захлестнули шею и стан Мухаммада Ханафии, и он был пленен. Когда мятежник Марван это заметил, он подскочил к Мухаммаду Ханафии сзади и ударил по плечу мечом, так что

отрубленная рука воителя упала наземь. Язид же зычным голосом воскликнул: «О мои воины, намотайте арканы на крупы и шеи слонов!» Исполнив повеление Язида, воины связали Мухаммада Ханафию и доставили к повелителю. А Умар Али, видя, что Мухаммад Ханафия захвачен в плен, в знак скорби отрезал свои волосы, прикрепил их к древкам стягов и покинул поле битвы. Что же до Талиба Али, Акила Али, Масиба Каки с сыном Кака Масибом, Ибрахима Астара с сыном Харисом, Тугана Турка и Мугана Турка, то все они, получив известие о пленении Мухаммада Ханафии, также отступили. Услыхав, что их предводитель захвачен в плен, воины Мухаммада Ханафии в отчаянии были готовы обратиться в бегство, но братья его их удержали, воскликнув: «Остановитесь, не рушьте боевые порядки!»

Не рушьте строй, хотя враги мечом грозят,
Не то они сильнее станут во сто крат.

Меж тем Язид повелел ударить в барабаны ликования, и когда сородичи Посланника Божия — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир! — заслушали их дробь, они спросили у людей Язида: «Отчего это Язид приказал бить в барабаны ликования?» Ответствовали люди Язида: «Опора ваша, Мухаммад Ханафия, лишился в сражении руки и доставлен в путах». При том известии Зайн аль-Абидин, Умми Салама* и все сородичи Посланника Божия возрыдали и, проливая слезы, воскликнули: «О Владыка Миров, оставался у нас единственный защитник Мухаммад Ханафия, но воины Язида и на него наложили путы!»

Покуда они так возглашали, Мухаммада Ханафию привели пред лицо Язида, и тот, в душе безмерно торжествуя, спросил: «О подлый Мухаммад Ханафия, что ты теперь приставишь к своему плечу?» Ответствовал Мухаммад Ханафия: «О Язид, я, не дрогнув, сразил тысячи твоих воинов, а над доблестными мужами никому не подобает насмехаться». Сказал Язид: «О Мухаммад Ханафия, ты пынче же умрешь!» Ответствовал Мухаммад Ханафия: «Я готов безропотно принять любой приговор Всевышнего». Молвил тогда Язид: «О Марван, как нам предать смерти этого злодея?» Ответствовал Марван Хаким: «Пусть государь прикажет сложить костер и сожжет его на склоне горы, именуемой Леза». Сказал Язид: «Я самолично явлюсь на гору Леза посмотреть, как сгорит этот злодей».

О том,
что предприняли братья Мухаммада Ханафии

После того как Мухаммада Ханафию захватили в плен и доставили к Язиду, Умар Али, Талиб Али, Акил Али, Масиб Кака с сыном Кака Масибом, Ибрахим Астар с сыном Харисом, Туган Турк и Али Акбар собрались на том месте, где Мухаммад

Ханафия рубился с врагами, и стали держать совет. Поднялся тогда один из них, дабы молвить слово, и сказал: «О братья мои, двадцать лет мы не разлучались, сражаясь вместе с опорой нашей, Мухаммадом Ханафией, ныне же пришла пора расстаться. Давайте возвратимся в свои страны, ибо нет с нами нашей главы, и доселе мы могли вести бой лишь благодаря его мощи!»

Если тигра ушей, хвоста и когтей лишить,
Он тотчас же погибнет, не сможет и дня прожить.

Ответствовал Масиб Кака: «О братья мои, не должно нам разлучаться: поодиночке воины Язида непременно нас перебьют, куда же среди нас и нашего воинства нет убыли — одного лишь Мухаммада Ханафии недостает. Посему нам надлежит, посоветавшись, избрать себе предводителя, коему мы будем повиноваться и кой станет для нас главой, напасть на Дамаск и лишить Язида жизни. Если же нам суждено пасть в той битве, даст Бог, умрем, удостоившись мученического венца и явив свою верность Всевышнему и дому Посланника Его».

Молвили Туган Турк и Муган Турк: «Раз так, поставим над нами старшим Масиба Каку и его сделаем предводителем». Ответствовал Масиб Кака: «Пока есть среди нас сыновья повелителя правоверных Али, никого иного не должно избирать старшим. Посему назначим предводителем Умара Али и будем ему повиноваться».

Услыхав те слова, братья Али Акбара в душе возликовали, а в ту пору, как они так беседовали, прибыл гонец от одного из везиров Язида по имени Махараджана, который тайне питал любовь к дому Посланника Божия и потому отправил Умару Али письмо, гласившее: «О братья мои, знайте, что Язид держал совет со всеми везирами и, желая сжечь огнем опору нашу на склоне горы Леза, намеревается самолично отправиться на то место и запалить костер. Если вы хотите освободить Мухаммада Ханафию, укройтесь в лесу на склоне Лезы и, когда Язид явится, дабы сжечь опору нашу, и над костром закуритесь дымом, нападите на Язидово воинство и освободите повелителя правоверных Мухаммада Ханафию из пламени».

Когда Умар Али прочитал то письмо, сердца его братьев преисполнились великой радости, и Масиб Кака молвил: «Я со своим войском отправлюсь на гору Леза и освобожу опору нашу». Сказал тогда Ибрахим Астар: «О брат мой Масиб Кака, с войском лучше выступить мне, ибо склоны горы труднопроходимы, а я хорошо знаю те места». С теми словами Ибрахим Астар с сыном Харисом поспешил к горе Леза и, поднявшись на ее склон, со всем войском укрылся в лесу.

После того как соратники Мухаммада Ханафии посоветались, Умар Али и его братья двинулись с остальным войском на Дамаск и остановились на том месте, где, бывало, давал сражение Мухаммад Ханафия. На следующий день Умар Али приказал

ударить в боевые барабаны, и Язид, услышав их грохот, сказал: «О Марван, не иначе как Умар Али прибыл на поле битвы. Скажи, что надлежит нам сделать?» Ответствовал Марван: «О государь, пошли свое воинство против сыновей Али, сам же не мешкая отправляйся и предай огню Мухаммада Ханафию». Выслушав его, спросил Язид у своих военачальников: «Которого из вас послать на поле боя, дабы сразился с сынами Али?» Тогда поднялся со своего места Далмал Занги и воскликнул: «Я выйду на поле боя, пленю всех братьев Мухаммада Ханафии, лишившихся предводителя, и в путах доставлю их к тебе, о государь!» Молвил Язид: «Выступай не мешкая, дабы я мог увидеть, каков ты в сражении».

А тот Далмал Занги был воителем беспредельной силы: сложением могуч, лицом черен, сердцем тверд, росту же имел полных тридцать газов. Воссев на слона, оюенного дурманом, он погнал его на поле брани, выехал на середину и закричал зычным голосом: «Эй, сыновья Али, я снесу вам головы и беспременно не оставлю в живых ни одного. Если жизнь вам дорога, сдавайтесь! Я сведу вас к моему государю Язиду, и он, должно быть, вас пощадит — ведь Мухаммада Ханафии нет более в живых». Услышав те слова, Талиб Али страшно разгневался, выехал на коне на поле брани и стал напротив Далмала Занги. Далмал Занги ударил его коня по ногам мечом, отсек все четыре, и Талиб Али рухнул наземь. Однако же, проворно вскочив, одним ударом меча перерубил ноги слону, на коем Далмал Занги восседал, и поверг наземь того воителя. Далмал Занги не мешкая поднялся и ухватил Талиба Али за кушак, а Талиб Али ухватился за кушак противника, и они принялись яростно бороться. Наконец Талиб Али исхитрился поднять Далмала Занги в воздух и швырнуть на землю. Когда же тот попытался подняться, Аркас Дурдур с такой силой ударил его кинжалом в грудь, что острее вышло из спины, и Далмал Занги испустил дух.

Видя, что Далмал Занги пал бездыханным, воскликнул Язид: «Никому не одолеть сыновей Али! Что ж, раз так, я без промедления сожгу Мухаммада Ханафию, а уже потом и их захвачу в плен». С темн словами Язид приказал бить в барабаны отхода, и оба войска возвратились в свои станы.

На следующее утро люди Язида вывели Мухаммада Ханафию из темницы и отвели на гору Леза, где должны были предать его огню. Когда же пришли на ту гору, ввергли его в костер и принялись подкладывать дрова сверху и снизу, спереди и сзади. Как только Ибрахим Астар заметил дым разгоревшегося костра, он вместе с сыном Харисом, военачальниками и тридцатью тысячами воинов покинул свое убежище на склоне горы и ударил по врагу. А Язид со своими воителями, заметив их, в ужасе обратился в бегство, восклицая: «О горе мне, откуда взялась здесь эта армия и это войско?! Уж не явилась ли она с небес или из земных недр?!» Так, крича, он бежал, не разбирая

дороги, а тем временем Ибрахим Астар, Харис и их воины сняли Мухаммада Ханафию с костра, припали к его стопам и, усадив и носилки, отнесли к братьям. Они же, лкая, что Мухаммад Ханафия жив, почтительно склонились перед ним до земли и вновь, что ни день, стали выходить на бой с Язидовым войском.

А Мухаммад Ханафия пребывал в глубокой печали, день и ночь проливал слезы и молился Всевышнему, так к нему взывая: «О Владыка Миров, даруй твоему рабу исполнить его предназначение: освободить сородичей Посланника Божия — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир! — возвести на престол в Дамаске Зайн аль-Абидина и лишить жизни Язида!»

Что есть силы взывал я, но тщетными были старанья,
Только силой Твоей исполняются наши желанья.

И вот однажды ночью, опочив, он ясно увидел во сне пророка Мухаммада, Посланника Божия — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир! — который приблизился к нему и спросил: «О чем ты так печалишься?» Ответствовал Мухаммад Ханафия: «О Посланник Божий, все твои сородичи ныне пребывают в темнице, я же не могу их освободить, ибо лишился руки». Молвил Посланник Божий: «О Мухаммад Ханафия, прикажи отыскать твою руку и, когда ее найдут, приложи к плечу, прикоснись к ней пророческой печатью и прочитай молитву Ду'а ль-Акбар *. Тогда по воле Всевышнего она непременно прирастет и ты станешь здоров, как и прежде».

Услыхав в сонном видении те речи Пророка, Мухаммад Ханафия поднялся с ложа, стряхнул с себя дрему и устроил поминки в честь духа Посланника. После же поведал братьям обо всем, что довелось ему увидеть, и они, выслушав его рассказ, воскликнули в великой радости: «О опора наша, воистину не лжив твой сон!» Молвил тогда Масиб Кака: «Я пойду и отыщу руку опоры моей, Мухаммада Ханафии». Ибрахим Астар же возразил: «Я ее знаю как никто и сумею отыскать скорее других; ведь рука опоры нашей столь часто покоилась на моем плече». Сказав так, Ибрахим Астар отправился на поле брани искать руку Мухаммада Ханафии и увидел, что она, совершенно высохшая, валяется в пыли. Едва лишь Ибрахим Астар узнал ту руку, он поднял ее, завернул в свою чалму и, возложив на голову, принес Мухаммаду Ханафии. Тот же, увидев, что рука найдена, воскликнул: «О братья воистину это — моя рука!» Услыхав те слова, братья Мухаммада Ханафии приложили ему руку к плечу и прикоснулись к ней пророческой печатью. После же прочитали молитву Ду'а ль-Акбар, и, когда, простирая руки к небесам, возгласили: «Аминь!» — десница Мухаммада Ханафии по воле Всевышнего обрела прежнюю силу. Тогда Мухаммад Ханафия вознес тысячи благодарственных молитв Всевышнему и тысячи благословений

Пророку и Посланнику Божию, а его братья в великой радости приказали ударить в барабаны ликования.

На следующее утро Мухаммад Ханафия облачился для битвы и повелел военачальникам и воинам собрать по вязанке хвоста, дабы завалить ров, окружавший Дамаск. После же вместе с братьями, предводителями войска и всей армией подступил к городу и забросал тот ров хворостом. Перепрыгнув через него, Мухаммад Ханафия и его братья достигли городских ворот и принялись колотить в них копиями и палицами, пока не повалили те ворота наземь. Военачальники Мухаммада Ханафии тотчас ворвались в Дамаск, завязали сражение внутри городских стен, сокрушая Язидово воинство, и лишили жизни несметное множество его людей.

Когда Мухаммад Ханафия ворвался в Дамаск, Язид в страхе бежал в только что выстроенный дворец. Мухаммад Ханафия повелел его схватить, но Язида, как ни искали, не смогли найти. Тогда в небесах по воле Всевышнего явилось облако, сотканное из света, в котором пребывал дух кербельского мученика Амира Хусейна, и поплыло ко дворцу, где скрывался Язид. Из облака же доносился голос, восклицавший: «О подлый лицемер Язид, куда ты бежал и где надеешься спастись?»

Услыхав тот голос, Язид затрясся от ужаса и провалился в колодец, только что выкопанный под дворцом, дабы бросить в него тела сородичей пророка Мухаммада, Посланника Божия. Сверзшись в тот колодец, он переломал себе все кости, и тогда Аллах — преславен Он и возвышен! — повелел низринуть его в ад, сжечь огнем и обратить в пепел.

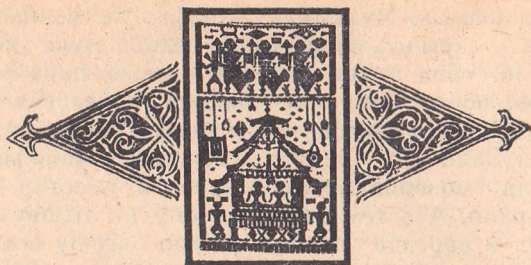
Едва лишь Язида сожгли, облако приблизилось к Мухаммаду Ханафии, и тот спросил: «О принявший образ облака, во имя Всевышнего, создавшего нас обоих, ответствуй — кто ты?» Тотчас из облака донесся голос: «Я дух Амира Хусейна*, обретшего мученический венец на равнине Кербелы. По воле Всевышнего я спалил Язида дотла. О братья мои, пойдите и взгляните на этого смутьяна, провалившегося в колодец под дворцом и ныне обращенного в пепел».

Услыхав те слова повелителя правоверных Хусейна, Мухаммад Ханафия заплакал великим плачем и приказал военачальникам и воинам: «Ступайте и загляните в колодец, выкопанный под дворцом». Они же нашли в том колодце Язида, обращенного в пепел, и тогда Мухаммад Ханафия покинул дворец и отправился в темницу, где томились сородичи Посланника Божия и Зайн аль-Абидин. Придя туда, он спросил у стража темницы ключ от двери, но тот отвечивал: «Нет у меня того ключа, ибо Язид всегда носил его при себе». Мухаммад Ханафия выхватил палицу, одним ударом разнес в щепы дверь темницы и вошел.

Увидев его, Умми Салама воскликнула: «О Зайн аль-Абидин, вставай, пришел твой дядя Мухаммад Ханафия!» Зайн аль-Абидин попытался было подняться, но под тяжестью цепей и оков

иновь рухнул наземь. Мухаммад Ханафия не мешкая подхватил его под руки и зарыдал, видя, сколь велики муки Зайн аль-Абидина. После же сбил замки с цепей, сковывавших его шею, и с пожрых оков, обнял Зайн аль-Абидина, поцеловал и вывел из темницы вместе с его сородичами и иными узниками.

Освободив Зайн аль-Абидина, Мухаммад Ханафия отвел его в удобное для омовения место, искупал и умастил дивно благоухающим нардом. А затем возложил ему на голову изумрудную корону, облек в царские одеяния, роздал одежду всем сородичам Пророка и возвел Зайн аль-Абидина на трон, изукрашенный драгоценными каменьями и безоарами. По повелению Мухаммада Ханафии ударили в барабаны, и он сам стал во главе своих братьев, воинов и мудрецов, что рядами выстроились перед тем троном и почтительно склонились пред Зайн аль-Абидином. В тот час преисполнились ликованием все, кто возлюбил семью Посланника Божия, ненавистники же его дома были поражены слепотой.

ПОВЕСТЬ О РАДЖАХ ПАСЕЯ

«Повесть о раджах Пасея» — самое раннее из сохранившихся малайских сочинений исторического характера — была создана, как можно полагать, в конце XIV в. и послужила образцом для череды последующих хроник, в частности для «Малайских родословий». Соединяющее в себе черты, которые теперь называли бы историческими и мифологическими, оно обладает на редкость стройной композицией, обусловленной традиционным для средневекового малайского общества этико-государственным учением. Учение это не сформулировано в повести непосредственно, но пронизывает ее от начала до конца. Корни учения, основанного на вере в стройность и согласованность миропорядка и центральную роль правителя в поддержании его равновесия, восходят еще к домусульманским представлениям, языческим и индуистско-буддийским. Однако свое окончательное завершение и санкцию оно обрело в позднемусульманской концепции правильного государственного устройства, более близкой к персидскому, чем к арабскому, образу. Согласно данному учению, государь — посетитель сакрализованной власти, призван управлять справедливо; подданные же должны хранить верность престолу, сколь бы тираническим ни было правление. В противном случае государственная и космическая гармония нарушается, и ее восстановление с неизбежностью влечет суровое воздаяние виновному. Последствия исполнения и нарушения государственной этики иллюстрируются в двух симметричных частях повести.

Первая из них повествует о происхождении правящей династии «двуединого» государства Самудра — Пасей и его неуклонном возвышении, залогом которого служит союз справедливых государей и их верных подданных.

Вторая же часть — наиболее выразительная в литературном отношении — на примере «страстей» царевича Туна Браима Бапы показывает, как нарушение этого союза ведет государство к упадку, итогом которого является поражение несправедливого и жестокого султана Ахмада в войне с Маджапахитом и покорение Пасея. Архаизированный язык, многочисленные повторы, вкрапленные в текст ритмические пассажи указывают на связь второй части повести с эпической традицией, однако традицией эпоса исторического, складывавшегося по горячим следам событий и к тому же прошедшего стадию письменной обработки. Литературный талант автора второй части заметен в ее стройной и напряженной композиции, мастерском владении подтекстом, верности предметных деталей (достаточно вспомнить мелькнувшие в лунном свете лепестки роз в небрежных волосах заспанной наложницы султана, спешащей на его зов).

Прелюдией к разыгравшейся трагедии служит сцена, в которой отец султана Ахмада на смертном одре рисует ему идеал справедливого правителя и предостерегает против беззакония. Султан Ахмад, однако, остается глух к завещанию отца и вопреки космическому и этическому закону готов уступить пагубной страсти к красавицам-дочерям. Дальнейшее повествование разворачивается не столько как рассказ, сколько как пластичный и психологически достоверный показ двух противостоящих линий — линии Туна Браима Бапы и линии его отца султана Ахмада. С каждым последующим эпизодом первой линии все отчетливей проявляются прямодушные, мужество и верность долгу царевича, с каждым эпизодом второй — метительность, трусость и коварство султана. Контраст между ними подчеркнут тем, что султан неизменно прибегает ко лжи, чтобы скрыть свои истинные намерения, тогда как в действиях Туна Браима Бапы нет и намек на скрытность, но его искренним побуждением султан нарочито приписывает ложные мотивы. С особой наглядностью это проявляется в том, как в повести разработаны две стороны традиционной для малайской литературы темы незаконной любовной связи. Одно из самых тяжелых для государя преступлений, ведущее, по мнению малайцев, его страну к гибели, — это кровосмешение. Собираясь его совершить, султан Ахмад скрывает свой тайный замысел под видом невинного вопроса, любопытствуя, кто первым должен отвесть плодов из своего сада — дощик или чужак. Одно из самых тяжелых преступлений для подданного — посягательство на наложницу государя. Не допуская и мысли о подобной низости, Тун Браим Бапа в ярости бросается в погоню за султанской наложницей, истолковавшей его вежливый интерес к букету, составленному ею, как попытку флирта, и тем самым дает повод султану обвинить сына именно в этом преступлении. Отныне гибель царевича предрешена, ибо султан наконец-то может представить его убийство в законном свете, а Тун Браим Бапа понимает, что не сможет противостоять клевете, не вставив против отца и сызрена, т. е. не нарушив все тот же закон. Отсюда чувство обреченности, с которым он отправляется на роковую рыбную ловлю, полная покорность судьбе и смерть после мучительной агонии, описание которой вызывает ассоциации с мифами о мытарствах души, нисходящей в царство мертвых.

С социально-этическим аспектом повести слит ее религиозно-этический аспект. Султан Ахмад потворствует бушевающим его низменным страстям и потому губит детей, себя и страну. Тун Браим Бапа в служении долгу обуздывает порывы к бунту, достигает полного самоотречения, и именно поэтому в конце рассказа соратники хоронят его «словно дервиша» — мусульманского подвижника, отвергшего свое эгоистическое «я».

Отравив сына и дочерей, султан Ахмад уже не в силах остановиться. Следующей жертвой оказывается его средний сын, красавец Абд аль-Джалил, в которого по портрету влюбляется дочь государя Маджапахита. В порыве ревности султан казнит его, и тогда приплывшая за возлюбленным царевна молит Аллаха потопить ее корабль и гибнет в волнах. Разгневанный отец царевны посылает войска против лишившегося защитников Пасей, предаст город разграблению и переселяет пленных пасейцев на Яву. Султан Ахмад спасается бегством. Здесь история могла бы и завершиться, ибо, пусть слишком дорогой ценой, мировая гармония восстановлена. Далее, однако, следует, казалось бы, слабо связанный с предшествующим повествованием «эпilog» — описание многочисленных побед маджапахитской армии и поражения, которое хитростью панес ей суматранский народ минангкабау. Тем не менее обособленность «эпилога» скорее мнимая. «Повесть о раджах Пасея», как можно полагать, была завершена вскоре после маджапахитского завоевания с целью объяснить его причины и поднять дух пасейцев описанием прежнего величия. В таком контексте роль «эпилога» вполне понятна: он подчеркивал, что даже ослабленный несправедливым правлением Пасей удалось покорить лишь необычайно могущественному противнику, которому все же можно противостоять.

<...> По прошествии некоторого времени с той поры, как государь утвердился на троне, Аллах — преславлен Он и возвышен — даровал ему тридцать детей, из коих единоутробными было пятеро — три сына: старший по имени Тун Браим Бапа, средний — Тун Абд аль-Джалил, младший — Абу ль-Фазил, и две дочери — Тун Медам Периа и Тун Такия Дара.

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что Тун Браим Бапа был наделен небывалой силой и знаменит как богатырь, равного которому не знали в те времена. Ростом он был в семь локтей, грудь имел шириною в два локтя и мог разрушить до основания земляной вал в шесть сажень толщиной, метнув в него ствол кокосовой пальмы. Оттого-то и достигла его слава пределов страны Келинг.

Второй сын султана, Абд аль-Джалил, статью и прелестью своего лица затмевал всех мужей того времени. Ежели стоял он пред воротами дворца, освещались врата блеском его красоты, ежели выходил на галерею, окружавшую дворец, озарялась галерея, если же останавливался посреди базара, весь базар заливало яркое сияние. Когда одевался на яванский манер, не отличишь его от яванца, когда облачался на сиамский лад — точь-в-точь сиамец, келингское платье носил так, будто родился в Келинге в арабском же наряде во всем был подобен арабу. Оттого-то и разнеслась слава о его красоте до самых яванских пределов и достигла слуха царевны Раден Галух Гемеменчанг, дочери повелителя Маджапахита.

Третий сын султана, Тун Абу ль-Фазил, был наделен глубокими знаниями и весьма сведущ в богословских науках, а потому немало ученых мужей из наветренных стран приезжало к нему, дабы он разрешил их вопросы. По причине великой мудрости царевича не могли они оспорить его ответов, и оттого слава Туна Абу ль-Фазила достигла пределов Самарканда.

Что же до дочерей султана Ахмада Перумадала Перумала, носивших имена Тун Медам Периа и Тун Такия Дара, то были они несказанно прекрасны лицом и не знали себе равных в те времена.

Еще было у султана Ахмада четверо везиров, первого из которых звали Тулус Агунг Туканг Сукара, второго — Баба Ментуах, третьего — Сулейман Денданг Анр, четвертого же — Тун Шах Алам Кота.

В то время султана обуяла пагубная страсть к его дочерям Тун Медам Перии и Тун Такие Даре, и вот как-то раз, когда его величество восседал на троне, а перед ним предстояли везиры и военачальники, спросил он, обратясь к ним: «Ежели некий садовник разбил сад, то кому надлежит первым вкусить от

¹ Перевод по источнику [40].

плодов его?» Почтительно склонившись, отвечал Тун Тулус Агунг Туканг Сукара: «О господин мой, повелитель мира, ежели бы ваш раб насадил сад, то стороннему человеку дозволил первым отвесть его плодов, ибо весьма велика заслуга того, кто даст гостю вкусить первым». Отвечал же так Тун Тулус Агунг Туканг Сукара потому, что понял смысл государева иносказания. После приблизился к султану Баба Ментуах и молвил с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира, ежели бы ваш раб насадил сад, то сам первым отведал бы его плодов». Сказал же так Баба Ментуах, не ведая сокровенного смысла речей государя.

Услышав ответ Бабы Ментуаха, султан разгневался на Туна Тулуса Агунга Туканга Сукару, а тот послал служанку к Тун Медам Перии и Тун Такие Даре, дабы она известила царевен о речах, которые вел государь в присутствии везиров и военачальников. Тун Медам Периа повелела послать гонца к брату, Туну Браиму Бане, в Тукас, ибо он пребывал в то время в Тукасе. Когда Тун Браим Бана услышал слова посланца, он не мешкая отправился в Пасей, явившись во дворец, утешил сестер и увез их в Тукас. Султан же вознегодовал и разгневался на Туна Браима Бану за то, что тот укрыл сестер у себя в Тукасе.

По прошествии недолгого времени в Пасей из Келинга прибыл корабль небывалой величины, и на том корабле приплыло четверо келингских богатырей, не знавших себе равных на родине; один же из них превосходил всех своих сподвижников. А приплыл он в Пасей, дабы найти, с кем помериться силами.

Когда корабль вошел в гавань и бросил якорь в Телук Терия, те богатыри вышли на берег и, повстречав одного из обитателей страны, спросили у него: «На что в Пасее наложен государев запрет?» Отвечал человек из Телук Терия: «Не дозволяется в нашей стране восседать на длинном балее, возведенном посреди государева парка, распустив волосы, свесив ноги и болтая ими. Вот что запрещено в Пасее».

Услышав те слова, воскликнули келингцы: «Воистину мы нарушим все эти запреты!» И они отправились в Пасей, достигли государева парка и поднялись на длинный балей, заполонив его весь без остатка, воссели в большой беседке для гостей, так что не нашлось бы там более свободного места, после же распустили волосы, свесили ноги и принялись болтать ими.

Когда обитатели Пасея увидели те бесчинства келингцев, они отправились к везиру Туну Перпатиху Тулусу Агунгу Туканг Сукаре, дабы рассказать ему об увиденном, везир же повелел послать гонца к Бермату Пантею и Майдане Пантею с почтительным донесением. Не мешкая оба придворных сообщили обо всем Буджангу Баджу Райю, коий поверг их слова к стопам повелителя мира, молвив с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира, к нам прибыли гости, пришельцы из чужеземной страны, предводитель которых величайший из келинг-

ских богатырей, явился же он в Пасей, дабы найти себе поединщика, ибо никто в Келинге не может ему противостоять в бою на палицах и кинжалах. Они заполонили длинный балеи, восседают в большой беседке для гостей, распустив волосы и болтая ногами».

Молвил султан Ахмад, обратясь к Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Отправляйтесь в Тукас и известите о том моего сына Туна Браима Бапу». Оба придворных поспешили в Тукас к Туну Браиму Бапе и, представ перед царевичем, молвили с почтительным поклоном: «О господин, к вашему царственному отцу прибыли гости, пришельцы из чужеземной страны, предводитель которых — величайший из келингских богатырей, явился же он к нам, дабы найти себе поединщика, ибо никто в Келинге не может ему противостоять в бою на палицах и кинжалах. Сидят те келингцы на длинном балее, заполонив его весь без остатка, восседают они в большой беседке для гостей, так что нет там более свободного места. Сверх же того, распустили волосы и болтают ногами. Посему ваш царственный отец повелел известить вас о том, что происходит в Пасее». Ответствовал Тун Браим Бапа: «Повергните мои почтительные слова к стопам повелителя мира и скажите, что завтра я предстану перед ним». Услыхав те слова, придворные возвратились в Пасей и передали государю ответ сына.

Меж тем молвил Тун Браим Бапа, обратясь к своим приближенным Перману Исану и Орангу Тикару: «Отправляйтесь к владыке Барах Букита и позвите моего дядюшку, предводителя из Пулау Кукур, после ступайте в Кампунг Бангка и кликните моего дядюшку, богатыря из Кампунга Бангка, следом за тем поспешите в Танах Лангар за моим дядюшкой, богатырем из Кампунга Лангар, да не забудьте также призвать моих старших братьев — Малика Акасана, богатыря Али из Кампунга Чина, Туна Биджайю Пангерана и Равану Перматанга с воинствами их. Пусть все они тотчас же явятся вместе с вами».

Перман Исап с Орангом Тикаром отправились в путь и созвали тех богатырей и предводителей. Явившись к Туну Браиму Бапе, молвили они: «О господин, мы служим тебе уже давно, однако же никогда прежде не созывал ты нас с такой поспешностью. Если даже ты задумал убийство, ужели нельзя было обождать хоть недолгое время?»

Ответствовал Тун Браим Бапа: «О, дядя и старшие братья мои, я приказал созвать вас со столь великой поспешностью, ибо к повелителю мира прибыли гости, пришельцы из чужеземной страны, предводитель которых — величайший из келингских богатырей. Он явился в Пасей, дабы найти себе поединщика, ибо никто в Келинге не может ему противостоять в бою на палицах и кинжалах. Сидят же келингцы на длинном балее, заполонив его весь без остатка, восседают они в большой беседке для гостей, так что нет там более свободного места. Сверх же того, распустили волосы и болтают ногами».

Услыхав те слова Туна Браима Бапы, богатыри и предводители почтительно поклонились ему и молвили: «О господин, ежели будет нам помощь Всевышнего и ежели будет Ему угодно, мы одолеем того предводителя келингских богатырей».

Молвил тогда Тун Браим Бапа, обратясь к Перману Исапу и Орангу Тикару: «О дядья мои, ступайте и принесите каждый по одной кунче прибрежной гальки». Приближенные Туна Браима Бапы отправились за галькой, однако не только что по кунче каждый, пяти налехов вместе не смогли донести. Увидя это, Тун Браим Бапа сам пошел за галькой, и когда взвесили мешок, который царевич принес в левой руке, оказалась в нем ровно кунча весу. Свершил же Тун Браим Бапа то невиданное деяние, дабы умерить свой богатырский пыл, и не только судорога не свела руки его, но даже пот не выступил на лбу.

Вновь обратился Тун Браим Бапа к Перману Исапу и Орангу Тикару: «О дядья мои, призовите ко мне Васата Макама и Васата Перака». Тотчас же предстали те перед царевичем, и он молвил: «О Васат Макам и Васат Перак, ударьте в боевые барабаны, затрубите в воинские трубы, ибо я хочу потешиться с моими друзьями и наставниками».

Васат Макам и Васат Перак ударили в барабаны и затрубили в трубы, а Тун Браим Бапа принялся играть на барабане рукой и колетушкой пред наставниками и друзьями своими, ибо желал умерить богатырский пыл. При том не только судорога не свела руки его, но даже пот не выступил на лбу.

В то время его величество султан, пребывавший в опочивальне, пробудился от сна, услышав грохот боевых барабанов, и принялся звать Дару Зулейку, прозванную Закопницей:

«Эй, Закопница Дара Зулейка,
Скорее вставай, с пробуждением не медли!
Со мной ты взойдешь на костер погребальный,
Возвышенная среди прочих наложниц,
Носящая титул Тун Дерма Дикара.
Проснись же скорей, поспеши с пробуждением!
Ужель ты не слышишь далеких раскатов?
То грозно гремят барабаны в Тукасе,
Им гулкие гонги в ночи отвечают,
Под ясной луной, перед самым рассветом.

Откуда в такую ночь явился к нам враг? Велико ли числом его войско и кто его представитель?»

Тотчас же пробудилась Дара Зулейка и, как была — лишь в кайме, бросилась в покои государя, не успев даже набросить на плечи шаль и выбрать лепестки розы из спутанных волос. Представ пред государем, молвила она с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира, отчего ты призвал свою рабу на ранней заре? Нынешней ночью ярко светила луна на южном краю небосклона, а в такую пору сладостен сон».

Ответствовал его величество, повелитель мира:

«Эй, Закопница Дара Зулейка,
Носящая титул Тун Дерма Дикара,
Ужель ты не слышишь далеких раскатов?
То грозно гремят барабаны в Тукасе,
Им гулкие гонги в ночи отвечают,
Под ясной луной, перед самым рассветом.

Откуда в такую ночь явился к нам враг? Велико ли числом его войско, и кто его предводитель? Прикажи придворным, несущим стражу, разузнать, есть ли там кто или нет».

Тун Дерма Дикара вышла на галерею и окликнула придворных, несших стражу внизу. Ответствовали ей Бермамат Пантей и Майдана Пантей: «Здесь мы, слуги государевы; вместе с Буджангой Баджу Райей, — Маликом Сулейманом и Шахом Аламом Котой мы охраняем дворец». Молвила Дара Зулейка, обратиться к ним: «Ужели вы не слышали грома боевых барабанов в Тукасе, гула гонгов на рассвете при ясной луне. Откуда в такую ночь явился к нам враг? Велико ли числом его войско и кто его предводитель? Отправляйтесь и разузнайте!»

Бермамат Пантей с Майданой Пантеем отправились в Тукас, дабы осведомиться о причине шума, увидев же Туна Браима Бапу, тещащегося воинской забавой вместе со своими наставниками и военачальниками, поспешили назад и, вернувшись во дворец, сказали: «О Тун Дерма Дикара, мы возвратились из Тукаса, не найдя там никакого врага. Мы видели лишь Туна Браима Бапу, предающегося воинским забавам и тещащегося вместе с наставниками и военачальниками своими».

Войдя к повелителю мира, с почтительным поклоном молвила Дара Зулейка: «Не нападал на нас никакой враг, это ваш царственный сын Тун Браим Бапа тешится воинскими забавами со своими военачальниками». Сказал тогда султан Ахмад Перумадал Перумал, обратиться к Даре Зулейке: «О Закопница Дара Зулейка, носящая титул Тун Дерма Дикара, сохрани эту тайну в своей душе и никому не открывай ее — пусть не будет прочным мой престол, пусть не вкушу я аромата райской обители, ежели не убью презренного Браима Бапу!»

Когда рассвело, Тун Браим Бапа обратился к своей ключнице Даре Сипир и повелел ей: «О Дара Сипир, приготовь притирания и выжми лимонного сока, ибо я желаю совершить омовение вместе с дядьями и наставниками моими». И Дара Сипир открыла шкатулку, приготовила притирания, выжала лимонный сок и смешала его с кеджамасом, а Тун Браим Бапа вместе со своими наставниками и военачальниками умастился и направился к реке Семпанг. Искупавшись же, вернулся во дворец.

Затем Тун Браим Бапа приказал открыть ларец и достать из него всевозможные одеяния, дабы одарить теми драгоценными одеяниями своих дядьев, старших братьев и военачальников. После же облачился сам — надел кайн из тончайшего желтого шелка, огненные полы коего были искусно обшиты по кромке золотом, украшены узором из перекрещивающихся золотых нитей

и бахромой со звенящими колокольчиками; баджу, пламенеющее, словно солнечный луч, с застежками, подобными облакам, оправленными в золото и изукрашенными гранатовой осыпью; тюрбан китайского крашения с бахромой из нитей жемчуга, расшитый по краю золотым узорочьем, в котором играли самоцветы; переливатый пояс, браслеты и запястья, подобные драконам, свернувшимся в семь колец. Облачившись, царевич вооружился крисом, усыпанным драгоценными камнями, в золотых побряках; надел перевязь с мечом, сверкавшим, словно молния, и защитную плетенку из ротанга, изукрашенную самоцветами, через левое плечо же перебросил позлащенный лук.

Несказанно грозен и могуч был видом царевич, речь же его была учтива, и во всем он являл сходство с neodолимым тигром.

Когда все было готово, Тун Браим Бапа, предшествуемый своими военачальниками и наставниками, отправился в путь, дабы одолеть келингских богатырей. Сверкало и переливалось на солнце его баджу, позвякивали дротики, вспыхивали драгоценные камни, которыми было усыпано копье, лук же его не имел себе равных.

Вскоре сподвижники царевича достигли внешних ворот дворца и вступили за ограду. А султан, увидев многочисленное войско, входившее в ворота, содрогнулся и, кликнув Дару Зулейку, повелел: «О Закошница Дара Зулейка, узнай, что это за воины во множестве входят во дворец?» Дара Зулейка послала слуг к внешним воротам, и они увидели там людей Туна Браима Бапы. Тогда она донесла государю: «О господин мой, повелитель мира, это не кто иные, как сподвижники вашего царственного сына».

Меж тем и сам Тун Браим Бапа прибыл ко внешним воротам дворца и молвил, обратясь к Перману Исапу и Орангу Тикару: «О дядя, ступайте к моей кормилице Даре Зулейке, носящей титул Дерма Дикара, и скажите ей, что я прошу у государя крылатого коня, рожденного персидской кобылицей». Услышав те слова, они отправились к Даре Зулейке и сказали: «О Тун Дерма Дикара, повергни к стопам повелителя мира прошение его царственного сына Туна Браима Бапы, который желает, чтобы ему дали крылатого коня, рожденного персидской кобылицей». Дара Зулейка предстала перед султаном и молвила с почтительным поклоном: «О господин мой, владыка мира, ваш царственный сын Тун Браим Бапа просит крылатого пегого коня, рожденного персидской кобылицей». Ответствовал султан: «О Дара Зулейка, я не дорожу этим конем, ибо он бешеный и потому не ведает повода. Если мой сын Браим Бапа хочет его объездить, отдай ему того коня вместе с уздечкой и седлом».

И Дара Зулейка приказала Перману Исапу и Орангу Тикару вывести коня и передать его царевичу вместе с седлом и уздечкой, они же не мешкая взяли коня и отвели его к Туну Браиму Бапе.

Тем временем султан вышел на ристалище, дабы поглядеть, как Тун Браим Бапа будет тешиться конскими скачками, а царевич, увидав государя, почтительно остановился перед ним и склонился до земли. Молвил султан, обратясь к Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Передайте моему сыну Браиму Бапе, что я повелеваю ему сесть на крылатого коня пред лицом чужеземных гостей, предводитель которых — величайший из богатырей Келинга, и доскакать до Тукаса».

Почтительно поклонившись султану, Тун Браим Бапа вскочил на коня, прищипорил его и выехал на ристалище. Там он явил знаки преданности государю и вновь дал коню шпоры, так что конь взлетел в поднебесье, царевич же направил его в сторону Тукаса и в одно мгновение скрылся из виду.

Молвил султан, притворно проливая слезы: «Увы, стигнул мой сын. Где стану я его искать? Он не внял моим словам и сел на сего коня — бешеную тварь, не знающую повода». И в тот же миг Тун Браим Бапа вновь нежданно явился пред государем, и конь гарцевал под ним, словно павлин, танцующий, распустив хвост.

Султан несколько удивился, увидав того коня, игривого, словно опьяненный слон, и молвил, обратясь к Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Передайте моему сыну Браиму Бапе, что я повелеваю ему явить свое искусство в танце с мечом под бой барабана пред лицом чужеземных гостей, чей предводитель — величайший из богатырей Келинга, дабы смыть бесчестие, коему меня подвергли».

И Бермамат Пантей с Майданой Пантеем передали то высочайшее повеление Туну Браиму Бапе и сказали: «О господин наш Тун Браим Бапа, ваш царственный отец повелевает вам явить свое искусство в танце с мечом под бой барабана пред лицом чужеземных гостей, чей предводитель — величайший из богатырей Келинга». Молвил Тун Браим Бапа: «Ежели такова воля государя, пусть мне дадут меч и щит». И те двое слуг отправились к султану и, придя, молвили с почтительным поклоном: «О господин наш, владыка мира, ваш царственный сын падает к вашим стопам и просит меч и щит». Ответствовал султан: «Ступайте и принесите все мои мечи и щиты, пусть мой сын сам отыщет среди них те, что будут любезны его сердцу». Не мешкая слуги отправились за мечами и щитами и принесли их к султану; а Тун Браим Бапа, почтительно поклонившись государю, стал выбирать себе оружие и выбрал самые большие меч и щит. После склонился до земли пред султаном и вышел из дворца, по дороге подоткнув полы кайна, сжимая в правой руке рукоять меча, а в левой держа щит.

Тогда музыканты принялись бить в барабаны руками и коло-тушками, затрубили в деревянные трубы, чьи звуки были подобны раскатам грома, и царевич, перемолвившись со своим наставником, богатырем из Кампунга Бедил, начал играть мечом

в лад тому барабанному ритму, что зовется аниам. После он перемолвился с другим своим наставником — предводителем из Пулау Кукур — и начал играть мечом в лад тому улаждающему слух барабанному ритму, что зовется пуспа рагам. Закончив танец, царевич перемолвился со своим наставником — богатырем из Кампунга Бангка, и тот подбросил в воздух кокос, а Тун Браим Бапа рассек его надвое мечом, и одна половинка кокоса вмиг исчезла из виду, другая же упала наземь, полная кокосового молока, ни одна капля коего не пролилась. Затем царевич перемолвился со своим наставником — богатырем из Кампунга Лангар, и тот подбросил в воздух орех арековой пальмы, а Тун Браим Бапа рассек его надвое мечом, и одна половина ореха вмиг исчезла из виду, другая же упала наземь. После царевич перемолвился со своим наставником — предводителем Али из Кампунга Чина, и тот воткнул в землю ствол арековой пальмы, а Тун Браим Бапа столь ловко рассек его мечом от вершины до основания, что ствол не развалился, но остался стоять. Лишь когда подул ветер, он рухнул, распавшись на четыре части.

Меж тем Тун Браим Бапа отпрыгнул на шаг вправо, потом на шаг влево и принялся вращать щитом так быстро, что вмиг исчез из глаз тот щит, лишь ручку его могли видеть в левой руке царевича. Затем он принялся вращать мечом так проворно, что вмиг исчезло из глаз лезвие того меча, лишь рукоять его могли видеть в правой руке царевича. Окончив же воинскую потеху, Тун Браим Бапа склонился пред султаном Ахмадом до земли, а вместе с ним поклонились государю и все наставники царевича.

Когда келингские предводители увидели воинскую мощь Туна Браима Бапы, прошел меж них ропот изумления, от ужаса затряслись их подбородки, и своим видом уподобились те богатыри курам, трепещущим при виде коршуна. И так сказали они друг другу: «За всю жизнь не доводилось нам видеть воителя, равного Туну Браиму Бапе, не то что помериться с ним силами — даже в глаза ему страшно посмотреть!»

Молвил султан: «Эй, келингские предводители, выходите на бой с моими военачальниками и богатырями!» Келингцы же ничего не сказали в ответ, посрамленные возвратились на корабль и отплыли в свою страну.

Молвил тогда султан, обратясь к Туну Браиму Бапе: «О душа моя и свет моих очей, уведи отсюда этих обитателей верховий, явившихся с тобой». Сказав же так, направился во внутренние покои дворца. А Тун Браим Бапа, веселясь и шутя со своими удалцами из верховий, наставниками, дядьями и старшими братьями, возвратился в Тукас и там принялся пировать с ними. После они испросили у царевича разрешения удалиться и разошлись по домам.

По прошествии недолгого времени, как-то раз в пятницу Тун Браим Бапа отправился поразвлечься в Пасей, вошел в ограду

султанского дворца и поднялся на галерею, окружавшую его. Там повстречалась царевичу одна из младших жен султана Ахмада — Тун Фатима Лемпау, прозванная Летучий Бамбук, которая вместе с Дарой Зулейкой составляла из цветов букет. Спросил Тун Браим Бапа: «Матушка Тун Фатима Лемпау, для кого этот букет?» Ответствовала та: «Я отнесу его в мечеть». Услышав ее ответ, Тун Браим Бапа прислонился к опорному столбу галереи и стал смотреть на работу. Тун Фатима же, составив букет, неожиданно вскочила на ноги и с цветами в руках опрометью бросилась во дворец. И Тун Браим Бапа разгневался, погнался за Тун Фатимой, желая удержать ее, и схватил за полу кайна. При этом он невзначай ударился плечом о дворцовую дверь, опаматовался и вернулся на прежнее место.

В ту пору словно бы земной трус покачнул все девятнадцать покоев дворца, кровли которых были возведены на столбах в человеческий обхват, и султан, пробудившись в своей опочивальне, кликнул Дару Зулейку и спросил: «О Дара Зулейка, отчего запятался мой дворец, не трус ли это земной?» И Дара Зулейка выбежала из опочивальни и увидела Туна Браима Бапу, преследовавшего Тун Фатиму Лемпау. После же возвратилась и, представ перед султаном, молвила с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира, ничего не случилось во дворце, лишь царственный сын ваш, шутя и любезничая с Тун Фатимой Лемпау, ударился плечом о дверь».

Несказанно разгневался султан и молвил, обратясь к Даре Зулейке:

«Эй, Закопница Дара Зулейка,
Носящая титул Тун Дерма Дикара,
Ведущая род от пангиранов знатных,
От тех, что идут на костер с государем,
Рожденная в устье реки Сунгей Рахат
И мною возвышенная средь наложниц,

сохрани эту тайну в своей душе и никому не открывай ее — пусть не будет прочным мой престол, пусть не вкушу я аромата райской обители, ежели не убью презренного Браима Бапу!»

И тогда так помыслил султан в сердце своем: «Как мне убить Туна Браима Бапу? Возьму-ка я его с собой на рыбную ловлю в верховья реки и там прикажу лишить жизни». Решим так, он повелел Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Ступайте и позовите ко мне Туна Перпатиха Тулуса Агунга Туканга Сукару, Бапу Ментуаха и всех моих военачальников». Бермамат Пантей и Майдана Пантей отправились за теми везирами и военачальниками. Когда же они предстали перед султаном Ахмадом, молвил он: «О господи, давайте потешимся рыбной ловлей в верховьях реки, давайте полакомимся раками с глазами на стебельках, крабами, чьи клешни широки, словно весла, креветками с изогнутыми хвостами, рыбой лембедак, обремененной молоками, сомами, отягощенными икрой». И султан приказал придворным собраться в дорогу, дабы сопровождать его.

Потом спросил султан, обратясь к везирам и военачальникам: «Кого бы оставить нам охранять Пасей?» С почтительным поклоном отвечивал Баба Ментуах: «О господин мой, повелитель мира, по моему разумению здесь надлежит оставить вашего царственного сына Туна Браима Бапу, ибо он великий богатырь». Услыхав те слова, молвил султан: «Мы не можем оставить Туна Браима Бапу в Пасее, ибо кто же тогда отыщет рыбу и поставит сети?» С почтительным поклоном молвил Малик Сулейман Денданг Аир: «О господин мой, повелитель мира, ежели вы сочтете достойными слова вашего раба, то оставьте охранять Пасей Туна Абу ль-Фазила». Ответствовал султан: «Я не желаю расставаться с Туном Абу ль-Фазилом». Тогда с почтительным поклоном приблизился к султану Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара и сказал: «О господин мой, повелитель мира, по моему разумению, в Пасее надлежит оставить Туна Абд аль-Джалила, ибо лицом он прекрасней всех ваших сыновей. Ежели оденется на яванский манер, не отличить его от яванца, если облачится на китайский лад — точь-в-точь китаец, сиамское платье носит так, будто родился в Сиаме, в арабском же наряде во всем подобен арабу». Молвил султан Ахмад: «Да, я оставлю Абд аль-Джалила в Пасее».

И государь повелел Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Отправляйтесь в Тукас и скажите Браиму Бапе, что я желаю отведать раков с глазами на стебельках, крабов, чьи клешни широки, словно весла, креветок с изогнутыми хвостами, рыбы лембедак, обремененной молоками, сомов, отягощенных икрой. Поспешите же, о господин, ибо вам надлежит сопровождать государя в верховья». Придворные отправились в Тукас к Туну Браиму Бапе и, придя туда, сказали: «О господин наш Тун Браим Бапа, ваш царственный отец хочет потешиться рыбной ловлей в верховьях реки близ Лубук Тура, желает отведать раков с глазами на стебельках, крабов, чьи клешни широки, словно весла, креветок с изогнутыми хвостами, рыбы лембедак, обремененной молоками, сомов, отягощенных икрой». Затем Бермамат Пантей и Майдана Пантей испросили соизволения удалиться и, возвратившись в Пасей, предстали пред султаном, дабы передать ему ответ Туна Браима Бапы.

Меж тем молвил Тун Браим Бапа, обратясь к Перману Исапу и Орангу Тикару: «О мои дядья, ступайте к тем господам, что обитают в верховьях, и прикажите им прокладывать дороги и рубить джунгли на берегу реки, ибо его величество султан желает отправиться в верховья и потешиться рыбной ловлей в Лубук Тура. После сходите в селение Белалап к Малиму Зайналю из Белалапа и Малиму Пагару Сесаху, да к Си Бинтангу Тимур у и Си Акапу Гагаху Менгангкату. Прикажите им ждать меня в месте, именуемом Пантей Манганга». Почтительно поклонившись, Перман Исап и Оранг Тикар отправились к тем людям царевича в верховья реки и известили их, что султан собирается на рыбную ловлю.

Что же до Туна Браима Бапы, то он поднялся в свой дом и предался там печали вместе со всеми своими домочадцами. Потом вышел на базарную площадь и, останавливаясь на ней то тут, то там, принялся возглашать: «О купцы и люди базара, кто будет теперь скликать вас, кто потешится и повеселится с вами — ведь я ухожу, дабы сопровождать султана в верховья реки, после же отправлюсь на гору Фазлуллах и, Бог весть, вернусь ли». Почтительно склонившись, отвечивали люди базара: «О господин наш Тун Браим Бапа, какой враг злоумышляет против тебя и какой противник угрожает, что ведешь ты такую речь? Лишь сокрушив кости нам, рабам твоим в Тукасе, смогут враги вершить над тобой свою волю». Молвил Тун Браим Бапа: «Молчите, о господа, никогда Тун Браим Бапа не помышлял об измене, а если бы замыслил ее, то, выступи на бой с ним весь Пасей, одолел бы он весь Пасей, выступи Ява — одолел бы всю Яву, выступи Китай — одолел бы весь Китай, выступи Келинг — одолел бы весь Келинг. Пусть не суждено мне править в этом мире, за гробом обрету я свое царство».

Потом царевич повстречался с Маликом Сулейманом Дендангом Аиром и сказал, обратиться к нему: «О дядюшка Малик Сулейман Денданг Аир, некому будет теперь тешиться и веселиться с тобой, ибо я ухожу в верховья реки к горе Фазлуллах и, Бог весть, вернусь ли». Услыхав слова Туна Браима Бапы, Малик Сулейман Денданг Аир заплакал вместе с ним, царевич же возвратился домой и там проливал слезы со своими домочадцами, рабами и невольниками.

Тем временем его величество султан, снарядившись, как подобает по обычаю раджей, отправился на рыбную ловлю. Молвил он, обратиться к Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Ступайте к Браиму Бапе и передайте ему, что я уже отплыл вверх по реке». Сказав же так, отправился на рыбную ловлю в верховья, взяв с собой жен, наложниц и служанок своих, а Бермамат Пантей и Майдана Пантей поспешили к Туну Браиму Бапе.

Когда они прибыли к царевичу, он вышел из дому и вместе с двумя сородичами отправился в путь. Проходя же через базарную площадь, молвил: «Прощайте, о купцы и люди базара, я ухожу, дабы сопровождать султана в верховья реки, после отправлюсь на гору Фазлуллах и, Бог весть, вернусь ли». И все люди базара рыдали, проливали слезы и молились за Туна Браима Бапу. А он достиг притока реки, вошел в лодку и, усевшись на корме, взял в руки свое весло в семь локтей длиной, лопасть которого в ширину имела три локтя, а рукоять — три пяди в обхвате. С каждым взмахом того весла лодка проплывала путь от одной излучины реки до другой, позади же ее по воде бежал военачальник Туна Браима Бапы с раскрытым зонтом в руках. И так велика была его сила, что он ни на шаг не отставал от лодки.

Меж тем султан прибыл в Лубук Сангунга и молвил, обратиться к Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Прикажите моему сыну Туну Браиму Бапе ставить сеть». Те отправились к царевичу,

дабы передать ему высочайшее повеление, и Тун Браим Бапа принялся ставить сеть в Лубук Сангунге, когда же забросил ее — нырнул.

Едва лишь его величество султан заприметил, что царевич скрылся под водой, он подал знак военачальникам, дабы они были на чеку, когда Тун Браим Бапа всплывет. Военачальники обнажили мечи, вынули дротики и приготовились изрубить Туна Браима Бапу либо же проглотить его. А он проплыл под водой не менее чем от одной излучины реки до другой и, вынырнув, вышел на берег.

Когда султан и его военачальники увидели то небывалое деяние, они в ужасе содрогнулись, побледнели и спрятали мечи и дротики. И султан поплыл далее вверх по реке. Царевич же вновь забросил сеть, и попалось в нее множество речных тварей — раков с глазами на стебельках, крабов с клешнями широкими, словно весла, креветок с изогнутыми хвостами, рыбы лембедак, обремененной молоками, сомов, отягощенных икрой. И всех их Тун Браим Бапа приказал почтительно преподнести султану Ахмаду. После же отплыл вслед за ним в верховья и достиг Пантей Манганга, где царевича ожидали все его военачальники.

Сидя на носу лодки и распуская сеть, молвил им Тун Браим Бапа: «О господа, с кем вы теперь потешитесь и повеселитесь — ведь я отправляюсь в верховья, к горе Фазлуллах и, Бог весть, вернусь ли?» Приблизясь, ответствовали те с почтительным поклоном: «О господин наш, отчего ты ведешь такие речи? Лишь сокрушив наши кости, смогут враги вершить над тобой свою волю». Молвил Тун Браим Бапа: «О товарищи мои и друзья, молчите, ибо я не помышляю об измене. Если же замыслил бы ее, то, выступив со мной на битву весь Пасей, — одолел бы я весь Пасей, выступив Сиам — одолел бы весь Сиам, выступив Китай — одолел бы весь Китай, выступив Ява — одолел бы всю Яву, выступив Келинг — одолел бы весь Келинг». С почтительным поклоном приблизились к царевичу Си Пахат Путар, Си Бинтанг Тимур, Си Акап Гагах Менгангкат, Малим Зайналь и Малим Пагар Сесах и спросили: «О господин, почему ты так говоришь?» Ответствовал царевич: «Молчите, о мои друзья, пусть не суждено мне править в этом мире, даст Бог, за гробом обрету я свое царство».

Сказав так, Тун Браим Бапа повелел Си Али Кечилу из Пахата Путара и Малиму Зайналю из Белатапа: «О мои дядя, явите свое искусство в борьбе пенчак». И те двое схватили друг друга за руки, а схватив, принялись перетягивать с такой силой, что оба ушли по колено в землю. Молвил Тун Браим Бапа: «Равны вы по силе, о мои дядя».

С почтительным поклоном сказал Си Пахат Путар: «О господин мой, если бы не страшило меня обвинение в измене, я померился бы силой и с вами». Услыхав те слова Си Али Кечила из Пахата Путара, царевич усмехнулся, отложил сеть и вышел на берег. Потом он сел, вытянув ноги, и приказал Си Пахату Путару оторвать

их от земли. Тот стал приподнимать ноги Туна Браима Бапы, однако же не только приподнять — сдвинуть их с места не смог, хотя так напрягся, что из всех его пальцев закапала кровь. А Тун Браим Бапа лишь шевельнул ногой, и Си Пахат Путар кубарем полетел наземь, словно древесный листок, сорванный ветром. Усмехнулся Тун Браим Бапа и возвратился в лодку.

Меж тем султан прибыл в Танджунг Ару; его лодка, а с ней и лодки всех его военачальников, застряла, наткнувшись на танджунгарусское поваленное дерево, преграждавшее течение реки, и не могли они плыть далее. Султан приказал военачальникам и воинам убрать с пути тот древесный ствол, однако же они не смогли его убрать. Потом послал слонов по кличке Морские Носилки, Китайское Зерцало, Владыка Медведей, Совершенный Дар, Светоч Страны, Огненный Паланкин и всех прочих ломать танджунгарусский ствол, однако же они не смогли его сломать.

Тогда повелел султан Ахмад Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Ступайте и позовите моего сына Туна Браима Бапу». Придворные отправились к царевичу и, придя к нему, сказали с почтительным поклоном: «О господин наш, Тун Браим Бапа, султан повелел призвать вас, ибо его лодка застряла, натолкнувшись на танджунгарусский ствол, и, хотя государь посылал военачальников и воинов, а также и прославленных своих слонов, дабы убрать либо сломать его, они не смогли того сделать».

Тун Браим Бапа пожелал не мешкая отправиться в Танджунг Ару, однако же Си Али Кечил из Пахата Путара, Си Бинтанг Тимур, Си Акап Гагах Менганкат, Малим Зайналь из Белатапа и Малим Пагар Сесах приблизились к нему и сказали с почтительным поклоном: «О господин наш Тун Браим Бапа, уже сварен рис и зарезаны куры, задержитесь у нас хоть ненадолго». Ответствовал Тун Браим Бапа: «Простите меня, о мои товарищи и друзья, мне кажется, будто я уже отведал вашего риса и приправ — ведь его величество повелевает явиться без промедления».

Сказав так, он отправился в путь и прибыл в Танджунг Ару. Когда султан Ахмад увидел царевича, молвил он: «О мой сын, взгляни — моя лодка и лодки моих военачальников натолкнулись на затопленный ствол, посоветуй, как нам надлежит поступить?» Тун Браим Бапа поклонился султану до земли, подошел к стволу и, ощутив его от основания до верхушки, привялся раскачивать, крича военачальникам: «Удерживайте лодку его величества». После же нырнул, ощущал подводную сторону ствола от основания до верхушки, сделал на нем надрез кинжалом и пнул ногой так, что ствол треснул, и один из его обломков, отлетев, шлепнулся в воду двумя излучинами ниже по течению. Лодки понеслись по реке, тесня друг друга, и иные из них пошли ко дну, иные столкнулись, иные застряли в джунглях, ибо упавший в воду обломок поднял волнение небывалой силы, а лодки стояли, сгрудившись. Что же до лодки султана, то ее протащило течением не менее чем от одной излучины реки до другой.

Тогда Тун Браим Бапа вновь нырнул и долго не показывался

из воды. Султан же, видя это, притворно заплакал, причитая сквозь слезы: «Увы, дитя мое Тун Браим Бапа, погиб ты или придавлен обломком ствола? Увы, свет очей моих и плод моей души, где ты сейчас и что с тобой случилось?» А Тун Браим Бапа, нырнув, поплыл вверх по течению, волоча обломок ствола, и так проплыл пять излучин реки. После вынес обломок на берег, воткнул в землю сажени на четыре в глубину и, усевшись на его верхушке, принялся поправлять волосы и чистить ногти.

Меж тем султан отправился вниз по реке в обратный путь, а все спутники Туна Браима Бапы — его служанки, наперсницы и придворные дамы, оставшись на берегу, рвали на себе волосы и громко плакали, причитая: «Увы, господин наш Тун Браим Бапа, неужто тебя более нет в живых?» В ту пору один из обитателей страны проходил вдоль реки, удаляясь от ее истока, и заметил Туна Браима Бапу, сидевшего на верхушке ствола. Достигнув же места, где плакали его спутники, спросил у них: «Отчего вы проливаете слезы?» Ответствовали те: «Мы не знаем, пропал ли наш господин Тун Браим Бапа, либо же умер». Молвил тот человек: «Я только что видел Туна Браима Бапу выше по течению. Он сидел на обломке ствола, поправляя волосы и чистя ногти». Тотчас же спутники Туна Браима Бапы побежали к царевичу и нашли его.

Тем временем султану донесли, что Тун Браим Бапа остался жив, и тогда повелел он Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Ступайте и позовите ко мне ведуна». И Бермамат Пантей с Майданой Пантеем отправились за ведуном. Когда же тот предстал пред султаном, султан повелел: «О ведун, приготовь согревающее снадобье, ибо мой сын Тун Браим Бапа долго пробыл под водой, и я боюсь, как бы он не простудился». Ведун приготовил снадобье, именуемое пениарам, и подмешал в него яд. После же принес пениарам султану.

Повелел султан Бермамату Пантею и Майдане Пантею: «Ступайте и отнесите согревающее снадобье моему сыну, ибо он продрог в воде». Придворные отправились с тем согревающим снадобьем к Туну Браиму Бапе и, придя к нему, сказали: «Это угощение — не что иное, как согревающее снадобье, кое вам посылает ваш царственный отец, ибо господин продрог в воде».

Что же до Туна Браима Бапы, то, зная о яде, он взял кусок пениарама, разломил его пополам и одну половину бросил собаке; собака же, съев ее, тотчас издохла. Другую половину он бросил курице, и курица также издохла, едва лишь ее склевала.

И так помыслил Тун Браим Бапа в сердце своем: «Ежели отведаю я пениарама — умру, если же не стану его есть — совершу измену, однако лучше мне лишиться жизни, нежели запятнать свое имя изменой».

Тогда взял он другой кусок пениарама и поднес было ко рту, но Тун Медам Периа увидела то, выхватила кусок из рук брата и, съев его, умерла. Тун Браим Бапа взял третий кусок, но Тун Такия Дара вырвала его, съела и в тот же миг испустила дух.

Тун Браим Бапа повелел похоронить обеих на горе Фазлуллах, сам же взял пениарам, оставшийся после сестер, и съел его. И вселилась в царевича сила того яда, так что почувствовал он жгучий зуд во всем теле и приказал Перману Исапу и Орангу Тикару почесать его спину. Те принялись ее чесать, однако столь силен был яд, что у них сошли ногти на руках и в тот же миг умерли слуги царевича. А Тун Браим Бапа, изнемогая от нестерпимого зуда, подошел к дикому манго и стал тереться спиной о его ствол. И от силы того яда с дикого манго сошла кора, облетели листья, и дерево тотчас засохло.

Молвил Тун Браим Бапа, обратясь к Малику Акасану: «О дядюшка Малик Акасан, нет ли поблизости глубокого омута?» Ответствовал Малик Акасан: «О господин, доводилось мне слышать, как рассказывали старики, будто есть здесь омут небывалой глубины, именуемый Лубук Тура, однако же он столь узок, что едва ли вместит даже корзину с рассадой». Молвил Тун Браим Бапа: «О дядюшка, отведи меня к этому омуту». И Тун Браим Бапа отправился к омуту Лубук Тура, придя же к нему, сказал: «О дядюшка Малик Акасан, забрасывай сеть». Малик Акасан забросил сеть, и она, раскручиваясь, погрузилась в омут. Спросил Тун Браим Бапа: «Дядюшка, как же ты выберешь сеть? Не вытащить ее теперь, ибо она зацепилась за рог змея Ламбу». Малик Акасан нырнул было за сетью, однако же увидел в водной глубине красное сияние, подобное пылающему огню, и поспешно выбрался на берег. Сказал он: «О господин, я видел в глубине омута красное сияние, подобное пылающему огню».

Повелел Тун Браим Бапа: «Принеси мне длинный побег ротанга». После же приготовился — зажал в руке талисман, обвязал вокруг пояса побег ротанга и нырнул. Выбрав из сети множество рыбы, он выплыл на поверхность и принялся бросать ее на берег. Потом вновь нырнул и увидел пред собой змея Ламбу. Тот змей обвил Туна Браима Бапу, и царевич принялся бороться с ним с такой яростью, что по омуту заходили волны, подобные волнам океана. Когда служанки, наперсницы и придворные дамы царевича увидели те волны, воскликнули они: «Увы, должно быть, погиб наш господин Тун Браим Бапа, и пожрал его змей Ламбу!»

А Тун Браим Бапа выхватил из ножен кинжал и перерезал змею Ламбу горло; когда же тот издох, вспорол ему брюхо, вырвал желудок, сердце и печень и, разрезав змея на куски, нанизал их на побег ротанга. После же вынырнул, бросил низку змеиного мяса на берег и, выйдя из воды, приказал его изжарить. Все, кто вдыхали запах жарящегося змеиного мяса, умирали — столь ужасен был яд змея Ламбу, царевич же съел все мясо без остатка.

Съев его, Тун Браим Бапа почувствовал слабость и приказал почтительно преподнести султану Ахмаду рыбу, пойманную в омуте Тура, и спросить, где его похоронят. Посыльный отправился с рыбой к султану, представ перед ним, передал дар и сказал с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира,

Тун Браим Бапа прислал спросить, где его похоронят?» Ответствовал султан: «Здесь в верховьях, ибо если земля Пасея принадлежит Аллаху, то ведь и здешняя — тоже Божья». Посыльный отправился в обратный путь и, вернувшись к Туну Браиму Бапе, передал ему слова государя. Молвил тогда Тун Браим Бапа: «О дядюшка Малик Акасан, отведи меня на гору Фазлуллах».

Тун Браим Бапа направился к той горе вместе с Маликом Акасаном и всеми его родичами. Когда же они достигли развилки дороги, сказал Малик Акасан: «О господин мой, здесь дорога разветвляется. По тому пути можно за два дня дойти до горы Фазлуллах, а по этому пути — за день, однако на нем растет дерево Сабасани, видом подобное змее. Взглянув на него, в ужасе трепещут люди, падают без чувств и умирают. Миновав же его, встретишь лиану Белуру, подобную чешуйчатому дракону. Все, кто видели ее, от страха лишались жизни». Ответствовал Тун Браим Бапа: «О дядюшка, води меня коротким путем».

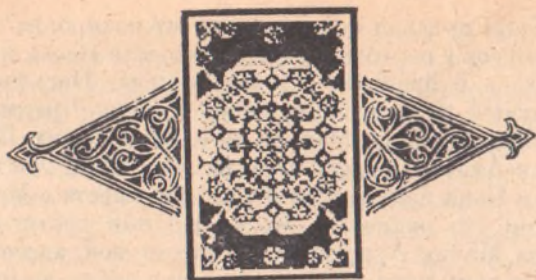
С теми словами Тун Браим Бапа отправился коротким путем и, увидев дерево Сабасани, ужаснулся. После же выхватил кинжал и пронзил то дерево. Возопило дерево человеческим голосом, и потекла из него человеческая кровь.

Тун Браим Бапа пошел прочь из того места и, когда увидел лиану Белуру, вновь испытал неодолимый трепет, однако же выхватил дротик и пронзил лиану. Заревела лиана, словно трубящий слон, и потекла из нее человеческая кровь. А Тун Браим Бапа отправился дальше, изнемогая от страшной слабости.

По прошествии недолгого времени молвил Тун Браим Бапа, обратясь к Малику Акасану: «О дядюшка Малик Акасан, понеси меня, ибо я не могу больше идти». И Малик Акасан понес царевича. Когда они прошли еще немного, Тун Браим Бапа не выдержал мук и приказал опустить его на землю. Взяв копье, он метнул его и сказал: «О дядюшка Малик Акасан, ежели я замыслил бы измену, то, выступи со мной на битву весь Пасей, — одолел бы я весь Пасей, выступи Сям — одолел бы весь Сям, выступи Келинг — одолел бы весь Келинг. Однако никогда Тун Браим Бапа не помышлял об измене. О дядюшка Малик Акасан, похорони меня там, где вонзится в землю мое копье».

Копье упало на гору Фазлуллах, и в тот же миг Тун Браим Бапа возвратился под сень милости Всевышнего. А Малик Акасан вместе с товарищами и друзьями царевича отнесли его тело, словно останки дервиша, на ту гору. Когда же они поднялись на гору, заметили, что копье вонзилось точно меж могил двух сестер Туна Браима Бапы и ушло в землю так глубоко, что виден лишь кусок его древка не более чем в локоть длиной. А было то копье в длину девяти локтей и в обхвате имело две пяди. Пролетело же оно расстояние в половину дневного перехода.

И погребли Малик Акасан и спутники его Туна Браима Бапу там, где упало копье. Султан же Ахмад, когда дошла до него весть о смерти царевича, весьма обрадовался и обрел исцеление души.

МАЛАЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ

В 1511 г. под ударами португальцев пала Малакка. Ночное чтение повести о подвигах Мухаммада Ханафии не могло защитить ее от огня артиллерии «франков». Тщетно султан-изгнанник взывал о помощи к императору Китая, и столь же тщетно пытался он освободить город собственными силами. Чем очевидней становилась утрата, тем настоятельней требовала объяснения «двухактная драма» возвышения основанной около 1400 г. Малакки и ее внезапной гибели — событий, в которых средневековый малаец не мог не видеть providенциального смысла. За решение этой задачи и взялся безымянный автор «Малайских родословий» — современник султана Махмуд-шаха, переживший падение города и, как можно полагать, происходивший из семьи бендахар — верховных везиров Малакки. Придерживаясь генеалогического принципа и, вероятно, используя сочинения предшественников, он обстоятельно рассказал о мифической предыстории малаккских государей, их кратком и, возможно, легендарном правлении в Сингапуре, а затем — и это главное — в Малакке и около 1536 г. создал хронику, которой суждено было сыграть не менее выдающуюся роль в малайской литературе, чем самой Малакке — в малайской истории.

Первоначальное предисловие к версии 1536 г. не сохранилось, однако не приходится сомневаться, что ее автор решал ту же задачу, что и создавший в 1612 г. новую редакцию хроники бендахара Тун Сри Ланапг, взявшийся «рассказать о родственных связях малайских государей и об их обычаях, дабы потомки извлекли из этого рассказа пользу». Под пользой же в малайской традиции разумелся учительный смысл событий, проявить который и предстояло автору. Образец такого проявления смысла истории давала хорошо известная хронисту «Повесть о раджах Пасея», однако автор «Малайских родословий» по ряду причин существенно исправил и дополнил государственно-этическую концепцию своего пасейского предшественника.

Во-первых, хронист решительно пересмотрел исконный «политический» миф малайцев о происхождении их государей. Прежний миф обеспечивал малайским правителям легитимность и окружал их власть ореолом магического могущества. Новый миф — о родстве с Искандаром Двурогим, — сохранив в интерпретации хрониста эти черты, позволил малаккским султанам, а с ними и малайцам, как равным, вступить в мир ислама и обрести в нем свою историю.

Во-вторых, еще непосредственно не сформулированная и довольно грубая социальная этика «Повести о раджах Пасея» обрела в Малайских родословиях ясно выраженную, более уточненную и гуманную форму добровольного общественного договора: подданные клянутся сохранять верность династии, сколь бы жестоки бы были их правители, государи — не бесчестить подданных и всегда обходиться с ними в соответствии с установлениями шариата.

Гармонизирующее воздействие договора на малайскую историю сказывается тотчас после его заключения: обуздывается и обретает благую направленность вредоносная и хаотичная сила первого малайского правителя — Сери Три Буаны, вызывавшая тяжкий кожный недуг у его невест. Сери Три Буана женится на дочери местного старейшины, и его отношения с подданными принимают форму сулящего стране процветание брачного союза государя с малайской землей и народом, символом которого в хронике выступают бендахары. С не меньшей определенностью дают знать о себе и катастрофические последствия нарушения договора. Когда последний сингапурский и первый малаккский правитель Искандар-шах по ложному обвинению в измене предает позорной казни одну из наложниц, маджалахитские войска до основания разрушают Сингапuru.

Как и его пасейский предшественник, автор «Малайских родословий» описывает историю постепенного возвышения и стремительного падения государства. При этом он проявляет незаурядную эрудицию, свободно оперируя местными и общемалайскими мифами и легендами, этнологическими преданиями и народными песнями, родословиями государей, устными «мемуарами» знатных родов и множеством литературных источников.

Под пером хрониста история Малакки при верных изначальному договору потомках Искандара Двурогого превращается в непрерывное восхождение к вершинам славы. Основание города на сулящем удачу месте; превращение его в крупный торговый порт, воспринявший ислам от самого Пророка; отражение нападений спамцев; собиранье малайских земель — таковы основные вехи этого блистательного восхождения. Дворцовые перевороты, интриги и распри в среде высших придворных, случаи неповиновения вассалов — все это до поры до времени лишь частности, неспособные, по мнению хрониста, умалить величие целого. И изображая это величие, автор родословий прибегает ко всем доступным ему средствам: от традиционных описаний выигранных битв до любимых

им историй о малаккских дипломатах, хитроумных, находчивых, умеющих даже в самых неблагоприятных ситуациях защитить честь государя; от подробнейшего, красочного изображения пышных придворных церемоний, обычаев, запретов до рассказа о богатстве посещавших Малакку купцов и бесчисленных базарах города, столь густо населенного, что, отправляясь на его далекую окраину, не надо брать с собой огня, ибо повсюду путника окружают дома горожан. С подлинно имперским размахом хронист переносит нас из одного вассального княжества в другое, не забывая упомянуть об их истории, великих людях, внутренних неурядицах и природных богатствах.

В тех же случаях, когда ни военная сила, ни искусная дипломатия не помогают Малакке превзойти соперника, автор родословий сам «берется за оружие» и торжествует — символически. Так его стараниями или благодаря изобретательности его предшественника султан Мансур-шах одерживает убедительную победу в «борьбе престижей» с китайским императором. Подобно отношениям Сери Три Буаны с подданными, еще не обретшим правильности и законности, «неправильное» признание китайского сюзеренитета, засвидетельствованное поклоном Мансур-шаха императору, согласно рассказу хрониста, пробуждает к жизни вредоносный аспект магической силы султана, и повелитель Китая, как и невесты Сери Три Буаны, заболевает проказой. Исцелить его, однако, может не просто восстановление равных отношений, но не лишенное унизительности купание в воде, в которой прежде Мансур-шах вымоет ноги. Так автор родословий не только уравнивает Малакку с Китаем, но и лукаво намекает на превосходство родного города.

Итак, Малакка достигает зенита славы. Восшедшему на престол Махмуд-шаху достается в наследство обширная империя, включающая практически весь Малаккский полуостров и восточное побережье Суматры. Процветает торговля — главный источник доходов государства. На этом мажорная часть «Малайских родословий» близится к концу, но, прежде чем обратиться к изображению хронистом гибели города, необходимо присмотреться к его писательской манере, ибо иначе трудно оценить своеобразие минорной части хроники.

Автор «Малайских родословий» — не только историкограф-эрудит, но и талантливый литератор, простой, ясный и прозрачный стиль которого, признанный образцовым для малайской придворной прозы, замечательно гармонирует с его изобразительным мастерством, также оставшимся непревзойденным в малайской литературе. Важнейшей особенностью его стиля является стремление, по возможности избегая прямых оценочных высказываний, выражать свои мысли о событиях и людях с помощью тщательно отобранных и с графической наглядностью выписанных рассказов, в которых герои сами свидетельствуют о себе речами и поступками.

В литературном отношении особенно интересна та большая группа новелл, в которой даются портреты обитателей Малакки.

Каждая из них — законченная миниатюра с минимумом действия и скупо очерченной обстановкой, выразительная благодаря всякий раз точно найденному «пуанту» — меткой детали или острой реплике, в которых с предельной полнотой запечатлевается та или иная черточка персонажа. Герой как бы навсегда отмечается яркой деталью, и потому в памяти читателя надолго остаются и вдохновитель государственной политики — мудрый бендахара Перак, умеющий язвительной фразой поставить на место вельможу, вмешивающегося в его дела, и туменгунг Хасан — распорядитель на пирах, с изяществом танцора скользящий среди гостей и неприметным движением веера указывающий слугам на тот или иной промах, и горький пьяница — смотритель султанских слонов Сери Рама, срезавший чванливого миссионера остроумным рифмованным ответом по-арабски.

Стремясь сохранить для потомков все яркое и примечательное в жизни Малакки, хронист особенно чуток к тем эпизодам, в которых проявляется ум, изобретательность, какое-либо необычное умение его героев, и вместе с тем к их странностям и причудам, которые придают им живость, человеческую теплоту, своеобразность. К тому же автору, несомненно, присуще чувство юмора, не столь уж частое в средневековой малайской прозе.

Характерно, что правители — на первый взгляд главные герои хроники — изображены куда менее ярко, чем окружающие их придворные, в особенности бендахары Тун Перак и Тун Мутахир — ее подлинные протагонисты. Чем больше тот или иной султан соответствует заданному государственно-этической концепцией автора идеалу, тем меньше мы узнаем о нем как о человеке. При этом поступки персонажей настолько обусловлены местным бытом, традиционной системой ценностей, особенностями национальной психологии, что, не учитывая этих факторов, далеко не просто понять, хороши они или дурны в глазах ее автора.

Герои хроники, в особенности главные, редко появляются лишь в одном рассказе или компактной группе новелл. Обычно их история прерывистой линией проходит через значительную часть произведения, складывающегося из отдельных повествовательных «квантов»: жизнеописание одного из действующих лиц уступает место рассказу о другом, третьем, а потом вновь возобновляется, чтобы исчезнуть и вновь появиться. Благодаря этому вторая половина малаккской части родословий напоминает сложную плетенку из разноцветных прутиков, в которой каждый видится пунктирной линией, но, пересекаясь с другими, образует целостный узор. Продолжая эту аналогию, можно сказать, что ряды плетения «выравниваются» по периодам правления малаккских султанов, узор, в который слагаются «прутики», — это проведенная через судьбы героев этическая концепция автора, окраску же «прутикам» придает своеобразная каждая из судеб.

Весьма сложная техника «пунктирного» изображения персонажей не только превращает жизнеописания в податливый материал

для выражения авторских идей и создает впечатление если не разрывающихся, то по крайней мере раскрывающихся во все большей полноте характеров, но и, рождая иллюзию одновременного движения, беседы, переключки огромного множества людей с их страстями и привязанностями, увлечениями и чудачествами, формирует поразительную по своей жизненности атмосферу «Малайских родословий», в которой отчетливо слышатся ностальгические нотки. Не только «официальная» тоска по былому величию и могуществу, но и попросту личная грусть о неповторимой яркости прошлого — его быта и людей, одаренных и столь непохожих один на другого.

Особую выразительность эта техника придает рассказу о гибели Малакки. Подобно разгрому Пасея, падение Малакки объясняется в родословиях нарушением государственной этики — жестокой и несправедливой казнью бендахары Туна Мутахира и всей его семьи по повелению султана Махмуд-шаха. Однако в отличие от своего пасейского предшественника малаккский хронист не посвящает этим событиям отдельной «повести в повести», выдержанной в тонах эпического сказа. Прибегая к «пунктирной» манере, он вплетает новеллы, из которых слагаются образы бендахары и султана, в целостную ткань малаккской истории и делает это с таким композиционным мастерством, что противостояние главных героев становится сквозной темой значительной части хроники. Отражаясь той или иной гранью в повествовании о судьбах других персонажей, эта тема неизменно стремится к трагической развязке и, в свою очередь, в каждый момент развития светится ее отраженным светом.

Впервые хроника сообщает о будущем бендахаре еще в разделе о временах Музаффар-шаха. Вновь появляется Тун Мутахир лишь в годы правления Алауддина, чтобы выслушать от султана упрек в плохой осведомленности о бесчинстве в Малакке воров. Туменгунг устраивает охрану города и приказывает казнить одного из малаккцев, провинившегося перед юным Махмуд-шахом. Узнав об этом, воспитатель Туна Мутахира, бендахара Перак восклицает: «Взгляните-ка на Сери Махараджу (титул Туна Мутахира.— В. Б.), который учит тигренка есть мясо, как бы тот потом на него самого не бросился!» Так впервые перекрещиваются судьбы героев, встреча которых не сулит ничего доброго. Еще более мрачные предчувствия вызывает предсмертное предсказание Перака: «Мутахир, ты будешь великим мужем и славой превзойдешь меня, но не полагайся на то, что ты — дядя государя, иначе не миновать тебе смерти».

Махмуд-шах становится султаном и ознаменовывает начало правления казнью одного из самых видных сановников. Это вновь отблеск грядущей развязки, и их еще немало впереди. А пока что от несправедливой казни автор переходит к покушению на чужое — любовным похождениям султана. За одно из них платит жизнью пекий Тун Али, а заодно и его убийца — Тун Исак; второе едва не приводит к гибели самого Махмуд-шаха. Затем следует серия

повелл о фаворитах султана — людях незаурядных, но алчных и пренебрегающих службой, и наконец, рассказ о тайно подстроенном Махмуд-шахом, умеющим скрывать свой гнев, убийстве — на этот раз брата, красавца и щеголя Зайн аль-Абидина, пользовавшегося большим, чем он, успехом у женщин. Сколь ни ужасающей деяния Махмуд-шаха, хронист не изображает его одной лишь черной краской. Натура султана показана противоречивой и сложной, однако в решающих случаях в ней берет верх потворство страстям, и именно оно превращает «тигренка» в тигра.

На все это время Тун Мутахир исчезает со сцены и вновь появляется лишь после того, как по совету матери Махмуд-шах вручает ему традиционную чернильницу бендахар и делает вторым человеком в государстве. При нем Малакка процветает. Он справедлив, щедр и так заботится о купцах, что становится одним из символов города. Аллах одарил его многочисленными детьми и внуками, но и в преклонном возрасте он по-прежнему хорош собой и любит постоять перед высоким, в человеческий рост, зеркалом и посоветоваться с женой, какой тюрбан подойдет к его костюму. Но, главное, он столь богат и могуществен, что встает лишь перед наследником престола, а султан Махмуд-шах, покуда благоволяющий к нему, утверждает, что оскорбление, нанесенное бендахаре, все равно что оскорбление самого венценосца. Однако, заканчивая эту серию рассказов вполне оптимистически, хронист заставляет приглушенно звучать и основную тему. Брат бендахары осмотрительно отдает в жены султану свою дочь. Тун Мутахир, уповая на расположение Махмуд-шаха, так не поступит и погибнет.

Поочередно сменяют друг друга эпизоды контрастно сопоставленных жизнеописаний, и, когда параллельно раскрывающиеся характеры окончательно очерчены, хронист решительно сводит героев. Однако казнь бендахары для него — причина падения Малакки, и потому он предваряет описание трагических событий предсказанием португальского капитана: «Покуда жив бендахара Сери Махараджа, Малакка не падет». Это последнее в цепи предсказаний. Отныне гибель бендахары предрешена.

Причиной ее вновь становится неумное женолюбие Махмуд-шаха — страсть к дочери бендахары красавице Фатиме и обида на «недогадливого» отца, не отдавшего ее султану. Читатель, знакомый с тем, как кончаются затаенные вспышки государева гнева, понимает всю серьезность положения, а хронист, как бы бросая прощальный взгляд на любимого героя, завершает портрет бендахары рассказами о его чудачествах. На этот раз мы видим составившего Туна Мутахира в кругу семьи: он балует детей и внуков, давая для игр младшим по пригоршне золотого песка и снисходительно улыбаясь, когда старшие после неудачной охоты «охотятся» на буйволов в его загоне.

Сразу за этими идиллическими сценами следует усиливающий напряжение эпизод, в котором бендахара резко одергивает именно того тамильского купца, осмелившегося в нарушение этикета при-

ветствовать его во дворце государя. Этот эпизод обладает двойной значимостью: во-первых, еще раз подчеркивает преданность бендахары султану, во-вторых, укрепляет купца в мысли, что Тун Мутахир завидует его богатству и готов его погубить.

Дальнейшие события разворачиваются стремительно: почной визит к купцу его должника и оговор бендахары, донос на него фавориту султана — лаксамане, клевета лаксаманы, уверяющего Махмуд-шаха, будто Тун Мутахир задумал узурпировать власть. Наконец-то у султана, терпеливо ожидавшего своего часа, развязаны руки. Тотчас в дом бендахары отправляются палачи, и Тун Мутахир, непреклонный в верности изначальному договору, спокойно и твердо принимает смерть. Султан, кажется, может торжествовать: он обрел желаемое. Но брак ценой преступления не приносит ему радости. Разучившаяся улыбаться Фатима, последняя, а возможно, и первая настоящая любовь султана, приближенный им Хамза, единственный потомок бендахары, переживший побойще, — все вызывает угрызения совести, которую не успокоит расправой с клеветниками. Отрекшись от престола, Махмуд-шах удаляется от мира, чтобы в суфийской мудрости обрести утраченное равновесие. Накануне захвата города мы видим Махмуд-шаха одиноко скачущего по равнине в сопровождении единственного слуги, затаптывающего следы коня — султан никого не желает видеть — и на бегу сворачивающего господину порцию бетеля. А затем унылый исход из города, испившего по его вине чашу божьего гнева, попытки возродить прежнюю славу государства и новое преступление — убийство сына Ахмада.

Так, в соответствии с гуманной для своего жестокого века концепцией общественного договора, автор «Малайских родословий» показывает, что справедливость ведет государство к процветанию, а тирания губит его, и делает это с замечательным и порой удивляющим своей современностью мастерством.

Нисхождение на гору Си Гунтанг Махамеру

Рассказывают, что некогда в земле Анделас в городе Палембанг* правил государь по имени Деманг Лебар Даун, ведущий свой род от потомков Раджи Шулана; город же его стоял в устье реки Татанг*. В нижнем течении в нее впадала река Мелайю, протекавшая у подножия горы Си Гунтанг Махамеру. Там жили две вдовы — Ван Эмпок и Ван Малини — и сообща возделывали рисовое поле на склоне Си Гунтанг Махамеру. Поле их было весьма обширно и родило так много риса, что и не передать словами.

Однажды ночью, незадолго до того, как рис созрел, Ван Эмпок и Ван Малини увидели из дома сияние, подобное пламени на вершине горы. Спросили они друг у друга: «Что это за сияние пламенеет там так ярко, что страшно взглянуть?» Сказала Ван Малини: «Тише, как знать, не волшебный ли это камень во лбу дракона».

И Ван Эмпук с Ван Малини в испуге замолкли, после же улеглись спать.

На следующее утро, пробудившись ото сна и умывшись, Ван Эмпук сказала Ван Малини: «Давай поглядим, что это сияло там ночью». Ответствовала Ван Малини: «Давай поглядим». Вдовы отправились на гору Си Гунтанг и увидели, что колосья их риса стали золотыми, листья — серебряными, а стебли — из драгоценного сплава меди и золота. И воскликнули Ван Эмпук и Ван Малини: «Так вот что мы видели нынче ночью!»

Поднявшись же на гору Си Гунтанг, они обнаружили, что вся земля на ее вершине превратилась в золото. А в иных повествованиях сообщается, что она и доныне словно бы золотая. И на той золотой земле Ван Эмпук и Ван Малини увидели трех несказанно прекрасных юношей, облаченных в царские одежды и короны, усыпанные самоцветами, восседавших на белом слоне. Ван Эмпук и Ван Малини остолбенели от изумления и, пораженные, принялись разглядывать тех юношей, необычайно прекрасных, стройных станом, облаченных в одеяния редкостной красоты. Про себя же подумали: «Верно, благодаря этим юношам колосья риса превратились в золото, листья — в серебро, стебли — в драгоценный сплав, земля же сделалась золотой».

И спросили Ван Эмпук и Ван Малини у юношей: «Откуда явились вы, господа, и кто вы — дети джиннов или пери? Давно уже обитаем мы в этих краях, но до сих пор не видели окрест ни души. Люди сюда не забредают, а вас мы встретили лишь сегодня». Ответствовали юноши: «Мы не джинны и не пери, но потомки Искандара Зулькарнайна, происходящие от государя Нуширвана, повелителя востока и запада, и ведущие свой род от государя Сулеймана — мир ему! Одного из нас зовут Бичитрам, другого — Паладутани, третьего же — Нилатанам». Спросили тогда Ван Эмпук и Ван Малини: «Если вы потомки Искандара, что вас сюда привело?» И в ответ юноши поведали им историю о том, как Искандар Зулькарнайн женился на дочери раджи Кида Хинди и как раджа Чулан спустился на дно морское.

Вновь спросили Ван Эмпук и Ван Малини: «А чем подтвердите вы правдивость своих слов?» И юноши ответствовали: «Сии короны — свидетельство нашего происхождения от Искандара Зулькарнайна. О матушки, если вы не верите нашим словам, то вот им подтверждение: оттого что мы спустились на эту гору, колосья вашего риса превратились в золото, листья — в серебро, стебли — в драгоценный сплав, земля же на вершине горы сделалась золотой».

Услышав те слова, Ван Эмпук и Ван Малини поверили царевичам и, исполненные великой радости, отвели их в свой дом. Убрал рис, вдовы разбогатели, и причиной тому была их встреча с царевичами.

Тот, кому ведома эта повесть, рассказывает, что Палембанг, который стоит и поныне, был в прежние времена весьма обширным

городом, равного коему не сыскалось бы во всей земле Анделас. Когда до государя Палембанга — Деманга Лебара Дауна дошли слухи о том, что Ван Эмпок и Ван Малини встретили царевичей, сошедших с небес, он явился в дом, где жили вдовы, дабы взглянуть на царевичей, и забрал их в свой город.

Меж тем весть, что потомки Искандара Зулькарнайна спустились с горы Си Гунтанг Махамеру и ныне пребывают в Палембанге, разнеслась по всем сопредельным странам, и государи тех стран явились в Палембанг, дабы предстать перед ними. Обитатели Анделаса пригласили старшего из царевичей править в стране минангабау, где он и воцарился, приняв имя Санг Сапурба. Вслед за тем прибыли посланцы из Танджунг Пуры*, позвали среднего царевича властвовать у них, и тот, взойдя на престол, стал зваться Мениака. Младший же остался в Палембанге у Деманга Лебара Дауна (который поставил его государем над своей страной) и принял тронное имя Санг Утама. Сам же Деманг Лебар Даун отказался от престола и стал при нем главным везиром.

У Ван Эмпок и Ван Малини был серебристо-белый буйвол, и вот однажды по промыслу Аллаха Всевышнего из его пасти изверглась пена, а из пены возник человек по имени Бат и, поднявшись на ноги, произнес: «Слава его величеству Шри Махарадже, повелителю всей Суварнабхуми, чью корону украшают мощь и счастье победы*...»

Бат дал государю титул Сери Три Буана. И от потомков Бата пошли те, кто в прежние времена читал торжественную молитву на коронации.

День ото дня преумножалась слава царства Сери Три Буаны, и обитатели его страны, мужчины и женщины, отовсюду стекались пред лицо государя, дабы почтительно его приветствовать. Он же одаривал их почетными одеждами и награждал титулами аванг и дара, и от них-то пошли благородные юноши — аванги и благородные девицы — дары.

Утвердившись на царстве, его величество пожелал жениться. Если дочь какого-либо государя была хороша собой, он брал ее в жены, проводил с ней ночь, а утром, увидев, что тело царевны, которой он овладел, покрылось коростой, оставлял ее. Так было с сорока без одной царевнами, покуда однажды государю не донесли, что у Деманга Лебара Дауна есть дочь по имени Ван Сендари, несказанно прекрасная лицом, не знавшая себе равных в те времена. Сери Три Буана посватался к ней, и тогда Деманг Лебар Даун отвечал ему с почтительным поклоном: «Если господин разделит ложе с дочерью его низжайшего раба, она непременно заболит, как и другие, однако, если его величество все-таки ее желает, пусть заключит со своим рабом договор, и тогда низжайший раб повергнет дочь к его стопам». Деманг Лебар Даун был первым, кто произнес слова «его величество» и «низжайший раб».

И спросил Сери Три Буана: «В чем же я должен поклоняться, о отец мой?» С почтительным поклоном отвечал Деманг Лебар

Даун: «О господин мой, пусть все мои потомки станут рабами у ваших ног и пусть ваши потомки будут к ним милостивы. Если же мои потомки в чем-либо провинятся, пусть их не позорят и не унижают дурными словами, а если вина будет велика, пусть казнят их по законам шарпата». Молвил его величество: «Я дам такую клятву, о отец мой, однако хочу взять клятву и с тебя». С почтительным поклоном спросил Деманг Лебар: «Какую же клятву я должен принести, о господин мой?» Молвил Сери Три Буана: «Пусть до окончания веков твои потомки не изменяют моим; сколь бы жестоки и злонаправлены те ни были». С почтительным поклоном сказал Деманг Лебар Даун: «Да будет так, о господин мой, однако если твои потомки первыми нарушат эту клятву, то и мои вправе ее нарушить». Молвил Сери Три Буана: «Да будет так, и да исполнится наш договор!» С теми словами они поклялись друг другу: да перевернет Аллах — преславлен Он и возвышен! — дом того, кто нарушит этот договор, крышей вниз, а основанием свай — вверх. Вот почему по милости Аллаха — преславлен Он и возвышен! — малайские государи не бесчестят своих рабов-малайцев и, как бы ни велика была их вина, не связывают их, не вешают и не позорят дурными словами. А если кто из государей унижит малайца, то сие есть знак, что Аллах найдет погибель на его страну. Малайцы же по милости Аллаха — преславлен Он и возвышен! — не изменяют государю и не отверщаются от него, сколь бы ни был он злонаправлен и жесток.

Когда они заключили договор и скрепили его нерушимой клятвой, Деманг Лебар Даун поверг свою дочь Ван Сендари к стопам Сери Три Буаны, а тот взял Ван Сендари в жены и с наступлением ночи возлег с ней на ложе. Наутро же его величество увидел, что тело Ван Сендари чисто и, весьма обрадованный, повелел донести о том Демангу Лебару Дауну, который тотчас же явился к государю и, убедившись, что его дочь здорова и никакая опасность ей не грозит, также исполнился ликования.

И Деманг Лебар Даун стал готовить все необходимое, дабы Сери Три Буана мог совершить омовение, и повелел построить семейрусную купальню с пятью шпильми, которую возвел Бат. Когда купальня была готова, Деманг Лебар Даун начал предсвадебное бдение и сорок дней и сорок ночей под громовые звуки оркестра пировал и веселился с отпрысками княжеских родов, везирами, евнухами, вестниками, военачальниками и подданными низкого звания. Слуги же зарезали для того пира множество буйволов, быков, коз и овец. Когда же пир кончился, вокруг, точно горы, громоздились подгоревшие рисовые корки, оставшаяся от варки вода разлилась, словно океан, а головы буйволов и быков, плававшие в ней, походили на острова.

По прошествии сорока дней и сорока ночей процессия придворных под звуки оркестра принесла в купальню воду в золотых сосудах, изукрашенных самоцветами. Сери Три Буану и царевну Ван Сендари семь раз торжественно пронесли вокруг купальни,

и Бат совершил их омовение. Искупавшись, Сери Три Буана облачился в нижний кайн, а поверх него — в кайн из ткани даранати дармани. Царевна же надела кайн из ткани даймани. В уборах государей супруги воссели: один — на троне, другой — на львином престоле, украшенных золотом. Меж тем подали свадебный рис, и государь с государыней отведали его. Потом слуги внесли золотые пятизубчатые венцы, и Бат возложил их на головы Сери Три Буаны и Ван Сендари. Тогда Сери Три Буана поднялся, одарил всех вельмож почетными одеждами и удалился во внутренние покои. А все собравшиеся разошлись по домам.

Проведя некоторое время в Палембанге, государь задумался о том, как бы ему полюбоваться морскими просторами, и приказал позвать к себе Деманга Лебара Дауна, который не мешкая предстал перед ним. И молвил Сери Три Буана: «Что думаете вы, отец, о моем желании выйти в море и поискать места, пригодного для основания города?» С почтительным поклоном отвечивал Деманг Лебар Даун: «Да будет так, о мой господин. Если вы отправитесь в плавание, ваш раб последует за вами, ибо он не в силах с вами разлучиться». Молвил Сери Три Буана: «Если так, собирайся в путь!» Деманг Лебар Даун почтительно склонился перед государем и, выйдя от него, приказал готовиться в дорогу. Когда же все было готово, оставил в Палембанге младшего брата и так ему сказал: «Оставайтесь, о господин, управлять страной, ибо я отплываю с его величеством и последую за ним, куда бы он ни направился». Ответствовал брат Деманга Лебара Дауна: «Да будет так, я исполню всякое повеление господина».

И Сери Три Буана отправился в путь. Государь плыл на золотом корабле, заповедном для женщин, государыня — на серебряном корабле, Лебар Даун же, везиры и военачальники — всякий на своем судне. Неисчислимое множество парусников вышло в море. Их мачты были подобны деревьям, флажки и стяги — облакам, чередой плывущим по небу, зонты раджей — тучам. И столь много было тех парусников, сопровождавших корабль Сери Три Буаны, что, казалось, они заполнили все море.

В Сингапуре

Когда суда вышли в море, внезапно налетела буря, волны стали захлестывать корабль государя, и, сколько ни вычерпывали воду, вычерпать не могли. Тогда капитан приказал выкинуть за борт все, что было на корабле, и хотя матросы выбросили весь груз, вода на корабле не убывала. Меж тем корабль достиг Телока Беланга, и капитан, почтительно склонившись пред Сери Три Буаной, сказал: «О господин, по моему разумению, корабль тонет из-за тяжести вашей державной короны, ибо остальной груз уже брошен за борт. Ежели не выбросить и ее в море, нам не спасти корабля». Молвил Сери Три Буана: «Если так, выбрасывайте корону!» Корону бро-

сили в море, и в тот же миг буря утихла, корабль перестал топать, и гребцы направили его к берегу.

Когда корабль причалил к берегу, Сери Три Буана со своими людьми вышел на песок размяться и пособирать ракушки. Потом его величество отправился полюбоваться равниной в устье Темасика и увидел там на редкость проворного зверя, который имел тулово красное, морду — черную, а грудь — белую, был ловок и силен, ростом же немного превосходил длинношерстого козла. Заприметив людей, он кинулся наутек и вмиг скрылся из виду. Спросил Сери Три Буана, обратясь к своим спутникам: «Что это был за зверь?» — но никто того не ведал. Один лишь Деманг Лебар Даун отвечал с почтительным поклоном: «О господин, мне доводилось слышать, что так выглядят львы. Потому, думаю, это был лев».

Повелел тогда Сери Три Буана Индре Бупале: «Возвращайся к матушке моей, государыне Ван Сери Бениан и скажи, что я покамест не вернусь в Бентан. Ежели она меня любит, пусть пришлет людей, слонов и коней, ибо я желаю основать в Темасике город». Индра Бупала пустился в обратный путь, прибыл в Бентан и, представ перед Ван Сери Бениан, почтительно передал ей слова Сери Три Буаны. Молвила Ван Сери Бениан: «Да будет так, я исполню всякое желание моего сына». Сказав же это, послала его величеству несметное множество людей, слонов и коней. И Сери Три Буана основал в Темасике город, коий назвал Сингапура — Город Льва.

<...> По прошествии некоторого времени на Сингапуру напали меч-рыбы. Они кидались на людей на побережье и убивали их, одним проткнув насквозь грудь, другим снеся голову, третьим пронзив спину. Так меч-рыбы погубили несметное множество жизней, и люди в панике бросились к государю, крича: «Меч-рыбы напали на нас и погубили столько народу, что и не счесть!» Его величество воссел на слона, выехал из дворца в сопровождении везиров, военачальников, евнухов и вестников и, прибыв на побережье, подивился тому, что увидел, ибо всякому, на кого набрасывались меч-рыбы, не было спасения. Убитых становилось все больше и больше, и тогда государь повелел возвести на берегу частокол из стволов бетиса. Однако же меч-рыбы перепрыгивали через него, и те, кого они поражали, падали замертво. Словно ливень с небес, обрушивались они на людей, и павшим от их ударов не было числа.

Видя это, сказал какой-то мальчик: «К чему нам частокол из бетиса, возводя который мы только себя обманываем? Не лучше ли построить его из банановых стволов». Услышав те слова, молвил его величество Падука Сери Махараджа*: «Воистину справедливы речи этого мальчика». И тотчас кликнул своих людей, дабы они возвели укрепления из банановых стволов. Когда меч-рыбы кидались на эти укрепления, мечи застревали в стволах банана, и подоспевшие на помощь воины рубили рыб парангами на куски. Так погибло несметное множество меч-рыб, и никто уже более не угрожал сингапурцам.

Падука Сери Махараджа возвратился во дворец, и тогда с почтительным поклоном сказали ему придворные: «Когда этот мальчик вырастет, он станет безмерно умен. Не лучше ли, пока не поздно, его убить?» Молвил его величество: «Воистину справедливы ваши слова» — и повелел казнить мальчика. Когда же мальчика казнили, он возложил бремя вины на весь город.

Процарствовав двенадцать с половиной лет, Падука Сери Махараджа скончался, и на престол взошел его сын Сери Султан Искандар-шах. Его величество взял в жены дочь Туна Перпатиха Тулуса и имел от нее сына, которого назвали Раджа Кечил Бесар.

У его величества был казначей по имени Ранджуна Тапа, потомок коренных сингапурцев, дочь которого, девицу редкостной красоты, государь сделал своей наложницей и очень полюбил. Тогда другие наложницы оклеветали ее перед государем, сказав, что она ему не верна. Султан Искандар-шах в страшном гневe повелел посадить дочь Ранджуны Тапы на кол на базарной площади. При виде того, как обошлись с его дочерью, сказал Ранджуна Тапа, охваченный стыдом: «Если моя дочь провинилась, надлежало ее казнить, а не подвергать такому бесчестью». И Санг Ранджуна Тапа послал на Яву письмо, гласившее: «Ежели повелитель Маджапахита желает напасть на Сингапур, пусть не мешкая приходит с войском, ибо я, находясь в городе, окажу ему помощь».

Выслушав, о чем говорилось в письме казначея сингапурского государя, повелитель Маджапахита приказал тотчас снарядить три сотни джонок, а сверх того несметное множество гребных судов, барок и долбленых лодок-однодревок и с двумястами тысячами воинов выступил в поход. Придя же под стены Сингапуры, вступил в бой с защитниками города. Через несколько дней Султан Искандар-шах повелел казначею выдать воинам риса, но Санг Ранджуна Тапа, замысливший измену, ответствовал, что рис кончился. На рассвете он открыл городские ворота, и яванцы, ворвавшись в город, в амоке бросились на сингапурцев, укрывшихся за стенами. Столь много воинов с обеих сторон полегло в том бою, что кровь, словно вода в половодье, затопила всю прибрежную часть города, и следы ее сохранились до сего дня на равнинах Сингапуры.

Сингапурцы проиграли битву, и Султан Искандар-шах бежал из Салетара в Муар. Что же до Санг Ранджуны Тапы, то по воле Аллаха его дом рухнул, сам же он и его жена обратились в камни, кои доныне видны во рву Сингапуры. А яванцы, одержав победу, возвратились в Маджапахит.

Основание Малакки

Султан Искандар-шах вернулся на берег моря и при впадении в него реки Бертам остановился под деревом, решив поохотиться. На его охотничью собаку напал мышинный оленек, и молвил тогда султан Искандар-шах: «Верно, хорошее это место, раз даже оленики в нем такие храбрые. Подобаet нам основать здесь город».

С почтительным поклоном сказали его вельможи: «Воистину справедливы слова вашего величества!» И, приказав заложить в том месте город, спросил государь: «Как называется дерево, под которым я стою?» Ответствовали его приближенные: «Оно зовется Малакка, о господин наш». Молвил его величество: «Если так, то и город мы назовем Малаккой».

Султан Искандар-шах поселился в Малакке и учредил обычаи государей. Это он первый посадил в зале для приемов четырех везиров, дабы те давали наставления всем, кто в нем пребывал, поставил на почетных местах по правую и левую руку от себя по сорок вестников, передававших его приказы, и сделал сыновей знатных господ посыльными, вменив им в обязанность носить знамя достоинства государя <...>

Как-то ночью государь* увидел во сне прекрасный лик пророка Мухаммада, избранника Божьего — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — конй повелел ему: «Повторяй: Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Его Посланник». Раджа Тенгах исполнил повеление Посланника — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — и тот сказал: «Возьми себе имя Мухаммад и знай: завтра после полудня придет корабль из Джидды*, с которого на берег Малакки сойдет некий человек. Исполни все, что он скажет». С почтительным поклоном отвечивал Раджа Тенгах: «Да будет так!» — и когда сказал это, Пророк Аллаха исчез.

Проснувшись поутру, Раджа Тенгах увидел, что над ним совершено обрезание и что с его языка непрестанно слетают слова: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Его Посланник». Дворцовые девушки изумились, услышав, что государь без устали произносит какие-то слова на неведомом языке, а везиры сказали: «Страшимся мы, не вселился ли в государя бес и не одолело ли его безумие. Давайте не мешкая сообщим обо всем бендахаре». Дворцовые девушки поспешили к бендахаре и донесли о случившемся. Он же явился во дворец и увидел, что государь и вправду не перестает повторять: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Его Посланник».

Спросил бендахара: «На каком языке говорит ваше величество?» Ответствовал государь: «Нынешней ночью я видел прекрасный лик Пророка» — и с теми словами пересказав бендахаре свой сон. Спросил бендахара: «А в чем свидетельство того, что сон государя был истинным?» Ответствовал его величество: «Надо мной совершили обрезание, и сие есть свидетельство, что я воистину видел во сне Посланника Божьего — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир! Сверх того, Посланник сказал мне, что ныне после полудня придет корабль из Джидды, с корабля сойдет некий человек и станет молиться на малаккском берегу. Я же должен исполнить всякое его слово». И сказал бендахара: «Если сегодня после полудня к нам вправду придет тот корабль, то сон ваш был истинным. Если же нет, то он — лишь дьявольское

прельщение». Молвил государь: «Воистину справедливы твои слова». И бендахара, побеседовав с государем, вернулся домой.

После полудня прибыл корабль из Джидды и бросил якорь в малаккском порту. С корабля сошел махдум по имени Саид Абд аль-Азиз и начал молиться на берегу моря. Люди, видевшие его, дивились телодвижениям махдума и спрашивали друг друга: «Отчего он все раскачивается из стороны в сторону?» Толпы людей устремились поглядеть на то зрелище, заполнили весь берег так, что нельзя было меж ними протиснуться, и подняли страшный шум. Услышав этот шум, государь не мешкая воссел на слона, в сопровождении вельмож отправился на берег и, увидев молящегося махдума, понял, что сон его был истинным. Молвил тогда государь бендахаре и вельможам: «Все точь-в-точь, как было в моем сне».

После того как махдум Саид Абд аль-Азиз закончил молитву, его величество заставил слона опуститься на колени, усадил ему на спину махдума и отвел к себе во дворец. Тогда бендахара вместе со всеми вельможами обратился в ислам, а государь повелел принять эту веру всем малаккцам от мала до велика, стал учиться у махдума и принял титул султан Мухаммад-шах. Что же до бендахары, то он стал зваться Сери Нара Дираджа (<...>)

Несколько лет провел государь на престоле, справедливо и заботливо правя своими подданными. За те годы Малакка сильно разрослась, множество купцов стало посещать ее, и малаккские владения расширились на западе до Бериас Уджунга, а на востоке — до Тренгану Уджунг Каранга. И от подветренных до наветренных стран разнеслась весть, что Малакка — великий город, в коем царствует государь, ведущий род от Искандара Зулькарнайна. Владыки многих стран стали ездить на поклон в Малакку к султану Мухаммад-шаху, и его величество с почестями принимал их, жаловал дорогими одеждами, всевозможными дарами, серебром и золотом без счета.

Султан Малакки и китайский император

Меж тем весть о величии малаккского государя* достигла пределов Китая, и китайский император отправил в Малакку гонца с посланием и дарами — полным кораблем игл. Когда гонец прибыл в Малакку, его величество повелел встретить послание китайского императора и в торжественной процессии доставить во дворец. Во дворце вестники приняли то послание и передали чтецу, который прочитал: «Сие есть послание из-под стоп небесного владыки государю Малакки. Дошло до нас, что правитель Малакки — великий государь, и мы желаем установить с ним дружбу. Во всем свете не найти властелина могущественнее нас, и никому не ведомо число наших подданных. Мы попросили дать по игле от каждого дома и, нагрузив ими полный корабль, посылаем его в Малакку».

Выслушав послание китайского императора, султан Мансур-шах улыбнулся и повелел, выгрузив иглы, наполнить корабль доверху жареным саго. После же приказал Туну Перпатиху Путиху, младшему брату бендахары Падуки Раджи, отвезти саго с его посланием в Китай. Тун Перпатих Путих отправился в путь и через некоторое время достиг пределов Китая. А китайский император повелел в торжественной процессии доставить послание в дом главного министра по имени Лин Хо.

На следующее утро перед рассветом Лин Хо со всеми вельможами явился во дворец, дабы предстать перед императором. Тун Перпатих Путих присоединился к ним, а следом ко дворцу слетелись вороны. Перед первыми внешними дверями Лин Хо и сопровождавшие его вельможи остановились. Послышался громкий удар гонга, Лин Хо со спутниками вошел, и вороны последовали за ними. У следующих дверей все вновь остановились, вороны сделали то же самое и после второго удара в гонг вошли вслед за вельможами. Так они миновали семь дверей, и к восходу солнца достигли зала для приемов, где собралось так много придворных, что они касались друг друга коленями. Тогда вороны расправили крылья, заслонив всех, кто был в зале, послышались раскаты грома, скрепящаясь, засверкали молнии, подавая знак к выходу императора, и он появился в зале, смутно различимый за стеклянными стенками паланкина, покоившегося в пасти дракона. При появлении императора придворные наклонили головы и более не поднимали их во все время приема, чтец же стал читать малаккское послание, и император, выслушав его, весьма возрадовался. Меж тем слуги внесли жареное саго и поставили перед императором, который спросил: «Как это приготовили?» С почтительным поклоном отвечивал Тун Перпатих Путих: «О господин мой, наш государь повелел каждому из своих подданных истолочь по зернышку саго и так наполнил целый корабль. У него столько подданных, что никто не ведает их числа». Молвил император: «Воистину велик государь Малакки, и подданных у него не меньше, чем у нас. Он достоин стать нашим зятем». После же сказал, обратясь к Лин Хо: «Ежели государь Малакки так могуществен, что может повелеть своим людям толочь саго, то тем более нам подобает поступить по его примеру — пусть рис, который нам подают к столу, отныне не лущат, но толкут!» С почтительным поклоном отвечивал Лин Хо: «Да будет так!» Вот почему донныне китайские императоры едят не лущеный, но толченый рис.

Что же до Туна Перпатиха Путиха, то он, являясь на прием, унизывал все пальцы перстнями, и, если кто-либо из придворных заглядывался на какой-то перстень, дарил его. Если другой перстень был по душе кому-то еще из придворных, одаривал и того и так поступал каждый день, приходя на прием.

Однажды китайский император спросил Туна Перпатиха Путиха: «Какое у малайцев любимое блюдо?» С почтительным поклоном отвечивал Тун Перпатих Путих: «О господин мой, вапи

рабы более всего любят побеги व्यонка-кангконга, нарезанные не поперек, но вдоль стебля». Тогда император повелел приготовить побеги кангконга так, как просил Тун Перпатих Путих. Когда же блюдо было готово, его поставили перед Туном Перпатихом Путихом и малайцами, сопровождавшими его, те стали есть длинные стебли, высоко поднимая их и задирая головы, дабы поймать стебли губами, и так Тун Перпатих Путих и малайцы смогли увидеть императора.

Вскоре подул благоприятный для возвращения муссон, и император повелел Лин Хо снаряжать в дорогу свою дочь по имени Хан Лю, дабы препроводить ее в Малакку. Тот стал готовить царевну в путь, и, когда сборы завершились, император определил ей в свиту пять сотен юных высокородных девиц, старшим же над ними поставил одного из главных министров. Едва лишь все было готово, Тун Перпатих Путих отплыл домой и, проведя некоторое время в пути, достиг Малакки.

Султану Мансур-шаху почтительно донесли, что Тун Перпатих Путих возвратился из Китая и привез с собой дочь китайского императора. Его величество, весьма тем обрадованный, повелел вельможам и военачальникам устроить прибывшим торжественный прием. Посланцев встретили с великими почестями и доставили во дворец. Там султан Мансур-шах с изумлением воззрелся на красоту царевны Хан Лю, дочери императора, повелел ей принять ислам и, когда царевна стала мусульманкой, сочетался с ней браком. И от того брака у его величества родился сын, коему дали имя Падука Мимат <...>

Его величество отправил Туна Теланей и везира Джана Путру в Китай, впервые посылая с ними поклон императору, зятем которого стал. Тун Теланей и Джана Путра отплыли к берегам Китая, однако же по произволению Всевышнего их корабль попал в сильный шторм и был отнесен в Бруней*. Тун Теланей и Джана Путра явились во дворец, дабы предстать пред раджей Брунея, и тот спросил, обратясь к Туну Теланею: «Что говорится в послании государя Малакки китайскому императору?» Почтительно отвечивал Тун Теланей: «Оно гласит: „Поклон царственному отцу от раба, государя Малакки“». Спросил раджа Брунея: «Стало быть, султан Малакки в письмах кланяется китайскому императору?» Тун Теланей не нашелся что ответить, и тогда почтительно молвил везир Джана Путра: «Нет, о господин мой, ведь слова „раб“ и „рабы“ звучат по-малайски одинаково — „сахайя“, стало быть, не наш царственный отец-султан, а мы, рабы государя Малакки, кланяемся в письме императору». Услышав те слова, раджа Брунея примолчал.

Когда задул благоприятный муссон, Тун Теланей и везир Джана Путра испросили соизволения возвратиться домой. Государь же Брунея отправил с ними в Малакку послание, которое гласило: «Ваш царственный сын кланяется своему царственному отцу». Через некоторое время Тун Теланей и Тун Джана Путра прибыли

и Малакку, почтительно поднесли султану Манеур-шаху послание брунейского раджи и рассказали обо всем, что с ними произошло. Султан весьма возрадовался, выслушав их рассказ, одарил обоих почетными одеждами и при том без конца восхвалял везира Джана Путру.

Теперь расскажем об императоре Китая. После того как его посланцы, проводив царевну, дочь императора, и Туна Перпатиха Путиха, возвратились домой, письмо государя Малакки в торжественной процессии было доставлено во дворец. Когда его принесли в зал для приемов, император повелел главному министру прочитать послание и, постигнув его смысл, весьма возрадовался, что государь Малакки шлет ему поклон. Однако в то же мгновение неведомый недуг сразил императора, и все его тело покрылось коростой.

Император послал за лекарем, прося средство для исцеления, но, как тот ни усердствовал, ему не удалось вылечить императора. Тогда император призвал еще несколько сотен лекарей, дабы исцелили его, но их всех также постигла неудача. Тогда с почтительным поклоном сказал ему лекарь, возрастом превосходящий остальных: «О господин мой, блистательный владыка, вы больны проказой, которую не исцелить никому из ваших рабов, ибо причина ее необычна». Спросил император: «Что же это за причина?» С почтительным поклоном отвечивал старый лекарь: «Причина этой напасти в том, что государь Малакки кланяется вам в письме. Если вы не изопьете воды, в которой государь Малакки вымоет ноги, и не искупаетесь в той воде, вам не одолеть недуга».

Услыхав почтительные слова старого лекаря, его величество отправил посланца в Малакку, прося доставить ему воду, в которой государь Малакки вымоет ноги. Посланец собрался в дорогу, отправился в Малакку и, проведя в пути некоторое время, достиг города. Султана Мансур-шаха почтительно известили о его прибытии, сказав: «Явился посланец из Китая и просит воды, в которой вы вымоете ноги». Султан Мансур-шах вышел в зал для приемов, где перед ним предстали придворные, повелел торжественно встретить послание и с почетом доставить его в зал. Когда же послание принесли, приказал чтецу его прочитать. Послание гласило: «Сие есть послание царственного отца к его царственному сыну. Ежели мой царственный сын исполнен к отцу приязни, пусть не откажет ему в просьбе прислать воды, в которой вымоет ноги». Султан Мансур-шах дал воды, о которой просил император, ответил на его послание и одарил гонца почетными одеждами. Ответное письмо и вода, посланная султаном, были в торжественной процессии доставлены на корабль, и посланец отправился в обратный путь.

Проведя некоторое время в дороге, он достиг Китая. Малаккское послание и воду с почетом доставили во дворец, и император испил немного той воды, в остальной же — искупался. Тотчас его тело очистилось от коросты, император исцелился и поклонился, что не

пожелает более, чтобы государи Уджунг Танаха впредь ему кланялись. Сей клятве императоры Китая верны и донныне. Тогда же император молвил: «Пусть все мои потомки не требуют поклонов от прибывших государей Малакки, но живут с ними в дружеском согласии».

Малаккцы

I

В то время у его величества было четверо любимцев, из коих первого звали Серива Раджа, второго — Тун Омар, третьего — Ханг Иса, четвертого — Ханг Хусейн Чефганг.

Как-то раз султан Махмуд-шах отправился покататься на лодке. В пути он сделал остановку, послал за Серивой Раджей и прождал его так долго, что за это время несколько раз мог бы свариться рис, однако Серива Раджа все не шел. Ибо так уж повелось, что едва государевы слуги приходили звать Сериву Раджу, тот поднимался в дом и ложился спать. Когда же посланец его будил, Серива Раджа вставал, совершал туалет, умывался и усаживался за трапезу. Покончив с едой, он принимался примерять кайн, завязывал и наново перевязывал его раз двенадцать-тринадцать. Потом надевал баджу и тюрбан и опять подолгу не мог решить, хорошо ли они сидят. Когда же доходил до шарфа, заматывал его то так, то эдак раз четырнадцать-пятнадцать. Наконец Серива Раджа спускался вниз, останавливался у дверей и спрашивал у жены: «Скажи, о госпожа, нет ли какого изъяна в моей одежде?» И если жена указывала ему на какой-либо недостаток, принимался в который раз поправлять то и это. Потом он выходил во двор и, оглянувшись на дом, принимался качаться на качелях. Государев же слуга все торопил его, и, лишь накачавшись вдоволь, Серива Раджа отправлялся к государю.

Когда же государь желал, чтобы Серива Раджа явился не мешкая, он посылал за ним Туна Исака Беракаха, который, придя к Серива Радже, говорил: «Эй, вельможа, мне велено позвать тебя ко двору». Серива Раджа отвечал: «Хорошо» — и по своему обыкновению поднимался в дом. А Тун Исак, знавший привычки Серива Раджи, требовал расстелить себе циновку на веранде и громко кричал: «Скажите вельможе, что я голоден и не прочь отведать риса!» Серива Раджа тотчас посылал ему риса, а Тун Исак, насытившись, снова кричал: «Меня мучит жажда, приготовьте чего-нибудь попить!» Тогда Серива Раджа, бывало, говорил: «Хоть и сам Тун Исак явился за мной, но больно уж много у него желаний, подайте-ка мне кайн и баджу». С темп словами он поспешно надевал кайн и баджу, повязывал тюрбан, затыкал за пояс крис и, обмотав шею шарфом, отправлялся к султану Махмуд-шаху. Однако же, что ни делал Серива Раджа, все сходило ему с рук, ибо султан был очень к нему привязан (...)

Случилось так, что Серива Раджа захотел жениться на дочери кази Менавар-шаха, внучке Маулавы Юсуфа. Кази Менавар-шах начал предсвадебное бдение, и в благоприятный час Серива Раджа во главе торжественной процессии отправился на бракосочетание. Он восседал на слоне султана Махмуд-шаха по кличке Балидамесей, Тун Абд аль-Карим, сын Менавар-шаха, погонял слона, сиди у него на голове, Тун Зайн аль-Абидин расположился в башенке напротив жениха, а Сери Авадана на крупе у хвоста. Когда шествие достигло дома кази Менавар-шаха, тот был уже наготове в своем кампунге с фейерверком и шутихами, однако ворота держал на запоре.

Сказал кази Менавар-шах: «Ежели Серива Раджа сумеет въехать в мой кампунг, я отдам за него дочь, если же нет — не бывать свадьбе, пусть все расходы идут прахом!» Едва лишь слон остановился перед воротами, Менавар-шах приказал слугам зажечь фейерверк и пускать шутих. Громовые крики его людей и грохот оркестра слились в такой оглушительный рев, что Балидамесей в ужасе ринулся прочь, и Тун Абд аль-Карим, как ни старался, не смог его удержать. Видя это, Серива Раджа крикнул Туну Абд аль-Кариму: «Брат, перебирайся на спину слону, а я сяду ему на голову». Тун Абд аль-Карим подвинулся, и Серива Раджа, усевшись слону на голову, повернул его и направил в ворота. Слуги зажгли фейерверк и выпустили несметное множество шутих, но слон, не обращая на них внимания, все напирал и напирал, покуда не вломился во двор. Серива Раджа остановил его подле самого балея кази Менавар-шаха и спрыгнул на балей.

Кази Менавар-шах отдал дочь за Сериву Раджу, и сам султан Махмуд-шах присутствовал на их бракосочетании. Когда же церемония закончилась, подали всевозможные яства, и, попирав, султан возвратился во дворец.

Что же до самого кази Менавар-шаха, то он с небывалым искусством владел кинжалом, научившись этому у молуккского раджи, приехавшего на поклон в Малакку во времена султана Ала ад-дина*. Бывало, он сидел на веранде, обнесенной перилами, в окружении своих людей и спрашивал у них: «Скажите, сколько столбиков, поддерживающих перила, перерубить?» Те с поклоном отвечали: «Два», — и он перерубал два столбика. Если же говорили: «Три», — перерубал три. Сколько просили, столько и перерубал (...)

А Серива Раджа знал толк в слонах и конях. У него был белый конь, которого Серива Раджа сам вырастил и очень любил. Привык к нему же его на галерее дома, одну из частей коей нарочно расширил. Когда кто-либо просил Сериву Раджу одолжить того коня, чтобы покататься в полнолуние, он соглашался, однако же конь, проскакав два или три круга, тотчас сам возвращался домой. Только Тун Исак Бераках мог выпросить коня на всю ночь. Он, бывало, брал коня, делал на нем круг или два, и конь мчал его обратно. Вернувшись, Тун Исак Бераках говорил слугам Серивы Раджи:

«Доложите вельможе, что меня мучит жажда, пусть придет чего-нибудь попить». Напившись же, кричал Сериве Радже: «Позволь взять коня и еще покататься!» Серива Раджа отвечал: «Бери», — и конь, проскакав под Туном Исаком еще два-три круга, вновь возвращался домой. Тун Исак Бераках опять приказывал слугам: «Пусть подадут рис!» И Серива Раджа приказывал подать рис. Наевшись, Тун Исак Бераках в третий раз отправлялся кататься, конь делал еще два-три круга, как и прежде, возвращался, и Тун Исак Бераках приступал к Сериве Радже с какой-нибудь необычной просьбой. Серива Раджа, не выдержав, говорил: «Хоть это и сам Тун Исак, но больно уж много у него желаний. Скажите, чтобы забирал коня и катался, пока не надоест, хоть всю ночь!» И Тун Исак Бераках брал коня и катался на нем всю ночь напролет.

Однажды в Малакку прибыл некий патан, слышший искусным наездником. Султан Махмуд-шах повелел проводить его к Сериве Радже, и, когда патана привели, сказали государевы слуги: «Вельможа, его величество говорит, что этот человек искушен в верховой езде». Спросил Серива Раджа у патана: «Ходжа умеет ездить верхом?» Ответствовал патан: «Да, о господин мой». Сказал Серива Раджа: «Тогда сядь на моего коня» — и приказал оседлать коня и взнуздать. Когда коня оседлали и взнуздали, патан вскочил в седло и принялся гарцевать. Сказал Серива Раджа: «Ходжа, хлестни коня плеткой». Патан хлестнул коня, и конь тотчас же его сбросил, так что патан кубарем полетел наземь. Видя это, Серива Раджа воскликнул: «Эй, ходжа, как же вы так!» Потом он кликнул сына: «Омар!» Тун Омар не мешкая предстал перед ним, и Серива Раджа сказал: «Ну-ка, сынок, хлестни жеребца». Тун Омар ударил коня, и конь под ним затанцевал. Патан же весьма подивился, видя, как искусно выраживает коней Серива Раджа.

Теперь о Туне Омаре, которого очень любил султан Махмуд-шах. Он был сыном Сери Биджи Дираджи по прозвищу Горбатый Старец и славился как человек поразительной храбрости. Наставник предсказал Туну Омару, что ему не суждена смерть от вражеского оружия, и поэтому Тун Омар вел себя дерзко и ни во что не ставил недругов. А Ханг Иса Быстрый был известен редким проворством. Через реку Малакка было перекинуто бревно. Оно покачивалось на поверхности воды, и, когда кто-либо наступал на него, бревно тонulo и человек погружался в воду по икры. Когда же Ханг Иса Быстрый проходил по тому бревну, он наступал то на правую, то на левую его сторону — и так перебирался на другой берег, даже не замочив щиколоток.

Как-то раз в пору запуска воздушных змеев * все юноши и дети из знатных семей вышли потешиться, запуская змеев самых разнообразных форм. Раджа Ахмад, сын султана Махмуд-шаха, отправился со всеми, взяв с собой огромного змея, широкого, словно бамбуковая цивовка, которыми кроют крыши, на толстой рыболов-

ной леске. Когда в воздухе уже парило множество змеев, его высочество запустил своего. Увидев это, все, кто там собрался, начали спускать своих змеев, ибо змей царевича перерезал всякую бечевку, за которую задевал. Что же до Ханга Исы Быстрого, то он сделал себе маленького змея на трехжильной пеньковой бечевке, обмазанной клеем с толченым стеклом, и, когда Раджа Ахмад запустил змея, а все остальные спустили, не стал спускать своего. Меж тем змей Раджи Ахмада подлетел к змею Ханга Исы Быстрого, и веревки стали тереться одна о другую. Веревка, что была привязана к змею Раджи Ахмада, оборвалась, и его змея унесло до самого Танджунг Джати.

Теперь о Ханге Хусейне Ченганге, женившемся на дочери Ханга Усоха. После того как церемония бракосочетания закончилась, молодым подали свадебный рис, и родители невесты приблизились к ним, дабы кормить их в черед из рук. Когда же молодые съели по три щепотки, блюдо с рисом и приправы хотели было убрать, но Ханг Хусейн Ченганг не дал, сказав: «Стойте, не уносите рис. Если ваша дочь более не хочет, пусть не ест, я же поем еще, ибо свадьба обошлась мне недешево». Все женщины при тех словах так и покатались со смеху, а Ханг Хусейн Ченганг доел рис с приправой и, лишь когда слуги унесли пустое блюдо, удалился с новобрачной в опочивальню.

II

Как-то раз султан Махмуд-шах отправился позабавиться с женой Туна Баяджита, сына лаксаманы, который в то время уехал в свои владения и не ночевал дома. Он посетил ее и на рассвете, поспешно возвращаясь домой во дворец, столкнулся с Туном Баяджитом, как раз выходящим из лодки в сопровождении множества слуг. Свита же султана Махмуд-шаха была немногочисленна. Тун Баяджит понял, что султан вышел из его дома, и только захотел — мог бы его тогда убить, но, не желая посрамить верность малайских подданных, лишь замахнулся копьем и крикнул: «Эй, султан Махмуд-шах, такой ли нрав подобает повелителям. Жаль, что вы мой господин, иначе я, как Бог свят, пронзил бы вам грудь этим копьем». При тех словах государевы слуги пришли в ярость, но его величество молвил, обратясь к ним: «Не гневайтесь, ибо его слова справедливы. Воистину мы виноваты перед ним и по закону заслуживаем смерти от его руки. Однако же он наш малайский подданный и потому так поступает, что не хочет совершить измену и нарушить клятву верности». Сказав так, его величество возвратился во дворец, а Тун Баяджит дал жене разводную и не пожелал более являться пред лицо государя и служить ему. Тогда, дабы убажить Туна Баяджита, его величество подарил ему свою наложницу по имени Тун Ирам Сендари, а Тун Баяджит, хоть и принял тот дар и женился на наложнице, по-прежнему не желал являться в государев совет.

Рассказывают, что султан Махмуд-шах хотел изучать богословие у Мауланы Юсуфа. А Маулана Юсуф к тому времени повредился в рассудке и, если кто-нибудь запускать змея с его крыши, приказывал сбить того змея из пращи. Когда же змей падал, требовал, чтобы бечевку сматывали, и приговаривал: «Как это ты, невежа, посмел запускать змея с моей крыши». Из-за таких вот выходов он не мог уже исправлять должность кази, и ее занял его сын Менавар-шах.

Султан Махмуд-шах отправился в дом Мауланы Юсуфа верхом на слоне, сопровождаемый множеством слуг. Когда он подъехал к ограде дома Мауланы Юсуфа, один из государевых слуг сказал привратнику: «Доложи, что прибыл его величество султан Махмуд-шах». Привратник известил об этом Маулану Юсуфа, и тот воскликнул: «Затвори ворота, что за нужда султану Махмуд-шаху являться в дом дервиша!» Привратник почтительно передал слова Мауланы султану, и Махмуд-шах возвратился во дворец. Вечером его величество отпустил слуг по домам, когда же все в городе затихло, отправился к Маулане Юсуфу, взяв с собою лишь двух рабов и сам неся книгу. Подойдя к воротам, его величество сказал привратнику: «Доложи Маулане Юсуфу, что пришел дервиш Махмуд». Сказал тогда Маулана: «Если это дервиш Махмуд, открой ему, ибо дервишу подобает войти в дом такого же дервиша, как он сам». Не мешкая Маулана Юсуф вышел навстречу султану Махмуд-шаху, ввел его в дом и усадил. И султан Махмуд-шах начал обучаться у Мауланы Юсуфа.

IV

Однажды в Малакку прибыл корабль из наветренных стран, а на том корабле — ученый-богослов Маулана Садар Джахан, весьма сведущий в науках. Султан Махмуд-шах сделал его своим наставником и повелел сыну Радже Ахмаду пойти к нему в ученики. Малаккцы же прозвали Маулану Садар Джахана махдумом, и все малаккские вельможи стали у него учиться.

Как-то вечером, когда бендахара Сери Махараджа сидел с махдумом Садар Джаханом, беседуя с ним о науках, в его дом зашел смотритель государевых слонов Сери Рама, бывший сильно навеселе. Этот Сери Рама слыл горьким пьяницей, и, если являлся на прием к султану Махмуд-шаху, тот, бывало, говорил слугам: «Подайте-ка Сери Рама чего-нибудь закусьте». И слуги приносили закуски в серебряной чаше, снимали с нее шелковый платок и подавали Сери Рама. Придя к бендахаре и застав его за беседой с махдумом, сказал Сери Рама: «Давай-ка и я поучусь вместе с тобой». Бендахара же отвечал: «Подсаживайся к нам, вельможка». Меж тем, заметив, что Сери Рама пьян, и учуяв, что из рта у него пахнет араком, махдум Садар Джахан сказал по-араб-

ски: «Арак — отец всяческой мерзости». А Сери Рама тотчас ему отвечал по-арабски же: «Дурак — отец всяческой мерзости. Но в поисках ли богатства ты, господин, явился к нам из своих иностранных стран, а ведь только глушец так поступает».

Махдум не на шутку рассердился, услышав слова Сери Рамы, и, как бендахара его ни уговаривал, не пожелал у него остаться и ушел домой. Сказал тогда Сери Раме бендахара Сери Махараджа: «Да ты, вельможа, верно, пьян до бесчувствия. Хорошо еще государь не слышал, что ты наговорил махдуму, иначе тебе не избежать бы его гнева». Ответствовал Сери Рама: «На все воля его величества — сказанного не воротишь». Покуда они так говорили, слуги поставили перед Сери Рамой угощения, и он вместе со всеми, кто был у бендахары, принялся за трапезу. Когда же насытился, сразу распрощался и вернулся домой <...>

А у махдума в то время занимался Тун Май Улат Булу. Его настоящее имя было Тун Мухиддин, сын Туна Зайн аль-Абидина, внук бендахары Падуки Раджи, а прозвище Тун Май Улат Булу — Мохнатая Гусеница — он получил за то, что весь оброс густыми полосами. За все время занятий он так и не сумел повторить за махдумом урок, ведь языки у малайцев на редкость неповоротливы. Махдум Садар Джахан ужаснулся и сказал: «Отчего это, Тун Май Улат Булу, у тебя такой неповоротливый язык, я говорю одно, а ты — другое?» Ответствовал Тун Май Улат Булу: «Правда ваша, господин, ведь я повторяю за вами, а ваш язык для меня не родной, оттого-то слова и выговариваются с трудом. Если бы вы говорили на моем языке, с вами произошло бы то же самое». Спросил махдум Садар Джахан: «Что же в малайском языке такого трудного, что мне и не выговорить?» Ответствовал Тун Май Улат Булу: «Ну-ка скажите — куркума». И махдум произнес: «Кыркума». Сказал Тун Май Улат Булу: «Неверно, а теперь — сито». И махдум молвил: «Сыто». — «А теперь — кошка». — И махдум сказал: «Коска». Молвил тогда Тун Май Улат Булу: «Ну, как вам говорится на нашем языке? Так-то вот и нам на вашем». При тех его словах махдум пришел в ярость и воскликнул: «Зарекаюсь учить этого Туна Май Улата Булу!»

Гибель бендахары Сери Махараджи

Рассказывают, что дочь бендахары Сери Махараджи по имени Тун Фатима была на редкость хороша собой, когда же подросла, прелесть ее преумножилась, и в те времена нигде не сыскалось бы подобной красавицы. К тому же ей как дочери бендахары дозволялось носить запретные цвета и украшения. Бендахара Сери Махараджа хотел выдать ее за Туна Али, сына Сери Нары Дираджи, и, когда пришла пора посылать бетель*, пригласил к себе раджу Баруха — дядю султана Махмуд-шаха и старшего брата султана Ала ад-дина. Бендахара Сери Махараджа показал ему Тун Фатиму, тот же, пораженный ее красотой, спросил: «А видел ли его

величество вашу дочь?» Ответствовал бендахара: «Пока нет». Сказал тогда раджа Баруха: «Если господин не разгневается, я хотел бы ему что-то сказать». С почтительным поклоном отвечал бендахара: «Говорите все, что пожелаете». Сказал раджа Баруха: «Ваша дочь так хороша собой, что, по моему разумению, ее не следует выдавать замуж на сторону. Ежели бендахара желает прислушаться к моим словам, пусть пока не торопится со свадьбой, ибо государыня, царица Паханга, покинула бренный мир, а обычай малайских государей таков, что, коль скоро в стране нет государыни, ею становится дочь бендахары». Ответствовал бендахара Сери Махараджа: «О господин мой, я человек подлого звания, которому и зять подобает того же звания». Сказал раджа Баруха: «Что ж, поступайте как знаете, я хотел вас только предупредить». И бендахара Сери Махараджа стал готовиться к свадьбе дочери.

Когда наступил благоприятный час, бендахара Сери Махараджа пригласил султана Махмуд-шаха на свадьбу, и султан отправился в его дом. После прихода его величества Тун Али сочетался браком с Тун Фатимой, а государь меж тем вошел в дом бендахары и стал подле новобрачных, кормивших друг друга из рук свадебным рисом. При виде того, как прекрасна Тун Фатима, его величество пришел в великое изумление, страстно ее возжелал и так сказал в сердце своем: «Ну и мерзавец Пак Мутахир — его дочь такая красotka, а ему и нужды нет показать ее мне». И султан Махмуд-шах затаил в душе обиду на бендахару Сери Махараджа. Вернувшись же после свадьбы во дворец, даже не прикоснулся к еде, не в силах отделаться от мыслей о Тун Фатиме. С тех пор, что ни день, султан искал способа отомстить бендахаре. А Тун Фатима, прожив некоторое время с Туном Али, родила ему дочь, прекрасную лицом, и назвала ее Тун Теранг.

Теперь расскажем о келингце по имени Раджа Мендалиар, поселившемся в Малакке и занявшем пост шахбандара, с которым никто из горожан не мог в те времена сравниться богатством. Однажды, когда он восседал пред лицом бендахары Сери Махараджи, тот спросил: «Скажи-ка, Раджа Мендалиар, только не лги, сколько у тебя золота?» Ответствовал Раджа Мендалиар: «О господин мой, золота у меня не так уж много, каких-нибудь пять бахаров». Молвил бендахара Сери Махараджа: «Стало быть, у меня всего лишь на бахар больше золота, чем у тебя».

За какое бы дело ни брался бендахара Сери Махараджа, он никогда не терпел убытка. Как-то раз, пребывая в добром расположении духа, он собрал вокруг себя всех чад и домочадцев и сказал им: «Ну что, детки, не желаете взглянуть на золотишко?» Те же хором отвечали: «Хотим, дедушка». Тогда бендахара Сери Махараджа сказал: «Принесите-ка вон оттуда сундук». Дети и внуки бендахары отправились за сундуком, всей шумной ватагой принесли его и поставили перед бендахарой. Бендахара Сери Махараджа приказал высыпать золотой песок на циновку и перемерять его меркой. После же молвил детям и внукам: «Возьмите себе,

детки, по пригоршне поиграть». Те взяли по пригоршне золотого песка, унесли его в новый дом бендахары, который как раз в то время строился, и спрятали там: кто в резных брусьях, кто в резных стенах. Спрятав же, вновь выбрались наружу. Тем временем возвратились плотники, строившие дом, нашли золото и взяли его себе. А дети и внуки бендахары, вспомнив наконец о своих тайниках, залезли в дом, чтобы поиграть с золотым песком, не смогли его отыскать и принялись плакать. Заслышав их плач, спросил бендахара: «Из-за чего это вы так разревелись?» Они же отвечали: «Золото, которое господин нам дал, пропало». Сказал бендахара: «Не плачьте, если вы только не лжете, я непременно дам вам другое». И он снова отсыпал им по пригоршне золота.

В другой раз дети и внуки бендахары отправились поохотиться на диких буйволов и оленей и возвратились ни с чем. Тогда они зашли в загон бендахары, забили там двух-трех буйволов, приказали их освежевать и послали бендахаре буйволиную ляжку. Спросил бендахара: «Что это за мясо?» Ответствовал слуга, принесший его: «Буйволиное, о господин мой. Ваши дети ходили на охоту, ничего не добыли, зашли в ваш загон для буйволов, что в Каю Ара, и забрали одного». Воскликнул бендахара: «Ну и шалопаи же они, не могут добыть буйвола на охоте, так взяли манеру охотиться в моем загоне».

Еще рассказывают, что однажды один из рабов бендахары Сери Махараджи, возвратясь из заморского плавания, явился к господину, облаченный в ярко-красное баджу и тюрбан из радужной ткани неланги. Бендахара, приняв его за чужеземного купца, повелел рабу подняться на возвышение и сесть рядом с ним. Спросил бендахара Сери Махараджа: «Кто вы, о господин мой?» Тот же ответил с почтительным поклоном: «Я — ваш раб, сын такого-то, внук такого-то». Молвил бендахара: «Раз ты — сын такого-то, спустись-ка и сядь внизу». Так могуществен был бендахара и столькими рабами владел, что даже не всякого мог узнать. Про себя же думал: «Все богатство мое достанется детям и внукам, и им вовек его не прожить».

Как-то раз в праздничный день бендахара с вельможамп вошел во дворец и воссел в зале для приемов, ожидая выхода государя. Тогда к бендахаре приблизился Раджа Мендалиар, дабы почтительно его приветствовать, однако же бендахара резко отстранил его руку и сказал: «Фу, келингский невежа, разве подобает приветствовать меня в государевом балее. Не лучше ли прийти для этого в мой дом?» Раджа Мендалиар промолчал и отошел от бендахары.

В Малакке жил купец по имени Наина Сура Девана — старший над всеми купцами города. Он затеял тяжбу с Раджей Мендалиаром, и оба они обвиняли друг друга пред бендахарой. Незадолго до наступления вечера бендахара сказал Радже Мендалиару и Наине Суре Деване: «Господа, уже вечереет, возвращайтесь к себе и приходите снова завтра». Те почтительно поклонились и, сказав:

«Да будет так, о господин наш», — испросили соизволения удалиться и разошлись по домам. Что же до Наины Суры Деваны, то он так помыслил в душе: «Раджа Мендалиар очень богат, и, если даст бендахаре взятку, я непременно проиграю тяжбу. Не худо бы этой ночью наведаться к бендахаре Сери Махарадже». Покуда он так раздумывал, наступила ночь, Наина Сура Девана взял бахар золота и отправился в дом бендахары. Подойдя к ограде, Наина Сура Девана сказал привратнику: «Доложи почтенному бендахаре, что пришел Наина Сура Девана и желает перед ним предстать». Привратник не мешкая доложил, и бендахара вышел навстречу купцу. А тот, войдя в дом, приблизился к бендахаре и почтительно преподнес ему бахар золота, сказав: «О господин мой, я дарю вам это золото, дабы вы истратили его на что пожелаете». Ответствовал бендахара Сери Махараджа: «Да будет так! Вы даете — я принимаю». Затем Наина Сура Девана испросил у бендахары соизволения удалиться и отправился домой.

А у Наины Суры Деваны был родственник, келинзец, по имени Киттул. Этот Киттул задолжал Радже Мендалиару тахиль золота, и в полночь, когда Наина Сура Девана вернулся от бендахары Сери Махараджи, Киттул кинулся к Радже Мендалиару и постучался в дверь его дома. Раджа Мендалиар в испуге окликнул его: «Кто там у дверей?» Он же отвечал: «Это я, Киттул». Тогда Раджа Мендалиар приказал открыть двери, Киттул вошел в дом и, увидев, что Раджа Мендалиар развлекается со своими женами и детьми, сказал: «Раджа Мендалиар, как вы можете веселиться этой ночью, даже не подозревая, что над вами нависла беда?» Раджа Мендалиар тотчас взял Киттула за руку, отвел в уединенный покой и спросил: «Скажи, Киттул, что за вести дошли до тебя?» Ответствовал Киттул: «Нынче ночью Наина Сура Девана был у бендахары и, желая, чтобы вас лишили жизни, преподнес ему бахар золота. Они сговорились и теперь готовы вас порешить». Услышав слова Киттула, Раджа Мендалиар в клочья разорвал его долговую расписку и воскликнул: «До гроба прощается тебе долг. Отныне мы — братья!»

Киттул возвратился домой, а Раджа Мендалиар взял бахар золота, самоцветы и дорогие одеяния и снес их в дом лаксаманы Ходжи Хусейна, ибо в то время сам Ходжа Хусейн и весь его род были очень близки к султану Махмуд-шаху.

Подойдя к ограде дома лаксаманы, он попросил отворить ворота. Лаксамана приказал открыть, и Раджа Мендалиар, представ перед ним, преподнес принесенные дары. После же с почтительным поклоном сказал: «Я явился к вам, о вельможа, дабы не быть обвиненным в попустительстве и сговоре с моим господином, ибо узнал, что бендахара Сери Махараджа замыслил измену. Почтительно донесите его величеству, что бендахара уже заказал себе трон и желает стать государем Малакки». При виде тех несметных сокровищ лаксамана лишился рассудка, не устоял перед искушением земными благами и сказал Радже Мендалиару: «Я почтительно

донесу обо всем его величеству». Войдя во дворец, он предстал перед султаном Махмуд-шахом и поверг к его стопам слова Раджи Мендалиара.

Услышав почтительное донесение лаксаманы, государь, неизменно желавший отомстить бендахаре Сери Махарадже за свадьбу дочери, понял, что его тайные мечты сбылись. Он повелел Туну Суре Дирадже и Туну Индре Сагаре казнить бендахару, и те со множеством государевых слуг отправились к его дому. Тем временем дети, внуки и все родичи бендахары, вооружившись, собрались у него. Теменгунг Тун Хасан, сын бендахары, хотел было выйти сразиться с нападавшими, но бендахара крикнул ему: «Эй, Хасан! Неужто ты помышляешь об измене и хочешь осрамить всех наших предков. Не в обычаях малайцев изменять государю». Услыхав оклик бендахары Сери Махараджи, теменгунг Тун Хасан бросил оружие и скрестил руки на груди. Сказал тогда бендахара, обратясь к родичам и слугам: «Того, кто станет сражаться, я и за гробом призову к ответу!» При тех его словах все они бросили оружие и разошлись по домам. Остались лишь бендахара с братом Сери Нарой Дираджей да его дети и внуки.

Меж тем Тун Сура Дираджа и Тун Индра Сагара вошли в дом, неся на подносе крис султана Махмуд-шаха, прикрытый шелковым платком. Сняв пред лицом бендахары с криса платок, молвил Тун Сура Дираджа, обратясь к нему и Сери Наре Дирадже: «Молитесь, дети мои, ныне свершится над вами суд Аллаха». Ответствовали бендахара Сери Махараджа и Сери Нара Дираджа: «Мы готовы принять все, что судил нам Аллах». Тогда бендахара Сери Махараджа и Сери Нара Дираджа были казнены вместе со своими детьми и внуками, пожелавшими последовать за ними в смерти.

Едва лишь казнь совершилась, во двор вбежал Санг Сура с приказом его величества: «Не убивайте всех, оставьте хоть одного, чтобы было кому продолжить род». Сказали Тун Сура Дираджа и Тун Индра Сагара: «Как же нам быть? Разгневается государь, если не исполнить его волю, а жив еще только этот вот мальчик — Тун Хамза». Молвил Тун Индра Сагара: «Давай попробуем выходить Туна Хамзу. Как знать, может быть, он выживет». Тун Хамза был сыном Сери Нары Дираджи, и во время побоища ему рассекли голову от затылка до брови. Тун Сура Дираджа взял Туна Хамзу на руки и отнес к султану Махмуд-шаху, который повелел лекарю ходить за ним. По воле Всевышнего Тун Хамза остался жив, и султан Махмуд-шах его полюбил.

После смерти бендахары Сери Махараджи все наследие его семьи доставили во дворец. Когда же султан Махмуд-шах понял, что казнил бендахару по лживому навету, он пришел в отчаяние и горько сожалел, что, не расследовав дела, лишил его жизни. И султан Махмуд-шах повелел предать смерти Раджу Мендалиара за тот навет, Киттула посадить на кол, а лаксаману оскотить. Бендахарой же поставил Падуку Туана, сына бендахары Падуки Раджи, который был уже стар, хром и почти лишился зубов.

Услышав, что его назначают бендахарой, Падука Туан свалился с возвышения, на котором сидел, и воскликнул: «Ну какой бендахара из хромого паралитика!» Однако же султан Махмуд-шах настаивал и в конце концов сделал его бендахарой. Этого-то Падуку Туана и прозвали многодетным бендахарой, умершим в Лубук Бату, ибо у него было тридцать два ребенка, при том все — единотробые; внуков же и правнуков — семьдесят четыре.

Старший сын бендахары Лубук Бату по имени Тун Баязид был малость не в себе и, когда прогуливался по базару, хватал без разбора все, что подворачивалось под руку. Купцы жаловались на него бендахаре, и тот приставил к сыну своего раба, чтобы носил за ним деньги. Раб запоминал лавку, в которой побывал Тун Баязид, и, когда сын бендахары покидал ее, заходил в ту лавку и спрашивал: «Какие товары взял господин, только что вышедший от тебя?» Хозяин отвечал: такие-то и такие-то. Раб, сопровождающий Туна Баязида, вновь спрашивал: «А сколько они стоят?» Хозяин отвечал: столько-то. И раб платил цену, названную хозяином.

А еще у Туна Баязида был слон, подаренный бендахарой, которого он продавал пятнадцать раз. Узнав, что сын в очередной раз продал слона, бендахара Лубук Бату его выкупал и отдавал кому-нибудь из детей. Видя брата верхом на своем слоне, Тун Баязид ссаживал его и говорил: «Это мой слон, мне отец его подарил» — и забирал слона. А через два-три месяца вновь его продавал, и бендахаре приходилось снова выкупать слона. Так повторялось раз за разом.

Трижды отец связывал Туна Баязида за то, что он ударил слугу государя. Бендахара, бывало, приказывал Серива Радже, связав Туна Баязида кушаком, доставить его во дворец и при этом говорил: «Повергни сына к стопам его величества, нусть предаст его смерти. Что проку в этом убийце? Я бы сам его казнил, но страшусь государя гнева». Серива Раджа отводил Туна Баязида во дворец и передавал султану Махмуд-шаху слова бендахары. Тогда, бывало, говорил султан Махмуд-шах: «Что это бендахара бесчинствует? Из-за какого-то раба связал сына. Освободить его!» Туна Баязида развязывали, султан одаривал его почетной одеждой и отсылал домой. А Серива Раджа пересказывал бендахаре, как повелел поступить государь. Говорил тогда бендахара: «Вечно государь ему потворствует. Я связываю Баязида, а он не только освобождает, но еще и одаривает почетной одеждой. От этого парень еще не таким разбойником станет». Тун Баязид же втайне от бендахары рассказывал своим приятелям: «Связывая меня, отец всегда подбирает кушак в тон баджу. Если баджу на мне красное, вяжет зеленым кушаком, если белое — красным, если же лиловое — желтым». И приятели Туна Баязида так и покатывались со смеху, слушая его рассказ.

⟨...⟩ После казни бендахары Сери Махараджи султан Махмуд-шах взял в жены его красавицу дочь Туи Фатиму и очень любил

ее. Тун Фатима же непрестанно горевала об отце и, покуда была замужем за султаном, не только не рассмеялась ни разу, но даже улыбаться разучилась. Султан, печалась и скорбя вместе с нею, отрекся от царства, возвел на престол своего сына Ахмада и, вверив его попечению придворных и знаки достоинства государей, удалился в Каю Ару, где один лишь Санг Сура делил с ним одиночество.

Тот, кому ветома эта история, рассказывает, что порой султан Махмуд-шах отправлялся на верховую прогулку в Танджунг Келинг или куда-либо еще. Сопровождал его всегда только Санг Сура, несший прибор для бетеля, узелок и кувшин с водой. Когда султану Ахмаду доносили, что его царственный отец выехал на прогулку, он посылал вслед за ним свиту вельмож. А Махмуд-шах, едва завидя ту многочисленную свиту, давал коню шпоры и скакал от них прочь, не желая никого брать себе в спутники. Санг Сура же следовал за ним по пятам, ни на шаг не отставая от коня, затапывая ногами следы, дабы их не смогли отыскать, и притом на бегу заворачивал известь в лист бетеля, готовя для государя жвачку. Такой обычай завел султан Махмуд-шах, оставив царство <...>

Султан Махмуд-шах так любил Тун Фатиму, что повелел называть ее государыней. Ее величество же, едва лишь понесет от султана, приказывала служанкам изгнать плод, и так повторялось два или три раза. Молвил тогда султан Махмуд-шах, обратясь к Тун Фатиме: «Отчего госпожа, едва лишь станет тяжела, выкидывает? Верно, не в радость ей ребенок от меня?» Ответствовала Тун Фатима: «На что вам мое дитя? Ведь у вас уже есть наследник». Молвил султан Махмуд Шах: «Не изгоняйте плод. Если родится мальчик, он станет государем». Вскоре после этого разговора Тун Фатима снова понесла и, когда исполнился срок, родила девочку редкостной красоты. Султан Махмуд-шах взял новорожденную на руки, поцеловал ее, назвал Раджей Путих и так полюбил, что не выразить того словами. По прошествии же еще некоторого времени у Махмуд-шаха и Тун Фатимы родилась вторая дочь, которой дали имя Раджа Хатиджа.

Что же до султана Махмуд-шаха, то он, оставив царство, усердно изучал суфизм у махдума Садар Джахана.

Падение Малакки

Теперь расскажем о Фонгсо д'Альбукерке, который, сложив с себя обязанности вице-короля, отплыл в Португалию и предстал перед государем, прося дать ему флот. Португальский король дал ему четыре корабля и пять длинных галер, и д'Альбукерк, отправившись в Гоа *, снарядил там еще три корабля, восемь галионов, четыре длинные галеры и пятнадцать фуст. Собрав флот из сорока судов, он отплыл в Малакку, и, когда приблизился к городу, жители в смятении бросились к султану Ахмад-шаху и почтительно донесли ему: «Нас атакует франкский флот из семи кораблей,

· восьми галионов, десяти длинных галер, пятнадцати разведывательных судов и пятнадцати фуст».

Тогда султан Ахмад-шах собрал воинов, приготовил оружие к бою, и малаккцы вышли на битву с франками. С кораблей дождем посыпались ядра. Выстрелы гремели, словно гром в небесах, их вспышки полыхали, точно молнии, а кремневые ружья потрескивали при стрельбе, будто орехи на огне. Из-за сильного ружейного огня малаккцы не смогли укрепиться на побережье и атаковали галеры и фусты с моста через реку. Тем временем султан Ахмад-шах вышел из дворца и воссел на слона по кличке Джитуджи. Сери Авадана сел слону на голову, махдум Садар Джахан, с которым государь изучал таухид, — в башенке напротив султана, а Тун Али Хати — на крупе у хвоста.

Его величество выехал на мост и остановился под ливнем пуль. А махдум Садар Джахан, вцепившись обеими руками в сиденье, сказал ему: «О султан, тут не место предаваться беседе о единстве Божиим. Не лучше ли нам вернуться». Султан Ахмад-шах улыбнулся и возвратился во дворец. Франки же кричали с кораблей: «Эй, малаккцы, берегитесь, завтра мы высадимся на сушу!» А малаккцы отвечали: «Ладно, еще посмотрим».

Вернувшись во дворец, султан Ахмад-шах повелел собирать своих людей и готовить оружие. Тем временем наступила ночь, военачальники и юноши из знатных семей остались нести стражу в зале для приемов и так говорили друг другу: «Не лучше ли, чем сидеть без дела, почитать какую-нибудь повесть, дабы нам была от того польза». Молвил Тун Мухаммад по прозвищу Верблюд: «Справедливы ваши слова, о господи. Давайте попросим у государя „Повесть о Мухаммаде Ханафии“». Сказали тогда те знатные юноши Туну Арье: «Ступайте, о господин, и повергните к стопам его величества просьбу дать нам „Повесть о Мухаммаде Ханафии“, дабы мы извлекли из нее пользу — ведь завтра франки пойдут на штурм». Тун Арья вошел к султану Ахмад-шаху, почтительно доложил об их просьбе, и тот, дав им «Повесть об Амуре Хамзе», молвил: «Дал бы я „Повесть о Мухаммаде Ханафии“, да боюсь не достанет им мужества сравниться с ним. Довольно будет, если не уступят они в храбрости Хамзе — потому и даю повесть о нем».

Тун Арья вышел от государя, неся «Повесть об Амуре Хамзе», и передал знатным юношам слова султана Ахмад-шаха. Они же замолчали, не зная, что ответить. Один лишь Тун Исак Бераках сказал, обратясь к Туну Арье: «Передайте его величеству, что он неправ, это ему подобает сравниться с Мухаммадом Ханафией, нам же — с полководцами из Бунтары*. Если он будет храбр, как Мухаммад Ханафия, мы не уступим в мужестве бунтарыцам». И Тун Арья почтительно передал султану Ахмад-шаху слова Исака Бераках, тот же улыбнулся и дал ему «Повесть о Мухаммаде Ханафии».

Наутро франки высадились на сушу и устремились на штурм. Султан Ахмад-шах выехал им навстречу на слоне по кличке Джу-

ру Деманг, на голове коего сидел Сери Авадана, а в башенке напротив государя — Тун Али Хати. И разгорелась яростная битва. Натиск франков был так силен, что малаккцы не смогли его выдержать и дрогнули. Один лишь государь, восседавший на слоне, остался на поле боя и насмехался над ними. Разя франков копьем, он слегка поранил руку, поднял ее так, чтобы всем было видно, и воскликнул: «Смотрите, малайцы!» Видя, что султан ранен, его военачальники возвратились на поле боя и в амоке бросились на франков.

Оранг Кайя Согох подговорил Туна Салех ад-дина сразиться с франками на копьях. Кто-то из франков вонзил копьё Туну Салех ад-дину в грудь, и он умер. Двадцать опытейших военачальников пало в той битве. Сери Авадана же был ранен в живот. Тогда слона, которым он правил, заставили опуститься на колени, Сери Авадану сняли и унесли на носилках. Султан Ахмад-шах приказал лекарю осмотреть Сери Авадану, и лекарь принялся его лечить стеблями бетеля, сказав: «Его можно излечить. Вот если бы копьё вошло хоть на долю рисинки глубже, Сери Авадана бы непременно умер».

Малакка пала. Франки ворвались в город со стороны Уджунг Брани, и малаккское войско обратилось в бегство. Бендахару Лубук Бату усадили в паланкин и бегом унесли с поля боя. Паланкин же нес некий Селамат Гагах, и франки преследовали его по пятам. Молвил тогда бендахара Селамату Гагаху: «Остановись, я хочу с ними сразиться!» Однако же дети и внуки бендахары не позволили ему того, и бендахара им говорил: «Все вы, молодежь, трусы. Будь я помоложе, погиб бы вместе с Малаккой».

Султан Ахмад-шах отступил в устье Муара, оттуда — в Пагох и укрепился там в Бентайне. А султан Махмуд-шах жил в то время в Бату Хампаре*. Меж тем франки обосновались в Малакке, и из камней дворцовой ограды построили форт. После же двинулись к Муару, напали на Пагох и бились под ним несколько дней. Пагох пал, Санг Сетиа погиб в бою, и султан Ахмад-шах вновь отступил в устье Муара. Бендахара тем временем скончался на Муаре и был погребен в Лубук Бату, за что и получил прозвание Старец из Лубук Бату. После его смерти султан Ахмад-шах вместе с отцом султаном Махмуд-шахом двинулись из устья Муара в Паханг*. Государь Паханга устроил им торжественную встречу, и султан Махмуд-шах отдал за его сына, султана Мансур-шаха, свою дочь от брака с келантанской царевной. Из Паханга его величество переселился в Бентай, а султан Ахмад-шах основал город в Копаке.

ПОВЕСТЬ ОБ ИНДРАПУТРЕ

«Повесть об Индрапутре» по меньшей мере дважды упоминается в произведениях малайской классической литературы. Первое из этих упоминаний обнаруживается в трактате «Праведный путь» весьма строгого богослова Нуруддина ар-Рапри (о нем см. с. 333), писавшего, что ее, как и «Повесть о Сери Раме», вполне позволительно использовать в отхожем месте, предварительно убедившись, что на ее страницах не начертано имя Аллаха. Второе упоминание встречается в «Повести об Исме Ятима», в рассказе о том, как одна из придворных дам, мечтая в лунную ночь о ласках государя, предалась чтению этой повести, чтобы развеять печаль.

Оба упоминания не только свидетельствуют о популярности «Повести об Индрапутре» (кстати сказать, существовавшей в нескольких версиях и переведенной на языки многих народов Индонезии) и диаметрально противоположных ее оценках, но и позволяют установить время, когда она возникла, и аудиторию, для которой предназначалась. «Праведный путь» был завершен в 1644 г., а стало быть, повесть, настолько известная, что ее без обиняков приводили как пример произведения, не отличавшегося благочестием, вряд ли появилась позднее конца XVI в. Но поскольку «Повесть об Индрапутре» явно испытала влияние «Повести о Чекеле Ваненг Пати» или ее близкого аналога, она была написана не ранее начала XVI в. Итак, повесть сложилась скорее всего в конце XVI в. — в тот период, когда формальное исповедание ислама сменялось его более углубленным, внутренним восприятием и превращением новой религии в организующее и пронизывающее малайскую культуру начало. В сфере мировоззрения этот процесс выразился в пересмотре прежних индуистско-буддийских концепций, трансформации одних, отбрасывании других и конечном торжестве «души ислама» — суфийского учения, сумевшего благодаря мусульманскому в своей основе синтезу преодолеть разрыв между старой и новой традициями. В сфере «язычной словесности» сходная эволюция привела к взаимопроникновению мотивов, ранее обособленных в различных по духу произведениях, и созданию той разновидности волшебнo-авантюрных повестей, истоки которой прослеживаются как в индийской и яванской, так и в ближневосточных литературах. Обе эти сферы были тесно связаны, и потому мотивы волшебнo-авантюрных повестей встречаются в суфийских произведениях, а суфийские мотивы — в волшебнo-авантюрных повестях. Подобно тому как ислам являлся интегрирующим фактором в мировоззрении, стиль арабско-персидского сказа и композиционные принципы мусульманской литературы придавали единство и целостность разнородным элементам, входившим в малайские повести. Типичным образцом этого синтеза и является «Повесть об Индрапутре».

Интерес же к ней придворной дамы говорит сам за себя. Малайские волшебные-авантюрные повести предназначались в первую очередь для «дворца», в отличие от близких по жанру ближневосточных произведений не почитались «дубочными» и, как явствует из предисловий к ним, были призваны несказанной красотой содержания и «звучания» умерять печали читателей. «Повесть об Индрапутре», «разыгрывающая в лицах» целостную мусульманскую концепцию «прекрасного» и своим строем демонстрирующая такие важнейшие принципы мусульманской эстетики, как декоративность, орнаментальность стиля и преобладание композиционной «папизанности» эпизодов над логической сюжетной динамикой, как нельзя лучше соответствовала этому предназначению.

С высоты «птичьего полета» «Повесть об Индрапутре» (ее краткое содержание см. с. 188) весьма напоминает декоративную ткань или ковер с пятью рядами изображений, вытканых на «основе», которую образует путь скитаний героя. Однако и при более близком рассмотрении аналогия с орнаментальными произведениями остается в силе. «Фигуративные» сцены — рассказы о всевозможных подвигах героя на поприщах любви, брани и волшебства, несмотря на свою многочисленность, занимают сравнительно скромное место в повести. Они растворены в пространных, чисто декоративных описаниях природы и битв, свадеб и пиров, дворцов и садов. При этом каждое описание, в свою очередь, составляется из детальнейшего перечня множества предметов: свадебных носилок, купален, зонтов, стягов и облачений воинов, туалетных приборов с золотыми чашами и хрустальными кувшинчиками и т. д. Даже человек зачастую оказывается лишь совокупностью «превосходных одеяний». Если же изображение еще больше приблизить к глазам, очертания предметов начнут расплываться: дворец, например, петрудио будет спутать с золотой оградой; ограду — с садом, полным золотых и серебряных деревьев с листвою из изумрудов; сады — с волшебными кораблями из зеленого стекла. Все картины окажутся созданными из одних и тех же материалов, и перед нами, как по волшебству, возникнет золотое шитье, стежки которого чередуются с играющими драгоценными камнями.

Однако «Повесть об Индрапутре» и иные волшебные-авантюрные произведения не только пленяли читателя красотой и сулили утешение в любовных и житейских печалях. У них была и более серьезная задача. Не исключено, что «Повесть об Индрапутре» представляла собой суфийскую аллгорию духовного восхождения души или по крайней мере содержала элементы такой аллгории. Возможность подобной трактовки подтверждается, в частности, довольно точным соответствием важнейших эпизодов повести обязательным сценам пьес ваянга, которые в яванской традиции получали философско-мистическое истолкование и слгаались в аллгорический рассказ о явлении души из мрака небытия, преодолении ею страстей и достижении конечного просветления. Характерно, что пьесы ваянга использовались для распространения суфийских идей в том же XVI в., когда сложилась «Повесть об Индрапутре». В любом случае предисловия к волшебным-авантюрным повестям ясно указывают на их функцию «учебников жизни», своеобразных «романов воспитания». Малайский читатель, всецело отождествлявший себя с идеальным героем повести, воспринимал путь, по которому он страствовал, как жизненный путь Человека и таким образом становился как бы участником вечной драмы человеческих стремлений, поисков и свершений.

Предисловие

К нему прибегаем, благодаря Аллаху все возвышеннейшее*! Это — повесть об Индрапутре, в коей с несказанной красотой изложено все, что касается до страсти любовной и как с великой мудростью должно лелеять ее, покуда она не обратится в драго-

ценную жемчужину. Герой сей повести, Индрапутра, стяжал славу в землях человеческих, в странах джиннов, в градах обитателей горных высот, в пристанищах лунного народа, в пределах пери, и духов, и небожителей. И был он прекрасен лицом, величав осанкой и во всяком движении ловок.

В те отдаленные лета не было равного Индрапутре в мудрости, великом могуществе и волшебном вежестве, и то, что было не под силу другим, он совершал с легкостью. Ведь это Индрапутру послал к отшельнику Берме Сакти раджа Шахиан, и он побратался с небожителем Дэвой Лелой Менгерной, и его увес в поднебесье злобный джинн Тамар Буга. В дальних скитаниях он видел золотую гору и гору алмазную, ступил ногой на берег моря Бахр аль-Ашкин* и моря Бахр аль-Аджаиб* и прошел стезями, на которые никто до того не ступал. Вот как бесстрашен был могучий Индрапутра!

Это он странствовал месяц в бездонной пещере и убил змея Мамдуда и злокозненное чудовище — Герагаса. Ни одна из хитроумных уловок не помогла радже Талеле Шаху сразить чудовище, Индрапутра же бестрепетной рукой в одночасье лишил его жизни.

Это Индрапутру коварные везиры раджи Шахиана бросили в море. Там он провел долгих три года и добыл чудесную шелковую ткань, переливающуюся, словно утренняя роса. В морской пучине он свиделся с Дэвой Лангкурбой, странствовал в море джиннов и встретился с Дермой Ганггой, который одарил его волшебной стрелой и поведал заклинания, полезные в ратном деле. Вот как бесстрашен был могучий Индрапутра!

У государя страны Семанта Пура рождается сын — царевич Индрапутра. Золотой павлин похищает Индрапутру и переносит его в царство раджи Шахиана. У раджи нет детей, и, чтобы добыть для него волшебное средство, дарующее потомство, Индрапутра отправляется к отшельнику Берме Сакти. Так начинаются его скитания.

Глава пятая,
в которой повествуется о том,
как пришел Индрапутра на берег моря Семендера Джин,
как даровала ему пери, хранительница моря,
волшебный талисман,
как похитил он одежды царевны пери
Сери Ратны Гемалы Нехран и ее служанок,
как летал на чудесном подносе,
одолевал грозных стражей семи ворот,
провел ночь в беседке Шипы-страстоцвета
и как получил могущественный талисман
от царевны Сери Ратны Гемалы Нехран

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что, странствуя, Индрапутра достиг моря, именуемого Семендера Джин, и, еще издали узрев его беспредельные просторы, подобные далям океа-

на, подивился, вопрошая себя: «Что за огромное море передо мной?»

Приблизившись, Индрапутра увидел, что не песком устлан берег, но неисчислимыми золотыми крупницами, что скалы у моря — из драгоценных камней, а галька — из самоцветов. Не травы зеленели на берегу — побеги шафрана, и произрастали там виноградные лозы, и гранатовые деревья, и множество превосходных плодов. Сами же воды морские источали аромат благовонного мускуса.

Немало и других диковин узрел Индрапутра на побережье и направил к нему свои стопы, как вдруг услышал громкий голос: «Будь осторожен, о Индрапутра!» Индрапутра огляделся, однако не приметил ни одного человеческого существа — лишь одинокое дерево, а под ним — гору трупов. Спросил Индрапутра, обратиться к мертвецам: «Не вы ли зывали ко мне?» Ответствовал один из них: «Воистину так! Это я предостерег тебя, ибо обитает в этих краях страшная ракса. Когда отдыхал я на берегу, море вдруг взволновалось, она вышла из вод и, приблизясь, возложила руки мне на голову. Веки мои смежились, и, объятый беспробудной дремой, я уже более не смог восстать ото сна. Вот о чем хотел я тебе поведать». Ответствовал Индрапутра: «Предадимся воле Всевышнего».

Покуда говорили они меж собой, волны вспенились, и из вод морских вышла пери. Индрапутру стал одолевать сон, однако он быстро опамятовался, и, когда пери подняла руки, чтобы возложить их на его голову, Индрапутра схватил волшебницу за волосы и воскликнул: «Ну, проклятая, пришел твой смертный час». Возманилась пери: «Отпусти меня, о юноша, и я дам тебе все, что ты пожелаешь». Молвил Индрапутра: «А правду ли ты говоришь?» Ответствовала пери: «Воистину не лживы мои слова». Спросил Индрапутра: «Чем же ты одаришь меня?» Ответствовала пери: «Есть у меня талисман, именуемый Маян Беди. Если господину угодно, я дам ему этот талисман. Его волшебная сила может вызывать ветер, и бурю, и молнию, и грозу. Стоит лишь назвать мое имя и совершить обряд поклонения талисману, как он вмиг исполнит волю господина».

Тогда Индрапутра отпустил пери, и она молвила: «Отныне, о юноша, будь моим внуком». Услыхав те слова, Индрапутра возрадовался, пери же спросила: «Скажи, как твое имя, как величают твоих родителей, откуда ты родом и что привело тебя сюда?» Ответствовал Индрапутра: «Зовут меня Индрапутрой, я — сын махараджи Бикрамы Буспы и Джамджам Ратны Деви». И повел Индрапутра пери обо всем, что с ним произошло. Преисполнясь любви к юноше, пери спросила: «Куда же ныне ты направляешься, о внучек?» Ответствовал Индрапутра: «Я иду к отшельнику Берме Сакти». Молвила пери: «Как же ты доберешься до тех недоступных мест?» Ответствовал Индрапутра: «Доберусь, ежели будет на то воля Всевышнего».

И спросил Индрапутра: «Кто владеет этим краем?» Ответствовала волшебница: «Им владеет дочь повелителя пери, махараджи Шаха Токана, сказанно прекрасная царевна Сери Ратна Гемала Нехран. Украшают этот край диковинные сады, где вазы для цветов, вычеканенные из золота, серебра и драгоценного сплава меди и золота, прохладные пруды, оправленные золотом и изукрашенные сверкающими рубинами. Пестуют царевну семь нянек из числа прекраснейших пери, охраняют ее семь высоких решетчатых оград и семь страшных зверей. Пуще зеницы ока бережет Шах Токан свою дочь, лишь в пятничные дни она приходит к морю собирать цветы и лакомиться сладкими плодами. Я же поставлена хранительницей этого моря».

Спросил Индрапутра: «Можно ли мне взглянуть на царевну?» Ответствовала пери: «Что за нужда тебе, внучек, глядеть на нее, если просватана Сери Ратна Гемала Нехран за царевича пери по имени Дэва Лела Менгерна?» Молвил Индрапутра: «Хотел бы я знать, правду ли говорят люди о ее красоте». Улыбнулась пери, услышав эти слова, и спросила: «Может, есть у тебя до царевны тайное дело?» Молвил Индрапутра: «Поведай мне, в чем волшебная сила Сери Ратны Гемалы Нехран?» Ответствовала пери: «Стоит ей только пожелать, и вмиг появится страна и сонмы ее обитателей — пери и небожители в полном воинском облачении. Такова сила чар талисмана царевны, обретающегося на вершине дворцовой кровли».

Индрапутра весьма подивился и спросил: «Скажи мне, к какой хитрости я должен прибегнуть, чтобы свидеться с царевной?» Ответствовала пери: «Ежели хочешь увидеть Сери Ратну Гемалу Нехран, укройся неподалеку от берега моря и, когда царевна придет купаться и сбросит одежды, неприметно похить их и хорошенько спрячь. Сери Ратна Гемала Нехран станет молить, чтобы ты вернул одежды, но ты не отдавай, покада царевна не поклонится, что одарит тебя талисманом». Спросил Индрапутра: «Через сколько дней придет царевна купаться?» Ответствовала пери: «Три дня осталось тебе ждать».

Сказав так, пери позвала Индрапутру в свой дом. И погрузился Индрапутра вместе с пери в море Семендера Джин и подивился красоте его. Подводный город, которого они достигли, был возведен из черного камня, а ворота его — отлиты из чистого золота, усыпанного алмазами. Пройдя ворота, Индрапутра узрел сады и пруды, оправленные драгоценным сплавом меди и золота, в садах же — всевозможные цветы, источавшие дивные ароматы. Достигнув обиталища пери, увидел царевич, что дом ее возведен из слоновой кости и покоится на золотом основании. В несравненных покоях этого дома и поселился Индрапутра.

Теперь расскажем о царевне Сери Ратне Гемале Нехран. Она восседала на высоком престоле в окружении служанок и нянюшек, развлекаясь и шутя с ними, когда приблизилась к ней одна из пери и, почтительно склонившись, молвила: «Вижу я, что

бледна нынче моя повелительница и что померкло сияние, озарявшее ее лицо. Пусть же поведает нам госпожа: отчего уюодобилась она увядшему гранатовому цветку?»

Услыхав эти слова, улыбулась Сери Ратна Гемала Нехран и так ответствовала своим подругам: «Всю нынешнюю ночь тешилась я со служанками, когда же перед рассветом мы опочили, видела я сон, будто дракон обвился вокруг моего стана, не прикасаясь к телу, и будто несказанно прекрасен был тот дракон. Меня окутал аромат благоуханных цветов, и я не могла надышаться тем ароматом. Дракон же скользнул на крышу дворца и проглотил талисман, покоящийся на вершине кровли. Сон, который я видела, встревожил меня, вот отчего я нынче бледна».

Выслушали служанки свою госпожу и звонко рассмеялись, говоря: «Должно быть, сей сон предвещает скорую свадьбу царевны и Раджи Дэвы Лелы Менгерны». От этих речей Сери Ратна Гемала Нехран стыдливо потупилась, а служанки принялись еще веселее смеяться и пропели такой пантун:

Высоко в небе летал попугай,
Устав, к земле устремился он;
Ночью привиделся сон невзначай,
Но день покажет — правдив ли сон.

От этого пантуна омрачилось лицо царевны, и спросила она, обратясь к кормилице: «Скажи, скоро ли мы полетим купаться в море Семёндера Джин?» Почтительно склонившись, ответствовала кормилица: «Завтра поутру мы отправимся в путь».

И вышли пери из зала для приемов, дабы припасти всевозможные умащения. Одни принялись толочь шафран, мельчайший порошок которого сообщает волосам небывалую красоту, другие — готовить благовонные притирания. Когда же с надлежащим искусством служанки исполнили свою работу, они положили умащения в алмазную шкатулку и кувшинчики из драгоценного сплава и принесли Сери Ратне Гемале Нехран. Царевна поместила кувшинчики и шкатулку в золотую чашу, изукрашенную драгоценными камнями, и, взяв золотой гребень, усыпанный самоцветами, опустила его в хрустальный флакон, флакон же и чашу поставила на поднос из драгоценного сплава.

Ранним утром, когда еще не померкла на небосводе луна и не погасли звезды и когда дикие звери еще не вышли на добычу, Сери Ратна Гемала Нехран облачилась в дорожные одежды и надела свое волшебное платье «анта кесума», в котором она могла летать по воздуху. Произнеся чудесное заклинание над подносом с умащениями, царевна взлетела к небесам, сопровождаемая семью служанками. Поднос же, как бы ожив, полетел вслед за ними, превосходя проворством стрелу, пущенную из лука.

Вернемся теперь к Индрапутре, поселившемуся в подводном царстве. Молвил он, обратясь к хранительнице моря: «Завтра поутру минет третий день с тех пор, как я живу в твоём дворце». Ответствовала пери: «Сегодня в полночь отправляйся на берег

моря и схоронись там в укромном месте. Когда же прилетят пери, спрячь их платя в этот серебряный сосуд. Которая из них царевна, легко узнать — она первая станет мыть голову порошком шафрана. Вот тогда-то ты и похитишь ее одежды».

Услыхав эти слова, Индрапутра вышел на берег и, совершив обряд поклонения талисману Маян Беди, произнес имя хранительницы моря. Она тотчас же явилась и, вырыв яму по росту Индрапутры, велела ему спрятаться, сама же сверху прикрыла яму сухими листьями.

Едва заалела заря, прилетела на берег моря Сери Ратна Гемала Нехран с семью служанками, и великий трепет объял Индрапутру, взиравшего на опустившихся с небес пери, сопровождаемых летучим подносом. Очутившись на берегу, служанки сбросили одежды. Сняла свой волшебный наряд и царевна, и подивился Индрапутра несказанной красоте ее лица, сиявшего столь ослепительно, что взор не в силах был проникнуть сквозь завесу того сияния. Подумал тогда Индрапутра: «Воистину правду сказала мне хранительница моря, ни слова лжи не было в ее речах».

Меж тем одна из пери приблизилась к подносу, дабы взять притирания, по случайности задела ногу Индрапутры, спрятавшегося под сухими листьями, и громко произнесла его имя. Обратясь к ней, спросила царевна: «Уж не лишилась ли ты рассудка, что зовешь неизвестного тебе мужчину?» Пери, смеясь, ответствовала: «Не сердись на меня, о госпожа, всему виною мой проклятый язык».

И умастила Сери Ратна Гемала Нехран свое тело, вымыла голову шафрановым порошком, и то же самое сделали ее служанки. После они бросились в море и стали плескаться и плавать, брызгая друг в друга водой. И тешился Индрапутра, взирая на их забавы, внимая голосам, напевающим селоки и пантуны, и весьма дивясь прелести движений и сладостному пению пери.

Насладившись лицезрением прекрасных пери, Индрапутра потихоньку выбрался из своего укрытия и похитил волшебный наряд царевны, а также платя ее служанок. Все это он спрятал в яме, забросал яму землей, так что никто не приметил бы того места, и направился к морю. Войдя в воду, Индрапутра подплыл к царевне и обвил рукой ее стан. В сильном испуге Сери Ратна Гемала Нехран устремила к берегу. На бегу ее волосы разметались, подобно охотке нераскрывшихся пальмовых цветов, волной ниспадающих с драгоценного подноса.

Придерживая рукою кайн, царевна крикнула служанкам: «О сестрицы, мне почудилось, будто дракон, которого я видела во сне, обвился вокруг моего тела». Служанки поспешили к госпоже, одна из них уложила царевну к себе на колени, другие же стали ласкать ее и успокаивать.

Индрапутра меж тем выбрался на берег и, прогуливаясь под раскидистыми деревьями, стал лакомиться плодами и срывать

цветы. Пери заметили его и сказали госпоже: «Встань поскорее, о царевна, и облачись в свой наряд: сюда идет какой-то юноша».

Не помня себя, Сери Ратна Гемала Нехран бросилась со служанками к тому месту, где они оставили свои одежды, но, сколько ни искали, не могли найти их. Царевна пришла в смущение и, видя приближающегося Индрапутру, укрылась за финиковой пальмой. А служанки меж тем вновь и вновь обыскивали заросли.

Индрапутра приблизился к служанкам и спросил: «О девушки, что вы здесь ищете со столь великим усердием?» Ничего не ответили служанки, лишь улыбнулись и потупили взоры. Тогда повторил Индрапутра свой вопрос, но, как и в первый раз, служанки только улыбнулись. Видя это, Индрапутра пропел такой пантун:

Искал попугай какую-то птицу,
Но закогтил ее царственный сокол;
То, что ищете вы, девицы,
Смелчак припрятал неподалеку.

Не выдержали пери, громко рассмеялись и, подняв глаза, принялись рассматривать Индрапутру. Он же любовался дивной красотой их лиц, прелестью движений, подобных колыханию медового моря, степенной плавностью поступи.

Отправились служанки к царевне, и, когда приблизились, спросила их Сери Ратна Гемала Нехран: «Удалось ли вам отыскать наши платья?» Ответствовали пери: «О госпожа, нигде не смогли мы их найти». Молвила царевна: «Отчего же тогда вы улыбаетесь?» Ответствовали служанки: «О госпожа, мы видели юношу, который поверг нас в великое смущение красотой своей и стройностью. Он завел с нами разговор, после же пропел такой пантун:

Искал попугай какую-то птицу,
Но закогтил ее царственный сокол;
То, что ищете вы, девицы,
Смелчак припрятал неподалеку.

Ответствовав так, пери снова принялись громко смеяться.

Царевна, услышав их слова, подумала: «Откуда явился этот юноша и кто он — небожитель или джинн, наделенный великой волшебной силой?» И спросила царевна, обратиться к пери: «Не он ли похитил наши одежды?» Ответствовала одна из служанок: «Вонистину справедливы слова госпожи». Молвила царевна: «Пойди и спроси у него». Ответствовала служанка: «Стыжусь я идти к нему одна». Приказала тогда Сери Ратна Гемала Нехран старшей из пери: «Ступай к юноше и разузнай, не видел ли он наших одежд».

И старшая пери отправилась к Индрапутре, который, присев рядом с летучим подносом, чертил на песке различные рисунки — облака и тучи всяческого вида. Спросила его посланница царевны: «О юноша, не видел ли ты здесь наших одежд?» Ответствовал Индрапутра: «Нет, не видел я никаких одежд, ласкал мой взор лишь гибкий побег благоуханного серея, чьи плоды прельститель-

по вздымались. Вот что видел здесь Индрапутра, сын махараджи Бикрамы Буспы».

Улыбнулась старшая пери и, поспешив к госпоже, сказала: «О госпожа, спрашивала я юношу, он же отвечал: „Не видел я никаких одежд, ласкал мой взор лишь гибкий побег благоуханного серея, чьи плоды прельстительно вздымались. Вот что видел здесь Индрапутра, сын махараджи Бикрамы Буспы“».

Царевна улыбнулась и, прикусив указательный пальчик, молвила: «Увы, должно быть, этот юноша, достойный казни, тешил свой взор, глядя на груди мои». Услышав слова госпожи, служанки звонко рассмеялись, ударяя себя руками в грудь и говоря: «Увы, он видел все наши забавы». Сказала тогда царевна, обратясь к старшей из пери: «Сдается мне, что не кто иной, как этот юноша, похитил наши одежды. Пойди спроси его еще раз».

Старшая из пери вновь приблизилась к Индрапутре и спросила: «О юноша, не видел ли ты здесь наших одежд?» Ответствовал Индрапутра: «Клянусь раджей Дэвой Лелой Менгерной, я не видел никаких одежд. Ласкал мой взор лишь белоснежный цветок жасмина, чьи увядшие листья осыпались на ветру. Вот что видел здесь Индрапутра, сын махараджи Бикрамы Буспы». Громко рассмеялась пери и, возвратившись к Сери Ратне Гемале Нехран, передала ей слова Индрапутры, а царевна, тоже смеясь и хлопая в ладоши, сказала: «Увы, должно быть, этот юноша, достойный казни, тешил свой взор, глядя на мой стан». И вслед за царевной принялись смеяться и хлопать в ладоши все служанки, повторяя: «Этот Индрапутра заслуживает смерти, ибо видел все наши забавы, да еще клялся именем жениха царевны». Молвила тогда Сери Ратна Гемала Нехран: «Нет более сомнений в том, что наши одежды похитил этот юноша».

В третий раз отправилась к Индрапутре старшая из пери и сказала, обратясь к нему: «О юноша, не видел ли ты здесь наших одежд?» Ответствовал Индрапутра, громко смеясь: «Клянусь женихом царевны Сери Ратны Гемалы Нехран, видел я лишь то, о чем поется в пантуне:

Птенец гаруды *, купавшийся утром,
Тонет, крылья вздымая грузно:
Обнял его в воде Индрапутра,
Сын махараджи Бикрамы Буспы».

Пери, смеясь, возвратилась к своей госпоже, передала ей слова Индрапутры и прошла его пантун.

Услышав пантун, царевна в волнении прижала руки к груди и молвила: «Увы, видел Индрапутра, как мы забавлялись здесь. Иначе откуда бы ему знать, что кто-то обнял в воде мой стан?»

Молвила тогда пери: «Достоин всяческого осуждения поступок сего юноши, который подслушал наши речи. Если узнает о случившемся раджа Дэва Лела Менгерна, он обрушит свой гнев на наши головы. Но разве в силах мы, о госпожа, не изумиться, глядя, как этот юноша, будто живых, рисует на песке драконов

и иные диковины! Он и лицом прекрасен, и мудр в обхождении, и умен в речах!»

Ответствовала царевна: «Сомнений нет. Это он похитил наши платья». Сказали пери: «Пусть лучше госпожа сама предстанет перед юношей. Быть может, он смягчится сердцем и вернет наши одежды». Молвила Сери Ратна Гемала Нехран: «Мне и помыслить стыдно о том, как я предстану перед юношей, да и что я скажу ему, как смягчу его сердце?» Смеясь, ответствовали служанки: «Мы тоже не знаем, что ему сказать». Сказала с улыбкой царевна: «Не подобает мне вести разговор с этим юношей». Ответствовали пери со звонким смехом: «А что случится? Разве причинил он нам своими речами хоть малейший вред? Только нас он не послушал, так, может, послушает царевну и отдаст одежды, которые похитил».

Вслушав служанок, царевна сдалась на их уговоры и, робко ступая, направилась к Индрапутре, не зная, достойное ли деяние совершает, и пылая от смущения. Приблизясь, она обратила свой взор на несказанно прекрасный лик Индрапутры, на его горделивую осанку и сказала, обратясь к юноше: «О брат мой, мы послушны твоей воле, поступай как пожелаешь, только верни наши одежды». Ответствовал Индрапутра: «Воистину мы с тобой брат и сестра». Молвила царевна: «Возврати наши одежды, и я дам тебе все, что пожелаешь». Спросил Индрапутра: «Это правда, что ты исполнишь любое мое желание?» Ответствовала Сери Ратна Гемала Нехран: «Как верная брату сестра, я дарю тебе все, что бы ты ни попросил». Молвил Индрапутра: «Поклянись, что не обманешь, и я верну ваши платья». Услыхав это, возрадовалась царевна и поклялась, говоря: «О юноша, воистину нерушима наша верность друг другу».

Индрапутра возрадовался и молвил, обратясь к Сери Ратне Гемале Нехран: «О сестрица, ежели правда то, что ты сказала, подари мне чудесный талисман, покоящийся на кровле твоего дворца. Тогда я верну одежды». Царевна замолчала, услышав слова Индрапутры, сама же подумала: «Откуда узнал он о талисмане? Видно, придется отдать ему это сокровище, тогда он возвратит нам платья. Иначе мы не сможем вернуться во дворец, к тому же я нарушу свою клятву. Лучше уж исполнить его желание». Подумав так, молвила Сери Ратна Гемала Нехран: «О брат мой, я дарю тебе то, о чем ты просишь, только поведай прежде, чей ты сын, кто твой отец, как ты попал сюда и откуда узнал о моем талисмане». Ответствовал Индрапутра: «О царевна, я сын махараджи Бикрамы Буспы, зовут же меня Индрапутрой». И рассказал он царевне обо всем, что с ним произошло от начала и до конца, и, выслушав его, Сери Ратна Гемала Нехран пришла в изумление.

Покуда они так беседовали, к царевне прибежали служанки, говоря: «О госпожа, попроси юношу поскорей вернуть нам наши одежды, ибо вскоре явится сюда хранительница моря и обо всем

расскажет твоему отцу». Услышав это, молвил Индрапутра: «Не страшись, о сестрица, ибо я довожусь внуком хранительнице моря». Меж тем хранительница моря, смеясь, приблизилась к ним, и поведала ей Сери Ратна Гемала Нехран о клятве, данной Индрапутре. Молвила тогда пери: «О царевна, нет беды в том, что назвала ты Индрапутру братом, ибо он тоже происходит из рода могущественных раджей». От этих слов приязнь царевны к названому брату Индрапутре преумножилась, служанки же сказали: «О госпожа, нам надо поспешить во дворец, ибо он давно пустует».

И обратилась Сери Ратна Гемала Нехран к Индрапутре: «О брат мой, возврати наши одежды, я же дарую тебе волшебный талисман». Индрапутра согласился и принес одежды. Сказала тогда Сери Ратна Гемала Нехран: «О брат, если ты желаешь, чтобы я даровала тебе талисман, отправляйся вместе с нами во дворец». Ответствовал Индрапутра: «Как же я достигну дворца? Я ведь не умею летать!» Молвила царевна: «О брат мой Индрапутра, тебя домчит летучий поднос, только в пути не оглядывайся, не то упадешь на землю». Сев на поднос, сказал Индрапутра царевне: «Смотри же, не нарушь своей клятвы!» Ответствовала царевна: «Не тревожься, ибо я никогда не отступаюсь от своего слова».

Сказав так, царевна вместе со служанками поднялась на небесам, а поднос последовал за ними, и с высоты вся земля показалась Индрапутре величиной с невысокую гору. Вскоре они достигли лугов, именуемых Белантара Хайрани, которые своей красотой повергли Индрапутру в изумление. Там и находился дворец царевны. Приметив, что залюбовался Индрапутра прекрасными лугами, царевна приказала подносу спускаться на землю, а Индрапутра не мог понять, отчего опустился летучий поднос. Поднявшись на ноги, Индрапутра направился к стоявшему в отдалении дворцу, глянул вверх, но не увидел более пери — они скрылись из виду.

Индрапутра достиг дворца, подобного огнедышащей горе, испускающей ослепительное сияние, и так подумал: «Куда я попал и что это передо мной? Увы, напрасно я возвратил одежды коварным пери». Приблизясь, увидел Индрапутра, что окружает дворец Сери Ратны Гемалы Нехран решетчатая ограда из дамасской стали, а ворота в стене, выкованные из чистого золота и изукрашенные драгоценными алмазами, были так прекрасны, что поражали всякого своим величием. Стражем у ворот был поставлен могучий слон права весьма свирепого. Он грозно взмахивал ушами, будто собирался броситься на Индрапутру. Подле ворот росло раскидистое баньяновое дерево с ветвями из золота, листьями из серебра и плодами из сверкающих рубинов, и слон был привязан к этому дереву.

Объятый страхом, подумал Индрапутра: «Не будь слон привязан, верно, бросился бы на меня» — и еще больше устрасился при этой мысли. Пери же смеялись, глядя на Индрапутру из дворца,

и он опять посетовал, что возвратил им одежды. И так сказал себе Индрапутра: «Чем терпеть позор, лучше пасть в битве со свирепым слоном. Ведь только единожды принимают смерть». Выхватил он меч из ножен, приблизился к огромному зверю, но вдруг заметил, что слон вперил в него неподвижный взгляд. Подумал тогда Индрапутра: «Слон этот, верно, не живой — только изваян искусно», — нашел нить, тянущуюся от зверя к мудреному механизму, разрубил ее мечом, и чудесный слон, рухнув наземь, застыл недвижимый. Увидел тогда Индрапутра, что слон выкован из дамасской стали, бивни у него — из горного хрусталя, глаза — из зеленых изумрудов, а когти — из бирюзы. Укрывала же слона попона из златотканой парчи, расшитой многоцветными нитями. И подивился Индрапутра чудесному слону и великому искусству того, кто его изваял.

Войдя в ворота, Индрапутра увидел перед собой вторую ограду из драгоценного сплава, ворота же были из чистого золота, затейливо изукрашенного. Только собрался Индрапутра пройти через те ворота, как заметил их стража — тигра, который грозно ощерил клыки, поджал хвост и прядал ушами, словно изготавляясь к прыжку. И был тигр привязан к гранатовому дереву. Подивившись на зверя, Индрапутра бросился к нити, приводившей его в движение, разрубил ее, и тигр, пав наземь, застыл недвижимый. И увидел Индрапутра, что тигр изваян из драгоценного сплава меди и золота, когти у него из жемчуга, глаза — из синего стекла, язык — из рубинов, а лапы — из горного хрусталя.

Пройдя через вторые ворота, Индрапутра подивился их несказанной красоте и направил стопы свои к третьей ограде с воротами из свинца, затейливо изукрашенного. Ворота эти сторожил лев, привязанный к виноградной лозе. Лев грозно разинул пасть, стал бить хвостом и поводить глазами, словно желая пожрать Индрапутру. Индрапутра же, помыслив, что сей лев тоже чудесное изваяние, перерубил мечом нить, приводившую его в движение, и, подобно остальным тварям, лев пал на землю и застыл недвижимым.

Индрапутра достиг четвертой ограды с решеткой из драгоценного сплава и воротами из чистого золота, на которых были вычеканены дивные цветы. Сторожил те ворота свирепый носорог, устремившийся к Индрапутре, гибельно разверзнув пасть. Привязан носорог был к финиковой пальме, чьи листья трепетали на ветру и звенели, подобно голосам перекликающихся людей. Подивился Индрапутра на носорога, раздумывая, не чудесный ли он, а царевна, видя, что юноша в сомнении, смеялась со служанками, глядя на него. Индрапутра же заметил, что не светятся глаза у зверя, и помыслил: «Воистину сей носорог — диковинное творение рук». Он разрубил нить, приводящую в движение чудовище, и носорог пал на землю и застыл. Был он изваян из цельного куска горного хрусталя, а язык его — выкован из дамасской стали и остро наточен.

Приблизившись к пятой оgrade, с решеткой из серебра и воротами из чистого золота, Индрапутра увидел стража ворот — семиглавого дракона, отверзшего все семь своих пастей, высунувшего семь языков и устрашающе очерившегося, так что его нижние губы легли на землю, верхние же касались дверей дворца. И объял страх душу Индрапутры при виде грозного дракона, царевна же и служанки громко смеялись над его робостью. И подумал Индрапутра: «Ежели войду, дракон проглотит меня». Дивясь его грозному виду, бросился он к нити, приводящей в движение чудовище — хранителя врат, перерубил ее, и навеки застыл дракон недвижимым.

Индрапутра же отправился дальше и достиг шестых ворот в решетчатой оgrade, которые стерегла страшная и грозная гаруда, привязанная к казуарине. Индрапутра приблизился к гаруде, увидел, что и она — чудесное творение, и подивился, с каким искусством изваяли ее тело из магнитного железа, глаза — из мрамора, когти же выковали из дамасской стали. Перерубил Индрапутра нить, протянувшуюся к казуарине, гаруда встрепенулась и навеки застыла недвижимой.

Наконец Индрапутра очутился у седьмой оgrades. Ее решетка была из красной меди, ворота же — из цельного изумруда. Еще издали он приметил какое-то чудовище, подобное клубам дыма, издымающимся к небесам, а приблизившись к воротам, узрел раксасу на зеленом коне, вращающего в каждой руке по обнаженному мечу. Увидев раксасу, Индрапутра подивился, поднял с земли ветку, бросил ему, и великан будто ножницами перерезал ветку мечом. Тогда понял Индрапутра, что и раксаса — чудесное изваяние, и в тот же миг услышал доносившийся из-под земли гул. Разрыв землю, Индрапутра нашел золотое колесо, от которого к чудовищу тянулась серебряная нить. Индрапутра перерубил эту нить, и, рухнув наземь, застыл недвижимым грозный раксаса. Так, сокрушив все волшебные преграды, Индрапутра прошел через семь ворот и направился ко дворцу царевны.

Подивившись уму и храбрости Индрапутры, царевна повелела убрать дворец изукрашенными золотым шитьем парчовыми занавесами и покрывами из тончайших шерстяных тканей и зажечь китайские фонари, свечи и масляные светильники во всех покоях. После же приказала четырем служанкам отнести Индрапутре благовонные притирания, шафрановый порошок и прекрасные одежды, дабы, совершив омовение, он мог в них облачиться.

Четыре служанки предстали перед Индрапутрой и, почтительно склонившись, молвили: «О господин наш, царевна зовет тебя в сад Любовного Томления». И Индрапутра последовал за четырьмя служанками.

Сад, в который они вошли, был окружен решетчатым забором из драгоценного сплава, и вела в него калитка из чистого золота и драгоценных камней девяти видов, изукрашенная многоразличными самоцветами. В том саду Индрапутра узрел всяческие дива,

искусно сработанные, разостланные на земле покровы из тончайших шерстяных тканей, а на них — мягкие подушки, расшитые золотой нитью.

В саду стояла прекрасная беседка, укрытая в тени дерева с золотым стволом, листьями из изумрудов и плодами из голубых сапфиров, на самой его вершине танцевал, распутив хвост, павлин несказанной красоты. Когда легкий ветерок шелестел в древесной листве, слышался звон касавшихся друг друга листьев, подобный сладостным звукам оркестра. И повсюду в том саду распевали свои песни скворцы, длиннохвостые попугаи улаживали слух прекрасными шанрами, а красные попугаи рассказывали всевозможные истории. Разноцветные рыбки в пруду всплывали на поверхность, волнуя воду, и она бурлила, напоминая голоса перекликающихся людей или постукивание пестов в руках женщин, толкущих рис. Индрапутра подивился всем этим чудесам и, восславив имя Всевышнего, подумал: «Как же помыслить о Нем, если даже рабы Его наделены такими сокровищами?»

Когда Индрапутра опаматовался, к нему с почтительным поклоном приблизилась пери и молвила: «О господин наш Индрапутра, не медли, соверши омовение». Ответствовал Индрапутра: «Прежде вы войдите в воду, а после я». Пери улыбнулись и промели такой пантун:

Коль светит лупа, темноту серебра,
Зачем же укрыта за звездным забором;
Коль правду сказал ты, назвавши себя,
Зачем же боишься предстать нашим взорам?

Индрапутра улыбнулся и ответствовал таким пантуном:

Отмерить на баджу два локтя ткаши
Раджа Индрагири * не покусится;
Меня увидите вы не ранее,
Чем вашей красою мой взор насладится.

Пери засмеялись словам Индрапутры, а он пропел еще и такой пантун:

Поймали рыбу и рыбу ту
Глушат молотом деревянным;
Ничуть не стыжусь за свою красоту,
Стыжусь, что пагим перед вами предсташу.

Пери звонко расхохотались, Индрапутра же, сбросив одежды и умастившись притираниями и толченым шафраном, вошел в прекрасный пруд и наслаждался ароматом его вод, благоухавших подобно розовой воде. Когда он совершил омовение, пери принесли различные благовония и драгоценные одежды, дарованные Индрапутре царевной, и, дивясь красоте юноши, в один голос воскликнули: «Воистину прекрасен Индрапутра, вполне под стать он Сери Ратне Гемале Нехран».

Они поднесли Индрапутре благовония и одежды на подносе из бирюзы и, почтительно склонившись, молвили: «О господин наш

Индрапутра, сей наряд тебе прислала царица Сери Ратна Гемала Нехран, не отвергай его, ибо он дарован в знак ее искренней сестринской привязанности». Выслушав слуганок, Индрапутра улыбнулся и, облачась в новые одежды, направился во дворец, к царице.

Обратясь к нему, молвила Сери Ратна Гемала Нехран: «Войди, о брат мой». Индрапутра вошел в зал для приемов и склонился до земли перед царицей в почтительном поклоне. Сказала царица: «Воссядь, о брат мой, на позлащенный престол, и пусть все мои служанки предстанут пред тобою». Царица приказала подать бетель в золотом сосуде и стала угощать Индрапутру. Когда же Индрапутра отведал бетеля, слуги внесли блюдо с яствами, поставили перед гостем и Сери Ратной Гемалой Нехран, и они вместе вкушали те яства. После слуги наполнили чаши пьянящими напитками, и, пока Индрапутра тешился ими, царица про себя подумала: «Надо бы мне испытать верность Индрапутры. Может, захмелев, он раскроет свои тайные мысли?»

И царица произнесла заклинание над бирюзовым кубком, осушив который Индрапутра захмелел, будто от дурмана базиликовых цветов. Тогда она подала знак служанкам, и те пропели такой пантун:

Возят быки и кони гневные
Рис в амбары Данг Джазираты;
Едва повстречаются молодые —
Сердца их уже любовью объаты.

Склонив голову на грудь, Индрапутра отвечал таким пантуном:

Возят быки и кони исправно
Млечный сок древесных ветвей;
Хоть повстречались совсем недавно,
Стала царица сестрою моей.

Услыхав пантун Индрапутры, засмеялись царица и служанки, и Сери Ратна Гемала Нехран вновь подала знак пери, дабы они пропели такой пантун:

У Ратны Вали погибли посевы,
Хоть в поле трудилась она все утро;
Воистину предаи ли ты царице,
Ответствуй, о доблестный Индрапутра.

Индрапутра улыбнулся и отвечал таким пантуном:

Можно, когда оскудеют поля,
Сбором цветов заработать на жизнь;
Не знает пределов верность моя,
Иначе я не был бы сыном раджи.

Пери рассмеялись, подали новые яства, и, отведав их, сказал Индрапутра, обратясь к Сери Ратне Гемале Нехран: «О сестрица, сейчас уже поздняя ночь, позволь мне покинуть твои покои».

Выслушав Индрапутру, царица приказала украсить для него

беседку Ши́пы Страстоцвeта. Резные опоры той беседки были из ароматного дерева келембак, стены — из красного стекла, а крыша — из белого. Служанки разостлали многослойные покрывала, вытканные из тончайшей шерсти, повесили парчовые завесы, зажгли мерцающие свечи, китайские фонари и масляные светильники.

Когда все было готово, молвила царица, обратясь к Индрапутре: «О возлюбленный мой, отправляйся почивать в беседку Ши́пы Страстоцвeта». Индрапутра улыбулся, услышав, как прозывается беседка, и, простясь с царицей, удалился в сопровождении слуганок. Подивившись красоте беседки, убранной парчовыми завесами, Индрапутра возлег на ложе и увидел зеркало из горного хрусталя, а над зеркалом — цветок.

На цветке сладостно щебетала малая пичуга дивной красоты, а другая, примостившись на ковре у ног Индрапутры, отвечала ей нежным голосом, подобным напеву свирели. Вдруг та пичуга, что сидела на цветке, перелетела на край сосуда для омовения и брызнула на Индрапутру водой, благоухающей ароматным нардом. Индрапутра подивился сему чуду и многим иным чудесам и опочил, теша свой слух прелестительными звуками.

Поутру Сери Ратна Гемала Нехран приказала одной из слуганок отнести Индрапутре сосуд с бетелем. Служанка пришла к беседке Ши́пы Страстоцвeта и, найдя Индрапутру спящим, пропела такой пантун:

На ранней заре душистый жасмин
Я собирала в сосуд золотой;
Вставай поскорее, о господин,
Солнце сияет над головой.

Индрапутра вздрогнул, услышав слова слуганки, и, поднявшись с ложа, пропел такой пантун:

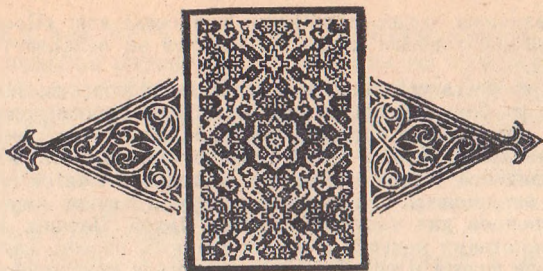
Волшебному саду, где воздух свеж,
Дивится изнеженный Лаксамана;
Сладостный сон не смежает вежд
Ведным скитальцам в краях чужестранных.

Служанка улыбулась, услышав тот пантун, а Индрапутра, прополоскав рот и умывшись над золотым тазом, отправился во дворец Сери Ратны Гемалы Нехран. Царица приветствовала его и усадила на позлащенное кресло, изукрашенное драгоценными камнями. Между тем служанки внесли поднос со всевозможными яствами и поставили перед Индрапутрой, он же, утолив голод и взяв щепотку бетеля, спросил: «О сестрица, где волшебный талисман?»

И ответствовала царица: «О брат мой, возьми сей талисман и помни, что он поможет тебе во всяческих делах. Если ты пожелаешь основать страну, назови имя моей бабки — государыни Дэвы Лангкурбы, обитающей в морской пучине, и в тот же час явится перед тобой прекрасный город и трон могущественных рад-

жей, юные прислужницы и неисчислимое воинство пери, джииннов, духов и небожителей в боевом облачении. Перед тобой предстанут также их предводители — Дикар Агус, Дикар Килат, Дикар Алам и Сегентар Алам. Стоит тебе лишь приказать, и Дикар Килат в мгновение ока отправится в любую отдаленную страну или же на дно морское. А Дикар Агус по твоему желанию низвергнет на землю дождь, и ветер, и всепожирающее пламя. Вот какова сила сего талисмана».

Молвил тогда Индрапутра: «О сестрица, воистину велика любовь ко мне в сердце твоём. Но я отвечу тебе такой же преданностью». Выслушав Индрапутру, Сери Ратна Гемала Нехран отдала ему талисман, а Индрапутра принял его с великой радостью. После служанки подали всевозможные сласти и студёные напитки. И вместе с царевной Индрапутра сел за трапезу.

ПОВЕСТЬ ОБ ИСМЕ ЯТИМЕ

Принято считать, что в малайской традиции была слабо развита такая важная отрасль мусульманской словесности, как литература адаба. Само слово «адаб» (араб. «воспитанность», «правильный образ поведения») означало совокупность моральных, общественных и интеллектуальных достоинств, необходимых культурному человеку, благодаря которой его разум свободно и непринужденно проявляет себя во всех поступках. Литература адаба на Ближнем Востоке состояла главным образом из тщательно подобранных антологий, включавших утонченные назидательные истории, изречения мудрецов, отрывки из стихотворений прославленных поэтов и т. д. Ее целью было, «беря всего понемногу, просвещать, не утомляя, и наставлять, развлекая». Действительно, подобные антологии и близкие к ним по характеру зеркала не столь уж часты в малайской классической литературе — основные их функции принимают на себя иные литературные жанры, в частности волшебнo-авантюрные повести. Уже произведения типа «Повести об Индрапутре» предназначались не только «для души», но и «для ума». Делалось это косвенно, через показ жизненного пути героя, в котором подчеркивались его разумность и воспитанность — вежество. По своим задачам еще ближе к литературе адаба «Повесть об Исме Ятима», появившаяся скорее всего в XVII в.

«Адабные» цели своего труда автор повести ясно излагает в предисловии к ней: «Знайте все, кто станет читать эту повесть: в ней заключено четыре вида пользы. Первый проявится, когда вы станете следовать этой повести, и имя ему — „указание“; второй — когда, говоря в собрании, вы процитируете к случаю что-либо из нее, и имя ему — „выражение“; третий вид обнаружится, когда государи станут вас спрашивать о каком-либо трудном вопросе, и вы с почтительным поклоном ответите: „О мой господин, повелитель мира, вот что узнал ваш раб из некой повести“ — и имя ему — „подходящая история“; четвертый же вид таков, что, если услышат это сочинение пребывающие в подавленности, возрадуются их души, и имя ему — „повесть“. Вот что должны знать о полезных свойствах этого сочинения все, кто станут его читать, и тогда их назовут сведущими».

«Повесть об Исме Ятима» содержит все необходимые для волшебнo-авантюрного жанра мотивы. Здесь и брак государя с царевной Мехран Лангкави, которая скрывалась в чудесном сафире, привезенном заморским купцом, и война с владельцем Рума — Сафарданом, и спасение Исмой Ятимом царевны Мехран Лангкави, оклеветанной старшей женой раджи, и многое другое. Однако в отличие от, скажем, автора «Повести об Индрапутре» любовные сцены (одна из лучших среди них — рассказ о том, как государь в полной темноте пытается отыскать Мехран Лангкави «по дивному аромату», распространяемому ею), батальные эпизоды,

описания различных чудес и диковин для создателя «Повести об Исме Ятиме» — лишь необходимая канва, по которой он вышивает узоры изящных назиданий.

Под стать этой его установке и мудрый герой повести, Исма Ятим, которого отличает от большинства героев подобных произведений то, что он не царевич, а литератор и советник государя. Еще в детстве, пройдя обучение у наставщика Суффана, Исма Ятим пишет повесть, которая с благословения родителей тотчас становится настольной книгой его соучеников. Вслед за тем он является к главному везиру и читает ему новое произведение, сочиненное для государя страны Индра Патани. Везир, восхищенный достоинствами повести и ее изысканным слогом, заверяет юношу, что она «ценнее золота и серебра», и ведет его к повелителю. Тот, очарованный еще больше, принимает Исму Ятима на службу. Отныне он пишет удивительные и назидательные сочинения, «веселит душу» раджи всевозможными историями, придумывает различные забавы, играет на музыкальных инструментах и, став «хранителем ковров и покровов», тклет государю прекрасный ковер. Перечень всех этих искусств, которыми владеет придворный литератор, весьма характерен и многое объясняет в особенностях художественного строя волшебнo-авантюрных повестей.

Став государственным мужем, Исма Ятим неустанно проявляет свою мудрость и величество: миром улаживает военный конфликт, управляет страной на благо повелителю и подданным, удерживает государя от безрассудных поступков и, наконец, выдает его дочь, сменившую отца на престоле, замуж за царевича Индру Мемпелей, который, как и подобает просвещенному наследнику престола, делит время между изучением богословских паук, воинскими забавами и занятием изящными искусствами. При этом автор повести — некий Исмаил — использует всякую возможность, чтобы вложить в уста главного героя или иных персонажей наставления о свойствах идеального мужчины и идеальной женщины (последнее «разыграно» как изысканная беседа фонаря, свечи, занавеса и павлина), о достоинствах государя, везира, полководца, купца, об идеальном государственном устройстве и знаниях, подобающих высокородному юноше. Как и во всей литературе адаба, художественный и учительный элементы повести слиты, а назидания даются в афористической и образной форме и легко запоминаются благодаря особым мнемоническим приемам, к которым прибегает автор. Например, запоминание свойств идеальной жены облегчено тем, что название каждого из них совпадает с одной из букв слова «женщина».

Проделки царвны-из-сапфира

Капитан повелел подать другой ларец, и, лишь только слуга его принес, сказал: «Вот диковинная забава, история коей такова. Как-то раз, странствуя по морям, я достиг острова Лангкави* и попал в безветрие, так что паруса на корабле обвисли, пресная же вода была на исходе. Мы немало опечалились и хотели было послать лодку на остров за водой, однако старый кормчий удержал нас, ибо на всякое судно, заходившее на остров, обрушивались ураган и гроза, молния и гром и губили его. Поэтому никто не осмеливался там причаливать.

Все мы ослабели от жестокой жажды, и вот как-то раз, уснув, я увидел во сне почтенного старца, стоявшего посреди чалубы, который, обратясь ко мне, молвил: „О капитан, скорее проснись, отправляйся на остров Лангкави и взойди на вершину горы, венчающей его. Там ты увидишь ларец из слоновой кости. Возьми тот ларец, в нем сокрыт хрустальный ящичек, в ящичке — шкатул-

ка из бирюзы, в ней же — сапфир, в котором обитают два павлина. Оперение их подобно изумруду, глаза у них из алмазов, клювы из безоаров, когти из сапфиров. Выйдя из сапфира, они станут с несказанным изяществом танцевать на золотом подносе, распутив хвосты и распевая пантуны и селоки. Есть в той шкатулке и иной сапфир. Ежели положить его на позлащенное ложе — из него выйдет царевна, несравненной прелестью лика подобная четырнадцатидневной луне, сияющей в небесах“.

Услышав те слова, я пробудился и поднялся с ложа. Помня же о сне, приказал спустить на воду лодку и отправился на остров Лангкави вместе со всеми матросами. Мы отчалили и гребли что было сил, пока не достигли острова. А когда достигли его, я взшел на вершину, и в тот же миг загредел гром, засверкали скрепящиеся молнии, озаряя своим сиянием все вокруг, и я содрогнулся от ужаса. Однако через мгновение грозная мгла рассеялась, и я увидел ларец слоновой кости, что пригрезился мне во сне. Открыв ларец, я нашел в нем хрустальный ящичек, в ящичке — бирюзовую шкатулку, а в шкатулке — два сапфира. И едва я положил меньший сапфир на золотой поднос, как из него вышли два павлина, во всем сходные с теми, о которых рассказал старец; когда же положил на поднос больший сапфир — из него никто не явился. И я убрал сапфиры в шкатулку, шкатулку — в ящичек, а ящичек — в ларец и, забрав его с собой, приказал запасти пресной воды. После же вернулся на корабль. Меж тем подул ветер, мы подняли якорь и отплыли от острова. Вот как, о брат мой, я добыл эти диковины».

Выслушав тот рассказ, Исма Ятим весьма обрадовался и сказал: «О брат мой, весьма посчастливилось тебе, ибо ты сумел добыть сии диковины. Однако, если ты оставишь их у себя, — не избежишь беды. Ведь прознай о них государь — да еще из лживого рассказа, — он непременно решит, что ты скрываешь похищенную царевну». Сказал капитан: «Воистину справедливы твои слова. Никому иному я не открыл бы этой тайны, ибо недостойно владеть сими диковинами. По моему разумению, тайну царевны вовсе нельзя разглашать. Итак, прошу тебя — почтительно повергни сии диковины к стопам его величества, однако умолчи о царевне, лишь о павлинах поведай ему». Ответствовал Исма Ятим: «О брат мой, покажи мне свои диковины, дабы я мог их узреть. Что же до тайны царевны, то, клянусь Господом, я никому не открою ее до поры».

И капитан открыл сундук, достал ларец слоновой кости, сработанный с небывалым искусством, из него — хрустальный ящичек и бирюзовую шкатулку и, вынув сапфиры, положил их на золотой поднос. Из одного сапфира вышли два павлина несказанной красоты, толь-в-точь такие, как те, о коих рассказывал капитан, а из другого — царевна. И Исма Ятим весьма обрадовался обретению той забавы, когда же увидел, как павлины танцуют, распутив хвосты и распевая пантуны и селоки, изумился величию Вседержителя и произнес такой бейт:

Сумей узреть Его величье в том,
Как ужасают молния и гром.

После так помыслил в сердце своем: «Говаривал мой господин, что, если не явлю я ему преданности, не будет пользы от милостей, которыми он меня удостоил». И Исма Ятим произнес такой гуриндам:

Хвала преславному владыке моему,
Узнает он, сколь предан я ему.

Прочитав те стихи, сказал Исма Ятим: «О брат мой, поспешим к государю и преподнесем ему сии диковины, хранящиеся в ларце слоновой кости». И они отправились к его величеству, взяв ларец и тончайшую ткань, именуемую рамбути.

В то время государь восседал на престоле в окружении подвластных раджей, везиров, евнухов, телохранителей, гонцов и подданных своих разного звания. И Исма Ятим, обремененный дарами, вошел вместе с капитаном в зал для приемов, преподнес ларец государю и, склонившись до земли, восславил его. Государь же тотчас приветствовал Исму Ятима и молвил, обратясь к нему: «О Исма Ятим, отчего с опозданием предстал ты предо мной?» Ответствовал Исма Ятим с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира, о прощении и милости молю я, припав к твоим стопам. Будь я даже быстр, как сокол, не сумел бы исполнить высочайшего повеления, ежели бы не взялся за дело надлежащим образом». И, сказав так, Исма Ятим поставил пред его величеством ларец из слоновой кости и разостлал ткань рамбути. После же молвил с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира, вот дары капитана, которые он повергает к вашим стопам». И Исма Ятим поведал историю капитана и рассказал о том, как он добыл свои диковины и как побывал на острове Ланг-кави. Обо всем этом он сообщил его величеству, государь же весьма обрадовался, услышав о тех диковинах, повелел открыть ларец и, дивясь его небывалой красоте, молвил: «По моему разумению, человек не мог бы сработать такого ларца». С почтительным поклоном сказали раджи, везиры и военачальники: «Воистину справедливы слова нашего господина».

И государь повелел открыть ларец слоновой кости, в ларце же увидел хрустальный ящичек превосходной работы. По воле его величества открыли тот ящичек и в нем нашли шкатулку из бирюзы, а в шкатулке два сапфира. Тогда Исма Ятим взял меньший сапфир, положил его на золотой поднос, и из сапфира вышли два несказанно прекрасных павлина; другой же сапфир он опустил в хрустальный флакон, и тотчас тот сапфир зазвучал, и полилась из него музыка дивной красоты, в коей сменяли друг друга сто двенадцать ладов.

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что павлины меж тем распустили хвосты и принялись танцевать с небывалым изяществом то на один, то на другой манер, распевая пантуны и село-

ки, улаждающие слух. А драгоценный сапфир сам собой закружился во флаконе и стал переливаться и играть, заливая светом весь зал для приемов, так что государь, подвластные раджи и все, кто окружал трон, озаарились многоцветным сиянием. И его величество изумлялся и ликовал, взирая на танцы павлинов и внимая тем звукам, а подданные его восхваляли диковины капитана.

Тогда Исма Ятим улыбнулся и, дабы сильней раззадорить павлинов, произнес такой бейт:

Учтивые слова всего скорей
Пред нами распахнут сердца людей.

А павлины, услышав его слова, принялись петь и танцевать с еще большим самозабвением.

Затем Исма Ятим произнес такой бейт:

Лишь отворил сокровищницу — вмиг
Я тайну в ней сокрытую постиг.

И государь улыбнулся, услышав тот бейт, павлины же поняли намек Исмы Ятима и, танцуя, пропел такой пантун:

Собрался в путь Индра Джайя и рад,
Что нынче ската поймает в сети;
Мой господин, словно кайи пеликат,
Который не сыщешь на целом свете.

Пропев же пантун, стал приставать с нежностями к паве, которая, оттолкнув его крылом, сказала: «Опять ты за свое, господин, неужели не стыдно тебе перед людьми». И государь улыбнулся, услышав слова павы, все же везиры, военачальники, телохранители и подданные его засмеялись, глядя на проделки павлинов, заигрывающих друг с другом, словно муж с женой. Следом за ними рассмеялся и государь, так что сверкнули белизной его зубы, и, приметив то, пава пропела такой пантун:

Наряд из тканей, что радует глаз,
На радже, которого слуги несут;
Почистишь зубы — опи, как алмаз,
Отполируешь — как изумруд.

Тогда павлины также восславил государя таким пантуном:

Коль нежную зелень к рису подашь —
Съедят подчистую с приправой пряной;
Коль разойдется владыка нап —
Смешливей тех, что пьяны от дурмана.

Пава же ответствовала на его хвалу своей и пропела такой пантун:

Парусник морем везет щиты,
Затопленный ствол челноку угрожает;
Словно месяц меж звездами ты,
Когда твое войско тебя окружает.

И, когда его величество удостоверился в сметливости тех птиц, павлин расправил крылья и, склонившись, словно слуга, приветствующий повелителя, пропел такой пантун:

Девушка искусная Данг Малини
Цветы собирала в сосуд золотой;
Этот кайи я искал бы доныне,
Когда бы не повстречался с тобой.

Когда музыка и пение смолкли, его величество одарил капитана дорогими одеждами и нарядами без числа, а капитан склонился до земли и восславил государя. Молвил его величество: «О капитан, я еще не вознаградил тебя как должно за ту приязнь, которую ты мне явил». Тогда Исма Ятим склонил голову, подавая государю знак, дабы он оставил капитана в своей стране и сделал своим рабом, ибо он слышал, что капитан хочет обосноваться в каком-либо городе, и был тот капитан богатым купцом. Оттого-то и подумал Исма Ятим, что лучше его величеству оставить капитана у себя, нежели отпускать в другой город. Так государь получит двойную выгоду, Исма Ятим же окажет ему двойную услугу.

Поняв, почему Исма Ятим склонил голову, молвил государь: «О капитан, ежели искренна и чистосердечна твоя приязнь ко мне, оставайся в стране сей; ибо еще не натешилась моя душа нашей дружбой». И капитан склонился до земли и, приблизясь к государю, отвечивал с почтительным поклоном: «О господин мой, повелитель мира, я жалкий раб и потому исполню всякое ваше повеление». Государь же весьма обрадовался, услышав почтительные слова капитана, и повелел приискать кампунг, где бы тот мог поселиться, а когда такой кампунг нашли — пожаловал его капитану и щедро его одарил.

После того как государь явил знаки своей милости капитану, слуги внесли блюда со всевозможными лакомствами и поставили их пред лицом собрания раджей, военачальников, евнухов и телохранителей, и те принялись вкушать — каждый из своего блюда. И государь потчевал капитана разнообразными по вкусу яствами. Когда же трапеза закончилась, слуги подали пьянящие напитки и пустили по кругу позлащенную чашу, изукрашенную самоцветами. И едва гости захмелели, будто от дурмана базиликовых цветов, запели сладкоголосые певцы и принялись танцевать танцовщицы. Тем временем наступила ночь, и государь удалился во внутренние покои дворца, гости же разошлись по домам.

Войдя в опочивальню, его величество поставил ларец подле своего ложа и, достав из бирюзовой шкатулки сапфиры, один положил на золотой поднос, другой же — в хрустальный флакон. И тотчас закружился сапфир во флаконе, переливаясь и меняя цвета, сияние его озарило терем, и государь с женой, дворцовыми девушками и служанками залюбовались теми многоцветными переливами. А из сапфира полилась несказанно сладостная музыка, звучавшая на сто двенадцать ладов. И все, кто внимал ее звукам, словно бы лишились чувств, восхищенные их многообразием. Тогда

павлин и пава, чьи тела были цветом подобны изумруду, глаза изваяны из самоцветов, языки — из безоаров, ноги — из разноцветного мрамора, коготки же — из изумрудов, вышли из драгоценного камня и, распустив хвосты, принялись с несказанным изяществом танцевать на золотом подносе, распевая пантуны и селюки, бейты и шайры, дабы усладить душу государя и государыни. Государь же любовался ими, восседая на позлащенном троне, изукрашенном самоцветами, в окружении дворцовых девушек и служанок.

Меж тем служанки зажгли китайские фонари, светильники, свечи и масляные лампы вокруг трона и за расшитой золотом завесой государевой опочивальни. И молвил его величество, обратясь к жене: «О возлюбленная, думается мне, что ежели здесь, на земле, таковы дела Аллаха — преславен Он и возвышен! — Господа миров, чье величие наполняет вселенную, то сколь же поразительны они в мире потустороннем!» Ответствовала государыня: «Воистину сираведливы твои слова, как прекрасно лицезреть величие Господа миров, преданность Исмы Ятима и сии невиданные диковины!»

Сказав так, она прилегла на ложе, а государь сел подле и все не мог наслушаться музыкой, лившейся из сапфира, и наглядеться на танцы павлинов. Потом он взял жену к себе на колени и принялся целовать и ласкать ее, нашептывая нежные слова и шутя, дабы усладить ее душу. А дворцовые девушки со служанками заметили, что государь и государыня, предавшиеся любви, подобны солнцу и полной луне, льющим яркий свет; придворные же, окружившие их, — мерцающим звездам. Тогда они опустили завесу и опочивальне, и супруги возлегли за завесой, расшитой золотыми нитями, и голос государя, напевавшего шайр, доносился из-за нее, словно гудение шмеля, пьющего нектар из благоуханного цветка.

Утром государь и государыня поднялись с ложа, отправились в купальню и совершили омовение. Затем облачились в прекрасные одежды, умастились благовониями и воссели на позлащенный трон. Слуги же чередой внесли всевозможные яства, поставили их перед его величеством и его супругой, и те принялись за трапезу в окружении дворцовых девушек и служанок. Насытившись, государь отведаль бетеля и начал шутить с женой, веселя ее душу.

Так изо дня в день царственные супруги тешились вместе со всеми обитателями дворца разными диковинами, а Исма Ятим неизменно развлекал его величество всевозможными сказаниями и историями и придумывал различные забавы.

Тот, кому ведома сия повесть, рассказывает, что как-то вечером его величество и государыня Пермейсури Индра веселились с дворцовыми девушками и служанками. Натешившись, они удалились в опочивальню и возлегли там за расшитой золотом завесой, а девушки, как всегда, принялись лакомиться всевозможными фруктами и сладостями и умащаться благовониями. После же все уснули.

Тогда царевна Мехран Лангкави так помыслила в сердце своем: «До каких пор мне скрываться в сапфире? Выйду-ка я из него

и сыграю шутку с государем и государыней». Подумав так, она вышла из сапфира, подобная полной луне, встающей в свою четырнадцатую ночь из-за края моря и серебящей волны искрящимся светом, нестерпимым для глаз. Тот свет, озарявший лицо царевны, заиграл в самоцветах и драгоценных уборах государева терема, однако же сама она своим сиянием затмевала их блеск.

Когда Мехран Лангави вышла из сапфира, государь заворочался во сне, но спросонок принял ее за лунный свет, льющийся сквозь решетчатые окна терема, повернулся к жене и, натянув на голову одеяло, вновь опочил. Сердце царевны громко забилося, она затрепетала от страха и метнулась назад к сапфиру, однако, видя, что государь по-прежнему спит, молвила, прижимая руки к груди: «Ох, как забилося сердце — почудилось мне, будто государь пробудился». Потом она потихоньку подошла к опочивальне, отдернула парчовую завесу, за которой спал государь с женой, и сказала, улыбнувшись: «Сладок же их сон — я совсем рядом, а они и не слышат».

Подле ложа Мехран Лангави увидела золотую государеву шкатулку для бетеля, полную до краев, а в ней — цветок. И тот цветок, едва озарило его сияние царевны, раскрылся, будто от первых лучей солнца. Она же, вновь улыбнувшись, молвила: «Обманула я сей цветок, однако нисколько того не стыжусь».

И царевна отведала бетеля из государевой шкатулки и положила початый на золотой поднос. Так жевала она щепотку за щепоткой и клала туда весь початый бетель. Налакомившись, увидела царевна, что подушка государыни усыпана цветами и листьями казуарины, разбросанными словно облака, взяла те цветы и листья, вдохнула их аромат и молвила: «Верно, от аромата цветов благоухают волосы сияющей государыни». Затем вновь положила цветы на подушку, уселась на ложе, свесив ноги, и так подумала про себя: «Если проснется государь, я спрячусь в сапфире, пусть тогда меня пощет». С теми мыслями она встала с ложа и вышла из опочивальни, отдернув расшитую золотом завесу.

За завесой царевна увидела дворцовых девушек, спавших глубоким сном на драгоценном покрове, и молвила: «Ах, бесстыдницы, спят в лунную ночь, разметавшись кто так, кто эдак». Потом подошла к другой завесе, отдернула ее и увидела служанок государя, крепко спавших на ковре в разнообразных позах. Вдохнув несказанно прекрасный аромат их тел, молвила Мехран Лангави: «Терпеть не могу тех, кто спит в лунную ночь, не заботясь о своем виде». И она достала изо рта початый бетель и бросила в горящий светильник. Светильник погас, а Мехран Лангави вернулась в опочивальню государя и, отдернув завесу, увидела подле его ложа молоденьких прислужниц, спавших глубоким сном кто в той, кто в иной позе: одна — положив голову на ягодицы подруги, другая — ей на спину, третья — на ноги. Улыбнулась царевна-из-сапфира и молвила: «Вправду они малые дети — даже спать не могут без озорства». И царевна вынула из волос цветок чампаки и бросила

в китайский фонарик, вертевшийся из стороны в сторону на нити. Фонарик погас, она же обошла ложе государя и отдернула завесу, на которой золотом были вышиты цветы лотоса, скрывающиеся среди листьев. И, когда рассмотрела ту завесу, сказала: «Воистину превосходна сия работа вышивальщиц!»

За завесой на украшенной золотым шитьем софе царевна-из-сапфира увидела наложниц государя, опочивших в тех позах, в коих застал их сон: иные — пудрясь, иные — умащаясь притираниями, иные — держа в руках зеркала. Улыбнувшись, молвила царевна-из-сапфира: «Верно, нелегко служить государю; одни вот едва успели напудриться перед сном, другие же — лишь руку протянуть к пудре». И, смеясь, прибавила: «Должно быть, эти девушки обмахивали его величество опахалами, оттого так и утомились». Когда же Мехран Лангкави засмеялась, блеснули ее зубы, и их сияние озарило лица Тун Нобат и Тун Ратны Сендари, разбудив девушек, которым почудилось, будто вошел государь и светит им в глаза свечой. Засыпая же вновь, Тун Нобат повернулась на левый бок, а Тун Ратна Сендари — на правый, и рука Тун Ратны Сендари упала при этом на пучок Тун Нобат, так что из ее волос посыпались цветы, украшавшие их, и пучок распустился. Рука же Тун Нобат упала на ухо Тун Ратны Сендари, так что из него выпала серьга и со щеки осыпалась пудра.

И царевна-из-сапфира засмеялась, прикрывая рот рукой, спряталась за завесой и оттуда наблюдала за всеми проделками Тун Ратны Сендари и Тун Нобат, спавших одинаково крепко. После вышла из-за завесы и молвила: «Ох, как от страха бьется сердце!» — а про себя подумала: «Которая же из них любимая наложница государя?»

Меж тем Тун Ратна Сендари вновь заворочалась и, пробормотав, спросонья: «О госпожа, не стягивай с меня одеяло», — потянула его к себе, однако попала рукой в черану государя, сломала ноготь и рассыпала бетель. Тотчас попугай, что висел вниз головой, прицепившись к китайскому фонарику, окликнул ее: «Кто там?» Царевна-из-сапфира поспешно вспрыгнула на ложе, где обычно днем отдыхал государь, и спряталась там, завернувшись в шаль. Видя же, что девушка не просыпается, улыбнулась и молвила: «Крепок же у нее сон — ноготь сломался, волосы распустились, а она все спит как ни в чем не бывало. Чудно мне это. Теперь я стану каждую ночь выходить из сапфира, дабы полюбоваться на такую невидаль».

От жаркого света фонарей, свечей и масляных ламп на теле царевны выступили капельки пота, и оттого во дворце распространился дивный аромат, подобный запаху розы, покрытой бусинками росы, что исчезает от лучей утреннего солнца.

Почувствовав, что стало жарко, Мехран Лангкави захотела искупаться и молвила: «Совершу-ка я омовение в купальне государя». Сказав так, она отправилась в купальню, отдернула завесу, закрывавшую ее, и увидела ложе из драгоценного сплава меди

и золота и четыре подноса с притираниями и шафраном. Еще же в купальне был высокий золотой сосуд для омовения, усыпанный самоцветами, подле него — поднос со сменными кайнами его величества и государыни и ковш, изукрашенный топазами. Улыбнувшись, молвила царевна: «Не мудрено, что умаялись тут слуги, исполняя бесчисленные повеления». Потом сбросила баджу, переменяла кайн и принялась купаться. Когда же сняла баджу, тело ее засияло точно полная луна, и тот свет озарил Данг Мендара Мадуи, что уснула, сторожа купальню. Данг Мендара Мадуи вздрогнула, пробудилась и повернулась к царевне, а у той от страха сильно забилося сердце, и она поспешно спряталась за сосуд для омовений. Данг Мендара Мадуи выглянула в окно, думая, что наступил день, однако, увидев, что солнце еще не взошло и за окном — почная тьма, вновь уснула. Царевна-из-сапфира брызнула ей в лицо розовой водой, но сон служанки был крепок, и она даже не шелохнулась. Тогда Мехран Ленгкави забралась в сосуд для омовений, стала лить на себя воду, и струи, стекавшие по ее телу, дивно благоухали.

Искушавшись, она подошла к подносу со всевозможными благоговениями и нардом и умастилась. Потом увидела другой поднос, полный всевозможных плодов, превосходных по вкусу, и, приблизясь к ложу, на коем он стоял, отведала изюма, винограда, фиников и гранатов. Кожуру же и косточки положила обратно на поднос и, улыбувшись, молвила: «О государь и государыня, полакомьтесь моими обедками». Сказав так, она вымыла руки, пожевала бетель и вновь вошла в сапфир. И сапфир закружился, стремительно меняя цвета, и из него полилась сладостная музыка, звучащая на сто двенадцать ладов.

Услышав ту музыку, пава и павлин вышли из своего самоцвета и принялись с несказанным изяществом танцевать на золотом подносе, распутив хвосты. Затем пава пропела такой **пантун**:

Владыка, Сэндари ты видел во сне —
Взгляни-ка на сломанный ноготь в черане!
Целую ночь ты ласкался к луне,
Пора бы проснуться — ведь час не ранний.

Павлин же отвечал ей таким **пантуном**:

Луна озаряла весь небосклон,
Светила в лицо, господина тревожа;
Нынче всю ночь промаялся он,
Подушку обняв, метался на ложе.

От их пения государь пробудился и, протирая глаза, припомнил сон, увиденный ночью.

Ночные проделки царевны вызывают большой переполох во дворце. Государыня разгневана. Исма Ятим успокаивает ее и на следующую ночь отправляется нести стражу во дворец.

Исма Ятим вместе с Мухаббат Лелой отправились нести стражу во дворец, вошли в ограду и услышали громкий смех, до-

посившийся из государевых покоев, где ее величество потешалась проделками павы, рассердившейся на Сангу Нинграт за то, что девушка съела плод граната, а ее не угостила. И государыня, смеясь, подмигнула Санге Нинграт, дабы та еще подзадорила паву, и Санга Нинграт, хохоча, бросила в нее косточкой финика. Воскликнула пава: «Ах негодная, ты еще кидаться вздумала!» От ее слов служанки так и покатились со смеху, а Дара Чита Хати запустила в паву щепоткой початого бетеля. Пава встрепенулась, почтительно поклонилась государыне и, выпорхнув из-за завесы, бросилась в погоню за Дарой Читой Хати. Она перелетала от одной завесы к другой, и все служанки хохотали до упаду, следя за той погоней. Дара Чита Хати же тем временем вспрыгнула на ложе, где пава не могла ее достать. Тогда пава спряталась за спиной Данг Рати, и Дара Чита Хати, не видя ее, спросила: «Куда это подевалась пава?» Ответствовала Данг Рати: «Она вновь вошла в сапфир». И Дара Чита Хати села на свое место, а пава, внезапно выметев из-за спины Данг Рати, клюнула Дару Читу Хати в грудь, разорвала на ней баджу и слегка поранила. Испугавшись, девушка заплакала, служанки засмеялись над ней, пава же принялась ее утешать, говоря: «Душенька моя, успокойся, не плачь, я сыщу тебе пригожего женишка, только утешься». Дара Чита Хати в сердцах оттолкнула паву, так что та кубарем покатилась на пол, однако тотчас поднялась на ноги и вновь стала ее успокаивать.

И все дворцовые девушки и служанки, глядя на то, хохотали, как безумные, и вместе с ними смеялась государыня, приговаривая: «Ну и потешная же эта пава, уламывает ее, словно скрягу». Гневно сверкнув глазами, молвила Данг Манду Лела: «Ничего себе потеха! Порвала девушке баджу, оцарапала до крови — разве так шутят?» Услышав те слова, Дара Чита Хати заплакала еще горше, пава же рассердилась на Данг Манду Лелу и сказала: «Ты, словно дитя, она совсем уж было успокоилась, а от твоих слов опять расплакалась». Государыня так и покатилась со смеху, а его величество от того смеха пробудился, встал с ложа и сердито крикнул: «Что это вы расшумелись, не даете мне спать!»

Тогда павлин вышел из самоцвета, ухватил паву за хохолок и со словами: «Ах негодная, били тебя мало, оттого-то и выросла ты невежей» — повлек ее в сапфир. Пава же ответствовала: «С каких пор ты стал таким грубияном? Ну-ка отпусти мой хохолок, а ежели чего от меня домогаешься — будь поласковей!» Глядя на павлина, который увлекал паву в сапфир, словно супруг, уводящий жену в опочивальню, государыня рассмеялась и, дабы не потревожить государя, прикрыла рот платком. Следом за ней засмеялись дворцовые девушки и служанки — иные прикрывали рты краешком кайна, иные уголкем завесы, а Дара Чита Хати, чтобы не было слышно ее смеха, взяла в рот бетель.

Меж тем Данг Мани Рум Деви приблизилась к государыне и молвила с почтительным поклоном: «О госпожа, ступайте в опо-

чивальню, а то как бы не разгневался ваш царственный супруг». И ее величество удалилась в опочивальню. Спросил ее государь: «Отчего же ты не осталась развлекаться там до утра?» Ответствовала Пермейсури Индра: «Оттого, что ты — мой единственный». Все еще сердясь, молвил государь: «А в награду я нынче ожидал тебя дольше, чем всегда». И его величество возлег с женой на ложе за расшитой золотом завесой и предался ласкам.

Тогда Данг Саджак и Данг Мерду завели песню о влюбленном юноше Лекауллахе, дабы убаюкать государя и государыню, возлежавших на ложе, а государь повелел всем служанкам петь с ними. И Данг Манду Лела принялась сладостным голосом напевать различные бейты, подыгрывая себе на барабанчике; Дара Чита Хати ударила в большой барабан, и звучание его было несказанно прекрасным; Данг Ратна Кемала заиграла на бамбуковой свирели, преумножив печаль в душах всех, кто ей внимал; Рум Дираджа — на лютне, усладив сердца слушавших ее и приведя их в смятение. Тогда Дара Чита Хати взяла трещотку и зашелкала на ней в лад остальным музыкантам, а Дара Варна заиграла на флейте так, что все, кто наслаждался ее звуками, словно бы лишились чувств.

В ту пору взошла луна, окруженная бесчисленными звездами, и мерцающее сияние ее озарило облака, проплывавшие по небу, уподобив их веренице зажженных фонарей. В ветвях лимонных деревьев подняли гомон всевозможные ночные твари, чьи голоса звучали, словно мольбы влюбленного, томящегося в разлуке с возлюбленной. И благоухающие соцветия пальм раскрыли свои лепестки, словно бы ожидая, когда на них слетят небесные нимфы.

Тогда Тун Ратна Сендари, мечтавшая о радже, заплакала и обняла подушку, скрыв в ней свои слезы о сломанном ногте. Тун Джива припомнила ласки государя и, дабы утешиться, запела песню о юном султани Хайрануллахе. Тун Ратна Вати, думая о своем возлюбленном, стала напевать песню о статном молодом красавце; Тун Манду Деви, томясь от страсти к государю, утешилась песней о прекрасном юноше, скрывавшем свою любовь; Тун Дара Юса Ратна, взволнованная мечтами о повелителе, тихонько пела и читала главу из «Повести об Индрапутре», в которой рассказывалось о том, как Индрапутра предавался любви с царевной Менгиндрой Сери Булан; Тун Пасир Деви горевала, вспоминая, как государь, уводя ее из дома отца-везира, обещал: «Я предпочту эту девушку всем моим наложницам». А Тун Махадеви Ратна печалилась о тех временах, когда государь, бывало, брал ее потешиться с ним в уединенный покой, и старалась рассеять грустные мысли песенкой о прелестном малютке-духе. Так все они и уснули, томясь от страсти.

Когда царевна Мехран Лангкави услышала, что голоса дворовых девушек утихли, она вышла из сапфира, явив несравненную красоту своего лица, подобного полной луне, сияющей в четырнадцатую ночь. От того сияния померкли огни светильников,

масляных ламп, свечей и фонарей, зажженных во дворце. Когда же царевна отдернула парчовую завесу опочивальни, расшитую золотом, оно озарило лицо государя, который, проснувшись, схватил царевну за руку. Мехран Лангкави поспешно опустила завесу и скрылась за ней, однако государь задержал ее руку в своей и спросил: «Не Тун Ратна Сендари ли это?» Ответствовала царевна: «Да, о господин мой, мне захотелось отвесть бетеля из вашей шкатулки». Тогда государь отпустил руку царевны и подал ей свою шкатулку для бетеля. Она же, усмехнувшись за завесой, приняла шкатулку.

Молвил государь: «Перед сном я зажигал светильник, а сейчас он не горит». Улыбнувшись, ответствовала царевна: «Господин уже дал мне то, что я искала, оттого я и погасила светильник и теперь лакоплюсь бетелем». Молвил государь: «Ты, верно, уже отведала бетеля?» Царевна же умолкла и затрепетала всем телом в страхе перед его величеством. Вновь обратился к ней государь: «Отчего ты так долго жуешь бетель и отчего так изменился твой голос?» Спросив же, он попытался было отдернуть завесу, однако царевна удержала ее и сказала: «Остановитесь, о господин мой, я боюсь, как бы не проснулась государыня и не разгневалась на меня». И государь не стал поднимать завесу, а лишь спросил: «Отчего нынче ночью твой голос не такой, как всегда?» С улыбкой ответствовала царевна: «Воистину справедливы слова вашего величества, однако же с той поры, как вы обрели чудесные сапфиры, вы не давали мне бетеля из своих уст, оттого-то и голос мой не таков, как прежде, ибо у жены, не вкушающей бетель из уст мужа, изменяется голос».

Услышав слова царевны, государь замолчал и припомнил сон, привидевшийся ему прошлой ночью. Затем промолвил: «Приготовь щепотку бетеля, дабы я мог дать его тебе из своих уст». И царевна взяла бетель из шкатулки, приготовила щепотку для жевания и, отведав его, протянула государю, коий, взяв ту щепотку, спросил: «Отчего ты дала мне влажный бетель?» Ответствовала царевна: «Он лишь недавно очищен, поэтому я sprysнула его розовой водой». Государь вдохнул аромат того бетеля, и он был воистину подобен запаху розовой воды, ибо столь благоуханна была слюна царевны. Пожевав бетель, государь подал его царевне и сказал: «О Махадеви Ратна, отведай бетеля из моих уст и отправляйся спать». И царевна, улыбнувшись, приняла государев бетель, завернула его в лист арековой пальмы и зажала в руке. Его величество же вновь отошел ко сну.

Тогда царевна Мехран Лангкави взяла кольцо его величества, которое Пермейсури Индра положила на золотой поднос, и пошла прочь от государева ложа, пропев такую селокую:

«Я — бутон, я — цветок, — щебетал птенец,
Да, поймавши, продал его купец.

Тайный смысл ее заключался в том, что издали явилась царевна во дворец государя.

Потом царица отдернула расшитую золотом завесу и увидела за ней государевых наложниц, которые спали на разостланном ковре, прижимая к груди гирлянды цветов. И царица усмехнулась, прикрыв рот рукой, и молвила, глядя на них: «Верно, так и уснули они, томясь от страсти». Сказав же, взяла государев бегемот, вложила его в рот Махадеви Ратны и промолвила: «Отведай столь желанного тебе бегемота из уст государя». Затем надела ей на палец кольцо его величества и сказала: «Вот снадобье, оно умерит любовные муки сей наложницы». А про себя подумала: «Проснись она сейчас, непременно стала бы меня бранить». И царица, посмеявшись в душе, укрылась за завесой.

Меж тем так помыслил его величество в сердце своем: «Вправду ли Махадеви Ратна приходила ко мне? Ведь и голос, похоже, был не ее, и пришла она без почтительного поклона; ушла же, не испросив соизволения. Никогда прежде такого с ней не случалось».

Государь поднес к лицу свою руку и, ощутив несказанно прекрасный аромат, подумал: «Сколь удивительно благоухание той, что подала мне бегемот». После же припомнил ее селоку, потихоньку высвободил руку из-под головы Пермейсурн Индры, подложил ей под голову подушку и, поднявшись с ложа, направился к завесе, за которой спали его наложницы.

Когда государь отдернул завесу, Мехран Лангкави вздрогнула, сердце ее сильно забилося при виде его величества, ибо царица страшилась, как бы он не нашел ее, и так подумала про себя: «Лучше бы мне пока спрятаться». Он же, войдя за завесу, обошел всех спящих, приблизился к Махадеви Ратне и увидел во рту у нее щепотку початого бегемота, а на пальце — свое кольцо, прежде лежавшее на золотом подносе. И так решил его величество: «Вправду она приходила ко мне; не испросила же соизволения удалиться оттого, что сон смежил ее веки — так и уснула, не успев отвесть бегемота». И государь улыбнулся и, покачав головой, молвил: «Взгляните-ка, Махадеви Ратна похитила мое кольцо». Потом взял руку Махадеви Ратны, вдохнул ее аромат и, не ощутив прежнего благоухания, подумал: «Рука, которую я держал в своей, пахла иначе». Подумав же, начал оглядываться по сторонам.

Тогда царица так помыслила в сердце своем: «Что скажет государь, ежели найдет меня за завесой? Надобно мне поскорей выбираться отсюда». И она не мешкая прокралась за ту завесу, за которой почивали юные служанки, и спряталась там. А государь, уловив прежнее благоухание, пошел на него, отдернул завесу, напоенную тем дивным ароматом, и почувствовал, что он доносится из золотого сосуда, в котором приносили воду для омоения новобрачных.

И так подумал государь: «Вот как благоухала та, с кем я беседовал нынче ночью. Аромат ее точь-в-точь сходен с запахом, доносящимся из золотого сосуда. По моему разумению, не Маха-

деви Ратна разговаривала со мной». Еще же подумал: «Как могло случиться, что мой бетель и кольцо оказались у нее?» Однако не стал будить Махадеви Ратну, ибо его душу увлекало дивное благоухание. И его величество сказал себе: «Должно быть, небесная нимфа спустилась на землю и явилась сюда». В сердце же его закралось подозрение, не та ли это красавица, которую он видел во сне, отчего преумножилась его страсть, и государь стал обходить опочивальни, заглядывая за каждую завесу и осматривая каждое ложе, словно та пава, что преследовала здесь Дару Читу Хати.

Видя, как государь, спотыкаясь в темноте, ищет ее за каждой завесой и на каждом ложе, Мехран Лангкави не смогла сдерживать смеха, и, услышав ее смех, государь бросился к завесе, за которой почивали юные служанки. А царица тотчас погасила фонарь и легла среди тех служанок. Государь же отдернул завесу и спросил: «Кто только что погасил фонарь?» Ответствовала царица: «Это я, господин, Дара Чита Хати». Спросил государь: «Зачем же ты его погасила?» Ответствовала царица: «Все спят здесь, разметавшись кто как. Недостойное это зрелище при ярком свете». Повелел государь: «Ступай и не мешкая зажги фонарь!» И царица выпшла из-за завесы и поспешно скрылась в сапфире, прижимая руки к груди и говоря: «Ох, как бьется сердце и никак не может успокоиться. Почудилось мне, будто я уже в руках государя».

Меж тем его величество тщетно ожидал Дару Читу Хати, которая все не приходила и не зажигала фонарь. Не дождавшись ее, государь разгневался, и, услышав его голос, служанки воспрянули ото сна и поднялись со своих лож. Спросил государь: «Где Дара Чита Хати, что отправилась зажигать фонарь?» Ответствовала Дара Чита Хати: «Я здесь, о господин мой. Только что поднялась с ложа и впервые слышу, что господин посылал меня зажечь фонарь». И его величество подивился тем словам и спросил, недоумевая: «Кто же тогда говорил со мной, назвавшись именем Дары Читы Хати?»

Тем временем девушки принесли свечи, и государь увидел, что никто из его служанок не покидал опочивальни. Вновь молвил он тогда: «Кто же выходил нынче из-за завесы и в темноте выдавал себя за Дару Читу Хати?» При звуках его голоса пробудились все обитательницы дворца, и в покоях его величества начался невообразимый переполох.

Что же до Исмы Ятима, то он в ту пору вошел во дворец вместе с Мухаббат Лелой и ожидал у дверей государевых покоев. Повелел государь: «Отворите двери, пусть Исма Ятим войдет». Слуги отворили двери, и Исма Ятим, войдя, взглянул в лицо государю и почтительно ему поклонился.

Молвил его величество: «О Исма Ятим, я только что видел кого-то в моих покоях». И он рассказал Исме Ятим обо всем, что произошло в опочивальне, и принялся расспрашивать о том

Тун Махадеви Ратну. Ответствовала Тун Махадеви Ратна: «О господин мой, я не входила в вашу опочивальню». И государь опять весьма подивился, Исма Ятим же сказал с почтительным поклоном: «О господин мой, наберитесь терпения, если желаете узнать, кто совершил сии деяния в ваших покоях. Ежели будет на то ваша милость, я выслежу его, когда приду поздно ночью растирать вам ноги, и, даст Бог, поймаю — коль скоро виновник переполоха явится вновь во дворец повелителя мира».

Исма Ятим и Мухаббат Лела почтительно поклонились и вышли из дворца, а государь возлег на ложе, однако сердце его было объято неодолимой страстью, ибо его величество все вспоминал о той, что говорила с ним, и без устали вдыхал ее дивный аромат.

Приметы женского совершенства

Исма Мантри приказал вынуть китайский фонарь, светильник, привезенный из Рума, лампу багдадской чеканки, подсвечник, доставленный с Цейлона, и парчовый занавес малабарской работы*, вложил в них талисманы, на которых начертал одно из имен Господа, и молвил, обратясь к дочери: «О душа моя, преподнеси сии диковины царевне; когда же они станут меж собой беседовать, запиши все их речи без изъятия». Ответствовала его дочь Деви Рум Дираджа: «Хорошо, о отец мой».

Когда наступил вечер, Исма Мантри отправил Деви Рум Дираджу с дарами к царевне, и она, представ пред Пуспой Ратной Кемалой, поднесла ей фонарь, лампу, подсвечник, светильник и занавес и молвила с почтительным поклоном: «О госпожа, сии дары повергает к вашим стопам ваш верный раб». Обрадовавшись тем дарам, ответствовала царевна: «О Деви Рум Дираджа, небывалую преданность моему отцу главный везир перенес теперь на меня, однако же я до сих пор не смогла ничем ему отплатить». Сказала Деви Рум Дираджа: «Не говори так, о госпожа, долг рабов — доставлять радость и удовольствие господам».

Покуда они так беседовали, наступила ночь и послышался удар большого государева барабана. Тогда слуги зажгли фонарь, светильник, свечу и лампу, подаренные Исмой Мантри, опустили парчовые завесы, расшитые золотом, и разостлали драгоценные покровы. Царевна же воссела на позлащенный престол, изукрашенный самоцветами, и, окруженная царевичами, сыновьями везиров, дворцовыми девушками, служанками и кормилицами, принялась читать вслух некую повесть. И той повести, которую еще в прежние времена Исма Мантри преподнес царственному отцу Пуспы Ратны Кемалы, с наслаждением внимали все обитатели дворца, ибо слог ее был несказанно прекрасен и она содержала всевозможные наставления, что были произнесены в собрании мудрых. Столь сладостно звучал голос царевны, читавшей повесть, что все, кто ей внимал, не могли насытиться слушанием, однако,

когда она дошла до наставлений раджам, с улыбкой спросила Санга Нинграт: «Разве встретишь на свете то, о чем говорится в повести?» От тех слов помрачнело лицо царевны, она косо взглянула на улыбавшуюся Сангу Нинграт и, закрыв книгу, удалилась в опочивальню. И сказала Тун Сетиа Варна: «Мало казнить тебя за такие слова, сколь приятно было нам слушать повесть сию». Сказав же так, последовала за царевной.

Вскоре все обитатели дворца опочили подле ложа царевны, оберегая ее сон, и тогда промолвил подсвечник: «Послушай, фонарь, отчего до сих пор не замужем все восемь твоих дочерей?» Китайский фонарь завертелся на своей нити так, что его колокольчики из безоаров дивно зазвенели, и отвечивал, кружась: «О подсвечник, нелегко выдать дочь замуж, ибо многими совершенствами должна обладать женщина. Недаром по-малайски именуют ее „перемпуан“ и пишут сие слово шестью арабскими буквами — „па“, „ра“, „мим“, „па“, „вав“ и „нун“».

Услышав, что фонарь с подсвечником беседуют меж собой, царевна и Деви Рум Дираджа пробудились. Дочь Исмы Мантри приподнялась, уселась на ложе и стала прислушиваться. Подсвечник же, светильник, лампа и занавес в то время спросили: «О фонарь, поведай, в чем совершенства женщины, дабы мы узнали о них». Молвил фонарь: «Совершенство, имя коего начинается буквой „па“, в том, что женщина должна *подходить* мужу и не говорить того, что он бы не сказал, дабы не было меж ними разлада». Услышав ответ фонаря, павлин вышел из сапфира и сказал: «Воистину справедливы речи фонаря, что напомнили мне такой пантун:

Сова и кедиди над полем летают,
Где Тун Али соломы припас;
Сядут и встанут как подобает —
Всяким движеньем радуют глаз.

В нем же под словами „как подобает“ следует разуметь — во всем подходят друг другу». Дивясь речам фонаря и пантуну павлина, царевна улыбнулась, а Деви Рум Дираджа вынула из уха серьгу и записала на ней все, что сказал фонарь.

Меж тем фонарь вновь заговорил: «Совершенство, имя коего начинается буквой „ра“, в том, что женщина должна быть *радушной*, приветствуя мужа и привечая его слуг. Такая жена любезна мужу. А совершенство, имя коего начинается буквой „мим“, в том, что женщина должна быть собою *мила*, дабы, когда муж взглянет на ее прелестное лицо, его душа преисполнилась страсти. Унылый же лик гасит страсть. Таково значение буквы „мим“». Услышав те слова фонаря, молвил павлин: «Воистину справедливы твои речи. Слушая их, я припомнил царицу Балию Дари. При встрече с государем просветлело ее прекрасное лицо, и она молвила: „Нет у меня ничего, дабы тебе поднести, лишь прелестный лик и приветливое слово — мой дар повелителю“». Сказали подсвечник, светильник, лампа и занавес: «Воистину справедли-

вы твои речи, продолжи их — мы хотим слушать». Царевна же подумала: «Верно говорит фонарь; оттого и дядюшка главный везир не выдает меня замуж, что я не знаю пока о всех совершенствах женщины». И царевна весьма обрадовалась и более не дремала, слушая рассказ фонаря, а Девы Рум Дираджа записала все, что он говорил.

Меж тем фонарь продолжил свои речи и сказал: «Совершенство, имя коего начинается буквой „па“, в том, что все дела женщины должны быть *превосходны и приятны* сердцу мужа. Тогда и все, кто их видит, прилепится к ней душой. Таково значение буквы „па“». Молвил павлин: «Воистину справедливы твои слова, что напомнили мне такой пантун:

Крепкий щит меня б не сберег,
Да я силату учился не зря;
Нежный лик меня б не увлек —
Вежество пленило меня».

Сказали светильник, лампа, подсвечник и занавес: «Справедливы твои речи, продолжи их, ибо мы хотим слушать».

И молвил фонарь: «Совершенство, имя коего начинается буквой „дав“, в том, что сладостные и нежные слова, слетающие с уст женщины, должны *волновать*. И когда муж внимает им, раскрывается его душа и преумножается страсть». Молвил павлин: «Воистину справедливы твои речи; слушая их, я вспомнил такое присловье: „нежное слово — для сердца оковы“». Сказали светильник, подсвечник, лампа и парчовый занавес: «Верно ты говоришь, и речи твои во всем сходятся с присловьем павлина; продолжи их — мы хотим слушать, дабы получить пользу».

И молвил фонарь: «Совершенство, имя коего начинается буквой „нун“, в том, что женщина должна доставлять *наслаждение* мужу, блюдя себя в чистоте, доглядывая за порядком в доме и заботясь об одежде и пище. Супруга же государя должна надзирать за обитателями дворца и убранством трона. Таково значение буквы „нун“. И женщина, постигшая смысл сих букв, именуется вежественной, ибо не напрасно даровал их ей Всемогущий Господь, когда создал Еву и нарек ее перемпуан. А к этим шести совершенствам Он прибавил другие шесть, кои суть: первое — вера в Господа, второе — покорность Ему, третье — познание Его тайн, четвертое — исповедание Его единства. О двух же последних совершенствах я должен умолчать, ибо они сокровенны. Итак, у женщины двенадцать достоинств, и ежели она сведуща во всех, то именуется совершенной».

Сказал павлин, распростерши крылья: «О фонарь, расскажи нам о двух сокровенных совершенствах». Ответствовал фонарь: «Ежели поведаю вам о тех совершенствах, наставники, им учающие, лишатся уважения и награды». Молвил павлин: «Воистину справедливы твои слова. Ведь и то, о чем ты уже рассказал, нелегко постичь, и лишь вежественный наделен сим знанием. О двух же сокровенных совершенствах мы спросим тебя позднее».

Тогда царевна, слушавшая их беседу, подумала про себя: «Что это за сокровенные совершенства?» А фонарь, светильник, подсвечник и лампа закружились, дивно зазвенели колокольчиками из безоаров, наигрывавшими мелодию, подобную сладостным звукам оркестра, и пава, распустив хвост, пропела такой пантун:

Лаксамана — бывалый стрелок
Хочет гаруду сразить в подпебесье;
Кто из мудрых постигнет намеков,
Что сокрыт в словах этой песни?

Меж тем пробил второй час ночи, и светильник молвил: «О фонарь, теперь поведай мне о достоинствах, коими должна обладать женщина, дабы муж ее любил». Ответствовал фонарь: «Любовь мужа к жене покоится на десяти чувствах, внешних и внутренних, сотворенных Всевышним Аллахом». Сказали павлин, светильник, подсвечник, лампа и парчовый занавес: «Расскажи нам о них, о фонарь, дабы мы получили пользу». Молвил фонарь: «Первое из тех чувств — зрение, а посему надлежит женщине смотреть за чистотой волос и ногтей, тело же блюсти, словно наново отшлифованное зеркало. И когда муж увидит ее, изящную и прельстительную, словно играющий самоцвет либо полированная слоновая кость, пленится его душа, и ему не наскучит любоваться женой. Таковы жены, любезные мужьям». Сказал павлин: «Воистину справедливы твои слова, что напомнили мне такой пантун:

Камень шлифуешь — он, будто смарагд,
Отполируешь — словно опал;
Увидишь такую — и страстью объят,
Обиимешь — и голову потерял».

Спросил фонарь: «О том ли сей пантун?» Павлин же вострепел, поднял голову, словно человек, вздрогнувший от страха, и ответил: «Увы, запомнил я подобающий случаю пантун, ибо все думал о твоих словах». Сказали подсвечник, лампа, светильник и занавес: «Справедливы твои речи, о фонарь, продолжи их, дабы мы могли послушать».

Молвил фонарь: «Второе из чувств — слух, а посему надлежит женщине внимать словам учености и мудрости, кои наделяют ее вежеством, слушать наставления в собрании сведущих и постигать многообразные деяния людей. От того станет ее слух совершенным. И во всем она должна следовать повестям и сказаниям, которые услышала, и изучать всевозможные женские искусства. Таковы жены, любезные мужьям». Молвил павлин: «Воистину справедливы твои слова, что напомнили мне такое речение мудрецов: „Всего более глаз утешает и блеск его умножает лицеизрение тех, чьи дела добры; всего более уху угождает и слух ослабждает речь тех, чьи слова ясны, плавностью прекрасны, а притчи — мудры. Такая речь сладостней молока и сахара“». Сказали светильник, подсвечник, лампа и парчовый занавес: «Справедливы

твои слова и во всем сходятся с речением мудрецов». Попросил павлин: «О фонарь, продолжай, мы хотим слушать».

Молвил тогда фонарь: «Третье из чувств — обоняние, а посему надлежит женщине блюсти свое тело в чистоте и, что ни день, умащаться благовониями, дабы, когда муж приблизится к ней, его душа, напоенная дивным ароматом, преисполнялась искренней и нежной страсти. Итак, пусть умащение войдет у нее в привычку». Сказал павлин: «Воистину справедливы твои слова. Баляя Дари еще до замужества неустанно умащалась, и женщины, с которыми она делила в ту пору опочивальню, не уставали восхищаться ею, тем более супруг, когда она разделила с ним ложе. Оттого-то он и любил ее без памяти». Сказали светильник, лампа и парчовый занавес: «Воистину справедливы твои слова, продолжай — мы хотим послушать еще».

Молвил фонарь: «Четвертое из чувств — вкус, пребывает во рту, а посему надлежит женщине, вставши после ночи, воспользоваться зубочисткой и полосканием, дабы, когда станет говорить с мужем, ее дыхание не было зловонным. Беседуя же с ним, пусть не забывает о нежных словах, радующих душу супруга, и будет сладкоречива, ибо такие жены, любезны мужьям. Когда муж слышит голос жены, его влечение к ней преумножается». Сказал фонарь: «Воистину справедливы твои слова». Молвила лампа: «Как-то, когда я была еще в Багдаде, государь разгневался на одну из служанок. Видя это, его дочь спросила с улыбкой: „Чем рассердила она тебя, о государь?“ И едва услышал он ее голос, тотчас утих его гнев». Сказал подсвечник: «Таковы-то женщины, умеющие сказать мужчине ласковое слово, воистину они любезны мужьям». И царица Пуспа Ратна Кемала, внимавшая беседе, про себя подумала: «Прав дядюшка главный везир, что до срока не выдал меня замуж, ведь не знала я, как пробудить любовь в душе мужчины».

Тогда молвил павлин: «Воистину твои слова во всем сходятся с таким павтуном:

Речи приятней сластей подчас,
Если искусней их не пайти;
Жены всего приятней для глаз,
Когда умеют себя вести».

Сказал подсвечник: «О фонарь, продолжай, ибо мы хотим слушать».

Молвил фонарь: «Пятое из чувств — осязание, а посему должна женщина, когда тешится с мужем, не причинять ему боль, а стараться, чтобы каждая ласка лишь преумножала его страсть. Вот что надлежит знать женщине о пяти внешних чувствах, дабы быть любезной мужу». Сказал павлин: «Воистину справедливы твои слова». Спросила лампа: «О фонарь, а что надлежит женщине знать о пяти внутренних чувствах, дабы быть любезной мужу?» Молвил фонарь: «О лампа, расскажи сама о пяти внутренних чувствах. Я же не желаю говорить о них, ибо знание сне

сокровенно». Спросил павлин: «А что такое сокровенный?» Ответствовала лампа: «Слово сие означает нечто скрытое либо потаенное, а в наших речах — тайну, постичь которую весьма полезно для женщины. Ежели бы я открыла ее, наставники, обучающие сокровенному знанию, лишились бы уважения, наград и милостей, и к ним более не обращались бы с почтительными словами, коими надлежит вопрошать о сей тайне, ибо выведать ее нелегко, особенно же не вознаградив учителя и не приложив труда. Ведь став известной всем, она лишилась бы силы и более не ценилась. Вот что могло бы случиться, открой я вам сию тайну». И Девы Рум Дираджа записала на сереге все, что рассказал фонарь. Царевна же опечалилась и так подумала про себя: «Что это за тайна пяти внутренних чувств и кто из вежественных наделен ее знанием, дабы я могла от него научиться».

Меж тем павлин молвил: «О фонарь, кому еще ведома сия тайна?» Ответствовал фонарь: «О павлин, верно, Исма Мантри знает ее, ибо он сведущ в делах мужчин и женщин, сочинил множество повестей и преподнес их государю. И помнится мне, что в одну из ночей его величество расспрашивал Изму Мантри о сих повестях, излагающих речи мудрых». Сказал павлин: «Справедливы твои слова, в ту ночь он поведал государю сию тайну». Услышав ответ фонаря, весьма обрадовалась царевна и так помыслила в сердце своем: «Прикажу-ка я Девы Рум Дирадже спросить у отца о пяти внутренних чувствах».

ПОВЕСТЬ О МУДРОМ ПОПУГАЕ

«Это — повесть, составленная из рассказов мудрого попугая, кои не сказанно прекрасны по своему строю и принесут пользу всем, кто станет их слушать. Ибо попугай был весьма искушен в историях о государях и людях, явивших преданность тем, кто был к ним милостив; рассказывал же их красноречиво, будто человек». Такими словами открывается одна из рукописей малайской «Повести о мудром попугае», представляющей собой перевод знаменитой персидской «Тути-наме» («Книги попугая»), точнее, той неизвестной пока ее версии, которая была рассказана в 1371 г. неким кади Хасаном в поучение своим сыновьям. Итак, перед нами еще одно произведение, предназначенное «развлекая, поучать», причем не только детей почтенного кади, но и особ куда более значительных. Так, например, среди восьми историй «Врат разума для вельмож» — сочинения, которое султан малайского княжества Патани поведал в пазида-ние своему главному везиру Фирусу, четыре были заимствованы из «Повести о мудром попугае».

Однако по своей композиции эта повесть резко отличается от произведений волшебного-авантюрных, даже тех, что, подобно «Повести об Исме Ятиях», буквально пронизаны дидактикой. Важнейшее из отличий состоит в том, что части произведения не примыкают друг к другу в линейной последовательности, стержнем которой является жизненный путь героя или путь его скитаний, но включаются в рассказ-рамку, организующую повесть в единое целое. Содержание его таково. У богатого купца Ходжи Мубарака рождается сын — Ходжа Маймун. Возмужав, юноша женится на красавице Сити Зайнаб и, позабыв о торговых делах, все дни проводит в любовных утехах. Как-то раз он покупает на базаре редкостного попугая, наделенного даром речи и умением предсказывать будущее, а через несколько дней — в пару ему майну. Птицы неизменно тешат Ходжу Маймуна диковинными историями и однажды заводят с ним разговор об увлекательности морских странствий. Молодой купец, очарованный их рассказами, решает снарядить торговый корабль и попытать удачи в заморских странах, жену же препоручает заботам обеих птиц. В отсутствие мужа Сити Зайнаб влюбляется в прекрасного царевича и, собираясь па свидание с ним, просит на то согласия у майны. Майна стремится ее удержать, и Сити Зайнаб в гневе убивает птицу. Попугай же, решив спасти не только свою жизнь, но и честь хозяина, прикидывается, что одобряет решение госпожи, и говорит, что его судьба напоминает ему участь другого попугая, которому хозяйка выщипала перья. Любопытная Сити Зайнаб спрашивает, как это было, попугай начинает рассказывать, и жена купца, увлеченная рассказом, забывает о своем намерении, а тем

премелем наступает утро, и свидание откладывается. День за днем попугай рассказывает ей всевозможные истории, куда купец не возвращается, и Сити Зайнаб избегает опрометчивого поступка.

Таким образом, книга, состоящая из рамки и 25 (иногда 24) душеполезных рассказов, слагается в подлинную энциклопедию житейской и государственной мудрости, композиция которой значительно лучше, чем композиция «Повести об Исме Ятуме», приспособлена для решения задач, ставившихся литературой адаба. Дело в том, что искусная уравновешенность повествовательного и дидактического начал в «Повести об Исме Ятуме» все же не создавала читателю наиболее благоприятных условий для восприятия важнейшего в ней — учительного смысла. Динамика «пути героя», еще явно далекого от завершения, и ожидание все новых перипетий и «несказанно прекрасных» описаний не могли не отвлекать от восприятия наставлений, отнюдь не всегда иллюстрируемых развитием действия, которое они тормозили, и нагнетали интерес скорее к дальнейшим событиям, чем к собственному содержанию. Иначе обстояло дело в обрамленных повестях. Прежде всего их рамка была достаточно проста, условна и разрывалась однажды — в момент кульминации, на разрешение которой непосредственно влияли новеллы отчасти затягиванием времени, отчасти самим своим содержанием. По завершении каждой вставной новеллы читатель вновь и вновь возвращался в одну и ту же, по существу, точку обрамляющего рассказа, и, таким образом, время внутри этого рассказа останавливалось. Все застывало, и воцарялась сосредоточенная, ничем не отвлекаемая тишина, своего рода тишина классной комнаты, в которой высвечивались лишь фигуры рассказчика и слушателя. Так создавались условия для концентрации внимания на вставных новеллах, дидактичность которых подчеркивалась самим их характером. Ведь в отличие от обрамляющего рассказа или эпизода «линейной» повести они предназначались не для того, чтобы изобразить так или иначе складывающуюся судьбу героя, а для того, чтобы выразить определенную, часто наперед сформулированную идею, чьим «ожившим» воплощением и становились вставные новеллы. Разумеется, структура, обуславливающая именно такое распределение внимания, и способность рамки включать в себя самый разнородный материал как нельзя более соответствовали целям адаба.

«Повесть о мудром попугае» была, по-видимому, наиболее ранним образцом обрамленной повести в малайской литературе, кстати сказать существенно отличающимся по составу вставных новелл от известных персидских версий «Тутти-наме». Она возникла едва ли позднее середины XVI в. Созданная несколько позже «Повесть о Бахтиаре» свидетельствует о дальнейшей эволюции этого жанра в сторону зеркала.

Как пророк Сулейман внял совету дикобраза

Когда стемнело, жена Ходжи Маймуна приделалась и, подойдя к клетке с попугаем, молвила: «О мудрая птица, в совершенстве постигшая путь добродетели, позволь мне уйти, дабы утолить страсть, что томит мое сердце». Ответствовал попугай: «О высокогородная госпожа, разве я тебя удерживаю? Не я ли всегда говорил — ступай?! К тому же я ведь лесная тварь, и ты не обязана следовать моим советам. Правда, пророк Сулейман* — мир ему! — как-то раз послушался совета раба своего — дикобраза, что, как и я, был всего лишь лесной тварью, однако тебе нужды в том нет». Спросила жена Ходжи Маймуна: «А что это за история?» Ответствовал попугай: «Я не стану ее рассказывать, дабы ты не замешкалась, заслушавшись. Лучше уходи сразу». Молвила

жена Ходжи Маймуна: «Нет уж, прежде расскажи, я хочу послушать».

Сказал попугай: «Однажды владыка джиннов преподнес пророку Сулейману — мир ему! — маленький кувшинчик с живой водой, Сулейман же спросил у везира своего Асафа, каковы ее полезные свойства. С почтительным поклоном отвечал Асаф: „О господин мой, повелитель мира, испейте живой воды — обретете вечную жизнь и не умрете до самого Судного дня“. Тогда спросил пророк Сулейман другого своего везира — джинна по имени Африт: „О мой везир, посоветуешь ли ты мне испить этой воды?“ С почтительным поклоном отвечал Африт: „Да, о господин мой, ибо, испив ее, вы избавитесь от всех недугов“. В третий раз спросил пророк Сулейман, обратясь к своему везиру Орлу: „А ты что скажешь, о везир, испить мне этой воды или нет?“ С почтительным поклоном отвечал Орел: „Испейте ее, о повелитель мира, и тогда к вам возвратится молодость“. Последним пророк Сулейман спросил Льва: „О мой везир, а ты что посоветуешь?“ С почтительным поклоном отвечал Лев: „Я бы, о господин, дал вам совет испить живой воды, дабы преумножилась ваша красота, но, как известно, мудрейшая и разумнейшая из всех лесных тварей, что служат вам, — дикобраз, хорошо бы спросить совета у него“.

Молвил тогда пророк Сулейман: „А где сейчас дикобраз?“ С почтительным поклоном отвечал Лев: „Он в своей норе“. Тогда Сулейман повелел коню позвать к нему дикобраза. Конь отправился за дикобразом и, подойдя к норе, окликнул его: „Эй, дикобраз, мне приказано тебя позвать, поторопись же!“ Отвечал дикобраз: „Да простит меня господин, мой отец, мне что-то не хочется“.

Конь возвратился к Сулейману, и, когда пророк Аллаха выслушал его почтительное донесение, он страшно разгневался и приказал псу: „Ступай и позови дикобраза. Если сам идти не захочет, тащи его силой, добром ли злом, но приведи его сюда!“ Пес тотчас же отправился за дикобразом и, придя к его норе, зарывал: „Эй, дикобраз, выходи, тебя призывает Сулейман, пророк Аллаха. Поторапливайся! Не захочешь идти добром, я силой доставлю тебя к нему“.

Услышав грозный рык пса, дикобраз задрожал от страха и трусцой пустился к Сулейману. Представ же перед государем, простерся ниц и коснулся лбом земли. Молвил тогда царь Сулейман, обратясь к своим везирам: „Не вы ли меня уверяли, что дикобраз разумен и мудр? Если так, то почему он не пожелал идти, когда я послал коня — животное благородное, и поспешно явился, лишь только я отправил за ним презренного пса?“

Везиры с почтительным поклоном одобрили те слова Сулеймана, дикобраз же молвил: „О мудрые везиры, воистину справедливы слова повелителя мира, но неужто вам невдомек, отчего я так поступил. Знайте же, что конь — животное благородное

и посему не станет на меня клеветать — что скажу, то и передаст повелителю мира. Пес же — презренная тварь и, даже если я не скажу ничего недостойного, может меня оговорить, обвинить перед государем в измене, и я безвинно прослышу изменником. Оттого я поспешил явиться, что страшился, как бы меня не представили повелителю мира рабом вероломным“.

Выслушав ответ дикобраза, молвил царь Сулейман: „О дикобраз, приблизься, ибо мне нужен твой совет. Повелитель джиннов подарил мне кувшин живой воды, как по-твоему, пить ее или нет?“

Когда дикобраз услышал те слова Сулеймана, он покачал головой и погрузился в раздумье. Немного подождя, Сулейман спросил: „О дикобраз, отчего ты молчишь, мотаешь головой, словно зверь, что зовется ленивец, и медлишь с ответом?“ Дикобраз тотчас поднял голову и почтительно сказал: „Помилуй, о господин мой, тысячу раз твой раб, жалкая лесная тварь, молит тебя о прощении. По моему разумению, если господин изопьет живой воды, он обретет великие блага: долголетие, избавление от недугов, вечную молодость, однако же не только благо, но и зло таит в себе живая вода“.

Спросил Сулейман: „А что это за зло?“ Почтительно ответил дикобраз: „Если вы, о повелитель мира, выпьете живой воды, ваша жизнь продлится до самого Судного дня. А тем временем смерть отнимет у вас любимую жену, детей, внуков и правнуков, милых сердцу друзей, подданных и войско. Все они умрут, и лишь вы один останетесь в живых. Велика ли цена такой жизни?“ Молвил тогда пророк Сулейман: „Воистину справедливы твои слова, о дикобраз, такая жизнь мне ни к чему“ — и с теми словами бросил кувшин с живой водой оземь.

И сказал попугай: «Такова история о том, как царь Сулейман последовал совету дикобраза. А теперь, о госпожа, послушайся меня — ступай к царевичу». Жена Ходжи Маймуна направила было к дверям, но на дворе меж тем рассвело, и она, вернувшись в дом, уснула на ложе слоновой кости.

Как козел спас жизнь государю Хиндустана

На следующую ночь жена Ходжи Маймуна вновь подошла к клетке с попугаем, дабы испросить у него разрешения уйти, и молвила: «О учтивая и вежественная птица, равной которой не сыскать в целом свете, скажи, как мне поступить?» Попугай же отвечал с притворным испугом: «А разве ты, о госпожа, так и не виделась с царевичем? Я думал, что в прошлую ночь ты была у него. Почему же, о госпожа, ты не хочешь следовать моему совету, как последовал совету козла повелитель Хиндустана».

Спросила жена Ходжи Маймуна: «А что это за история о повелителе Хиндустана? Расскажи, я хочу ее услышать». Ответствовал попугай: «Я ничего не стану рассказывать, покуда ты не

встретишься с царевичем». Молвила Бибби Зайнаб: «О премудрая птица, я не сойду с этого места, пока не узнаю твоей истории». Услышав эти слова, попугай обрадовался и так помыслил в душе: «Если будет угодно Всевышнему, я очарую эту женщину своим рассказом и с помощью Аллаха, Хранителя миров, спасу ее от людских кривотолков».

И поведал попугай такую историю.

«Некогда в Хиндустане правил государь, чье царство было весьма обширно. Тот государь славился справедливостью, щедростью и приветливым обхождением со своими воинами. Он женился на царевне редкостной красоты и лелеял ее, словно сосуд, до краев наполненный маслом. Столь велика была любовь государя к жене!

Что ни день государь Хиндустана отправлялся на охоту. И вот как-то раз, охотясь, он повстречал двух змей, из коих самка была дивно красива, самец же чудовищно безобразен. И так помыслил государь в сердце своем: „Это не муж и жена. Не могут быть мужем и женой столь безобразный змей и столь прелестная змея“. Подумав так, государь выхватил из ножен меч и насмерть зарубил змея, а змее слегка укоротил хвост.

Змея кинулась наутек и приползла к своему мужу. Он же, видя, что кончик хвоста у нее отрублен, спросил: „Как случилось, что тебе отрубили кончик хвоста?“ Ответствовала его жена: „Государь Хиндустана повстречал меня на дороге, хотел поймать, а когда я увернулась, обрубил мне хвост. Вот что случилось со мной“. Выслушав рассказ жены, змей-супруг страшно разгневался и воскликнул: „Поглядите-ка на государя Хиндустана! Ему, должно быть, жизнь надоела, раз он и думать забыл о моем яде. Ну что ж, я убью его и тем успокою мою душу“.

И вот змей, что был повелителем всех змеев на земле, приполз во дворец государя Хиндустана, когда тот еще был на охоте, а его жена, сидя в покоях супруга, раскладывала на подносе цветы и благовония. Едва лишь государь вернулся с охоты и сел подле подноса с цветами, повелитель змеев, обернувшись маленькой змейкой, юркнул в поднос. Меж тем царица приблизилась к мужу, дабы умастить его благовониями, он же поведал ей о змеях, что встретились ему на дороге, и сказал: „Охотясь, я повстречал пару змей, и пришло мне на ум, что змея предается греховным утехам со змеем, ибо по роду своему и безобразной внешности не мог он быть ее мужем. Если уж змеи впадают в грех и заводят себе любовников, то что же говорить о людях“. Молвила государыня: „О возлюбленный мой, к чему такие слова? Подобно тому, как среди змей встречаются и хорошие и дурные, и люди бывают злонравными и добродетельными. Если же я когда-нибудь изменю тебе — убей меня!“

Повелитель змеев, слышавший всю беседу супругов, так помыслил в сердце своем: „Чуть не лишил я жизни государя по навету той злодейки“.

Поговорив с женой, государь Хиндустана удалился в опочивальню, а повелитель змеев выполз тем временем из подноса и последовал за ним. Когда государь увидел, что в его опочивальню забрался змей, он выхватил было из ножен меч, но змей почтительно сказал: „О господин мой, повелитель мира, не думай, что я явился сюда со злым умыслом. Я пришел, чтобы спросить господина, что совершила моя жена“. Ответствовал государь: „Если твоя жена — змея, о коей мы говорили, то ступай — и на дороге ты найдешь труп змея“. С почтительным поклоном молвил повелитель змеев: „О господин мой, повелитель мира, ты оказал мне большую услугу. Скажи, чего ты хочешь, дабы я мог тебя одарить“. Ответствовал государь Хиндустана: „Подари мне то, что сам считаешь достойным“. Молвил змей: „Я искушен в знании языков всех лесных тварей. Это знание я и подарю повелителю“. Сказал государь Хиндустана: „Да будет так“. С почтительным поклоном молвил змей: „Знай же, о господин мой, что этим знанием не могут владеть двое, а посему никому его не открывай. Если же откроешь, не миновать тебе смерти“. Сказав так, змей обучил государя Хиндустана языкам лесных тварей и возвратился домой.

Придя к жене, он отвел ее к трупу змея, убитого государем Хиндустана, и, увидев своими глазами тот труп и отрубленный хвост жены, валявшийся подле, убил ее.

Спустя несколько дней государь Хиндустана как-то возвратился с охоты и вошел в опочивальню, а государыня, как обычно, приблизилась к нему, дабы умастить благовониями. А в ту пору под подушкой государя притаилась чета тараканов, и тараканиха так говорила мужу: „Хорошо бы у государыни осталась капелька благовоний, чтобы и я могла тебя умастить“. Ответствовал таракан: „Куда как хорошо, да больно уж государыня прижимиста“.

Подслушав разговор тараканов, государь Хиндустана расхохотался, а жена спросила у него: „Почему ты надо мной смеешься, разве я допустила какой промах?“ Ответствовал государь: „Не над тобой я смеюсь, но над четой тараканов, что спрятались у меня под подушкой. Тараканиха только что сказала мужу: „Если бы у государыни осталась хоть капелька благовоний, я могла бы тебя умастить“. Услышав те слова мужа, спросила государыня: „А где же ты научился языку зверей?“ И государь рассказал ей о том, как змей научил его языку лесных тварей. Молвила государыня: „О возлюбленный, если я тебе мила, открой мне это знание“. Ответствовал государь: „О сердце мое и плод моей души, не говори так, ибо я умру, лишь только научу тебя языку зверей“. Молвила государыня: „Если же не научишь, умру я“.

Услышав те слова жены, так помыслил государь в сердце своем: „Если скончается государыня, то и я умру от великой любви к ней. Раз так, то уж лучше мне исполнить просьбу жены, дабы она не лишилась жизни прежде меня“. Сказал государь: „Подожди немного, о возлюбленная моя, будь терпелива. Если

ты дашь мне семь дней отсрочки, я научу тебя языку зверей“.

Договорившись с женой об отсрочке, государь предался с ней и всеми обитателями дворца увеселениям, а на седьмой день отправился поразвлечься в сад. В том саду был пруд, посреди которого виднелся островок густой ярко-зеленой травы, на берегу же пруда высился несказанно прекрасный дворец, где государь с государыней и воссели на трон в окружении слуганок.

В ту пору в саду паслись коза и козел, коза же вот-вот должна была принести потомство. Заприметив посреди пруда яркие стебли сочной зеленой травы, сказала коза, обратясь к козлу: „О господин, я голодна, принеси мне вон той зеленой травы, если же не принесешь, я тотчас умру“. Козел не мешкая прыгнул в пруд, но попал на глубокое место и едва не утонул. Поспешно выбравшись из воды, он возвратился к козе и сказал: „Не могу я нарвать тебе травы, здесь так глубоко, что я чуть не утонул“. Сказала коза: „Я умру, если не отведаю этой травы“. Тогда козел страшно рассердился и закричал: „Поступай как знаешь, хочешь помереть — помирай! Мне вовсе не по душе снова лезть в пруд за травой. Если я утону, ты небось найдешь себе кого помоложе, так же и я, как померешь — женюсь на другой. Я тебе не государь Хиндустана, что во всем слушается жены. Как ее ни люби, но ведь и голову на плечах надо иметь. Порой желание женщины — яд, а порой — противоядие. Так-то вот!“ Коза не нашлась, что ответить на укоры мужа, и замолчала.

Услышав те слова козла, подумал государь: „А ведь козел прав“. Государыня в ту пору молвила: „О возлюбленный, пришло время научить меня языку зверей“. Ответствовал государь: „Я не могу научить тебя ему“. Молвила государыня: „Тогда я умру“. Ответствовал государь: „Если ты умрешь, я смогу взять себе другую жену, что будет прекрасней тебя. Если же умру я, ты выйдешь замуж за другого“. При тех словах мужа государыня замолчала.

Такова история о том, как государь Хиндустана послушался совета козла. А теперь ступай к царевичу, ибо он ждет».

Жена Ходжи Маймуна вышла из дому, чтобы идти к царевичу, но не успела миновать и полдороги, как рассвело, и пришлось ей возвратиться домой и затвориться в своих покоях.

ПОВЕСТЬ О БАХТИАРЕ

В давние времена в некой стране правил справедливый государь. Однажды он узнал, что его брат собирается против него востать и, не желая кровопролития, вместе с женой тайно удалился в непроходимые джунгли. Здесь государыня родила младенца редкостной красоты, распространяющего окрест дивное сияние. Несчастным родителям пришлось оставить сына в лесу на милость Аллаха, а самим продолжать путь. Мальчика же подобрал купец Идрис, усыновил его и нарек Бахтиаром. Долго странствовали супруги и наконец достигли страны, повелитель которой только что скончался. Вельможи решили выпустить слона, чтобы он отыскал им нового государя, и слон остановил свой выбор на радже-беглеце.

Меж тем Бахтиар подросток, превзошел искусство чтения Корана, обучился письму и весьма пристрастился к старинным повестям. Как-то раз Идрис привел приемного сына к государю. Красота и изящные манеры юноши настолько его очаровали, что государь принял Бахтиара на службу. При дворе Бахтиар, мудро разрешавший самые трудные государственные дела, снискал не только любовь государя, но и ненависть его советников, особенно завистливого везира Тахкима. Чтобы оклеветать юношу, тот уговорил свою жену похитить шаль любимой государевой наложницы и подбросить ее Бахтиару. Ни в чем не повинного юношу обвиняют в связи с наложницей и бросают в темницу. Тахким требует его казни, и тогда Бахтиар, чтобы ее отсрочить, рассказывает повелителю пять (в некоторых списках — четыре) историй. Тем временем во дворец приходит Идрис и сообщает государю, как он нашел в лесу Бахтиара. Государь узнает сына и возводит его на престол.

Таков рамочный рассказ краткой версии малайской «Повести о Бахтиаре», возникшей, как можно полагать, во второй половине XVI в. в султанате Джохор под влиянием персидской «Бахтар-наме» («Книга о Бахтиаре»). Однако даже рамочный рассказ малайской повести лишь в самых общих чертах повторяет персидский прототип. В нем отсутствуют и излюбленный в малайских повестях рассказ об избрании государя мудрым слоном и, вызывающая ассоциации с платком, обропленным Дездемоной, история шали. Да и сам мотив незаконной любовной связи дан в более соответствующем малайской традиции духе. Если к этому добавить, что ни одна вставная новелла краткой версии не встречается в персидском произведении или его арабских обработках, самобытность малайской повести станет совершенно очевидной.

В отличие от многих других обрамленных повестей, связь рамки и вставных новелл в краткой версии на редкость органична, что придает

повести подлинную целостность. Характерное для нее сцепление идей, таких, как переменчивость судьбы, необходимость продуманных и неспешных решений, недопустимость прислушиваться к советам придворных, конечное торжество справедливости, выражается во всех частях повести, обнаруживающих ассоциативную переключку и высвечивающих то одну, то другую грань темы. Уже сама рамка с ее мотивами несправедливого изгнания государя, мытарств беглеца, его воцарения и торжества над покаявшимся в конце концов братом как бы исподволь предсказывает коллизию Бахтиара. Далее следуют рассказы о наказаниях везиров, стремившихся оклеветать неповинных людей перед царем, и, наконец, четвертая вставная новелла, заимствованная из индийского источника, в которой не только осуждаются поспешные решения, но и описываются события, сильно напоминающие историю самого Бахтиара и его отца, их разлуку и встречу. Причем рассказывается она накануне финальной сцены узnavания государем сына.

Несмотря на совпадение некоторых новелл, длинная версия «Повести о Бахтиаре» резко отличается от краткой как по содержанию, так и по композиции. При этом она не в большей степени, чем краткая версия, напоминает персидский прототип, в частности содержит эпизоды, выдержанные в духе «лесных сцен» из повестей о Панджи. Герой длинной версии еще более, чем краткой, напоминает Исму Ятима. Он также весьма образованный знаток адаба, также «с порога» начинает наставлять государя, также убирает ковранг его зал для приемов и т. д.

Как и в краткой версии, завистливый везир с помощью жены клеветает на Бахтиара, и тот, уповая, что его невинность когда-нибудь обнаружится, рассказывает государю уже не пять, а шестьдесят семь историй, значительная часть которых заимствована из «Повести о мудром попугае», зерцал «Коропа царей» и «Сад царей», а также Корана, хадисов — изречений пророка Мухаммада, преданий об арабском поэте и остроуслове Абу Нувасе, халифе Харуне ар-Рашиде и т. д. Наряду с сюжетными рассказами длинная версия содержит и инструкции по различным вопросам (например, как государю заботиться о своем здоровье).

Так «Повесть о Бахтиаре» превращается из компактного, гармонично построенного произведения в объемистое зеркало для правителей, охватывающее широкий круг тем. Роль рамочного рассказа сводится к минимуму — он становится лишь средством организации разнородного материала, причем по временам государь, как кажется, забывает, зачем Бахтиар к нему приведен, и сам просит рассказать о том или ином аспекте правильного поведения. Эти «заголовки»-вопросы несколько напоминают заголовки тематических разделов в обычных зерцалах.

Обрамленные повести легко обменивались вставными новеллами. Не только длинная версия «Повести о Бахтиаре» содержит шестнадцать историй из «Повести о мудром попугае», но и малайская обработка «Калилы и Димны» включает почти все рассказы «Повести о Бахтиаре» (на этот раз в ее арабской версии). Значительная самостоятельность вставных повелл на следующем этапе эволюции привела к созданию антологий, вообще лишенных рамочного рассказа, заимствующих материал из обрамленных повестей, зерцал и других источников, в частности из исконно малайской повести о мышином оленке-пеландуке. Так постепенно формировался обширный, открытый и подвижный фонд кратких дидактических историй и притчей, знание которых в малайском мире, как и в других странах мусульманской культуры с ее «мышлением прецедентами», считалось неременной обязанностью образованного человека.

Злоключения двух царевичей¹

Тот, кому ведома эта повесть, рассказывает, что, когда Бахтиар окончил свой рассказ, наступила ночь, и государь в сопровождении везиров воротился во дворец. Там он удалился в опочивальню и погрузился в размышления о судьбе Бахтиара, а везиры и военачальники разошлись по домам.

На следующий день они вновь явились к повелителю. Он же отправился к Бахтиару и, придя к нему в темницу, молвил: «О Бахтиар, Расскажи мне что-нибудь еще, дабы я, слушая твою историю, обрел благо». И Бахтиар, почтительно склонившись перед государем, поведал ему такую повесть.

Жили некогда два брата царского рода. Старший из них стал государем, некоторое время управлял страной и породил двух сыновей. И вот однажды, по промыслу Аллаха, преславного и великого, что вершит надо всеми рабами волю свою, пришло на ум младшему брату свергнуть брата старшего, и он вступил для этого в сговор с везирами, военачальниками и войском. Узнав, что младший брат желает его низложить, государь пришел потолковать о том с женой и сказал: «О возлюбленная, давай покинем нашу страну и попытаем счастья там, где нам сулил Аллах. Ведь выступив против брата, я опозорю свое имя». Плача, спросила государыня: «Куда же мы отправимся?» Ответствовал государь: «Пойдем куда глаза глядят и полюбуемся на чудеса, в коих являет свое могущество Аллах — преславен Он и возвышен, Владыка миров!» Молвила государыня: «Да будет так» — и с теми словами стала собираться в дорогу. Когда все было готово, царственные супруги, взяв с собой обоих сыновей, покинули дворец.

Долго блуждали они по лесу, наконец достигли берега реки неподалеку от ее впадения в море и остановились отдохнуть. Царевичи принялись резвиться на берегу и, играя, заметили на дереве двух птенцов. Молвили они тогда, обратясь к отцу: «Батюшка, достань нам тех птенцов, мы хотим с ними потешиться». Ответствовал государь: «Не следует вам, дети, их трогать. Ведь мы и так попали в беду и нынче бредем неведомо куда. Как бы Аллах — преславен Он и возвышен! — нас не покарал». Сказали царевичи: «О батюшка, мы только минутку с ними поиграем, а потом ты их снова посадишь в гнездо». Государь подошел к дереву, достал из гнезда птенцов и подал их сыновьям. Когда же они наигрались, посадил птенцов обратно.

Вскоре прилетела мать тех птенцов. Она тотчас учуяла, что от детенышей пахнет человеком, принялась клевать их в головы и сильно изранила. Видя, как обернулось дело, государь решил покинуть то место и перебраться через реку; лодки же у него не было. Тогда сказал он, обратясь к жене: «Давай я прежде перенесу через реку тебя, а потом вернусь за детьми». Сказав так, он пере-

¹ Перевод по источнику [30].

нес жену на другой берег, но куда ее переправлял, в те края забрел рыболов, увидел двух мальчиков и увел их к себе. Когда государь вернулся за детьми, он никого на берегу не нашел, горько заплакал и поспешил к жене. Пока же он ходил за детьми, неподалеку от того места, где ждала его жена, бросил якорь корабль, прибывший за пресной водой. Матросы увидели женщину, взяли ее с собой и доставили на корабль. Там она поведала капитану обо всем, что с ней приключилось, он же, выслушав ее рассказ, отвел государыне лучшую каюту и всячески ей угождал.

Меж тем государь переправился на берег, где оставил свою супругу, не нашел ее и, проливая слезы, подумал про себя: «Должно быть, мою жену похитили». Потом в глубоком горе совершил омовение и простерся ниц пред Аллахом, творя молитву.

Помолившись, он вновь пустился в путь, ведомый промыслом Всевышнего, Владыки миров, и вскоре достиг пределов страны, повелитель которой только что скончался, возвратясь под сень милости Аллаха. В ту пору обитатели страны как раз выпустили слона, наделенного великой сокровенной силой, дабы тот слон отыскал им нового повелителя. И вот, по всемогуществу Господа, слон приблизился к государю, склонился перед ним и, посадив себе на спину, доставил в город. Тогда все везиры и военачальники воздали государю почести и возвели его на престол, музыканты же громко заиграли на всевозможных инструментах.

По прошествии некоторого времени с той поры, как государь утвердился на престоле, перед ним предстал рыбак, приведший с собой двух юношей. Государь пристально взглянул на тех юношей и, видя, сколь они изящны и скромны, молвил: «О рыбак, оставь этих юношей мне, ибо у меня нет детей. Я сделаю их своими посыльными». С почтительным поклоном отвечивал рыбак: «О господин мой, повелитель мира, я всегда был верным рабом у твоих ног и потому исполню любое твое повеление». Юноши стали прислуживать государю, явили великое благонравие и всякое дело исполняли так, что владыка ни в чем не мог их упрекнуть и очень полюбил.

Как-то раз в ту страну прибыл корабль, чтобы торговать с государем и завести с ним дружбу, ибо прежний правитель страны был очень дружен с капитаном корабля. Капитан вошел во дворец, предстал перед государем, и его величество молвил: «О капитан, давай повеселимся в балее нынче ночью, дабы усладить наши души». С почтительным поклоном отвечивал капитан: «О господин, я покинул свой корабль и теперь пребываю в великом беспокойстве, оттого что на нем нет надежного человека. Если бы не это, то куда как неплохо было бы поразвлечься». Молвил государь: «Попшем стеречь корабль двух моих посыльных, чье благонравие не раз было испытано». Ответствовал капитан: «Да будет так, о господин мой». Договорившись с капитаном, государь кликнул посыльных и, когда те явились, молвил: «Ступайте и хорошенько охраняйте корабль, да смотрите, не соверши-

те чего-нибудь дурного». Посыльные испросили соизволения удалиться, отправились на корабль и, усевшись на носу, стали беседовать с командой. Капитан же поднялся в балеи государя.

Поздней почью все на корабле уснули, посыльных тоже стало клонить в сон, и младший из них задремал. Сказал тогда старший: «Не спи, братец, ведь государь повелел нам охранять корабль. Случись какая беда, во всем обвинят нас, и наше имя покроется позором». Ответствовал младший брат: «Ты прав, о братец» — и, так сказав, отогнал от себя сон.

Прошло недолгое время, и младшего брата опять стала одолевать дрема. Снова сказал тогда старший брат: «О братец, опять тебя сморило, разве я не говорил тебе — не спи? Не нам ли головой отвечать за все, что ни случится на корабле?!» Молвил младший: «Посторожи пока ты, братец, а я хоть немного посплю». Ответствовал старший: «Вовсе ты меня не слушаешься, брат. Давай-ка я что-нибудь расскажу, чтобы тебя не клонило в сон». Сказал младший: «Хорошо, пусть так и будет».

И старший брат начал рассказывать: «Знай, что мы — сыновья могущественного государя. Как нас с тобой двое, так и отец наш жил вдвоем с братом. Отец был из них старший и посему взшел на престол. По прошествии недолгого времени дядя, младший из братьев, стал ему завидовать и пожелал низложить его. Тогда отец оставил трон, покинул страну и, взяв нас с матерью с собой, отправился странствовать по лесам и равнинам. Вскоре он достиг берега реки неподалеку от ее впадения в море и остановился отдохнуть. Мы же стали резвиться на берегу, заметили двух птенцов и попросили отца их достать. Он достал птенцов из гнезда и дал их нам поиграть, после же посадил обратно. Вскоре прилетела птица — мать тех птенцов. Учуяв, что от ее детей пахнет человеком, она стала их клевать в голову и тяжко изранила. Видя, какая приключилась беда, отец переправил нашу матушку на другой берег реки, а нас тем временем похитил рыбак».

А надо сказать, что в ту пору на корабле почивала царица, жена государя, которую доставили туда матросы, высадившиеся на берег, чтобы запасти пресную воду. Государыне отвели на корабле каюту, где она благополучно и пребывала; когда же братья начали меж собой беседовать, она пробудилась ото сна и прислушалась к их рассказу. Выслушав тот рассказ, государыня, будучи не в силах с собой совладать, выбежала из каюты, бросилась к детям и стала обнимать и целовать их, повторяя: «О детки, сколь искусно вы рассказывали! Именно так все с нами и было».

Меж тем на корабле поднялся страшный переполох. Матросы, крича, что жена капитана согрешила с государевыми посыльными, схватили их и отвели к его величеству. Государь же в гневе бросился на юношей с мечом и принялся бить их плашмя по голове, а затем повелел палачу: «Не мешкай и нынче же ночью казни сих юношей, ибо они меня опозорили». Палач повлек братьев на плаху и, приблизясь к первым из городских ворот, окликнул

их стража: «Открой ворота, дабы я мог войти в город и по приказу государя казнить этих юношей». Спросил страж городских ворот: «В чем провинились юноши, которых ты так торопишься лишить жизни? Издревле не дозволяет обычай казнить людей ночью. Не будет, что ли, для этого дня?» Молвил палач: «Государь так повелел». Ответствовал страж: «Пусть это приказ государя, я все равно не открою тебе ворота. Разве ты не знаешь историю о супругах, их ребенке и кошке? Так вот, одна супружеская чета держала в доме кошку. Как-то раз муж с женой ушли на рисовое поле, а кошку оставили стеречь ребенка. Вернувшись, они увидели, что вся пасть у кошки измазана в крови, а дитя в колыбели мертво. Тотчас убили они кошку, с плачем вынули младенца из колыбели и подле него нашли растерзанную змею, которую порешила кошка. Тогда супруги горько пожалели о содеянном и сказали: „Не иначе как наша кошка убила эту змею“. Вот что бывает с теми, кто нетерпелив!»

Палач отправился ко вторым воротам города и окликнул их стража: «Эй, страж, открой ворота! Государь повелел мне казнить этих юношей». Ответствовал страж: «Уж не лишился ли ты рассудка, что хочешь предать людей смерти посреди ночи, не дождавшись рассвета? Разве ты не знаешь историю о собаке и ее хозяине? Один человек, что ни день, уходил по делам, а собаку оставлял стеречь дом. Однажды он ушел, как обычно, но вскоре возвратился и увидел, что собака сидит посреди двора, вся пасть у нее в крови, а рядом лежит труп его жены. Подумал тот человек: „Должно быть, это собака загрызла мою жену“. Тотчас выхватил из ножен меч, ударил собаку мечом и разрубил ее надвое. Когда же поднялся в дом, нашел в опочивальне труп мужчины, коего загрызла собака, и, подумав: „Я отнял жизнь у животного, что избавило меня от позора“, — горько пожалел о содеянном. Вот что случается с нетерпеливыми! Ступай же теперь к государю и скажи: „Что бы там ни было — погоди до завтра“».

Палач поспешил к третьим воротам и закричал: «О страж, отвори, государь повелел мне казнить этих юношей ныне же ночью, и я не могу его послушаться!» Ответствовал страж ворот: «Зачем так спешить с казнью, разве не будет для этого дня? К тому же как бы не пожалеть, предав их смерти без дознания. Посему ступай к государю и скажи: „Что бы там ни было — подожди до утра“». Ответствовал палач: «Это невозможно, я должен их казнить этой же ночью». Молвил страж: «Ну и спорщик же ты! Неужто ты не знаешь историю о государе, что задумал построить себе дворец? Тот государь позвал к себе звездочета и, когда он явился, молвил: „О звездочет, я хочу построить дворец, погляди, какое время этому благоприятствует“. Звездочет заглянул в гадательную книгу и с почтительным поклоном ответил: „О господин мой, повелитель мира, есть для этого один благоприятный миг. Если начать строить дворец точно в этот миг, все во дворце станет золотым“. Спросил государь: „А как узнать,

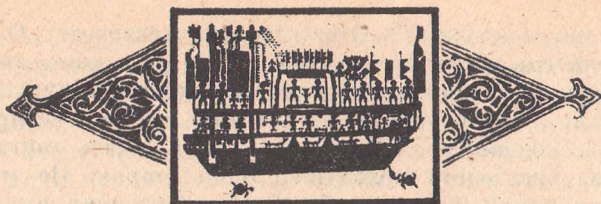
что этот миг наступил?" Ответствовал звездочет: „О господин мой, повелитель мира, как только я ударю в гонг, знайте, что пришло время, благоприятствующее началу строительства“. Государь сказал: „Да будет так!“ — и тотчас все его везиры, военачальники и подданные, собравшись, стали ждать гонга.

А слова звездочета подслушал один старик. Не мешкая он возвратился домой, срезал побег банана, выкопал яму и ушелся на ее краю с побегом в руках.

Меж тем звездочет ударил в гонг, и везиры с военачальниками, расталкивая друг друга, бросились строить дворец, однако зазевались и начали его возводить чуть позже удара. Старик же, чуть только прозвучал гонг, выпустил побег из рук, так что он упал в яму, старательно засыпал яму землей и ушел в дом.

Везиры и военачальники построили дворец, но, сколько ни ждали, ничто в нем золотым не становилось. В гневе государь повелел казнить звездочета, и того предали смерти. У старика же вырос банан с золотым стволом и золотыми листьями. Старик отправился к государю, чтобы преподнести ему тот банан. Государь поспешно поднялся ему навстречу, взглянул на золотое деревце и спросил у старика: „Как это у тебя вырос такой банан?“ Старик почтительно поклонился и отвечал: „О господин мой, повелитель мира, когда звездочет, припав к стонам вашего величества, поведал о благоприятном времени, ваш раб случайно услышал его слова, тотчас вырыл яму и срезал побег банана. Вскоре ударил гонг, и я бросил побег в яму. Оттого, о повелитель мира, этот банан вырос золотым“. Выслушав старика, государь горько пожалел о содеянном, удалился во внутренние покои дворца и так горевал о звездочете, что тяжко занемог. Такова-то, о палач, эта история».

Вскоре забрезжил рассвет, и палач молвил: «О стражи ворот, давайте все вместе отправимся к государю». Трое стражей посоветовались и, взяв с собой палача и юношей, предстали перед повелителем. Придя к нему, они почтительно поведали о том, как не отворили палачу ворота, после же сказали: «О господин наш, повелитель мира, ежели угодно вам явить милосердие и сострадание, хорошо бы сперва обо всем дознаться, дабы потом не пришлось жалеть. Расследовав это дело, вы лучше его поймете». Государь в душе одобрил речи стражей, приказал позвать юношей и стал их расспрашивать. Они же отвечали с почтительным поклоном: «О господин наш, повелитель мира, когда вы отправили нас стеречь корабль, мы, дабы превозмочь сон, стали рассказывать друг другу всевозможные истории». Молвил государь: «Что же это были за истории, я хочу их услышать». Тогда юноши поведали государю обо всем, что с ними произошло, до той самой поры, когда они играли на берегу реки. Государь узнал сыпоев и, подойдя к ним, обнял и поцеловал. После же отправил посыльных и служак на корабль за женой. (...).

ПОВЕСТЬ О ХАНГ ТУАХЕ

Впервые европейские читатели узнали о «Повести о Ханг Туахе» из вышедшей в 1726 г. книги голландского миссионера Франсуа Валентейна «Старая и Новая Ост-Индия», в которой автор называл ее «редкостным алмазом» и «прекраснейшим из малайских сочинений». Не вполне ясно, был ли сам Валентейн знаком с повестью, однако его высокая оценка отнюдь не лишена оснований.

Приобретшая свой нынешний вид, а возможно, и созданная в султанате Джохор в «золотое тридцатилетие» его истории (40—70-е годы XVII в.), «Повесть о Ханг Туахе» была, по-видимому, призвана прославить рассказом о доблести лаксаманы (флотоводца) Ханг Туаха его весьма отдаленного преемника на этом посту, могущественнейшего из джохорских паредворцев того времени — лаксаману Абд аль-Джамила. Однако не успешное разрешение этой конъюнктурной задачи, а литературно-учительные достоинства повести обеспечили ей выдающееся место в малайской словесности.

«Повесть о Ханг Туахе» являет собой глубоко национальное письменное героико-эпическое произведение. Точнее определить ее жанр весьма непросто. Прежде всего крайне разнородны и многообразны ее источники, позволяющие считать ее наряду со многими другими сочинениями классического периода малайской литературы образцом литературного синтеза. Основу повести составляют известные по «Малайским родословиям», но нередко представляющие в сильно преобразованном виде рассказы о подвигах самого Ханг Туаха и деяниях других персонажей малаккской истории, которые в повести ему приписаны.

Автор или составитель дошедшей до нас версии обращался также к повестям о Панджи, «Повести о Сери Раме», «Повести о победоносных Пандавах» и одновременно к мусульманским малайским сочинениям, в частности «Саду царей» Нуруддина ар-Ранири, житийной литературе и легендам. Многообразие мотивов, заимствованных из этих источников, слагается в повести в достаточно стройное целое благодаря характерным композиционным приемам и единству идейного замысла.

«Повесть о Ханг Туахе» явно напоминает по композиции традиционные исторические сочинения малайцев, в частности «Малайские родословия». Она двучастна и в первой части содержит миф о происхождении малайского правящего дома, а во второй — повествование о событиях истории Малакки от ее основания до падения. Для этого повествования, как и для «Малайских родословий», характерны широта и размах, чуждые местнической ограниченности некоторых позднейших хроник. Поле действия повести — это, по существу, весь малайский мир, осознаваемый как

единая «малайская земля» и «дальние страны»: Маджапахит, Виджаянагар, Китай, Турция, Сиам. Повесть насыщена деталями, точно отражающими особенности государственного и городского быта, свадебных обрядов и церемонии возведения на престол, приемов у государя и посольского чина, всевозможных развлечений, наподобие игры в плетеный мяч, петушиных боев, шахмат, и народных верований и суеверий — словом, всей пестрой, живой и неповторимой картины малайского средневековья. И это тоже роднит повесть с «Малайскими родословиями» и резко отличает характерную для нее атмосферу от условного и в основном вневещного колорита местных переработок яванских и персидских произведений.

Однако при всем сходстве «Повести о Ханг Туахе» и «Малайских родословий» произведения существенным образом различаются. Наиболее важное из различий — отсутствие в повести обязательного для малайских хроник генеалогического элемента, тотчас меняющее характер повествования. В повести на протяжении всей истории Малакки действует лишь один государь, один бендахара и один лаксамана. Лишь один враг — яванцы — реально угрожает стране при ее основании, один враг — португальцы — в годы ее «старости». Трудно предположить, чтобы весьма зрелый автор повести или ее составитель не знал, что в Малакке правили несколько султанов, при которых состояло несколько бендахар и лаксаман, а ситуация, которую пришлось разрешать Малакке при ее основании, вовсе не была однозначной. Можно думать, что в задачу автора входило не столько рассказать о славном прошлом, сколько на примере обобщенных образов-символов раскрыть его смысл, его уроки и опыт. Подобную задачу ставили многие малайские исторические сочинения, однако другого столь последовательного показа истории как целостной эпическо-героизированной биографии в ней, пожалуй, не найти.

В чем же видел автор важнейший урок прошлого? На этот вопрос отвечает предисловия к спискам повести, одно из которых, весьма типичное, гласит: «Это „Повесть о Ханг Туахе“, беспредельно преданном господину и оказавшем ему множество услуг». Итак, перед нами вновь знакомая по «Повести о раджах Пасея» и «Малайским родословиям», с одной стороны, и «Повести об Исме Ятиме» и «Повести о Бахтиаре» — с другой, проблема отношения государя и верного вассала: султана Малакки — потомка небожителей, «низведенного Аллахом на землю», и Ханг Туаха — сына бедняка с реки Дуюнг, рождению которого сопутствуют чудесные знамения, который еще мальчиком одолевает в бою шайку пиратов и чье имя, означающее Счастливым, Приносящим Удачу, олицетворяет счастливую судьбу Малакки.

Государь, согласно уже известной нам концепции, в силу сверхъестественного происхождения и божественного избранничества воплощает в себе мощную сакральную энергию власти — «даулат», делающую его средоточием и хранителем социального порядка. Подданные, народ, страна, символом которых выступает Ханг Туах, связаны с ним своего рода священным браком. Именно нерасторжимое единство государя и верных ему подданных служит, в понимании автора повести, залогом политических успехов государства и его процветания.

Если описанная концепция представляет собой идейный центр повести, от которого устремляются токи почти к каждому из ее эпизодов, то внутренним композиционным стержнем произведения являются параллельные жизнеописания султана и Ханг Туаха, во взаимодействии которых данная концепция находит свое наиболее полное выражение. В этих жизнеописаниях олицетворены судьбы Малакки, что весьма характерно для художественной манеры повести, в которой стихийный реализм сочетается с символическими элементами. Уже упоминалось сверхъестественное рождение обоих героев. Их юность совпадает с основанием Малакки, зрелость — с ее расцветом. Большую часть повести, посвященную этим годам, занимает описание яванско-малайского конфликта и торжества Малакки над Маджапахитом, предвестием которого служит исполнение символического

значения победа белого малайского оленька-пеландука над могучими псами яванского царевича на том месте, где будет основана Малакка. В тот злосчастный день, когда государь роняет в море корону — символ сакральной власти, Ханг Туах лишается криса, дарующего ему и Малакке непобедимость. Характерно, что крис похищает опять-таки животное-альбинос — белый крокодил, а именно крокодил является извечным врагом оленька в малайском фольклоре и литературе. После этого государь и Ханг Туах заболевают, и неотступно мучающие их с той поры лихорадка и слабость — болезни самой Малакки, прошедшей высшую точку своего величия и обнаруживающей признаки дряхления. Один из таких признаков — следующее тотчас за болезнью героев нападение на страну португальцев, второй — усиление в повести религиозно-мистических настроений. Завершается повесть тем, что султан и Ханг Туах одновременно покидают Малакку и становятся деревнями. Их изначальная связь рвется, а тем временем достигшую отмеренного судьбой срока Малакку хитростью захватывают португальцы.

Калейдоскопически сменяющие друг друга эпизоды повести благодаря пропизиывающей их единой концепции обнаруживают сходство с новеллами, иллюстрирующими те или иные положения в зеркалах. Повесть же в глубинном содержании оказывается своеобразным зеркалом, в котором наставником выступает сама история. В отношении государя и подданных это «зерцало» уделяет преимущественное внимание роли подданных, и обязанности, обычно распределенные между различными группами придворных, возлагает на одного человека — Ханг Туаха. Он и величайший из военачальников, и мудрый советник, и искусный в дипломатии посланник, и мусульманский подвижник, приносящий государю вести о загробных муках грешников.

Взгляд на «Повесть о Ханг Туахе» как на произведение учительное помогает глубже понять образы ее героев, в частности «сниженное» изображение султана Малакки. Неоднозначность и изменчивость образа государя в повести обусловлены не столько реалистичностью ее манеры, сколько дидактическими задачами. Разумные и оправданные шаги государя позволяют Ханг Туаху непосредственно проявить свое мужество и искусство государственного деятеля. Слабости же, капризы, причуды дают возможность «разыграть в лицах» такие важнейшие идеи зеркал, как необходимость для государя прислушиваться к голосу мудрых советников, избегать скоропалительных действий, презирать клеветников и т. д. Еще важнее то, что благодаря этим слабостям проверяется верность подданного государю. Если бы по воле государя, а передко добровольно Ханг Туах не брался за любое поручение повелителя — будь то дело государственной важности или просьба нарвать плодов с готовой рухнуть пальмы, вытащить коня, свалившегося в выгребную яму, или доставить вести из загробного мира, — он не смог бы стать живым воплощением этой верности, потому безоговорочной и абсолютной, что именно от нее, по средневековым малайским представлениям, зависели покой, упорядоченность и процветание страны. Последствия же нарушения верности показаны в повести на примере трагического бунта Ханг Джебата — названного брата Ханг Туаха, второго после него малаккского богатыря.

По существу, тема этого эпизода может быть выражена словами известнейшего зеркала «Корона царей» о том, что волю даже несправедливого государя следует исполнять не из преклонения перед ним, но из горькой необходимости избежать смуты и мятежа, которые унесут жизни множества подданных, праведных и неверных. Это и происходит в повести, когда государь по навету клеветников приказывает казнить Ханг Туаха и передает всю полноту его власти повому фавориту — Ханг Джебату, которому к тому же вручает знаменитый крис лаксаманы.

Душу Ханг Джебата захлестывает хаос противоречивых страстей. Первая из них, рождающаяся тотчас после возвышения и получения криса, — это упоение своим величием, всемогуществом и вседозволенностью, возможными лишь после устранения Ханг Туаха. Именно это провидел

лаксамана, предрекавший Малакке наступление черных дней, и именно это заставляет прежних соратников и друзей Ханг Джебата с отвращением отшатнуться от него. Вторая страсть — усиливающееся по мере отравления глубокое горе от утраты друга и жажда мести тем, кто его погубил. Безмерные, как у подлинно эпического героя, и выравнившиеся из-под контроля разума — высшей ценности в литературе зеркал, воплощенной в образе Ханг Туаха, — эти страсти всецело овладевают Ханг Джебатом и делают его в глазах автора повести орудием разрушительных, демонических сил.

От третирования придворных и самовозвеличивания Ханг Джебат переходит к прямому мятежу и узурпации власти. Узурпация эта, однако, также носит «безумный» и при всей трагичности фигуры узурпатора несколько комический характер. Ханг Джебат, изгнавший государя из дворца, облачившийся в царские одежды, становится повелителем не Малакки, но семи сотен дворцовых женщин, властелином своего рода «кромешного», «изпаночного» царства, жизнь и смерть обитателей которого определяются не законом и справедливостью, а абсолютным произволом правителя. Отношения между «государем» и «подданными» в этом царстве основаны не на разуме, а на страсти: любовной одержимости придворных дам и смятении чувств самого мятежника. «Внутренняя политика» этого царства — непрерывная оргия, «пир во время чумы»; его «внешняя политика» — столь же непрерывная битва с войском, возглавляемым вчерашними соратниками. И, разумеется, такое царство хаоса не может не пасть, а безграничный произвол его «властителя» — не привести к гибели подданных: перед сражением с Ханг Туахом Ханг Джебат закалывает всех женщин. Несмотря на благородный порыв отомстить за друга, одержавший верх в душе Ханг Джебата, поединок героев вырастает до символического столкновения сил гармонии и хаоса, разума и слепой страсти. Не случайно Ханг Туах, понимающий мотивы названного брата, не может не сражаться с ним и говорит о необходимости тщательно обдумывать каждый поступок, равно как и Ханг Джебат принимает бой, упорствуя в своем кредо: быть злодеем до конца! Не случайно и противопоставление спокойной решимости Ханг Туаха во время поединка и нервозности Ханг Джебата, неспособного сдержать ярость. Даже в смертельно раненном Ханг Джебате продолжают бушевать силы зла, порожденные ничем не сдерживаемой игрой страстей, и он, как бы воплощая идею зеркал о божьем гневе, обрушивающемся на страну, породившую мятежника, впадает в амок, сея в Малакке ужас и смерть.

Однако автор повести не был бы выдающимся писателем, если бы хотя на миг упустил из поля зрения прежнее высокое достоинство своего героя, непрерывно ощущаемое в его словах и поступках. Именно поэтому Ханг Туах, сразивший мятежника, три дня скорбит и безмолвствует. Именно поэтому Ханг Джебату даруется смерть на руках у лаксаманы, а Ханг Кесгури, только что обличивший друга, рыдает над его телом. И именно поэтому эпитафией павшему звучат слова Ханг Туаха о том, как все непросто в жизни.

Итак, «Повесть о Ханг Туахе» — это глубоко национальный образец книжного героико-исторического эпоса, в котором история, в средневековом малайском понимании этого слова, разворачиваясь как биография, раскрывает свое глубинное учительное содержание.

Первое сражение

В небесном царстве у государя Санг Перта Дэвы рождается сын Санг Санурба. Став взрослым, он психодит на гору Букит Сегунтанг, женится на царевне, возникшей из пены, которую отрыгнул волшебный буйвол — также воплотившийся небожитель, — и от их брака рождается четверо сыновей. Посланцы из Бинтана* и Сингапуры приглашают юношей на царство. Старший из них — Санг Маниака — восходит на престол в Бинтане и назначает четырех главных сановников государства, из которых наиболее

влиятелен и мудр бендахара Падука Раджа. Далее начинается рассказ о Ханг Туахе.

Теперь расскажем о Ханг Туахе, сыне Ханг Махмуда, жившего на реке Дуюнг *.

В ту пору среди обитателей этих мест распространилась весть о том, что государь Бинтана наделен редким добронравием и весьма приветлив в обращении с подданными. Когда эта весть дошла до Ханг Махмуда, сказал он своей жене Данг Мерду: «О госпожа, хорошо бы нам перебраться в Бинтан. Ведь мы очень бедны, а Бинтан — город большой, там нам будет легче прокормиться». Ответствовала Данг Мерду: «Ты прав, о мой господин».

Той же ночью Ханг Махмуду приснилось, будто с небес спустилась луна и озарила ярким сиянием голову Ханг Туаха. Ханг Махмуд проснулся, поднялся с циновки и, когда взял Ханг Туаха на колени, почувствовал, что тело его благоухает нардом. Наутро Ханг Махмуд поведал о своем сне жене и сыну, и, услышав его рассказ, мать Ханг Туаха умастила мальчика порошком шафрана и одела его во все белое — белый кайн, и баджу, и тюрбан. После же накормила рисом с куркумой и куриными яйцами, принесла жертвы духам предков и приказала Ханг Туаху читать благодарственные молитвы. Когда же он их прочитал, обняла сына.

Молвил тогда Ханг Махмуд, обратясь к жене: «Хорошенько приглядывай за сыном и не позволяй ему играть вдали от дома, ведь его так и тянет на озорство. Я бы охотно отдал его учиться Корану, да учителя у нас не найти. К тому же и держать себя он еще не умеет. Надо бы нам переехать в Бинтан — в большом городе и учителей много». Ответствовала жена: «Раз так, давай собираться в дорогу».

Собрав свой скарб, Ханг Махмуд отплыл к острову Бинтан, но прошествии недолгого времени достиг его и построил дом неподалеку от квартала бендахары Падуки Раджи. Открыл лавку и продавал в ней съестные припасы.

Меж тем Ханг Туах подрос, обучился ремеслу родителей, и тогда Ханг Махмуд отдал его в учение к лебею. Вскоре Ханг Туах выучился у него читать Коран и стал изучать грамматику. Когда же и ее превзошел, сказал отцу: «О отец, я бы хотел поступить к лебею-келингцу *, дабы научиться его языку». Ответствовал Ханг Махмуд: «Ты прав, о сын мой», — и Ханг Туах начал учиться у келингского лебея. Через некоторое время он в совершенстве постиг язык келингцев и попросил отца отдать его в учение лебею-сиамцу, дабы и его язык превзойти. Выучившись сиамскому языку, Ханг Туах стал заниматься у лебея-китайца, вскоре во всех тонкостях постиг китайский язык и, желая изучить яванский язык, начал посещать лебея-яванца. Когда же наконец изучил двенадцать языков, возвратился в дом родителей и вместе с отцом и матерью стал добывать хлеб насущный: ходил с отцом в лес за дровами и, покуда мать торговала в лавке, бывало, колол их у ее дверей.

Всякий раз как Ханг Махмуд, раздобыв риса, возвращался домой, он шел к бендахаре и прислуживал ему. Если же хотел куда-либо отлучиться, испрашивал на то у бендахары соизволения. Ханг Туах вместе с отцом посещал дом бендахары и так обучился учитовому обхождению.

Когда Ханг Туаху исполнилось десять лет, он свел дружбу со сверстниками, из которых одного звали Ханг Джебат, второго — Ханг Кестури, третьего — Ханг Лекир, а четвертого — Ханг Лекиу. Все пятеро очень друг к другу привязались и, что бы ни делали, куда бы ни шли поразвлечься, ни на миг не разлучались, даже пили и ели вместе, точно родные братья.

Как-то раз Ханг Туах сказал друзьям: «О мои братья, не взять ли нам лодку-однодревку и не пройтись ли вдоль здешних берегов? Как знать, может, мы чем и поживимся». Воскликнули Ханг Джебат и Ханг Кестури: «И верно, отчего бы нам не прокатиться в пиятером?» Сказал Ханг Туах: «Если вы согласны, отправимся в путь. У моего отца есть однодревка с полной парусной оснасткой. Давайте сходим домой и возьмем на каждого гантангов по десяти риса». Сказали Ханг Джебат и Ханг Кестури: «Пошли собираться!»

С теми словами они возвратились домой и рассказали о своей затее родителям. Те же ответствовали: «За хорошее дело беретесь вы, братья. И нам такое приходило на ум». Сказав так, родители дали им риса в дорогу, отец Ханг Туаха вручил сыну крис и меч, и то же самое сделали отцы Ханг Джебата, Ханг Кестури, Ханг Лекира и Ханг Лекиу. Когда все было готово, пятеро друзей простились с родителями, сели в лодку и отплыли к острову Тингги*.

По прошествии недолгого времени Ханг Туах заприметил, что к острову направляются еще три судна, и сказал: «Друзья, будьте на чеку, сдается мне, что те три корабля — пиратские». Присмотревшись, они поняли, что Ханг Туах прав, и Ханг Джебат воскликнул: «По всему видно — это пираты! Что станем делать?» Ответствовал Ханг Кестури: «Стоит ли долго раздумывать? Как захотим, так и поступим!» Сказали Ханг Лекир и Ханг Лекиу: «И верно, что тут думать! Неужто мы струсим — ведь двум смертям не бывать!» Улыбнувшись, молвил Ханг Туах: «О братья, по моему разумению, нам лучше сразиться с пиратами на острове. В такой лодчонке они нас непременно одолеют. Ведь три корабля, что плывут сюда, велики, хорошо вооружены и команда на них многочисленная. Поэтому биться с ними будет нелегко». Сказал Ханг Кестури: «Что бы мы ни решили, надо спешить: пиратские корабли приближаются!»

Ханг Туах повернул лодку и направил ее к острову. А меж тем пираты заметили поспешно свернувшую к острову однодревку, в которой плыло пятеро мальчиков, и, решив, что те обратились в бегство, послали в погоню за ними сампаны. Когда же стали настигать однодревку, увидели, что все пятеро — сверстники и очень хороши собой.

В это время лодка Ханг Туаха как раз подошла к берегу, и преследователи, весьма тому обрадовавшись, сказали друг другу: «Мы захватим этих мальчишек в плен и сделаем их своими рабами». Сгорая от нетерпения взять мальчиков в плен, пираты поспешно высадились на остров. Ханг Туах же с друзьями уже поджидал их на берегу, и, когда пираты, обгоняя один другого, попрыгали на сушу и бегом кинулись их хватать, мальчики были наготове — каждый с тремя метательными ножами в руках. Едва лишь пираты оказались лицом к лицу с Ханг Туахом, он метнул нож, ранил одного из них в бедро, и тот рухнул наземь не в силах подняться. Ханг Джебат также метнул нож и ранил другого.

Тогда пираты опрометью бросились назад к сампанам, захватили метательные ножи и стрелометные трубки и принялись осыпать Ханг Туаха и его друзей ливнем стрел, крича: «Смерть проклятым мальчишкам! Им, видно, вовсе не жаль своих отцов и матерей». Один же из них зывал: «Не убивайте их, лучше уведите в рабство!» А другой ему вторил: «Эй, мальцы, поклонитесь нам и сдавайтесь по-хорошему, не то все лишитесь жизни!» Услышав те крики, Ханг Джебат, отражавший метательным кинжалом летевшие в него ножи и стрелы, откликнулся: «Как бы не так! Стану я вам кланяться! Лучше вы поклонитесь мне, чтобы я простил ваши грехи». С теми словами он сам и все четверо его друзей метнули кинжалы, и пятеро их противников повалились наземь, да так и остались лежать. Остальные же двадцать, видя это, пришли в бешенство и с криками: «Смерть проклятым мальчишкам!» — принялись еще яростней забрасывать их ножами и осыпать стрелами.

Тогда Ханг Туах и вся его четверка выхватили из ножен крисы и в амоке бросились на врагов числом двадцать. Ханг Туах сразил насмерть двоих, Ханг Джебат, Ханг Кестури, Ханг Лекир и Ханг Лекину — еще четверых, а оставшиеся обратились в бегство, попрыгали в сампаны и что есть силы принялись грести к кораблям.

Когда пираты обратились в бегство, Ханг Туах и его друзья подобрали раненых и отвели в свою однодревку. После же разграбили один из сампанов, брошенных на берегу, и отплыли в сторону Сингапуры.

Меж тем беглецы добрались до своих кораблей и поведали главарю о том, как погибли и были ранены их товарищи. Выслушав рассказ сакаев, тот страшно разгневался и закричал: «Поднять якоря!» Когда же увидел, что однодревка взяла курс на Сингапуру, повелел: «Не мешкая беритесь за весла, ставьте паруса!» — и на веслах устремился в погоню за Ханг Туахом.

По воле Всевышнего в ту пору в море неожиданно появились семь судов сингапурского старейшины, направлявшиеся в Бинтан. Завидя те корабли, выходившие из Сингапурского пролива, Ханг Туах повернул к ним. А с кораблей заметили, что в их сторону мчится однодревка, в ней пятеро гребцов, за однодревкой же гонятся и вот-вот ее настигнут три пиратских судна. Молвил тогда старей-

шина Сингапуры: «Эй, матросы, не мешкая подведите наши суда к однодревке, которую преследуют пираты. Как знать, не наши ли в ней люди».

Услышав те слова, матросы поспешно принялись грести к однодревке, пиратские корабли отступили, и Ханг Туах подвел однодревку к сингапурским судам. Видя, что вся команда однодревки — пятеро мальчиков-сверстников, прекрасных лицом, спросил старейшина Сингапуры: «Эй, мальчики, куда вы плывете, откуда родом и как вас зовут?» Ответствовал Ханг Туах: «Меня зовут Ханг Туах, а четверых моих братьев — Ханг Джебат, Ханг Кестури, Ханг Лекир и Ханг Лекиу. Все мы живем в Бинтане, подчиняемся бендахаре Падуке Радже, а в путь отправились, чтобы постраивать и раздобыть пропитание, да вот наткнулись на пиратов». После же подробно рассказал старейшине о происшедшем бое, и тот, весьма обрадованный рассказом Ханг Туаха, спросил: «А куда вы думаете направиться после всего, что случилось?» Ответствовал Ханг Туах: «Если ты, о старейшина, готов оказать нам милость, мы бы хотели вернуться в Бинтан, ибо не ведаем, куда скрылись пиратские корабли, а враги непременно захотят разузнать о судьбе десятирех товарищей, которых мы взяли в плен». Выслушав его, старейшина отвечал: «Хорошо, о пятеро братьев, поднимитесь ко мне на борт, возьмите с собой пленников, а однодревку пришвартуйте к моему кораблю. Ведь пиратские суда все еще в нашем море». Молвил Ханг Туах: «Воистину справедливы твои слова, о господин».

С теми словами он отвел десятирех пленников на корабль старейшины, и старейшина спросил, обратясь к ним: «Эй, пираты, отвечайте, откуда вы прибыли, как имя вашего главаря и сколько у вас кораблей?» Ответствовали пленники: «Мы — пираты, что под началом Арьи Негары плыли на десяти кораблях из Сиантана* и еще десяти — из Джемаджи* грабить Палембанг. Часть нашего флота уже миновала это море, мы же шли замыкающими. А отправились в путь потому, что Гаджах Мада — везир повелителя Маджапахита — приказал всем властителям притоков напасть на Палембанг, высадиться на берег близ горы Букит Сегунтанг и разграбить город. Мы же подчиняемся Маджапахиту».

Услышав те слова, молвил старейшина: «Если так, нам надлежит без промедления плыть в Бинтан, ибо мы получили известие необычайной важности, и вы, о пятеро моих братьев, оказали нашему царственному господину великую услугу». Семь кораблей тотчас отплыли, а Ханг Туах и Ханг Джебат поднесли старейшине пятьсот стрелометных трубок, дабы его отблагодарить.

По пути в Бинтан матросы заметили три скрывшихся было пиратских корабля, и Ханг Туах предложил на них напасть, но старейшина молвил: «Будь покуда сдержан: мы должны не мешкая предстать перед бендахарой Падукой Раджей, дабы он поверг наше донесение к стопам государя. Как государь прикажет, так и поступим. А вы, братья, и без того оказали ему великую услугу».

По прошествии недолгого времени они прибыли в Бинтан. Ханг Туах и его друзья стали прощаться со старейшиной, и тогда напоследок им сказал: «Я бы хотел навестить вас в вашем квартале». Ответствовал Ханг Туах: «Мы все пятеро живем с родителями в квартале бендахары Падуки Раджи». Молвил старейшина: «Ладно, я у вас побываю, только смотрите, не забывайте меня, ибо мы стали братьями». Ответствовал Ханг Туах: «И я так думаю. Разве мы сможем забыть милости, которые ты нам оказал! Но знай, все мы очень бедны». С теми словами Ханг Туах простился с друзьями, и все они разошлись по домам.

Старейшина Сингапуры знакомит бендахару Падуку Раджу с пятью отважными юношами. После того как они проходят обучение у отшельника, бендахара представляет Ханг Туаха и его друзей государю, который приближает их к себе. Через некоторое время государь основывает новую столицу — Малакку — и становится ее султаном. На службе у государя Малакки Ханг Туах совершает множество подвигов. Вместе с султаном он отправляется в Маджапахит, где, проявив ум и мужество, помогает ему получить в жены дочь государя Маджапахита — Раден Эмас Айю, удостоивается титула лаксаманы — флотоводца и добывает приносящий удачу крис. Затем, оклеветанный завистниками, чтобы восстановить доброе имя, покидает у правителя Индрапуры (Паханга) его дочь Тун Теджу, которую султан делает своей второй женой, вновь едет на Яву с трудной дипломатической миссией — успокоить разгневанного новым браком султана повелителя Маджапахита и отражает нападение на Малакку яванских пиратов. Несмотря на все это, Ханг Туах вторично попадает в немилость, и султан по навету приказывает его казнить. Бендахара спасает Ханг Туаха, а меж тем его место при дворе занимает Ханг Джебат. Султан осыпает его знаками внимания, но Ханг Джебат не желает повиноваться государю, соблазняет его наложниц, а самого вместе с женами изгоняет из дворца. Никто не может одолеть Ханг Джебату, и тогда бендахара открывает султану, что Ханг Туах жив. Султан призывает его и приказывает убить бунтовщика. Происходит знаменитый посидинок друзей — самый трагический эпизод повести.

Посидинок с Ханг Джебатом

На следующий день государь оказал лаксамане милости, позволив вкушать из его блюда и одарив прекраснейшими одеяниями. После же обнял его, поцеловал в голову и молвил: «О возлюбленный мой лаксамана, поспеши смыть уголь позора с лица моего». С почтительным поклоном отвечал лаксамана: «Да преумножится твое благополучие, о мой господин!» С теми словами он припал к стопам государя, а поднявшись, облачился перед его лицом. Надел зеленые бархатные шальвары до колен и зеленый кайн, расшитый по краю золотом и кружевами, вокруг стана в семь слоев обернул поясной платок из хатифы, украшенный стихами из Корана, облачился в огненно-красное баджу, на коем золотой краской был начертан всемогущий заговор, вокруг головы обмотал тюрбан — подарок Шейха Махмуда, сзади заткнул за пояс крис с лезвием, извивающимся точно змея, а спереди — крис раджи Малакки.

Надев те одеяния, лаксамана преклонил колена перед государем, почтительно его приветствовал и, выйдя из покоев, в сопровождении сорока воинов отправился во дворец. Все малаккцы от мала до велика сбежались поглядеть на лаксаману, которому государь повелел убить презренного Джебата, и одни из них кричали: «Пойдемте полюбуемся на бой лаксаманы с Джебатом. Уж на этот-то раз Джебату достался противник, что не уступит ему ни в силе, ни в опыте. Ведь лаксамана весьма сведущ в воинском искусстве». Другие им отвечали: «Джебат не менее искусен, его никому не одолеть». Третьи же успокаивали спорящих, говоря: «К чему препираться? Нынче же мы увидим, кому суждено умереть, а кому остаться в живых. Лаксамана — великий воин и, дав слово государю, едва ли пожелает возвратиться ни с чем».

Тем временем лаксамана дошел до барабанного балея и, остановившись там, услышал звуки тамбурина, долетавшие из дворца, где Джебат шумно пировал с его обитательницами. Незадолго до полудня те звуки смолкли, и стала слышна тихая дробь маленького бубна, убаюкивающего Ханг Джебата. Поняв, что Джебат отошел ко сну, лаксамана дождался наступления благоприятного часа, спустился из балея, вошел за ограду дворца и остановился посреди площади. Сорок воинов стали за его спиной, а горожане, следовавшие за ним, остановились поодаль поглазеть на предстоящее зрелище; иные из них влезли на деревья, иные взобрались на крыши, те же, кто посмелей, расположились позади лаксаманы.

Заслышав бряцание оружия и громкие клики горожан, окруживших дворец, женщины, обитавшие в нем, в ужасе заголосили. От того шума Ханг Джебат проснулся и поднялся с ложа. Лаксамана же что есть силы закричал: «Эй, вероломный Джебат, изменивший господину, если ты вправду смел, спускайся, сразимся один на один, ибо я так давно не бился на крисах, что успел затосковать». Из-за лязга оружия и оглушительного рева толпы Ханг Джебат едва разобрал слова лаксаманы и, решив, что, должно быть, ко дворцу явился султан, вынул из ножен крис и принялся его точить. Тогда лаксамана закричал еще громче: «Эй, изменник Джебат, убирайся из дворца твоего господина. Если ты такой храбрец, давай сразимся». Ханг Джебат услышал голос лаксаманы и на этот раз его узнал. Поднявшись в открытую беседку, где, бывало, султан отдыхал, он растворил окно и, увидев стоящего на площади лаксаману, с громко бьющимся сердцем так про себя думал: «Каждый знает, что бендахара казнил Ханг Туаха и теперь его нет в живых. Кто же это обликом и статью столь на него похожий? Верно, глаза у меня слезятся со сна, вот всякое и мерещится». Подумав так, он спустился из беседки, умылся в золотом умывальном тазу султана, вытер лицо и, облачась в государевы одежды, отпер двери дворца.

В ту пору лаксамана снова ему закричал: «Джебат, выходи! Если тотчас не спустишься, я сам поднимаюсь во дворец, но

только сражаться там не с руки». Ханг Джебат прислушался к его голосу, приоткрыл дверь и окинул лаксаману пристальным взглядом. Когда же понял, что это и впрямь он, пришел в великое изумление. Видя, что Ханг Джебат открыл дверь, лаксамана засучил рукава баджу и воскликнул: «Ну, изменник, держись, сейчас я тебя убью!» Ханг Джебат поспешно захлопнул дверь и спросил: «Кто ты, что пришел со мною сразиться? Назовись». Ответствовал лаксамана: «Ты, верно, трусил, изменник Джебат, если утруждаешь меня вопросами. Я — лаксамана. Лишь нынче я возвратился от наставника из верховьев Малакки». Молвил Ханг Джебат: «О лаксамана, я несколько тебя не боюсь, только вот слышал, что бендахара предал тебя смерти, и теперь удивляюсь». Сказал лаксамана: «Перед тобой не кто иной, как Ханг Туах, коему государь повелел тебя убить. Что это за вздор, будто я умер? Бендахара всего лишь укрыл меня в верховьях».

Услышав те слова, Ханг Джебат еще сильнее изумился и сказал: «Я полагал, что ты покинул этот мир, потому и свершил все свои злодеяния. Знай я, что ты жив, клянусь Аллахом и Его посланником, никогда бы на них не решился». Спросил лаксамана: «Так ты раскаиваешься, о Джебат?» Ответствовал Ханг Джебат: «Нет, лаксамана, я ни в чем не раскаиваюсь и, хоть знаю, что погибну от твоей руки, не боюсь смерти. В этом меня никто не сможет упрекнуть. Ты еще увидишь, как бьется изменник Джебат — сорок дней малаккцы будут погребать мертвых и так привыкнув к смраду тления, что уже не будут его различать. Если уж прослать злодеем, то не за пустячную провинность, и я свершу великое злодеяние». Ответствовал лаксамана: «О Джебат, сколь ужасно твое заблуждение! И без того измена государю — смертный грех пред лицом Всевышнего, кой не простится тебе за гробом. Ныне же ты хочешь его отягчить убийством ни в чем не повинных людей. Подумай, неужто ты прав?» Молвил Ханг Джебат: «У меня нет иного выхода. Все, что происходит, вершится не по моему умышлению, но по воле Аллаха, дабы мое имя прославилось во всех странах. А не желаю я выйти из дворца, чтобы с тобой сразиться потому, что ты — великий и прославленный воин, которому нельзя явить небрежения, как моим прежним противникам. К тому же ты — мой старший брат, так что мне не подобает так поступать. Если жаждешь поединка, сам поднимись во дворец». Ответствовал лаксамана: «Да будет так, я поднимаюсь, отвори дверь!»

Молвил Ханг Джебат: «Немного подожди, я почищу крис шафраном». С теми словами он затворил сорок дверей дворца и, выхватив крис из ножен, заколол всех дворцовых женщин, так что из семи сотен в живых не осталось ни одной. Кровь лилнем хлынула сквозь щели в полу, и лаксамана, увидев ее, закричал: «Джебат, что ты натворил? Разве простится тебе такой грех?» Ответствовал Ханг Джебат: «Воистину нет равных этому злодеянию, но уж быть злодеем — так до конца. Недаром малайцы

говорят, что луковицу губят ее же цветы*». Вновь крикнул лаксамана: «Эй, Джебат, тотчас же отвори!» Ответствовал Ханг Джебат: «Наберись терпения, о вельможа, прежде мне хочется подкрепиться хоть щепоткой бетеля». Сказав так, Ханг Джебат отведаль всевозможных яств, оставшихся после трапезы государя, пожевал бетель из его шкатулки, а после подошел к дверям и, приоткрыв одну створку, крикнул: «Пожалуй наверх, вельможа, кушанья поданы». Ответствовал лаксамана: «Я не стану подниматься, ибо ты, наверно, замыслил новое коварство. Открой обе створки, тогда я войду».

Услышав те слова, Ханг Джебат открыл вторую створку и позвал: «Входи, вельможа, двери открыты». Лаксамана же бросил ему: «Иду», — закатал рукава баджу и, презрительно воскликнув: «Ну, Джебат, берегись, сейчас ты применишь смерть!» — вспрыгнул на ступеньку. Не мешкая Ханг Джебат выхватил крис и направил лаксамане в грудь, но тот соскочил наземь и молвил: «Стыдись, мужи не наносят удар исподтишка!» Со смехом ответил Ханг Джебат: «О вельможа, едва завидев тебя на ступеньке, я пришел в такую ярость, что не смог сдержаться». Сказал лаксамана: «Если муж смел, он не станет так поступать. Хочешь сразиться — дай мне прежде войти». Ответствовал Ханг Джебат: «Пожалуй, вельможа, путь свободен».

Перепрыгнув через три ступеньки, лаксамана остановился на пороге и занес было ногу, чтобы через него переступить, когда Ханг Джебат к нему подскочил и ударил крисом. Лаксамана отразил тот выпад, и тогда Ханг Джебат принялся наносить удар за ударом, покуда лаксамана, спрыгнув на землю, не сказал: «О изменник Джебат, воистину ты заслуживаешь одного лишь презрения. Не ты ли говорил, что не жалеешь о содеянном и не страшишься смерти?» Ответствовал Ханг Джебат: «Прости меня, о вельможа, я не мог сдержаться, видя, как ты поднимаешься по лестнице». Молвил лаксамана: «Если ты собой не владеешь, спускайся и сразимся на земле». Ответствовал Ханг Джебат: «Если я спущусь — непременно погибну. Ведь я один, а с тобой множество воинов». Молвил лаксамана: «Не одолжить ли тебе мужества? Разве меж людьми принято набрасываться на одного толпой. Если ты согласен спуститься, я их всех отошлю». Сказал Ханг Джебат: «Я не желаю спускаться. Хочешь сразиться — поднимись во дворец». Ответствовал лаксамана: «Пусть будет так, только дай мне подняться».

Ханг Джебат немного посторонился и крикнул: «Входи!» Лаксамана вспрыгнул на первую ступеньку и сказал: «Отойди подальше, чтобы я мог войти». Ханг Джебат отступил в глубь дворца на длину прыжка и, стоя там наготове, поджидал лаксаману. Когда же тот шагнул на последнюю ступеньку и остановился, бросился на него с крисом, целя в грудь, но промахнулся, и лаксамана прыжком в пять саженей ворвался во дворец. Видя, что его крис не задел лаксаману, Ханг Джебат обрушил на него

град ударов. Лаксамана же отражал их, отпрыгивая то влево, то вправо так проворно, точно не касался ногами земли, ибо Ханг Джебат бился, как подобает мужественному воину, и крис его мелькал стремительней крутящегося волчка. Лаксамана, казалось, отступал, избегая ударов, покада не заметил, что Ханг Джебат начал уставать. Заметив же, остановился и направил крис противнику в грудь, однако Ханг Джебат сумел отбить его выпад.

Когда горожане увидели, что лаксамана скрылся за дверями и сражается с Ханг Джебатом во дворце, они забрались под его основание, покоившееся на сваях, и с громкими криками принялись снизу колоть Ханг Джебата в ноги копиями. Ханг Джебат не мешкая вспрыгнул на ложе государя, лаксамана же — на невысокую балюстраду дворца и закричал оттуда: «Эй вы там, что вам взбрело в голову? Хорошо, если раните в ногу Ханг Джебата, а что как меня — ведь тогда все дело государя пойдет прахом. Тотчас все до одного убирайтесь!» Услышав те слова, горожане выбрались из-под дворца, и лаксамана смог спуститься с балюстрады.

Тогда и Ханг Джебат спрыгнул с ложа и молвил: «Ну, лаксамана, что ты теперь скажешь?» Ответствовал лаксамана: «О Джебат, вложим крисы в ножны и посоветуемся. Я думаю, будет лучше, если мы принесем подносы, раскидаем их по залу и станем сражаться, стоя на тех подносах, чтобы уберечь ноги от копий». Ханг Джебат спрятал крис в ножны и вместе с лаксаманой отправился в сокровищницу раджи. Найдя там сотни подносов, они выбрали четыре, шириной чуть не во весь зал. вынесли их и, разложив на полу, застелили сверху коврами, на коих были вытканы золотые цветы. После же уселись на тех подносах перевести дух, и лаксамана был столь осторожен, что, хоть и сидел напротив Ханг Джебата, все косился на рукоять его криса. Ханг Джебат тоже весь подобрался, поводил глазами, точно орел, готовый броситься на добычу, и угрожающе сжимал рукоять криса, но лаксамана делал вид, будто и не смотрит в его сторону.

Молвил лаксамана: «Ну Джебат, пришло нам время сразиться». Ханг Джебат тотчас вскочил на ноги, бросился на лаксаману, который, не успев подняться, покатился по подносам, и принялся наносить удар за ударом. А лаксамана выхватил крис и, продолжая катиться, точно колесо, ловко их отражал, так что Ханг Джебат не мог его достать, хоть раз за разом и осыпал градом ударов. В гневе Ханг Джебат что есть силы ткнул лаксаману крисом, но промахнулся, и вместо него продырявил поднос. Крис застрял в подносе, и Ханг Джебат, как ни старался, не мог его выдернуть. Лаксамана не мешкая и поигрывая крисом перед лицом Ханг Джебата, воскликнул: «Ну Джебат, настал твой смертный час!» От тех слов ярость огненными сполохами забушевала в груди Ханг Джебата. Он пнул поднос

ногой, напрягая все силы, выдернул крис и вновь кинулся на лаксаману, который, отпрыгивая то влево, то вправо, парировал его удары. Яростно разя крисом, Ханг Джебат крикнул: «Не отступай, стой на месте!» Лаксамана же отвечал: «О чем ты, Джебат? Я от тебя не бегу, спину к тебе не обращаю, хочешь — коли!» Как Ханг Джебат ни старался, ни один его удар не достиг цели, точно он с тенью сражался. Устав, Ханг Джебат остановился передохнуть посреди подноса, а лаксамана, это заметив, кинулся на него и направил крис Ханг Джебату в грудь. Тот отразил нападение, но оно было столь стремительным, что Ханг Джебат не удержался на ногах и колесом покатился по подносу. Лаксамана стал его преследовать, нанося удар за ударом, но всякий раз промахиваясь, и крис с такой быстротой зашвырнул в его руку, что лаксамане почудилось, будто все тело Ханг Джебата окружено огненным кольцом.

Устав, лаксамана остановился посреди подноса, а Ханг Джебат поднялся на ноги и спросил: «Ну как, лаксамана, сумел ты меня убить?» Ответствовал лаксамана: «О Джебат, когда у меня самого на то неостанет сил, Всемогущий Аллах лишит тебя жизни, и, если Ему будет угодно, я тебя одолею». Молвил Ханг Джебат: «Лаксамана, похоже, ты взаправду решил меня убить». Ответствовал лаксамана: «А как иначе? Если я тебя не убью, ты убьешь меня, и воля моего господина не будет исполнена». Услышав те слова, Ханг Джебат насмешливо воскликнул: «Тьфу ты, напасть, ни за что ни про что погибнут Джебат и Туах — славнейшие военачальники малаккского раджи. А ведь прикажи им государь напасть на любую страну — вдвоем бы ее покорили!» Ответствовал лаксамана: «Верно ты говоришь, и я также думаю, но слишком уж велика твоя вина. Сверши ты любой проступок, я бы сумел спасти тебя от смерти».

От тех слов на глазах у Ханг Джебата выступили слезы, и сам лаксамана тоже заплакал от жалости к нему. Молвил Ханг Джебат: «Я видел, как государь безо всякой вины приказал тебя казнить, оттого смутно стало у меня на душе, и я подумал: сколько раз он являл свою верность, сколько сослужил служб, а теперь в награду раджа его казнит, даже не разобравшись, в чем дело. Когда с ним так поступают, что же будет со мной — слугой на побегушках. Уж лучше, того не дожидаясь, решиться на вероломство, и если прослыть злодеем, то не за пустячную провинность. Как говорят малайцы: „Луковица гибнет от своих же цветов“. Пусть весь мир узнает, что за изменник и злодей Ханг Джебат!»

Ответствовал лаксамана: «Справедливы твои слова, да только нам, слугам государя, подобает с великим тщанием обдумывать каждый свой шаг и не забывать, что старики, бывало, говорили: „Лучше умереть, сохранив доброе имя, чем жить, стяжав злую славу. Лишь так удостоишься рая“. Молвил Ханг Джебат: «И ты прав, вельможа, но что поделаешь, когда мне писано на роду

умереть, стяжав злую славу. Да уж гибнуть, так гибнуть — Джебат не посрамит своих друзей, жаль только детей после меня не останется. Но вот что: одна из служанок бендахары, та, которую зовут Данг Бахару, сошлась со мной и теперь беременна — на седьмом месяце. Если будет у нее мальчик, возьми его, вельможа, к себе и приставь слугой к своему сыну — Тун Кадиму. Если же родится девочка, пусть поступает с ней как знает. Вот тебе мой наказ». Ответствовал лаксамана: «Хорошо, я позабочусь о твоём сыне».

Дав лаксамане тот наказ, так помыслил Ханг Джебат в сердце своем: «Если я буду сражаться с лаксаманой во дворце и он меня одолеет — не стяжаю славы. Лучше мне спуститься и в амоке броситься по городу, дабы многие в смерти последовали за мной». Должно быть, Всевышний сокрыл в ту пору от Ханга Джебата мысль поджечь дворец. А подожги он его, Малакка сгорела бы дотла, и сам Ханг Джебат не погиб бы от руки лаксаманы. Но того не случилось, ибо султана Малакки хранило высокое благословение.

Так помыслив, Ханг Джебат неприметно кинул взор на дворцовые двери, однако же все они были затворены и заперты на замок. А лаксамана догадался, что Ханг Джебат собирается впасть в амок, и про себя подумал: «На этот раз Джебату не уцелеть. Я его заколю, когда станет отпирать двери».

Меж тем Ханг Джебат насмешливо крикнул: «Эй, лаксамана, будь осторожней, попробуй отразить этот удар!» Подскочив к лаксамане, он хотел ударить его крисом в грудь, но лаксамана немного отстранился, и крис скользнул мимо. Ханг Джебат вновь нанес удар, но лаксамана и на этот раз увернулся, отскочив сперва влево, потом вправо и все время стараясь держаться поближе к дверям. Ханг Джебат же яростно на него нападал, тесня от дверей, чтобы их открыть. Однако лаксамана, уклоняясь, не делал более длинных прыжков, да к тому же Ханг Джебату самому пришлось немного отступить от входа. Теперь уж лаксамана принялся наносить удар за ударом и обрушивал их на Ханг Джебата столь стремительно, что тот, отбиваясь, отскакивал, точно не касаясь ногами земли. Во время одного из тех прыжков Ханг Джебат оступился на подносе, упал на колени и, когда лаксамана к нему подскочил, не успев подняться, бросился наземь ничком и покатился по подносам. Лаксамана погнался за ним, без устали нанося удары крисом, но попасть в него так и не смог. Устав, он отступил на несколько шагов и прислонился к столбу перевести дух. Ханг Джебат тотчас вскочил на ноги и тоже остановился, не спуская глаз с лаксаманы и в то же время неприметно поглядывая на дверь. Но и лаксамана был начеку. Краем глаза следя за Ханг Джебатом, он крикнул своим людям: «Как только я раню Ханг Джебата, открывайте двери дворца!» Они же откликнулись: «Мы наготове».

Видя, что лаксамана отвернулся и беседует со своими людьми, Ханг Джебат бросился на него, целя ему в грудь. Лаксамана же чуть пригнулся, и крис Ханг Джебата, не задев его, попал в брус дворцовой стены и застрял в нем. Как Ханг Джебат ни старался, он не мог выдернуть крис, а лаксамана, смеясь и поигрывая у него перед лицом крисом, воскликнул: «Ну, Джебат, уж теперь-то ты умрешь от моей руки». Дважды или трижды дергал Ханг Джебат за рукоять криса, но тот не поддавался. Лаксамана же совсем было изготовился пронзить Ханг Джебата, но внезапно почувствовал, что руки ему не послушны. Меж тем Ханг Джебат в ярости пнул брус ногой и, выдернув наконец крис, кинулся на лаксаману. Тот был наготове и, когда Ханг Джебат принялся наносить сильнейшие удары, целя ему в грудь, отражал их, отскакивая назад так проворно, точно не касался ногами земли.

Ханг Джебат в изнеможении остановился посреди подноса и стал ждать нападения лаксаманы. А тот, стоя на краю другого подноса, взгляделся в лицо Ханг Джебата и, по тайным приметам прочтя его судьбу, понял, что в этот день Ханг Джебат не умрет, а будет лишь ранен. Отведя взгляд, он спросил: «Ну как, Джебат, сможешь ты меня убить?» Ответствовал Ханг Джебат: «По твоему лицу я вижу, что не смогу, но и ты сегодня не лишишь меня жизни. Хоть мне и суждена смерть от твоей руки, прежде я до основания разрушу Малакку, так что покажется, будто для нее настал Судный день. Для этого-то я и хочу в амок броситься прочь из дворца, но ничего не могу поделать, ибо ты ни на шаг от меня не отходишь. Будь дворцовые двери отворены, я бы тотчас впал в амок».

Услышав те слова, лаксамана рассмеялся, а его люди тем временем взобрались на балюстраду дворца и прильнули к оконным решеткам. Потом лаксамана вложил крис в ножны и опустился на поднос. Ханг Джебат также спрятал крис, уселся напротив него, и тогда лаксамана молвил: «О Джебат, что мне остается делать, раз султан повелея тебя убить? Не беда, коль ты провинился бы в чем ином. Уж я бы сумел вымолить для тебя прощение. Ведь все вы четверо — ты, Ханг Кестури, Ханг Лекир и Ханг Лекиу — для меня не просто друзья, но словно бы родные братья». От тех слов лаксаманы на глазах у Ханга Джебата выступили слезы, и он сказал: «Это потому, что мы с детства были друг для друга как родные. Не друзьями только, но подлинно братьями». Заговорившись, Ханг Джебат забыл об осторожности, и лаксамана, что украдкой все поглядывал на рукоять его криса, это заметил, ибо во все время разговора был на чеку, дожидаясь только, когда Ханг Джебат на миг зазеважется. По воле Всевышнего Ханг Джебат в ту минуту оглянулся на дверь и увидел толпу горожан, следивших за ним сквозь оконные решетки. Лаксамана же не мешкая к нему подскочил и схватил у него из-за пояса крис.

Заметив, что лаксамана завладел его крисом, Ханг Джебат вздрогнул, вскочил на ноги и, кинувшись к нему, крикнул: «Ну же, братец Туах, ради Аллаха поскорее меня убей, ибо я остался без криса!» А лаксамана на несколько шагов отступил и молвил со смехом: «Братец Джебат, этот крис мне подарил государь. Маджапахита, потому я его у тебя и отнял». Спросил Ханг Джебат: «Лаксамана, за что тебя называют великим воином, прославленным и бесстрашным, когда ты хочешь убить безоружного? Если же ты этого не желаешь, прошу: дай мне другой крис и продолжим бой, дабы я с оружием в руках поскорей встретил смерть и стяжал великую славу». Лаксамана достал из ножен запасной крис и бросил Ханг Джебату, а тот, поняв, что крис предназначенся ему, поспешно его схватил, осмотрел и увидел, что тот крис, до самого острия украшенный инкрустацией, напоминает семнадцать раз изогнувшуюся змею. При том же необычайно красив, прочен и остр.

Вооружившись, крикнул Ханг Джебат: «Эй, лаксамана, пожди, покада изменник Джебат нанесет тебе удар». С теми словами он кинулся на лаксаману, целя ему крисом в грудь. Лаксамана же не успел выхватить свой крис, упал ничком и покатился по подносам, на ходу рванув его из ножен. Раз за разом Ханг Джебат наносил удары, но попасть в лаксаману не мог и наконец насквозь продырявил поднос. От тех ударов он совершенно обессилел, а лаксамана, хоть и катился колесом, свой крис держал наготове острием вверх и, заметив, что крис Ханг Джебата застрял в подносе, не мешкая вскочил на ноги и крикнул: «Тебе конец! Прими смерть от моей руки». С теми словами он подскочил к Ханг Джебату и с такой силой ударил его крисом в грудь, что кончик лезвия вышел из спины. Видя, что лаксамана вонзил крис в грудь Ханг Джебата, его люди тотчас распахнули двери дворца. А Ханг Джебат, чувствуя, что ранен, попытался ухватить лаксаману за край поясного платка, не дотянувшись, вцепился в полу его кайна и нанес удар. Лаксамана вырвался, отскочил к дверям и выпрыгнул из дворца, а Ханг Джебат, хоть и осыпал его градом ударов, стараясь поразить в спину, ранить не смог. От прыжка тюрбан сполз с головы лаксаманы и обмотался вокруг шеи. Он постоял немного внизу, сжимая в руке обнаженный крис, потом повернулся и, размахивая им, зашагал к дому.

Увидев, что лаксамана ушел, Ханг Джебат поспешно вновь запер двери. От потери крови он шатался, точно пьяный. Когда же кровотечение ослабло, взял расшитый золотом кайн и стал перевязывать рану.

Меж тем в толпе, собравшейся у дворца, заметили, что лаксамана прыгнул на землю, и закричали: «Пойдемте скорей во дворец, поглядим на презренного Джебата, коего сразил лаксамана!» Поднявшись по лестнице, горожане увидели Ханга Джебата. Все лицо его было забрызгано кровью, пятна крови заpek-

лись и на стенах дворца. Ханг Джебат как раз перевязывал кайном рану, сиюсь остановить кровотечение. Видя, что он жив, все в ужасе попрыгали из дворца и повалились друг на друга как придется. Один упал вниз лицом, другой ударился задом, да так, что обделался. Кто-то сломал руку, кто-то — ногу, кто-то вывихнул бедро. Иные свалились на спину и от страха обмочились, иные же разбили кто нос, кто лоб. После же все разбежались по домам, и жены, встречая мужей, спрашивали: «Отец, да ты, никак, нос сломал?» Мужья понуро молчали, но, когда жены хотели их в утешение поцеловать и прижимались носом к носу, принимались кричать: «Поосторожней, мать, боль такая, что терпеть нет сил!» Многие, падая, натыкались на свои же копья и крисы: иные из них получили раны, иные вовсе распрощались с жизнью.

С громкими криками зеваки кинулись прочь от дворца, а те, что посмелей, остались на месте и кричали им вслед: «Останитесь, чего вы трусите!» Обнажив крисы и мечи, те смельчаки построились в шеренги и так говорили друг другу: «Едва ли у презренного Джебата достанет сил спуститься и впасть в амок после того, как лаксамана его ранил. Ведь у лаксаманы удар так удар! Если нанесет рану, второй не потребуется, Джебат и от первой дух испустит». Покуда они так говорили, Ханг Джебат громким голосом закричал: «Эй, малаккцы, готовьтесь сразиться с изменником Джебатом! Я уже перевязал рану!» Малаккцы же отвечали: «Только спустись, подлый изменник, уж мы свернем тебе шею!» С яростным ревом они кинулись окружать дворец, а Ханг Джебат тем временем спустился на землю и, выхватив крис, презрительно воскликнул: «Эй, малаккцы, будьте поосторожней, сражаясь с изменником Джебатом!» Сказав же так, сделал огромный прыжок и набросился на окруживших его, одолевая всякого, кто попадался ему на пути. Никто не мог сдержать его натиска: одни были ранены, другие убиты, и вскоре все, оставшиеся в живых, обратились в бегство, помышляя лишь о том, как спастись.

Преследуя их, Ханг Джебат в амоке ворвался на базарную площадь и там убил и искалечил тысячи малаккцев — мужчин и женщин. Вся Малакка пришла в великое смятение, он же в ярости метался из квартала в квартал, из улицы в улицу, исчезал, вновь появлялся и, как безумный, повсюду сеял смерть. Горы трупов выросли на каждой улице, ворота и мосты наполнились горами мертвых тел. Под вечер Ханг Джебат вырвался из города и принялся убивать окрестных жителей, разя их там и тут, точно разбойничий нож. Тогда иные из горожан, забрав жен и детей, покинули Малакку, иные же бросились искать защиты у государя.

Видя, сколь плачевна судьба его подданных, государь впал в великое уныние, ибо такой ужас царил в Малакке, точно вражеское войско в нее вторглось. Спросил государь: «О беглецы,

куда девался лаксамана и как он мог допустить, чтобы презренный Джебат впал в амок?» С почтительным поклоном ответствовали горожане: «Мы видели, как, поразив Джебата крисом, лаксамана выпрыгнул из дворца и пошел в сторону дома. Быть может, Джебат также нанес ему рану, оттого лаксамана и отправился домой, не представ перед нашим царственным господином».

Выслушав их ответ, государь задрожал, исполненный жалости к лаксамане, ибо тот был великим воином. А бендахара меж тем почтительно молвил: «Да преумножится слава моего господина! Хорошо бы послать к лаксамане вестника Туна Кестури, дабы разузнать, правда ли, что он ранен». При тех словах бендахары государь взглянул на Туна Кестури и спросил: «Вестник, сможешь ли ты исполнить мой приказ и сходить к лаксамане?» С почтительным поклоном отвечивал Тун Кестури: «Да преумножится благополучие моего господина, по повелению коего я готов не только отправиться к лаксамане, но пойти изгнать из города самого Джебата. Однако удар у лаксаманы смертельный, и не бывало случая, чтобы тот удар пришлось повторить. Я же теперь, если встречу презренного Джебата, обращусь в бегство, ибо послан отыскать лаксаману». С теми словами Тун Кестури почтительно поклонился и вышел. А из толпы воинов, охранявших государя, ему закричали: «Эй, вестник, оставься за стенами, ибо Джебат бросается на каждого, кто бы ни вышел!» Тун Кестури рассмеялся, вышел из города и по дороге к лаксамане заметил Ханга Джебата, гонявшегося за путниками в окрестностях Малакки.

Подойдя к дому лаксаманы, Тун Кестури вошел внутрь и увидел, что тот сидит в одиночестве, не желая ни с кем говорить. И Тун Кестури понял, что лаксамана затворился в своих покоях из-за того, что убил Джебата. Оглядев лаксаману с ног до головы и не найдя на его теле ни одной царапины, Тун Кестури простился с его женой и возвратился к государю. Когда же перед ним предстал, почтительно поведал обо всем, что видел. А султан, узнав, что лаксамана не ранен, весьма обрадовался, успокоился и стал вместе с бендахарой дожидаться его прихода.

Три дня и три ночи провел лаксамана в полном уединении, а на четвертый отправился на реку и увидел Джебата, что, точно коршун, набрасывался на горожан на базарной площади. Глядя, как Ханг Джебат безжалостно убивает всякого, кто заступит ему дорогу, лаксамана не смог сдержаться и громким голосом крикнул: «Эй, Джебат, довольно тебе убивать людей сотнями, ведь не за горами и твоя смерть. Разве мало тебе измены господину, что ты решаешься погубить еще сотни душ?» Заслышав голос лаксаманы, Ханг Джебат поспешно к нему приблизился. Лаксамана же молвил: «Эй, Джебат, перестань во множестве убивать людей, скоро и тебе суждено умереть». Ханг

Джебат тотчас припал к стопам лаксамапы и сказал: «О вельможа, не мешкая убей меня, ибо мне лучше умереть от твоей руки, нежели принять смерть от чужака».

Услышав те слова, лаксамана взял Ханг Джебата за руку, привел в свой квартал и отер с его тела кровь. После же ввел в дом и спросил: «О мой брат, не желаешь ли подкрепиться горстью-другой риса?» Ответствовал Ханг Джебат: «Прости твоему рабу, что не может тебе отплатить за доброту. Однако же тебе воздаст за нее Всевышний». Сказал лаксамана: «Если ты не хочешь риса, отведай хоть щепотку бетеля». Жена лаксаманы приготовила бетель, Ханг Джебат его пожевал и молвил: «О мой старший брат, прошу тебя, не забудь о ребенке Данг Бахару». Лаксамана утер набежавшие на глаза слезы и отответствовал: «Хорошо, брат, твой сын будет и мне сыном».

Потом Ханг Джебат попросил снять повязку с его ран. Поняв, что он хочет умереть, лаксамана поспешно принялся разматывать кайн, которым была перевязана рана. Когда же разматал, кровь бросилась Ханг Джебату в лицо, хлынула из носа, рта, ушей, закапала из всех пор, и Ханг Джебат замертво рухнул на колени лаксаманы.

Один за другим следуют подвиги Ханг Туаха на дипломатическом и военном поприщах. Он едет послом в Келинг, а затем в Китай, где, прибегнув к известной хитрости, видит лицо императора, за слонами — в Сиам, где побеждает семерых знаменитых японских фехтовальщиков, завоевывает для султана Малакки Тренгану* и Индрапуру. Затем, однако, случается происшествие, не сулящее ничего доброго.

Дурные предзнаменования

Теперь расскажем о том, как государь Малакки пожелал отправиться в Сингапуру поразвлечься.

Как-то раз, восседая в зале для приемов в окружении множества подданных, его величество приказал бендахаре и лаксамане: «Не мешкая созовите моих везиров и вельмож, да велите им собираться и спускать на воду корабли, ибо мы желаем вместе с женами отправиться в морскую прогулку на острова». Услышав то повеление, бендахара почтительно склонился перед государем, вышел из зала, поднялся в барабанный балей и, кликнув везиров и молодых вельмож, приказал им собираться в путь и спускать на воду корабли. А лаксамана тем временем, распорядившись спуском кораблей, также стал сзывать государевых слуг, повелевая им готовиться в дорогу.

Через семь дней, когда все было готово, бендахара и лаксамана вошли в зал для приемов и, почтительно поклонившись, молвили: «Да преумножится слава нашего господина! Повелитель приказал собираться в путь, и мы исполнили его волю. Теперь мы ожидаем дальнейших распоряжений и думаем, что лучше всего владыке мира отплыть, когда солнце пройдет полпути до зенита, а змея одолеет гаруду*». Едва лишь они так сказа-

ли, государь удалился во внутренние покои к своим женам и молвил: «О возлюбленные мои, нам пора отправляться, ибо солнце поднялось уже высоко».

Раден Эмас Айю вместе со служанками стала укладывать вещи в дорогу, Тун Теджа также кликнула служанок, дабы помогли ей собраться, а меж тем султан Малакки облачился в парадные одежды и возложил на голову корону, унаследованную от отца с горы Букит Сегунтанг. Когда они облачились, лаксамана ввел за ограду дворца ездового слона государя, и государь с обеими женами на него вассел. Служанки же и кормилицы царевны Гунунг Леданг, спустившись из дворца, последовали за слоном его величества. Зонтоносцы раскрыли зонты царства *, слуги подняли знаки государева величия на длинных древках и бесчисленные стяги, и султан под звуки оркестра направился к своему кораблю. Обочину же дороги, по которой он двигался, заполнили толпы людей, взиравших на государя и приветствовавших его громкими кликами.

Подъехав к причалу, его величество спешил, подал руку женам и дочери — царевне Гунунг Леданг и проводил дочь и ее служанок на корабль. Тогда все вельможи и знатные мужи стали подниматься на свои корабли, а бендахара и лаксамана их рассаживали. Первым взшел на новую галеру, построенную лаксаманой, Махараджа Сетия и стал во главе строя судов. Затем поднялся на борт «Сайр аль-Аламина» Махараджа Дэва и поставил свое судно перед кораблем государя. Тун Биджа Сура замыкал строй на «Мират ас-Сафа». Лаксамана вместе с Раден Эмас Айю взшел на корабль «Мендам Берахи», а корабль самого государя, на котором плыла и Тун Теджа, стал за ним. Что же до бендахары Падуки Раджи, то он с женами и детьми отправился в путь на корабле «Батил Суаса», а Тун Мат сел на корабль «Ранчонг Менгкуанг». Когда суда построились, гребцы взяли за весла и повели их вниз по течению. После же матросы поставили паруса, и корабли поплыли к Сингапуре.

По прошествии недолгого времени государь достиг Сингапурского пролива, и тогда по воле Всевышнего из морских глубин внезапно появилась несказанно прекрасная рыбка с золотой чешуей и с глазами из самоцветов и принялась резвиться под кораблем его величества. При виде золотой рыбки, плывущей за государевым судном, на нем поднялась невообразимая суматоха, и все бросились ее разглядывать, крича: «Под нашим кораблем золотая рыбка!» Услышав те крики, спросил государь: «Что это вы там увидели?» С почтительным поклоном ответствовали ему посыльные: «О господин, прости нас и помилуй, под нашим судном резвится золотая рыбка дивной красоты». Повелел тогда государь: «Спустите паруса и бросьте якорь, мы желаем на нее взглянуть».

Матросы исполнили приказ его величества, и, когда корабль стал на якорь, государь поднялся со своего места, подошел к

борту и посмотрел вниз. В тот же миг по воле Всевышнего, что першится над Его рабами, корона соскользнула с головы государя и упала в воду. Его величество вздрогнул и, хлопнув себя по бедрам, воскликнул: «Вот досада! Моя корона пошла ко дну». После же приказал позвать бендахару и лаксаману.

Тем временем вокруг государя собрались все его придворные, и он молвил: «О дядюшка бендахара и ты, лаксамана, наша корона упала в воду. Скажите, кто мог бы за ней нырнуть. Великую службу сослужил бы нам тот человек!» Никто из придворных не вызвался достать корону со дна, ибо в Сингапурском проливе во множестве водились свирепые крокодилы, а воды его были слишком глубоки. Один лишь лаксамана, приблизившись к государю, с почтительным поклоном молвил: «Да преумножится слава моего господина! Я берусь нырнуть за ней».

Услышав те слова, государь тотчас обнял лаксаману, а тот изготовился, выхватил из ножен крис и, поклонившись султану, бросился в воду и нырнул. Поискав на дне, он нашел корону и с нею в руках выплыл на поверхность. Когда же подплывал к кораблю, неведомо откуда появился белый крокодил с горящими глазами, вырвал у него из рук крис и уволок его с собой. Лаксамана вздрогнул и выронил корону, которая вновь погрузилась под воду. Сам же не мешкая погнался за крокодилом и ухватил его за хвост. Крокодил повлек лаксаману на дно, и тот начал задыхаться, поспешно отпустил его хвост.

На корабле в ту пору поднялся ужасный переполох, все принялись кричать, что крокодил схватил лаксаману, и государь сильно о нем горевал. Однако через минуту лаксамана выплыл на поверхность, поднялся на корабль и поклонился султану, который, видя, как лаксамана поднимается на судно, немного приободрился и спросил: «О лаксамана, где твой крис? Что-то я его не вижу». Почтительно отвечив лаксамана: «Да преумножится слава моего господина, коего я молю о милости и прощении! Нырнув за короной повелителя мира, я отыскал ее и поплыл к кораблю. Когда же к нему приблизился, неведомо откуда появился белый крокодил, вырвал у меня крис и уволок. От неожиданности я выронил корону. После же погнался за крокодилом и ухватил его за хвост, но крокодил потащил меня под воду, я стал задыхаться и вынырнул на поверхность. Вот что случилось со мной! Ныне я молю повелителя мира о милости и прощении, ибо такова, должно быть, воля Всевышнего, что вершится над всеми нами». Молвил государь: «Мы видели, как ты, о лаксамана, всплыл с короной в руках, и знаем, что тебе удалось ее отыскать. Раз так случилось — ничего не поделаешь. Ты же для нас дороже не только короны, но и любого из наших сокровищ».

Затем государь повелел бендахаре: «Распорядитесь, чтобы корабли возвращались домой. Ведь то, что случилось, — недоброе предзнаменование». Бендахара приказал всем кораблям взять

курс на Малакку, а лаксамана всю дорогу горевал о потери кри-са, ибо понимал, что она сулит. Однако же был столь бесстра-шен, что гнал от себя дурные предчувствия и никому не пове-дал о своей тревоге.

Прибыв в Малакку, государь в великом смятении удалился во дворец и семь дней не появлялся перед подданными. А лакса-мана затворился в своем доме и также семь дней никуда не выходил. Вечером седьмого дня он предстал перед султаном и тот спросил: «Давно уже, о лаксамана, ты к нам не являлся. Что было тому причиной?» С почтительным поклоном ответ-ствовал лаксамана: «Да преумножится слава моего господина! Всему виной мое нездоровье». Услышав те слова, государь даро-вал лаксамане крис с горы Букит Сегунтанг, вложенный в золо-тые ножны, усыпанный самоцветами и украшенный на каждом изгибе золотой насечкой. После же молвил: «О лаксамана, не печалься о пропавшем крисе, ибо этот также весьма хорош». Почтительно отвечал лаксамана: «Да преумножится слава моего господина! Его дар я с благодарностью возложу на свою голову». С теми словами он принял из рук государя крис, воз-ложил на голову и с тех пор неизменно носил при себе.

Долго бендахара и лаксамана пеклись о процветании Малак-ки, были на редкость справедливы и рассудительны и с великим тщанием вникали во все дела подданных. В то время в Малак-ке царил мир, и купцы с торговцами во множестве посещали ее, дабы продавать свои товары. Однако с той поры, как государь уронил в море корону, он постоянно недомогал, тяжело страдая от головных болей и лихорадки. А лаксамана, лишившись криса, мучился теми же недугами и знал, что они сулят недоброе. Вот что рассказывает тот, кому ведома сия повесть.

Вскоре после этого на Малакку нападают португальцы. Первое вторже-ние удается отразить, но в морском бою Ханг Туах получает тяжелую ра-ну. Он отправляется в Рум (Турцию) за пушками, по дороге совершает хадж в Мекку и Медину и вновь добивается дипломатического успеха. Султан Малакки меж тем оставляет царство, предпочтя жизнь дервиша. На трон восходит его дочь — царевна Гунунг Леданг. Ханг Туах с бендахарой также становятся дервишами и предаются подвижничеству в лесах. Португальцы же хитростью захватывают Малакку. Позднее по приказу бинтанского султана Махмуда малаккцы основывают султанат Джохор и вместе с голландцами изгоняют португальцев из родного города, но Ханг Туах уже не участвует в этой битве. По преданию, он обретает бессмер-тие, становится святым Аллаха и раджей обитателей джунглей Малаккско-го полуострова.

КУТЕЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ

Наряду с городами Суматры и Малаккского полуострова древнейшие малайские поселения существовали на Южном и Юго-Восточном Калимантане (Борнео). Именно здесь на территории султаната Кутей были открыты самые ранние в Индонезии эпиграфические памятники (пачало V в.), свидетельствующие о зарождении у малайцев государственности и восприятии ими индийского культурного влияния.

Основные колонистами с Суматры калимантанские государства длительное время сохраняли связь с Шривиджайей, а в XIV в. стали вассалами Маджапахита. Несмотря на восприятие в XVI—XVII вв. ислама, довольно изолированное местоположение и особенности культурных контактов обусловили то, что на Калимантане многие архаичные элементы малайской традиции сохранились лучше, чем в других районах. Особенно ярко древние верования малайцев отразились в историко-мифологическом сочинении «Кутейские родословия», записанном, вероятно, в XIX в., но достоверно зафиксировавшем устную версию, сложившуюся до середины XVII в.

Наибольший интерес представляет первая половина родословий, повествующая о происхождении кутейских правителей. Основные мотивы этого повествования широко распространены в малайской исторической литературе, но лишь в «Кутейских родословиях» они слагаются в связное целое, где каждый мотив занимает свое исконное место и сохраняет первоначальное значение, иными словами, образуют целостный малайский миф о происхождении династии и — шире — народа, которым эта династия призвана управлять. В других исторических памятниках эти мотивы или их отголоски предстают вырванными из контекста и расположенными хаотично. К тому же они часто смешаны с элементами сказаний о Раме, Панджи и Искандаре Двурогом, осознававшими как тождественные «мифу о происхождении» по структуре и смыслу.

Архаичность начальной части «Кутейских родословий» заметна уже в их форме, для которой характерно сочетание прозы и нерифмованного стиха, издревле принятое в сказительской практике различных народов малайского мира. Кроме того, в текст вкраплено множество стихотворных параллелистических формул, обычных в «священном языке» кутейских жрецов и жриц, институт которых сохранил свое значение и после принятия ислама. Сам миф о рождении предков кутейской династии до последнего времени инсценировался во время ежегодных придворных празднеств, где важная роль была отведена султану. Именно сакральный характер начальной части родословий и их связь с живым обрядом обеспечили сохранение малайского мифа о происхождении в его изначальной форме.

Миф начинается с обретения старейшиной одного из четырех поселений Кутея, которые до той поры не имели государя, сына, снизошедшего с небес, и его последующего брака с царевной, рожденной из пены главной местной реки, — приемной дочерью старейшины другого поселения. В родословных сообщается, что царевич спустился с небес в сияющем золотом шаре, однако другая калимантанская хроника, «Повесть о Банджаре», называет его Сурьянатой — Солнечным Государем и уточняет, что лишь он мог жениться на рожденной из пены царевне, ибо «солнце и вода образуют пару».

Однако миф не ограничивается описанием брака государя-солнца и государыни-воды. Сып, рожденный от этого брака, берет в жены девушку, найденную в стволе бамбука, дочь земли, и их потомки становятся властителями Кутея. Таким образом, право кутейской династии на престол обосновывается тем, что ее основатели суть воплощения противоположных космических стихий (солнца, воды и земли), вступающие в священный брак, который олицетворяет гармоническое единство мироздания и его земной проекции — человеческого общества. Близкую аналогию малайскому династическому мифу можно обнаружить в мифологии племени даяков-нгаджу, обитающих на том же Южном Калимантане. Нгаджу верят, что первоначальная община, давшая начало человечеству, в доисторические времена в результате конфликта разделилась на две половины: одна осталась жить на небесах «за облаками», другая же поселилась на земле и также разделилась надвое. Союз всех трех подразделений этой некогда единой общины является условием благоденствия всех ее членов и ежегодно возобновляется во время специальных ритуалов.

История о происхождении кутейской династии сменяется в хронике повествованием об устройении ею государства. Потомки сына «царевны из бамбука» вместе с Индрой Мулией, правителем соседней страны Муара Каман, летят по воздуху в Маджапахит, чтобы изучить там придворный церемониал и искусство управления. Миновав по пути небесную обитель богов и семь земных сфер, они достигают Явы, где государь Кутея обучается у владыки Маджапахита, а его брат и везир — у прославленного маджапахитского везира Гаджах Мады. Индра Мулия не удостоивается столь высокой чести, вынужден ни с чем возвратиться домой и установить там законы на свой страх и риск, что не сулит Муара Каману ничего доброго. Братья же, вернувшись на родину, основывают новую столицу и правят на яванский лад. Интересно, что установления, преподносимые в хронике как наследие индуистско-буддийского Маджапахита, в значительной части заимствованы из царского зеркала мусульманского времени «Корона царей». Еще через три поколения в Кутей из Макассара приезжает мусульманский миссионер, который, продемонстрировав государю свое превосходство в «сокровенной силе», обращает его и его подданных в ислам. Хроника завершается рассказом о длительной войне Кутея против Муара Камана и победе кутейцев над противником, остававшимся верным индуистским традициям до середины XVII в. В этой победе не без оснований усматривают торжество разбогатевшего на торговле прибрежного мусульманского султаната над его расположенным в глубинных районах соперником и, возможно, прежним союзником — ситуация весьма типичная для малайского мира в XIV — XVI вв.

Происхождение государей Кутея

Вот что рассказывают о том, как впервые появился государь в стране Кутей Кертанегара. Некогда в одном селении в Меланти * жила Бабу Джарума. В то время еще не было верховного повелителя, властвовавшего над четырьмя селениями Кутея, и каждое из них управлялось своим раджей независимо от других. Первое из тех селений, не имевших над собой государя и уп-

равлявшихся лишь старейшиной, именовалось Джаитан Лаяр, второе — Хулу Дусун, третье — Сембаран, четвертое — Биналу. Государя же первыми обрели обитатели Джаитан Лаяра, а вторыми — жители Хулу Дусуна.

Рассказывают, что старейшина Джаитана Лаяра жил вместе с женой на горе Джаитан Лаяр, выращивая сахарный тростник, бананы, келад и бататы. Супруги страстно желали ребенка, однако же были уже в летах и не могли родить. Потому, дабы исполнилось их желание, они предались подвижничеству, стали приносить жертвы богам и, что ни день, воскурять для них ладан. Так продолжалось несколько месяцев, и вот однажды в полночь в небесах послышался какой-то небывало громкий звук. Тотчас пробудившись, супруги отворили дверь и услышали, как с грохотом, подобным пушечному выстрелу, что-то ударилось оземь, сияя словно полная луна в четырнадцатую ночь. Супруги поспешно выбежали из дома посмотреть, что же это такое, и увидели камень, упавший с небес, именовавшийся Бату Ангкат-Ангкат.

В смятении возвратились они домой и вскоре услышали неведомый голос, восклицавший:

Если возьмешь, то погубишь мать,
А не возьмешь, так умрет отец.

Едва лишь голос трижды это повторил, как в ответ ему раздался другой:

Если отдашь — от удушья умрешь,
А не отдашь — задушат тебя.

Отдернув на окне бамбуковую шторку, они увидели яркое сияние, подобное свету полной луны в четырнадцатую ночь, а присмотревшись, разглядели в том сиянии фигуры каких-то существ, подобных языкам пламени, кои возглашали:

Если возьмешь, то погубишь мать,
А не возьмешь, так умрет отец.

Молвил в ответ старейшина:

Если отдашь — от удушья умрешь,
А не отдашь — задушат тебя.

Тогда существа, протягивавшие что-то старейшине, засмеялись и сказали: «Наконец-то ты нам ответил». Радуюсь, что слышит человеческую речь, старейшина Джаината Лаяра принял из их рук золотой шар, ликуя, открыл его и увидел новорожденно-го младенца.

В свивальнике из дорогой петолы,
В царских целенках желтого цвета,
Дитя возлежало на мягкой подушке,
В одной ручонке яйцо держало,
В другой же — крис из чистого злата.

Следом за тем семеро небожителей, протягивавших старейшине шар, приблизились к нему и, став на веранде дома, сказали:

«О старейший в Джантап Лаяре,
Не будь небрежен с этим младенцем,
Что за подвижничество дарован,
Ибо он — отпрыск богов великих,
От небожителей род ведет он,
Кровь его благородством подобна
Нектару цветов и чистому меду.

Сорок дней и сорок ночей не клади его на циновку, но созови всех своих родичей, дабы его пестовали. Пусть это время младенец ест и пьет с ними, а они в черед нянчат его на коленях. Если же захочешь его искупать, купай в воде, что взята в середине реки и доставлена в торжественной процессии. Когда младенец подрастет, ни за что не позволяй ему просто так ступить на землю, а устрой празднество первого касания земли ногой, и пусть он наступит на головы

Живого и мертвого человека,
Буйвола мертвого и живого.

Лишь после этого он может ступить на землю. Точно так же, когда твое дитя захочет пойти на берег реки, не бери его туда и не окунай в воду, покуда не устроишь такого же празднества, как при первом касании ногой земли.

Точно исполни все наши указы,
Не упустив ни единого слова,
Ибо сей отпрыск богов небесных
Лишь для того на земле воплотился,
Чтобы потомки его навеки
Стали властителями Кутея.
Мать и отец его царского рода,
Кровь же его благородством подобна
Нектару цветов и чистому меду,
Сына подвижничеством обрел ты.

Исполни же наши веления!»

Дав старейшине те наказания, небожители вмиг исчезли из виду и вознеслись на небеса, а старейшина с женой ушли в дом, и их сердца наполнились радостью, точно кувшины маслом, ибо лик младенца был прекрасен, словно ясная луна в четырнадцатую ночь, и распространял вокруг себя яркое сияние, нестерпимое для глаз.

Вскоре, однако, тяжело стало на душе у жены старейшины, ибо пусты были ее сосцы. Тогда она воскурила ладан и стала пригоршнями рассыпать желтый жертвенный рис, моля богинь ниспослать ей молоко и возглашая:

О прекрасные благие богини,
О богини-мучительницы, что прекрасны,
Если вправду вы мне дитя даровали,
Если верно, что отпрыск мне был подарен,

Молю вас просьбу мою исполнить,
Молю ниспослать молока младенцу.

Проведя некоторое время в молитве, она услышала голос, восклицавший: «О госпожа из Джаитана Лаяра, коснись рукою правой груди!» Услыхав тот голос, жена старейшины Джаитана Лаяра стала поглаживать правую грудь, и, когда трижды провела по ней рукой, из ее правой груди брызнула струйка молока, благоухавшего словно амбра или кестури. И госпожа из Джаитана Лаяра дала младенцу грудь, стала его вскармливать, радуясь вместе с супругом, и оба они, следуя наставлениям небожителей, непрестанно бодрствовали.

Через три дня и три ночи у младенца отпала пуповина, и в честь этого, исполняя наказ небожителей, старейшина семикратно выстрелил из пушки, именуемой Си Сапу Джагат.

Так пировали и веселились
Сорок дней и ночей бессонных,
А меж тем чудесный цыпленок
Из яйца, с которым младенец
Некогда на свет появился,
Тоже подрос и окреп немного.
Рос царевич, а с ним цыпленок,
И обоим одновременно
Сорок дней и ночей сравнялось.

Теперь расскажем о Бабу Джаруме и старейшине Хулу Ду-суна, чьи поля раскинулись близ Меланти. Они также страстно желали ребенка, но были слишком стары, чтобы его родить. Много раз старались они раздобыть чудодейственное средство — зелье или мазь, однако жрецы и жрицы не знали такого средства, и ребенка все не было. Так прожили они долгое время в Меланти в одном селении со своими родичами, выращивая бататы и келад, сахарный тростник и бананы, кокосовые и арековые пальмы.

Однажды

Небо внезапно окуталось мглой,
Ливень семь дней бушевал во мраке,
Молнии вспыхивали, и в раскатах
Грома тонули иные звуки.

Бабу Джарума, не ведавшая, что это были знаки нисхождения на землю великого государя, весьма сему дивилась, и чудилось ей, будто весь мир перевернулся вверх дном. Проголодавшись, она вместе с мужем отправилась на кухню и увидела, что дрова у них кончились. Сколько ни искали, не могли они найти дров, и тогда сказала Бабу Джарума, обратясь к мужу: «Что посоветуешь, старейшина? Ты проголодался, да и я голодна, а обед сварить не на чем». Старейшина взял паранг и вышел из дома. Побродив по двору и ничего не найдя, он отломил одно из основных стропил, разрубил его на куски и, когда стал их раскалывать, нашёл в бревне маленького змееныша.

Старейшина посадил его в шкатулку для бетеля, а дома накормил и стал, что ни день, ласкать змееныша и забавляться с ним.

Через некоторое время

Малый змееныш подрос незаметно,
Тесно стало ему в шкатулке,
И старик для него построил
Жилище, что было куда просторней.
Вскоре стало тесно и в этом,
И тогда старейшина змею
Отгородил половину дома.
Но прошло недолгое время,
И в загородке не стало места.

Молвил тогда старейшина Хулу Дусуна, обратясь к жене: «Посоветуй, как нам быть — ведь наше дитя стало так велико, что даже взглянуть на него страшно». Ответствовала жена: «Я тоже его боюсь».

Вскоре наступила ночь. Старейшина Хулу Дусуна уснул подле своего дракона и около полуночи увидел во сне, будто приблизилась к нему девочка, что была несказанно хороша собой и не знала себе равной в те времена. А приблизившись, сказала: «О моя матушка и батюшка, ежели вы страшитесь меня, постройте лестницу, дабы я могла выйти из дома». Тут старейшина и его жена пробудились и поднялись с ложа. На дворе меж тем рассвело, и тогда молвил старейшина, обратясь к жене: «Нынче ночью привиделось, будто наша дочь просит выпустить ее из дома». Ответствовала жена: «И я видела этот же сон». Сказал старейшина: «Так и сделаем».

Не мешкая созвал он родичей

И повелел им валить деревья,
Заготавливать побеги ротанга,
Строить лестницу для дракона.

Когда лестница была готова, родичи донесли о том старейшине. Он же тотчас поднялся в дом и молвил, обратясь к дракону: «О дитя мое, спускайся, лестница для тебя готова». Услышав повеление отца, дракон

Обернулся направо, потом налево,
Из дома выглянул, стал спускаться;
Но едва лишь тот змей огромный
Головой коснулся ступеньки,
С треском лестница подломилась,
Выдержать не смогла дракона.

Старейшина, онешив от изумления, снова созвал родичей

И повелел построить другую
Лестницу из крепчайших бревен.

Когда они построили ту лестницу из самых прочных бревен, дракон второй раз

Обернулся направо, потом налево,
Из дома выглянул, стал спускаться;

Но едва лишь тот змей огромный
Головой коснулся ступеньки,
С треском лестница подломилась,
Выдержать не смогла дракона,
И уполз он в свое жилище.

Тогда старейшина повелел ту лестницу

Из железного дерева строить,
Да привязать поперечные балки.

Когда же лестница из железного дерева с поперечными балками была готова, сказал: «О дитя мое, спускайся, вот лестница, которая тебя выдержит». Дракон в третий раз

Обернулся направо, потом налево,
Из дома выглянул, стал спускаться;
Но едва лишь тот змей огромный
Головой коснулся ступеньки,
Снова лестница подломилась,
Выдержать не смогла дракона,
И уполз он в свое жилище.

Тем временем наступила ночь, старейшина поднялся в дом, а все его родичи разошлись по своим жилищам. Дома старейшина поведал жене, как они строили лестницы из самых твердых пород дерева, но ни одна не выдержала тяжести их ребенка. За разговором супруги заснули, а около полуночи увидели во сне, будто их дочь снова просит спустить ее на землю: «О мои матушка и батюшка, если хотите, чтобы я вышла из дома, постройте лестницу, у которой

Стойки из бревен лемпунг суита,
Из стволов бембудинга ступеньки,
Да лианами лембидинга
Крепко-накрепко перевяжите.

Только эта лестница сможет меня выдержать, иная, будь она хоть из железа, непременно рухнет. Сверх же того,

Когда спущусь и к реке поползу я,
Следуйте за мной неотступно,
Черный сезам для меня **возжигайте**,
Жертвенный рис рассыпайте горстями,
А едва под водою скроюсь,
Вслед за мною бросайтесь в пену».

Тут супруги пробудились и сели на ложе. Меж тем наступила полночь, и старейшина поведал жене обо всем, что ему привиделось. Молвила Бабу Джарума: «И мне снилось то же самое». Потом же они вновь опочили, и в час меж полуночью и рассветом во второй раз увидели тот же сон. Проснувшись, старейшина рассказал об этом жене, и она молвила: «И мне опять то же приснилось». Видя же, что заря за окном едва-едва брезжит, супруги снова легли и увидели тот же сон в третий раз. Тогда

они поднялись, вышли на двор справить нужду и умыться, а потом вернулись в дом и сели за трапезу.

Поев риса и пожевав бетель, старейшина послал за своими сородичами и повелел им доставить все необходимое для постройки лестницы. Они же, явившись к старейшине, построили ему лестницу, точь-в-точь такую, как просила его дочка. Когда все было готово, родичи донесли об этом старейшине и его жене, и молвил старейшина, обратясь к дочери: «О дитя мое, спускайся». Дракон

Обернулся направо, потом налево,
Дополз до лестницы, стал спускаться,
А едва соскользнул на землю,
Пополз к реке и бросился в воду.

Очутившись в реке, он

Семь раз кидался вниз по теченью,
Семь раз скользил по реке к верховью,
А когда наплавался вдосталь,
Устремился к Тепиан Бату*.
Трижды свернув по пути налево,
Трижды направо свернув по дороге,
И наконец под водою скрылся.

А старейшина и его жена, ни на шаг не отставая от дракона,

Сначала поплыли в Тепиан Бату,
Потом гребли до Танджунг Паранган*,
А оттуда в Танджунг Ривану*
И обратно в Тепиан Бату.
Меж тем налетела страшная буря,
Скрестились молнии в черном небе,
И в могучих раскатах грома
Потонули иные звуки.

Старейшина с женой направили челнок к берегу, дабы укрыться от волн и ветра, а после возвратиться домой. Когда же причалили, буря внезапно улеглась,

Мелкий дождь накрапывать начал,
Еле слышно повеял ветер,
Тихо гром прогремел в отдаленье,
А в небесах, обогранных зарею,
Двойная радуга засияла,
Те знамения предвещали
Рождение великого государя.

После же вся река Махакам оделась пеной, и тогда старейшина Хулу Дусуна и Бабу Джарума отплыли от берега, и, куда их челнок скользил по водам, сильные волны едва не переворачивали его. Супруги стали друг с другом переговариваться, и спросила жена: «Что же с нами будет?» Ответствовал муж: «Неисповедим промысел преславных и великих богов».

Говоря так, они внезапно услышали детский плач, и тогда спросила Бабу Джарума: «Откуда это доносится плач младен-

ца?» Ответствовал ее муж: «Сколько ни вслушиваюсь, не могу взять в толк, кто это плачет — младенец или злой дух — пунтианак». Молвила жена: «Прислушайся-ка получше». Муж стал прислушиваться, устремил взор на середину реки и там в хлопьях пены, вздымавшейся словно гора, разглядел младенца. Гора пены, скрывавшая его,

Была окутана облаком белым,
Туча, как зонтик, над нею нависла.
Ее, словно пара нежных супругов,
Двойная радуга обнимала.

Меж тем

В небесах заря заалела,
Еле слышно повеял ветер,
Мелкий дождь накрапывать начал,
Все цветы окрест распустились.

Старейшина с женой поспешно выплыли на середину реки, и Бабу Джарума увидела сияние, переливающееся точно безоар и столь яркое, что не было сил на него смотреть. Приглядевшись, Бабу Джарума различила в пене младенца, возлежавшего на плоском гонге, коий несла на головах пара драконов. Драконы же покоились на голове быка, а тот бык по прозванию Лембу Суана стоял на камне и собой был таков:

Как у слона, бивни и хобот,
В пасти клыки, точно у тигра,
Схож с жеребцом челкой и телом,
Под стать гаруде — крылья и шпоры,
Хлещет по волнам хвостом драконьим,
Весь чешуею одет, как рыба.
Этот бык, что велик и грозен,
Носит имя Лембу Суана.

При виде Лембу Суаны и драконов супруги от страха едва не лишились чувств, однако же Бабу Джарума исполнилась такой любви к найденному младенцу, что решила подплыть к нему и сказала мужу: «Подгреби-ка поближе!» Подплыв к гонгу, они зацепили его кончиком весла, подтянули и втащили в челнок. Тотчас же бык и драконы скрылись в водах реки, а старейшина и его жена возвратились домой, радуясь тому, сколь прекрасна обретенная ими девочка.

Когда они приплыли домой, жена старейшины на радостях принялась носить младенца на спине, супруг же сказал ей: «Не худо бы нам прежде распеленать дочку». Старейшина с женой развернули

Царский свивальник желтого цвета,
Пеленки из клетчатого поленга,
И увидели: в правой ручке
Крепко зажат золотой самородок,
В левой ручонке — яйцо белеет.

Едва же то яйцо разбили, как из него вышла маленькая курочка.

Бабу Джарума очень горевала, что нет у нее молока, и все говорила: «Как же я стану растить дочку?» Ночью же уснула и услышала во сне неведомый голос: «О Бабу Джарума, не печалься, ударь себя по правой груди». Пробудившись, Бабу Джарума так и сделала, и тотчас же из ее правой груди брызнула струйка молока, благоухавшего словно амбра или кестури. В великой радости жена старейшины накормила младенца, видя же, что на дворе еще ночь, вновь отошла ко сну и почивала так чутко, что и не понять — спала или бодрствовала. И приснилось Бабу Джаруме, будто она вновь слышит тот же голос: «О Бабу Джарума, назови дочку Путри Каранг Мелену, сорок дней и сорок ночей не клади ее на циновку и, после того как на третий день у нее отпадет пуповина, устрой торжества, подобающие детям могущественных раджей. Когда она впервые захочет совершить омовение, пусть доставят ей воду с середины реки. Ты же устрой празднество, а потом еще раз, когда девочка пожелает искупаться. И прежде чем она впервые коснется ногой земли, пусть наступит на головы

Живого и мертвого человека,
Буйвола мертвого и живого,
Сверх же того — на кусок железа.

Лишь после этого она может коснуться ногой земли.

Точно исполни мои наказы,
Ибо она — божество по крови —
Лишь для того на земле воплотилась,
Чтобы потомки ее навеки
Стали властителями Кутея.
Мать и отец ее царского рода,
Дочку подвижничеством обрела ты.

Делай же все, как тебе сказали!»

Тут Бабу Джарума пробудилась, пересказала мужу свой сон, и супруги не мешкая стали исполнять наказы неведомого голоса. Собрали родичей, сорок дней и сорок ночей бодрствовали с ними, предаваясь пирам и веселью, и в черед нянчили ребенка. На третий день, когда у младенца отпала пуповина, они устроили в честь этого празднество — закололи множество свиней, буйволов, коров и диких быков, забили немало оленей, ланей, коз и овец, уток и гусей, а сверх того зарезали несколько грызущих буйволов и лающих быков * и наготовили из того мяса множество яств. А потом начали пировать, и на том пиру

Громоздились перед гостями,
Как муравейники, горы снеди;
Пальмовое вино разливалось
Широким озером перед ними.
Ружья палили, будто трещали
Тростники, что пожаром объяты;
Гонги гремели, точно взрывались
На раскаленных углях орехи.

Когда же пир кончился, девочке дали имя Путри Каранг Мелену, как повелел тот голос, который Бабу Джарума слышала во сне.

А старейшина Джаитана Лаяра в тот день также устроил празднество в честь сына, и на нем

Пальба ружейная не утихала,
Вторая выстрелам в Хулу Дусуне.
Перекликались в обоих селеньях
Звонкие гонги и барабаны.

Когда же празднество подошло к концу, младенца нарекли Батарой Агунгом Дэвой Сакти.

И оттого, что

Батара Агунг обретен был ночью,
А тотчас утром — Каранг Мелену,
Что дети схожи неотлично
Лицом и ростом — под стать друг другу,
Что их пеленки стирали разом.
Что разом отпала у них пуповина,
Перекликались, не умолкая,
Гамеланы в обоих селеньях:
Гаджах Первата — в Джаитап Лаяре
С Эянгом Аю — в Хулу Дусуне.

Сорок дней и сорок ночей

Благоухали тела младенцев
Корнем лекарственным джерингоу,
А от волос аромат разносился
Целебной травы, что чекур зовется,
Свежей водой подмывали младенцев,
Нечистоты снимали пудрой.

Что же до старейшин Хулу Дусуна и Джаитана Лаяра, то днем они отыскивали корни марауна и листья пиаваса, вечером же, собрав их в кучи, поджигали, дабы окуривать младенцев, и так сорок дней и сорок ночей окуривали их и окропляли водой.

А дети меж тем

С каждым днем подрастали немного,
Смышлепней, что ли день, становились.

Пестовали же их заботливо,

Словно арбузы за загородкой,
Как огурцы, что листвою прикрыты.

Через сорок дней и сорок ночей старейшина Джаитана Лаяра стал готовить снадобье из муки с толчеными листьями сета-вара, дабы, обмазав тем снадобьем сына, отвести от него невзгоды. Устроили пир и пировали семь дней и семь ночей в знак того, что миновала опасная для младенца пора.

А Бабу Джарума в Хулу Дусуне

Позвала к дочери двух старушек,
К ней двух девочек пригласила:
Старушек — чтобы в няньках служили,
Девочек — чтоб стирали пеленки.

Точно так же и госпожа Минак Мампи в Джаитан Лаяре

Двух старушек позвала к сыну,
К нему двух девочек пригласила:
Старушек — чтобы в няньках служили,
Девочек — чтоб пеленки стирали.

Так и рос Батара Агунг Дэва Сакти.

Что ни день, подрастал немного,
Что ни ночь, становился больше.

А Путри Каранг Мелену от него не отставала.

Свет копилки уже различала,
Могла разглядеть мерцание свечи,
Что ни день, подрастала немного,
Становилась умней и смышленей.
Когда поворачиваться научилась,
На животе лежать захотела,
А превзойдя и эту науку,
Начала поднимать головку.
Едва же ее приподнять сумела,
Глядь — уж сидит, как огурчик, качаясь.
Только вчера, качаясь, сидела —
Нынче ползает на четвереньках,
А поползав на четвереньках,
Принялась ходить, спотыкаясь,
Спотыкалась она недолго,
Вскоре твердо держалась на ножках,
А когда ходить научилась,
Стала бегать стрелой по дому.
Бегать по дому ей надоело,
Пожелала к реке спуститься —
На обрубке бамбука поплавать.

Меж тем Батаре Агунгу Дэве Сакти исполнилось пять лет.
Столько же сравнялось и Путри Каранг Мелену. Ничем не могли
удержать их в доме. Дети только о том и мечтали, как ступить на
землю.

И родители стали держать совет,

Как дать детям земли коснуться,
Как отвести их на побережье.

А сговорившись, стали готовиться к празднеству.

Мужчины взялись за мужскую работу,
На работу женскую женщины вышли,
Каждый своим занимается делом.

В это время госпожа Минак Мампи в Джаитане Лаяре так-
же устроила торжества. Сорок дней и сорок ночей не прекра-
щался пир.

Гамелану Гаджах Первата,
Что гремел в Джаитан Лаяре,
Отвечал из Хулу Дусуна
Тот, что Эянг Аю зовется.
Повсюду громко палили ружья,
Гамеланы не умолкали.

Пирующие же предавались всевозможным забавам.

Одни развлекались игрой с дубинкой,
Другие — пляской с острым кинжалом.
Все их забавы не перечислить.

В те дни в обоих селениях — и в Джаитане Лаяре и в Хулу Дусуне

Звучали гонги, будто взрывались
На раскаленных углях орехи;
Палили ружья, будто трещали
Тростники, что пожаром объаты.

В ту пору старейшин Джаитана Лаяра и Хулу Дусуна обурежала одна забота — близился день торжеств, а для церемонии Первого касания земли нужны были головы

Живого и мертвого человека,
Буйвола мертвого и живого.

Тогда старейшина Джаитана Лаяра отправился на охоту за головами к баджоу, что жили на острове Пулоу Семанти*, одолел их, а оттуда двинулся в Бунтанг*. Старейшина же Хулу Дусуна ушел на охоту за головами к баджоу, что жили на острове Пулоу Паджанг*, одолел их, а оттуда двинулся дальше на остров Пулоу Линдур*.

Павшим головы он отрезал,
Всех живых он увел с собою,
Чтоб устроить праздник для дочки,
Чтоб на землю она ступила.

Так же поступил с баджоу и старейшина Джаитана Лаяра, а после похода жители Хулу Дусуна и Джаитана Лаяра стали готовиться к церемонии.

Едва же минуло сорок дней и сорок ночей, они зарезали буйвола и буйволицу, быка и корову, оленя и олениху, барана и овцу, козла и козу, гуся и гусыню, селезня и утку, петуха и курицу, грызущего буйвола и грызущую буйволицу, лающего быка и лающую корову. Зарезав же тех животных, убили мужчину и женщину и завернули человеческие и буйволиные головы в куски желтой ткани.

Когда все было готово, нянька принесла на руках Батару Агунга Дэву Сакти, дабы в этот день он впервые коснулся ногой земли. Прежде же чем ее коснуться, Батара Агунг Дэва Сакти наступил на головы

Живого и мертвого человека,
Буйвола мертвого и живого.

Вслед за тем нянька, посадив юного государя на бедро и примотав светло-желтым шарфом, понесла его на берег реки, а за ними шествовало множество людей, которые, прежде чем искупать ребенка, дали ему наступить на камень и на кусок железа. Потом все — мужчины и женщины, молодые и старики

Начали шумно в реке плескаться,
Брызгаясь и поливая друг друга
Водой из длинных бамбуковых трубок.
Каждый из них как мог веселился.

А вдосталь накупавшись, жители Джаитана Лаяра воротились с Батарой Агунгом Дэвой Сакти домой и облачили его

В царский кайн, украшенный клеткой
Красной и белой, желтой и черной;
Обмотали вокруг стана пояс,
Изящно расшитый по желтому полю;
Надели на шею цепь золотую,
Что, извиваясь, на грудь ниспадала,
Да три ряда золотых подвесок,
Украшенных прихотливой насечкой;
На руки — по три золотых браслета,
Подобных драконам, свернувшимся в кольца;
На уши — два золотых убора,
Что Кружащийся Слон зовутся.
Потом на чело венец возложили,
Из золота выкованный, трехрядный,
А волосы, уложив по-келингски,
Закололи булавкой, подобной крису,
Чья золоченая рукоятка
Изображала могучего Бому,
И закрепили пучок гарудой,
Грозный лик назад обратившей.
Потом умастили лицо благовоньем.
Что Победитель Врагов зовется,
Золота, истолченного в пудру,
Семь слоев положили на щеки,
Да глаза подвели умело
И оттенили искусно веки.
Подали крис, что украшен на диво
Узором из листьев и позолотой, —
Форма его рукоятки зовется
У знатоков Забурненным Рогом.
А облачив, на каждую руку
Надели кольцо с дорогим безоаром.

Облачив юного государя, из внутренних покоев вынесли знаки его высокого сана: малый зонт с бахромой из цветных шнуров, серебряную чашу, высокий сосуд из серебра, покрывало, ковер, золотую шкатулку для бетеля и золотое блюдо.

Вынесли во двор из покоев
Регалии, что на коленях держат,
Раскрыли великий зонт государей,
Грянул оркестр Гаджах Первата,
Стали палить государевы пушки —
Си Гентар Буми и Си Сапу Джагат.
И Батара Агунг Дэва Сакти
Впервые в жизни ступил на землю.

Едва же он коснулся земли, средь ясного дня раздался оглушительный раскат грома,

Затряслась земля под стопой государя,
Небеса, содрогнувшись, к нему приклонились,

Горячий дождь накрапывать начал,
Радуга над головой изогнулась,
Темная туча, как зонг, нависла,
Окутало облако государя.

Батара Агунг Дэва Сакти ступил на радужный ковер, украшенный изображениями двух драконов. Став невидимым для людей, он прошествовал к балею Мандаргили и, держась рукой за золотой шнур, поднялся на тот балей. Когда же на него вошел,

Большие регалии наземь сложили,
Расставили малые на балее,
Да разостлали на нем циновки
И развернули ковер широкий.

Развернув же, почтительно пригласили Батару Агунга Дэву Сакти на него возлечь, и, когда государь возлег, пред ним смиренно склонился мастер, что подпиливал зубы.

Тогда

На площади стали палить из ружей,
В Кота Чондонг * загремели мортиры,
Из пушек грянули в Ранча Суджи *,
На гамелане Гаджах Первата
Вновь заиграли тихо и нежно.

И по прошествии недолгого времени

Мастер Странник исполнил работу,
Прозванный Путником, дело закончил;
Зубы с восьми сторон обточил он,
Каждый семь раз подпилит искусно,
Раз двенадцать отшлифовал их:
Стали остры, как плавник лаиса
Или рядок треугольников ровный.

Когда же мастер подпилит государю зубы, тот отведал бетеля.

По устам его сок арска струился,
Бетеля сок обогрил его губы.

А потом внесли блюда с рисом, чаши на ножках, полные приправ, подносы, бамбуковые плетенки с жертвенной пищей да кувшины с пальмовым вином, высокие словно столбы, и начался пир.

Громоздились перед гостями,
Как муравейники, горы снеди;
Пальмовое вино разливалось
Широким озером перед ними.

На том пиру все пили, ели, веселились и предавались много-различным играм.

Танец с кинжалом затеяли гости:
Мужчины плясали с кинжалом у дома,
В доме женщины с ним танцевали.
Тешился каждый любимой забавой.

Семь дней и семь ночей не утихал пир.

Как муравейники громоздились,
Всюду початого бетеля горы;
Сок орехов арековой пальмы,
Морем на том пиру разливался.

На седьмой же день из дома старейшины вынесли шест со стягом из дорогой ткани петола и шахматы из слоновой кости.

Но вот семь дней и ночей миновало —
И государь закрывает праздник,
И властелин торжества завершает.
Тогда в набат ударили слуги,
В ответ опять загремели ружья,
Стали им вторить звонкие гонги,
И буйволов выпустили на битву,
Стравили быков и козлов крепкорогих,
Стравили гусей, петухов бойцовых,
Да стали мериться силами в играх
С кокосом, папайей, орехом-келики,
Иль парами на доске плывущей
Качаться, пока не свалятся в воду.
В азарте так игроки кричали,
Что голоса их пронзали тучу,
А вопли на облаках повисали —
Тем и закончился этот праздник.

Когда же торжества подошли к концу, государя почтительно пригласили в его покои, а старейшина Джаитан Лаяра остался раздаривать

Ткани, которыми землю застлали,
Покровы, расстеленные в балее.

А меж тем госпожа Минак Мампи в своем доме, так же как и муж, раздаривала всевозможные наряды и уборы. В Джаитане Лаяра были в то время такие балеи: балей Мемулу, Олений балей, Тигровый балей, Птичий балей, Лотосовый балей и балей Мандаргили. И все покровы из тех балеев без остатка раздали приглашенным гостям, вдовцам и беднякам, явившимся на празднество из Кенангана, Унгкала, Самбира, Марангкаю, Сантана, Сантандалама, Каниунгана, Бунтанга, Бераса Басаха, Пандансари, Гунунга Кемунинга, Риджанга, Риканга и Таджунга Семата.

Когда всех одарили, именитые гости, получив свою долю, простились с Батарой Агунгом Дэвой Сакти и отправились в свой край. Видя же перед собой Батару Агунга Дэву Сакти, так думали в душе: «Нет равного ему по красоте и могуществу, воистину он дитя богов и небожителей, снизошедших на землю».

* * *

Рассказывают, что по прошествии * недолгого времени Батара Агупг Дэва Сакти, обитавший на горе Джаитан Лаяр, подрос, а вместе с ним подрос и его петух по имени Серебряный

Корабль с Железным Рулем. Как-то раз в полдень Батара Агунг Дэва Сакти уснул и привиделось ему, будто на него бросился тигр. Тотчас выхватил он крис из ножен и поразил им того тигра, но наяву увидел, что только ткнул крисом в большой кувшин и разбил его. Потому-то он и назвал свой крис Донце Кувшина. Когда же кувшин разбился, из него вылетел петух Батары Агунга Дэвы Сакти, пустился наутек, и кто-то из мальчиков, обитавших на горе Джаитан Лаяр, за ним погнался.

Тут Батара Агунг Дэва Сакти проснулся и увидел, что разбил крисом кувшин и выпустил петуха. Мальчик же тем временем, его преследуя, взбирался на горы и спускался с гор, и, когда отставал, петух словно бы его дожидался, а когда мальчик почти настигал петуха, тот вновь обращался в бегство, и так повторялось несколько раз. Наконец они достигли жилища царевны Каранг Мелену в Улу Дусуне, и, когда к нему приблизились, петух неожиданно юркнул под дом и стал топтать курочку царевны. Мальчик хотел было его поймать, но в это время из дома выглянула царевна, заприметила внизу мальчика, старавшегося изловить петуха, и молвила: «Перестань гоняться за петухом, я того не позволяю, ибо теперь он мой!» Ответствовал мальчик: «Как же так, ведь это — петух Батары Агунга Дэвы Сакти». Молвила царевна: «Возвращайся домой и передай Батаре Агунгу Дэве Сакти, что по обычаю юноше надлежит следовать за девушкой».

Мальчик посмотрел наверх и увидел царевну, которая была необычайно хороша собой. Сквозь ее горло просвечивал алый сок бетеля, который она глотала, от лица же исходило ослепительное сияние. При виде того сияния мальчик лишился чувств, а царевна бросила в него початым бетелем и, когда он опаматовался, молвила: «Передай Батаре Агунгу Дэве Сакти, что так-ов уж обычай».

Услышав те слова, мальчик поднялся с земли и отправился домой, где на горе Джаитан Лаяр его поджидал Батара Агунг Дэва Сакти. Когда же мальчик приблизился к дому и заприметил в дверях царевича, тот его спросил: «Где мой петух? Если ты без него вернулся, я предам тебя смерти!» Ответствовал мальчик: «Да будет так, но, прежде чем ты меня убьешь, я хочу тебе поведать обо всем, что случилось». Молвил Батара Агунг Дэва Сакти: «Рассказывай». И мальчик начал рассказ: «Я погнался за твоим петухом, и, когда от него отставал, петух поджидал меня, когда же я приближался, он вновь отбегал, и так повторялось несколько раз, покуда, добежав до жилища царевны Каранг Мелену, он не юркнул под дом и не принялся там топтать ее курочку. Я хотел было изловить петуха, но царевна молвила: „Эй, мальчик, я не позволяю тебе гоняться за этим петухом, ибо теперь он мой. Ведь он вбежал в мой курятник“. Я посмотрел наверх и при виде царевны, чей лик дивно сиял, лишился чувств, ибо была она собой столь хороша, что сквозь

ее горло просвечивал алый сок бетеля, который она глотала, а от лица исходило ослепительное сияние. Царевна бросила в меня початым бетелем и, лишь только я опаматовался, молвила: „Передай Батаре Агунгу Дэве Сакти, что по обычаю юноше надлежит следовать за девушкой“. Вот что случилось, когда я погнался за петухом». Спросил Батара Агунг Дэва Сакти: «Правду ли ты говоришь?» Ответствовал мальчик: «Воистину это правда, и, если я в чем солгал, предай меня смерти!»

Молвил тогда Батара Агунг Дэва Сакти, обратясь к старейшине и его жене: «Я хочу забрать своего петуха у царевны из Хулу Дусуна». Те же ответствовали: «Да будет так!» — и Батара Агунг Дэва Сакти отправился в Хулу Дусун к царевне Каранг Мелену, взяв с собой мальчика, что приглядывал за его курами. Когда же пришел к ее дому, увидел, что царевна Каранг Мелену качается на качелях, подвешенных на веранде, и наигрывает на бамбуковой свирели.

И Батара Агунг Дэва Сакти забыл обо всем на свете, внимая звукам той свирели, после же молвил, обратясь к мальчику: «Воистину ты сказал правду», — а сказав так, не стал его убивать, ибо в рассказе мальчика не было лжи. Вслед за тем Батара Агунг Дэва Сакти поднялся в дом царевны и, приблизившись к ней, молвил: «О царевна, обитающая в Хулу Дусуне, наконец-то я узнал тебя». Царевна же, увидев Батару Агунга Дэву Сакти, остановившегося подле нее, затрепетала от испуга, и они провели весь день до ночи в любовных ласках.

Теперь расскажем о супругах Минак Мампи, обитавших на горе Джайтан Лаяр, которые весьма тосковали в разлуке с царевичем, ибо прошло уже три дня, а он все не возвращался. И отправились они к царевне и царевичу в Хулу Дусун, достигли жилища Бабу Джарумы и поднялись в его дом. Когда же увидели Батару Агунга Дэву Сакти, который в ту пору вместе с Каранг Мелену качался на качелях, сговорились с Бабу Джарумой и его женой устроить царевичу и царевне достойную свадьбу.

По прошествии недолгого времени царевна родила сына, ко-его нарекли Аджи Берамбутом Каватом. А Батара Агунг Дэва Сакти меж тем проводил дни в праздности и, что ни утро, захватив с собой петуха, отправлялся то в тот, то в иной город на петушиные бои. Как-то раз сказала ему царевна: «Если хочешь, чтобы я жила с тобой в земном мире, оставь свои забавы». Батара Агунг Дэва Сакти же не обратил на ее слова никакого внимания. Еще трижды удерживала его царевна от петушиных боев, но Батара Агунг Дэва Сакти не желал ничего слушать. И вот однажды, когда он отправился на петушиные бои на Яву, молвила царевна Каранг Мелену, обратясь к Бабу Джаруме и его жене: «Я хочу покинуть этот мир и возвратиться в подводное царство, ибо супружество мне опостыло. Если мое дитя станет плакать, наклоните его над этим кувшином». Услышав те

слова, Бабу Джарума с женой не нашли, что ответить, а царица произнесла заклинание над младенцем, и, когда Аджи Берамбут Кават уснул, забралась на качели и принялась воскурять ладан и разбрасывать жертвенный рис. Бросив же семь пригоршней в углы дома и семь пригоршней в дверь, она сильно раскачалась и прыгнула в реку.

А Батара Агунг Дэва Сакти в тот день потерпел поражение на петушинных боях и, увидев в том знамение, призывавшее его вернуться, отправился в Кутей. Поднявшись в дом, он не нашел жены и спросил у Минака Мампи: «Куда исчезла царица Каранг Мелену?» Ответствовал Минак Мампи: «Царица покинула наш мир и возвратилась в подводное царство». Услышав те слова, Батара Агунг Дэва Сакти впал в глубокую задумчивость, а после молвил, обратясь к супругам Минак Мампи и супругам Бабу Джарума: «Я желаю оставить этот мир и последовать за женой в подводное царство. Присматривайте же, как подобает, за моим сыном!» С теми словами он воскурил ладан и принялся разбрасывать жертвенный рис, а когда бросил семь пригоршней в углы дома и семь — в дверь, кинулся в реку. Супруги же Минак Мампи и супруги Бабу Джарума стали сами растить Аджи Берамбута Кавата, кой через некоторое время возмужал и достиг брачного возраста.

Теперь оставим рассказ об Аджи Берамбуте Кавате и поведаем о старом охотнике, промышлявшем дичь в Бенгалонге. Как-то раз его собака поранилась о побег бамбука, принялась на тот бамбук лаять и так лаяла на него семь дней и ночей, не желая возвращаться из леса. Место же, где бамбук рос, именовалось Менгканинг. Увидев, что случилось с его собакой, старик весьма опечалился, срубил бамбук, понес его домой, и лишь тогда собака последовала за ним. Придя домой, старик осторожно положил тот бамбук на землю, и когда миновало еще семь дней, около полудня, с озаренных солнцем небес начал накрапывать мелкий дождь, бамбук раскололся, и старик увидел, что из его ствола вышла маленькая девочка. Он взял ее к себе, нарек именем Аджи Бердарах Путих и стал за ней заботливо ухаживать. По прошествии недолгого времени девочка выросла и вступила в пору девушки на выданье.

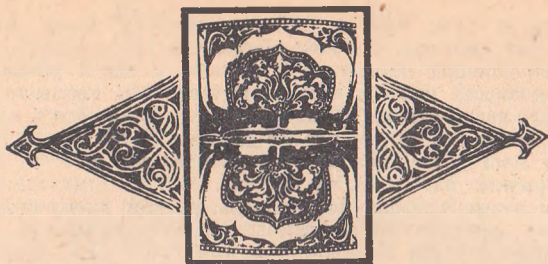
А теперь продолжим рассказ об Аджи Берамбуте Кавате, который, получив доподлинное известие, что на реке Бенгалонге живет царица по имени Аджи Бердарах Путих, отправил к ней посланца, дабы ее посватать. Когда его посланец явился к Аджи Бердарах Путих, та молвила: «Я не прочь выйти замуж, но прежде снеси Аджи Берамбуту Кавату мое баджу, и, если оно придется ему впору, а сверх того если в дар мне он выстроит в ряд старинные кувшины от Кутея Лама до самого устья Бенгалонга*, мы сыграем свадьбу».

Получив ответ, посланец возвратился к Аджи Берамбуту Кавату, передал ему слова царицы и вручил ее баджу, сказав:

«Если это баджу, о Аджи Берамбут Кават, придется тебе впору, вы с царевной станете мужем и женой». Выслушав рассказ посланца, Аджи Берамбут Кават задумался, не зная, как надеть баджу, ибо грудь его была шириной в три обхвата. Однако же по воле Всевышнего баджу пришлось ему впору, а после он сумел исполнить все, о чем просила царевна, — лишь на последнюю излучину реки у него не хватило кувшинов. Когда же справился с той задачей, женился на Аджи Бердарах Путих, и через некоторое время она родила ему семерых детей: пятерых сыновей и двух дочек. И старшего из тех сыновей называли Махараджа Сакти, второго — Махараджа Сурадивангса, третьего — Махараджа Индравангса, четвертого — Махараджа Дармавангса, пятого — Махараджа Султан. Из дочерей же, что родились после них, старшую нарекли Дэва Путри, а младшую — Путри Дэва.

Прошли годы, и Махараджа Сакти и его шестеро братьев и сестер выросли, и вот однажды Махараджа Сакти собрал их на совет и сказал: «По моему разумению, нам надлежит возвести на престол Махараджу Султана, самим же стать при нем советниками». Ответствовал Махараджа Сурадивангса: «Я того не желаю». Ответствовал Махараджа Индравангса: «Не подобает нам поставлять государем Махараджу Султана». Ответствовал Махараджа Дармавангса: «Махараджа Султан еще молод и не может царствовать, ибо непостоянен в желаниях, и оттого сотрясется престол царства». Молвил тогда Махараджа Сакти: «Если вы так говорите, давайте поклянемся из рода в род и из колена в колено не грешить против государя».

И все пятеро, воскурив ладан и разбросав жертвенный рис, дали такую клятву: «Пусть потомки Махараджи Султана из рода в род и из колена в колено не изменяют нашим потомкам, иначе да не будет мира и спокойствия на престоле. А равно пусть наши потомки из рода в род и из колена в колено не изменяют потомкам Махараджи Султана, иначе да поразит их клятва сия». Произнеся ту клятву, Махараджа Сакти воскурил ладан и раскидал жертвенный рис, дабы решение их было твердо. После же поставил Махараджу Султана величайшим из государей в стране Кутей Картанегара.

ПОВЕСТЬ О ПАТАНИ

Своей достоверностью заметно отличается от «Кутейских родословий» другой памятник малайской историографии — «Повесть о Патани», весьма пестрая по составу хроника султаната Патани (располагавшегося на северо-востоке Малаккского полуострова), которая была создана на рубеже XVII — XVIII вв. Мифологические эпизоды хроники весьма кратки. Основное место в ней занимает повествование о возникновении Патани, чудесном обращении его правителя в ислам, отношениях с соседними государствами Сиамом и Джохором и иных событиях внутри- и внешнеполитической жизни в период правления местной и пришедшей из пограничного султаната Келантан династий (середина XVI — конец XVII в.).

Несмотря на то что большинство описываемых событий вполне реально, «Повесть о Патани» в не меньшей степени является произведением литературы, чем памятником историографии. Об этом свидетельствует не только прозрачность и гармоничность ее повествовательного стиля, близкого к стилю «Малайских родословий», но и сам строй произведения, в особенности его пространной первой части, посвященной правлению местной династии. Из множества событий автор первой части избирает лишь те, что, с его точки зрения, типичны для истории Патани, позволяют в символической форме показать причины расцвета и упадка государства, порядка и хаоса в управлении им, прославить могущество султаната и его властителей и тем самым послужить назиданием для потомков. «Литературный подход» автора к истории проявляется во всех компонентах его сочинения. Он заметен в перекличке многих эпизодов повести со сценами из беллетристических произведений (так, «посольские» эпизоды ее вызывают ассоциации с «Повестью о Ханг Туахе», спор военачальников, нападающих на Патани, — с перебранкой предводителей войска раксас в ваянговых повестях и т. д.), в искусстве живой психологической характеристики героев, наконец, в построении повести из отдельных, завершенных в смысловом и композиционном отношении рассказов, внешне сдержанных и лаконичных, но благодаря точности и значимости каждой детали удивительно «зримых» и напряженных.

Литературная манера автора повести нашла наиболее полное выражение в тетраптихе об интригах во дворце Патани, несколько созвучном по своей теме (коварство придворных, пагубность их наущений, преданность государю простых горожан) «Повести о Бахтияре», «Повести о Ханг Туахе» и многим эпизодам зерцал. В свою очередь, этот тетраптих сам как бы образует своеобразное, лишенное прямой назидательности зеркало, идеи которого проиллюстрированы реальными историческими примерами. Поскольку три из четырех рассказов тетраптиха замкнуты и самостоятельны,

трудно судить о том, как в действительности были взаимосвязаны описанные в них события. Не исключено, что придворных, без видимой причины подстрекавших царевичей к мятежу и затем убивавших мятежников, чтобы доказать свою к ним непричастность, каким-то образом направил главный везир страны (бендахара), стремившийся к власти. Именно рассказ о восстании бендахары против царицы Патани является вершиной литературного мастерства автора, проявившегося уже в двух первых строго симметричных рассказах тетраптиха.

Драматизм этого эпизода подчеркнут резким контрастом движения многочисленных персонажей и безмолвной неподвижности его героини. Неумолимо приближается к столице армия бендахары, ежедневно являясь к государыне придворные, чтобы доложить о ее перемещениях, наконец все они один за другим малодушно покидают госпожу. И за все это время царица, как бы погруженная в оцепенение, не произносит ни слова, не делает ни единого жеста, но в ее молчании угадываются напряженные поиски пути к спасению. В последней надежде на подданных она посылает за любимцем отца Раджей Келангом, незадолго до этого блестяще защитившем честь государя в труднейшей дипломатической миссии, но тот под благовидным предлогом отказывает ей. Государыня остается в полном одиночестве. Отныне она может рассчитывать только на себя.

Тогда-то и разыгрывается полная скрытого символического смысла решающая сцена эпизода. Бендахара во главе своих сторонников переходит ведущий ко дворцу мост, на мгновение останавливается, услышав разорвавший тишину призыв муэдзина на молитву, и движется дальше. Этот переход многозначителен сам по себе. Но еще важнее, что в остановке и продолжении пути, о которых можно было и не упоминать, угадывается весь характер героя: его спокойствие и хладнокровие, а не яростный безоглядный порыв бунтовщика, колебания мусульманина, задумавшегося о том, что Аллах карает изменников, и одновременно решимость идти до конца. Царица, окруженная лишь горсткой личных слуг, выходит навстречу бендахаре и останавливается на верхней ступеньке дворцовой лестницы. Она облачилась в зеленое баджу и набросила на плечи желтую шаль. Это единственное в подчеркнуто «графическом» рассказе цветное пятно приковывает к себе все внимание читателя. Бендахара подходит к подножию лестницы, за его спиной армия мятежников. И здесь происходит нечто необъяснимое: царица — это ее первый и единственный жест — молча бросает бендахаре шаль, он обматывает шаль вокруг головы, отбрасывает крис и, воздав государыне почести, уходит. Военачальники, не понимающие случившегося, но прекрасно знакомые с правами малайских султанов, в страхе ожидают расправы, но бендахара их успокаивает, говоря, что царица просила сохранить ей жизнь и потому бояться им нечего. Думается, однако, что бендахара понял больше, чем объяснил. Государыня действительно просила сохранить ей жизнь, но об этом свидетельствовал, скорее, зеленый цвет ее одежды (в мусульманской традиции зеленый цвет — символ бессмертия, жизни). Бросив же мятежному бендахаре желтую шаль, она добровольно отдавала в обмен на жизнь то, что для малайского аристократа ценнее жизни — власть над собой и страной, ибо желтый цвет у малайцев символизирует царскую власть и под страхом смерти запрещен для простых смертных. Как «слабая жепчина», преданная защитниками, царица могла позволить себе такой шаг, понимая, что бендахара, пусть символически, но переживший миг наслаждения желанной властью, почтет для себя бесчестьем ответить на ее смирение жестокостью.

Не менее выразителен в художественном отношении и последний рассказ тетраптиха о безграничной преданности царице проповедника Абдуджабара, равно как и столь же бесстрастный по тону изложения и столь же глубоко психологичный эпизод о певице Данг Сират.

...У Султана Бахдура было множество дядек, коим не дозволялось его покидать; особенно же Джахаруллах и Алунг Ин неотступно находились при нем и по шесть, а то и по семь дней ни на минуту не могли отлучиться домой, ибо царевич все время катался на них верхом, словно на слонах. Его величество повелел сделать для сына золотое стрекало, и тем стрекалом Султан Бахдур бил Джахаруллаха и Алунга Ина по головам, погоняя их, так что порой у них на головах выступала кровь. Когда царевич купался или же ел, он восседал на спине одного из своих дядек — чаще всего Джахаруллаха, которого не желал ни на миг отпустить от себя. И если царственный сын государя купался, сидя на спине одного из тех слуг, государь дарил слуге новый кайн. Так обходился Султан Бахдур со своими дядьками.

Проведя несколько лет на престоле, Султан Мансур-шах тяжело занемог. И завещал его величество: «Когда увянет цветок на государевом ложе, пусть возведут на трон Султана Патика Сиама». После кончины его величества Султана Патика Сиама возвели на царство, ему же в ту пору едва минуло девять лет, и во время коронации Султан Патик Сиам сидел на коленях своей тетки Раджи Айши, которую стали называть перачау — царицей. С того дня, если в Патани правила государыня, ее неизменно звали перачау в подражание титулу Раджи Айши.

Прошло несколько лет царствования Султана Патика Сиама. В то время среди его придворных был некто по имени Сери Амрат, который как-то раз отправился к брату государя Радже Бамбангу и, представ перед ним, сказал с почтительным поклоном: «Отчего мой господин хранит молчание, не желая вмешиваться в обсуждение государственных дел? Ведь кто иной, как не мой господин достоин вершить их, ибо царственный брат его еще младенец». Молвил Раджа Бамбанг: «Ты сам знаешь, что я лишен всякой власти, и потому, каковы бы ни были мои замыслы, не могу их осуществить». Сказал Сери Амрат с почтительным поклоном: «Когда господин мой пожелает заняться делами страны, я на своих плечах внесу его во дворец». Ответствовал Раджа Бамбанг: «Если вправду исполнится то, о чем ты говоришь, я сумею отблагодарить тебя за преданность».

Через два месяца Сери Амрат и Раджа Бамбанг составили заговор. Двое же или трое придворных присоединились к ним и условились взять сторону царевича. И вот однажды на заре, когда дворцовые ворота были открыты, Раджа Бамбанг вместе с матерью сел в башенку на спине слонихи и въехал на площадь перед дворцом, сопровождаемый Сери Амратом и придворными-заговорщиками. Подъехав к залу для приемов, Раджа Бамбанг остановил слониху у его веранды, спешил и во-

шел во дворец. Мать же его осталась в башенке на спине слонихи.

В то время Султан Патик Сиам и государыня восседали во дворце, и, когда государыня поняла, что Раджа Бамбанг замыслил измену, она не мешкая взяла Султана Патику Сиаму к себе на колени и обняла его. Молвил Раджа Бамбанг: «Спусти брата наземь, не держи его на коленях». Ответствовала государыня: «Прежде убей меня, после же делай со своим братом, что хочешь». Тогда Раджа Бамбанг заколол Султана Патику Сиаму на коленях у государыни.

После того как Султан Патик Сиам и его тетка скончались, Раджа Бамбанг вышел из дворца и, подойдя к матери, восседавшей перед залом для приемов на слонихе, поднялся в башенку и выехал за ворота, направляясь домой. Когда же проезжал мимо мечети, что напротив Слоновых Ворот, Сери Амрат ударил царевича в бок копьем и пронзил его насквозь. И Раджа Бамбанг свалился наземь и испустил дух. Мать же его убил в башенке один из людей Сери Амрата, скрывавшийся под брюхом слонихи.

Обитатели столицы пришли в великое смятение и передавали друг другу, что Раджа Бамбанг пытался захватить престол Султана Патику Сиаму, но погиб, сраженный Сери Амратом.

II

Вскоре все везиры и придворные собрались во дворце и возвели на трон Султана Бахдура; четырех же убиенных государева рода погребли подле мечети в восточной части города на краю кампунга Датук Ванг Кебудал.

Как-то раз придворный по имени Сери Амар Пахлаван отправился к другому брату государя, Радже Биме, и, представ перед ним, сказал с почтительным поклоном: «Царственный брат господина лишь по титулу государь, он не в состоянии разрешить ни одно из государственных дел, ибо не достиг еще зрелости ни умом, ни речью. Вот если бы господин мой стал государем, он сумел бы править страной». Молвил Раджа Бима: «Не говори так, вельможа, нехорошо, если люди нас услышат». Сказал Сери Амар Пахлаван: «Не пустые речи веду я, если враг нападет сейчас на нашу страну, одни лишь везиры и военачальники станут в меру своих познаний принимать решения, царственный же брат господина не будет иметь голоса в совете. Но если бы кто-то, подобный господину, был государем, он и сам участвовал бы в решении дел совместно с везирами и военачальниками. По моему разумению, было бы только лучше, если бы господин заменил его царственного брата на престоле, куда тот научится управлять страной». Ответствовал Раджа Бима: «Один лишь ты так говоришь, прочие везиры и придворные думают иначе». С того дня Сери Амар Пахлаван зачастил к Радже Биме и всякий раз почтительно беседовал с ним об этом деле.

По прошествии некоторого времени с той поры, как Султан Бахдур взшел на престол, он в один из дней на заходе солнца воссел на слоницу по кличке Сери Негри — Блеск Державы и, сопровождаемый своими дядьками, отправился покататься по площади перед дворцом. Слоница была высотой в четыре локтя. Султан Бахдур со стрекалом в руках восседал у нее на голове. Его величеству захотелось выехать за ограду дворца. Ван Джахаруллах ухватился за левое ухо слоницы, Алунг Ин — за ее правое ухо, и они направились к главным воротам.

Другая слоница, по кличке Джарум Перак — Серебряная Игла, также была готова к выезду и стояла с башенкой на спине. Увидев, что султан уже за воротами, погонщик направил слоницу вслед за ним, и, когда они достигли кампунга Раджи Бимы, тот вышел из дома и присоединился к выезду младшего брата.

Увидев Раджу Биму, идущего за ними пешком, Ван Джахаруллах приблизился к нему и сказал: «Не лучше ли моему господину сесть на слоницу его царственного брата?» Ответствовал Раджа Бима: «Да будет так». И Ван Джахаруллах громким голосом окликнул слоницу, Раджа Бима же, воссев на нее, последовал за братом.

Тем временем Султан Бахдур подъехал ко дворцу, именуемому Четыре Балея, остановился ненадолго и, оглянувшись, увидел Раджу Биму на Серебряной Игле. Молвил государь: «Кто позволил Радже Биме сесть на слоницу?» С почтительным поклоном отвечал Ван Джахаруллах: «Я, о господин мой, посоветовал вашему царственному брату сесть на слоницу. Приметив, что он идет за вашим величеством пешком, я побоялся, как бы не увидели того люди». Султан, остановивший свою слоницу и сидевший меж тем, опершись ногой на плечо Алунга Ина, выслушал Ван Джахаруллаха и спросил: «Разве это слоница твоего отца, что ты позволяешь Радже Биме ездить на ней?». Затем отпихнул Ван Джахаруллаха ногой и приказал: «Ступай, сбрось Раджу Биму со слоницы!» Ван Джахаруллах отправился к Радже Биме и сказал ему: «О господин мой, ваш царственный брат повелел вам слезть со слоницы». Услышав слова Ван Джахаруллаха, Раджа Бима спустился наземь и залился слезами. Когда же Раджа Бима слез, государь вновь воссел на свою слоницу и отправился во дворец, а Раджа Бима, проводив царственного брата до ворот, вернулся домой.

Через некоторое время Сери Амар Пахлаван опять явился к Радже Биме, и тот плача поведал ему о том, как Султан Бахдур приказал ему слезть со слоницы. И Сери Амар Пахлаван, притворившись, что исполнен сочувствия при виде его слез, сказал с почтительным поклоном: «О чем вы горюете, о господин мой? Я могу ввести вас во дворец вашего царственного брата». Услышав слова Сери Амара Пахлавана, молвил Раджа Бима: «Да будет так. Если ты вправду исполнен ко мне приязни, я

сумею отблагодарить тебя за нее». Почтительно поклонившись, сказал Сери Амар Пахлаван: «Если вы, о господин мой, хотите проникнуть во дворец, подождите, пока наступит мой черед нести стражу. Едва лишь дворцовые ворота откроются, я выйду встречать вас, вы же ожидайте моего прихода».

В пятницу Сери Амар Пахлаван нес стражу в зале для приемов. Когда же ударили в барабан к утренней молитве и дворцовые ворота растворились, он вышел встретить Раджу Биму, который, сидя на слоне, уже ожидал его у ворот. Сопровождаемый Сери Амаром Пахлаваном, Раджа Бима вступил за ограду, подъехал к залу для приемов и, спешившись, вошел во дворец. Султан Бахдур только что поднялся с ложа и стоял в дверях зала для приемов, собираясь выйти поразвлечься, когда перед ним предстал Раджа Бима. Увидев стоявшего в дверях Султана Бахдура, он обнажил крис и пронзил им насквозь грудь молодого государя. Султан Бахдур замертво рухнул на пол, Раджа Бима же, видя, что его царственный брат мертв, покинул зал для приемов, сел на слона и отправился домой.

Увидев, что совершил Раджа Бима, Сери Амар Пахлаван поспешил за ним, и, когда царевич проезжал мимо балея, где хранился барабан, сзывавший на молитву, ударил его в живот копьем, так что наконечник копья вышел у того из-под лопатки. Раджа Бима свалился наземь и умер.

Тогда обитатели столицы пришли в великое смятение и передавали друг другу, что Раджа Бима пытался захватить престол Султана Бахдура, но погиб, сраженный Сери Амаром Пахлаваном.

Вскоре после этого везиры и военачальники явились во дворец и собрались в зале для приемов, дабы решить, кто же заменит на царстве Султана Бахдура, ибо среди детей покойного государя Мархума Бунгсу не было сыновей — одни лишь дочери. На престол возвели Раджу Иджау, и она стала первой царицей Патани. Тела же Султана Бахдура и Раджи Бимы погребли подле мечети в восточной части города вместе с четырьмя прежде убиенными государева рода.

Когда Раджа Иджау взойшла на престол, ее стали именовать перачау в подражание титулу Раджи Айши. Ван Джахаруллага возвели в должность вестника, а Алунга Ина — в должность старшего вестника, Сери Агар Дираджа же удостоился титула Сери Раджа Келанг.

III

Через несколько месяцев после воцарения перачау бендахара испросил у нее разрешения отплыть в Саи*, обещав через три дня вернуться. Однако же прошло уже семь дней с тех пор, как бендахара отплыл в верховья, а он все не возвращался, и придворные почтительно донесли об этом ее величеству, сказав

так: «Бендахара в Саи собирает везиров, военачальников и воинов. Сорок человек из числа его приближенных уже пили на горе Саи заговоренную воду и теперь неуязвимы для оружия». Царица лишь улыбнулась, выслушав их слова, но ничего не ответила. Меж тем весть об измене бендахары разнеслась по всему городу.

Прошло еще несколько дней, и бендахара примерно с пятью тысячами своих людей выступил из Саи, царице же донесли, что он прибыл в Табих *. Царица понурила голову и вновь не проронила ни слова. Еще через два дня ей доложили, что бендахара уже в Такихе *, и с той поры никто из везиров и военачальников не являлся более к ее величеству с донесениями о бендахаре.

Когда царица услышала донесения придворных, она повелела вестникам позвать Сери Раджу Келанга; вестники приказали слугам государыни известить его о ее повелении, а те, явившись в дом Сери Раджи Келанга, передали ему ее слова. Ответствовал Сери Раджа Келанг: «Почтительно кланяйтесь ее величеству и передайте, что раб припадает к ее стопам, тысячу раз моля о прощении, ибо болен лихорадкой и не может предстать перед ней». Слуги государыни возвратились во дворец и передали вестникам слова Сери Раджи Келанга, те же не мешкая предстали перед царицей и с почтительным поклоном повергли их к ее стопам. Молвила тогда царица: «Не только все везиры и придворные оставили меня, но даже Келанг, любимец покойного государя, не желает явиться на мой зов». Покуда же она так говорила, слуги почтительно известили госпожу о том, что бендахара уже прибыл в Кеди *.

В ту пору в зале для приемов не осталось никого из везиров и военачальников, лишь оба вестника, махаты, посланцы и личные слуги царицы не покинули ее. Бендахара, как вновь донесли, уже перешел через мост. Услышав звуки барабана, сзывающего на пятничную молитву, он ненадолго остановился, после же двинулся дальше и вошел во дворец.

Тогда царица поспешно облачилась в зеленое баджу, закуталась в желтую шаль, затканную золотыми цветами, и вышла в зал для приемов. Вестники с мечами в руках выступали впереди нее, служанки же, махаты, посланцы и личные слуги шествовали позади. Царица подошла к дворцовой лестнице и остановилась на верхней ступеньке, а вестники спустились на самую нижнюю ступеньку и стали с мечами в руках по обеим ее сторонам. Все же махаты, посланцы и слуги последовали за ними вниз и уселись на земле перед залом для приемов.

Меж тем бендахара вступил за ограду дворца и направился к залу для приемов. Когда же он приблизился к лестнице, царица сбросила с плеч шаль и кинула бендахаре, который ее тотчас поймал и обмотал вокруг головы. Обмотав голову шалью наподобие чалмы, бендахара вынул из ножен крис и положил его

наземь. Потом опустился на колени, трижды повергся в прах у ног царицы и, поднявшись, молвил с почтительным поклоном: «Да славится моя госпожа, да преумножится ее могущество и счастье на сием благородном престоле!» Вновь почтительно поклонившись, он отправился обратно в Таких, где остановился со своими людьми, а царица удалилась во внутренние покои дворца.

В ту же ночь собрались все везиры и военачальники из Саи и, объятые страхом, предстали перед бендахарой. Сказали они с почтительным поклоном: «Как могли вы, о господин, так поступить? Ведь теперь всех нас, ваших рабов, истребят, не пощадив и младенцев во чреве матерей». Бендахара засмеялся, услышав их слова, и молвил: «Не страшитесь, о господа, не в обычае государей изменять своему слову». С почтительным поклоном сказали везиры и военачальники: «Никто из нас, бывших в зале для приемов, не слышал, чтобы вестники передавали господину что-либо из слов царицы». Молвил бендахара: «Однако же ее величество просила сохранить ей жизнь. Почтительно спросили везиры и военачальники: «Когда же она просила об этом нашего господина?» Бендахара вновь рассмеялся, видя, что они дрожат от страха, и, сняв с головы чалму, отвечивал: «Вот знак того, что царица просила сохранить ей жизнь, неужто я стану рассказывать вам небылицы?» И от тех слов бендахары души всех везиров и военачальников преисполнились радости.

На следующий день бендахара отплыл в Саи и более уже не возвращался, а царица никогда не пыталась низложить его, но и никогда не призывала ко двору. Люди же прозвали его бендахара Кайю Келат.

IV

Царице было известно о том, как поступил Сери Амар Пахлаван с Раджей Бимой. Как-то раз, сидя на троне в зале, где собирались женщины, она повелела вестникам позвать к себе проповедника Абд аль-Джабара. Слуги не мешкая сходили за ним, и, когда проповедник предстал перед царицей, она молвила: «Мы призвали тебя, ибо желаем обратиться к тебе с просьбой». С почтительным поклоном отвечивал проповедник: «Да славится моя госпожа, я жалкий раб во прахе у ног ее величества, повергаю к ее стопам все достояние мое». Услышав те слова, царица поднялась с трона и удалилась во внутренние покои, проповедник же испросил соизволения вернуться домой.

Через три дня проповедник был вновь приглашен во дворец. Когда он предстал перед ее величеством, царица повторила свои слова. С почтительным поклоном отвечивал проповедник: «Я жалкий раб у ног вашего величества и не могу ослушаться вашего повеления. Если даже ваше величество попросит мозг из моего черепа, я тотчас повергну его к вашим стопам». Царица

вновь ничего не ответила и удалилась во внутренние покои, а проповедник испросил соизволения вернуться домой.

По прошествии еще пяти дней опять послали за проповедником. В зале для приемов было безлюдно, лишь шестеро или семеро придворных еще оставались в нем. Когда проповедник предстал перед царицей, она в третий раз повторила свои слова. Ответствовал проповедник: «Да славится моя госпожа, тысячу раз молю ее о прощении, ибо я раб, днем и ночью находящийся пропитание во прахе под стопую ее величества. Не только плоть мою и кровь, саму жизнь свою, если госпожа пожелает, я повергну к ее ногам». Услышав почтительные слова проповедника, молвила царица: «Это как раз то, чего мы желаем». Проповедник почтительно поклонился, опустился на колени и, пав ниц, сказал: «Жизнь мою приношу я к стопам вашего величества». Молвила царица: «Если правдивы твои слова, мы желаем, чтобы ты убил Сери Амара Пахлавана здесь, в нашем зале для приемов, однако же никто не должен узнать, что таков был наш приказ». С почтительным поклоном отвечал проповедник: «Да славится моя госпожа, я исполню всякое ее повеление». Царица поднялась с трона и вошла во внутренние покои, а проповедник испросил соизволения вернуться домой.

В пятницу, когда лишь шестеро или семеро знатных людей, среди коих был и Сери Амар Пахлаван, несли стражу в зале для приемов, Абд аль-Джабар явился туда и, словно невежа, не знающий государевых уставов, пошел по самому краю зала. Все, кто был в зале, воззрились на проповедника, он же приблизился к Сери Амару Пахлавану, выхватил из-под полы баджу крис и вонзил ему в живот, так что из распоротого живота вывалились внутренности. Сери Амар Пахлаван повалился на пол и испустил дух. Проповедник же так и остался стоять посреди залы с крисом в руках.

Раджа Мегат, сидевший подле Сери Амара Пахлавана, глазами подал проповеднику знак, чтобы тот скорее покинул зал, однако Абд аль-Джабар не двинулся с места. Тогда Раджа Мегат выхватил из ножен свой длинный крис и ударил им проповедника, тяжело ранив его в живот. И проповедник рухнул замертво.

Обитатели дворца в ужасе закричали, и царица, пребывавшая во внутренних покоях, спросила: «Что это за шум там, снаружи?» С почтительным поклоном отвечали слуги: «Проповедник Абд аль-Джабар впал в амок в зале для приемов». Вновь спросила царица: «Кого же он убил?» С почтительным поклоном слуги отвечали: «Он лишил жизни Сери Амара Пахлавана, заколов его крисом, но и сам погиб, сраженный Раджей Мегатом». Повелела царица: «Уберите труп проповедника из дворца и бросьте его у главных ворот».

Как только слуги, волочившие труп Абд аль-Джабара через базарную площадь, приблизились к мечети, возгласил муэдзин,

призывая проповедника на минбар. Труп тотчас остановился. Когда же попытались сдвинуть его с места, веревка, привязанная к шее убиенного, оборвалась, так что пришлось привязывать новую. Едва же возглас муэдзина стих, слуги смогли сдвинуть труп с места, потащили его дальше и бросили за городскими воротами. Через несколько дней тело Абд аль-Джабара исчезло и было тайно погребено по приказу царицы.

Певица Данг Сират

Во времена правления Мархум Паханг при дворе держали труппу танцоров и певцов, в коей было четверо актеров-мужчин: Тун Эмас, Тун Перак, Тун Мас Диней и Тун Маду Сари; и двенадцать женщин-певиц: Данг Саджа, Данг Мериам, Данг Бидах, Данг Сират, Данг Пуспасари, Данг Алит, Данг Чендра, Данг Энам, Данг Садах, Данг Сурай, Данг Семара, Данг Алас. И те двенадцать певиц знали небывалое множество мелодий и исполняли разнообразные поэмы. Одна из них именовалась «Сери Рама строит насыпь, чтобы достичь Ланкапури», другая — «Малаккский бендахара Падука Раджа сражается с португальцами», третья — «Датук Падука Сери Махараджа из Джохора штурмует Джамби». Каждая из певиц обладала своими особыми познаниями, отличными от других, и прекрасным голосом, однако же лучше всех пела Данг Сират.

По прошествии двух месяцев после отплытия его величества в Джохор джохорский царевич силою овладел царицей Патани; решил же он на это, зная, что его старший брат, супруг царицы, лишен мужской силы. И покуда царица была женой его высочества, труппа актеров устраивала представления каждый день.

Через месяц его высочество сделал своей наложницей Данг Сират. Ее взяли в придворные певицы только за голос, превосходящий красотой голоса всех иных певиц. Собою же она была вовсе не хороша — тело уродливое и темное, широкое лицо изрыто следами язв, да к тому же невероятно толста. Данг Джела — служанка матери его величества и нянька его младшего брата, коей вменялось в обязанность купать царевича, — научила Данг Сират приворотным чарам, и любовь к ней его высочества росла день ото дня, так что он даже построил для нее дом к западу от ворот женской половины дворца. Данг Сират же доставала у людей, знавших, что у нее немало золота, все новые любовные зелья.

Страстно влюбившись в Данг Сират, его высочество перестал ходить к царице и более не делил с нею ложе. Все время, покуда он пребывал в Патани, ачехцы своевольничали в городе, ибо были приятелями царевича по петушиным боям, устраивавшимся каждый день, и его высочество исполнял любую их

прихоть. Сверх же того он наделал гладких деревянных колодок, в которые грозился посадить всю знать Патани.

Как-то раз Данг Сират сказала его высочеству: «Если правда, что господин мой любит меня, пусть закажет два золотых блюда. Я желаю, чтобы они весили по пятидесяти тахилей и чтобы одно носили передо мной, а другое — позади; еще же я прошу подарить мне баджу из золота». И его высочество приказал ювелирам сделать блюда и баджу, о которых просила Данг Сират, подарил их ей, и Данг Сират ела из тех золотых блюд.

Как-то вечером Данг Сират прикинулась, что сердится, и, сколько царевич ни уговаривал ее, не желала разделить с ним ложе. Сказала Данг Сират: «Если правда, что мой господин любит меня, пусть прикажет ударить для меня в барабан, коий звучит при возведении государей на престол. Если в него будут бить лишь один день, а на следующий мне придется умереть, и я и тем буду счастлива». И его величество твердо пообещал ей исполнить просьбу, только после этого Данг Сират согласилась позлечь с ним. Она также приказала именовать себя Энчик Пуан — Госпожа государева рода и не позволяла называть себя Данг Сират. Всякому, кто нарушал этот запрет, разрывали рот.

Еще через несколько дней Данг Сират захотелось спуститься в сад, чтобы искупаться. Молвила она: «Если правда, что мой господин меня любит, пусть он отнесет меня в сад и там вместе со мной искупается». И его высочество, смеясь, отнес на спине Данг Сират в купальню в саду и искупался вместе с ней. Такова была его любовь к Данг Сират.

Однажды ачехцы почтительно сказали его высочеству: «О господин, доводилось нам слышать, что в ту пору, когда ваш отец был султаном Джохора, жены всех везиров и военачальников поочередно прислуживали во дворце, покуда их мужья несли стражу в зале для приемов. Не худо бы и вам установить для каждой из них свой черед». Царевич с ними согласился.

Между тем весть, что его высочество хочет повелеть дочерям и женам везиров и военачальников поочередно являться во дворец, разнеслась среди придворных. Все они собрались и предстали перед царицей, объятые печалью, она же все время, покуда его высочество безумствовал с Данг Сират, не жила во дворце, а уединилась в саду, в беседке, именовавшейся Букет Ароматов. Почтительно поклонившись, сказали везиры и сановники: «Если его высочество призовет нас к себе и прикажет нести во дворец стражу, все подумают, будто мы изменили вашему величеству». Ответствовала государыня: «Поступайте по своему усмотрению, я лишь прошу сохранить жизнь царевичу, ибо мне жаль его матушку. В остальном же делайте, что сочтете нужным».

В то время его высочество обсуждал с ачехцами и джохорскими вельможами план возведения Данг Сират на престол. С почтительным поклоном спросили джохорские везиры: «Где ваше высочество желает устроить коронацию Энчик Пуан?» Ответ-

ствовал царевич: «Мы желаем провести церемонию в Кеди. Хотя провести ее в доме Энчик Пуан для нас было бы приятней, однако же он стоит слишком близко от главного дворца, и джохорский барабан, возможно, прозвучит не в лад с барабаном государей Патани». С почтительным поклоном сказали везиры: «По нашему разумению, если господин прикажет бить для нее в барабан в Кеди, люди станут сравнивать звук барабанов царицы и Энчик Пуан*. Как бы тогда его высочеству не претерпеть посрамления в чужой стране». Спросил царевич: «Где же тогда нам устроить церемонию для Энчик Пуан?» С почтительным поклоном ответствовали ачехцы: «По нашему разумению, лучше всего устроить ее в Тамбангане*. Если господин пожелает, он даже сможет основать там город, ибо места близ Тамбангана многолюдны. Давайте возьмем с собой в верховья тех везиров и военачальников Патани, которые будут достойны переселения, дабы они с семьями жили в Тамбангане вместе с Энчик Пуан». Царевич с ними согласился.

Тем временем весть, что его высочество собирается короновать Данг Сират в Тамбангане, разнеслась по столице Патани. Все вельможи отправились к царице и, явившись к ней, молвили с почтительным поклоном: «Молим нашу госпожу о прощении, мы слышали, что ваш царственный брат собирается в Тамбанган и хочет возвести на престол Данг Сират. Когда все джохорцы, находящиеся в столице, покинут ее, мы более не впустим их в город». Ответствовала царица: «Поступайте по своему усмотрению, я лишь прошу сохранить жизнь царевичу, ибо мне очень жаль его матушку». Сказали везиры с почтительным поклоном: «Как можем мы, рабы ваши, нарушить волю вашего величества».

Меж тем его высочество повелел созвать везиров и военачальников Патани, которых он желал взять с собой в Тамбанган. Узнав об этом, все они собрались на совет к бендахаре Сакуру, и тот не отпустил вельмож в верховья, разрешив лишь Сери Туну с десятью людьми сопровождать царевича, когда тот с Данг Сират отправится в Тамбанган.

В полдень его высочество достиг Тамбангана. Сойдя со слона, он вместе с Данг Сират воссел в шатре в окружении джохорских везиров, военачальников и подданных низкого звания и стал беседовать с ними о том, как через два дня возведет Данг Сират на престол. Сери Сетиа и Махараджа Сетиа также предстояли перед ним в шатре, все же прочие сопровождающие из Патани оставались в своих временных жилищах.

Спросил его высочество, обратясь к Сери Сетиа: «Отчего везиры и вельможи из Патани не отправились вместе со мной в верховья?» Ответствовал Сери Сетиа: «Завтра, о господин мой, они выступают в верховья, сейчас же собирают воинов, кои будут охранять опустевший город». Повелел его высочество: «Отправляйся в низовья, чтобы мы завтра же знали об их прибытии,

ибо на послезавтра назначено возведение на престол Энчик Нуан». Сери Сетна испросил соизволения вернуться в свое временное жилище, и в ту же ночь все вельможи Патани бежали в низовья. Обитатели же Танджунга *, где они скрылись, затворили главные ворота города и расставили на стенах пушки.

На следующее утро ачехцы почтительно донесли его высочеству, что в лагере не осталось никого из вельмож Патани, прибывших с ним,— все прошлой ночью бежали в низовья. Царевич был потрясен и разгневан этим известием. Он повелел приготовить к выезду слона, воссел в башенке напротив Данг Сират и отправился вдоль реки в низовья, сопровождаемый джохорцами и ачехцами. Достигнув Танджунга, он приказал ачехцам войти в город и посмотреть, что там происходит, однако же, когда ачехцы приблизились к городским воротам, они нашли их закрытыми и увидели, что на стенах во множестве расставлены пушки. Они возвратились к его высочеству и почтительно донесли обо всем, что видели и слышали. Тогда царевич вновь воссел на слона и направил его в верховья, держа путь к Пасиру Бендараджа *. Когда же его высочество прибыл в Пасир Бендараджа, преследовавшее его многочисленное войско Патани напало на ачехцев и перебило их до последнего, так что вся дорога была усеяна телами убитых и раненых.

Его высочество двинулся дальше вверх по реке, достиг Табиха и, сойдя со слона, остановился под деревом джамбу. Там он своей рукой убил Данг Сират и повелел жителям деревни Табих похоронить ее у подножия горы Букит Табих. Потом вновь сел на слона и направился в Саи. Царица же наказала своим людям проводить его туда и повелела бендахаре Саи дать царевичу лодку.

Меж тем его высочество достиг Саи, бендахара почтительно передал ему две лодки и запас риса в дорогу, и царевич отплыл назад в Джохор. Матушка же его осталась в Патани, ибо его высочество не мог проникнуть в город.

ПОВЕСТЬ О МАРОНГЕ МАХАВАНГСЕ (Кедахские анналы)

«Повесть о Маронге Махавангсе», хроника южного соседа Патани, султаната Кедах, одно время привлекала пристальное внимание ученых, надеявшихся почерпнуть из нее данные о домусульманской истории этого государства, являвшегося оплотом Шривиджайи на континенте. Однако, хотя повесть сохранила воспоминания даже о таком старейшем малайском государстве полуострова, как Лангкасука (возникло в I в.), содержание ее не могло не разочаровать исследователей. Произведение квалифицировалось ими как полное анахронизмов и ошибок «собрание сказок», предлагавшее читателю вместо достоверной информации о прошлом набор шаблонных мотивов из возмужебно-авантюрных повестей.

Действительно, как источник по древней истории Кедаха «Повесть о Маронге Махавангсе» не представляет большой ценности, но ее автор к этому и не стремился. Он писал свою повесть в первые десятилетия XIX в. — «смутное время» в истории Кедаха — и в форме весьма прозрачных намеков и инсказаний отразил в ней многие злободневные события. Однако и рассказ о прошлом, в котором без труда узнавалось бы настоящее, не был его единственной целью. Автор повести стремился к большему: исходя из мусульманского миропонимания и привлекая разнородные литературные источники, так организовать кедахские предания о прошлом, чтобы обнаружить и обличить незримые силы зла, тайно действующие в истории, их влиянием объяснить прежние и нынешние бедствия страны и в возможности победы над ними почерпнуть надежду на будущее.

Начинается повесть сказкой-притчей о мифической птице гаруде, пообещавшей пророку Сулейману помешать браку румского царевича и китайской царевны. Хотя гаруде и удастся потопить флот царевича, плывущего в Китай, и похитить царевну, жених и невеста все же соединяются, и Сулейман произносит краткую проповедь о неизбежности того, что предначертано Аллахом. С помощью этой сказки, весьма близкой персидскому «Рассказу о пророке Сулеймане, птице Симург и предопределении судьбы» и вообравшей ряд мотивов из «Повести о Сери Раме» (некоторые малайские далаги поныне считают, что резиденция Раваны, Лангкау-ри, — это остров Лангкави, расположенный у побережья Кедаха), выражается первый тезис историко-философской концепции автора. Исторические судьбы Кедаха не могли быть иными, ибо такова воля Аллаха.

Далее следует легендарно-исторический раздел, повествующий об основании Маронгом Махавангсой, сопровождавшим румского царевича, города Лангкасука — предшественника Кедаха и быстро превращенного его в процветающий и многолюдный порт. Однако основание города в непо-

средственной близости от Лангкапури, обиталища раккас, сулит государству не только нынешнее благоденствие, но и будущие беды. Дело в том, что Маронг Махавангса — сын небожителей вопреки воле отца и матери берет в жены демоницу-гергаси, то есть ракасу. Гергаси к тому же являются исконными обитателями Лангкасуки. Таким образом, Маронг Махавангса не только создаст государство в стране демонов, но по его вине в жилах кедахских государей смешивается кровь как небожителей, так и демонических существ. Так, покуда еще не явным образом автор делает следующий шаг в развитии своей концепции: по неотвратимому предначертанию Аллаха над Кедахом тяготеет проклятие — незащищенность от сил зла. Как бы в предостережение потомкам Маронг Махавангса, покидая Лангкасуку, переименовывает ее в Кедах Замин Туран, то есть в Туранский Кедах, ибо в персидской мифологии, отраженной, в частности, в «Шах-наме» Фирдоуси, Туран — это царство злых сил, неустанную борьбу с которым ведет Иран — царство сил добра.

Под властью наследника Маронга Махавангсы страна продолжает благоденствовать. Его дети правят уже не только в Кедахе, но и становятся основателями династий соседних стран — Перака, Патапи и Сиама. Но уже в следующем поколении будущие невзгоды предвещает брак царевича Махаиндравангсы, берущего в жены гергаси, подобно прадеду. Не в силах удержать сына от рокового шага, государь Кедаха умирает, предсказывая, что его впуск, следуя своим демоническим страстям, ввергнет страну в смуту. И действительно, сын Махаиндравангсы, прозванный Раджой Берсиунгом — Клыкатым Государем, становится людоедом, опустошает страну и вынуждает народ поднять восстание и свергнуть тирана (этот эпизод приводится ниже в переводе). Вполне возможно, что рассказ о царь-людоеде в гиперболизированной форме отражает реальные воспоминания о каком-то особенно жестоком правителе. Однако для понимания историсофии автора повести более важна не эта догадка, а достаточно очевидные литературные источники рассказа о царь-людоеде, важнейшим из которых является персидское предание о жестоком тиране Заххаке, подробно изложенное в «Шах-наме» и отразившееся в ряде малайских произведений.

В «Шах-наме» повествуется о том, как благодаря своему кулинарному искусству Иблис совратил Заххака, прикормив его к мясной пище. В награду Заххак позволил Иблису поцеловать себя в плечи, и тотчас из его плеч выросли две змеи, жестоко мучившие царя. Чтобы облегчить свои страдания, Заххак ежедневно казнил двух юношей и кормил змей их мозгом. Не выдержав тирании Заххака, целое тысячелетие опустошавшей страну, иранцы восстали и свергли его с престола. Предания о царь-людоеде и Заххаке совпадают не только в общем, но и во множестве деталей. С особой очевидностью о персидских истоках малайского рассказа свидетельствует упоминавшееся переименование Кедаха в Туран. Как и в эпизоде с гарудой, создатель повести весьма волюнтаризмически персидский источник и сплавил его с близкой по содержанию «Сутасомаджатакой». Джатака позволила ему обострить конфликт, сделав людоедом самого царя, а также приписать ему рождение от человека и демоницы (в джатаке людоед рождается от союза царя и львицы).

В рассказе о царь-людоеде концепция Кедаха как «второго Турана» (вопреки персидской традиции автор повести, очевидно, считает Заххака туранцем), пребывающего по воле Аллаха во власти демонических сил, достигает апогея. За изгнанием правителя следует период смут, которые несколько утихают после того, как мудрый слон возводит на престол сына Раджи Берсиунга. Но силы зла еще не обузданы. Над страной вновь нависает угроза хаоса, ибо страсть внука людоеда к вину заставляет его забыть о государственных делах.

На этом изложение кедахской «истории» резко обрывается, сменяясь также восходящим к мусульманскому источнику рассказом о путешествии шейха Абдуллаха Ямани с дьяволом — Иблисом. Это третий кардинальный момент концепции автора. Если в предшествующей части повести активность сил зла в истории была только «локально» показана, но

не исследована во всей полноте, то путешествие шейха Абдуллаха позволяет автору развернуть широкую панораму всевозможных пороков — индивидуальных, социальных, политических; указать на их источник (искушение Иблиса) и вскрыть механизм их действия. Демонические силы не столько понуждают к злодеяниям, сколько помогают людям «предрасположенным», внутренне порочным, сделать последний шаг к их осуществлению. При этом злодеяние не приносит никакой выгоды тому, кто его совершает. Он остается ни с чем или гибнет вместе с жертвой. Оба эти момента представлены в истории царя-людоеда, которая тем самым истолковывается как одно из звеньев в цепи дьявольских прельщений. Так получает окончательное объяснение трагедия кедахской истории. Шейх обращает страгу в ислам и, таким образом застав демонов, вновь закладывает основу ее процветания. Автор как бы говорит, что лишь преданность «истинной вере» способна снять с Кедаха древнее проклятие. Повесть же его преследует цель истолковать сокровенный смысл истории и подсказать своеобразным «историческим адабом» для наставления государей.

Раджа-людоед¹

В то время за малейшую провинность людей стали хватать, заковывать в цепи и бросать в темницу. И четырех везиров обуяло великое беспокойство, ибо деяния его величества являли в нем жестокого тирана, правом вовсе не схожего с государями прежних времен. Он взял в жены малайку, что была на редкость хороша собой и благоправна, и у нее собирались все, у кого были жалобы. Везиры душевно привязались к государыне и как-то раз послали к ней жен и дочерей, умоляя увещанием склонить его величество к сдержанности и справедливости, однако же государь не внял их советам(...)

Однажды, восседая перед придворными, молвил его величество одному из везиров: «Приблизься и взгляни, что это так болит у меня между двумя передними зубами. Словно бы там растет что-то и вот-вот прорежется». Везир осмотрел зубы государя и ответствовал с почтительным поклоном: «Это режется клык, о господи мой». Молвил его величество: «Думаю, я уже не в тех летах, когда режутся клыки». И добавил, смеясь: «Если здесь должен был вырасти клык, это случилось бы давно, еще в пору моего детства». С почтительным поклоном спросил везир: «Какую из своих любимых приправ к рису вкушал господин в последние дни?» Смеясь, ответствовал государь: «Больше всего я люблю подливку из стеблей баяма, тушеных в масле вместе с листьями». С почтительным поклоном сказал везир: «Не откажется ли от нее господину, как знать, не от овощной ли подливки случилось такое с его зубами?» Молвил государь: «Как же мне отказаться от этой подливки, если с самого детства, вот уже полжизни, я ее ем — ни утром, ни вечером не притрагиваюсь без нее к рису». При тех его словах все придворные замолчали.

Так люди узнали, что у государя Онга Маха Периты Дерири вырос клык и прозвали его Раджой Берсиунгом — Клыкастым Государем.

¹ Перевод по источникам [31; 5].

Как-то раз Раджа Берсиунг восседал в зале для приемов. Когда же время подошло к полудню, он удалился во внутренние покои, чтобы искупаться. В то время одна из кухарок резала на кухне баям, спеша приготовить государю острую подливку, но зазевалась и поранила ножом кончик пальца. Не мешкая схватила она тряпицу, замотала ею палец, добавила в баям приправы и поставила на огонь. Но когда она начала мять тушеный баям, в него все же капнула капелька крови. Приметив это, она хотела было приготовить новую подливку, но не успела, ибо государь уже вернулся из купальни и потребовал обед. Вылив приготовленное яство на блюдо, она поспешила к государю. Он же стал вкушать рис, поливая его пряной подливкой, отведав, удивился, что на этот раз она вкусней, чем всегда, и съел целый горшок той подливки.

Закончив трапезу, государь вымыл руки, пожевал бетель и спросил, вынимая из ножен меч: «Кто из кухарок готовил сегодня рис и подливку?» Кухарка тотчас предстала перед государем и почтительно ему поклонилась. Молвил Раджа Берсиунг: «Эй, кухарка, признавайся, какие приправы ты клала сегодня в подливку, что подала мне к столу? По вкусу она была совсем не такой, как обычно. Не скажешь правду — я убью тебя этим мечом!» Подумала про себя кухарка: «Стану запираяться — ве избежну смерти и скажу правду — тоже умру. Лучше уж рассказать все, как было» — и сказала с почтительным поклоном: «Помилуйте, о господин мой, когда ваше величество удалились в купальню, я как раз резала баям и поранила ножом палец. Тотчас замотала я его тряпицей и, думая, что ранка невелика, добавила в баям обычные приправы и поставила на огонь. Когда же стала его протирать, в подливку попала капелька крови. Хотела я было приготовить другую подливку, да не успела — ваше величество возвратились из купальни и потребовали обед. Вот и все, что я могу поведать господину. Если он желает лишить жизни свою рабу, пусть сделает это».

Выслушав почтительный ответ кухарки, Раджа Берсиунг вложил меч в ножны и вышел в зал для приемов.

Молвил государь: «Где воины и посыльные? Не приказывал ли я сегодня предать кого-нибудь позорной казни? Соберите кровь казненного в чашу и принесите мне!» Воины и посыльные почтительно поклонились, взяли чашу и поспешили в темницу к смертнику. Того казнили, наполнили чашу кровью и почтительно поднесли Радже Берсиунгу. Он же с чашей в руках отправился на кухню, повелел кухарке приготовить подливку и влил кровь в горшок с подливкой, когда та почти поспела. Закончив стряпню, кухарка выложила готовое яство на блюдо и отнесла Радже Берсиунгу. Он же, отведав подливки, нашел, что она еще вкуснее прежней.

На следующий день государь приказал казнить еще одного смертника, собрать его кровь, зажарить печень казненного и по-

тушить ее в крови. Новое яство показалось Радже Берсиунгу вкусней всего, что он когда-либо ел, и с той поры он был уже не в силах отказаться от человеческой крови и печени и не мог есть рис ни с какой другой приправой. Каждый день Раджа Берсиунг казнил узника. Потом стал хватать ни в чем не повинных людей. И вскоре в окрестностях города воцарилась мертвая тишина, ибо вокруг не осталось ни души. Государю же не было до того дела. Он думал только о том, как бы поесть человеческой печени и крови, и казнил всех узников до последнего. Весть об этом разнеслась по городу и достигла сопредельных стран. Великое смятение обуюло горожан. С криками и плачем приходили они к везирам и военачальникам. Одни жаловались, что убиты их дети, другие — что казнены их отцы. Так они и гибли один за другим, а государь утолял голод их кровью.

В то время в Сери Гунунг Леданг жил злокозненный чародей по имени Кампар, постигший тайны оборотничества и неуязвимости в бою. Узнав о деяниях Раджи Берсиунга, он нарочно совершил какую-то провинность, был схвачен и доставлен пред лицо государя. Раджа Берсиунг тотчас же спустился к нему с обнаженным мечом в руках и повелел: «Казнить его!» Воскликнул Кампар: «Никак, раджа казнит человека, не дознавшись прежде, в чем его вина!» Раджа Берсиунг в гневе бросился к Кампару и замахнулся мечом, желая его зарубить. Кампар же крикнул: «Эй, раджа, не лишился ли ты рассудка, что собираешься без дознания убить человека?! Если ты вправду желаешь отведать человеческой печени и крови, освободи меня от пут — безоружный я не смогу с тобой сражаться. Тогда убей и лакомясь в свое удовольствие».

Услышав те слова, Раджа Берсиунг разгневался еще сильнее и ударил Кампара мечом, так что разрубленные путы упали с него, однако же тот удар не причинил чародею никакого вреда. Кампар захохотал и крикнул: «Должно быть, сегодня государь вдосталь наладомится моей печенью и кровью!» Раджа Берсиунг тотчас вновь ударил его мечом, но Кампар увернулся, и меч его не задел. Раз за разом взмахивал государь мечом, но тщетно — Кампар, громко смеясь, стоял перед ним невредимым. Тогда Раджа Берсиунг повелел своим людям колоть Кампара копьями и рубить мечами, и те, кинувшись на чародея, принялись осыпать его ударами, но ни один из них не причинил ему вреда. Кампар по-прежнему хохотал и приговаривал: «Гляньте-ка на этого раджу, что без ума от человеческой печени и крови! Сдается мне, что ему их не видать, а вот с кабаном он сегодня повстречается». Государь, не помня себя, схватил копьё и ударил им Кампара, и тотчас еще больше слуг сбежалось колоть его и рубить.

Поднялся ужасный переполох. Люди в страхе передавали друг другу, что за стенами государственного дворца кто-то впал в амок. Кампар же, который устал уворачиваться и отбивать уда-

ры мечей и копий, вдруг сделал резкое движение и обернулся огромным кабаном со страшными клыками. Стремительно бросился кабан на Раджу Берсиунга и ударил его мордой в нах. Государь рухнул наземь, копые его сломалось, и наконецник отлетел в сторону, даже не ранив кабана. Кабан вновь кинулся на Раджу Берсиунга и начал катать его по земле, то повергая на спину, то швыряя лицом вниз, так что государь вконец обезумел. А кабан тем временем сорвал с него кайн и баджу и разодрал в клочья. Поспешно вскочив на ноги, Раджа Берсиунг схватил меч, в беспамятстве стал опять наносить кабану удары, и вместе с ним сотни людей принялись рубить его и колоть.

Тогда кабан судорожно задергался и обернулся королевской коброй — толщиной с кокосовую пальму — с ощеренным жалом и глазами будто гонги. Увидев ту огромную кобру, иные из людей Раджи Берсиунга в ужасе бросились врассыпную, а иные, схватив по палке, с криками, гремевшими, словно раскаты грома, кинулись убивать змею. Кобра поползла к Радже Берсиунгу, который пустился наутек и спрятался за деревом. В то время везиры и военачальники государя с оружием в руках вбежали за ограду дворца и с криками заметались в поисках врага.

Приметив, что народу во дворце стало еще больше, кобра не мешкая обернулась свирепым королевским тигром, который рычал, заглушая голоса людей, словно труба Судного дня. Тигр набросился на многолюдную толпу воинов, и те поспешно разбежались, размахивая оружием и разя в суматохе друг друга. Потом же стал кидаться на них то справа, то слева. Когда четверо везиров увидели взбешенного тигра, они принялись палить в него из пистолей, и тигр в страхе отпрянул в сторону, либо, хотя и не был ранен, ошалел от страшной боли, которую причиняли ему пули, отлетавшие от него в разные стороны и расплющивавшиеся. С грозным рычанием ринулся он прочь из дворца, ударами лап прокладывая себе путь к воротам, выскочил за стену и огромными прыжками пустился к лесу. Воины погнались было за ним, но не могли настичь, и Кампар остался жив, спасшись бегством.

Что же до четырех везиров, то, изгнав своими выстрелами тигра из дворца, они отправились назад в зал для приемов в поисках человека, впавшего в амок, и по дороге наткнулись на совершенно голого Раджу Берсиунга, прятавшегося за деревом. Тотчас один из них снял кайн, подал государю и, убедив его подняться из балей, повелел слугам собрать обломки оружия, разбросанного в крепости. А тем временем вернулись воины, преследовавшие тигра, и донесли, что он скрылся в лесу. Так четверо везиров постигли нрав Раджи Берсиунга, который от своей страсти к человеческой крови и печени лишился рассудка, и приказали всем, собравшимся во дворце, успокоиться и разойтись по домам.

Как-то вечером четверо везиров сговорились отправиться во дворец, чтобы предстать перед Раджей Берсиунгом. Он же в то время восседал в зале для приемов. С почтительным поклоном молвил старший из везиров: «Мы, четверо братьев, явились пред лицо господина, дабы повергнуть к его стопам нашу мольбу положить конец казням и не убивать более каждый день по человеку, ибо весьма велик плач их отцов, матерей, детей и сородичей». Ответствовал Раджа Берсиунг: «Не смейте возбранять мне сего, я и слышать об этом не желаю». С почтительным поклоном сказали везиры: «Если продолжатся казни, о господин, дойдет черед и до наших детей и внуков, ибо все подданные разбегутся по чужим странам. С кем же останется господин, с кем перемолвится словом, кто будет нести службу во дворце, когда он истребит всех рабов, дабы насытиться их печеню и кровью». Ответствовал Раджа Берсиунг: «Зачем гадать о тех временах, когда я останусь один. Слава Богу, пока я еще государь и не желаю менять своих привычек». С почтительным поклоном сказали тогда везиры: «Если вы и впредь будете так поступать, все четверо ваших рабов восстанут против вас, ибо со времен дедов и прадедов господина никто не убивал людей, чтобы пожарить их печеню и кровь». Ответствовал государь: «Что ж, если вы осмелитесь вчетвером напасть на меня, дабы лишить меня жизни, я буду биться с вами, покуда достанет сил».

С теми словами Раджа Берсиунг удалился во внутренние покои и, побеседовав с женой и дворцовой челядью, повелел воинам и посыльным, несшим стражу в крепости: «Выкатите пушки на стены, приготовьте к бою оружие и поставьте часовых во всех четырех углах укреплений!» В то время за стенами дворца находилось более пятисот рабов, на которых Раджа Берсиунг полагался, и рабы приготовили все к бою и стали ждать штурма.

На следующее утро четверо везиров бросили клич всем воинам Кедаха от верховья до устья реки, ударили в великий государев барабан, подавая сигнал к сбору, и повелели своим людям явиться с оружием. Услышав, что везиры решились восстать против Раджи Берсиунга, жители страны, люто его ненавидевшие, не мешкая собрались в полном вооружении.

Меж тем государыня, жена Раджи Берсиунга, пребывала в великом смятении, страшась в душе, как бы из-за злобного нрава ее мужа не погибли и не были бы перебиты все, кто оставался в крепости. Она призвала к себе четырех прислужниц высшего рода и велела им отправиться к везирам и поведать о ее беспокойстве за жизнь обитателей дворца. Молвили везиры: «Да будет так, если государыня готова вступить с нами в сговор, мы сохраним жизнь дворцовой челяди и убьем одного лишь Раджу Берсиунга». С почтительным поклоном ответствовали прислужницы государыни: «Ее величество готова исполнить любое ваше желание». Сказали четверо везиров: «Повергните сию почтительную просьбу к стопам ее величества — пусть заряжают

пушки только порохом и не вкладывают ядра, дабы не причинить вреда нам и нашим войнам». Выслушав те слова везиров, прислужницы государыни испросили соизволения удалиться и, представ перед ее величеством, передали их ей. Государыня, весьма обрадованная, позвала к себе предводителей дворцовых воинов и рассказала им о просьбе везиров. Оба предводителя почтительно поклонились и ответствовали: «Любое повеление госпожи мы, ее старшие слуги, прикажем исполнить всем войнам в крепости».

Тем временем к четырем везирам в полной боевой готовности явились их войска, и тогда они разделили воинов на четыре отряда и, дав каждому множество оружия, послали под стены крепости. Когда все было готово к штурму, знаменосцы развернули стяги, барабанщики по приказу ударили в боевые барабаны, дабы придать мужества малодушным, и все отряды с криками, подобными громовым раскатам, с четырех сторон устремились к крепостным стенам и одновременно достигли их.

Видя это, Раджа Берсиунг облачился для битвы. Обмотал вокруг пояса кушак из кашмирской ткани огненного цвета длиною в сорок локтей, голову повязал вышитым платком, подвесил крис в золотых ножнах к перевязи, спускавшейся с левого плеча к правому бедру, накинул атласное баджу, затканное золотыми узорами в виде семян баяма. Весьма грозен был вид государя, в руках же он сжимал копьё с изогнутым острием, сверкавшим словно молния. Поспешно выйдя из дворца, он побежал вдоль крепостных стен, приказывая своим людям палить из пушек, что уже были заряжены порохом, метать копыя со стен и запереть на замки все ворота. Когда пять сотен защитников крепости с громкими криками и возгласами кинулись исполнять те приказы, поднялся невообразимый шум, и в тот же миг крепость словно бы содрогнулась от земного труса, ибо огромная армия восставших с четырех сторон устремилась на штурм. Грянь в ту пору в небесах гром, его раскаты потонули бы в страшном реве наступающих и обороняющихся.

Везиры, командовавшие четырьмя отрядами, в душе весьма тревожились, видя, что их воины не могут приблизиться к стенам, земля перед которыми была скользкой, словно политая маслом. На голову штурмующим валились заостренные бревна, которые, хоть и не ранили воинов, причиняли им тяжкие ушибы. И все же никто из наступающих не погиб.

Четверо везиров в гнев послали часть войска в лес валить деревья и сколачивать из них осадные лестницы. Услышав приказ предводителей, воины поспешно наготовили бревен с зарубками, сколотили лестницы и с криками и возгласами, каких себе и не вообразить, стали взбираться на стены. Защитники же крепости с великим шумом отражали натиск и сталкивали их вниз, так что штурмующие, подобно спелым плодам, падали на землю, и все это напоминало детскую игру. Не испытывая страха,

сражались они в пороховом дыму, от коего все вокруг окуталось мглой. Во мгле оглушительно грохотали пушки, и Раджа Берсиунг думал, что вражеское войско понесло большой урон в бою, длившемся восемь суток, не утихавшем ни ночью, ни днем.

На восьмой день войско четырех везиров захватило оборонительные галереи на стенах. Раджа Берсиунг заметался по крепости, приказывая своим людям палить из ружей и пушек и колоть нападающих копьями, но вдруг заметил, что ни один из вражеских воинов не убит и даже не ранен. Четверо же везиров, лишь только ворвались в крепость, тотчас устремились на розыски государя, который, заслышав их голоса, кинулся искать, где бы укрыться, отворил потайную дверцу в восточной стене и побежал к лесу.

Когда везирам донесли, что Раджа Берсиунг скрылся в лесу, двое из них остались в крепости, дабы на всякий случай продолжить розыски, а двое бросились в погоню за беглецом и, крича, словно охотники, загоняющие оленя, углубились в лес. Поняв, что за ним отрядили погоню, Раджа Берсиунг помчался что было сил, не разбирая дороги. Он пролезал под поваленными стволами, падал то на живот, то на спину, вскакивал и устремлялся дальше, теряя по пути одежду и оружие. Так бежал он весь день до ночи и всю ночь до следующего утра, преследуемый по пятам людьми везиров. Двое же их товарищей, оставшись в крепости, также продолжали поиски Раджи Берсиунга и, опасаясь, как бы тому не удалось надежно спрятаться, обшарили весь дворец вплоть до кухни, а потом собрались со своими воинами в зале для приемов и стали ждать тех двоих, что отправились в лес. На следующее утро, так и не поймав Раджу Берсиунга, везиры возвратились из леса, и город отдался под их покровительство. Когда погоня вернулась, все воины простились с везирами, разошлись по домам и занялись добыванием хлеба насущного.

Шейх Абдуллах и повелитель бесов

Однажды шейх Абдуллах пришел к своему учителю шейху Абдуллаху-старшему и сказал: «Если господин позволит, я хотел бы попросить у него устроить мне встречу с повелителем бесов и дьяволов, дабы поучиться у него и взглянуть, как он вводит в соблазн людей и иных божьих тварей». Услышав ту просьбу ученика, шейх Абдуллах-старший засмеялся и так отвечал ему: «Не могу я тебе позволить встречаться с повелителем бесов и дьяволов, ибо тогда ты непременно оставишь дела благочестия, творимые пред Всевышним Аллахом, и свернешь на ложный путь». С почтительным поклоном сказал Абдуллах-младший учителю: «Хоть мне и придется ненадолго их оставить, я все же прошу разрешения пойти поглядеть на проделки дьявола, дабы все их изучить». Сказал учитель Абдул-

лаху-младшему: «Если так, оденься с великим тщанием, ничего не упустив, выйди на луг и сядь под высоким деревом. Когда приблизится полуденный час и смолкнут окрест все звуки, туда придет тот, кого называют повелителем бесов и дьяволов. Даст Бог, он явится в человеческом облике и ты сможешь спрашивать его о чем пожелаешь».

Услышав те слова, шейх Абдуллах-младший испросил у учителя соизволения удалиться и отправился закусить перед дорогой. Потом с великим тщанием оделся, совершил омовение и, придя к высокому дереву, в полном одиночестве уселся под ним и принялся повторять вслух стихи Корана. А шейх Абдуллах-старший, когда его ученик ушел, также совершил омовение, сотворил молитву в два rakata, приветствовал Аллаха и, простерши руки, стал просить Господа — преславлен Он и возвышен! — даровать его ученику, сидящему под высоким деревом, встречу с дьяволом, а затем помолился об исполнении его желания.

Меж тем Абдуллах-младший до полудня просидел под деревом, без передышки, негромко читая Коран; видя же, что никто не появляется, начал читать громче. Внезапно слышались шаги, и тотчас кто-то пребольно ударил его по правой щеке. Шейх стал озираться по сторонам, но не увидел обидчика. Тогда, потирая щеку, дабы умерить боль, он опять принялся за чтение Корана и ни на миг не останавливался. Тотчас кто-то вновь приблизился к нему и еще больнее ударил по левой щеке. В страхе шейх оглянулся и, по-прежнему никого не видя, опрометью бросился к дому, думая, что третьего такого удара ему не пережить.

Вскоре Абдуллах-младший снова явился к учителю, и тот спросил, отчего не исполнилось его желание встретиться с дьяволом. Ответствовал Абдуллах-младший: «Хоть я его и не видел, думаю, мы все же встретились, ибо он влепил мне две такие затрешины, что, казалось, с каждой стороны лица у меня выдрали по зубу». Спросил учитель: «А что ты делал, покуда ждал под деревом?» Ответствовал Абдуллах-младший: «Ничего особенного, сидел тихо и читал Коран». Молвил учитель: «Тогда понятно, почему дьявол тебе не показался, — его отпугивают стихи Корана». Сказал Абдуллах-младший: «Не знал я, что он боится Корана, да и читал-то я ведь вполголоса». Ответствовал учитель: «Заслышав даже тихое чтение Корана, он непременно удаляется». Сказал Абдуллах-младший: «Если так, завтра я вновь отправлюсь к тому дереву, буду сидеть молча и не пророню ни слова». И Абдуллах-младший решил подождать до утра.

На следующее утро он вновь зашел к учителю, испросил у него разрешения отправиться к высокому дереву и удалился. Учитель же, как и накануне, помолился о ниспослании встречи. На этот раз шейх Абдуллах хранил молчание и не проронил ни единого слова до самого полудня. В полдень же, когда все окрест затихло, пред ним явился старец весьма грозного и

страшного вида с длинной бородой — до живота. На том старце были зеленая чалма и халат, а в руке он сжимал посох. Приблизившись к шейху Абдуллаху, старец его приветствовал. Шейх без промедления ответил на приветствие и спросил: «Кто ты, о господин мой?» Молвил старец: «Разве не со мной ты ищешь встречи?» Сказал шейх Абдуллах: «Тогда ты, верно, повелитель бесов?» Ответствовал старец: «Воистину я повелитель всех бесов и дьяволов. Чего ты от меня хочешь?» Сказал шейх Абдуллах: «Я хочу, чтобы ты стал моим учителем». Ответствовал старец: «Чему же ты хочешь у меня научиться, ведь, что ни день, я вершу дела, кои тебе не по нраву; все, подобные тебе, их осуждают. Не можешь ты им учиться, ибо по природе ни в чем не сходишь со мной и моими бесчисленными детьми и внуками, что наполняют мир». Ответствовал шейх Абдуллах: «Все же научи меня; что бы ты ни делал, я не стану противиться твоим желанием». Сказал повелитель бесов: «Если такова твоя воля, ухватись за мой посох и отправимся в путь». Шейх Абдуллах тотчас ухватился за посох дьявола и последовал за ним. Оба стали невидимы, в мгновение ока преодолевали месячный переход и темной ночью видели, словно в ясный день. Странствуя, достигли они многолюдной деревни, где уже собрались сонмища детей и внуков дьявола. Староста деревни на чем свет стоит бравил кого-то из жителей, и спорящих поддерживали родичи — равное число с обеих сторон. Видя это, повелитель бесов приказал своим детям и внукам окружить спорщиков, тайно вселиться в их души и подговорить начать побоище. Жители деревни с оглушительными яростными воплями, каких люди еще и не слыхивали, бросились убивать друг друга, иные из них пили кровь противников; бились же, покуда все не попадали замертво. Тогда жены и матери убитых, желая последовать в смерти за сыновьями, мужьями и братьями, схватили оружие и бесстрашно бросились друг на друга, ибо сильно было дьявольское наваждение. Никому не принесла пользы та битва — все жители деревни пали мертвыми.

Когда деревня обезлюдела, повелитель бесов, оставив в ней своих детей и внуков, отправился дальше. Придя на базар, где продавались и покупались всевозможные товары и снедь, он подошел к выгребной яме, полной мочи и нечистот, и кликнул свое отродье. Сам же вместе с шейхом приблизился к какой-то красотке и сказал: «Почитаю-ка я свою книгу». Подойдя к женщине вплотную, повелитель бесов слегка приспустил одежду на ее груди, словно бы красотка подавала знак, и подтолкнул к ней юношу, конй принялся с ней любезничать и заигрывать. В это время возвратился муж красотки и в гневе бросился на юношу. Повелитель бесов повелел детям и внукам подстрекнуть их схватиться за оружие, и те лишили друг друга жизни.

Повелитель бесов пошел дальше и сказал: «Поучительствую я и здесь немного». Подойдя к толпе игроков в кости, он посо-

ветовал проигравшимся заложить одежду и поставить на кон все свое имущество. Они же, опять проигравшись, пришли в ярость, ибо лишились всего. Жизнь показалась им хуже смерти, и они мечтали лишь о том, как бы вернуть утраченное достояние, жен и детей. Тогда дьявол стал подстрекать их силой отнять свое добро у противников, а те в гневе схватились за крысы, и все принялись с криками разить друг друга.

Преподав урок игрокам, повелитель бесов отошел от них и отправился в лавку богатого купца, весьма искусного в торговле, где толпилось множество торговцев и странников, покупавших и продававших всевозможные товары. У купца же одна гирия была поменьше, а другая — побольше, одна мерка — поменьше, а другая — побольше. Если купец что-либо продавал, он ставил на весы меньшую гирию и мерял меньшей меркой, если же покупал, ставил большую гирию и мерил большей меркой. Когда один из торговцев, покупавших и продававших в лавке того купца, постиг его уловку, повелитель бесов стал подстрекать его, чтобы он не позволял купцу вершить обман втайне от людей. Купец тотчас принялся бранить торговца на чем свет стоит, тот же, придя в ярость, обнажил крис и ранил купца в грудь, так что тот испустил дух. А у купца было множество детей и внуков. Сбежавшись в лавку, они принялись сражаться с торговцем, у которого также нашлось немало приятелей. Все они с криками бросились друг на друга и бились, покуда в лавке не образовалась груда трупов. Тела убитых разнесли по домам, а умершего купца с раной в груди и проломанным черепом схоронили. Вскоре из его могилы стали доноситься крики: «Малая гирия, большая гирия, малая мерка, большая мерка». И те крики были слышны семь дней и семь ночей. Таковы люди, покорные дьявольским страстям — алчности и жадности до чужого добра. Так становятся они сотоварищами нечистого, увлекающего их в преисподнюю, ибо отмечены его печатью.

Владыка бесов вместе с шейхом Абдуллахом отправился дальше и пришел в лес, где скрывалось с десяток разбойников. Уже несколько лет жили они в лесу и собрали там горы награбленных сокровищ, которые как раз собрались делить. Одни кричали: «У вас слишком много!» Другие же: «Нет, нам этого мало!» — и так спорили между собой. Сказал дьявол: «Затею-ка я между ними ссору». И с теми словами вселил в их души злобные мысли. Разбойники бросились убивать друг друга, когда же наносили удары, глаза их от ярости наливались кровью, словно у раненых кабанов. А дети и внуки нечистого громко кричали, били в ладоши и визжали, ибо все воры поддались их наущению и вскоре погибли мертвыми кто где.

Повелитель бесов и шейх Абдуллах отправились дальше и пришли в некий город. Сказал повелитель бесов шейху: «Зайду-ка я в свою мечеть». С теми словами он вошел в лавку, где продавали опиум, и нашел там множество игроков в кости и ку-

рильщиков опиума. Эта лавка и называлась мечетью дьявола.

Покинув ее, они продолжали свой путь и повстречали несколько молоденьких девушек. Повелитель бесов приблизился к ним и заставил творить греховные дела, когда же его желание исполнилось, сонмище детей и внуков нечистого весьма возрадовалось и принялось бить в ладоши, визжать и вопить.

Потом они отправились дальше и пришли в квартал, где стоял дом некоего неправедного судьи — советника государя этого города. В то время у него собралось множество просителей, требовавших суда над обидчиками, незаконно нарушившими их права. Один просил наказать тех, кто отнял у него землю и дом, другой жаловался, что у него одолжили лодку и теперь не желают возвращать, третий же — что некто похитил и взял в жены его рабыню. Повелитель бесов явился к судье, сел подле него, принял к его уху и заронил в душу судьи тайную мысль приказать, чтобы собрали все имущество просителей, отняли у них и снесли в его дом. Тогда дьявол повелел своему отродью доставить в дом судьи имущество, детей, жен и рабов просителей. У тех же, кто побогаче, отнять то, что где-либо припрятано, и также принести судье. Нечисть исполнила повеление и в мгновение ока собрала все добро просителей в доме судьи, возведенном на алчности и жадности.

Меж тем повелитель бесов оставил судью и смешался с толпой владельцев отобранного имущества, мужчин и женщин, собравшихся у дома судьи, и всех тех, кто пытался рассудить спорящих, из коих одни настаивали на правоте истцов, другие же ее отрицали. Что же до судьи, то он не захотел выносить никакого приговора, ни с того ни с сего присвоил все достояние затеявших тяжбу и не пожелал разговаривать с теми, кто пришел просить назад свое добро, сказав, что уходит обедать. Когда же судьи скрылся в доме, владельцы захваченного имущества решили вернуть свое добро силой. В гневѣ обнажили они крисы, ввалили в амок и, ворвавшись в дом судьи, убили его, так что ему так и не довелось отведать риса. Тогда дети, внуки и рабы судьи, вооруженные крисами, все разом напали на пришедших — и пошло смертоубийство. Те же, что тщетно надеялись на помощь и защиту судьи, подожгли его дом и квартал, и множество людей судьи, впавших в амок, погибло в огне, дом же и квартал его сгорели дотла, и ветер развеял пепел. Таков удел алчных и жадных до чужого добра.

Повелитель бесов и шейх Абдуллах отправились дальше. Придя в некую страну, повстречали они пятерых дервишей, живших сбором подаяния, которые заплутали в лесу и не могли отыскать дороги к человеческому жилью. За спинами дервишей висели сумы с припасами. Меж тем дервиши набрали на дерево с золотыми и серебряными плодами и цветами. Все ветви дерева от земли и до верхушки были увешаны запястьями, серьгами, браслетами, поясами, подвесками и ожерельями. Дервиши остановились

под деревом, а дьявол незаметно приблизился к ним. Сказали дервиши: «Не золото ли и серебро мы ищем, скитаясь из страны в страну? Нынче же нашли столько, что всего не унести. Что станем делать?» Тогда повелитель бесов тайно проник в души дервишей и повелел им выбросить из сумы взятую в дорогу еду. В безрассудной радости все пятеро выкинули припасы, что были в сумках, и наполнили их приглянувшимися украшениями. Взяв, кто сколько мог унести, они взвалили сумы на спину и тронулись в путь. Иные из них все оглядывались на дерево и, видя, что на нем осталось еще множество понравившихся им вещей, вернулись и повесили целые связки тех украшений себе на шею. Что же до повелителя бесов, то он кликнул своих детей и внуков и повелел им последовать за дервишами и погубить их, заставив блуждать по лесу. И все дьявольское отродье устремилось вслед за пятью дервишами.

Повелитель же бесов направился в город и по пути повстречал человека, предававшегося суровому подвижничеству — с помощью богомерзких чар он хотел обрести богатую силу и стать военачальником. Увидя его, дьявол принял облик шейха с бородой до самой груди, облаченного в зеленый халат и чалму, в руках же он держал гранатовый плод и, приблизясь к подвижнику, приветствовал его. Тот открыл глаза и, ответив на приветствие, спросил: «Кто ты, о господин мой?» Ответствовал повелитель бесов: «Я явился исполнить все твои желания. Отведай сего граната». Подвижник взял из его рук плод и, видя, что от плода исходит сияние, поспешно разодрал кожуру и набил рот до самого горла косточками граната. Тотчас в глазах у него потемнело, рассудок оставил его, и взгляд стал безумным. Гранат же, который он держал в руках, исчез. С дикими воплями заметался подвижник по лесу, ибо его обуяло неистовое бешенство.

Меж тем повелитель бесов явился в город и зашел в медресе, где дети учились читать Коран. Он проник в их души и вселил в них греховные помыслы: одни дети, оставив занятия, принялись за игру, другие же возвратились к родителям. Учитель в гневе принялся бить тех, кто остался. Многие же, увидев, что их товарищей бьют, разбежались. Учитель приказал отцам и матерям тех детей привести их обратно. Когда же они пришли — избил их на глазах у родителей. Отцы и матери учеников разгневались, и меж ними и учителем началась перепалка. Потом учитель дал тем из детей, кто хотел продолжать учение, по парангу и отправил их в лес валить деревья. В лесу же срубленные деревья обрушились на учеников, так что иные получили вывихи, а иных придавило. Оставшиеся в живых вернулись домой и рассказали родителям, что учитель заставляет их работать. Родители забрали у него детей и отдали их в другое медресе. Вот что сотворил повелитель бесов.

Часть детей он взял с собой и повел их смотреть всевозможные зрелища. Когда же родители пришли за детьми в дом к учителю,

там никого не оказалось. Отправившись на поиски, они нашли детей под навесом, где показывали представление ваянга, и стали звать их домой. Дети же начали просить: «Подождите немного, больно уж забавно глядеть на государя, государыню и всех небожителей и духов». Родители с великой радостью сели вместе с детьми смотреть представление. Увлечшись, они забыли о еде и питье, ничего более не сознавали от восторга и не заметили даже, как воры расхитили все их добро. Такие-то дела вершил повелитель бесов, чтобы многие из людей до самой смерти ничему не научились, и, ликуя в душе, приговаривал: «Вот наилучшее учение, кое помогает мне увлекать людей в адские пламя».

Повелитель бесов отправился дальше и повстречал женщину, которая была тяжела. Прежде ни она, ни ее муж не имели детей, и теперь, когда срок ее подошел к концу, они с нетерпением ожидали ребенка. Сказал тогда дьявол своему слуге водяному: «Погуби эту женщину с помощью клада, сокрытого в реке». Водяной согласился, принял облик почтенного старца, облаченного в белые одежды, и отправился к мужу и жене, которые в то время спали. Став у их изголовья, он сказал: «О муж, отведи свою жену к речному омуту и достань из него кувшин с червонным золотом. Тогда ты сможешь взять себе жену по красивей этой». Сквозь сон ответствовал муж: «Как же могу я так поступить с женой, когда она непрадна и срок уже подошел к концу?» Молвил старец: «Возьми ее с собой на рыбную ловлю и, когда заценишь кувшин сетью, не мешкая столкни ее в омут, а сам вытаскивай клад». Так прошло три дня и три ночи, и муж не в силах более противиться искушению, взял с собой жену, отправился к омуту и видит: в нем и вправду плавает кувшин — то покажется, то исчезнет. Муж потянулся было достать его, но кувшин пошел ко дну и скрылся из виду, а потом всплыл опять. Заметив кувшин, жена наклонилась, чтобы разглядеть его, а муж закинул в омут сеть и; держа ее за веревку одной рукой, другой — столкнул жену в воду. Потом потихоньку отпустил веревку и схватил кувшин за горлышко. Когда же доставал его, один из приближенных местного раджи заметил это и донос государю, который приказал схватить мужа. Он же не мог ничего объяснить, и в конце концов его кувшин с золотом достался радже, любимая жена погибла, а вместе с пей и долгожданный ребенок, дарованный по обету. Даже сеть утонула в омуте. Так из-за козней дьявола не исполнилось ни одно его желание.

Повелитель бесов отправился дальше и пришел в некое место, которое называл своей мечетью. Там толпилось множество людей, они смотрели представление ваянга и вызывали духов. Дьяволу захотелось, чтобы устроили еще и буйволиные бои под звуки оркестра, и тотчас же многотысячным сонмищем явилось все его отродье и стало созывать тех, кто стоял поодаль, на представление ваянга и бой буйволов. И все пришедшие взглянуть на зрелища оставили благочестивые дела и праведные труды. Так-то пове-

датель бесов соблазняет людей, которые охотно исполняют всякое его желание и потому попадают в беду.

Теперь продолжим рассказ о пяти дервишах. Вавалив на спину сумы с украшениями и отойдя от дерева, они заблудились в лесу, совсем измучились без воды и пищи, но набрали наконец на какую-то деревню и без сил повалились наземь. Тогда один из них, что был повыносливей, сказал: «Давайте я схожу на базар и куплю какой-нибудь еды». Товарищи дали ему понемногу своих сокровищ, и он накупил всего, что душе угодно. Меж тем дьявол приблизился к дервишу и вселил в него алчность и жадность до сокровищ товарищей. И пришло ему на ум: «Завладею-ка и один всем их добром». Подумав так, он купил муки и приказал напечь из нее хлебцев, а к ним приготовить курятины с пряной приправой. После же выбрал из многих хлебцев четыре, подсыпал в них яду и, отделив от прочих, отнес всю еду товарищам. Все четверо несказанно обрадовались и набросились на яства. Закусив первым хлебцем, взялись за второй. Немного передохнули и вновь принялись за трапезу. Ели они до тех пор, покуда не осталось у них четыре последних хлебца. Вероломный дервиш велел доесть хлебцы, и все засунули в рот еще по куску. Сам же он, забыв обо всем, ел вместе с товарищами. Доев хлебцы, все пятеро упали замертво и остались лежать кто где, а их сокровища достались другим. Вот до чего довели их алчность и жадность.

В ту пору повелитель бесов и шейх Абдуллах вышли из нечистой мечети любителей буйволиных боев и отправились в другой квартал, в дом богатого купца. У того было четыре жены и четыре наложницы — местные уроженки. Когда купец отходил ко сну, все они укладывались вокруг него, ни одной не дозволялось лечь поодаль. Когда повелитель бесов явился в тот дом, он стал внушать восьми женщинам тайную мысль лишить купца мужской силы, проник в их души, под личиной благонравия уговорил каждую добыть колдовское зелье и дать немного купцу. Купец, лишившись мужской силы, опостылел женам, и они пустились во все тяжкие. Вот каково следовать дьявольскому наущению.

Совратив восьмерых женщин, повелитель бесов отправился в дом другого купца, во всем подобного первому, однако же имевшему лишь одну жену. В то время в дом купца явился торговец рабами и привел с собой несказанно прекрасную девушку с золотистой кожей, высокую, стройную, но чуть косящую. Сказали друзья того купца: «О господин, не покупай эту девушку, она введет тебя во грех». Девушка же попросила: «Купи меня, о господин». Купец, которому девушка очень приглянулась, купил ее, сделал ключницей и поставил надзирать за всеми его складами. Девушка начала служить у купца. Как-то раз он послал ее к жене, и, придя к той, она сказала: «О бедная моя госпожа, ваш муж ужасный развратник, недавно я видела, как он согрешил с какой-то девицей в лавке». Жена купца затаила в душе обиду, ключница же, явившись к купцу, сказала: «Будьте начеку, о

господин мой, ибо ваша жена завела молодого любовника и теперь замышляет убить вас». Услышав те слова, купец страшно разгневался на жену. Тогда ключница вновь отправилась к жене купца и подучила ее: «Если хотите вернуть любовь мужа, в полдень, когда он крепко заснет, возьмите острую бритву, подбейте ему бороду, и он вновь вас полюбит». На следующий день купец сделал вид, что заснул, сам же стал прислушиваться, чтобы выведать тайну жены. Тем временем повелитель бесов приблизился к жене купца, а ключница не мешкая подала ей бритву для бритья головы. Жена купца взяла ее, подошла к спящему мужу и присела подле него, чтобы побрить его. А он, почувствовав, что жена ухватила его за бороду, открыл глаза и, увидев в руке у нее бритву, решил, что она и вправду собирается перерезать ему горло. Купец тотчас вскочил на ноги, выхватил крис и заколол жену. Поднялся страшный переполох, слуги кричали, что купец убил свою жену, а ее родичи сбежались, чтобы лишить его жизни. И купец умер вместе с женой. Детей у них не было, и горы нажитого добра достались чужим людям. Такие женщины с косящими глазами и красотки с синяком на груди зовутся лучшими «кингами» дьявола, ибо они постигли всю бесовскую науку <...>

Повелитель бесов и шейх Абдуллах отправились дальше, держа путь в города тех государей, что властвовали над морским побережьем, и увидели большую флотилию судов, чьи владельцы были подданными франкского государя Дэва Молека. Повелитель бесов явился на самое большое судно, которым командовал сам Дэва Молек, известный своим злонравием, и тайно повелел ему отнять корабли у их хозяев. Когда же дьявол вселился в душу государя, тот приказал захватить без разбора все корабли, большие и малые, и, собрав несколько сотен судов, напал с многочисленным флотом на прибрежную страну властителя по имени Шира Мирабаб. Тот же с тремя братьями — Раджей Мирабабом, Раджей Кандери Мирабабом и Раджей Фикара Мирабабом правил в многолюдном и хорошо укрепленном городе. Флот франкского государя Дэвы Молека внезапно появился близ него и без всякого предупреждения начал штурм, так что меж морской и сухопутной армиями завязалась жаркая битва. У защитников города было множество ружей и пушек, и, когда армии с оглушительными криками и возгласами устремились друг на друга, все вокруг потонуло в густом пороховом дыму, и немало кораблей Дэвы Молека было потоплено в жестоком бою пушечными ядрами.

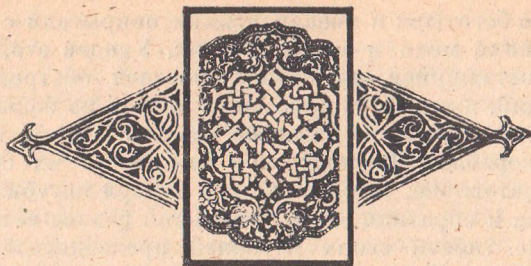
Меж тем Раджа Кандери Мирабаб и Раджа Фикара Мирабаб, разгневанные нападением, кликнули своих людей, устремились на вооруженных кораблях из бокового притока реки в обход вражеского флота и с громкими криками и возгласами окружили его. Противник с великим шумом отражал их натиск, и от ружейного дыма мгла, скрывавшая сражающихся, стала столь непроглядной, что воины не узнавали друг друга. Тогда франкский государь Дэва Молек отдал приказ гребцам подвести суда к бе-

регу. Все его богатыри и военачальники попрыгали с кораблей на сушу, обнажили мечи и впали в амок. Увидев это, брат Ширы Мирабаба, оставшийся на берегу, повелел обстреливать врага из всех орудий, и его люди принялись палить из больших и малых пушек и ружей, так что, казалось, частый ливень низвергся на пражеские корабли. Неисчислимое множество их было разбито в щепки и потоплено. Ядра с суши и с моря погубили весь флот Дявы Молека и обратили его в прах, коий разнес ветер.

При виде гибели своих кораблей предводитель франкского флота испугался. Но потом пришел в ярость и, не помышляя о спасении, прыгнул вслед за везирами и военачальниками в воду, выбрался на берег и, выхватив из ножен меч, встал в амок. Присмотревшись, что государь франков со своим войском высадился на берег, Раджа Мирабаб отдал приказ военачальникам окружить их, а сам вскочил на коня и с оглушительными криками ворвался в гущу нападавших, разя копьем и разгоняя вражеских воинов. Когда Раджа Фикара Мирабаб с братом, бывшие на кораблях, увидели, что на суше разгорелся бой, они поспешно бросились на берег и, завершив окружение войск франкского государя, принялись убивать и захватывать в плен его людей. И более половины воинов, сражавшихся на суше, полегло в бою. Так-то вот бывает с теми, кто следует дьявольским страстям! А бесовское отродье меж тем радостно хохотало и вдосталь напилось крови павших.

Когда побоище закончилось, повелитель бесов и шейх Абдуллах отправились дальше и, пройдя все города прибрежных властителей, достигли страны некоего неверного раджи, любителя арака. Придя в ту страну, повелитель бесов и шейх Абдуллах поднялись во дворец кедахского государя Пра Онга Махавангсы, вошли в опочивальню государя, который в то время спал, и остановились на пологом его ложа. Вскоре государь проснулся и потребовал пиалу арака. Служанка взяла кувшин с араком, подставила пиалу, а когда стала наливать, повелитель бесов приблизился к ней и, приподняв кайн, помочился в ту пиалу. Служанка подала пиалу государю, и тот ее осушил.

Когда пиала опустела, шейх Абдуллах спросил повелителя бесов: «Зачем ты напоил своей мочой этого раджу, прости мне Всемогущий Аллах?» Ответствовал повелитель бесов: «Разве я не наказывал тебе не вмешиваться в мои дела, что бы я ни делал с людьми?» Сказал шейх Абдуллах: «Я и не вмешивался, но здешний раджа — великий государь, владыка большой страны, тебе же взбрело на ум потчевать его мочой». Раджа Пра Онг Махавангса весьма изумился, услышав голоса невидимых спорщиков, препиравшихся за пологом его ложа. Протирая глаза, он в великом удивлении прислушался к спору. Повелитель бесов же, разгневавшись на шейха Абдуллаха, крикнул ему: «Если ты уж всему научился, оставь меня!» С теми словами он вырвал из рук шейха посох, влил ему затрещину, вышел из дворца и исчез.

Бухари аль-Джаухари

КОРОНА ЦАРЕЙ

После падения в 1511 г. Малакки наиболее могущественным государством малайского мира становится расположенный на севере Суматры султанат Аче, который в эпоху расцвета не только объединил под своей эгидой многие княжества Суматры и Малаккского полуострова, но и превратился в важнейший центр малайской культуры и мусульманской образованности. Именно султану Аче — Алауддину Рияят Шаху, увлекавшемуся суфизмом и получившему посмертный титул Владыки Совершенных, и было преподнесено написанное в 1603 г. зеркало «Корона царей» — книга, с которой немало малайских сочинения могли сравниться популярностью. Ее раздел о физиогномике помог ачехскому султану-завоевателю Искандару Младшему увидеть в пленном царевиче Паханга будущего наследника престола, а писателю-просветителю XIX в. Абдулле Мунши — постичь характер британского губернатора Сингапура — Рэффлза. К ней обращались придворные, чтобы узнать, при каких условиях женщина может наследовать престол. Собранные в ней пазидательные рассказы разошлись по всевозможным антологиям, зеркалам и обрамленным повестям, а мудрые сентенции и наставления проникли в волшебные-авантюрные произведения и хроники.

Автором книги, а точнее, ее составителем, ибо «Корона царей» заимствует материал из десятка источников, был некий Бухари аль-Джаухари (т. е. ювелир из Бухары) или Бухари аль-Джихори (бухарец из малайского султаната Джохор). Многие особенности стиля и содержания книги с несомненностью указывают на ее персидское происхождение, однако не вполне ясно, была ли она первоначально написана по-персидски и затем через Северную Индию проникла в Аче, или ее составил в Аче или Джохоре некий выходец из Бухары, владевший малайским языком. В любом случае составитель или переводчик явно стремился приспособить книгу к запросам своей аудитории, сравнивая, например, величие государя с крисом или противопоставляя «Корону царей» «лживым повестям», которыми по поведению увлекаются малайцы. Вместе с тем, желая познакомить читателей с арабо-персидскими литературными формами, а заодно продемонстрировать образованность и мастерство, он создал, пожалуй, единственное в малайской словесности произведение, включающее значительные фрагменты, написанные ритмизированной и рифмованной прозой — саджем, а также поэтические вставки в арабо-персидских жанрах рубаи, маснави, кыта и т. д.

Не меньшее искусство проявил Бухари аль-Джаухари и в канонически правильном построении 24 глав книги. Авторитетность и достоверность трактовок той или иной темы в большинстве из них определяется возведением к стиху Корана или — реже — хадису, т. е. к священным текстам, в которых, по мусульманским представлениям, явлена вся полнота истинного знания. Дальнейшее изложение представляет собой как бы комментарий, призванный правильным образом развернуть перед читателем многообразие и ситуационную определенность смыслов, скрытых в божественном слове. Это комментирование в сниженном виде повторяет акт творения, в процессе которого из «неизменных сущностей» вещей рождается изменчивое многообразие конкретных явлений.

Комментирующие части глав состоят из разнородных элементов, среди которых наиболее интересны серии художественных миниатюр — рассказов, посвященных рассматриваемой теме. Значение этих рассказов отнюдь не ограничивается иллюстрированием заранее сформулированного положения. Зачастую именно они и составляют основу комментария, ибо в совокупности очерчивают общие контуры объясняемого понятия и тем самым определяют его без помощи логических операций; а по отдельности позволяют непосредственно «созерцать» понятие в конкретных образах и «переживать» как нечто, вызывающее душевный отклик, что было бы невозможно при чисто логическом подходе. Именно в комментировании посредством рассказов, дающих к тому же авторитетные образцы правильного и неправильного поведения, особенно ярко проявился средневековый мусульманский взгляд на знание, понимавшееся не как абстракция, отделенная от личности познающего, но как начало, пронизывающее и преобразующее все его существо — мысли, чувства и волю в их неразсторжимости. Наконец, главы или самостоятельные по смыслу разделы глав завершаются стихами, в лаконичной и удобной для запоминания форме обобщающими уже сказанное. Так, отправляясь от коранического стиха и пройдя этап своеобразного комментаторского развертывания, рассуждение вновь сжимается в формулу-стих, но уже авторский.

Предлагающая полный курс государственной мудрости и, как правило, счастливо избегающая мелочной регламентации каждого поступка, «Корона царей» не только по композиции отдельных глав, но и по общему содержанию представляет собой единое целое, организованное проходящей через весь текст центральной идеей — идеей справедливости. В первом разделе, состоящем из четырех глав (о самопознании, постижении Творца, сущности мира и «последнем вздохе в час смерти»), в суфийском духе дается религиозное обоснование концепции государства и его средоточия — справедливого правителя. Величие человека в том, что в его существе скрыт прекрасный и совершенный образ Творца. Благодаря самопознанию он может явить этот образ миру, став совершенным человеком, которому Аллах предназначил сан своего наместника. Мир при всей его изменчивости и бренности не есть нечто абсолютно лишнее ценности и смысла. Он место испытания, где поступки людей определяют их муки или блаженство в вечной жизни. Самая жестокая кара ожидает несправедливых правителей, ибо государь, несущий в себе образ Творца и призванный быть Его тенью на земле, должен подражать Всевышнему в благости и милосердии. Подобно Аллаху, которому ведомы «воздыхания ничтожного муравья» и который тотчас же устремляется к нему на помощь, государь обязан знать о бедах любого из своих подданных и быть готовым поддержать его. Несправедливость же и тирания — бунт против Творца и гармонично сотворенного им космоса. Таким образом, понятие справедливости приобретает в «Короне царей» не только этическое, но и онтологическое значение.

В следующем разделе из пяти глав (о сане государя, справедливости и справедливых деяниях, праве справедливого царя, справедливых правителях — «неверных», тирании и деяниях тиранов) она продолжает конкретизироваться и развиваться уже в социальном плане. Необходимость строго следовать справедливости делает бремя власти столь тяжким,

что первоначально оно было возложено на пророков, руководимых непосредственно Аллахом, а от них перешло к государям. На многочисленных примерах из жизни пророков, сподвижников Мухаммада, арабских халифов, царей Ирана, Китая и т. д. Бухари аль-Джаухари рассматривает разнообразные аспекты справедливости, выступающей как самоотреченная, чуждая гордыни и своекорыстия, нередко требующая суровости забота о благополучии подданных и законном устроении государства. При этом вновь и вновь подчеркивается неизбежность божьей кары, постигающей царей-притеснителей за гробом, а иногда еще и при жизни, и грозная сила молитвы угнетенных, даже если они не мусульмане.

Главы о справедливости государей сменяются разделом об их советах и должностных лицах (писцах, посланцах, придворных), призванных укреплять повелителя в понимании долга, распространять его справедливые решения среди подданных и с безукорызированной точностью доводить их до соседей. В пяти его главах Бухари указывает на необходимость для царя советоваться с мудрыми везирами, способными удерживать его от необдуманных поступков; напоминает, что перо писца может быть преданным государю, как юный турецкий раб Аяз — газневидскому султану Махмуду, но не забывать, что придворный, по малодушию не удержавший властелина от жестокости, предстанет на Страшном суде его соучастником. Завершается этот раздел главой о правильном воспитании детей, которое и формирует достойных слуг государя.

В следующем кратком разделе говорится о важнейших добродетелях, на которых зиждется справедливость царя: великодушии и разумности. При этом именно разум, способный различать благое и дурное и утешающий отечать добром на зло, рассматривается как ее главная опора. За подытоживающей главой о качествах правителя, где справедливость получает еще одно определение: не делать другим того, чего не желаешь себе, — следует раздел, состоящий из парных глав, посвященных более частным вопросам: физиогномике, позволяющей верно судить о людях и не допускать несправедливости; справедливому отношению к подданным — мусульманам и «неверным» и, наконец, о щедрости, недостижимые образцы которой являл йеменский араб Хатим ат-Таи, и о верности слову. Свою книгу Бухари аль-Джаухари завершает призывом к государям ежедневно читать «Корону царей» после утренней молитвы, когда мысли особенно ясны, и, помня, что она верный друг и советчик, «влагать ее слова, точно жемчужины, в уши разума и сберегать их значения, точно алмазы в перстне души».

Трудно судить, последовали ли государи Аче этому совету автора «Короны царей», равно как трудно не заметить суховатого ригоризма и определенной ограниченности суждений, порой проскальзывающих в его книге. Однако нельзя не оценить благородства его слов о высоком достоинстве человека, разуме, справедливости, веротерпимости, призванных смягчить нравы правителей, тысячами избивавших «неверных», не гнушавшихся лично участвовать в пытках и казни женщин и считавших ванну из крови своих жертв лучшим средством от недугов.

О Творце, человеке и мире

Сказал Пророк: «Познавший себя, воистину познал Господа своего». Из хадиса же этого следует, что, покуда человек себя не познает и не постигнет свойства свои, он не сумеет познать сущее, и потому прежде всего надлежит изъяснить, что есть постижение себя.

О наделенный разумом, обрати взор на проявления Аллаха, замечательные в свойствах твоих, и не пренебрегай постижением себя, ибо во всех твоих членах отобразились Атрибуты и Дела Аллаха, в них же явлено Бытие Всевышнего, Господа твоего, а равно — атрибуты и дела всего сущего... Говорит Всевышний: «Не думаешь ли ты, что Мы сотворили тебя? Нет, твое бытие не тщетно, и думать так — заблуждение». О раб Божий, вслушайся в дивное изречение, гласящее: «Все, что преславно в мире, не славней твоей славы, и все, что в мире ничтожно, не ничтожней твоего ничтожества». Как говорит об этом Господь твой: «Воистину Мы создали человека по образу наилучшему, а затем возвратим его к низости низайшей». Цель же того и другого — прославления и увещания в том, чтобы ты взирал на свое ничтожество и не превозносился славой твоего бытия, ибо славой его наделяет сияние Божественной Красоты, отражающейся в нем, как в зеркале. Знай же, что твое бытие и сияние Божественной Красоты подобны зеркалу и Свету чистейшему и, если то зеркало Света не отражает, оно всего лишь железа кусок, чью цену назвать невозможно, ибо сущность его ничтожна, как сказал презренный Бухари * о Смысле преславном:

Коль зеркало не отражает свет,
Оно — ничто, кусок железа ржавый.
За что же нам себя превозносить
И, точно детям, обольщаться славой?

О обладатель славы, услышь из уст презренного Бухари, в чем слава твоя: твое бытие подобно алмазу, величье коего в его блеске. И мы, хоть не можем сказать, где тот блеск пребывает, внутри камня или вовне его, над ним или под ним, слева от него или справа, все же знаем, что он объемлет все бытие алмаза, и, если бы блеск отделился от него, самоцвет бы лишился величия своего. Как сказал об этом Бухари, восшедший к постижению, на языке постижения (внемли и сбереги в памяти слова его!):

Алмаз прославлен блеском благородным,
Когда же блеска своего лишится,
От рода самоцветов отрешится
И станет камнем ни к чему не годным.

О наделенный разумом, внемли сим словам необычайным: и обратится человек во прах, и сокроется во чрево земное на долгие дни, и годы, и времена, и века, коим несть числа и счета. И куда пребудет его тело перстью земной, не раз слепят из нее кувшины и горшки, водоносы и корчаги, сосуды и чаши и иную утварь и не раз вновь обратят в черепки, разметанные по путям и перепутьям, повергнутые под стены домов и брошенные на

поправление человекам и скотам, так что во всяком пределе, исполненном святости или же мерзости, отыщется черепок из праха, коим стало тело его. И еще пройдут над ним века без числа и счета, и разорится его бытие, забудутся имя и облик, распадутся составы, и, сокрушенный тлением, он вновь станет землей и с землею смешается. Однако же не исчезнет бесследно, ибо по воле Всевышнего ангелы совоюпят частицы тела его, и сколь бы ни были они малы — даже до зерна горчичного, и где бы ни обрелись — па востоке ли, па западе, — вновь соберут и не смешают прах одного из сынов человеческих с прахом собрата его. И хотя бы частицы того праха были менее пылинки, они их воссоединят и смертного воскресят и приведут на поле, что именуется Полем Великим и где будет собрание всех человеков. И предъявят счет их делам, и свершениям, и речам в жизни земной, не преумножив и не преуменьшив их и на горчичное зерно. И будь менее пылинки злое или благое деяние их, они в тот день его увидят, как возвестил Всевышний: «Тому, кто свершил благое деяние не тяжелей пылинки, его покажут, и тот, кто свершил деяние злое пылинки не тяжелей, его увидит <...>» И всех государей, что гордыни были полны, и надменно людей притесняли, и гнали божьих рабов без вины, в тот день посрамят, и они узрят, что были ничтожеством, ниже, чем жалкий скот, и низостью ничтожней, чем подлая тварь. И когда они изумятся тщете своего удела и, униженные, устыдятся своего неправого дела, бедствиями гонимы и бессильем томимы, они оглянутся окрест — не сыщется ли хоть один, кого они обласкали, и в зените славы богатством и властью взыскали, дабы на помощь пришел, но никто: ни войско, ни род, ни семья, ни дети, ни внуки им не смогут помочь в тот час печали безмерной и годину горести смертной. Никто не приблизится к ним, всяк их будет бежать и от них удаляться станет, как о том возвестил Всевышний в Коране: «В тот день бежит человек брата своего, и матери, и отца, и жены, и сыновей, и для каждого из них в тот день будет забота, которая тяготит его».

* * *

О наделенный разумом, прислушайся со вниманием и узнай, что Всевышний Господь твой — Всеобъемлющий, а «всеобъемлющий» означает «охватывающий все», как сказано о том: «И Аллах все сущее охватывает». Твое бытие в земной доли и Могущество Всевышнего можно уподобить бытию рыбы в воде. Ужели есть у рыбы хоть один плавник, что может существовать вне воды, и разве сыщется на теле ее хоть одна чешуйка, что жива чем-либо иным, нежели водой? Воистину нет! Ибо своим бытием рыба всецело обязана воде и в воде неизменно пребывает, но из небрежения себя не познает и не постигает, в чем сущность текучих вод и что без них она тотчас умрет.

О наделенный разумом, ты — рыба в океане Знания и Могу-щества Всевышнего, но беспечность тебя отвращает от познания твоего бытия и постижения, в чем жизнь твоя. Меж тем книга «Изъяснение основ веры» гласит: «И когда, обретаясь ниже седьмой земной сферы, малейший из муравьев испускает вздох, тот вздох, исторгшийся из глубин его бытия, внятен Истинному — преславлен Он и возвышен! — и Он приходит к нему». Таков твой Господь, ведающий о воздыхании всякой твари, населяющей семь земных сфер и семь сфер небесных! И Ему открыто всякое бы-тие и всякое слово, и всякое дыхание жизни, ибо Он — Господь, все видящий, и все слышащий, и все постигающий. Но не так Он видит, чтобы прежде увидеть тебя, а потом — меня, и не так слышит, чтобы прежде услышать тебя, а потом — меня, и не так постигает, чтобы прежде тебя постичь, а потом — меня. Воистину святость Аллаха превыше этого!

* * *

А теперь познай, что такое мир, пойми, какова в нем жизнь, и тогда увидишь, что сия юдоля не зиждется на единой основе и не покоится на единой опоре, которую мудрость людская постичь бы могла, но слагается из многообразия вещей, и красок много-различных, и диковин прекраснейших без числа. И тот, кто мир возлюбит безмерно и пребудет в печали о нем неизменно, сам уподобится миру и станет то веселиться, то скорбеть, то смеяться, то лезть слезы; то он — раб, то — гордый властитель, то знатный муж, то с сурою проситель. Изменчивое — таковых удел, а раз-личия — постижения предел, ибо не видят ни в чем постоянства те, кто мира познать не сумел. Те же, кто мир познал, найдут его не тщетным, но исполненным всякой пользы, ибо он — обитель живых, где всякий свой труд совершает, великий или малый, и юдоля обретеня для них, где всякий даров ожидает, ничтожных или вебывалых, и древо деяний благих для тех, кто постиг его верно, и древо деяний злых для несведущей черни, и прибежище любимой и любящего, возлюбленной и возлюбившего, постигнутого и постигшего, и торжище града вечного, где всякий торговлю ведет, покупает и продает, и если получит барыш — никогда в нищету не впадет, а если потерпит ущерб — богатства не обре-тет. Но люди мира не знают прекрасного несказанно, и от него пребывают в изумлении непрестанно, как сказал о том Бухари:

Прекрасный мир нас изумляет ежечасно,
Шутя превознесет и вновь низвергнет властно,
И если ты не смог проникнуть в суть его,
Бесцельны дни твои, и жизнь твоя напрасна.

* * *

В истинном бытии своем мосту на пути в вечность подобен мир. И всякий, кто разумом наделен, на том мосту не возводит

дом, но поспешно его минует, чтоб не жалеть о его прикрасах и утехах, что он сулил, ибо помнят мудрые о припасах в пути долгом и трудном сверх сил. Но неразумный на том мосту дом возведет, и, ликуя, в него вселится, и бренным убранством его пленится, утехами и суетой, и душу обременит тщетой стяжания благ земных, и чем более соберет их, тем сильнее жизнью мирской прельстится, только ее станет чаять, и будет ею одной опечален, и в час, когда смерть за ним придет, тяжким будет души исход, ибо он о былом загрустит и узрит, как богатства его другой расточает.

* * *

Иные из сведущих говорят, что эта юдоль печали сновиденью подобна, мы же — сновидцам, так что, когда отверзнем зеницы, и тени того не узрим, что во сне воочию созерцали.

Мудрый же скажет: мир — молнию напоминает, что ослепит на миг и вновь исчезает.

А разумный его уподобит безобразной старухе, что украсилась золотом и парчой, чтоб казаться красивой и молодой, так что всякий глупец, не зная того, к ней питает влечение, тогда как мудрец, постигший ее естество, не в силах скрыть отвращения.

И еще умудренные говорят, что мир подобен прелестнице юной, чей прекрасен лик, и бессилен язык описать ее дорогие уборы, и каждый, кто к ней обращает взоры, страстно в нее влюбляется и к ней душой прилепляется, но прелестница та коварна и лжива и играет любовником прихотливо, в том не видя дурного, а на-завтра берет другого и, прежние клятвы забыв, всегда нарушает слово. Потому разумный верности ей не блюдет, но дает тотчас развод, чтоб чарами не плениться ее лица, удел же глупца, что с ней разлучиться не смог, ее красотой прельститься, стать рабом у ее ног.

Об основах царства

Знай, что Истинный — преславен Он и возвышен! — когда человека сотворить пожелал и задумался об Адаме, ему предназначен в удел наместничество и вершение дел царства и власть над рабами и ангела смерти послал, дабы он, пройдя по лицу земли, горстку праха собрал, и, когда ангел тот прах принес на равнину меж Тайфом и Меккой, Всевышний из персти земной человека по имени Адам создал.

И долгие годы, что чередой прошли и миновали, ангелы небес и земли в изумлении пребывали, на облик Адама взирая и не понимая, для чего он был сотворен. А по прошествии тех времен все вместе они собрались и беседовать стали о том невиданном диве и так сказали: «Господь нам от века не изъяснил, в чем сущность сего обличья, кое, должно быть, таит возвышенность

и величье, и потому мы природы Адама не постигаем и не знаем, как с ним поступать надлежит». И поднялся Иблис, что в ту пору еще средь ангелов пребывал, и так им сказал: «Если хотите узнать удел создания сего, вам следует вопрошать Того, кто создал его». И тогда все ангелы пред Аллахом предстали и сказали: «О Господь наш, чья мысль объемлет все мирозданье и всяческой вещи смысл, зрима она иль тайна, не откроешь ли нам, для чего сотворен Адам, коего денно и ночью Ты сберегал и Мудростью вышней и Мощью к жизни призвал?»

Ответствовал Истинный — преславлен Он и возвышен: «Из праха он сотворен, чтоб моим наместником стал».

И когда все ангелы вняли тому реченью, они в нетерпении к Адаму приблизились, чтобы взглянуть на плоть того, кого соделал Господь наместником в мире этом, и непреложно узреть приметы величья и славы его, но естество, коим Адам обладал, являло лишь сочетанье простейших первоначал, зовущихся стихий четверицей, и первая из них — земля, вторая — вода, чей удел литься, третья — огонь, а четвертая — ветер, и в теле его, как и в целом свете, те стихии в своих различных упорствовали и друг другу противоборствовали в битве лютой, затевая мятеж и смуту.

И тогда Иблис, не сдержав гнева, коснулся груди Адама и чрева и возгласил: «О ангелы, сей дом пуст, и мерзок, и гнил, и весь человека удел лишь в том, чтобы он умел есть и пить, спать и блудить, и я не постигаю, отчего его избраньем почтили и на земле наместником сотворили, и не знаю, чем он может гордиться! А посему нам надлежит к Господу с жалобой явиться».

И ангелы вновь пред Аллахом предстали и сказали: «О наш Господь, Тобою на земле сотворен Адам, коему сан властителя дан над всяким дыханьем, но он землю предаст поруганью, и будет ее разорять, и кровь себе подобных проливать, тогда как мы чисты неизменно, и пречистое имя Твое смиренно святим и восхваляем, возвеличиваем и прославляем, и Тебе покорны, а посему более нам, чем ему, подобает наместника званье».

Но Всевышний им отвечал и сказал: «Воистину я провищаю то, о чем не имеете знания».

Ибо во тьме бытия Адама тайна сокрыта была, коей все ангелы не обладали, им же счета несть и числа. И в тот же миг Неодолимый Мощь и Величье явил, и вспыхнул пламень неугасимый и сонмы ангелов испепелил, тот же, кто от гнева сокрылся, в ужасе уста затворил. И тогда Всевышний в тело Адама душу вселил дуновеньем, дабы имел дерзновение к наместничеству и власти над внуками и детьми, их женами и дочерьми, смирял гневливых и тяжбы разрешал справедливо.

И покуда пророк Адам в юдоли земной пребывал и о долге царственном ревновал, потомство его преумножилось в мире сем и уже четырех тысяч достигало числом, Адам же изо дня в день им слово Всевышнего открывал и в вере истинной укреплял,

учил их творить благое и воспрещал злое, и в те отдаленные лета община его процветала, благоденствовала и обладала богатствами, и казной, и благ земных полнотой, в одеянья прекрасные одевалась и отменными яствами насыщалась, чередуя с весельем труды и ни в чем не зная нужды.

Но пречистый пророк Адам, что ни день, от детей удалялся, и в местах одиноких уединялся, и там размышлял, и так тосковал, что сладостью яств не наслаждался, но голодом плоть изнурял, и в одежды прекрасные не облачался, смеяться не мог и вконец изнемог от тягостных дум своих, но упорно молчал о них. В страданиях тех его измощилось тело, иссохло и истлело, точно в огне, а на груди и спине проступили ребра под кожей, с крутыми ступенями схожи. И покуда так проходили дни, неизменно кто-либо из родни его затворничество прерывал, принося одежду и снесь, но на их подношенья Адам не желал глядеть, ничего не принимал, все отринул и, томимый тоской, в безмолвии пребывал.

И тогда все Адамовы дети и внуки вокруг него собрались, и речи к нему обратили, и спросили: «О отец наш Адам, радость твоя омрачилась, ответствуй нам, как получилось, что ты удручен и огорчен, дабы мы знали, что же с тобой случилось».

На это пророк Адам им отвечал и сказал: «О дети мои и внуки, к чему о том говорить и кому дано изъяснить, что за горе меня сломило, ибо из вас ни один его облегчить не в силах. Прежде превыше небесных светил моя возносилась обитель, но за грех, что в беспечности я совершил, Вседержитель в земную юдоль, под семь небес низвел меня из рая, и теперь, когда на земле прозябаю, одного страшусь — вдруг, царствуя, совершу по небрежности новый грех и буду низвержен ниже всех сфер земных за эту измену и ввергнут в геенну. Что мне она сулит и кто меня защитит в моем злосчастье? Вот почему все чаще я в горести обретаюсь и от радостей отрекаюсь в предчувствии той напасти».

И когда потомки Адама его ответ услышали, они загрустили и возрыдали, к отцу исполняясь участия.

А в книге «Истории пророков» говорится, что Адам — мир ему! — тысячу и пятьсот лет вершил дела царства в глубокой скорби.

* * *

Знай, что на земле ни одно бремя не тяжелей бремени власти и лишь подвиг посланничества превосходит его трудностью <...> И тот, кто властвует, как подобает, во всех делах управления страной должен следовать примеру пророков, ибо сан пророка и сан владыки подобны двум алмазам в одном кольце, что безмерно ценимы и усердно хранимы, как сказал о том Бухари:

Владыка и пророк пребудут в мире бренном,
Как два алмаза в перстне драгоценном,
Превыше тех мужей никто не вознесен,
О зрячий, их узри в величии нетленном <...>

И оттого что бремя власти столь тяжело, Всевышний повелел пророкам вершить дела царства и изъяснять основы управления своим народам, дабы люди могли подвигаться их деяниям <...>

Когда пророк Юсуф* — мир ему! — восседал на престоле царства в Египте, властвуя над божьими рабами, он, что ни день, все более истощался и худел и, что ни час, в лице изменялся и слабел, хоть и не было на теле его следов никакой болезни. И все везиры дивились тому состоянию государя и постичь не могли, что за недуг его изнуряет.

И вот однажды они явились к Юсуфу и, представ перед ним, спросили: «О пророк Аллаха, не скажешь ли нам, что за болезнь лишает тебя сил, дабы она обнаружилась и врачи могли тебя исцелить?» Ответствовал пророк Юсуф — мир ему: «О везиры, знайте, что недуг, меня изнуривший, — голод, а лекарство от него — пища. Однако за все время, что я на царстве восседаю — а тому уж минуло семнадцать лет, — я ни разу даже помыслить не смел о том, чтобы насытить чрево чем-либо, кроме ячменного хлеба. Как же при том душе моей не истощиться, плоти не истончиться, а лику не пожелтеть и не омрачиться?»

Спросили везиры: «О пророк Аллаха, отчего, обладая всеми яствами, о коих только можно помыслить, ты причиняешь душе столь тяжкую муку и не вкушаешь того, что для нее желанно?» Ответствовал пророк Юсуф: «Я страшусь есть вдосталь, ибо со всяким в Египте соучаствую, кто от голода страдает». Спросили везиры: «Что означают твои слова?» Ответствовал пророк Юсуф: «Я страшусь, как бы не нашелся в Египте голодный, о страданиях коего я не знаю и о нужде не подозреваю, и как бы не спросили меня в Судный день: „Отчего ты заботился лишь о власти и усладах жизни, а муками голодных в стране египетской пренебрегал и в тяготы подданных, кои вверены твоему попечительству, не вникал?“ Что отвечу я тогда Всевышнему, которому известны все деяния рабов Его?»

* * *

Знай, что так вершили труды царства все пророки, и святые, и праведники, и ни один из них ничем не опорочил своего величия, и могущества, и богатства, но терпеливо все скорби и тяготы власти сносил, и к подданным милостив был, точно к детям родным, и радел о благе рабов божьих, ему подвластных. А сверх того со страхом неизменным заботился о жизни вечной, дабы умереть ему в твердой вере и душевном покое, избегнуть горести в Судный день и обрести радость непрестанную в райской обители.

И такого государя за его достохвалыные свойства порой именуют тенью Аллаха на земле, порой же — милостивым наместником Истинного — преславлен Он и возвышен! — а «милостивый» означает «щедрый без меры». Если же государю чужды свойства и дела владык, о коих мы упомянули, если во всем он следует

лишь своим страстям, душой пренебрегает и дела царства вершит не так, как подобает, он — тень Иблиса на земле и наместник дьявола, а посему — враг Господа и Посланника Его, который низвергает злокозненных владык, что от неразумия и беспечности блудной заносятся бесстыдно и безрассудно и, себя именую властителями правоверных, не ставят ни во что рабов своих верных.

О неразумный и беспечный, ужели не повелел тебе Господь твой по справедливости разрешать дела Его рабов и ужели не для того тебя поставил, чтобы ты их от всякого зла сберегал и во всяком добре наставлял? И если ты благом подданных пренебрегал дерзновенно, Господь — Опора Вселенной — против тебя в день Судный свидетелем будет и тебя осудит, показав непременно, кто подлинно господин, а кто его раб ничтожный, как сказано о том в рубаи:

Цари — что пастыри, народ — овечье стадо,
И хоть от века нерушима та преграда,
Без стада пастырем не станешь, а овце,
Чтоб быть овцою, пастыря не надо.

О государи, для того вас Всевышний величием одарил и саном наместников наделил, чтобы дар величия и славы, что вы восприяли, вы неизменно являли в достоинствах ваших, и был бы он крису подобен, величием коего всякий малаец украшен, ибо, если криса лишится, слава его упразднится.

* * *

Книга «Вежество государей» гласит, что тем, кого Всевышний владыками поставляет, подобает десять достоинств стяжать и их во всяком деянии являть, дабы прослыть меж людьми по праву государями по имени и по нраву. И им надлежит:

во-первых, потщиться в разумении достичь предела, дабы зло, что в их царстве вершится, от добра отличать умело;

во-вторых, знаниями обладать, с искушенными в науках дружить и книги сведущих собирать, дабы, самим их читая или к искусству чтеца прибегая, в смысл проникать и в значение вникать их историй и назиданий и, не жалея стараний, тому следовать, что изучил, в меру отпущенных Господом сил;

в-третьих, везиров себе избирать из числа людей, что в мудрости зрелы, дабы царства всякое дело с ними решать;

в-четвертых, блистать красотой, дабы люди их любили безмерно, и добронравия полнотой, чтоб людей любить нелицемерно; в-пятых, щедрость руки и сердца являть и скупости избегать, подданных одаряя, ведь это — преславного владыки примета;

в-шестых, не забывать труды тех, кто имеет заслуги, ибо в час жестокой нужды царю оказал услуги, и всегда добром на добро отвечать, что есть знак государя, на коем лежит величия печать;

в-седьмых, храбростью украшаться и от трусости отвращаться,

и битве храня достоинство и помня, что царям подражают их и низшие и славное воинство;

в-восьмых, быть воздержанными в еде, ко сну и питью питать отвращенье, ибо чрезмерность в них, без сомненья, ведет к беде и судьбе многотрудной, как о том повествует мудрый: «Всякий, кто алчен до яств, томится от жажды, а когда непрестанно пьет, от сонливости страждет, становится ленив, рассеян и нерадив и забывает беспечно о делах, что вершатся в обоих мирах: бренном и вечном»;

в-девятых, властителям не подобает чрезмерно женщинами увлекаться и в рассуждения с ними пускаться, ибо женщины разумом несовершенны, и владыки, что ночью и денно у них остаются, с ними подолгу беседуют и часто любви предаются, в разумении умаляются, и в похоти укрепляются, и, забыв о делах державы, лишаются благородства и славы;

в-десятих, царь быть должен мужчиной, ибо среди женщин нет ни единой, что украшена разумом здравым и в управленьи державой может достичь совершенства, ибо владык мусульманских удел — не только вершение дел, но и духовное главенство.

О справедливости государей

Говорит Всевышний: «Воистину Аллах заповедовал справедливость и благость». Справедливость — это следование правде в словах и делах, а благость — проявление доброго начала в том и другом. И обладание двумя этими достоинствами, без сомненья, благотворно для всех сынов человеческих, в особенности же — для государей, из коих всякий, кто ими не станет украшаться, не сможет властителем именоваться <...> Сказал Пророк — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир: «Государи, что были справедливы в мире сем, в Судный день воссядут в райском саду на престолах жемчужных».

* * *

Рассказывают, что один из государей верных и праведных, собираясь совершить хадж в Мекку и посетить Каабу*, созвал мудрецов и везиров и стал советоваться с ними о делах паломничества. Они же, не желая, чтобы он ради хаджа оставил царство, молвили с почтительным поклоном: «О повелитель мира, государь в своей державе подобен душе в теле, и ежели душа тело покинет, составы его распадутся». Ответствовал государь: «Я взыскую добродетели, которая обретается паломничеством, и не ведаю иного способа ее стяжать». С почтительным поклоном молвили мудрецы и ученые: «Повелитель мира может обрести эту добродетель, не покидая своей страны, ибо в ней обитает некий праведный хаджи, что долгие годы провел в Мекке и стяжал полноту заслуг, даруемых за совершение шестидесяти хад-

жей. Повелитель мира мог бы купить у него добродетель паломничества».

Государь отправился к тому мужу чистому и праведному и так сказал, обратясь к нему: «О шейх, не могу ли я у тебя купить ту заслугу, что даруется за совершение одного хаджа?» Ответствовал праведник: «О владыка, не только заслугу одного хаджа, но и добродетель всех шестидесяти ты можешь обрести, если пожелаешь». Спросил государь: «О шейх, какую цену ты назначишь за добродетель одного хаджа?» Ответствовал праведник: «О владыка, за один мой шаг на пути к Каабе я запрошу все сокровища мира». Молвил государь: «О шейх, из всех стран земных я владею всего лишь одной, и ее не достанет, дабы заплатить за один твой шаг. Как же я смогу купить у тебя добродетель хотя бы одного паломничества?» Ответствовал праведник: «О владыка, для тебя не составит труда купить заслуги всех моих хаджей». Спросил государь: «О шейх, как же может быть легким дело столь трудное?» Ответствовал праведник: «О владыка, ежели явится к тебе невинно гонимый раб божий и ты с готовностью вступишь в его дело, благосклонно с ним побеседуешь и исторгнешь из рук притеснителя, так что тот гонимый раб в радости душевной возвратится в свой дом, я охотно отдам тебе все заслуги шестидесяти хаджей и, воистину расточив, обрету большую пользу, ежели ты — стяжав».

* * *

Мудрец Ахнаф говорил, что в справедливости залог процветания мира, а в своевластии — примета его упадка, ибо справедливость по природе своей возвышенная и благая, всю Вселенную освещает, отвержая справедливым зеницы на всякое деянье, тогда как своевластие, по природе своей низменное и дурное, всю Вселенную омрачает, скрывая от взора своевластных всякое свершение.

* * *

Зайд ибн Салам рассказывал: «Повелитель правоверных Омар* — да будет Аллах им доволен! — когда пребывал в сане халифа, днем праведно судил рабов божьих, а после того как оглашал приговор, покидал Медину, удалялся на кладбище и, вытесывая из камня надгробия, добывал пропитание для семьи. Когда же наступала ночь, он творил молитву и отправлялся бродить по городу, чтобы разузнавать о всех радостях и горестях рабов божьих.

Однажды ночью я последовал за повелителем правоверных Омаром, который, выйдя за городские стены, заприметил в отдалении огонек, направился к нему и, когда подошел ближе, услышал голос женщины, что вместе с тремя своими детьми лила

слезы, восклицая: „О Всевышний, покарай Омара за тяготы, выпавшие на мою долю, ибо он вкушает сладостный сон, в то время как я и мои дети страждут от голода!”

И едва лишь повелитель правоверных Омар те слова услышал, он к женщине поспешил, ее приветствовал и спросил: „Не позволишь ли мне приблизиться и поговорить с тобой?” И она отвечала: „Когда ты с добром пришел, в том не будет беды большой”. И Омар к женщине той приступил, с нею заговорил и вскоре о ее невзгодах и горе спросил. Она же ответствовала: „Я пришла сюда из отдаленных краев. Оттого что час был поздний, не смогла войти в город и здесь осталась ночь скоротать, но муки голода не дают уснуть ни мне, ни моим детям”. Спросил его величество Омар: „А что это кипит в твоём горшке?” Ответствовала женщина: „В нём всего лишь вода, я налила ее в горшок, чтобы дети думали, будто для них варится рис, спали покуда и не плакали бы так громко”.

Услышав те слова, Омар не мешкая возвратился в Медину, зашел в лавку бакалейщика, купил у него муки и наполнил ею мешок. Потом отправился в лавку мясника, купил мяса и, также спрятав его в мешок, взвалил тот мешок на спину и поспешил из города. Тогда я сказал: „О повелитель правоверных, дай этот мешок мне, я понесу его за тобой”. Омар же ответствовал: „О Зайд, пусть бремя мешка сего ты на плечи возложишь, но ужели сможешь бремя греха моего понести и меня спасти от молитвы женщины той, что моей перадивостью оскорбляется и с горестной мольбой к Господу обращается?”

Сказав так, Омар продолжил путь и всю дорогу проливал слезы, покуда не пришел к той женщине и ее детям, не подал ей мешок с мукой и мясом и они не поели вдоволь. Когда же ублаготворил ее душу, женщина молвила: „Да воздаст тебе Всевышний за добрые дела, которые ты творишь, заботясь о Его рабах, ибо ты лучше Омара!” Ответствовал Омар: „О женщина, молясь, не поминай Омара недобрым словом, ибо он не ведал о твоём горе”».

* * *

Рассказывают, что в лета отдаленные в городе Басра правил государь, своевластье коего не знало предела и с коим в те времена ни один из владык подлунного мира в жестокости сравниться не мог. На дороге, по которой люд отовсюду стекался по делам в Басру, он устроил заставу из рабов своих, дабы со всех проходящих по дирхему взымали и всякого, кто в город или из города шел и дирхема того не платил, через заставу не пропускали.

А еще говорят, что в ту пору жил в Басре некий огнепоклонник*, прозябавший в крайней пужде и не имевший иного достояния, кроме выючного осла, на коем поклажу в дома доставлял

и тем пропитание добывал. Когда же случалось — работы не находил, день, а то и два голодал вместе с женой, что несправедливо была и потому работать на людей не могла и хлеб зарабатывать своей. И вот, гонимые голодом и нуждой и сил не имея, чтобы их превозмочь, те муж и жена решили с Басрой проститься и в место иное переселиться. Видя же, что беременной его жене пешком идти невозможно, муж на осла ее усадил и, поддерживая осторожно, пустился в путь себе на горе и вскоре заставы достиг, где со всякого, кто проходил мимо, по дирхему взымали немолимо.

Когда же со стражами поравнялся, те стали у него два дирхема просить, а он, не зная, как быть, им о нужде своей рассказал, и невзгоды свои описал, и сказал, что от голода страждет, и потому вместе с женою покинул дом, и в леса и поля удаляется, чтоб пропитанье добыть, и не может им ни дирхема заплатить.

Тогда молвили государевы рабы: «Раз так, плати четыре дирхема, и мы отпустим тебя восвояси». Ответствовал огнепоклонник: «Нет у меня ни единой вещи, ценой хоть в дирхем, где же взять мне четыре? Если вы не позволяете мне пройти, я уж лучше возвращусь обратно». Молвили государевы рабы: «Тогда заплати четыре дирхема за возвращение».

И огнепоклонник пришел в великое изумление, ибо не мог ни вперед ехать, ни назад поворотить, и, задумавшись над деянием жестоким тех притеснителей, долго не трогался с места, изнемая от голода и усталости. Наконец решился он было вернуться в Басру, но тут государевы рабы на него напали и избили немилосердно, а его беременную жену сбросили с осла, и она, упав наземь, выкинула мертвого младенца. И тогда огнепоклонник и жена его над участью своей зарыдали, и некому было им пожаловаться на свое великое горе и удел прискорбный. А стражники меж тем отрезали хвост у осла того огнепоклонника, его самого безжалостно прогнали и от жены отторгли, а ее увели в свой дом. И не знала жена, где ее муж, а муж не ведал, где его жена.

И жена огнепоклонника предалась печали и скорби, ибо с мужем ее разлучили, и младенца лишили, и саму в доме тех притеснителей заключили. И, терпя жестокие муки, о коих никто, кроме Господа ее, не ведал, она от великой обиды возрыдала, и стала Господу жаловаться, и так взывала: «О Господь, Ты видишь деяния злые притеснителей сих и ведаешь о судьбе Твоей гонимой рабы, ибо ничто от Тебя не укроется! Кому же, как не Тебе, мне пожаловаться, и кто, как не Ты, мучителям за меня воздаст?»

А покуда она так рыдала и душу Господу открывала, огнепоклонник, проливая слезы, взял под уздцы осла и отправился с ним в Басру, и вскоре достиг ворот государственного дворца. Наконец удалось ему к государю войти, и жалобу принести на удел злосчастный, и рассказать беспристрастно о мытарствах, кои от стражников претерпел, но государь своевластный и слушать о том не хотел, слова его смехом встречал и так отвечал: «О огне-

поклонник, нет в том беды, что у осла твоего отрезали хвост, потерял немного, он и заживет. В том же, что ребенок твой умер, горя и того меньше: в доме стражей моих жену твою вмиг обрехают, и она тебе другого родит».

И едва лишь огнепоклонник те слова недостойные услышал, всякое из них тысячу мук ему причинило, и душу испепелило, и удесятерило тоску и позор, так что он в горе, горе возведя взор и руки воздев к небесам, молитву к Господу обратил и так возопил: «О Господь, сотворивший небесную твердь и все, что на ней пребывает. Ты слышишь речи сего государя злонаправного, и видишь муки раба Твоего утесненного, и Ты — справедливый владыка, а посему кому, как не Тебе, пожалуюсь на мою прискорбную участь, дабы Ты по своей справедливости сих притеснителей покарал праведной карой!»

И с теми словами огнепоклонник, горестно рыдая, зашагал прочь от ворот дворца того жестокого государя, не ведая, куда идет, и не зная, где остановится. И покуда шел, печалась и скорбя, услышал голос из мира незримого: «О огнепоклонник, оглянись назад!» — и, оглянувшись, увидел, что по воле Всевышнего земля разверзлась и поглотила дворец государя вместе со всеми его везирами, и военачальниками, и теми, кто поблизости оказался. И там, где прежде стоял дворец, клокоча, разлились воды черные, которые и доныне заполняют ту впадину в Старой Басре.

И народ туда неизменно стекается, дабы на место взглянуть, где Всевышний свой гнев явил, а праведный владыка пророков, что людей от подобных бед оградил, так учил правоверных: «Страшитесь молитвы гонимого, будь он даже неверным!»

О разуме

Говорит Всевышний: «Бойтесь Аллаха, о обладатели разума».

В арабском языке существует множество слов для выражения понятия «разум», из коих самое известное — «'акл». И люди сведущие возводят это последнее к слову «'икал», что по-арабски обозначает пещеру в горе высочайшей, до которой добраться невыразимо трудно. Сверх же того арабы обозначают словом «'икал» нечто прочное. А Пророк, наделенный совершенством разума, указуя на его величие, сказал: «Вначале Господь сотворил разум».

В книге, именуемой «Свойства наделенных разумом», рассказывается следующее: «Когда Всевышний создал разум, Он повелел ему: „О разум, удались от меня!“ И тот удалился. Потом Он повелел: „О разум, приблизься ко мне!“ И разум приблизился. И тогда изрек Истинный — преславен Он и возвышен: „О разум, ты — величайшее из моих творений, ибо обладаешь бытием, превосходящим благостью и славой все сущее. В тебе — оправдание и обвинение человека, и от тебя — благое и дурное в них”».

Действительность и истинность такого предназначения разума

познается благодаря заповедям, предписывающим творить добро, и запретам, не позволяющим вершить зло, ибо эти заповеди и запреты коренятся в разуме, определяющем счастье и несчастье людей и указующем на тех из них, кто счастлив и кто несчастен. Обладание же разумом отличает человека от животного, как говорит об этом Бухари:

Лишь разум человечности оплот,
Тот — человек, кто разумом живет,
А тот, в ком разуму не отыскалось места,
Лишь с виду человек, по сути — низкий скот.

В книге «Свойства наделенных разумом» говорится, что семь признаков отличают человека, обладающего разумом, от того, кто им не обладает. И все, кому довелось услышать о тех семи признаках, должны запомнить их, дабы по ним отличить разумного от неразумного. Итак, семь признаков человека, чей разум лишен изъянов: во-первых, такой человек делает добро тому, кто содейал ему зло, услаждает его душу и прощает обиду; во-вторых, являет смирение пред всеми, кто ниже его по сану, и потому стяжает славу с тех, кто по сану его выше; в-третьих, с усердием исполняет и без промедления ускоряет всякое благое дело и всякое достохвальное свершение, в-четвертых, питает ненависть ко всякому злему деянию и всякому дурному человеку; в-пятых, неизменно призывает имя Всевышнего, и испрашивает у Него отпущения грехов, и помнит о смерти и погребении; в-шестых, ведет речь так, что всякое слово его являет знание и ясность, своевременность и уместность; в-седьмых, во всяком затруднении полагается на милость Аллаха и пребывает в непреложной уверенности, что Господь может облегчить ему всякий труд, ибо для Него ничто не трудно. И потому во всех тяготах он просит у Господа помощи и пред Ним повергается ниц, что Его милосердие не знает границ.

Что же до тех, чей разум несовершенен, то их семь признаков таковы: во-первых, они притесняют всех, кто им подвластен; во-вторых, возносятся превыше других людей, с презрением взирают на малых сих и тем ставят себя над всем сущим; в-третьих, не ведут речь как подобает; в-четвертых, не удерживают людей от недостойных деяний и не питают к этим деяниям ненависти; в-пятых, попустительствуют недостойным деяниям и дурным людям; в-шестых, затягивают свершение благих дел и ускоряют исполнение дурных; в-седьмых, не умеют смиренно переносить тяготы земной жизни и потому губят души свои.

В книге «Свойства разума и разумных» говорится, что в целом свете человеку не сыскать лучшего наперсника и товарища, нежели разум; разумение же именуется в ней благодетельным другом, ибо, если ты болен, оно излечит тебя, если упал — поднимет, если в ничтожество впал — возвеличит, ежели достоинства лишился — обогатит. Потому-то и не найти лучшего наперсника и то-

парища, чем разум, и обладание им — знак благоденствия в этом и том мирах.

В книге «Свойства наделенных разумом» говорится, что обладателя разума узнаешь по тому, как он стремится предусмотреть последствия всякого деяния и всякого слова, с надлежащей рассудительностью оценивает себя и неизменно помнит о своем уделе и исполняемом деле.

Когда государь Парвиз* наставлял сына своего Хосрова, он говорил: «О дитя мое, заботься о подданных твоих, дабы твой разум заботился о тебе, удаляя всяческое зло от подданных твоих, дабы твой разум удалял всяческое зло от тебя, и знай, что ты властвуешь над подданными, а разум властвует над тобой. О дитя мое, стремись, чтобы люди были тобой довольны, и тогда ты будешь доволен разумом».

Рассказывают, что во времена государя Нуширвана Справедливого* жил некий мудрец, прославленный своим вежеством и познаниями. И этот мудрец преподнес Нуширвану послание, в коем свойства разума изъяснял и так государю писал:

«О Нуширван Справедливый,

знай, что разум в душах людей подобен дневному светилу, что в небесах восходит, и, когда лучами его Вселенная озарится, тому, что в ней пребывает, от света его не скрыться, а тем, кто при свете идет, с пути никогда не сбиться. Тому, кто разумом наделен, различие между добром и злом раскроется столь же ясно, как в ярком солнечном свете меж белым и черным грань.

Итак, возвеличивай разум, совершенным владыкой стань!»

Когда Нуширван прочитал то послание, он был восхищен безмерно наставлениями мудреца, и ему отвечал словами, от коих ликут сердца:

«О мудрец,

достолавны реченья твои и превосходны твои слова, что преумножат радость тех, кто разумом обладает.

О мудрец,

владыки, что правили прежде, облакались в разума одежды, кои правление их украшали, придавая всем делам совершенство. Как же мне на разум восстать, когда он — истины древо, и как удалиться мне от него, когда он Всевышнему ближе всего.

О мудрец,

кто разумом наделен, воистину, словно древо, что прекраснейший плод рождает, и покуда оно приносит прекрасный плод, слава его в глазах людей растет, любовь к доброму древу всеми овладевает, влечение к нему души переполняет, а его прельстительный вид все сердца услаждает. Тот же, в ком разума нет, словно бесплодное древо, что не стяжает славы в глазах людей, никому не согреет душу красотой своей, чей жалкий удел — тщета до конца его дней. И древо такое срубают, в горящий костер ввергают и поспешают прочь, ибо пламя его обжигает. Таков же разумный и тот, кто разумом не обладает.

О мудрец,
от разумного польза всем, люди рады его делам и верят его правдивым словам. От того же, кто разума лишен, людям не будет пользы, такого не назовут живым, не скажут — он наделен душой. Тщетно любое деянье его, бесплодно его существование, воистину только с виду он жив, но смерть достойней его прозябания. Истинной жизни не ведает тот, в ком солнце разума не сияет, души таких в потемках блуждают.

О мудрец,
как разумом мне пренебречь, когда такова природа его, и как отвергнуть его веленья, ежели разум превыше всего, чем государь и раб владеют, ибо святое отличит от нечистого, а ложь отделит от истины».

И мудрец, прочитав посланье Нуширвана Справедливого и с великим тщанием обдумав то, о чем в нем говорилось, весьма восславил его.

Рассказывают, что мудрец Бузурджмихр* говорил: «Редко встретишь человека, наделенного полнотою двух добродетелей, из коих первая — разум, а вторая — мужество».

Мудрец Лукман* говорил: «Многоразличные познания того, кто лишен разума, бесполезны, ибо познания без разума — тщета».

Некий мудрец спросил у Бузурджмихра: «Что всего нужнее людям?» Бузурджмихр отвечал ему и сказал: «Всего нужнее им разум». Тогда вновь спросил мудрец: «А где предел разума?» Бузурджмихр отвечал ему и сказал: «Как можно указать предел того, в чем никто не достиг предела».

Мудрецы согласны в том, что все на свете стремится обладать разумом, разум же не стремится ни к чему и нуждается лишь в том, чтобы его испытывали.

Ничто в этом мире не превосходит разума славой своей, и никто не превосходит богатством обладателя разума, ибо благодаря разуму обретает он широту познаний.

Разум, укрепившийся в человеке, подобен государю, пребывающему во граде своем и окруженному рабами, готовыми исполнять его повеления. И те рабы — сообразительность, понимание, мышление и воля — ублажают душу, она же умиротворяет плоть и украшает ее. Ибо душа в теле подобна светильнику в доме, озаряющему тот дом своим светом. И обладатель разума не ведает печали, ибо не совершает поступков, последствия коих огорчительны.

В книге «Свойства наделенных разумом» написано, что разумный никогда не возьмется за трудноисполнимое дело и не станет потом от него уклоняться, ибо всякое дело обдумывает наперед, дабы оно не оказалось непосильным.

Рассказывают, что Пророк — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — говорил: «Всевышний наделил рабов своих всевозможными дарами, из коих наилучший, самый величественный и достославный — разум».

Мудрецы говорят, что разумный, предающийся сну, достойней глупца, стоящего на молитве, и разумный, пренебрегающий постом, выше глупца, соблюдающего пост, и даже если разумный плачет, он все же лучше глупца, который смеется.

Абдуллах ибн Мубарак говорил, что разум наделяет человека познаниями, коими разумный руководствуется во всех своих свершениях. Познания указывают ему, какое именно дело надлежит исполнить, разум же осведомляет, кто, когда, как, где, зачем и при помощи чего должен это дело исполнить, дабы оно не оказалось тщетным.

В книге «Свойства наделенных разумом» говорится, что разум, обладая безграничным величием, славой и благостью бытия, дарует величие и славу людям и преумножает величие и славу государей. И потому первейший долг государя укреплять свой разум, коему его правление обязано добродетельностью и без коего оно тщетно, а правитель несовершенен. Итак, государь должен превосходить разумом всех прочих людей, дабы по справедливости разрешать их тяжбы и быть сведущим во всяком деле; ибо любой из его подданных занят лишь своей работой, а государь должен заботиться о всех делах. Итак, очевидно, что государю подобает всеобъемлющий разум, ибо он должен пронизывать все, о чем говорят люди, дабы справедливо судить об их словах и различать, что в них истинно и что ложно.

И потому все, кто наделен разумом, особенно же государи, должны осознавать добродетельное влияние своих дел и поступков, а так как все добродетели, коими им надлежит обладать, происходят от величия разума, то государям следует неустанно стремиться к совершенству разума и с тщанием обдумывать и взвешивать свои слова, дабы они отпирывались от большего, чем душа. Ведь всем благим душа обязана разуму, подобному свече в ее тайнике, озаряющей все уголки того тайника. Ничему не укрыться от ее света, и в его лучах различимо все праведное в душе и все грешное в ней, подобно тому, как говорит об этом Бухари:

Разума немеркнущий свет озаряет любое творенье,
И указывает, где правда, где ложь, где мудрость и где заблужденье.

Как написано в книге «Свойства наделенных разумом», разум для человека то же, что свет для звезды, и, так же как звезда узнается по ее свету, обладатель разума узнается по его словам и делам. По словам и делам судили о разуме везиров Нуширвана Справедливого и других людей.

Однажды его величество Нуширван обратился с вопросом к своему везиру — мудрецу Бузурджмихру: «Отчего друзья быстро становятся врагами, а враги не могут быстро вновь стать друзьями и дружба лишь постепенно возвращается к ним?» Ответствовал мудрец Бузурджмихр: «Дружба подобна многолюдному городу,

который недолго подвергнуть опустошению, однако невозможно в краткий срок заселить вновь, ибо жители лишь постепенно возвращаются в него».

Рассказывают, что султан Искандар неизменно оказывал своему наставнику больше знаков уважения, нежели отцу. Однажды мудрец Аристотель спросил у него: «Отчего ты больше почитаешь наставника, нежели отца?» Султан Искандар отвечал ему и сказал: «Я выказываю уважение отцу за то, что он даровал мне бренную жизнь, а наставника почитаю выше его за то, что он дарует мне жизнь вечную, ибо вечное следует предпочитать бренному. Сверх того мой наставник — мудрец, я же — владыка, а истиной владык наделяет мудрость. Посему долг владык — превыше всего почитать мудрых, дабы власть была в согласии с истиной».

Власть без познаний тщетна, ибо власть подобна кольцу, познания — драгоценному самоцвету, а достоинство кольца, не украшенного самоцветом, невелико. Потому и говорят, что властители должны быть сыновьями мудрецов, ибо и те и другие имеют часть в наследии Пророка — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — сказавшего: «Мудрецы и властители — наследники Пророка». И мудрецы наследуют его познания, а властители — его власть, и Пророк дает каждому из них его долю, и они существуют благодаря ей; разум же необходим и тем и другим.

В книге «Свойства разума и разумных» говорится, что бытие человека подобно процветающей стране, государь коей — разум, возир — рассуждение, гонец — язык, послание его — речь, и потому, каковы деяния гонца и как он ведет речь, узнают о свойствах государя и о добродетельности его правления, подобно тому, как сказал Бухари:

О мудрый, поведать настала пора,
Что разум воистину древо добра.

Благое деяние — разума плод,
Иная дорога к нему не ведет.

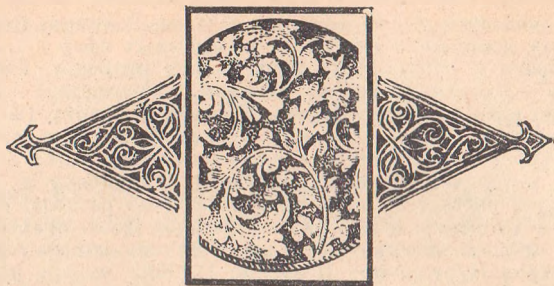
Разумный богат, неподвластен нужде,
А кто неразумен — живет в нищете.

И если все тайны постиг ты, о раб,
Но разумом несовершенен и слаб,

Вовек не прославится имя твое,
И смысла лишится твое бытие.

Взыскупя богатства, и славы, и сил,
Молитесь, чтоб разум ваш путь озарил.

Господь, прибегает к Тебе Бухари,
Величием разума нас озари.

Нуруддин ар-Ранири

САД ЦАРЕЙ

Второе известнейшее малайское зеркало — «Сад царей» было создано также в Аче в 1638—1641 гг. по заказу султана Искандара II. Его автор — шейх Нуруддин ар-Ранири, уроженец портового города Ранир в Гуджерате (Северо-Западная Индия), происходил из смешанной арабо-индийской семьи религиозных наставников и ученых, поддерживавшей давние связи с малайским миром. По-видимому, еще на родине овладев малайским языком, получив хорошее образование и став членом суфийского братства Рифайя, Нуруддин в 1637 г. прибыл в Аче, где вскоре достиг высокого положения верховного кади — «магометанского епископа», как его называли европейцы. В Аче Нуруддин создал множество сочинений по мусульманскому праву, теологии и мистицизму и повел яростную борьбу с местными суфиями крайнего мистического толка. В начале 40-х годов он добился массового избиения «еретиков» и сожжения их книг, которые не вполне понимал или, скорее, не желал понимать, стремясь избавиться от опасных конкурентов, влиятельных как при дворе, так и в деревнях. Однако в 1644 г. поверженные, казалось, противники взяли верх над «випочерилем Аллаха», как именовал себя Нуруддин, и вынудили его покинуть Аче. Умер Нуруддин в родном Ранире в 1658 г.

Не исключено, что, создавая свое раннее произведение, «Сад царей», не только названием, но и тематикой целых разделов и множеством отдельных повелл напоминающее «Корону царей», ар-Ранири, страстный полемист, вступал в соперничество с предшественником, стремясь умалить авторитет его книги. Если это так, то нельзя сказать, что его желание вполне осуществилось. И все же новому зеркалу, призванному не только наставить, но и прославить царственного покровителя шейха, суждено было оказать значительное влияние на малайскую культуру и литературу. Автор «Повести о Ханг Туахе», например, описывая никогда не виденный им сад турецкого султана, скопировал рассказ Нуруддина о саде государя Аче; один из редакторов «Малайских родословий», пожелав украсить свою хронику «парадным» предисловием, целиком заимствовал его из «Сада царей», а составители антологий адаба неизменно включали повеллы и притчи шейха в свои сборники.

По содержанию «Сад царей» представляет собой энциклопедическую компиляцию столь грандиозную, что не сохранилось рукописей, содержащих все семь ее разделов. Обычно они переписывались каждый по отдельности, иногда по два-три. Первый раздел книги, носящий название «Сотворение небес и земли», повествует о создании Пророческого Света Мухаммада — источника всего сущего, Храимой Скрижали, на которой

начертаны судьбы каждого из творений Аллаха, Вышнего Пера, Престола Божия, ангелов, джиннов и Иблиса, семи небесных сфер и т. д. Во втором разделе, «Пророки и цари», излагаются деяния пророков, начиная с первого человека — Адама — и кончая «венцом пророчества» — Мухаммадом, и история государей древнего Ирана, Византии, Египта (до времен Искандара Двурогого), домусульманской Аравии и, наконец, самого Мухаммада и его четырех сподвижников, распространивших ислам и положивших начало новой исторической эпохе. Описанию этой эпохи и продвижения ислама на восток посвящены пять следующих глав раздела: история арабских халифов — Омейядов и Аббасидов, султанов Дели, правителей Малакки и Паханга и в заключение — султанов Аче, подлинным героем которой выступает патрон Нуруддина — Искандар II. Еще четыре раздела книги, по характеру весьма напоминающие «Корону царей», трактуют о справедливых государях и мудрых вельможах, о благочестивых царях и мусульманских святых, в частности об Искандаре Двурогом и Ибрахиме ибн Адхаме, о тиранах и их лживых и скудоумных приближенных, о героях, прославившихся милосердием и мужеством, о священной войне и походах пророка Мухаммада. Наконец, в последнем разделе зеркала возвеличивается разум и излагаются основы различных наук, в том числе физиогномики, медицины, учения о свойствах женщин и т. д. Иногда он выделялся в особую книгу, получившую название «Сад постигших».

На фоне значительного сходства «Короны царей» и «Сада царей» особенно заметны те черты, которыми различаются оба произведения. Если компактное зеркало Бухари аль-Джаухари написано в целом просто, популярно и эмоционально, то труд Нуруддина ар-Ранири выдает в его авторе прежде всего высоко образованного мусульманского ученого, педанта и систематизатора. Однородному прозаическому стилю Бухари аль-Джаухари, любящего порой блеснуть саджем, противостоит более разнообразная и изощренная манера письма гуджератского шейха, который, хоть и не прибегает к рифмованной прозе, без труда переходит от напыщенного метафоризма панегирика (см. с. 335) к более сухой, точной в деталях и датах хронике (с. 336) или графически четкой повелле (с. 341). К поэтическим вставкам Нуруддин ар-Ранири равнодушен, но в тех, что все же изредка появляются, он подражает не столько образцам арабо-персидской лирики, сколько стихам своих идейных противников — суматранских суфиев.

Более интересны, однако, запечатленные в построении сочинений особенности, отражающие различные задачи, которые ставили перед собой авторы. «Корона царей» — книга по преимуществу теолого-этическая, показывающая, как гармонично устрояющий мирозданье божественный закон в социальной жизни воплощается в государстве, основанном на справедливости и разуме. Даже ее исторические экскурсы, например генеалогия домусульманских правителей Ирана, суть лишь иллюстрации этической концепции, благодаря восприятию которой малайцы приобщаются к числу цивилизованных мусульманских народов. «Сад царей» — сочинение теолого-историческое. В нем последовательно разворачивается динамичная картина творения, его продолжения — всемирной, а главным образом мусульманской, истории и, как бы в завершение дела, пачатого в «Малайских родословиях», в нее включается история малайских государств. Так малайский мир своей историей, восходящей к Искандару Двурогому, оказывается укорененным в системе мусульманской культуры, и лишь затем ему как бы предлагается социально-этическое учение, тождественное изложенному в «Короне царей», и основы исламской образованности.

Султан Искандар Второй *

В полдень субботнего дня 29 Раджаба на престол взшел Султан Мугал, принявший тронное имя его величество сиятельный

султан Искандар Второй Алауддин Мугаят-шах Джохан Бердаулат, тень Аллаха на Земле, сын султана Ахмад-шаха.

Воистину мужеством славится он,
Ведущий свой род от начала времен,
Господь Милосердный хранит его трон,
Султан Искандаром Вторым наречен.

В ту пору жители страны были подобны зелени, изнывающей от невыносимого зноя, но раскрылся зонт его могущества, и все они нашли укрытие в его сени и обрели благодать в дождевых струях излившейся на них милости. От радости сердца людей раскрылись, точно цветы, что, освеженные росой, распускаются поутру и наполняют всю страну до самых удаленных ее уголков дивным ароматом. Тогда повеял ветерок его счастья, воссияло солнце его славы, вознеслось знамя его могущества, затрепетал стяг его царственности. Весть о справедливости государя, о его бесчисленных совершенствах разнеслась по всему свету, и корабли из множества стран прибыли в его гавань, так что процветание города Дар ас-Салам* преумножилось, яства безмерно подешевели, и обитатели города зажили в мире и благоденствии.

И государь нелицеприятно вершил суд, уповал на Аллаха во всех своих трудах, являл терпение во всяком деле и сурово карал изменников.

И был он всегда исполнен достоинства, рассудителем в речах, мягок нравом, милостив к подданным и сострадателем к неимущим и беднякам.

И он покровительствовал юношам, не изведавшим еще тягот службы, и щедро одаривал сокровищами и слонами капитанов торговых кораблей и кушцов, так что ни один не возвращался домой в сердечном сокрушении, но всякий устаивался милости.

И он неизменно следовал установлениям Аллаха и закону посланника Его Мухаммада — да пребудут с ним благословение Господа и мир!

И он воздвиг в Дар ас-Саламе мечеть Байт аль-Мушахада — Дом Созерцания, запретил испытания кипящим маслом и раскаленным железом и неколебимо пребывал на стоянке речений Всевышнего: «Потом сделали мы вас преемниками на земле после [государей прежних времен*, коих мы сокрушили], чтобы посмотреть, как вы будете действовать». И следовал словам Пророка — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Знайте, что земля воистину подобна прекрасному зеленому листу, и Всевышний сделал вас на ней наместниками и взирает на ваши дела».

И он являл величайшую скромность перед лицом Аллаха — преславлен Он и возвышен! — даровавшего ему за то благороднейший сан по слову, запечатленному в Коране: «Он — тот, который сделал вас преемниками на земле, [и отдал вам в наследие царства прежних государей, дабы после вас земля наполнилась], и возвысил одних из вас над другими по степеням, чтобы испытать

вас в том, что Он вам доставил. Поистине прощающий, милосердный [к тем, кто Ему предан]».

И он исполнял желания рабов божьих, расследовал дела гонимых и трудился для пользы сынов человеческих по слову Пророка — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Поистине есть у Аллаха рабы, для коих Он предназначил всевозможные блага, дабы они приносили пользу людям. И Аллах продолжает наделять тех рабов благами, покуда они расходуют их надлежащим образом; когда же перестают расходовать, отбирает и дарует другим».

Сад султана Аче

Говорит хронист: во времена его величества в столице был разбит бустап, то есть парк, небывалой красоты, где насадили всевозможные цветы и плодовые деревья и коему государь дал название Парк Душевного Смятения. Ограда того парка была сложена из тесаного камня и покрыта штукатуркой, напоминавшей своей девственной белизной серебро. Ворота парка, ведущие ко дворцу, венчал купол, украшенный каменным изображением слона и ослепительно сверкающим шпилем. Назывались же они Врата Слона Благородного Индры. Через парк протекала река, именовавшаяся Обитель Любви. Ее берега были забраны камнем, воды на редкость прохладны и чисты, и каждый, кто из нее пил, исцелялся от недугов. Река брала начало из источника, что бил из расселины в черном камне у подножия горы Высочайшая к западу от парка.

Там, где парковая ограда подходила к реке Обитель Любви, стояли две вазы с цветами, именовавшиеся Распущенные Волосы. Оба берега реки были выложены цветным камнем и назывались Набережной Чистоты, а неподалеку от истока реки справа и слева к воде спускались лестницы из черного камня, инкрустированного медью, сверкавшей, точно золото. У подножия правой лестницы лежал плоский камень, носивший название Мыс Благородного Индры. Тот камень служил основанием восьмиугольной беседки, возведенной наподобие трона, где его величество, бывало, восседал, когда удил рыбу. А подле беседки росла раскидистая индийская смоковница, затенявшая ее, точно зеленый зонт.

Посреди реки Обитель Любви из воды поднимался Мраморный Остров. Его вершину украшал плоский, покрытый резьбой камень, именовавшийся Синее Сияние, а окружали остров разноцветные коралловые рифы, которые называли Рифами Пестрого Мрамора. На Мраморном Острове стояла просторная бадья для омовений, называвшаяся Сангга Сумак, под серебряной крышкой и с серебряными обручами. Та бадья наполнялась по трубе белого серебра дивно благоухающей розовой водой, что привозят из Йезда *. А устилала остров галька невиданной красоты, белая, точно барусская камфора.

Набережные Обители Любви были облицованы тесаимым камнем. Правая из них именовалась Алмазной Набережной, а левая — Набережной Драгоценного Сплава. На набережной стояла хитроумно изваянная статуя дракона. В пасти его была скрыта золотая, усыпанная самоцветами трубка наподобие драконьего языка, из которой беспрерывно струилась вода.

За островом река входила в Теснину Плачущего Дракона, и оглушительный рев ее в теснине радовал душу всякого, кто его слышал. А ниже по течению река разливалась озером редкостной красоты, именовавшимся Озеро Колыбельных Песен. Посреди озера высилась плавучая беседка из тикового дерева, все убранство которой было из гималайского кедра, а крыша — из олова, подобного драконьей чешуе. За озером тянулась Набережная Приносящего Удачу Индры, а дальше темнел безмерно глубокий Макрелевый Омут, в котором водилась всевозможная рыба. На высоком обрыве над омутом росло одинокое раскидистое дерево, увитое плющом и именовавшееся Древо Любовных Мечтаний, а подле него был вырыт широкий пруд, носивший название Зрачок Души. Тот пруд зарос многочисленными лотосами, водяными лилиями и иными цветами, в нем плавали золотые рыбки, а посреди пруда из воды поднимался островок, который называли Островом Драгоценного Сплава, облицованный белым известняком и украшенный плоским камнем, напоминавшим львиный престол.

Напротив Зрачка Души за рекой поблескивало еще два пруда, из коих первый назывался Прудом Томлений, а второй — Прудом Страстей. В них водились рыбки всевозможных родов и росли разноцветные лотосы: белые, алые, пурпурные, синие, розовые и иные. А на берегах стояли вазы с цветами, именовавшиеся Китайская Сандалия и Многогранный Трон.

На правом берегу Обители Любви простиралось необозримо широкое Поле Чудес, усыпанное разноцветным дробленным мрамором. Посреди него высилась искусственная, увенчанная башней Гора Алмазной Башни, где было устроено седалище для государя. Колонны той башни были из меди, а кровля из серебряных пластинок, положенных наподобие чешуек саговой пальмы. Ее шпиль из драгоценного сплава меди и золота, сиявший в лучах солнца, украшали многочисленные самоцветы, ониксы и опалы. В недрах горы был устроен грот с серебряными дверями, на склонах же произрастали всевозможные цветы: чемпака, алые и белые розы и серигадинг.

Неподалеку от искусственной горы возвышалась усыпальница государя, стены которой, сложенные из белого тесаного камня, украшали разнообразные резные узоры, сплетавшиеся из фигур, поставленных голова к голове, зеркально отражавших одна другую, всевозможных лунок и бегущих чередой облаков. И всякий, кто в нее входил, восславлял Пророка — да благословит его Аллах и дарует ему мир! С внутренней стороны турецкие

мастера инкрустировали белокаменные стены усыпальницы ла-зури-том. Ее колонны носили имена Лунного, Драконьего и Ке-дрового Столпов, убранство было из дорогой древесины джен-тера мула, кровля же имела два яруса, из коих первый был рас-писан темными полосами, отливавшими сапфирной синевой, а второй — выкрашен в зеленый цвет, искрящийся, точно изумруд. Кровлю венчал многоцветный шпиль, покоившийся на колоннах, обвитых серебряными спиралями. Сами же колонны стояли на яблоках из зеркального стекла, что слепили глаза своим блеском.

С фасада к усыпальнице примыкал балей цвета слоновой кости, предназначенный для поминальных пиршеств в честь государя. Его окружали банановые деревья двух сортов: золотого и томпакового. Неподалеку от обращенного к набережной склона горы из резного камня был изваян трон, именовавшийся Изнеженный Щегольской Цветок, а у ее склона, обращенного к истоку реки, — другой, носивший название Ажурный Лотос. Площадь перед искусственной горой сплошь покрывали мелкие сапфиры и украшала золотая беседка работы мастеров из на-ветренных стран. А подле нее была выстроена голубятня, где держали птиц, обученных искусству танца и прозванных Гра-циозными Танцорами.

На крутом берегу реки Обитель Любви поблескивала зер-кальными стеклами Беседка Ясных Зеркал. Деревья и цветы, произраставшие окрест, отражались в тех зеркалах и казались нарисованными на картине. А еще была в парке мечеть дивной красоты, увенчанная позолоченным многоцветным шпилем. Она именовалась Мечетью Созерцательной Любви и славилась мим-баром превосходной работы, возведенным из резного камня, раскрашенного многообразными красками. Мечеть обступали кокосовые пальмы всевозможных сортов: иные с плодами цвета слоновой кости, иные с крапчатыми плодами, кожура одних была приятна на вкус, молоко других — загустевало хлопьями, плоды тех во множестве свисали с одного черенка, этих — были по-добны слезам, брызнувшим из глаз. Кокосовые пальмы переме-жались арековыми таких сортов, как «лу-ный», «слоновая кость», «луковый» и другие. Среди тех кокосовых пальм одна, именовавшаяся Живительной Влагод, была у основания обло-жена камнем и обмазана известью. Ствол ее клонился к земле, словно стан человека, изъявляющего покорность, и повелитель мира предпочитал ее плоды всем иным, ибо их молоко было на редкость сладостным.

На том же берегу реки Обитель Любви, левее Поля Чудес, китайские мастера возвели беседку, что носила название Ки-тайской. Все ее убранство было покрыто резьбой, а стены — изыщно расписаны. В той беседке резчики изобразили всевоз-можных лесных тварей: слонов, вступивших в единоборство, льва, терзающего свою жертву, летящих птиц. Вкруг одних ее колонн обвивались резные драконы, другие же — были украшены

фигурами тигров, приготовившихся к прыжку. А перед беседкой стояла каменная ваза с цветами, именовавшаяся Цветок Лотоса.

Рядом с Китайской возвышалась беседка, носившая название Золотой, убранство коей было цвета червонного золота. Дворик перед Золотой Беседкой устилал сверкающий разноцветный песок, который называли Песком Хитроумного Индры. По правую же и левую руку от нее помещались изваяния драконов, из чьих пастей по скрытым в них трубкам драгоценного сплава беспрерывно струилась вода.

За Золотой Беседкой, чуть дальше от берега, виднелся балей на восьмигранных опорах, стены которого, украшенные бахромой, были расписаны разноцветными красками, а крышу из желтого теа венчал шпиль, покоившийся на красных колоннах, сплошь покрытый резным узором «облака на стебельках». И тот балей назывался Беседкой Светлячка.

По другую сторону Золотой Беседки, ближе к реке, лежал изукрашенный ажурной резьбой камень, именовавшийся Камнем Дурных Примет. А неподалеку от Пруда Страстей высился еще один балей цвета слоновой кости на сваях из черного тиморского дерева.

Земля в Парке Душевного Смятения была насыпной, красноватого оттенка, и на ней произрастали всевозможные цветы: алые, пурпурные и белые розы, чампака, кенанга, различные сорта жасмина <...> жемчужные, паучьи и золотые цветы, «алмазные циновки», лунные и золотые орхидеи, алые, белые и голубые мимозы, чулика, львиный зев, «китайские цветы», бледно-желтые гандасули, «благоуханные цветы», капский жасмин, гвоздика, алые и белые башмачки, цветы пандануса и варски, цветы кемунинга, ангсаны, душистого горошка, бамбука и кесумбы, цветы мендерасы в Теснине Плачущего Дракона, алый и белый драконник, цветы апельсинового дерева и разных сортов лимонных деревьев: золотого, цибетового, огуречного, садового, гресикского, индрагирийского, а сверху того цветы джамбу и розового мирта. Не станем длить рассказ о тех многообразных и диковинных цветах, в коих явил свое могущество Господь — преславлен Он и возвышен! — скажу лишь, что все они произрастали в вазах несказанно прекрасной работы.

Еще же тот сад изобилдовал всевозможными земными плодами: яблоками, виноградом, гранатами, мангустаном, рамбутаном, тампоем, дурианом <...> плодами хлебного дерева, плодами кокского манго и садового манго двух сортов, сахарным тростником, бананами, кокосами, орехами арековой пальмы, пшеницей, соей, сладким картофелем, тыквами-горлянками, арбузами, малаккой, белимбингом бамбуковым и столовым, ююбой, каштанами, дынями, джелой, тмином, кукурузой, красным стручковым перцем, просом и ячменем.

Государь и его богатство

В стародавние времена некий государь повелевал обширной страной, владел несметными сокровищами и наслаждался всевозможными мирскими утехами. Он приказал построить для себя небывало высокий дворец дивной красоты и, когда дворец был возведен, повелел оградить его стенами со множеством ворот и приставить к воротам бесчисленную стражу.

Как-то раз государь пожелал устроить пир для своих военачальников и подданных, приказал приготовить всевозможные отменные яства и собрал на том пиру везиров, военачальников и народ разного звания, чтобы все узнали о его могуществе.

Государь воссел на трон и, облокотясь на подушки, молвил: «Воистину я собрал у себя все богатства земли и все ее сокровища, а в завершение отведаю всевозможные лакомства и изысканные яства. Ни в чем не будет у меня недостатка, и богатство мое не расточится до конца моих дней!»

Едва лишь он произнес те слова, как с улицы во дворец вошел человек в ветхой одежде с нищенской сумой на плече и принялся с такой силой стучаться в двери, что дворец заходил ходуном, лежащие сдвинулись со своих мест, и слуги затрепетали от страха. Со всех ног кинулись они к вошедшему и гневно ему сказали: «О алчный попрошайка, отчего позволяешь ты себе такие дерзости? Наберись терпения и тогда получишь объедки с нашего стола». Ответствовал дервиш: «Эй вы, скажите хозяину дворца, что я повелеваю ему тотчас ко мне явиться, ибо имею до него дело, не терпящее отлагательства!» Спросили слуги: «О дервиш, кто ты такой, что осмеливаешься приказывать хозяину дворца?» Молвил дервиш: «Кто бы я ни был, передайте ему, что вам сказано». Слуги почтительно передали государю слова дервиша, и тот, выслушав их, гневно воскликнул: «Обнажите мечи и гоните его из дворца!»

Меж тем дервиш принялся стучаться громче прежнего. Государевы слуги с обнаженными мечами и дубинками в руках бросились на него, и тогда дервиш зычным голосом закричал: «Эй вы, знайте, что я — Ангел Смерти!» От тех слов у слуг затряслись поджилки и языки прилипли к гортани. Поспешно возвратившись к государю, они пересказали ему все, что слышали, и государь молвил: «Спросите у Ангела Смерти, не возьмет ли он взамен меня кого-нибудь иного?» Слуги передали его слова Ангелу Смерти, но тот, самолично представ перед владыкой, сказал: «О государь, воистину я послан за тобой и одного лишь тебя искал среди собранных тобою сокровищ».

Тогда государь воскликнул: «О горе мне! Да проклянет Всевышний эти сокровища, преисполнившие мою душу гордыни, отворотившие от поклонения Господу и соблазнившие мыслью, что послужат мне во благо. Ныне же, в час, когда скорбь и разочарование посетили меня, я но зову Всевышнего с пустыми руками покидаю земную юдоль и оставляю все богатство моим недругам».

Богатство же, пребывавшее в сокровищнице государя, отвечало ему: «О государь, отчего ты проклинаешь меня, когда должен винить лишь себя одного? Воистину, как и тебя, сотворил меня Всевышний из персти земной и отдал в твои руки, дабы, владея мною, ты скопил припасы, потребные после смерти. Тебе надлежало расходовать меня на милостыню дервишам и нищим, на строительство мечетей и медресе, городов и мостов для рабов божьих и тем снять заступничество за гробом. Ты же меня сберегал под спудом или расточал, потворствуя низменным страстям и не желая возблагодарить за меня Всевышнего, а теперь, когда я перейду к твоим недругам, раскаиваешься и сетуешь, что остался внакладе. За какую же провинность ты меня поносишь и проклинаешь?»

Едва лишь богатство промолвило те слова, Ангел Смерти отнял у государя душу, и тот, так и не успев насладиться стоявшими перед ним яствами, упал замертво.

Проницательность Имама Шафи'и

Рассказывал шейх Музни — да смилостивится над ним Аллах! — ученик Имама Шафи'и — да будет Аллах им доволен: «Однажды ночью, когда ярко светила луна, мы вместе с Имамом Шафи'и отправились прогуляться, вошли в мечеть и увидели, что там спит несколько человек. Усевшись в уголке, мы предались разглядывать лица спящих. Когда же он вышел, Имам Шафи'и спросил у меня: „О Музни, знаешь ли ты, кого он тут искал?“ Я отвечал: „О Имам, мне это неизвестно“. Сказал Имам Шафи'и: „Он искал беглого раба, абиссинца, кривого на левый глаз, который сейчас заключен в темницу. Позови-ка его и расспроси“. Я окликнул незнакомца и, когда он к нам приблизился, спросил: „Скажи, что привело тебя в эту мечеть?“ Он отвечал: „Я разыскиваю своего беглого раба, абиссинца“. „А каковы его приметы?“ — спросил я. „Он кривой на левый глаз“, — отвечал незнакомец. Тогда я сказал: „О незнакомец, твой раб в темнице. Ступай к нему“. Незнакомец поспешил в темницу и отыскал там раба.

Вскоре после этого я спросил у Имама Шафи'и: „О Имам, не твоя ли святость подсказала тебе приметы абиссинца?“ Он же отвечал: „О Музни, я догадался, что незнакомец разыскивает беглого раба, по той стремительности, с которой он вбежал в мечеть; что его раб — абиссинец — по тому, как он вглядывался в лица чернокожих, что незнакомец кривой на левый глаз — по тому, как пристально он разглядывал левую сторону их лица, а что абиссинец брошен в тюрьму, я вывел из такого изречения Пророка — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир: „Воистину абиссинец, когда голоден, ворует, а когда сыт, развратничает“. Я предположил, что тот раб был голоден, а если так, непременно что-то украл, а если украл, без сомнения, схвачен и заключен в темницу“».

Милосердие Ибрахима ибн Адхама

Говорит рассказчик: «Однажды Ибрахим ибн Адхам увидел спящего посреди дороги пьяницу, изо рта у которого извергалась блевотина. Приблизясь к нему, Ибрахим ибн Адхам утер пьянице рот и продолжал свой путь. А тот, когда протрезвел и узнал, как поступил с ним Ибрахим ибн Адхам, побледнел и, раскаявшись, зарекся даже прикасаться к вину.

Вскоре после этого Ибрахим ибн Адхам услышал во сне голос: «О Ибрахим, воистину ради меня ты очистил уста того пьяницы, я же ради тебя очистил его душу».

ПОВЕСТЬ О РАСКОЛОВОЙ ЛУНЕ

«Мы говорим в Коране притчами, но люди упорствуют в неверии и требуют чудес. Они говорят: Не поверим тебе, пока ты не изведешь из земли источника, или будет у тебя сад с виноградом и пальмами, а ты проведешь между ними каналы, или спустишь на нас небо, как говоришь, кусками, или придешь к нам с Аллахом и ангелами, или будет у тебя дом из золотых украшений, или ты поднимешься на небо, но и тогда мы не уверуем в твоё восхождение, пока ты не спустишь нам Книгу». И так, исторический Мухаммад никогда не приписывал себе каких-либо сверхъестественных способностей и единственным свидетельством своей пророческой миссии считал божественную неподражаемость ниспосланного ему Корана. Однако благочестивые потомки, исходя отчасти из проповеднических целей, отчасти из желания выиграть «войну престижей» с другими вероучениями, приписали ему не только многие из чудес, которых требовали «упорствующие в неверии люди», но и «большие знамения». При этом яркая фантазия, восходящая к народным легендам и различным апокрифическим источникам и характерная в особенности для поздних житий Мухаммада, арабских, турецких, персидских, санкционировалась превратно истолкованным изречением самого Пророка: «Можете говорить обо мне все похвальное, но не то, что христиане говорят об Иисусе (т. е. что сам Мухаммад претендует на божественность)».

Первенствующая роль принадлежит фантастическим, житийным повестям о Мухаммаде и в малайской агиографии, подобно литературе зеркал, в художественной форме дающей назидательные примеры и образцы для подражания, но уже не в мирской деятельности, а в духовной жизни. Возникшие под влиянием персидской, а точнее, индо-персидской традиции в XVI — XVII вв. (не исключено, что «Повесть о кончине Пророка» в какой-то версии была известна еще в малаккские времена), малайские повести о Мухаммаде не дают его целостного жизнеописания наподобие современных им арабских сочинений «Пять отрядов слов о душе драгоценного» или «Зеница очей о житии верного, в которого веруют». Они представляют собой сравнительно краткие, самостоятельные произведения, посвященные, как правило, важнейшим в духовном отношении эпизодам жизни Пророка и соответствующие исконным верованиям и вкусам неофитов разнообразными рассказами о его сверхъестественном могуществе.

Житие Мухаммада, этапы которого отмечены этими произведениями, начинается «Повестью о Свете Мухаммада» — истории его предбытия в виде Света Пророчества, давшего начало мирозданию и нисходившего затем к каждому из пророков. Далее следует исполнявшаяся на ежегодных торжествах «Повесть о рождении Пророка»; «Повесть о мирадже Пророка»,

в которой рассказывается о почном восхождении Мухаммада на седьмое небо, когда он был от Творца «на расстоянии двух луков или ближе»; «Повесть о бритие Пророка», доверенном архангелу Джабраилу, после чего голову Мухаммада покрыли сияющим листом райского дерева, а 126 666 его волосков взяли в качестве амулетов спустившиеся с небес гурни, и «Повесть о кончине Пророка», перед которой Мухаммад во искупление греха позволил некоему Акасаху нанести ему удар бичом, и когда тот, духовно преображенный, отбросил так и не понадобившийся бич, вместе с Джабраилом вошел в отверстие врата рая. Популярнейшим произведением такого рода и является описывающая одно из самых небывалых чудес Мухаммада «Повесть о расколовшейся луне» с ее мощными, исполненными подлинно космического величия образами.

Другую группу агиографических сочинений о Мухаммаде составляют повести, призванные не столько вызвать благоговейный трепет читателя, сколько просветить его. К их числу относятся «Повесть о том, как Пророк поставил свою дочь Фатиму» — своеобразное зеркало для женщин, излагающее их семейные обязанности; «Повесть о том, как Пророк обучал Али» — суфийский трактат об этапах восхождения к Всевышнему, и две повести, призывающие быть милосердными к беднякам: «Как Посланник божий подал милостыню дервишу» и «Пророк и пицци».

Чтение повестей о Пророке считалось в высшей степени благочестивым занятием, сулящим блага в должном и горнем мирах. Одна из них, например, завершается такими словами: «И Пророк сказал: Я отрекаюсь от тех, кто предаст забвению эту историю. Да минует она рук неверных и еретиков, на тех же, кто лелеет ее в памяти, да сплывет милосердие и благословение Аллаха, да не войдет ни один вор в их дом, да не возобладают над ними ни один враг». В то же время ортодоксальное духовенство третировало их за слишком явную шиитскую окраску, выражавшуюся, в частности, в особом возвеличении Али, заметном и в «Повести о расколовшейся луне», где он единственный, кто решается вступить за Мухаммада и защитить его от нападок главного ненавистника Пророка — Абу Джахиля.

Луна свидетельствует о пророческом сане Мухаммада

Абу Джахиль — ненавистник Мухаммада узнает, что тот обратил сорок дочерей в ислам и именует себя Пророком Конца Времен. Абу Джахиль отправляется к государю Мекки — Джану Малику с жалобой на Мухаммада, и Джану Малик, чтобы установить, действительно ли Мухаммад удостоился дара пророчества, собирает всех мекканцев на равнине в замках Абу Талиба.

Воссев на престол, государь Джану Малик обратился к Аббасу и Абу Талибу * и спросил: «О арабы, ваш племянник по имени Мухаммад говорит, что он — Пророк Конца Времен и что после имени Аллаха — преславлен Он и возвышен! — возносящегося надо всей вселенной, имя его — наиславнейшее в арабских землях. А еще в Мекке ваш племянник называл себя Печатью Пророков и Опорой Пророков и насмехался не только над нами, но и над старейшими в нашем роду.

Что же до пророков прежних времен, то все они являли знамения своего пророческого дара: пророк Ибрахим * не сгорел, когда Намруд * вверг его в пламя огненное, и в том было его знамение; ковчег пророка Нуха * ангелы подняли в поднебесье и перенесли на сушу, и в том было его знамение; когда пророк Дауд * творил молитву, вместе с ним повергались ниц деревья, и в том было его

знамение; пророк Иса * словом воскрешал мертвых, и в том было его знамение; у пророка же Мусы* посох превратился в змею, а сандалии — в скорпионов, и в том было его знамение. Каково же знамение вашего племянника, что он именует себя пророком, и Венцом Пророков, и Опорой Пророков, и Стоянкой Пророков, и Господином Пророков? Если, как и те, кто был прежде, он явит знамение пророческого дара, мы уверуем, что он и вправду Пророк Конца Времен, ибо все великие и знатные мужи в арабских землях исполнены к нему безмерной приязни. Если он сумеет сотворить пред нами чудо, мы охотно станем следовать его словам, если же нет, то я приготовлю для него мочу верблюдов и мочу коней и прикажу вылить ему на голову, а лицо его повелю вымазать мелом и углем».

Когда Джану Малик произнес те слова, обратясь к ходже Аббасу и Абу Талибу, все хашимиты, не зная, как отвечать, промолчали, и только государь Али * ему отвечал и молвил: «О владыка, чего бы ни хотел ты от Мухаммада, тебе надлежит за ним послать, ибо, как бы не сказали иначе, что здесь собравшиеся страшатся появления Мухаммада перед народом». Тогда Джану Малик послал за Мухаммадом — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир! — одного из военачальников, известного своим высокомерием. Али же так помыслил в сердце своем: «Как бы отправясь за Мухаммадом — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир! — который затворился в доме Сити Хатиджи, он не явил бы неучтивости и не стал бы чваниться, ибо по всему видно, что сей военачальник — человек надменный и заносчивый».

И молвил Али, обратясь к нему: «О военачальник, когда отправишься звать Мухаммада, сдержи гневливость — ведь опора наша пребывает в доме Сити Хатиджи *, у женщины возраста почтенного. Помни, что вежество посланца, отправленного к равному, требует учтивости, а не грубости и высокомерия». Услышав те слова, воскликнул Абу Джахиль — да проклянет его Аллах: «Эй, военачальник, если отправишься звать Мухаммада, сироту, попечительствуемого Абу Талибом, и он не станет повиноваться, не мешкая притащи его сюда силой! Он, видно, не желает знать и не хочет слушать, что государь повелел всем арабам собраться на равнине. Кто такой его отец, что он позволяет себе не являться на зов?»

Когда государь Али услышал речи Абу Джахиля, он спросил: «В чем провинился Мухаммад, что ты приказываешь тащить его силой? Уж не задолжал ли он тебе или твоим родителям? Лишь неисправного должника следует приводить насильно, иных же людей по обычаю государей надлежит призывать с почтением». Заслышав спор Али с Абу Джахилем, Джану Малик повелел: «О военачальник, следуй словам государя Али и не слушай, что говорит Абу Джахиль!»

И военачальник отправился в квартал Сити Хатиджи, держась спесиво, и заходясь перед людьми, ему равными, и не являя

должной учтивости сынам человеческим. Когда же приблизился к ее кварталу, Сити Хатиджа, которая в ту пору прогуливалась по двору, заметила всадника, въезжавшего в ее квартал, обхождением грубого и надменного, поспешила в дом и, почтительно поклонившись Посланнику Аллаха, молвила: «О опора моя, к нам на двор едет какой-то всадник, что держит себя надменно с сынами человеческими и мужами, равными ему, и, как я заметила, он приближается к нашему кварталу с видом весьма спешивым».

При тех ее словах Посланник Аллаха не мешкая вышел из дому встретить приезжего и поглядеть на его обхождение, а военачальник меж тем подъехал к кварталу Сити Хатиджи, у ворот которого стоял Посланник — да пребудут с ним благословение Аллаха и мир! Они поглядели друг другу в лицо, и военачальник, без промедления спешившись, подбежал к Пророку и простерся ниц у его ног.

Молвил Посланник Аллаха: «О военачальник, что привело тебя ко мне?» С почтительным поклоном отвечал тот: «О Посланник Аллаха, твой раб явился к тебе, дабы передать, что государь Джану Малик просит опору мою явиться в земли Абу Талиба». Молвил Посланник Аллаха: «О военачальник, ступай к государю первым, я же вскоре последую за тобой». И военачальник, испросив соизволения удалиться, возвратился в земли Абу Талиба, а через миг после его ухода пред Посланником предстал архангел Джibraил, принесший повеление Всевышнего, кое гласило: «О Мухаммад, отправляйся на ту равнину к государю Джану Малику и исполни все, о чем он попросит, дабы обратить его в ислам». А когда Джibraил передал Посланнику Аллаха те слова, Всевышний призвал его и Михаила — мир ему! — к себе и молвил: «Ступайте, возьмите с собой ангелов и спуститесь в мир к возлюбленному моему Мухаммаду, ибо он без провожатых отправляется в земли Абу Талиба. Посему я вам и повелеваю снизойти в земную юдоль и сопровождать возлюбленного моего». И Джibraил с Михаилом взяли с собой по семьдесят тысяч ангелов в полном облачении, из коих всякий являл приметы дивной красоты, и, придя к Мухаммаду, его приветствовали и возгласили: «Мир тебе, о возлюбленный Господа!» А Посланник Аллаха ответил на их приветствие и сказал: «И вам мир, о Джibraил и Михаил!» Молвил Джibraил: «О Посланник Аллаха, мы со множеством ангелов явились к тебе по повелению Аллаха — преславен Он и возвышен! — дабы тебя сопровождать. А сих ангелов тебе даровал Господь Миров, и он удостоил тебя милости, и величия, и славы. Взгляни же на Его дар!»

И Посланник Аллаха поднял преславную главу и взглянул наверх, после же обратил взор вниз и увидел множество ангелов в полном облачении, беседующих на наречии ангельском, каждый из которых не походил на другого и был прекрасен ликом. Молвил тогда Джibraил: «О Посланник Аллаха, давай сотворим молитву в два rakata с благословением». И Посланник — да пребудут с ним

благословение Аллаха и мир! — сотворил ту молитву, а затем отправился в путь, сопровождаемый Джибранилом, шествовавшим по его правую руку, и Микаилом — по левую, и всеми ангелами, что, заполонив дорогу, выступали вослед Ему в земли Абу Талиба. И голоса ангелов гремели окрест, точно громовые раскаты.

Услышав те оглушительные клики, от которых, казалось, содрогнулась земля, государь Джану Малик обратился к своим везирам и спросил: «О мои везиры, что это за звуки, подобные гласу трубы в день Судный, доносятся до меня?» С почтительным поклоном отвечали везиры: «О наш господин, повелитель мира, это сирота Мухаммад, сопровождаемый ангелами, приближается сюда».

И тогда все, что был на равнине, устремили взоры на дорогу, и в тот же миг дневное светило померкло, словно бы сокрытое тучей ангелов, следовавших за Мухаммадом, а через мгновение в небесах ярче, чем солнце на восходе, засияла полная тринадцатидневная луна, и толпы людей узрели Посланника Аллаха, пришедшего на равнину, и весьма подивились его необычайному явлению. Хашимиты же, ведомые Аббасом и Абу Талибом, вышли ему навстречу.

Когда Джану Малик увидел, что Мухаммад пришел по его зову, он не мешкая повелел подать ему седалище и молвил: «О Мухаммад, от знатных мужей нашей страны я слышал, будто ты называешь себя Пророком Конца Времен, и Печатью Пророков, и Венцом Пророков, и Опорой Пророков, и Повелителем Пророков, и Стоянкой Пророков, и Образцом для Пророков. Какие же чудеса и знамения дают тебе право именоваться Пророком Конца Времен? Ведь нам известно, что все прежние пророки являли такие знамения и чудеса: пророк Ибрахим не сгорел, когда Намруд вверг его в пламя огненное, и в том было его знамение; у пророка Мусы посох превратился в змею, а сандалии — в скорпионов, и в том было его знамение; когда пророк Дауд творил молитву, вместе с ним повергались ниц деревья, и в том было его знамение; пророк Сулейман обладал волшебным кольцом, и в том было его знамение; пророк же Иса словом воскрешал мертвых, и в том было его знамение. Итак, все прежние пророки знамениями и чудесами свидетельствовали о своем пророческом даре. Какие же чудеса сотворишь ты? <...> Если не сможешь засвидетельствовать истинность своих слов, я прикажу облить тебя верблюжьей мочой и вымазать твоё лицо углем».

Отвечал Посланник Аллаха, обратясь к государю Джану Малику и всему народу: «О государь и все, кто здесь собрался, ужели вы не слышали слова Всевышнего, запечатленного в исповедании веры: „Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад — Посланник Аллаха. Воистину Он — Господь Миров, а пророк Мухаммад — Его истинный Посланник, коего Он возвеличил превыше всех пророков. И в пророке Мухаммаде завершение пророчества, и он — глава в собрании пророков, и зиждитель ислама, что обратит неверных и сотворит чуде-

са диковеннейшие, и он — возлюбленный Аллаха — преславлен Он и возвышен!“»

Молвил государь Джану Малик: «О Мухаммад, ныне все знатные мекканцы просят тебя призвать к себе луну, и, если сможешь ее призвать, пусть луна громко возгласит исповедание веры пред лицом твоим, дабы то услышал весь народ, и все сородичи мои, и рабы от мала до велика. Когда же она произнесет исповедание, повели ей войти в твой правый рукав и выйти из левого, после же расколется на две половины, из коих одна направится к востоку, а другая — к западу, а затем обе воссоединятся в небесах, так что между ними не останется и щели. Вот о чем я тебя прошу, и, если ты сумеешь исполнить сие прошение именитых мекканцев, и знатных мужей, и сородичей моих, мы все, собравшиеся на сей равнине, с готовностью обратимся в твою веру, ибо тогда ты воистину Пророк Конца Времен».

Едва лишь Джану Малик произнес те слова, Абу Джахиль — да проклянет его Аллах! — поспешно поднялся, схватил государя за руку и, возложив его руку себе на голову, воскликнул: «О венец арабов, великой радостью преисполнился я, услышав твои речи, ибо, по моему разумению, сироте Мухаммаду, которому попечительствует Абу Талиб, ни за что не призвать к себе луну!» Молвил Посланник Аллаха, обратясь к государю Джану Малику, и всему народу, и знатым мужам: «Воистину призвать к себе луну не в моей власти, но во власти Аллаха — преславлен Он и возвышен! — Господа Миров, Всевышнего, Всеславного и Всемогущего, Мощью и Волей коего движется вся вселенная».

Меж тем наступил вечер, и пророк Мухаммад отправился за водой для омовения. Когда же ее почерпнул, сотворил вечерний намаз в три раката и вознес молитву Аллаху — преславлен Он и возвышен! <...> Тогда все хашимиты поднялись на гору Джабаль Кубайс, и Посланник Аллаха сотворил там молитву в два раката с благословением, а после молвил, обратясь к государю: «О государь Джану Малик и вы, арабы, взгляните на величие Господа Миров, являющего свою Мощь всем своим рабам». И с теми словами он устремил взор к луне и возгласил: «О луна, во имя Всемогущества Господа Миров спустись ко мне, и да свершится Воля Его, пребывающая в Его рабе по дару Его!»

И луна спустилась с небес к Дому Божию* и, обойдя семь раз вокруг него, приблизилась к Посланнику. Когда же к нему приблизилась, остановилась и гласом, подобным раскату грома, исповедала пред ним веру, воскликнув: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад — Посланник Аллаха». И услышав то громогласное исповедание луны, все неверные, не желавшие признать Посланника, содрогнулись от ужаса и пали наземь без чувств. А луна, возгласив исповедание веры, вошла в правый рукав Посланника и вышла из его левого рукава, после же раскололась на две половины, из коих одна устремилась к востоку, а другая — к западу, и, вновь взойдя на небо-

свод, те половины воссоединились, так что между ними не осталось и щели.

Тогда Посланник Аллаха, сопровождаемый государем Джану Маликом, Аббасом, Абу Талибом, Али, Зубейром * и всеми знатными и именитыми мужами, спустился с горы Джабаль Кубайс и спустился на земли Абу Талиба. Государь же, спустившись вместе с ним, молвил, обратясь к сородичам: «Что скажете вы теперь о Мухаммаде? Ныне я уверовал, что он — Пророк Конца Времен, и Последний из Пророков, и Венец Пророков, и Опора Пророков, и Владыка Пророков, и Стоянка Пророков».

Услышав те слова Джану Малика, воскликнул Абу Джахиль — да проклянет его Аллах: «О мой господин, весь твой народ уверовал в чародея. Взгляните, о люди, не иначе как ворожкой Мухаммад смог призвать к себе луну!» Ответствовал государь Джану Малик: «О проклятый, ворожи Мухаммад хоть тысячу раз, он не сумел бы ее призвать. Низвел же он луну с небес, ибо воистину Всеславный Господь споспешествовал ему своим Могуществом. Коль скоро ты говоришь, что Мухаммад чародей, поворожи и призови луну, дабы к тебе спустилась. Если сумеешь, Мухаммад и вправду чародей, если же нет — я прикажу облить тебя верблюжьей мочой и вымазать твое лицо мелом и углем».

Когда Абу Джахиль услышал те слова, он покинул равнину и со своей семьей бежал, трепеща от страха перед государем Джану Маликом. А Мухаммад обучил Джану Малика и всех знатных и именитых мужей Мекки исповеданию веры, гласившему: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад — Посланник Аллаха и Его раб». И государь Джану Малик, очистив душу свою, принял ислам, а вслед за ним и все знатные и именитые мекканцы. Мухаммад же в сопровождении дядьев, сородичей и сподвижников, а равно и государя Джану Малика, его везиров, домочадцев и народа возвратился в дом Сити Хатиджи.

В гостях у Мухаммада Джану Малик жалуется ему на то, что одна из его жен родила безголового, безрукого и безногого младенца, и просит Пророка его исцелить. Мухаммад заворачивает новорожденную девочку в кусок грубой шерсти, творит молитву и, исцелив младенца, удостоивается даров и почестей государя.

ПОВЕСТЬ О СУЛТАНЕ ИБРАХИМЕ ИБН АДХАМЕ

Султан Ибрахим ибн Адхам, прославленный владыка Ирака, как-то раз повелел заново укрепить столицу, и когда новые стены были воздвигнуты, собрал всех подданных, дабы те указали в работе строителей хоть один изъян. Подданные наперебой восхищались совершенством кладки, и лишь старый дервиш заметил, обратиться к государю: «О повелитель, как и все на свете, эти стены не вечны, лишь горный мир не подвластен тленю». Тогда султан Ибрахим ибн Адхам отрекся от престола и решил удалиться от мира, но придворные, следовавшие за ним, умолили государя возвратиться. На обратном пути на берегу моря султан увидел слепую цаплю. Цапля широко раскрывала клюв, и рыба сама впрыгивала в него. Пораженный милосердием Аллаха к тем, кто полагается лишь на него, Ибрахим ибн Адхам устыдился своего маловерия и навсегда оставил царство.

Так начинается одна из версий малайской «Повести о султане Ибрахиме ибн Адхаме», созданной, возможно, в промежутке между второй половиной XVII — первой половиной XVIII в. шейхом Абу Бакар — выходцем из Хадрамаута, расположенного на юге Аравийского полуострова. Предлагаемая читателю краткая версия повести не содержит этих эпизодов, но по своему духу, сюжету и идеям мало отличается от длинной.

Реальный Ибрахим ибн Адхам отнюдь не был правителем Ирака. Он родился скорее всего в 730 г. в Балхе (современный северный Афганистан), происходил из семьи военных поселенцев-арабов и большую часть жизни провел в Сирии, предаваясь аскетическим подвигам. Это не помешало ему принять участие в ряде арабских походов против Византии, после одного из которых он и скончался в 777 или 778 г. Наибольшее впечатление на последующие поколения суфиев производили рассказы о добрых делах Ибрахима, его самоотречении и отказе от роскоши, в которой он провел ранние годы, и житие подвижника вошло во все суфийские агиографические сборники. Каноническая для этих сборников композиция, в которой краткие, не связанные друг с другом истории о святом перемежаются его изречениями, не привилась в малайской традиции. Правда, такого рода житие Ибрахима ибн Адхама вошло в «Сад царей», но не ему, а повести, привычно сюжетной и драматичной, была суждена подлинная популярность у малайцев.

Внешне «Повесть о султане Ибрахиме ибн Адхаме» весьма напоминает традиционное волшебное-авантюрное произведение. Как обычно, ее открывает описание могучего царства и его достославного правителя. Затем, в соответствии с законами жанра, «на заре, когда дикие звери еще не вышли на добычу», государь отправляется в странствие, останавлива-

ется отдохнуть под одиноким деревом и видит плывущий по реке предмет, принадлежащий уединенно живущей красавице. Ошеломленный, он устремляется на ее поиски, находит девушку в прекрасном саду, непременно с прудом, беседками и плодовыми деревьями, желится на ней, а затем покидает. У красавицы рождается сын, который жаждет увидеть отца и после долгих скитаний встречается с ним. Все это стереотипные мотивы такого рода произведений, слагающиеся в последовательность, диктуемую их столь же стереотипной, хотя в данном случае и несколько незавершенной, схемой.

Однако трудно найти произведение более далекое от волшебного-авантюрных повестей по своей тональности, идейному замыслу и системе ценностей, чем «Повесть о султани Ибрахиме ибн Адхаме». Пафос волшебного-авантюрных повестей — в рождаемой разумом, гармонизирующим хаос эмоций, способности обрести всю полноту земных благ и земного величия. Эта способность проявляется в неустанно подчеркиваемом величии героя. Пафос суфийской «Повести о султани Ибрахиме ибн Адхаме» — в рождаемой верой устремленности к нетленным ценностям горнего мира, которые обретают лишь те, кто отрелся от всех земных благ. Эта устремленность реализуется в показанном с такой же последовательностью аскетизме Ибрахима ибн Адхама.

Волшебные-авантюрные повести завершаются возведением героя на царство. «Повесть о султани Ибрахиме ибн Адхаме» начинается с его отречения от престола и странствия не в поисках приключений, но к святым местам. Найдя предмет, принадлежащий красавице (скажем, плывущую по воде прядь ее волос), герой волшебного-авантюрных повестей теряет голову от любви и предвкушения свидания. Ибрахим ибн Адхам, отведав плывущего по реке граната, приходит в ужас от совершенного греха, ибо утолил голод чужим. Женитьба на недоступной красавице и обретение сына для героев волшебного-авантюрных повестей — важнейшие этапы на их пути к славе. Для Ибрахима ибн Адхама при всей его привязанности к Сите Салехе и сыну Мухаммаду Тахиру и именно в силу этой привязанности оба события — лишь испытания, отвлекающие от главной и единственной цели жизни. Итак, не о цени приобретений: жена — царство — сын, но о цени отречений от того, другого и третьего рассказывает «Повесть о султани Ибрахиме ибн Адхаме», последовательно изменяя на противоположное значение каждого из стереотипных эпизодов волшебного-авантюрных повестей и оказываясь в полном смысле слова своеобразной суфийской антиповестью.

Нуруддин ар-Ранири упоминает среди прочих случаев жизни Ибрахима ибн Адхама о том, как подвижник во сне увидел архангела Джабраила с листом бумаги в руках. «Что это?» — спросил Ибрахим ибн Адхам. «Я записал на этом листе имена всех возлюбивших Аллаха», — отвечал Джабраил. «Записи и мое имя, хотя бы подо всеми другими», — попросил Ибрахим ибн Адхам и тотчас услышал глас божий: «О Джабраил, поставь имя Ибрахима ибн Адхама первым среди тех, кто Меня возлюбил!» Вопреки этому рассказу из двух неразрывно связанных сил, ведущих суфия к совершенству — страха божия и божественной любви, именно первая играет решающую роль в повести. Вторая из них — сила любви нашла особенно яркое воплощение в сочинениях малайского суфия Хамзы Фансури.

Запретный плод граната

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного.

Вот что рассказывается в повести. Правил в Ираке государь по имени султан Ибрахим ибн Адхам, святой Аллаха, чье царство было весьма обширно. И тот государь славился как великий подвижник, справедливый в повелениях своих, небывало

щедрый к везирам, военачальникам и подданным, знатным и простолюдинам, милостивый к ученым, законникам, дервишам и нищим, твердый в вершении праведного суда. Везиры и военачальники трепетали пред его величеством и любили его, многолюдная же страна государя благоденствовала, ибо был он властью нелицеприятным.

Однажды в час утренней молитвы так помыслил государь в сердце своем: «Аллах — преславен Он и возвышен! — даровал мне величие и власть в дольном мире, однако же не вечен дольный мир и подобен прекрасному сновидению, что бесследно исчезает, едва лишь проснешься».

Подумав так, его величество вышел в зал для приемов и воссел на трон царства, окруженный везирами, советниками, военачальниками, вельможами и подданными своими. И одарил он их дорогими одеждами, а потом раздал милостыню ученым, богословам, дервишам и нищим, кои вознесли к престолу Всевышнего молитвы о преумножении величия и славы султана Ибрахима на земле и за гробом. Когда же они закончили молитву, молвил государь, обратясь к одному из везиров, человеку надежному и доверенному: «О мой везир, в сей же час замени меня на царстве и возьми на себя управление страной. Правь Ираком с великим тщанием, будь справедлив ко всем рабам Божиим и вникай в дела гонимых, дабы избегнуть ответа в дни грядущие». С почтительным поклоном отвечив тот везир: «О господин мой, повелитель мира, куда желаешь ты направить стопы и в чем провинились перед тобой рабы твои, что ты ведешь такие речи?» Отвечив государь: «Я пойду тем путем, кой судил мне Всевышний».

Услышав те слова его величества, все везиры и военачальники горько заплакали. Меж тем государь передал им знаки власти и удалился во внутренние покои дворца, а они, снедаемые печалью, разошлись по домам.

Вот что рассказывают о султанине Ибрахиме, решившем покинуть дворец. В час перед рассветом, когда дикие звери не вышли еще на добычу, когда не угасли звезды и птицы не вылетели из гнезд, государь в одиночестве вышел из дворца, взяв с собой лишь посох, нож, чашу для сбора подаяния и кольцо, и отправился в путь через леса, равнины и джунгли. Так шел он до темноты, а потом, сотворив вечернюю молитву, предался поминанию имени Аллаха. Когда же миновала полночь, пробудился ото сна, провел в молитве остаток ночи и на рассвете совершил утренний намаз.

Проведя в скитаниях некоторое время, государь почувствовал голод и жажду и, заметив на краю равнины одинокое раскидистое дерево, поспешно направился к нему. Подойдя к дереву, он увидел, что неподалеку протекает ослепительно белая река, искрящаяся в лучах солнца, вошел в ту реку, а искупавшись, напился из нее воды, прохладной и сладостной на вкус. После

же выстирал баджу и шальвары, набрал воды для омовения и, завернувшись в молитвенный коврик, стал ждать, когда его одежда просохнет.

Затем государь сотворил полуденную молитву, бросил пристальный взор на воду и вдруг увидел, что по реке плывет плод граната. Не мешкая выловил он тот плод, разломил его пополам и, едва лишь съел половинку, содрогнулся в душе, поняв, что у плода, должно быть, есть хозяин. И весьма опечалился государь, что безрассудно насытился чужим гранатом. Так-то вот и всем нам подобает не порывам страстей следовать, но с терпением выполнять заповеди Всевышнего! А государь меж тем поспешно подвинулся на ноги и побрел вдоль берега реки.

Теперь расскажем о Шарифе Хасане, у которого была дочь по имени Сити Салеха, несказанно прекрасная лицом, разумная и мудрая. В ту пору ей исполнилось четырнадцать лет, и Шариф Хасан любил ее более всего на свете. Еще же был у Шарифа Хасана сад, где произрастали всевозможные плоды: финики и гранаты, виноград и изюм и многие иные. Посреди сада Шарифа Хасана был вырыт пруд с прозрачайшей холодной водой: вокруг пруда насадил он всевозможные цветы, справа и слева от него возвел две беседки дивной красоты. Еще же он провел канал от пруда до большой реки, через который воды пруда изливались в реку, и окружил сад каменной оградой. Сторожили тот сад двое друзей Шарифа Хасана, муллы, сведущие в божественных науках. Одного из них звали Шейх Исмаил, другого же — Муфтий Арифин. Оба они, удалившись от людей, предавались в саду делам благочестия.

Но прошествии некоторого времени тяжкий недуг одолел Шарифа Хасана, и понял он, что вскоре предстоит ему возвратить-ся под сень милости Всевышнего. Сити Салеха же горько опечалилась, видя, что болен ее отец. Ни днем, ни ночью не оставляла она отца, покидая его лишь во время молитвы, а свершив ее, возвращалась со слезами на глазах. Когда Шариф Хасан заметил, сколь грустно его дочь, он преисполнился к ней великой жалости и сказал: «О дитя мое, приблизься». Сити Салеха тотчас же подошла к Шарифу Хасану, он же взял ее за руку, поцеловал в голову и сказал: «О дитя мое, плод моей души, не печалься так обо мне, укрепи сердце, ибо Аллах по милосердию своему судил тебе в мужья султана Ибрахима ибн Адхама. О дитя мое, такова воля Всевышнего. Не являй же мужу непокорности, преданно исполняй все, что он повелит, и воздерживайся от того, что запретит, дабы удостоиться решения милостивого в Судный день. Когда явится сюда муж, просящий простить ему прегрешение, которое он совершил, съев плод граната, знай — это и есть султан Ибрахим ибн Адхам, святой Божий». Сказав так, Шариф Хасан описал дочери все приметы султана.

Меж тем в дом вошли Шейх Исмаил и Муфтий Арифин и приветствовали Шарифа Хасана, он же ответил на их привет-

ствие. Сити Салеха отошла от изголовья и села подле отца, а тот сказал, обратясь к Шейху Исмаилу и Муфтию Арифину: «О братья, вам доверяю я дочь мою Сити Салеху, любите ее как родное дитя, ведь она остается сиротой — без матери, без отца, без брата. Не откажите ей в своей любви! Вас обоих я назначаю опекунами дочери, мне же пора возвратиться в мир вечный». А потом молвил: «Прощай, о дитя мое, и будь счастлива. Если будет угодно Всевышнему, он дарует нам встречу за гробом. Неустанно верши дела благочестия пред лицом Аллаха, ибо дольний мир не вечен. Прощайте и будьте счастливы и вы, братья мои, не забывайте мои наказания, не оставьте своими заботами дочь мою Сити Салеху, замените ей меня».

Сити Салеха, Шейх Исмаил и Муфтий Арифин горько заплакали, и так сказали Шейх Исмаил и Муфтий Арифин, обратясь к Шарифу Хасану: «О брат наш, на волю Аллаха — прославен Он и возвышен! — предаешь ты дочь. Мы же, покуда живы, будем заботиться о ней наилучшим образом». Сити Салеха, внимая их словам, проливала потоки слез.

Вскоре Шариф Хасан возвратился под сень милости Аллаха и вступил в страну вечную. А Шейх Исмаил и Муфтий Арифин обмыли его и облачили в саван.

Все благочестивые и праведные мужи Куфы собрались у тела Шарифа Хасана, дабы вознести за него молитвы и предать его земле. Похоронив Шарифа Хасана, они разошлись по домам, а Шейх Исмаил и Муфтий Арифин вернулись в свой сад.

По прошествии четырех или пяти дней Муфтий Арифин явился в дом Сити Салехи. Завидев его, Сити Салеха поднялась и явила Муфтию Арифину знаки уважения, он же преподнес ей плоды из сада, которые Сити Салеха почтительно приняла. И молвил Муфтий Арифин: «О дитя мое, укрепи свое сердце и не печалься, ибо все в этом мире, где надлежит нам творить благие дела, преходяще и ничто не вечно. Мы же в нем подобны странникам». Ответствовала Сити Салеха: «О батюшка, продолжи свой рассказ, дабы душа моя обрела покой».

Молвил Муфтий Арифин: «О дитя мое, как-то раз Посланник Аллаха — да будет над Ним благословение и мир! — вместе с другом по имени Абдуррахман отправился к Фатиме*. Придя к ее дому, Посланник Аллаха постучался у дверей и сказал: „О дочь моя, отвори и позволь мне войти. Если же не позволишь, я возвращусь обратно, ибо пришел не один, а с другом“. Ответствовала Фатима: „О отец, как же мне быть? Ведь нет у меня подобающей одежды — лишь нижнее одеяние. Ты можешь войти, пришедший же с тобой пусть не входит“. Услышав те слова, Посланник Аллаха подал Фатиме свой плащ, она же, поспешно, приняла тот плащ, завернулась в него, и Посланник Аллаха вместе с Абдуррахманом смогли войти в дом. Войдя же, Посланник Аллаха опустился на деревянную скамью, Абдуррахман уселся у его ног на циновке, а Фатима села на голую зем-

лю. И увидел Абдуррахман, что дом Фатимы совершенно пуст, она же, стыдясь перед гостем, молча понурила голову. Молвил тогда Посланник Аллаха: „О дитя мое, терпеливо переноси страдания, и ты обретешь величие и богатство в мире горнем, ибо сея юдоль — лишь базар мира горнего“. Если такие вот слова, о дитя мое Сити Салеха, были сказаны Фатиме, то тем более относятся они к нам».

Когда Сити Салеха выслушала назидания Муфтия Арифина, на душе у нее стало легче. Муфтий Арифин же, закончив рассказ, возвратился к себе. Каждый четыре-пять дней он приходил в дом Сити Салехи и наставлял ее душеполезными историями.

Теперь расскажем о султани Ибрахиме ибн Адхаме. Несколько дней шел он вдоль берега реки, достиг окрестностей Куфы и, издали приметив тот город, направился к нему. Подойдя ближе, он увидел каменную стену, окружавшую сад, и канал, начинавшийся в саду и изливающий свои воды в широкую реку. Государь подошел к воротам сада, оказавшимся на запоре, и принялся громко кричать, прося, чтобы ему открыли, и стучать в ворота. Когда Шейх Исмаил услышал, что кто-то просит отворить ворота, он поспешно поднялся, приблизился к тем воротам и спросил: «Кто там? Не султан ли Ибрахим ибн Адхам?»

Услышав, что его окликнули по имени, государь весьма подивился и так помыслил в сердце своем: «Я всего лишь дервиш, откуда же он знает, как меня зовут?» Потом же отвечал: «Да, это я». Шейх Исмаил отворил ворота и приветствовал государя: «Мир тебе, о султан Ибрахим ибн Адхам!» Тот же не мешкая ответил на приветствие: «И тебе мир, о Шейх Исмаил». И оба обнялись, расцеловались и пожали друг другу руки. Затем государь воссел в беседке на берегу пруда, и Шейх Исмаил молвил, обратясь к нему: «Что привело тебя ко мне, о господин?» Ответствовал султан Ибрахим ибн Адхам: «О брат мой, я — жалкий дервиш, скитающийся по градам и весям, по лесам и равнинам. Как-то раз, кунаясь в реке, я приметил плывущий по реке гранат, достал его и, томимый голодом и жаждой, съел половину плода. Тотчас же пришло мне на ум, что у граната должен быть хозяин, у которого надлежит мне испросить разрешения съесть его и прощения за мой проступок. Если запросит он цену граната, я не смогу ее уплатить, ибо не владею ничем, кроме этого кольца, ножа, посоха и чаши для сбора подаяния. Их-то я и готов ему отдать, дабы загладить мое прегрешение. Если же он на это не согласится, я буду его рабом, покуда не возмещу цену половины граната». С теми словами государь подал Шейху Исмаилу оставшуюся половину плода.

Едва лишь Шейх Исмаил увидел тот гранат, он воскликнул: «Воистину это гранат из нашего сада!» После же молвил, обра-

тясь к султану Ибрахиму ибн Адхаму: «Знай, я не хозяин этому саду. Что же до граната, то он, без сомнения, уплыл по каналу, впадающему в большую реку. Уже тридцать лет сторожу я сад и доселе ни разу не отведал ни одного плода. А принадлежит сад Шарифу Хасану, который отошел недавно под сень милости Всевышнего. Однако он оставил после себя дочь по имени Сити Салеха. Если же ты, господин, желаешь просить ее отпустить тебе грех, ступай сначала к Муфтию Арифину, ибо Сити Салеха почитает Муфтия Арифина словно родного отца». Спросил государь: «А где живет Муфтий Арифин?» Ответствовал Шейх Исмаил: «Дом его стоит на том берегу пруда». Услышав те слова, султан Ибрахим ибн Адхам пожал Шейху Исмаилу руку и пошел вокруг пруда, направляясь к его другому берегу.

Меж тем Муфтий Арифин заметил султана Ибрахима ибн Адхама и хотел было пойти рассказать о том Сити Салехе, но увидел, что государь уже подходит к его дому, и не мешкая приветствовал его: «Мир тебе, о султан Ибрахим ибн Адхам!» Государь тотчас ответил на его приветствие и спросил: «О Муфтий Арифин, как узнал ты, какого я рода?» Потом пожал ему руку, обнял и поцеловал. Сказал тогда Муфтий Арифин: «Что привело тебя ко мне, о господин?» Молвил султан Ибрахим ибн Адхам: «Прошу, проводи меня к Сити Салехе». Ответствовал Муфтий Арифин: «Пойдем, я отведу тебя к ней».

И Муфтий Арифин с султаном Ибрахимом ибн Адхамом отправилась к Сити Салехе. Когда они подошли к ее дому, Муфтий Арифин вошел первым, и Сити Салеха, увидев Муфтия Арифина, поднялась, оказала ему подобающие почести и молвила: «О батюшка, вели войти султану Ибрахиму ибн Адхаму». Услышав те слова, Муфтий Арифин весьма удивился, как может Сити Салеха знать, что за дверью стоит султан Ибрахим ибн Адхам. А Сити Салеха меж тем приказала слугам подать два седалища и позвать государя в дом. Султан смиренно вошел и приветствовал Сити Салеху, она же почтительно ответила на его приветствие.

Затем Муфтий Арифин опустился на одно из седалищ, а султана Ибрахима ибн Адхама пригласил сесть на другое. Сити Салеха расположилась подле них. Муфтий Арифин передал Сити Салехе слова султана. Она же, выслушав рассказ, улыбнулась, взглянула на государя и увидела, что облик его несказанно прекрасен и точь-в-точь таков, как описал ее отец Шариф Хасан. Лицо государя распространяло окрест сияние, являя все приметы праведности, речь же была учтива и изящна. Султан меж тем также заметил, что Сити Салеха на редкость хороша собой красноречива, мудра и отмечена печатью набожности.

Молвила тогда Сити Салеха: «О батюшка, не продам я сей плод и не прощу султану Ибрахиму ибн Адхаму его прегрешения, ибо во всей Куфе не сыскать граната, который мог бы

сравниться с этим сладостью, вкусом и цветом». Услышав те слова Сити Салехи, султан Ибрахим ибн Адхам горько опечалился и сказал: «О Сити Салеха, наделенная совершенством разума, я — странник и дервиш, пришедший издалека путем нелегким. Нет у меня иного богатства, кроме этого посоха, ножа, кольца и чаши для подаяния, из которой я утоляю голод. Прощу тебя, отпусти мой грех, и даруй мне прощение». Сити Салеха же вновь не пожелала простить его, и тогда государь молвил: «Если ты, госпожа, не желаешь меня простить, дай мне какую-нибудь работу, дабы исполняя ее, я возместил цену граната». Сказав же так, он подал ей половину плода. Молвила Сити Салеха: «Что проку мне в этом гранате, высохшем и гнилом?» Сказал султан Ибрахим ибн Адхам: «О Сити Салеха, если ты освободишь меня от сего прегрешения, Всевышний по милосердию своему воздаст тебе за гробом». Молвила Сити Салеха: «Воистину справедливы твои слова. Тем, кто помогает рабам Божиим в дольнем мире, Аллах в мире горнем воздаст за благопрание их».

Спросил тогда султан Ибрахим ибн Адхам: «О Сити Салеха, что же ответишь ты мне?» Ответствовала Сити Салеха: «Тому, кто, съев чужой гранат, захочет освободиться от греха, надлежит жениться на владелице граната, иного пути нет».

Услышав те слова Сити Салехи, султан Ибрахим ибн Адхам замолчал на мгновение и задумался, Муфтий Арифин же молвил, обратясь к нему: «О господин, хорошо бы тебе сделать так, как говорит Сити Салеха». Государь согласился, и Муфтий Арифин сочетал его браком с Сити Салехой.

Когда стемнело, Сити Салеха подала угощение, украсила свое ложе и стала прислуживать мужу за трапезой. Сама же отведала лишь остатки с его блюда. Всячески угождала она мужу в ту ночь, и государь вкусил наслаждение, как подобает то по обычаю новобрачных. На рассвете султан Ибрахим ибн Адхам поднялся с ложа, дабы совершить вместе с женой омовение и сотворить утреннюю молитву.

А когда время близилось к полудню, молвил султан Ибрахим ибн Адхам, обратясь к жене: «О Сити Салеха, возлюбленная моя, прощай и пребывая в добром здравии, я же собираюсь в путь». При тех его словах сердце Сити Салехи затрепетало от страха, душа ее словно бы отлетела, а из глаз покатались слезы. Она помолчала, не в силах вымолвить ни слова, потом же спросила: «Куда уходишь ты, государь, супруг, опора моя? Неужто ты покинешь одинокую сироту?» С плачем припала Сити Салеха к стопам султана Ибрахим ибн Адхама и молвила: «Зачем, о возлюбленный, говоришь ты слова, сокрушающие мое сердце? Ведь я, сирота, оставшись без отца и матери, о том лишь помышляла в душе, чтобы до последнего дня быть рабыней у ног твоих. Не оставляй же меня, ибо нет у меня родных! Кто меня наставит, если ошибусь, кому я пожалуюсь в беде?».

Услышав те слова, султан Ибрахим ибн Адхам взял Сити Салеху за руку и молвил: «Не печалься, любимая, ибо Всевышний, Творец вселенной, дарует встречи рабам своим. Если будет Ему угодно, мы свидимся в горнем мире, укрепи же свое сердце». Спросила Сити Салеха: «Куда же направляешься ты, о господин мой?» Ответствовал султан Ибрахим ибн Адхам: «Я ухожу туда, куда судил мне Всевышний, а ты оставайся в добром здравии и молись, дабы Он даровал нам встречу за гробом». Молвила Сити Салеха: «О господин, прости мне, если я что-либо не так сделала или явила к тебе небрежение». Ответствовал султан Ибрахим ибн Адхам: «Истинный — преславлен Он и возвышен! — прощает грехи рабам своим, что страшатся возмездия. О любимая, знай, что мы в этом мире словно странники, мир же подобен женщине, облаченной в одеяния дивной красоты, в которую влюбляется всякий, кто на нее взглянет. Мудрые же, разумные и вежественные, приблизясь к такой женщине, видят, что она стара и безобразна, и преисполняются к ней отвращения. Постигни это, о возлюбленная, и да будут все твои дела исполнены благочестия».

Сказав так, султан Ибрахим ибн Адхам хотел было отправиться в путь, но Сити Салеха бросилась ему в ноги, горько зарыдала и лишилась чувств. Государь взглянул на жену, и сердце его преисполнилось жалости и сострадания к ней. Он обнял Сити Салеху, не в силах с ней расстаться, однако же тотчас опаматовался и, боясь, как бы его подвижничество не было нарушено и предано забвению из-за женщины, поспешил прочь <...>

Долго странствовал султан Ибрахим ибн Адхам от стоянки к стоянке и наконец достиг Мекки, вошел в Заповедную мечеть* и стал служить Всевышнему. Что ни день, совершал он обряд обхода Каабы*, неустанно призывая имя Аллаха и творя молитвы. И все, кто жил при Заповедной мечети, полюбили его, но так и не смогли узнать ни имени, ни рода государя, ибо скрывался он под видом дервиша.

Встреча с отцом

Оставшись одна, Сити Салеха неустанно молится о муже. Вскоре у нее рождается сын, которого нарекают Мухаммадом Тахиром. Дети смеются над тем, что у мальчика нет отца. Он жалуется на них матери, и она рассказывает сыну о султани Ибрахиме ибн Адхаме. Узнав об отце, Мухаммад Тахир отправляется на его поиски.

Вскоре Мухаммад Тахир достиг Мекки и вошел в Заповедную мечеть. Было же ему в ту пору двадцать лет. Войдя в мечеть, юноша стал всех расспрашивать о султани Ибрахиме ибн Адхаме, однако же никто о таком не ведал. Молвил тогда один из мужей, пребывавших в мечети: «Султан Ибрахим ибн Адхам — великий государь, что правит в Ираке. Откуда же ему быть здесь и кто может заменить его на царстве?».

При тех словах великая печаль объяла сердце Мухаммада Тахира, и стал он молиться Аллаху: «Господи, даруй мне встречу с отцом!» Едва лишь он произнес молитву, как увидел дервиша, совершавшего обход Каабы, несказанно прекрасный лик коего являл все приметы праведности. Мухаммад Тахир не мешкая приблизился к тому дервишу, приветствовал его, и дервиш ответил на его приветствие. Затем Мухаммад Тахир пристально вгляделся в его лицо и, видя, что оно во всем схоже с ликом султана Ибрахима ибн Адхама, как описывала его мать, почтительно спросил: «О дервиш, не знаешь ли ты султана Ибрахима ибн Адхама? Говорят, что он живет где-то здесь». Спросил дервиш: «Что за нужда тебе, о юноша, в султани Ибрахиме?» Ответствовал Мухаммад Тахир: «Я хотел бы передать ему поклон от Сити Салехи, дочери Шарифа Хасана». Вновь спросил дервиш: «О юноша, кем доводится тебе Сити Салеха?» Ответствовал Мухаммад Тахир: «Сити Салеха — моя мать, султан же Ибрахим ибн Адхам — мой отец». Услышав те слова, государь обнял Мухаммада Тахира, поцеловал его и молвил: «О юноша, я и есть султан Ибрахим ибн Адхам». Мухаммад Тахир же, услышав те слова, оказал отцу надлежащие почести.

Затем государь, исполненный великой радости, отправился вместе с сыном в Заповедную мечеть и принялся там вновь обнимать и целовать его, ликуя, словно влюбленный либо же человек, отыскавший безоары и иные драгоценные камни. В волнении государь ходил по мечети, ласкал сына и не мог ни на миг с ним расстаться.

А потом спросил он, обратясь к Мухаммаду Тахиру: «О дитя мое, как тебя зовут?» Ответствовал юноша: «Меня нарекли Мухаммадом Тахиром» — и передал отцу почтительный поклон от матери.

Те, кому ведома сия повесть, рассказывают, что султан Ибрахим ибн Адхам и Мухаммад Тахир не разлучались от полуденной молитвы до молитвы вечерней, и все то время государь не вспоминал об обходе Каабы. Внезапно же вспомнив, спросил сына: «Ответствуй, зачем ты меня разыскал?»

Молвил Мухаммад Тахир: «О отец, я пришел сюда лишь потому, что хотел тебя увидеть, послужить тебе и более с тобой не разлучаться до самой смерти, а еще потому, что надо мной смеялись товарищи по играм». Выслушав Мухаммада Тахира, султан Ибрахим ибн Адхам взглянул на небо и увидел, что наступил уже час вечерней молитвы, а он все еще пренебрегает обходом Каабы. Страшно разгневавшись, он воскликнул: «О Мухаммад Тахир, не мешкая ступай от меня прочь, иначе я снесу тебе голову!».

Мухаммад Тахир подивился в душе, отчего это гневается на него отец, и горько заплакал. Султан же вновь повелел ему уйти. Молвил тогда Мухаммад Тахир, прижав к стопам отца: «О отец мой, умерь свой гнев, ибо долго тосковал я по тебе,

а встретил лишь недавно. Так жаждал я этой встречи, что ради нее одолел бесконечно долгий путь, покинув в одиночестве матушку. О отец, прости мне и ей прегрешения наши, дабы за гробом явил нам Аллах свою милость».

Выслушав Мухаммада Тахира, молвил султан Ибрахим ибн Адхам: «О Мухаммад Тахир, поскорее оставь меня, ибо ты нанес мне сегодня великий ущерб». Сказал Мухаммад Тахир: «О отец, я чаял до самой смерти остаться с тобой, ты же на меня гневаешься». Ответствовал султан Ибрахим ибн Адхам: «О дитя мое, что такое разлука в мире сем — лишь день да ночь, горний же мир вечен, и в нем мы ни на миг не расстанемся».

Сколько ни уговаривал Мухаммад Тахир султана Ибрахима ибн Адхама, тот неизменно приказывал ему уйти, и молвил Мухаммад Тахир: «О отец, кто накормит меня, когда я буду страдать от голода, кто оденет меня, когда обветшают мои кайн и баджу? Да и дорога домой мне неведома». Ответствовал султан Ибрахим ибн Адхам: «О дитя мое, Аллах — преславлен Он и возвышен! — подает пропитание своим рабам и указывает им путь». С теми словами он протянул Мухаммаду Тахиру кольцо и сказал: «Не продавай сие кольцо ни в одной стране, кроме Ирака». Когда же юноша взял кольцо, прибавил: «В горнем мире мы вновь встретимся с твоей матерью, куда же передай ей, Шейху Исмаилу и Муфтию Арифину мой поклон и молитвы».

Сказал Мухаммад Тахир: «О отец, я не знаю, как добратся до Ирака». Ответствовал султан Ибрахим ибн Адхам: «Аллах — велик Он и всемогущ! — укажет тебе дорогу». Молвил Мухаммад Тахир: «О отец, молись, дабы Всевышний даровал мне скорую встречу с матерью». Сказав так, он почтительно приветствовал отца, после же, проливая слезы, отправился в путь, опечаленный разлукой.

Мухаммад Тахир приходит в Ирак и продает кольцо. Везир аль-Алам, сменивший на царстве султана Ибрахима ибн Адхама, узнает в юноше сына государя и предлагает ему трон и сокровища. Мухаммад Тахир, отвергающий славу и богатство в бренном мире, отказывается от всего и возвращается к матери в Куфу.

Хамза Фансури

НАПИТОК ВЛЮБЛЕННЫХ

Французский адмирал Болье, посетивший в 1620 г. Аче, в своих мемуарах описал визит к султану некоего незнакомца: «Этот человек, магометанин, именовав себя племянником Иисуса Христа и большим знатоком закона Мухаммада. Наделенный натурой пророка, он пришел к государю Аче, но тот был столь мало тронут его вразумлениями, что приказал ему остаться в дверях и при таких манерах не сметь входить, отчего прорицатель замолчал, словно внезапно пораженный немотой». Султаном был известнейший завоеватель Искандар Младший, отличавшийся такой маниакальной раздражительностью, что в день перед полнолунием ни один из придворных не отваживался к нему приблизиться. Пророком, раздосадовавшим султана своей «некуртуазностью», был величайший малайский суфий, прозаик и поэт Хамза Фансури. Тиетные попытки увещевать владык окончательно убедили его держаться подальше от двора и удерживать от «дружбы с раджами и эмирами» своих последователей, ибо сам Мухаммад «запретил быть рабами несправедливых».

Хамза Фансури родился во второй половине XVI в. в городе Барус (Фансур) на западном побережье Суматры. Барус славился не только как место сбора лучшей в те времена камфоры и процветающий порт, привлекавший арабских, персидских, индийских купцов. Он был также крупным центром богословия: сначала (с VII в.) — буддийского, а затем — мусульманского. Не исключено, что именно здесь, прежде чем отправиться в странствия, Хамза Фансури изучил арабский и персидский языки. Затем, взыскуя единения с Высшей Реальностью, он долго путешествовал — посетил Паханг на Малаккском полуострове, Бантен и Кудус — на Яве и, наконец, священные города Мекку и Медину, а возможно, и Багдад — центр суфийского братства Кадирийя, членом которого он стал. Возвратившись из Кудуса, Хамза обосновался в небольшом, затерянном среди джунглей поселении Шахре-е Ноу (Новый город), расположенном в дне пути от столицы Аче. Он считал, что обрел здесь истинное бытие, достиг цели суфийского познания, заново родился, и потому в стихах нередко называл себя «уроженцем двух городов».

В Аче при Алауддине Рияят Шахе (1588—1604) и Искандаре Младшем (1607—1636), в годы правления которых творил Хамза, суфизм был крайне моден. Достигший духовного просветления, прекрасно образованный писатель мог наблюдать на каждом шагу довольно вульгарные проявления этой моды. Султанский тронный зал носил название «Обитель совершенства», река в государевом парке — «Обитель любви», островок

на ней — «Остров божественного милосердия», аческая цитадель — «Град затворничества». Даже флагман султанского флота именовался не иначе как «Зерцало чистоты». Хамза, учивший о боге, более близком к любящему его, чем «шейная артерия», с иронией рассказывал об утонченных юношах и древних старцах, как по команде ставших суфиями и устремившихся на поиски всевышнего в лесную глушь. Но особенно резко он обрушивался на сторонников йогической практики постижения божественной реальности и одновременно на невежественных, по влиятельных при дворе ортодоксов, которые, подобно кади Аче, подозревали в каждом суфии вероотступника. Как известно, нападки на кади закончились уже после смерти Хамзы знаменитой «дискуссией у тропа», казнью учеников писателя и сожжением его книг.

Стремясь просветить своих «ше сведущих в арабском и персидском языках» соотечественников, Хамза Фансури первым создает на малайском языке трактаты по суфизму: «Напиток влюбленных» — относительно простое и краткое систематическое руководство для вступающих на суфийский путь; «Тайны постижных» — более сложное сочинение, построенное как автокомментарий к пятнадцати четверостишиям, в соответствии с традициями мусульманской педагогики предназначенным для заучивания наизусть; «Адепт» — книга о самопознании, доступная лишь посвященным.

В этих трактатах, следуя классикам суфийской школы «вахдат аль-вуджуд» («единство бытия») Ибн аль-Араби и аль-Джигли, Хамза Фансури излагает учение о не прекращающемся ни на миг процессе творения мира, возникающего как серия манифестаций (начала духовных, а затем материальных) божественной сущности, в которой, точно дерево в семени, потенциально содержится вся полнота бытия. Завершается процесс творения созданием человека, который объединяет в себе все манифестации, как духовные, так и материальные, и является точной уменьшенной копией мироздания — микрокосмом. Поэтому для постижения Творца человеку нет нужды «оглядываться по сторонам», достаточно обратиться к самопознанию. Тогда он узрит в глубинах «духовного сердца» сияющий лик Господа и еще при жизни возвратится к Творцу, замкнув извечный круг манифестаций. Путь мистического самопознания бесконечно труден, по бесконечно легким делает его божественный дар любви, опьяняющей влюбленного, лишаящей его страха, своекорыстия и, наконец, ощущения своего отдельного, индивидуального «я», превращающей его в приближенного раба, которому прощаются любые прегрешения. Именно величайшим в малайской литературе певцом этой любви, противостоящей мелочной осторожности рассудка и его страсти к стяжанию, и является Хамза Фансури.

С особой силой «тема любви» выражена в поэтических сочинениях Хамзы Фансури, которые написаны в жанре шаира, созданного им на основе синтеза традиций ближневосточной словесности и местного фольклора и ставшего впоследствии основным жанром малайской поэзии. Проза и стихи Хамзы Фансури обнаруживают сильное влияние ближневосточных суфийских авторитетов и классиков персидской поэзии — Аттары, Руми, Саади, Джами, Ираки и других, но в то же время глубоко национальны. Один из исследователей творчества Хамзы Фансури справедливо заметил о «внутреннем пейзаже» его произведений: «Он создает в воображении убедительную картину жизни малайского общества в XVI в., где по ночам люди разгуливают с факелами, облаченные в саронги и кайлы из хлопчатой ткани (и добавим: на всякий случай вооруженные пез-изменными крисами. — В. Б.), где влюбленные закладывают за ухо цветок, где бегают, точно олени, плавают, как киты, или продают водку из пальмового сахара, где мир уподобляется игральной кости, где зонтик с бахромой служит высшим символом знатности, где стоят плетеные заборы и юноши наносят почные визиты в кампунг (окруженный таким забором «квартал». — В. Б.) возлюбленной и где божественное и внешнее бытие в их взаимоотношении сравниваются с кокосовым орехом и его скорлупой».

Сочинения Хамзы Фансури — это не сухие труды педанта-ученого, обычные в малайской суфийской литературе более позднего времени, но произведения одаренного литератора, насыщенные яркими образами (в частности, милыми сердцу малайца образами морской стихии) и демонстрирующие виртуозное владение словом. Достаточно вспомнить построенное на игре антонимов рассуждение о том, как Аллах «... из имени Милосердный создал непреклонных в вере, а из имени Неодолимый — одолеваемых неверием», или еще более тонкую араджировку парных терминов: «отъединенность» — «уединенность» и «отлучение» — «отречение».

Предисловие

Знай, что немощный дервиш Хамза Фансури пожелал указать в книге на малайском языке путь к Господу — преславлен Он и возвышен! — и изъяснить постижение Его, дабы, если будет угодно Аллаху, Его рабы, не сведущие в арабском и персидском, могли судить об этих предметах.

Что же до самой книги, то он назвал ее «Напиток влюбленных», чтобы те, кто жаждет этого напитка, могли испить его, ибо в ней — речи влюбленных в Господа. Однако они изложены кратко и лишены пространности.

Постигновение Господа — дело невыразимо трудное. Если учитель не наделен совершенством, а ученик — мудростью, Его не постичь, ибо постижение — тайна Пророка — да пребудут с ним благословение Господа и мир! Все же нам надлежит стремиться к постижению в меру сил, ибо сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто възыскует с усердием, — найдет».

И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Стремление к знанию предписано всем мусульманам и мусульманкам».

И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Отправляйся на поиски знаний, будь они хоть в Китае».

И говорит Всевышний: Я ведь создал джиннов и людей, только чтобы они Мне поклонялись (то есть — познавали Меня)».

И еще говорит Всевышний в священном предании: «Я был сокрытым сокровищем, и возжелал быть познанным, и, дабы быть познанным, сотворил всяческую тварь».

Поэтому суфии и говорят, что наш долг в меру сил постигать Господа и поклоняться Ему. Не должно являть небрежения к делам веры, стремиться к мирскому величию и стяжать больше, чем потребно на утро и вечер; не должно также чрезмерно тревожиться о женах и детях, есть и спать, подобно скотам, ибо человек весьма возвеличен пред Господом. Познай же свое величие! Тот, кто стремится к Его постижению и вершит дела поклонения, велик пред Господом; тот же, кто не стремится и пренебрегает делами поклонения, несовершенен. Как говорит Всевышний: «У них сердца, которыми они не понимают,

глаза, которыми они не видят, уши, которыми они не слышат. Они, как скоты, даже более заблудшие. Они — находящиеся в невнимательности».

Мы не должны пренебрегать этими словами и думать, что лишь неверные пребывают в беспечности. А потому нам подобает преданность и стремление обрести знания у учителя, достигшего совершенства в Законе, Пути и Истине. Ибо закон подобен ограде, Путь — дому, Истина — имуществу, сберегаемому в доме. Если дом не огражден, воры расхищают имущество. То есть, того, кто стремится к Господу иначе, нежели путем Закона, искусит дьявол. Как говорит Всевышний: «Разве Я не заповедал вам, сыны Адама, чтобы вы не поклонялись сатане? Ведь он для вас враг явный!»

Итак, оградим себя, дабы не быть искушенными дьяволом. Тот, кто оградит себя оградой Закона, не будет искушен; тот же, кто выйдет за ограду Закона, несомненно, примет искушение.

Что же до тех, кто умаляет Закон либо унижает Его, то они — неверные — спаси Господи от такого удела! Ибо Закон неотделим от Пути, Путь неотделим от Истины, Истина неотделима от Постижения.

Эта четверица подобна торговому кораблю: Закон — его киль, Путь — палубный настил, Истина — груз, Постижение — прибыль от продажи груза. Если отвалится киль, кораблю не миновать крушения, а тогда мы лишимся и прибыли, и средств, истраченных на снаряжение корабля, и окажемся в убытке. А Аллах знает лучше!

Глава четвертая: в изъяснение того, что есть постижение Всевышнего

Знай, что Пророк — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — сказал: «Постижение — моя тайна».

И еще сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Молитва без постижения не имеет силы».

Знай: пророки и святые, мудрецы и схоласты согласны в том, что Аллах — преславлен Он и возвышен! — един, а не двойствен; извечен, а не явлен внове; творец, а не тварь. Он не имеет формы и цвета; непреходящий, а не тленный, не отделимый от твари, но и не пребывающий в ней; не отторжимый от твари, но и не содержащийся в ней. Нет подобного Ему и сходного с Ним, нет у Него соучастника и нет Ему равного. Он неподвластен пространству и времени, бесконечен. Святость Его превыше этих слов.

Все суфии, схоласты и богословы согласны в этом, однако суфии превосходят прочих, утверждая далее Его беспредельность и безграничность. Значение же понятий «беспредельность» и «безграничность» в том, что Он не пребывает ни ввер-

ху, ни внизу, ни справа, ни слева, ни впереди, ни позади. То есть, Он — Бытие, не подвластное шести направлениям. Он — словно безбрежный океан, словно ничтожный плод. Поэтому суфии и утверждают, что Аллах — преславлен Он и возвышен! — есть Вседержитель, ибо Он объемлет всю вселенную. Говорит Всевышний: «Он объемлет всякую вещь!»

И богословы утверждают, что всеобъемлюще Его Знание, суфии же — что и Его Сущность, и Его Знание — всеобъемлющи, ибо Он неотделим от Своего Знания. Ведь Аллах — преславлен Он и возвышен! — не таков, как человек, чьи знания можно отделить от него.

Далее, Аллах — преславлен Он и возвышен! — благодаря Своей Сущности и Знанию близок к нам, однако постичь эту близость невыразимо трудно. Это слово имеет четыре значения, и первое из них — близость во времени, второе — близость в пространстве, третье — близость по свойствам, четвертое — близость Всевышнего. И именно ее — близость Всевышнего — постичь крайне трудно.

О близости во времени говорят: «Времена Мухаммада — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — ближе к нам, чем времена Иисуса — мир ему!» О близости в пространстве говорят: «Луна ближе к нам, чем Плеяды». О близости по свойствам говорят: «Байязид* — да будет Господь им доволен! — ближе к Мухаммаду — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — чем Утба* и Шайба* — да будут они прокляты!» Ведь хотя Байязид более, чем Утба и Шайба, удален от Посланника во времени, он ближе к нему по своим свойствам. Близость же Аллаха — преславлен Он и возвышен! — к миру не такова, хотя и говорит о ней Всевышний: «И Он с вами, где бы вы ни были».

И еще говорит Всевышний: «И Мы ближе к нему, чем шейная артерия».

И еще говорит Всевышний: «И [Он] в ваших душах. Разве вы не видите?»

Поэтому суфии утверждают, что Всевышний близок к пророкам, святым и праведным, а также к многобожникам, неверным и нечестивым. Он близок ко всякой своей твари, но прежде всего дарует близость людям знания и служения. Итак, к тем, кто постигает Его и с усердием поклоняется, Он «близок», от тех же, кто не познает Его и грешит, — «далек». Однако смысл понятий «близок» и «далек» здесь иной, чем в примерах, изъясненных ранее. Выразить его невозможно, и он доступен лишь получившим откровение.

Вопрос. Если спросят: «Коль скоро Сущность Господа объемлет всю вселенную, пребывает ли Она в нечистотах?» — то ответить: «Это можно понять по аналогии с солнечным теплом, которое объемлет всю вселенную, равно согревая все: нечистоты и тлен, благое и дурное, Каабу и кумирни идолов; и от нечистот

не становится оно нечистым, от тлена — тленным, от благого — благом, от дурного — дурным, от Каабы не обретает оно благодати, от кумирни идолов — скверны. Коль скоро этого не происходит с теплом, то тем более с Аллахом — преславлен Он и возвышен! — превосходящим святостью все, что свято. Могут ли осквернить Его нечистоты и тлен?»

Вопрос. «Если Сущность Аллаха объемлет всякую вещь, то кто же страдает от адских мук и кто наслаждается райским блаженством?»

Ответ. «Это можно понять по аналогии с золотом и динаром. Если расплавить динар в огне, исчезнет динар, но не золото. Хотя золото и динар нерасторжимы, из золота можно сто и тысячу раз отчеканить новый динар, и всякий раз в огне погибнет лишь монета, золото же пребудет, как и прежде. Может ли оно уничтожиться и может ли погибнуть? Итак, динар подобен твари, золото — Творцу, уничтожается и гибнет лишь тварь». Эти слова крайне трудны для понимания, и тем, кто еще не постиг их смысл, мы поясним его изречением Али ибн Аби Талиба — да почтит Аллах его лик: «Я не вижу ни одной вещи без того, чтобы не видеть в ней Господа».

И еще сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто, глядя на всякую вещь, не видит в ней Господа, смотрит тщетно».

Поэтому суфии и говорят, что Сущность Аллаха объемлет всякую вещь. Богословы, суфии, схоласты и мудрецы согласны в том, что никто не постиг Сокровенной Сущности Господа — преславлен Он и возвышен! Однако же мы в меру наших сил можем высказать о Ней суждения по аналогии. А Аллах знает лучше!

Глава пятая: В изъяснение того, как проявляется Сущность Всевышнего

Знай, что суфии называют Сокровенную Сущность Истинного — преславлен Он и возвышен! — неопределенностью. Называют же Ее так потому, что Она недостижима для нашего разума и рассуждения, знания и постижения. Да и что сказать о нашем знании и постижении, если даже пророки и святые испытывали перед Ней благоговейный трепет. Поэтому Пророк — да пребудет с ним благословение Господа и мир! — сказал: «Преславлен Ты, мы не можем Тебя постичь истинным постижением».

И еще сказал Пророк — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Размышляйте о творениях Господа и не размышляйте о Его Сущности».

Поэтому суфии называют Ее неопределенностью, разумея под этим, что Она никак не проявлена.

Первая ступень определенности четверична и включает Зна-

ние и Бытие, Зрение и Свет. Эта четверица именуется первой ступенью определенности потому, что благодаря Знанию проявляются Знающий и Объект Знания, благодаря Бытию — Податель Бытия и Обретающий Бытие, благодаря Зрению — Видящий и Увиденное, благодаря Свету — Освещающий и Освещенное. Все это — Знающий и Объект Знания, Первый и Последний, Явленный и Сокровенный — получает имена на первой ступени определенности.

Что до Объектов Знания, то суфии именуют их Неподвижными Сущностями, иные называют Объекты Знания Умопостигаемыми Формами, иные — Сущностями Вещей, иные — Соединяющим Духом. Все эти понятия относятся ко второй ступени определенности.

На третьей ступени определенности проявляются человеческий, животный и растительный духи.

Четвертая и пятая ступени определенности объемлют мир тел, то есть всю вселенную и всяческую тварь. Их называют также ступенями беспрдельного множества.

Ступени определенности неисчислимы, однако Знание и Бытие, Зрение и Свет неотделимы от каждой из них, ибо без этой четверицы самопроявление Владыки ступеней определенности было бы невозможно. Поэтому суфии говорят, что бытие вселенной есть Бытие Господа. Вселенная воспринимается нами как сущая, хотя в действительности не обладает бытием, ибо получает свое бытие от Бытия, нисходящего по ступеням определенности. Лишь по недостатку знания мы считаем ее обладающей бытием.

Что до первой ступени определенности, то ее называют как Трансцендентной, так и Имманентной. Имея в виду Сущность, уединенную в самой себе, мы называем эту ступень Трансцендентной; имея же в виду Сущность вместе с совокупностью Ее Атрибутов и имен — Имманентной. Ибо Трансцендентное называют Имманентным в той мере, в которой оно является опорой всей вселенной от начала и до конца.

Первую ступень определенности суфии уподобляют океану. Когда воды океана вздымаются, их именуют волнами. То есть, когда Знающий взирает на Самого Себя, в Нем проявляется Объект Знания. Когда океан дышит и воды его испаряются, их именуют паром. Под ним разумеют единичных духов и Соединяющий Дух, которые пронизывают Неподвижные Сущности. Когда пар собирается в небе, его именуют тучей. Под ней разумеют вещи-в-потенции, которые, скопившись в Неподвижных Сущностях, готовы устремиться наружу. Когда капли падают из небесной тучи, их именуют дождем. Под ним разумеют Соединяющий Дух вместе с Неподвижными Сущностями, которые, повинуваясь Творящему Слову «Будь!», проявляют себя вовне, обретая многообразные формы. Когда дождь прольется на землю, его именуют потоком. Под потоком разумеют Соединяющий Дух,

Изначальные Потенции и Неизменные Сущности, «струящиеся» (т. е. актуализовавшиеся. — В. Б.) ниже ступени Творящего Слова. Когда поток изливается в океан, он вновь становится океаном, однако же океан несравненно свят и неизменен. Хотя и покидают Его воды, Он не мелеет, хотя и возвращаются к Нему — не переполняется, ибо святостью Он превосходит все, что свято.

Говорит Всевышний: «Все гибнет, кроме Его Сущности», а под Ней понимают Его Бытие. Оно — всегда сущее, все же, кроме Него, — никогда не сущее. Ибо, по мнению суфиев, лишь нечто, обладающее бытием, становится чем-то сущим, а ничто не может им стать. Это значит, что Аллах — преславлен Он и возвышен! — Необходимое Бытие, сущее благодаря Самому Себе, а не чему-либо другому, тогда как всякое бытие-в-потенции становится [актуально] сущим благодаря Ему. А если бытие-в-потенции становится [актуально] сущим благодаря Ему, то, следовательно, [изначально] оно не есть [актуально] сущее.

Богословы утверждают, что Он создал мир из ничего и, создав его, вновь ввергает в ничто. «Коль скоро это так, — говорят суфии, — то либо Всевышнему свойственна изменчивость, либо Его могущество ограничено. На наш взгляд, из ничего не может возникнуть нечто, а нечто не может обратиться в ничто». Гибнет лишь внешняя форма, но не духовная сущность. Это постигают по аналогии с умершим, у которого тленна лишь явленная телесность, сокровенная же духовность — нетленна. Как говорит Всевышний: «Не говорите о тех, которых убивают на Пути Аллаха: „Мертвые!“ Нет, живые! Но вы не сознаете».

То же и со всякой вещью; она имеет свое начало в Господе и возвращается к Нему, а не возникает из небытия и возвращается в небытие. Как говорит Всевышний: «Его приказ, когда Он желает чего-нибудь, — только сказать ему „Будь!“ — и оно бывает».

Суфии говорят, что слово «ему» предполагает нечто сущее, и, таким образом, Всевышний обращается к чему-то сущему. Не будь оно сущим, Всевышний не назвал бы его словом «ему». Еще суфии говорят, что Всевышний — Вечный и Всеведущий, а коль скоро Он всеведущ, в Его Знании должны существовать Объекты Знания. Все, чему Он дает бытие еще до грани Творения и за этой гранью, все, что мы видим, берет исток в Объектах Его Знания. А если это так, то Он творит нечто из чего-то сущего и не творит его из небытия. Под этим «чем-то» понимают существование в Нем определенных видов Предрасположенности. Как говорит Всевышний, «Каждый день Он в каком-либо состоянии».

О взыскующий знания, Бытие Аллаха — преславлен Он и возвышен! — подобно беспредельному и бесконечному океану, а вселенная и все, что ее составляет, — ничтожному пузырьку пены. Каков же удел каждого человека в этой пене? Ясно, что не

иной, чем тот, о котором говорит Всевышний: «Все, что пребывает во вселенной, исчезнет, вечен лишь Господь твой, Владыка Славы и Величия».

О взыскующий знания, вселенная подобна волне, а Бытие Всевышнего — океану. Хотя волна [внешне] и отлична от океана, в своей истинной сущности она тождественна с ним. Как говорит Всевышний, «Он сотворил Адама по образу Его».

Богословы утверждают: значение слов «по образу Его» в том, что Всевышний сотворил Адама по образу Адама. Суфии же утверждают, что по образу Творца. Однако ученые мужи не могут удовлетворительно истолковать это священное предание. А Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — сказал: «Всевышний сотворил Адама по образу Милостивого».

Поэтому Милостивый подобен океану, а Адам — пене. И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто познал самого себя, познал Господа своего».

Это предание также указывает на аналогию океана и пены. Тот, кто понимает его, понимает проявление Сущности Истинного — преславлен Он и возвышен! О ступенях Его проявления написано много, все же, что содержится в этой книге, — лишь краткое изъяснение.

Любящие Господа пусть взыскуют Его также и на пути поклонения Ему. А Аллах знает лучше!

Глава шестая: в изъяснение Атрибутов Аллаха — преславлен Он и возвышен!

Знай, что Атрибутов Господа, со-вечных с Ним, — семь: первый — Жизнь, второй — Знание, третий — Воля, четвертый — Могущество, пятый — Речь, шестой — Слух, седьмой — Зрение. Господь — вечен, и эта семерица со-вечна с Ним. Не будь семь Атрибутов со-вечны с Ним, Он не был бы совершенен. По этой причине суфии считают Атрибуты тождественными самой Сущности. Так, например, обстоит дело с Атрибутом Жизнь, благодаря Ему Сущность именуется Живой; или Знание, благодаря Знанию Сущность именуется Знающей; или Воля, благодаря Воле Сущность именуется Волящей. И точно так же со всеми Атрибутами, которым нет числа. Богословы же утверждают, что Атрибуты не есть Сущность, но и не есть Не-Сущность. Например, Имам Газали сказал: «Атрибуты Господа не есть сама Его Сущность, но и не есть нечто иное, отличное от Нее».

Что до Атрибутов Истинного — преславлен Он и возвышен! — то Они Совершенны. Ступенью ниже Божественного Совершен-

ства следуют Его Величие и Красота, все же прочее, что явлено во вселенной, — ниже Величия и Красоты.

Все благое берет начало в Атрибутах Красоты, все дурное — в Атрибутах Величия. Неверие исходит из Атрибутов Величия, вера — из Атрибутов Красоты, ад — из Атрибутов Величия, рай — из Атрибутов Красоты, гнев — из Атрибутов Величия, милосердие — из Атрибутов Красоты.

Сущность — всеобъемлюща; Ей сопричастны как Величие, так и Красота, ибо и Величие и Красота суть Ее Атрибуты. Порой Красота обращается в Величие, либо Величие — в Красоту. Так, дьявол первоначально имел истоком Красоту, а уже после стал сопричастен Величию. Итак, Атрибуты изменчивы, Сущность же — преславна Она и возвышенна! — по святости Своей превыше изменчивости.

Так, вода рождает волны, волны бесконечно изменчивы, вода же остается неизменной, она всегда прозрачна и чиста, не имеет формы и цвета. Все формы и всякий цвет берут начало в Атрибутах Величия и Красоты.

Суфии спрашивают богословов: «Господь сотворил одних верующими в Него, и Он же создал других неверными; отчего Он не сотворил их всех одинаковыми? Затем Он даровал верующим веру и постижение, неверным — неверие и многобожие и определил в удел верным рай, а неверным — ад, где и те и другие пребудут во веки веков. Его называют Справедливым, так отчего же Его дела таковы?» Богословы отвечают на это: «Ибо Он вершит все, что пожелает». Суфии говорят: «Если Он вершит все, что пожелает, то Он — притеснитель, ибо, если мог создать неверных верными, зачем сотворил их неверными, а сотворив таковыми, безжалостно вверг в ад во веки веков. Как же называют Его Справедливым?»

Богословы отвечают: «Это можно понять по аналогии с тем, как поступает хозяин козьего стада. Часть коз он забивает и свежует, а мясо их варит либо жарит на огне, насадив на вертел. Козы принадлежат ему, а не кому-то другому. Если бы он забил чужих коз, то был бы притеснителем, но, коль скоро своих, — не может быть так назван».

Суфии говорят: «А теперь послушайте наше толкование. Сущность Господа вечна. Изначальные потенции всяческой твари, пребывающие в Его Знании, также вечны. Все, что творит Аллах — преславен Он и возвышен! — Он творит в согласии со свойствами потенций. Потенции верующих имеют исток в Красоте, потенции неверных — в Величии. А так как Красота есть образ Милосердного, а Величие — образ Неодолимого, то Аллах — преславен Он и возвышен! — верша дела свои, из имени Милосердный создал непреклонных в вере, а из имени Неодолимый — одолеваемых неверием, ибо Его именуют также Подателем Стойкости и Приводящим к Покорности. И Он ввел верующих в рай и вверг неверных в ад согласно их изначально-

ным потенциям, ибо рай имеет истоком Милосердного, а ад — Неодолимого. Так он вернул каждого к его первоначальному».

Что до людей, ангелов и джиннов, то Всевышний повелел им всем поклоняться Ему, и они воистину Ему поклоняются, однако помощь и действие, сила и любовь исходят лишь от Него. Так что, когда Он видит тех, чьи изначальные потенции имеют исток в вере и Именах Милосердный и Податель Стойкости, Он повелевает им поклоняться. После же того, как они совершают дела поклонения, вводит их в рай. Неверным же Он дает силы творить грех и противиться вере и ожесточает их души, так что они не вмещают веры. Он видит, что изначальные потенции неверных имеют исток в Именах Неодолимый и Приводящий к Покорности. И он повелевает им грешить, а затем ввергает в ад. Вот что следует разуть под Его Справедливостью: Он не может быть назван притеснителем, ибо не изменяет чей-либо удел.

Истинно сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Ни одна пылинка не двинется с места иначе, как по воле Аллаха».

И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Благое и дурное от Всевышнего».

Однако все, восходя к Нему, становится сущим в согласии с изначальными потенциями Объектов Знания, заключенных в Его Знании, ибо потенции Объектов Знания суть разнообразные виды Предрасположенности Его Сущности. Сама же Сущность чужда разнообразию — Ее святость возвышенной всякой Предрасположенности и превосходит доступное для понимания.

Богословы говорят: «Если это так, то тщетны Его Воля и Могущество, ибо сущее становится тем, что оно есть, само по себе, в силу закона изначальных потенций, а не благодаря Воле и Могуществу». Суфии отвечают на это: «Воля и Могущество — сущие всегда, их Бытие вечно, однако Воля и Могущество действуют в согласии с потенциальностью Объектов Знания, ибо Объекты Знания — это виды Предрасположенности Его Субстанции. Если Он подвергнет изменению эти виды Предрасположенности, исчезнет Его Величие, а Оно — не что иное, как Его неизменное Совершенство. Итак, если Он подвергнет изменению Свое Величие, то не будет Совершенен».

Это можно понять по аналогии с тем, как поступает человек прекрасной наружности. Побуждаемый волей и могуществом, он кое-что изменяет в своей красоте — подводит брови, придает наилучшую форму носу и линии губ, однако совершает все это в согласии с мудростью. Действуя же иначе, чем в согласии с мудростью, он лишился бы своего совершенства.

Другую аналогию представляют умозаключения государя, наделенного столь совершенным могуществом, что он властен над всяким превращением: слонов может обратить в лошадей, а лошадей — в слонов, коз обратить в собак, а собак — в коз. Однако государь добровольно не совершает тех превращений, ибо

иначе он лишился бы своего совершенства, признав, что существовавшее прежде еще не было совершенным и что лишь сейчас он пожелал наделить его совершенством и величием. Да будет ведомо!

Нам же предписана вера в различные виды Его Предрасположенности, в Его Атрибуты и Дела и во все, что свидетельствует о Нем, как-то: рай и ад, страдания в могиле и адские муки, а также ответ в Судный день*. И, хотя все это не обладает истинным бытием, нам надлежит в это веровать, а тот, кто уклоняется от такой веры, причастен Атрибутам Величия и Имени Неодолимый, обретает кару свою и становится неверным — спаси Господи от такого удела! Тот же, кто несет такую веру в себе, — правоверный. Он причастен Красоте, и Милостивому, и Подателю Стойкости. А Аллах знает лучше!

Глава седьмая: в изъяснение любви и благодарности

Знай, что среди всех благородных степеней нет более возвышенной, чем степень любви, ибо ее нельзя достичь иначе, как по благодати Всевышнего. А влюбленного узнаешь по тому, что он не страшится смерти. Если же страшится, то воистину не влюблен, ибо влюбленный жаждет смерти. Как сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир, «тот, кто умер от любви, воистину удостоился мученического венца».

И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто возлюбил, и любил всеми силами души, и умер от любви, воистину удостоился мученического венца».

А суфии говорят: «Любовь — противник разума». Ибо разум стремится к жизни, любовь — к смерти; разум стремится к стяжанию богатств, любовь — к расточению их; разум стремится к сану владыки и везира, любовь — к уделу нищего; разум стремится к телесной крепости, любовь — к немощи; разум стремится к славе, любовь — к унижению; разум стремится к сытости, любовь — к голоду; разум стремится к возвышению, любовь — к уничижению. Поэтому суфии и говорят: «Любовь — противник разума».

Так, если некто захочет сразиться с сотней врагов, Разум скажет: «Не выходи на бой, ты одинок, а враги многочисленны. Как ты сумеешь их одолеть?» Любовь же скажет: «Хоть ты и одинок, не бойся». Как говорит Всевышний, «и когда придет их предел, то они не замедлят ни на час и не ускорят».

А желают смерти влюбленные потому, что сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Умри до смерти!»

И еще говорит Всевышний: «Скажи, [о Мухаммад]: „Если будущее жилище у Аллаха для вас исключительно, помимо людей, то пожелайте смерти, если вы правдивы!“»

Однако под словом «смерть» не следует понимать самоубийство оружием либо ядом. Умереть — значит всецело предаться Всевышнему посредством отъединенности и уединенности, которые суть отречение и отлучение. Под первым разумеют отречение от дома и богатств, от дружбы с государями и везирами; под вторым — отлучение себя от общества людей. Итак, отречение есть отъединенность от своего «я», а отлучение — уединенность с Господом или — иначе — они суть отвержение своего «я» и утверждение Господа. Таково значение слов: «Нет бога, кроме Бога, у которого нет сотоварища», ибо под «сотоварищем» Господа — преславен Он и возвышен! — разумеется человеческое «я». Если же человек отъединит свое «я», то уединится, иными словами, когда отъединит «сотоварища», пребудет с Ним в уединении. А достигший уединения стяжает имя влюбленного и опьяненного, ибо влюбленный отрекается от своего «я».

И тогда он не страшится тигров, которых страшится разумный, не страшится ни слонов, ни змей, ни пламени. Разумный же всего этого страшится. Поэтому суфии и говорят: «Любовь — противник разума». И влюбленного не ужасает ад и не влечет к себе рай, ибо он стремится лишь к Господу. Всякий, кто наделен такими свойствами, без сомнения, — влюбленный, всякий иной — влюблен в рисовую кашу, но не во Всевышнего.

И влюбленный, когда не в силах более скрывать тайну своей любви, восклицает, подобно Маулане Руми *: «Я — Аллах! Я — Аллах! Я — Аллах!»

Эти слова рождает опьянение, а не низменная страсть, и о том же говорил Шейх Мансур аль-Халладж *: «Я — Истинный!»

Нам не следует повторять подобные слова, если мы не достигли состояния сраженных любовью. Если же мы воистину влюблены и опьянены и не в силах более скрыть свою тайну, то они не вменяются нам в грех. Да будет ведомо!

ТАЙНЫ ПОСТИГШИХ

Автопортрет Хамзы-суфия

Хотя Хамза величья лишен,
Но сутью к Сущности причащен,
Хотя грубая пепа по форме он, —
Един с Океаном, что Утончен <...>

Узнай, что под словами: «Хотя Хамза величья лишен» — разумеется следующее: хотя он и ничтожен, но твердо убежден в том, что говорит, и не суесловит, хотя немогущ в [исполнении] всякого дела, как-то: подвижничество и поклонение, затворничество, самоограничение и отвержение мира. А сверх того не искушен в познании и постижении. Как говорит Всевышний, «даровано вам знания, только немного».

Да и как быть совершенным его постижению, если даже Посланник Божий сказал: «Преславен Ты, мне не постичь Тебя истинным постижением!»

Тем более нам, которым не превзойти в постижении Посланника. Однако в меру благодати, дарованной Всевышним, мы взыскуем Его и высказываемся о Нем то по откровению откровений, то по Его Проявлениям и Делах, Именам и Атрибутам.

Другое истолкование ничтожества Хамзы в том, что он лишен бытия. Если же лишен его, то не имеет также ни атрибутов, ни дел, а это и значит — ничтожен.

Узнай, что под словами: «Но сутью к Сущности причащен» — разумеется следующее: хотя он и ничтожен, его истинная суть неотделима от Преславной Сущности, ибо именно Она — Владычица его движения и покоя, благодаря Ей он сидит и стоит, спит и бодрствует, останавливается и идет. Именно Она побуждает его к действию и дает возможность совершить действие. Если

бы Она не побуждала Хамзу к действию, он не мог бы действовать, ибо Хамза подобен тени. Если бы Владыка тени не привел его в движение, как мог бы Хамза двинуться с места?

Другую аналогию представляют шахматные фигуры. Все они имеют началом древесину единого ствола, из которой затем вырезают разнообразные фигуры, получающие название король и ферзь, слон и конь, ладья и пешка. Так из одного куска древесины возникает множество фигур. Когда же во время игры говорят: король или ферзь, или слон, или конь, или ладья, или пешка, то это — лишь имена, а не истинная суть фигур. Однако фигуры близки тому, кто их вырезал и ими играет, ибо его рука постоянно прикасается к ним, и фигуры движутся лишь благодаря движению руки игрока. Таково значение стиха: «По сутию к Сущности причащен».

¹ Узнай, что под словами: «Хоть грубая пена по форме он» — понимается следующее: пена — это пузыряющаяся водяная масса, грубая по форме, однако, поскольку пена имеет своим началом воду, то по сути она — нечто утонченное. Лишь на поверхности океана пена становится грубой, поэтому ее отличают от воды только метафорически — ведь вода утонченна, а пена груба. В своей истинной сущности пена не отличается от воды. О пене говорят, что она груба, поскольку форма и имя у нее иные, чем у воды, однако в своей истинной сущности она не имеет ни формы, ни бытия, и имя ее также иллюзорно, а не реально, ибо пена постоянно вновь исчезает в воде. Таким образом, коль скоро Хамза — «пена», то могущество и воля, слух и зрение, разум и постижение, которые мы у него усматриваем, имеют началом не его самого, но «воду». Таково значение стиха: «Хотя грубая пена по форме он».

Узнай, что под словами: «Един с Океаном, что Утончен» — понимается следующее: утонченный — значит тонкий по сути; пена пребывает в постоянном единении с водой, ибо пена — нечто грубое, а вода — утонченное. Когда пузырьки пены лопаются, она вновь возвращается в воду. Поэтому и говорят, что пена едина с водой.

Согласно одному из мнений, бытующих у суфиев, единения не существует. Хотя и принято прибегать к слову «единение», однако оно — не более чем метафора. С точки зрения истинной сущности нельзя назвать единением отношение между вещью и ее предрасположенностью. Такое отношение не есть единение. К метафоре «единение» прибегают лишь для того, чтобы высказующие могли понять суть данного состояния; без этой метафоры было бы совершенно невозможно ни назвать его, ни познать, ни постичь.

Итак, достигнув совершенства, познай и постигни суть единения, после же исполний дела Закона, и да не выйдешь ты за его ограду! Ибо Закон подобен оболочке, Истина — мозгу, мозг без оболочки гибнет. Другую аналогию представляет кокосовый орех, обладающий кожурой и скорлупой, мякотью и маслом. Закон подобен его кожуре, Путь — скорлупе, Истина — мякоти, Постижение — маслу.

Благодаря этим четырем частям кокосовый орех совершенен, без любой же из них — несовершенен, и, если посадить его в землю без кожуры, он не взойдет и в конце концов погибнет. Точно так же и тот, кто взыскует Господа — преславен Он и возвышен! — пусть нерасторжимо соединит Закон, Путь, Истину и Постижение — и тогда станет совершенным. Если же отторгнет от себя Закон, попадет в число заблудших, и тогда, пусть он даже наделен умением летать по воздуху, либо ходить по воде, либо пожирать огонь, — все это лишь обманчивые чары и блуждание по ложным путям. Он не свят, и потому чудеса его суть не чудеса, но прелесть, внушенная дьяволом, либо джинном, либо чарами, либо гневом Всевышнего, ниспосланным с тем, чтобы он, введенный теми чудесами в заблуждение, полагал, что достиг единения с Господом.

Богословы полагают, что праведники, исполняющие Закон, совершают чудеса по благодати Всевышнего и что пророки творят чудо красноречия, а святые — чудо благородства. Оба вида чудес не являются грехом либо завесой, скрывающей Лик Господа.

Суфии же и влюбленные считают чудеса завесой и оковами и называют их «месячными мужей»*, ибо чудеса чреваты множеством опасностей, которых мало кому удалось избежать.

Учение о Пути принадлежит пророку Мухаммаду, Посланнику Божию — да пребудут с ним благословение Господа и мир! Тот, кто к нему прибегает, но не следует в своих поступках делам пророка Мухаммада — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — впадает в заблуждение: он не суфий. Однако не беда, если что-либо нарушит тот, чье постижение совершенно, — ибо оно есть постижение Господа его — когда он опынен, самоотречен и не сознает более ни Закона, ни Пути, ни Истины, ни Постижения. Ведь для него тогда все — повеление Божие, и он подобен приближенному рабу султана, живущему вместе с ним во дворце: что бы ни совершил такой раб, султан никогда не гневается на него. Те же, кто, следуя делам пророка Мухаммада, Посланника Божия — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — придерживаются Закона и Пути, Истины и Постижения, подобны главному везиру, неизменно исполняющему повеления султана. Хотя главный везир и не столь приближен к государю, как тот раб, живущий во дворце, по сану он выше него, ибо выступает государевым наместником и вершит его дела.

Хотя мы не видим, чтобы тот, кто придерживается Закона и Пути, Истины и Постижения, являл чудеса вовне, они пребывают в нем сокровенно. Не следует умалять Закона, ибо Всевышний именуется как Явленным, так и Сокровенным. Явленное в Нем — Закон, Сокровенное — Истина. Для большинства людей Закон есть нечто отличное от Истины, для суфиев же Закон и Истина тождественны. Закон сокрыт в Истине, Истина воплощена в Законе. Тот, кто достиг единения с Законом, достиг его и с Путем; тот, кто достиг единения с Путем, достиг его и с Истиной; тот, кто достиг единения с Истиной, достиг его и с Постижением. А Аллах знает лучше!

ПОВЕСТЬ О СЕРИ РАМЕ
(Перевод по источнику [9])

Гагак Насир — ракаса в обличье ворона, приближенный Раваны.

...подбросить кусок говяжьего мяса. — По индуистским представлениям, мясо коровы оскверняет жертву и лишает ее действительной силы.

Пераста Суды, сын Даркалаха Сины. Даркалах Сина — царь, родственник Раваны, побежденный Сери Рамой у горы Индра Паванам.

...начертил указательным пальцем круг на земле. — Черта вокруг дома Ситы, проведенная лаксманой, должна служить магическим оберегом, защищающим Ситу.

Кульзумское море — старинное арабское название Красного моря.

...не стреляй в него дважды... — По малайским представлениям, демоническое существо может быть убито лишь одним ударом или выстрелом. Если демону наносится второй удар, он оживает.

...желание мое исполнилось, и я получила все, что хотела. — Равана, стремясь уязвить Сери Раму и оклеветать Ситу, лживо намекает на то, что она стала его женой.

Нила Бута, Анггада Нила, Хануман Туганггах, Анггада Маха Биру, Нула, Карапг Туял — воисачальники армии обезьян.

ПОВЕСТЬ О ПОБЕДОНОСНЫХ ПАНДАВАХ
(Перевод на основе сравнения источников [8] и [17])

Индрапаста (санскр. Индрапрастха) — столица Пандавов, находилась на месте современного Дели. Согласно яванской театральной традиции события эпоса о Пандавах и Коравах разворачивались на территории Явы и Мадур; Индрапаста (она же Нгамарта) располагалась на северном побережье Явы около города Джапара; столица Коравов Астинапура — на Центральной Яве около современного Пекалонгана.

Бетара Кришна (Кресна) — воплощение (аватара) бога Бисну (санскр. Вишну), сын правителя Мадур — Басудеви, властвовавший в стране Дваравати; мудрый советник Пандавов.

Махараджа Мангсанати (санскр. Матсьянати) — царь страны Вирата, считавшейся у яванцев древнейшей на их острове и якобы располагавшейся на Центральной Яве; родственник и союзник Пандавов.

Санг Сета (санскр. Швета) и Санг Утара (санскр. Утара) — сыновья Мангсанати, военачальники Пандавов, павшие от руки Бисмы (см.).

Санг Дастаджаман (санскр. Дхриштадьюмпа) — сын Драунаты — тестя Пандавов, сразивший Дангянга Дрону (см.) и павший от руки его сына; Санг Сетьяки (санскр. Сатьяки) — шури Бетары Кришны, прославившийся в войне с Коравами и посивший прозвище Маленький Бима.

Махараджа Гатоткача (санскр. Гхототкача) — сын Бимы от ракасы Арпмбы, правитель Пурбайи на Восточной Яве.

Санг Абпманью (санскр. Абхиманью) и Ираван — сыновья Арджуны. Патих Сангкуни (санскр. Шакуни) — главный везир и советник Кора-

вов; Арья Дедари, Санг Санджайя — советники Коравов; Бегаван Бисма (санскр. Бхишма) — дед Пандавов и Коравов, великий отшельник и воспитатель Коравов.

Дангянг Дрона — брахман, наставник Пандавов и Коравов, вставший на сторону последних; Махараджа Салья (санскр. Шалья) — правитель Мандраки, по яванским представлениям расположенной на западной Мадуре; дядя Сакулы и Садевы и тесть Дурьодхалы, выступивший на стороне Коравов; Махараджа Джайядрата, Махараджа Бхагадатта, Махараджа Ранама — цари, союзники Коравов.

Арья Дестарата (санскр. Дхритараштра) — отец Коравов; Арья Видур — его праведный сводный брат; Бетари Кунти — мать Дхармавангсы, Бимы и Арджуны.

Махараджа Карна — по материнской линии старший брат Пандавов; великий воин, отвергнутый Пандавами, он был облакан Коравами и сражался на их стороне. Санг Дурсана (санскр. Дуршасана) — второй по старшинству из братьев Коравов.

Девы Сериканди — отличавшаяся воинственностью жена Арджуны; Девы Драупади — общая жена пятерых братьев Пандавов.

Пустака Калимасада — волшебное оружие Дармавангсы; первоначально, видимо, заклинание, обращенное к индуистской богине-разрушительнице Кали (Калимахаусада), впоследствии его обозначение контаминировало с близким по звучанию названием мусульманского символа веры (малайск. калимах сахада).

Бетара Вишну — индуистский бог, хранитель мира, по яванским представлениям, сын Батары Гуру (см.).

Бегаван Карепан — отшельник.

Бетара Мерпата — видимо, имеется в виду индуистский бог любви Камма; Девы Рати — богиня любви, супруга Каммы. Вместо нее в источнике [17] называется Девы Пертиви — богиня земли.

Чандрабрава — волшебное оружие Махараджи Салы, из него появлялись людоеды-раксасы, а когда их убивали, из тела каждого убитого возникало два новых.

Бетара Лудра (санскр. Рудра) — одна из ипостасей бога Шивы (см.); на Яве иногда имя отдельного божества.

Сокровенная сила — магическая сила, присущая как людям, так и некоторым предметам, например крикам (см.).

ПОВЕСТЬ ОБ АСМАРЕ ПАТИ (Перевод по источнику [18])

Алу-алу — гора на острове Ява.

Батара Гуру (букв. Божественный Учитель) — главное божество яванского пантеона, в образе которого соединились черты Шивы и Будды. Батара Брахма — в яванской театральной традиции бог огня, сын Батары Гуру, так же как и Батара Байю — бог ветра и Индра — владыка низшего из царств небожителей. Батара Санг Хьянг Тупгал (букв. Первоединный Бог) — порождение местной яванской мифологии, иногда верховное божество. Брахма Сакти, Брахма Нуса — местные божества или небожители. Все эти боги в мусульманский период, когда была написана повесть, утратили первоначальные функции и приобрели скорее сказочный, чем религиозный характер.

Курипан — столица Джанггалы, государства, основанного в конце XI в. на Восточной Яве в районе современного Маланга, к западу от реки Брантас.

Тукам — река на острове Ява.

«В основу перевода положен источник [7], сопоставленный с источниками [15] и [28] и незначительно дополненный по источнику [3]

Даха — столица Кедири, государства, основанного в конце XI в. на Восточной Яве в районе современного Маджуна, к востоку от реки Брантас.

Соча Винду — видимо, вымышленное государство, постоянно упоминающееся в повестях о Панджи. Тумасик — древнее название Сингапура; Самарап — возможно, Семарапг — порт на северном побережье Явы; Баламбанган — княжество на крайнем востоке Явы; Блитар — город и область на Восточной Яве; Мандада (или Меданда). Путранегара, Нусантара — возможно, вымышленные государства, последнее из которых, судя по названию, располагалось на острове за пределами Явы.

...закрыв девять отверстий тела, скрестил руки на груди, задержал дыхание и сосредоточился на мысли о Курипане... — Здесь описывается акт йогического сосредоточения, с помощью которого Ранга Лаве переносится в Курипан.

Джеруде (Джеруде-младший), Пунта, Кертала, а также Персанта, Джеруде-старший — небожители, вместе с Найей Кесумой (будущим Раденом Ину) воплотившиеся на земле; спутники и слуги Радена Ину.

Си Каламисани — крис с прямым широким лезвием.

Разве таковы сыновья могущественных государей, что жаждут жизни, когда их свяжут. — Связать яванского или малайского аристократа значило нанести ему величайшее оскорбление.

Си Тогог — Если Си Бутатил и Астра Джива (Семар) — слуги «партии жениха», то Си Тогог в повестях о Панджи — комический слуга из «партии невесты».

Сажал сахарный тростник, да вырастил горький буюнок. — Пословица, указывающая на неожиданный результат действия. Здесь: «Хотел осрамить другого, но осрамился сам».

ПОВЕСТЬ ОБ АНДАКЕНЕ ПЕНУРАТЕ

(Перевод по источнику [23])

Сакурба (Супарба) — прославленная своей красотой небесная нимфа, которую боги, согласно легендам, посылают искушать отшельников.

Пьеса об отшельничестве Арджуны. Имеется в виду сцена из пьесы «Мингарага», в которой Арджуна предается аскетическим подвигам на горе Индра Кила, получает волшебную стрелу Шивы, убивает демона Ниватакавачу и женится на нимфе Супрабе.

...семь раз умереть и возродиться... — Имеется в виду индуистско-буддийское учение о карме, согласно которому душа каждого существа проходит цепь рождений, воплощаясь в человеке, животном и т. д.

Дармадеви — одна из небожителей, сотворенная богом Брахмой из цветка дерева нагасари.

Ласем — средневековое княжество на северном побережье Центральной Явы.

Банджаран Сари — сад небожителей, обитель Шивы и небесных нимф.

...зубы царевны были черны, словно надкрылья жука... — Чернение зубов считалось у яванцев признаком красоты.

Старший брат — обращение к возлюбленному или супругу.

Лес Паджапан — лес, часто упоминающийся в повестях о Панджи.

ПОВЕСТЬ ОБ ИСКАНДАРЕ ДВУРОГОМ (Перевод по источнику [19])

Рум — арабское название Греции, затем Византии, а после ее падения — Османской империи.

...рыба по имени Нун... — Рыба, на которой, по мусульманским представлениям, покоится земля.

Сури — средневековый арабский писатель, автор одной из версий «романа» об Искандаре Двурогом.

Балминас — видимо, Буллиас, древнегреческий философ I в. н. э. Аполлоний Тианский.

Адам, Шис (библейск. Сиф), Идрис (библейск. Енох), Нух (библейск. Ной), Ибрахим (библейск. Авраам) — согласно мусульманской традиции пророки — предшественники Мухаммада. Худ и Салех — упоминаемые в Коране (но отсутствующие в Библии) пророки, посланные к легендарным народам ад и самуд, которые не верили их увещаниям и были за это уничтожены Аллахом.

...всего лучше, если возьмет кобылиц, а не жеребцов. — В некоторых версиях «романа» Искандар берет в страну мрака кобылиц и оставляет у ее границы их жеребят. Кобылицы стремятся к жеребятам и выводит войско Искандара из страны мрака. В данном контексте вся эта фраза бессмысленна.

Лива аль-Мухаммад — Знамя Мухаммада, под которым в конце времен соберутся правоверные.

...а их, словно... — Лакуна в тексте, по которому выполнен перевод.

Микаил, Асрафил, Джабраил (Джибраил), Азраил — четыре архангела мусульманской традиции.

ПОВЕСТЬ ОБ АМИРЕ ХАМЗЕ (Перевод по источнику [28])

Рустам, Сам сын Наримана, Бижап — иранские богатыри, герои эпоса Фирдоуси «Шах-наме»; Кавус (точнее, Кей Кавус) — один из государей древнего Ирана в том же эпосе.

ПОВЕСТЬ О МУХАММАДЕ ХАНАФИИ (Перевод по источнику [4])

Зайн аль-Абидин — сын Амира Хусейна (см.) и внук последнего праведного халифа Али (см.); Умми Салама — одна из девяти жен Мухаммада.

Дуа ль-акбар — одна из мусульманских молитв.

Я дух Амира Хусейна... — В 680 г. в битве на равнине Кербелы сын Али — Хусейн, претендовавший на престол, был убит Язидом — наследником первого омейядского халифа Муавии. У мусульман-шиитов Хусейн почитается святым.

МАЛАЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ (Перевод по источнику [32])

Анделас — старинное название Суматры. Палембанг — город на Южной Суматре, древняя столица государства Шривиджайя. Татанг — протекающая на Южной Суматре река Муси, на которой стоит Палембанг.

Танджунг Пура — широко распространенный в Индонезии топоним, здесь, вероятно, имеется в виду средневековое малайское государство на Южном Калимантане.

Слава его величеству... победы. — Текст на сильно искаженном санскрите, переходящий в отдельные слова.

Падука Сери Махараджа — четвертый, возможно, легендарный правитель Сингапури.

Как-то ночью государь... — Имеется в виду третий (или второй) султан Малакки — Мухаммад-шах (1424—1444).

Джидда — порт Мекки, священного города мусульман.

...меж тем весть о величии малаккского государя... — Имеется в виду шестой (или пятый) султан Малакки — Мансур-шах (1456—1477).

Бруней — султанат на северном побережье Калимантана.

В то время у его величества... — Имеется в виду султан Махмуд-шах — последний правитель Малакки (1488—1528).

Ала ад-дин — седьмой (или шестой) султан Малакки (1477—1488).

Как-то раз в пору запуска воздушных змеев... — Рассказ заимствован из версии «Малайских родословий» 1612 г. (перевод по источнику [27]).

Посылать бетель... — То есть свататься.

Гоа — центр португальских владений на Востоке, расположенный на западном побережье Индии.

Буппара — цитадель Мухаммада Ханафии.

Муар — река на юге Малаккского полуострова, берущая начало в современном султанате Негри Сембилай. Пагох, Бептаян — населенные пункты на реке Муар. Бату Хампар — поселение в верховьях реки Малакка. Паханг — султанат на восточном побережье Малаккского полуострова.

ПОВЕСТЬ ОБ ИНДРАПУТРЕ

(Перевод по источнику [1])

К нему прибегаем, благодаря Аллаху все возвышеннейшее. — Стандартное для малайских повестей выражение, обычно следующее за формулой «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного». Оно резюмирует описанную в предисловии концепцию творения: обращение к Аллаху (*к Нему прибегаем*) и благодаря воспринятому вдохновению создание возвышенного (т. е. совершенного) произведения.

Бахр аль-Ашикин — Море влюбленных.

Бахр аль-Аджаиб — Море чудес.

Гаруда — царь птиц, на котором летает бог Вишну; изображается в виде гигантской птицы с короной на голове.

Индрагири — средневековое малайское государство на восточном побережье Суматры.

ПОВЕСТЬ ОБ ИСМЕ ЯТИМЕ

(Перевод по источнику [24])

Лангкави — остров у побережья султаната Кедах, иногда отождествляется с Лангкапури, столицей Раваны, и потому выступает как место, где происходят различные чудеса.

Занавес малабарской работы. — То есть занавес, изготовленный в одном из городов Малабарского побережья Индии.

ПОВЕСТЬ О МУДРОМ ПОПУГАЕ

(Перевод по источнику [16])

Пророк Сулейман (библейск. Соломон) — по мусульманским преданиям, повелитель животных и джиннов, искушенный в волшебстве.

ПОВЕСТЬ О ХАНГ ТУАХЕ
(Перевод по источникам [21], [31] и [13])

Бинтан — крупнейший из островов архипелага Риау, расположенного между Малаккским полуостровом и восточным побережьем Суматры. Дунг — река, впадающая в Малаккский пролив южнее города Малакки.

Келинг — малайское название индуистского государства Виджаянагар, перенесенное на все Коромандельское побережье Индии.

Тингги — видимо, один из островков архипелага Риау.

Снантан — остров в группе Анамбас, расположенной к востоку от полуострова Малакка. Джемаджа — крайний западный остров в группе Анамбас.

...луковицу губят ее же цветы. — Малайская поговорка, смысл которой: человека губит желание во что бы то ни стало показать себя.

Тренгану — султанат на северо-востоке Малаккского полуострова.

...змея одолеет гаруду. — Согласно малайским системам предсказаний, день делился на несколько частей, благоприятных или неблагоприятных для тех или иных дел и стоящих под различными «знаками» («знак гаруды», «знак змеи» и т. д.). Здесь, вероятно, имеется в виду час, благоприятствующий отплытию; когда солнце наполовину поднялось над горизонтом и «знак гаруды» сменился «знаком змеи».

Зонты царства — зонт (белый или желтый) был в малайских государствах важнейшим символом власти.

КУТЕЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ
(Перевод по источникам [20], [14])

Меланти — одно из древних поселений на территории султаната Кутей, расположенного на юго-востоке Калимантана.

Теппан Вату, Танджунг Парангап, Танджунг Ривана — названия различных местностей в нижнем течении одной из крупнейших рек Калимантана — Махакам.

Грызущий буйвол, лающий бык — табуистические названия для мыши и собаки.

Пулау Семанги, Бунтанг, а также Пулау Панджанг, Пулау Линдур — различные географические пункты на территории султаната Кутей, населенные баджоу (см. глоссарий).

Кота Чондонг, Ранча Суджи — различные пункты на территории поселения Джантан Лаяр.

Рассказывают, что по прошествии... — Дальнейший текст переведен по краткой версии Кутейских родословий [14].

Кутей Лама — старая столица султаната Кутей; устье Бенгалонга — местность в нескольких километрах от Кутей Лама.

ПОВЕСТЬ О ПАТАНИ
(Перевод по источнику [29])

Саи — город на берегу Сиамского залива в 50—60 км к югу от Патани. Табих — населенный пункт в глубине страны примерно на полпути из Саи в Патани. Таких — пригород столицы Патани.

Кеди — вероятно, имеется в виду Джамбатан Кеди, один из районов столицы, расположенный близ реки, где жили иностранцы.

...люди станут сравнивать звук барабанов царицы и Энчик Пуан. — Везиры намекают на то, что коронацию Энчик Пуан неуместно проводить не только близ дворца, но и вообще в пределах столицы.

Тамбанган, Танджунг, Паспр Бендараджа — населенные пункты на территории султаната Патани.

КОРОНА ЦАРЕЙ (Перевод по источнику [25])

Бухари — то есть автор «Короны царей» Бухари аль-Джаухари
Пророк Юсуф (библейск. Иосиф Прекрасный) — согласно мусульманской традиции считался правителем Египта.

Кааба — храм в Мекке, в стену которого вделан черный камень — величайшая из мусульманских святынь.

Омар — один из сподвижников пророка Мухаммада, ставший вторым праведным халифом; правил с 634 по 644 г.

Огнепоклонник — то есть последователь древнеиранской религии зороастризма, важное место в которой занимало поклонение священному огню.

Парвиз — царь из персидской династии Сасанидов, правивший с 590 по 628 г.

Нуширван Справедливый — царь из династии Сасанидов, правивший с 531 по 578 г.; символ мудрости и справедливости.

Бузурджмихр — везир Нуширвана, олицетворение мудрого советника.

Лукман — легендарный мудрец и целитель, которому приписываются сборник басен и множество изречений.

САД ЦАРЕЙ (Перевод по источникам [12], [21], [11])

Искандар Второй — султан Аче, правивший с 1636 по 1641 г.

Дар ас-Салам — Обитель Мира, название столицы Аче.

...после [государей прежних времен...]. — Здесь и далее в квадратных скобках заключены слова, отсутствующие в арабском оригинале Корана и хадисов, но включенные в их малайский перевод.

ПОВЕСТЬ О РАСКОЛОВОЙ ЛУНЕ (Перевод по источнику [26])

Аббас, Абу Талиб — дядя пророка Мухаммада.

Намруд (библейск. Немврод) — легендарный основатель вавилонского царства, проклятый Аллахом за попытку выстроить вавилонскую башню.

Пророк Ибрахим (библейск. Авраам), Нух (библейск. Ной), Дауд (библейск. Давид), Иса (Иисус), Муса (библейск. Моисей) — признаваемые исламом пророки; перечисляются их описанные в Коране чудеса, свидетельствующие о пророческом сане.

Али — зять пророка Мухаммада, четвертый из праведных халифов, пользуется особым почитанием у шиитов.

Сити Хатиджа (Хадиджа) — первая жена пророка Мухаммада.

Дом Божий — Кааба (см.)

Зубейр — двоюродный брат пророка Мухаммада, убит в 656 г.

ПОВЕСТЬ О СУЛТАНЕ ИБРАХИМЕ ИБН АДХАМЕ (Перевод по источнику [22])

Фатима — прославившаяся праведностью дочь пророка Мухаммада, жена халифа Али.

Заповедная Мечеть (Байт аль-Харам) — Главная мечеть Мекки.

Обход Каабы — мусульманский обряд, исполняемый, в частности, паломниками в Мекку.

*Хамза Фансури,
напиток влюбленных
(Перевод по источнику [2])*

Байязид (Байязид Бистами) — известный мусульманский подвижник, умерший в 875 г.

Утба (Абу ль-Валид Утба) — курейшит, тесть Абу Суфьяна, одного из главных противников Мухаммада; погиб, сражаясь против пророка в битве при Бадре.

Шайба — вероятно, имеется в виду шейх клана бану Шайба, потомственных хранителей Каабы, враждебных Мухаммаду.

...ответ в Судный день. — По мусульманским представлениям, в Судный день всякий даст отчет в своих делах, праведных и греховных.

Маулана Руми (Джалаладдин Руми) — великий персидский поэт-суфий (1207—1272).

Мансур аль-Халладж — известный суфийский мыслитель, казненный как еретик в 921 г.

ТАЙНЫ ПОСТИГШИХ
(Перевод по источнику [2])

...и называют их «месячными мужей». — По мусульманским представлениям, женщина в период месячных «нечиста». Подобно тому как муж в это время воздерживается от общения с ней, Аллах, считая чудеса «нечистыми», не дарует чудотворцам единения с ним.

ГЛОССАРИЙ

Адипати — правитель крупной области, нередко принадлежавший к семье государя.

Аланг-аланг — сорная трава типа осоки высотой до двух метров.

Амок — припадок неустойчивой ярости, своего рода болезнь. Это состояние вызывали у себя воины перед боем.

Ангсапа — раскидистое дерево с ценной древесиной.

Ангсока (санскр. ашока) — небольшое дерево с ароматными цветами.

Арак — крепкий алкогольный напиток, изготавливаемый из пальмового сахара.

Арек — орех арековой пальмы, используемый при приготовлении бетеля (см.).

Баджоу — собирательное название аборигенов побережья острова Калимантан.

Баджу — часть национального малайского костюма наподобие длинной куртки.

Бейт — основная единица арабо-персидской метрики, стих, состоящий из двух полустиший.

Балей — веранда на сваях, большой крытый помост. Располагается у передней стены дворца и служит залом для приемов; иногда возводится как отдельное строение, своего рода беседка.

Батик — малайская и яванская ткань, окрашенная способом воскования.

Бахар — мера веса, равная 37,5 кг.

Баям — растение из семейства амарантовых, напоминающее шпинат.

Безоар — окаменелости, находимые в желудках некоторых животных; считалось, что безоары обладают магической и целебной силой, и поэтому они очень высоко ценились.

Белимбинг — вид плодового дерева.

Бендахара — главный везир, канцлер государства, премьер-министр.

Бетель — ползучее растение, листья которого употребляются для жевания.

Бетис — плод дерева с твердой древесиной.

Бикун (палийск. бхикун) — буддийский монах.

Брахман — индуистский жрец.

Варингин — баньян, гигантское дерево со множеством воздушных корней.

Варсика — род тропического цветка.

Газ — мера длины, равная 91 см.

Галлон — крупное португальское парусное судно.

Гамелан — яванский национальный оркестр, состоящий главным образом из ударных инструментов.

Гандасули — растение с бледно-желтыми цветами, используемыми как украшение.

Гантанг — мера веса, равная 3,1 кг.

Гендер — музыкальный инструмент с медными пластинками, укрепленными на бамбуковых резонаторах, род ксилофона.

Гентери — род духового инструмента.

Герисинг ваянг — ткань, на которой изображена какая-либо сцена из пьес яванского кукольно-теневого театра.

Гуриндам — тамильская поэтическая форма; у малайцев — двустишие афористического характера.

Деманг — один из высших государственных сановников, представлявших исполнительную власть.

Джинн — сверхъестественное существо в мусульманской демонологии, сотворенное из огня.

Дирхем — серебряная монета.

Дуриан — фруктовое дерево и его плод, покрытый колечками; обладает тонким вкусом, но неприятным запахом.

Дэвы — мифологические существа, род небожителей.

Индры — мифологические существа, обитающие на небе бога Индры — нижнем из расположенных в несколько прусов небес индуистской мифологии; в малайской традиции мусульманских времен эта их локализация передко утрачивается.

Йоджана — расстояние, «на которое идет слон», равное 15—17 км.

Кайп — часть малайского национального костюма; длинный кусок ткани, который обертывается вокруг бедер напоподобие юбки.

Кайн пеликат — кайн из материи, привезенной из города Пуликат на Коромандельском побережье Индии.

Калам — тростниковое перо.

Кати — малайская мера веса, равная 622 г.

Кеджамас — состав для мытья головы.

Кеди ди — небольшая птица с длинным клювом напоподобие ржанки или зуйка.

Кекавин (какавин) — эпическая поэма на древнеяванском языке, написанная в соответствии с нормами санскритской поэтики.

Келади — съедобные корнеплоды.

Келемба — дерево с ароматной древесиной.

Келики — род орехов с твердой скорлупой, из которых добывается масло.

Кемунинг — дерево с золотистой древесиной и ароматными белыми цветами.

Кестури — кустарник, папоминающий можжевельник, с ароматной древесиной.

Кесумба — вид растений, из которых получают красный краситель.

Кидунг — новояванская поэма, написанная по правилам яванского стихосложения.

Крис — национальный малайский и яванский кинжал с волнообразным лезвием.

Кунча — мера веса от 247 до 494 кг.

Кшатрий — член касты воинов, в Малае знатный воин, «рыцарь».

Лаис — род пресноводной рыбы.

Лакса — числительное (10 000).

Лаксамана — одно из высших должностных лиц; командующий флотом, иногда также страж гарема и хранитель султанского меча.

Лебей — духовное лицо низшего звания при мечети или в селении.

Лембедак — род речной рыбы.

Маджа — плодовое дерево, листья и корни которого употребляются для изготовления лекарств.

Ман — мера веса, равная 36 кг.

Малака (мелака) — дерево, плоды которого используются в медицине, кора идет на изготовление краски, а древесина — на изготовление угля.

Мараун — лекарственное растение.

Махат — королевский паж.

Махареси (санскр. махариши) — индуистский отшельник, достигший высокой степени святости.

Махдум (араб.) — господин — звание высокообразованного духовного лица.

Мендераса — род чемпаки (см.).

Минбар — возвышение в мечети, с которого произносятся проповеди.

Мулла — мусульманское духовное лицо.

Мышиный олепек (канчиль, пеландук) — карликовая лань до 50 см в длину, с выступающими наружу клыками.

П а л е х — мера веса, равная приблизительно 50 кг.

П а м а з — одна из пяти ежедневных мусульманских молитв.

Н а р д — растение, из которого изготавливают ароматическое масло.

П а н г л и р а н — здесь знатные наложницы, восходившие в индуистское время на погребальный костер государя.

П а н д а п — род ланы, используемой для изготовления плетеных изделий; душистый пандан — разновидность пандана с ароматными ворсистыми листьями.

П а н т у н — малайское народное четверостишие с перекрестной рифмовкой, в первых двух строках содержащее звуковой или символический нарек, который раскрывается в двух последующих строках.

П а п а я я — дынное дерево и его плоды.

П а р а н г — широкий нож типа мачете, длиной около полуметра.

П а т и х — главный везир, первый министр.

П е л а н г и — пестрал, многоцветная ткань.

П е н и а р а м — кондитерское изделие из рисовой муки с сахаром.

П е р и — вечно юлая, прекрасная фея персидского фольклора и литературы; в малайской традиции пери бывают не только женщинами, но и мужчинами и населяют особое царство.

П и а в а с — лекарственное растение.

П о л е н г — род дорогой клетчатой ткани.

Р а д ж а б — седьмой месяц мусульманского календаря.

Р а к а т — серия ритуальных движений, сопровождаемых словесными формулами; из одного или нескольких ракатов складывается мусульманская молитва.

Р а к с а с а (ж. р. р а к с а с и) — сказочное чудовище, великан-людоед.

Р а м б у т а п — вид дерева и его съедобный плод.

Р е б а б — струнный смычковый инструмент наподобие скрипки.

С а к а н — подчиненные, слуги, обычно из числа малаккских аборигенов.

С а м п а н — вид лодки; бот.

С а р о н г — род малайской национальной одежды наподобие юбки (см. кайн).

С е л о к а — близкое к пантипу народное четверостишие, не обладающее, однако, двучастной композицией.

С е р е й — вид травянистого ароматного растения, из которого получают масло.

С и л а т — военный танец без оружия, род малайской национальной борьбы.

Т а х и л ь — мера веса для золота, равная 37,5 г.

Т о м п а к — драгоценный сплав меди и золота.

Т у м е н г у н г — саовник, ведавший полицией и внутренними делами.

Т у р и — небольшое дерево с белыми цветами, из корней и плодов которого изготавливают лекарства.

Ф у с т а — старинное португальское гребное судно с 20—30 гребцами.

Х а д ж и — человек, совершивший хадж — паломничество в Мекку.

Х а д и с — изречение пророка Мухаммада или прецедент из его жизни; состоит из собственно текста (м а т и) и перечня передатчиков (п с н а д).

Х а н г — титул, который носили многие военачальники, особенно малакские второй половины XV в.

Х а т л ф а — дорогая ворсистая ткань, род бархата.

Х а ш и м и т ы — члены рода Хашим, к которому принадлежал пророк Мухаммад; этот род входил в состав мекканского племени курайш.

Ч е м п а к а — вид вечнозеленого дерева с желтыми цветами.

Ч е р а н а — круглый или овальный металлический сосуд на ножках для хранения ингредиентов бетеля.

Ч у л и к а — тропический цветок.

Ш а и р — малайская классическая поэма любовно-авантюрного, исторического или аллегорического содержания, состоящая из четверостиший.

Ю ю б а — растение из семейства крушиновых.

1. Ali bin Ahmad (ed.). Hikayat Inderaputra. Kuala Lumpur, 1968.
2. Attas Syed Muhammad Nagnib al. The Mysticism of Hamzah Fansuri. Kuala Lumpur, 1970.
3. Baharuddin Zainal (ed.). Hikayat Chekel Waneng Pati. Kuala Lumpur, 1965.
4. Brakel L. F. (ed.). The Hikayat Muhammad Hanafiyyah. A Medieval Muslim-Malay Romance. The Hague, 1975.
5. Dzulkifli bin Mohd. Salleh (ed.). Hikayat Merong Mahawangsa. Kuala Lumpur, 1973.
6. Hikayat anak pengajian. Пук. ИО ИВАН. Д 446.
7. Hikayat Chekel Waneng Pati. MS Leiden, Cod. Or. 2283.
8. Hikayat Pandawa Jaya. MS RAS Raffles, Mal. 2.
9. Hikajat Seri Rama. Djakarta, 1952.
10. Hill A. H. (ed.). Hikayat Raja-Raja Pasai.— Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society (далее — JMBRAS). 1960, vol. XXXIII, pt. 2.
11. Hooykaas C., Perintis Sastra. Djakarta, 1953.
12. Iskandar T. (ed.). Bustanul Salatin. Kuala Lumpur, 1966.
13. Kassim Ahmad (ed.). Hikayat Hang Tuah. Kuala Lumpur, 1968.
14. Kern W., Commentaar op de Salasilah Koetai. 's Gravenhage, 1956.
15. Kesusasteraan Melayu. Rampai-rampai III. Cherita Hindu dan Jawa. L., 1958.
16. Kesusasteraan Melayu. Rampai-rampai VI. Hikayat-hikayat yang berbingkai. L., 1958.
17. Khalid Khussain (ed.). Hikayat Pandawa Lima. Kuala Lumpur, 1913.
18. Klinkert H. C. Bloemlezing uit de Maleische Geschriften. Leiden, 1913.
19. Leeuwen P. J. van (ed.). De Maleische Alexanderroman. Meppel, 1937.
20. Mees C. A. (ed.). De Kroniek van Koetai. Santpoort, 1935.
21. Niemann G. K. (ed.). Bloemlezing uit Maleische Geschriften. D. 1—2. 's Gravenhage, 1906.
22. Regensburg A. (ed.). Hikajat Sultan Ibrahim. Batavia, 1891.
23. Robson S. O. (ed.). Hikayat Andaken Penurat. The Hague, 1969.
24. Roorda van Eysinga P. P. (ed.). Hikayat Isma Yatim. Batavia, 1237 (r. x.) (в араб. графике).
25. Roorda van Eysinga P. P. (ed.). Taj as-Salatin. De Kroon aller Koningen. Batavia, 1827.
26. Rudjiati Muljadi S. W. (ed.). Hikayat Bulan Berbelah.— «Bahasa dan Kesusasteraan», j. 3, Jakarta, 1968.
27. Shelabear W. G. (ed.). Sejarah Melayu. Kuala Lumpur, 1967.
28. Taib Osman M., Abu Hassan Sham (ed.). Warisan Prosa Klasik. Kuala Lumpur, 1975.
29. Teeuw A., Wyatt D. K. (ed.). Hikayat Patani. The Story of Patani. The Hague, 1970.
30. Wall A. F. von de (ed.). Hikayat Bachtiar. Batavia, 1880.
31. Winstedt R. O., Blagden C. O. (ed.). A Malay Reader. Ox., 1917.
32. Winstedt R. O. (ed.). The Malay Annals or Sejarah Melayu.— JMBRAS, 1938, vol. XVI, pt. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. В. Н. Брагинский	3
Старинное малайское предисловие к сборнику повестей	20
Повесть о Сери Раме	24
Рождение Сери Рамы	25
Рождение Ситы Девы	31
Похищение Ситы Девы	35
Хануман в Лангка Пури	38
Гибель Раваны	43
Повесть о победоносных Пандавах	48
Посольство Бетары Кришны и начало Великой войны	50
Гибель Абиманью	58
Гибель Махараджи Сальи	61
Повесть об Асмаре Пати	69
Пролог на небесах	70
Повесть о Чекеле Ванент Пати	73
Похищение Ину Кертапати	74
Спасение Чандры Кираны	82
Повесть об Андакене Пенурате	90
Судьба Кен Тамбухан	91
Повесть об Искандаре Двурогом	102
Путешествие к Великому водовороту	103
Путешествие в страну мрака за живой водой	108
Повесть об Амуре Хамзе	119
Сказание пятое, в коем повествуется о том времени, когда пове- лителю правоверных Амиру Хамзе и Умару Умайе исполнилось по семь лет	121
Сказание шестое, в коем повествуется о том, как мекканцы див- вились силе Хамзы, и само преисполияющее изумлением все страны арабов и неарабов	123
Повесть о Мухаммаде Ханафии	127
О том, как Мухаммад Ханафия был пленен и в сражении ли- шился руки	128
О том, что предприняли братья Мухаммада Ханафии	130
Повесть о раджах Пасея	136
Верность Туна Брайма Бапы	138
Малайские родословия	154
Нисхождение на гору Си Гултанг Махамеру	160
В Сингапуре	164
Основание Малакки	166
Султан Малакки и китайский император	168
Малаккцы (I—IV)	172
Гибель бендахары Сери Махараджи	177
Падение Малакки	183
Повесть об Индрапутре	186
Предисловие	187
Глава пятая, в коей повествуется о том, как пришел Индрапутра на берег моря Семендера Джиг, как даровала ему пери, храни-	

тельница моря, волшебный талисман и как похитил он одежды	188
Повесть об Исме Ятиме	203
Проделки царевны-из-сапфира	204
Приметы женского совершенства	218
Повесть о мудром попугае	224
Как пророк Сулейман влиял совету дикобразу	225
Как козел спас жизнь государю Хиндустана	227
Повесть о Бахтиаре	231
Злоключения двух царевнич	233
Повесть о Ханг Туахе	238
Первое сражение	241
Поединок с Ханг Джебатом	246
Дурные предзнаменования	257
Кутейские родословия	261
Происхождение государей Кутей	262
Повесть о Патани	281
Козни во дворце Патани (I—IV)	283
Певца Данг Сират	290
Повесть о Маронге Махавангсе (Кедахские аипалы)	294
Раджа-людоед	296
Шейх Абдуллах и повелитель бесов	302
<i>Бухари аль-Джаухари</i> . Корона царей	312
О Творце, человеке и мире	314
Об основах царства	318
О справедливости государей	323
О разуме	327
<i>Нуруддин ар-Ранири</i> . Сад царей	333
Султан Искандар Второй	334
Сад султана Аче	336
Государь и его богатство	339
Проницательность Имама Шафи'и	341
Милосердие Ибрахима ибн Адхама	342
Повесть о расколовшейся луне	343
Луна свидетельствует о пророческом сале Мухаммада	344
Повесть о Султани Ибрахиме ибн Адхаме	350
Запретный плод граната	351
Встреча с отцом	358
<i>Хамза Фансури</i> . Напиток влюбленных	361
Предисловие	363
Глава четвертая: в изъяснение того, что есть постижение Все-	
вышнего	364
Глава пятая: в изъяснение того, как проявляется Сущность	
Всевышнего	366
Глава шестая: в изъяснение Атрибутов Аллаха — преславыи Он	
и возвышен!	369
Глава седьмая: в изъяснение любви и благодарности	372
Тайны постигших	374
Автопортрет Хамзы-суфия	374
Комментарий	378
Глоссарий	386
Источники	389

2010

Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых

